Светлана Левашова

Откровение

Часть 1. Детство
Том 1. Пробуждение

2009

Аннотация

Светлана означает Несущая Свет. Очень редко бывают совпадения, когда предназначение человека, его дела и имя совпадают практически полностью, как у Светланы де Роган-Левашовой. Вся её жизнь с самого раннего детства была пронизана стремлением к Свету, к Знанию, к духовному развитию. Сказать, что её судьба необычна, это значит, ничего не сказать. С первых лет жизни ей пришлось приспосабливаться к тому, что она не такая, как все, к тому, что она может делать многое такое, что было непонятно и недоступно окружавшим её людям. Совсем ещё маленькой Светлане пришлось самой изучать и осваивать свои возможности, учиться контролировать их и правильно использовать. Она рано познала горечь непонимания и недоверия, зависти и жестокости, одиночества и ненависти. Чудесные способности, которыми она владела с детства, оказались непонятыми и невостребованными окружавшими её людьми; ей пришлось самой выживать и жить в этом мире — весьма опасном и коварном мире, особенно для одинокой маленькой девочки…

Текст с **иллюстрациями** можно посмотреть пока только на **сайте**.

www.levashov.org
www.levashov.info
www.levashov.name

Оглавление

Предисловие

Почему я решила написать эту книгу? Конечно же, не потому что считаю себя кем-то особенным или экстраординарным. Просто мне удалось прожить яркую, не совсем обычную жизнь, и если эта книга поможет хотя бы кому-то не чувствовать себя одиноким в нашем удивительном, но весьма жестоком мире, значит она была написана не напрасно.

Мы слишком привыкли облегчать нашу жизнь словами: «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда…», легко отбрасывая всё то, что не помещается в наши ***«общепризнанные, общеустановленные»*** рамки. Мы слишком привыкли верить, что все люди добры, и что по телевизору показывают «только правду», с которой, оказывается, очень удобно существовать. Ну, а всё, что приносит (или только может принести) нам неудобства или не помещается в этот наш «упорядоченный», но и так уж ***слишком проблемный*** мир, изгоняется нами из него без малейшего на то сожаления…

Эта книга именно о такой, не совсем «правильной» по общим понятиям жизни… Это история «маленькой отшельницы», потерянной в непонятном и иногда очень «шипастом» мире людей. Прошедшей долгий и весьма «тернистый» путь и, наконец, обретшей свою настоящую сущность, понимание жизни и так долго окружавших её чудес…

Я благодарна моему дедушке за те яркие и незабываемые воспоминания, которыми он наполнил мой детский мир, и те необыкновенные чудеса, которые, к сожалению, очень скоро стали «бичом» моего детского существования.

Я благодарна моему отцу, без поддержки которого я никогда не сумела бы пройти свою жизнь с высоко поднятой головой, не сломавшись и никогда не теряя веру в себя. Без любви и веры которого, моя жизнь никогда не смогла бы быть такой, какой она стала сейчас.

Я благодарна моей маме за её чудесную доброту и веру в меня, за её помощь и решительность, сохраняя мои «неординарные» способности.

Я благодарна моему чудесному сыну Роберту, за возможность чувствовать себя гордой матерью, за его открытое сердце и за его талант, а также за то, что он просто есть на этой земле.

И я всей душой благодарна моему удивительному мужу — Николаю Левашову — помогшему мне найти себя в моём «затерянном» мире, давшему мне понимание всего того, на что я мучительно пыталась найти ответы долгие годы, и открывшему для меня дверь в невероятный и неповторимый мир большого Космоса.

Ему, моему лучшему другу, без которого я не могла бы сегодня представить своего существования, я посвящаю эту книгу.

Пояснение первое

По мере того, как мы растём, взрослеем, стареем, наша жизнь наполняется множеством нам дорогих (а частично и совершенно ненужных) воспоминаний.

Всё это перегружает нашу и так уже чуть уставшую память, оставляя в ней лишь «осколки» давно произошедших событий и лица каких-то давным-давно встреченных людей.

Настоящее понемножку вытесняет прошлое, загромождая наш и так уже сильно «натруженный» мозг важными событиями сегодняшнего дня, и наше чудесное детство вместе с такой дорогой нам всем юностью, «затуманенные» потоком «важного сегодняшнего», постепенно уходят на второй план...

И какую бы яркую мы не прожили жизнь, и какой бы блестящей памятью не обладали, никто из нас не сможет восстановить с полной точностью события, происходившие сорок (или более) лет назад.

Иногда по неизвестным нам причинам какой-то человек или факт оставляет в нашей памяти неизгладимое впечатление и буквально «**впечатывается**» в неё навсегда, а иногда даже что-то очень важное просто исчезает в «вечнотекущем» потоке времени, и только случайный разговор с каким-то старым знакомым неожиданно «выхватывает» из закоулков нашей памяти какое-то исключительно важное событие и несказанно удивляет нас тем, что мы вообще могли такое как-то забыть!..

Перед тем, как я решилась написать эту книгу, я попыталась восстановить в своей памяти некоторые для меня важные события, которые я считала достаточно интересными, чтобы о них рассказать, но, к моему большому сожалению, даже обладая великолепной памятью, я поняла, что не смогу достаточно точно восстановить многие детали и особенно диалоги, которые происходили так давно.

Поэтому я решила воспользоваться самым надёжным и хорошо проверенным способом — **перемещением во времени** — для восстановления любых событий и их деталей с абсолютной точностью, **проживая заново именно тот день** (или дни), **когда выбранное мною событие должно было происходить**. Это было единственным верным для меня способом достичь желаемого результата, так как обычным «нормальным» способом и вправду абсолютно невозможно воспроизвести давно прошедшие события с такой точностью.

Я прекрасно понимала, что такая детальная точность до мельчайших подробностей воспроизведённых мною диалогов, персонажей и давно происходивших событий, может вызвать недоумение, а может даже и некоторую настороженность моих уважаемых читателей (а моим «недоброжелателям», если такие вдруг появятся, дать возможность назвать всё это просто «фантазией»), поэтому сочла своим долгом попытаться всё происходящее как-то здесь объяснить.

И даже если это мне не совсем удалось, то просто пригласить желающих приоткрыть со мной на какое-то мгновение «завесу времени» и прожить вместе мою странную и временами даже чуть-чуть «сумасшедшую», но зато очень необычную и красочную жизнь...

1. Начало

После стольких прошедших лет, для всех нас детство становится больше похожим на давно слышанную добрую и красивую сказку. Вспоминаются тёплые мамины руки, заботливо укрывающие перед сном, длинные солнечные летние дни, пока ещё не затуманенные печалями и многое, многое другое — светлое и безоблачное, как само наше далёкое детство…

Я родилась в Литве, в маленьком и удивительно зелёном городке Алитус, далеко от бурной жизни знаменитых людей и «великих держав». В нём жило в то время всего около 35 000 человек, чаще всего в своих собственных домах и домиках, окружённых садами и цветниками. Весь городок окружал древний многокилометровый лес, создавая впечатление огромной зелёной чаши, в которой тихо мирно ютился, живя своей спокойной жизнью, княжеский городок.

Он строился в 1400 году литовским князем Алитис на берегу широкой красавицы реки Нямунас. Вернее, строился замок, а вокруг уже позже обстраивался городок. Вокруг городка, как бы создавая своеобразную защиту, река делала петлю, а в середине этой петли голубыми зеркалами сияли три небольших лесных озера.

От старинного замка до наших дней, к сожалению, дожили только лишь руины, превратившиеся в огромный холм, с вершины которого открывается изумительный вид на реку. Эти руины были любимым и самым загадочным местом наших детских игр. Для нас это было местом духов и привидений, которые, казалось, всё ещё жили в этих старых полуразрушенных подземных тоннелях и искали своих «жертв», чтобы утащить их с собой в свой загадочный подземный мир… И только самые храбрые мальчишки отваживались идти туда достаточно глубоко, чтобы потом пугать всех оставшихся страшными историями.

2. Друг

Насколько я себя помню, большая половина моих самих ранних детских воспоминаний была связана именно с лесом, который очень любила вся наша семья. Мы жили очень близко, буквально через пару домов, и ходили туда почти каждый день. Мой дедушка, которого я обожала всем своим детским сердечком, был похож для меня на доброго лесного духа. Казалось, он знал каждое дерево, каждый цветок, каждую птицу, каждую тропинку… Он мог часами рассказывать об этом, для меня совершенно удивительном и незнакомом мире, никогда не повторяясь и никогда не уставая отвечать на мои глупые детские вопросы.

Эти утренние прогулки я не меняла ни на что и никогда… Они были моим любимым сказочным мирком, которым я не делилась ни с кем. К сожалению, только спустя слишком много лет я поняла, кем по-настоящему был мой дед (к этому я ещё вернусь). Но тогда это был просто самый близкий, тёплый и хрупкий человечек с яркими горящими глазами, который научил меня слышать природу, говорить с деревьями и даже понимать голоса птиц. Тогда я ещё была совсем

маленьким ребёнком и искренне думала, что это совершенно нормально. А может даже и не думала об этом вообще… Я помню моё первое знакомство с «говорящим» деревом… Это был старый огромный дуб, который был слишком объёмистым для моих маленьких детских ручонок.

— Видишь, какой он большой и добрый? Слушай его… Слушай... — как сейчас помнится тихий, обволакивающий дедушкин голос. И я услышала…

До сих пор ярко, как будто это случилось только вчера, я помню то, ни с чем не сравнимое чувство слияния с чем-то невероятно огромным и глубоким. Ощущение, что вдруг перед моими глазами начали проплывать странные видения каких-то чужих далёких жизней, не по-детски глубокие чувства радости и грусти… Знакомый и привычный мир куда-то исчез, а вместо него всё вокруг сияло, кружилось в непонятном и удивительном водовороте звуков и ощущений… Не было страха, было только огромное удивление и желание чтобы это никогда не кончалось...

Ребёнок — не взрослый, он не думает о том, что это неправильно или что этого (по всем нашим «знакомым» понятиям) не должно быть. Поэтому для меня совершенно не казалось странным, что это был другой, абсолютно ни на что не похожий мир. Это было чудесно, и это было очень красиво. И показал мне это человек, которому моё детское сердце доверяло со всей своей непосредственной, чистой и открытой простотой.

Природу я очень любила всегда. Я была «намертво» слита с любым её проявлением вне зависимости от места, времени или чьих-то желаний. С самых первых дней моего сознательного существования любимым местом моих каждодневных игр являлся наш огромный старый сад. До сих пор я буквально до мельчайших подробностей помню ощущение того неповторимого детского восторга, которое я испытывала, выбегая солнечным летним утром во двор!.. Я с головой окуналась в тот удивительно знакомый и в то же время такой загадочный и меняющийся мир запахов, звуков и совершенно неповторимых ощущений. Мир, который, к нашему общему сожалению, растёт и меняется соответственно тому, как растём и меняемся мы… И позже уже не остаётся ни времени, ни сил чтобы просто остановиться и прислушаться к своей душе.

Мы постоянно мчимся в каком-то диком водовороте дней и событий, гонясь каждый за своей мечтой и пытаясь во что бы то ни стало «добиться ***чего-то*** в этой жизни»… И постепенно начинаем забывать (если когда-то помнили вообще...) как удивительно красив распускающийся цветок, как чудесно пахнет лес после дождя, как невероятно глубока порой бывает тишина… и как не хватает иногда простого **покоя** нашей измученной каждодневной гонкой душе…

Обычно я просыпалась очень рано. Утро было моим любимым временем суток (что, к сожалению, полностью изменилось, когда я стала взрослым человеком). Я обожала слышать, как просыпается от утренней прохлады ещё сонная земля; видеть, как сверкают первые капли росы, ещё висящие на нежных цветочных лепестках и от малейшего ветерка бриллиантовыми звёздочками срывающиеся вниз. Как просыпается к новому дню ЖИЗНЬ… Это был по-настоящему **МОЙ мир**. Я его любила и была абсолютно уверена, что он бу-

дет со мной всегда…

В то время мы жили в старинном двухэтажном доме, сплошь окружённом огромным старым садом. Моя мама каждый день уходила на работу, а папа в основном оставался дома или уезжал в командировки, так как в то время он работал журналистом в местной газете, названия которой я, к сожалению, уже не помню. Поэтому почти всё своё дневное время я проводила с дедушкой и бабушкой, которые были родителями моего отца (как я узнала позже — его приёмными родителями).

3. Первые «ласточки»

Вторым моим самым любимым увлечением было чтение, которое так и осталось моей большой любовью навсегда. Я научилась читать в три года, что, как оказалось позже, было весьма ранним для этого занятия возрастом. Когда мне было четыре, я уже «взахлёб» зачитывалась своими любимыми сказками (за что и поплатилась на сегодняшний день своими глазами).

Я обожала жить с моими героями: сопереживала и плакала, когда что-то шло не так, возмущалась и обижалась, когда побеждало зло… А когда сказки имели счастливый конец — тут уж всё ярко сияло «розовым цветом», и мой день становился настоящим праздником. Смешно и грустно вспоминать эти удивительно чистые детские дни, когда всё казалось возможным, и всё было абсолютно реальным. Насколько реальным — я не могла тогда даже предположить. Это произошло, когда я с очередным упоением читала одну из своих любимых сказок. Ощущение было настолько ярким, что я помню, как будто это случилось только вчера: привычный мир вокруг меня вдруг куда-то исчез, и я оказалась в своей любимой сказке. Я имею в виду — **по-настоящему** оказалась. Всё вокруг было **реально живое**, движущееся, меняющееся… и абсолютно потрясающее. Я не знала точно, сколько я пробыла в этом удивительном мире, но когда это вдруг исчезло, внутри осталась какая-то болезненно-глубокая звенящая пустота…

Казалось, что наш «нормальный» мир вдруг потерял все свои краски, настолько ярким и красочным было моё странное видение. Я не хотела с ним расставаться, не хотела чтобы это кончалось… И вдруг почувствовала себя настолько «обделённой», что разревелась навзрыд и бросилась жаловаться всем, кого в тот момент нашла, о своей «невозвратимой потере»… Моя мама, которая к счастью в тот момент находилась дома, терпеливо выслушала мой сбивчивый лепет, и взяла с меня обещание пока не делиться своей «необыкновенной» новостью с друзьями.

Когда я удивлённо спросила: — Почему?

Мама растерянно сказала, что это пока будет нашим секретом. Я конечно согласилась, но это казалось чуточку странным, так как я привыкла открыто делиться всеми своими новостями в кругу своих друзей, и теперь это вдруг почему-то было запрещено. Постепенно моё странное «приключение» забылось, так как в детстве каждый день обычно приносит что-то новое и необычное. Но однажды это повторилось опять, и уже повторялось почти каждый раз, когда я

начинала что-то читать.

Я полностью погрузилась в свой удивительный сказочный мир, и он казался мне намного **реальнее**, чем все остальные привычные «реальности»… И я никак не могла понять своим детским умом, **почему** моя мама приходит во всё меньший и меньший восторг от моих вдохновенных рассказов…

Моя бедная добрая мама!.. Я могу только представить себе теперь, после стольких прожитых лет, что она должна была пережить! Я была её третьим и единственным ребёнком (после умерших при рождении моих брата и сестры), который вдруг погрузился **непонятно во что** и не собирается оттуда выходить!..

Я до сих пор благодарна ей за её безграничное терпение и старание понять всё, что происходило со мной тогда и все последующие «сумасшедшие» годы моей жизни. Думаю, что многим ей помог тогда мой дед. Так же, как он помогал и мне. Он находился со мной всегда, и наверное поэтому его смерть стала для меня самой горькой и невосполнимой потерей моих детских лет.

4. Потеря

Жгучая, незнакомая боль швырнула меня в чужой и холодный мир взрослых людей, уже никогда больше не давая возможности вернуться назад. Мой хрупкий, светлый, сказочный детский мир разбился на тысячи мелких кусочков, которых (я откуда-то знала) мне уже никогда не удастся полностью восстановить. Конечно же, я всё ещё оставалась малым шестилетним ребёнком, с моими грёзами и фантазиями, но в то же время я уже знала наверняка, что **не всегда этот наш удивительный мир бывает так сказочно красив**, и **не всегда в нём, оказывается, безопасно существовать…**

Я помню, как буквально за несколько недель до того страшного дня, мы сидели с дедушкой в саду и «слушали» закат. Дедушка почему-то был тихим и грустным, но эта грусть была очень тёплой и светлой, и даже какой-то глубоко доброй… Теперь-то я понимаю, что он тогда уже **знал**, что очень скоро будет уходить… Но, к сожалению, не знала этого я.

— Когда-нибудь, через много, много лет… когда меня уже не будет рядом с тобой, ты так же будешь смотреть на закат, слушать деревья… и может быть вспоминать иногда своего старого деда, — журчал тихим ручейком дедушкин голос. — Жизнь очень дорога и красива, малыш, даже если временами она будет казаться тебе жестокой и несправедливой... Что бы с тобой не случилось, запомни: у тебя есть самое главное — **твоя честь** и твоё **человеческое достоинство**, которых **никто у тебя не может отнять**, и **никто не может их уронить, кроме тебя**… Храни это, малыш, и не позволь никому тебя сломать, а всё остальное в жизни восполнимо...

Он качал меня, как маленького ребёнка, в своих сухих и всегда тёплых руках. И было так удивительно покойно, что я боялась дышать, чтобы случайно не спугнуть этот чудесный миг, когда согревается и отдыхает душа, когда весь мир кажется огромным и таким необычайно добрым… как вдруг до меня дошёл смысл его слов!!!

Я вскочила, как взъерошенный цыплёнок, задыхаясь от возмущения и, как назло, никак не находя в своей «взбунтовавшейся» голове таких нужных в этот момент слов. Это было так обидно и совершенно несправедливо!.. Ну почему в такой чудесный вечер ему вдруг понадобилось заводить речь о том грустно-**неизбежном**, что (уже понимала даже я) рано или поздно должно будет произойти?!. Моё сердце не хотело этого слушать и не хотело такого «ужаса» принимать. И это было совершенно естественно — ведь все мы, даже дети, настолько не хотим признавать себе этот грустный факт, что притворяемся, будто оно **не произойдёт никогда**. Может быть с **кем-то, где-то, когда-то**, но только **не с нами**... и **никогда**…

Естественно, всё обаяние нашего чудесного вечера куда-то исчезло и уже не хотелось ни о чём больше мечтать. Жизнь опять же давала мне понять, что, как бы мы ни старались, **не столь уж и многим нам по-настоящему дано право в этом мире располагать**… Смерть моего дедушки по-настоящему перевернула всю мою жизнь в буквальном смысле этого слова. Он умер на моих детских руках, когда мне было всего-навсего шесть лет. Случилось это ранним солнечным утром, когда всё вокруг казалось таким счастливым, ласковым и добрым. В саду радостно перекликались первые проснувшиеся птицы, весело передавая друг другу последние новости. Только-только открывала свои умытые утренней росой глаза разнеженная последним утренним сном розовощёкая заря. Воздух благоухал удивительно «вкусными» запахами летнего буйства цветов.

Жизнь была такой чистой и прекрасной!.. И уж никак невозможно было представить, что в такой сказочно-чудесный мир могла вдруг безжалостно ворваться беда... Она просто **не имела на это никакого права**!!! Но не напрасно же говорится, что беда всегда приходит незванно, и никогда не спрашивает разрешения войти. Так и к нам в это утро она вошла не постучавшись, и играючи разрушила мой, так вроде бы хорошо защищённый, ласковый и солнечный детский мир, оставив только нестерпимую боль и жуткую, холодную пустоту первой в моей жизни утраты…

В это утро мы с дедушкой, как обычно, собирались пойти в наш любимый лес за земляникой, которую я очень любила. Я спокойно ждала его на улице, как вдруг мне почудилось, что откуда-то подул пронизывающий ледяной ветер, и на землю опустилась огромная чёрная тень. Стало очень страшно и одиноко… В доме кроме дедушки в тот момент никого не было, и я решила пойти посмотреть, не случилось ли с ним чего-то. Дедушка лежал на своей кровати очень бледный и я почему-то сразу поняла, что он умирает. Я бросилась к нему, обняла и начала трясти, пытаясь во что бы то ни стало вернуть назад… Потом стала кричать, звать на помощь. Было очень странно — никто меня почему-то не слышал и не приходил, хотя я знала, что все находятся где-то рядом и должны меня услышать наверняка. Я тогда ещё не понимала, что это кричала моя душа…

У меня появилось жуткое ощущение, что время остановилось, и мы оба в тот момент находимся вне его. Как будто кто-то поместил нас обоих в стеклянный шар, в котором не было ни жизни, ни времени… И тут я почувствовала, как все волосы на голове встают дыбом. Я никогда не забуду этого ощущения,

даже если проживу сто лет!..

Я увидела прозрачную светящуюся сущность, которая вышла из тела моего дедушки и, подплыв ко мне, начала мягко в меня вливаться… Сначала я сильно испугалась, но сразу же почувствовала успокаивающее тепло и почему-то поняла, что ничего плохого со мной не может случиться. Сущность струилась светящимся потоком, легко и мягко вливаясь в меня, и становилась всё меньше и меньше, как бы понемножку «тая»... А я ощущала своё тело огромным, вибрирующим и необычайно лёгким, почти что «летящим».

Это был момент слияния с чем-то необыкновенно значительным, всеобъемлющим, чем-то невероятно для меня важным. А потом была жуткая, всепоглощающая боль потери… Которая нахлынула чёрной волной, сметая на своём пути любую мою попытку ей противостоять… Я так плакала во время похорон, что мои родители начали бояться, что заболею…

Боль полностью завладела моим детским сердечком и не хотела отпускать… Мир казался пугающе холодным и пустым… Я не могла смириться с тем, что моего дедушку сейчас похоронят, и я не увижу его уже никогда!.. Я злилась на него за то, что он меня оставил, и злилась на себя, что не сумела его спасти. Жизнь была жестокой и несправедливой... И я ненавидела её за то, что приходилось его хоронить. Наверное, поэтому это были первые и последние похороны, при которых я присутствовала за всю мою дальнейшую жизнь…

5. Реальность

После я ещё очень долго не могла придти в себя, стала замкнутой, и очень много времени проводила в одиночестве, чем до глубины души огорчала всех своих родных. Но мало-помалу жизнь брала своё. И спустя какое-то время я потихонечку начала выходить из того глубоко изолированого состояния, в которое погрузила себя сама, и выходить из которого оказалось весьма и весьма непросто... Мои терпеливые и любящие родители пытались мне помочь, как могли. Но при всём их старании, они не знали, что по-настоящему я больше уже не была одна — что мне, после всех моих переживаний, вдруг открылся ещё более необычный и фантастический мир, чем тот, в котором я уже какое-то время жила. Мир, который превосходил своей красотой любые воображаемые фантазии, и который (опять же!) подарил мне со своей необыкновенной сущностью мой дед... Это было ещё более удивительно чем всё то, что происходило со мною раньше. Только почему-то на этот раз мне уже не хотелось ни с кем этим делиться…

Дни шли за днями. В моей повседневной жизни я была абсолютно **нормальным** шестилетним ребёнком, который имел свои радости и горести, желания и печали и такие неисполнимо-радужные детские мечты… Я гонялась за голубями, обожала ходить с родителями к реке, играла с друзьями в детский бадминтон, помогала, в силу своих возможностей, маме и бабушке в саду, читала свои любимые книжки, училась игре на фортепиано. Другими словами — жила самой нормальной обычной жизнью всех маленьких детей. Только беда-то была

в том, что **Жизни** у меня к тому времени были уже **две**… Я как будто жила в двух совершенно разных мирах: первый — это был наш обычный мир, в котором мы все каждый день живём, и второй — это был мой собственный «скрытый» мир, в котором жила только моя душа. Мне становилось всё сложнее и сложнее понять, **почему то, что происходило со мной, не происходило ни с одним из моих друзей?**

Я стала чаще замечать, что, чем больше я делилась своими «невероятными» историями с кем-либо из моего окружения, тем чаще чувствовалась с их стороны странная отчуждённость и недетская настороженность. Это ранило, и от этого становилось очень грустно. Дети любопытны, но они не любят непонятное. Они всегда как можно быстрее стараются докопаться своим детским умом до сути происходящего, действуя по принципу: «что же это такое и с чем его едят?»… И если они не могут этого понять — оно становится «чужеродным» для их повседневного окружения и очень быстро уходит в забытье. Вот таким «чужеродным» понемножку начала становиться и я…

Я начала постепенно понимать, что мама была права, советуя не рассказывать обо всём моим друзьям. Вот только я никак не могла понять — **почему** они не хотят этого знать, ведь это было так интересно! Так, шаг за шагом, я пришла к грустному пониманию, что я, должно быть, **не совсем** такая, как все. Когда я однажды спросила маму об этом «в лоб», она мне ответила, что я не должна грустить, а наоборот, должна гордиться, потому что это — особый талант. Честно говоря, я никак не могла понять, что же это за такой талант, от которого шарахались все мои друзья?.. Но это была реальность, и мне приходилось с ней жить. Поэтому я пробовала к ней как-то приспособиться и старалась как можно меньше распространяться о своих странных «возможностях и талантах» в кругу своих знакомых и друзей…

Хотя иногда это проскальзывало помимо моей воли, как, например, я часто **знала,** что произойдёт в тот или другой день или час с тем или иным из моих друзей и хотела им помочь, предупреждая об этом. Но, к моему великому удивлению, они **предпочитали ничего не знать** и злились на меня, когда я пыталась им что-то объяснить. Тогда я впервые поняла, что **не все люди любят слышать правду, даже если эта правда могла бы им как-то помочь**… И это открытие, к сожалению, принесло мне ещё больше печали.

6. Первый контакт

Спустя шесть месяцев после смерти моего дедушки случилось событие, которое, по моему понятию, заслуживает особого упоминания. Была зимняя ночь (а зимы в то время в Литве были очень холодные!). Я только что легла спать, как вдруг почувствовала странный и очень мягкий «призыв». Как будто кто-то звал меня откуда-то издалека. Я встала и подошла к окну. Ночь была очень тихая, ясная и спокойная. Глубокий снежный покров блистал и переливался холодными искрами по всему спящему саду, как будто отблеск множества звёзд спокойно ткал на нём свою сверкающую серебряную паутину. Было так

тихо, как будто мир застыл в каком-то странном летаргическом сне…

Вдруг прямо перед моим окном я увидела светящуюся фигуру женщины. Она была очень высокой, выше трёх метров, абсолютно прозрачной и сверкала, как будто была соткана из миллиардов звёзд… Я почувствовала странное тепло, исходящее от неё, которое обволакивало и как бы звало куда-то. Незнакомка взмахнула рукой, приглашая следовать за ней. И я пошла. Окна в моей комнате были очень большими и низкими, нестандартными по нормальным меркам. Внизу они доходили почти до земли, так что я могла свободно в любое время вылезти наружу. Я последовала за своей гостьей не испытывая ни малейшего страха. И что было очень странно — абсолютно не чувствовала холода, хотя на улице в тот момент было градусов двадцать ниже нуля, а я была только в моей детской ночной рубашонке.

Женщина (если её можно так назвать) опять взмахнула рукой, как бы приглашая следовать за собой. Меня очень удивило, что **нормальная** «лунная дорога», вдруг изменив своё направление, «последовала» за незнакомкой, как бы создавая светящуюся тропинку. И я поняла, что должна идти именно туда. Так я проследовала за моей гостьей до самого леса. Везде была такая же щемящая, застывшая тишина. Всё вокруг сверкало и переливалось в молчаливом сиянии лунного света. Весь мир как будто замер в ожидании того, что должно было вот-вот произойти. Прозрачная фигура двигалась дальше, а я, как завороженная, следовала за ней. Всё так же не появлялось чувство холода, хотя, как я потом поняла, я всё это время шла босиком. И что также было весьма странным, мои ступни не проваливались в снег, а как будто плыли по поверхности, не оставляя на снегу никаких следов...

Наконец мы подошли к небольшой круглой поляне. И там… освещённые луной, по кругу стояли необыкновенно высокие сверкающие фигуры. Они были очень похожи на людей, только абсолютно прозрачные и невесомые, как и моя необычная гостья. Все они были в длинных развевающихся одеждах, похожих на белые мерцающие плащи. Четыре фигуры были мужскими, с абсолютно белыми (возможно седыми), очень длинными волосами, перехваченными ярко светящимися обручами на лбу. И две фигуры женские, которые были очень похожими на мою гостью, с такими же длинными волосами и огромным сверкающим кристаллом в середине лба. От них исходило то же самое успокаивающее тепло, и я каким-то образом понимала, что со мной ничего плохого не может произойти.

Я не помню, как очутилась в центре этого круга. Помню только, как вдруг от всех этих фигур пошли ярко светящиеся зелёные лучи и соединились прямо на мне, в районе, где должно было быть моё сердце. Всё моё тело начало тихо «звучать»… (не знаю, как можно было бы точнее определить моё тогдашнее состояние, потому что это было именно ощущение **звука внутри**). Звук становился всё сильнее и сильнее, моё тело стало невесомым, и я повисла над землёй так же, как эти шестеро фигур. Зелёный свет стал нестерпимо ярким, полностью заполняя всё моё тело. Появилось ощущение невероятной лёгкости, будто я вот-вот собиралась взлететь. Вдруг в голове вспыхнула ослепительная радуга,

как будто открылась дверь, и я увидела какой-то совершенно незнакомый мир. Ощущение было очень странным — как будто **я знала** этот мир очень давно и в то же время, **не знала его никогда**.

Как мне позже объяснил мой муж, я увидела в тот момент **Священную Даарию**, далёкую и удивительную прародину наших предков. Но тогда я была всего лишь маленькой девочкой и видела только необыкновенной красоты хрустальный город, похожий на один из удивительных городов моих сказок… Потом эти видения вдруг исчезли и появились другие, уже совершенно непонятные. Перед моими глазами проплывал мощный искрящийся поток каких-то незнакомых знаков, похожих на странные и очень красивые буквы… (которые я узнала намного позже, читая старинные славянские Веды). Я увидела огромную хрустальную лестницу, такую высокую, что создавалось впечатление, как будто она идёт в никуда. И один из шести показал, что я должна идти по ней наверх.

Это было необыкновенно — я совершенно не чувствовала своего тела, оно было полностью невесомым! На самом верху ждали ещё шесть высоких светящихся фигур, на голове одной из которых сверкала изумительной красоты корона. Она сияла и переливалась миллионами цветов (которых я никогда не видела на Земле!) и всё время меняла форму. Потом я конечно узнала, что это были просто энергетические структуры очень высокой сущности (которые чаще всего напоминают корону), но тогда это было по-настоящему абсолютно необыкновенно и до боли красиво…

Я опять каким-то образом оказалась в кругу, только теперь светящихся фигур вокруг меня уже было двенадцать. Опять послышалось удивительное звучание. И я увидела себя в странном хрустальном яйце, которое было как бы собрано из множества бриллиантовых кристалликов. Фигуры куда-то исчезли, осталась только я одна. Вдруг каждый из этих кристалликов начал ярко светиться, и я почувствовала себя совершенно «дырявой». Как будто в моём теле вдруг открылись миллионы дырок, через которые из каждого кристаллика в меня полилась какая-то странная тёплая музыка. Было так удивительно хорошо, что захотелось плакать… Больше я не помнила ничего.

Очнулась я утром в своей комнате, прекрасно помня каждую деталь случившегося прошедшей ночью и абсолютно точно зная, что это был **не сон** и **не моё воображение**, а что это было **настоящее** и **реальное** — как это было со мною всегда. Но даже если бы мне очень хотелось в этом сомневаться, последующие события начисто стёрли бы самые скептические мои детские мысли, если бы таковые даже имелись.

7. Тест

Мои странные «прогулки» теперь повторялись каждую ночь. Я уже не ложилась спать, а с нетерпением ждала, когда же, наконец, в доме все уснут, и всё вокруг погрузится в глубокую ночную тишину, чтобы можно было (не боясь оказаться «застуканной») в очередной раз полностью окунуться в тот необыкновенный и загадочный, «другой» мир, в котором я уже почти что привыкла

бывать. Я ждала появления моих новых «друзей» и каждый раз заново даримого удивительного чуда. И хотя я никогда не знала, кто из них придёт, но всегда знала, что **придут непременно**... И кто-бы из них не пришёл, он вновь подарит мне очередное сказочное мгновение, которое я буду очень долго и бережно хранить в своей памяти, как в закрытом волшебном сундучке, ключи от которого имела только я одна…

Но однажды не появился никто. Была очень тёмная безлунная ночь. Я стояла прижавшись лбом к холодному оконному стеклу и неотрываясь смотрела на покрытый мерцающим снежным саваном сад, стараясь до боли в глазах высмотреть что-то движущее и знакомое, чувствуя себя глубоко одинокой и даже чуточку «по-предательски» брошенной… Было очень грустно и горько, и хотелось плакать. Знала, что теряю что-то невероятно для меня важное и дорогое. И как бы я ни старалась себе доказать, что всё хорошо, и что они всего-навсего просто «опаздывают», в глубине души я очень боялась, что может быть они уже не придут никогда… Было обидно и больно и никак не хотелось в это поверить. Моё детское сердце не желало мириться с такой «жуткой» потерей и не желало признать, что это всё же **должно** будет когда-то произойти, только вот я ещё не знала — когда. И мне дико хотелось отодвинуть этот злосчастный миг как можно дальше!

Вдруг что-то за окном по-настоящему начало меняться и знакомо мерцать! Я поначалу подумала, что это наконец-то появляется кто-то из моих «друзей», но вместо знакомых светящихся сущностей я увидела странный «хрустальный» туннель, начинавшийся прямо у моего окна и уходивший куда-то в даль. Естественно, первым моим побуждением было, долго не раздумывая, броситься туда… Но тут вдруг показалось чуточку странным, что я не чувствую того обычного тепла и спокойствия, которые сопровождали каждое появление моих «звёздных» друзей.

Как только я об этом подумала, «хрустальный» туннель стал на глазах меняться и темнеть, превращаясь в странную очень тёмную «трубу» с длинными движущимися щупальцами внутри. И болезненное, неприятное давление сжало голову, очень быстро перерастая в дикую взрывающуюся боль, грозясь размозжить все мозги вообще. Тогда я впервые по-настоящему почувствала, какой жестокой и сильной может быть головная боль (которая в дальнейшем, только по уже совершенно другим причинам, будет отравлять мою жизнь целых девятнадцать лет). Мне стало по-настоящему страшно. Не было никого, кто мог бы мне помочь... Весь дом уже спал. Но если даже и не спал бы, я всё равно не смогла бы никому объяснить, что же тут такое стряслось…

Тогда, находясь уже почти что в настоящей панике, я вспомнила о существе с изумительной красоты короной и мысленно позвала его на помощь… Казалось бы — глупо?.. Но головная боль мгновенно ушла, уступая место дикому восторгу, так как я вдруг опять увидела, уже знакомый, сверкающий город и моих дивных, необыкновенных друзей. Они почему-то все очень тепло, как бы с одобрением, улыбались, излучая удивительно яркий зелёный свет вокруг своих искрящихся тел. Как оказалось позже, я, совершенно того не подозревая, прошла

в тот вечер **первый в своей жизни тест**, которых, правда, потом будет очень и очень много. Но это было тогда, и это было только начало...

Я была всего лишь ребёнком и не могла тогда ещё подозревать, что в тех «других», невероятно красивых и «чистых» мирах могут также находиться и плохие, или, как мы их называем, «чёрные» сущности… Которые, как рыбу на крючок, ловят вот таких «зелёненьких», только-что вылупившихся птенцов (каким в то время была я) и с радостью пожирают их бушующую жизненную силу или просто подключают к какой-то своей «чёрной» системе уже навсегда. И к сожалению, мало найдётся таких «птенцов», которые смогли бы когда-то освободиться, если не знали как, и не имели нужный для этого потенциал.

Поэтому я даже не могла предположить насколько сильно мне тогда повезло, что в нужный момент я каким-то образом **сумела увидеть** совсем не то, что мне очень упорно кто-то пытался внушить… (я думаю, что сама того не понимая, сумела **просканировать** создавшуюся ситуацию уже тогда). И если бы не мой удивительный «коронованный» друг, которого я, дико напуганная, очень своевременно позвала, никто не знает, в каком из далёких «чёрных» миров моя сущность обитала бы сейчас, если бы она вообще до сих пор всё ещё была бы жива... Вот почему и было столько радостного тепла и света в сердцах моих «звёздных» друзей. И думаю, что это, к сожалению, также явилось одной из главных причин нашего прощания. Они считали, что я уже готова **думать самостоятельно**. Хотя так совершенно не считала я…

8. Прощание

Ко мне подошли две женские сущности и как бы обняли с обеих сторон, хотя физически я этого абсолютно не чувствовала. Мы оказались внутри необычного строения, напоминавшего огромную пирамиду, все стены которой были сплошь и полностью исписаны странными незнакомыми письменами. Хотя, присмотревшись, я поняла, что уже видела такие же письмена в самый первый день нашей встречи. Мы стояли в центре пирамиды, как вдруг я почувствовала странный «электроток» исходящий от обеих женских сущностей прямо в меня. Ощущение было таким сильным, что меня качало из стороны в сторону и казалось, что внутри начинает что-то расти…

Потом мужская сущность со сверкающей короной протянула руки в мою сторону и… мир изменился… Вокруг меня закружился ослепляюще яркий хрустальный смерч, который полностью «изолировал» меня от находящихся там друзей. Когда смерч распался, вокруг меня была странная чёрная голая Земля… Я находилась непонятно где и, опять же, была совершенно одна. Но почему-то не было страшно. Я чувствовала, что мне пытаются что-то показать и, что я обязательно должна постараться это увидеть. Вдруг появилось весьма жуткое ощущение **абсолютной пустоты**. Не было ничего — ни света, ни звуков, ни опоры под ногами. Я висела «нигде»…

Единственное, что я видела перед собой, был светящийся шар (как я теперь понимаю, это была Земля). А внутри него пылало зелёным огнём яркое «яйцо».

Потом оно начало расти и меняться, становясь всё ярче и прозрачнее. От него во все стороны потянулись сотни зелёных «мостов», а на конце каждого из них была «другая» Земля… Я не знаю, как это можно по-другому объяснить, но это и в правду была наша Земля, только каждая из них выглядела совершенно по-разному, как будто находилась в другом времени или измерении…

Я не понимала, что это было, но совершенно точно знала, что должна это запомнить. И старалась, как только могла. Вдруг всё исчезло, и я снова оказалась внутри той же самой огромной пирамиды и увидела всех своих сияющих «друзей». Их было опять двенадцать, и они так же, как в самый первый раз, стояли по кругу, а я — внутри. Только на этот раз, кроме исходящего от них тепла, я чувствовала ещё и странную глубокую грусть. И я поняла, что они пришли прощаться…

К своему великому удивлению, я восприняла это очень спокойно, как будто **знала**, что это не навсегда. Они подходили по одному и клали мне правую руку на грудь, отчего становилось необыкновенно тепло и спокойно. Прикосновение каждого оставляло на мне разный светящийся цвет, и под конец моё тело сияло двенадцатью изумительно яркими, меняющимися цветами. Я опять услышала странную музыку внутри себя, и всё исчезло… Больше я не помнила ничего.

9. Пробуждение

С двояким чувством, одновременно потери и счастья, я тихо возвращалась домой. И вот тут-то меня ждал бо-ольшой сюрприз. Моя мама, в полуобморочном состоянии, ждала меня в моей комнате. Мир перевернулся, и я в тихом ужасе бухнулась со своих «сверкающих грёз» в безжалостную реальность… Я не могла лгать. Но я абсолютно не знала, что сказать. И ещё я чувствовала, что мама прекрасно **знает**, что это **что-то** опять же как-то связано с моими «странными талантами», разговора о которых ни она, ни я, к сожалению, не сможем избежать…

К моему огромному облегчению, в ту ночь она не сказала ничего. Возможно, даже и не знала, что сказать. Но на следующее утро окна в моей комнате надёжно заколотили. Мама не возвращалась к этому происшествию ещё недели две, как бы давая мне время осмыслить «содеянное». Но мне от этого, конечно же, ни чуточку легче не становилось. Папа в то время был в командировке, и я от всего сердца надеялась, что может быть всё-таки как-то «пронесёт» и до его приезда всё забудется. Но, не тут-то было… В одно прекрасное утро, перед уходом на работу, мама сказала, что хочет со мной поговорить. Ну и естественно, для меня не было большого секрета, о чём…

Мама была, как всегда, ласковой и тёплой, но я всем своим нутром чувствовала, что вся эта история её гнетёт и что она по-настоящему не знает с чего начать. Мы говорили очень долго. Я, как могла, пыталась ей объяснить, как много всё это для меня значит и, как страшно было бы для меня всё это потерять... Но кажется, на этот раз я её по-настоящему напугала и мама заявила, что, если я не хочу чтобы она рассказала всё это отцу, когда он вернётся из коман-

дировки домой, я должна обещать, что такое больше не повторится никогда.

Она не понимала, что все эти мои странные диковатые «сюрпризы» отнюдь **не происходят по моему желанию**, и что я почти никогда не знаю, когда одно или другое произойдёт… Но так как мнение отца для меня значило больше, чем всё остальное, я дала маме обещание, что не буду делать ничего такого, насколько конечно это будет зависеть от меня. На этом и порешили.

10. Будни

Я честно, как все нормальные дети, ходила в школу, делала уроки, играла с моими «обычными» друзьями… и безмерно скучала о других, о моих необыкновенных, сверкающих «звёздных друзьях». Школа, к сожалению, тоже имела для меня свои сложности. Я начала ходить с шести лет, так как при проверке оказалось, что я могла бы пойти в 3-4 класс, что, естественно, никому не понравилось. Мои школьные друзья считали, что мне даётся всё слишком легко, а их мамы меня за это просто почему-то невзлюбили. И получилось, что в школе я почти всё время тоже проводила одна.

У меня была только одна настоящая школьная подруга, девочка, с которой мы просидели за одной партой все двенадцать школьных лет. А с остальными детьми отношения почему-то всё не налаживались. И не потому, что мне этого не хотелось или потому, что я не старалась — наоборот. Просто у меня всегда было очень странное ощущение, как будто мы все живём на разных полюсах... Домашние задания я почти никогда не делала или, вернее — делала, но это у меня занимало всего несколько минут. Родители, конечно же, всегда всё проверяли, но так как обычно ошибок не находилось, у меня оставалось очень много свободного времени. Я ходила в музыкальную школу (училась игре на фортепиано и пению), занималась рисованием, вышивала и очень много читала. Но всё равно свободного времени у меня всегда оставалось предостаточно.

Была зима. Все соседские мальчишки катались на лыжах, потому что все они были старше меня (а как раз-то они и были в то время моими лучшими друзьями). А мне доставалось только лишь катание на санках, которое, по моему понятию, годилось только для малышей. И, конечно же, мне тоже дико хотелось покататься на лыжах!..

Наконец-то мне каким-то образом удалось «достать» мою мягкосердечную маму, и она купила мне самые маленькие миниатюрные лыжи, какие только можно было достать. Я была на седьмом небе от счастья!!! Тут же помчалась оповестить соседских мальчишек и в тот же день была готова проверить свою обновку. Обычно они ходили кататься на большую гору около реки, где когда-то был княжеский замок. Горки там были весьма и весьма высокие и, чтобы с них спускаться, требовались хотя бы какие-то навыки, которых у меня в тот момент, к сожалению, ещё не было…

Но, естественно, я не собиралась никому уступать. Когда наконец-то, пыхтя и потея (несмотря на 25 градусный мороз!), я вскарабкалась за остальными наверх, мне, честно говоря, стало очень страшно. Ромас, один из мальчишек,

спросил, не желаю ли я сперва посмотреть, как они будут спускаться, но я естественно же, сказала нет... и выбрала самую высокую горку. Вот тут-то, как говорится, «боженька меня и покарал»…..

Я точно не помню, как мне хватило смелости оттолкнуться и пуститься вниз. Но, что я прекрасно помню — так это настоящую жуть от дико свистящего ветра в ушах и картинку слишком быстро приближающихся деревьев внизу… К моему счастью, я не врезалась в дерево, но со всего размаху грохнулась об огромный пень… Мои бедные новенькие лыжи разлетелись в щепки, а я отделалась маленьким ушибом, которого от возмущения даже не почувствовала. Так плачевно закончилась моя короткая, но весьма красочная, лыжная «эпопея»… Правда, намного позже я очень полюбила лыжи и каталась часами с папой в зимнем лесу, но уже никогда не любила горки.

После такого обидного фиаско с моими «спортивными приключениями», далее заниматься каким-то зимним спортом у меня естественно никакого желания не было. Поэтому, чтобы хоть как-то заполнить мои всё ещё остающиеся свободные часы, я старалась как можно больше читать. И тут опять произошло кое-что непредвиденно-новенькое…

Я читала заданный урок, которой мне не очень нравился и, естественно, мне очень хотелось его быстрее закончить. Вдруг я заметила, что читаю как-то уж очень быстро. Оказалось, что я читаю не так, как привычно — горизонтально, а **вертикально** — сверху вниз… Сначала я сама очень удивилась. Это было непривычно и чуточку странно. Но так как к странностям мне было не привыкать, я попробовала опять. И это правда оказалось намного быстрее. С этого дня я уже почти всегда читала «сверху вниз», только от этого почему-то намного больше уставали глаза. Но зато, это было быстрее и в дальнейшем способ «быстрого чтения», как я его называла, спасал меня много раз.

Другие чудеса тоже происходили постоянно, но я уже стала намного осторожнее и не спешила ими делиться даже с самыми близкими мне людьми. Поначалу было от этого чуточку грустно и горько, но потом я привыкла, и казалось, что жизнь **должна быть именно такой**, во всяком случае, моя. Одиночество не создано для ребёнка, точно так же, как и не создан для него он… Но к сожалению, временами жизнь бывает с нами безжалостна и не обращает внимания, нравится нам то или иное или нет. А также возможно, что всё это происходит по каким-то, до поры до времени скрытым от нас, причинам, смысл которых, позже открывшись, сильно кого-то из нас удивит, а кого-то так и оставит долго и грустно гадать: «а что же с нами было бы, если бы»…

11. Соседи

Моя «шестая» зима уже нехотя отступала, оставляя после себя рваные борозды на некогда таком девственно чистом лице земли. Снежные сугробы безжалостно «оседали», теряя свою гордую белизну и превращаясь в грязные комья льда, стыдливо таяли, рождая множество весёлых ручейков, которые, игриво перешёптываясь, весело бежали по уже начинающим кое-где зеленеть склонам и

дорожкам. Дни стояли ясные, прозрачные и безветренные. В воздухе уверенно благоухали «зелёные» запахи весны, и разливалось почти уже настоящее тепло, от чего всё больше просыпалась ещё сонная от зимней спячки земля. В очередной раз рождалась новая жизнь...

Я, как и все дети, обожала весну. Казалось, что мы тоже, как сонные медвежата, вылезали после долгой спячки из своих «берлог» и радостно подставляли свои улыбающиеся мордашки для поцелуя первым ласковым солнечным лучам. И доброе солнышко с удовольствием «разукрашивало» россыпями веснушек наши детские щёки и носы, вызывая тёплые улыбки наших мам... Дни потихонечку становились длиннее, и на нашей улице всё больше и больше старушек выходило со своими скамеечками посидеть у крылечка и порадоваться тёплым солнечным лучам.

Я очень любила нашу добрую тихую улицу. Она была не очень широкой и не слишком длинной, как я всегда её называла — домашней. Одним концом она упиралась в лес, другим же — в огромное ромашковое поле (на месте которого намного позже, к великому моему сожалению, была построена местная железнодорожная станция). На нашей, тогда ещё утопающей в зелени улице ютились всего около двадцати частных домов. Это было «благословенное» время, когда ещё не было телевизоров (первый у нас появился, когда мне было девять лет) и люди просто **общались**.

Мы все хорошо знали друг друга и жили, как будто это была одна большая дружная семья. Кого-то любили, кого-то не очень... Но каждый знал, что если у него случится беда, к нему всегда кто-то придёт на помощь, и никогда не случалось, чтобы кто-то остался в стороне. Даже самые «вредные» старались помочь, хотя позже они, конечно, так или иначе, не забывали об этом припомнить. Я отнюдь не пытаюсь показать романтическую идилличность места и времени, в котором я жила и тем более уменьшить значимость любого появлявшегося «прогресса». Но я никогда не смогу забыть, насколько теплее и чище люди были тогда, когда их души и умы не отягощались **чужеродным** «туманом благополучия» и «умственной грязью» этого же самого «прогресса».

Всего на всей нашей улице жило в моё время двенадцать мальчишек и четыре девчонки, все мы были разного возраста и имели разные интересы. Но несмотря на это, было одно любимое всеми нами летнее время — вечернее, когда все собирались вместе и делали что-то, в чём могли участвовать все, как уже подросшие дети, так и малыши. И нашим бедным родителям всегда было весьма сложно, когда приходилось загонять свои «чада» домой, отрывая от какой-то (конечно же, всегда потрясающей!) незаконченной истории или игры…

И вот даже здесь, в самом кажется безобидном уголке моей жизни я опять получила очередной горькой урок о том, что будет лучше, если свои странные «способности» я буду держать всегда при себе. Получалось так, что в какую бы игру мы не играли, я всегда заранее **знала** её результат, будь то прятки или загадки, или просто какие-то истории. И поначалу я была искренне уверена, что так оно и должно быть. Я радовалась, когда выигрывала (а это в принципе получалось почти всегда) и совершенно не понимала почему это вызывает «глухую

ярость» моих друзей, хотя обычно они относились ко мне очень хорошо. И вот однажды видимо одного из них «прорвало», и после очередного моего успеха он зло сказал:

— Мы не хотим больше с тобой играть, если ты не перестанешь показывать свои противные «штучки»…

Для меня это был шок, потому что никаких таких «штучек», а уж тем более, противных, я не показывала и вообще не могла понять, о чём идёт речь. Я даже никогда не задумывалась, **почему** я знаю наперёд тот или иной ответ — для меня это было абсолютно нормально. А вот оказалось, что для всех остальных — не совсем. Я пришла домой вся разобиженная и закрылась в своей комнате, чтобы попереживать это в «своём углу»… Но к сожалению, у моей бабушки было железное чутьё на мои неудачные «приключения». Она всегда **знала**, если что-то не так, и отпираться было абсолютно бесполезно.

И, конечно же, она, как обычно, появилась у меня буквально через минуту и застала меня всю в слезах. Я никогда не была плаксой... Но я всегда тяжело переносила горечь несправедливых обвинений. Особенно, когда они исходили от самых близких друзей. Ведь **по-настоящему ранить могут только друзья**, потому что их слова проникают прямиком в сердце.

— Ничего, вот увидишь, время пройдёт — всё забудется, — успокаивала бабушка, — обида не дым, глаза не выест.

Глаза-то, может быть, и нет, а вот, сердце каждая новая капля выедала, да ещё как! Я была ещё всего лишь ребёнком, но уже знала многое из того, что «**лучше не надо показывать**» или «**лучше не говорить**»… И я училась не показывать. После того маленького инцидента во время игры я уже старалась больше не показывать, что я знаю больше чем другие и опять было всё хорошо. Да только, хорошо ли?

12. Пряники

Лето пришло совершенно незаметно. И именно этим летом (по маминому обещанию) я должна была впервые увидеть море. Я ждала этого момента ещё с зимы, так как море было моей давнишней «великой» мечтой. Но по совершенно глупой случайности моя мечта чуть было не превратилась в прах. До поездки оставалось всего пару недель, и мысленно я уже почти «сидела на берегу»... Но, как оказалось, до берега было ещё далеко. Был приятный тёплый летний день. Ничего особенного не происходило. Я лежала в саду под своей любимой старой яблоней, читала книжку и мечтала о своих любимых пряниках… Да, да, именно о пряниках. Из маленького соседского магазинчика.

Не знаю, ела ли я после когда-нибудь что-либо вкуснее? Даже после стольких лет я до сих пор прекрасно помню потрясающий вкус и запах этого, тающего во рту, изумительного лакомства! Они всегда были свежие и необыкновенно мягкие, с плотной сладкой корочкой глазури, лопающейся от малейшего прикосновения. Одурительно пахнущие мёдом и корицей, и ещё чем-то, что почти невозможно было уловить... Вот за этими-то пряниками я и собралась,

долго не раздумывая, пойти. Было тепло, и я (по нашему общему обычаю) была одета только в коротенькие шортики. Магазин был рядом, буквально через пару домов (всего на нашей улице было их целых три!).

В Литве в то время были очень популярны маленькие магазинчики в частных домах, которые занимали обычно всего одну комнату. Они росли буквально, как грибы после дождя и содержались обычно гражданами еврейской национальности. Так же, как и этот магазин, в который я пошла, принадлежал соседу по имени Шрейбер. Человеком он был всегда очень приятным и обходительным и имел очень хорошие продукты, а особенно — сладости.

К своему удивлению, когда я туда пришла, я не смогла даже войти внутрь — магазин был битком набит людьми. Видимо привезли что-то новое и никто не хотел оплошать, оставшись без новинки… Так я стояла в длиннющей очереди, упорно не собираясь уходить и терпеливо ожидала когда уже наконец получу свои любимые пряники. Двигались мы очень медленно, потому что комната была набита до отказа (а величиной она была около 5х5 м.) и из-за огромных «дядей и тётей» я ничего не видела. Как вдруг, сделав следующий шаг, я, с диким воплем, кубарем полетела по грубо сбитой деревянной лестнице вниз и шлёпнулась на такие же грубые деревянные ящики...

Оказывается, хозяин, то ли спеша продать новый товар, то ли просто забыв, оставил открытой крышку своего (семиметровой глубины!) подвала, в который я и умудрилась свалиться. Ударилась я видимо весьма сильно, так как совершенно не помнила, каким образом, и кто меня оттуда вытащил. Вокруг были очень напуганные лица людей и хозяина, без конца спрашивающего всё ли у меня в порядке. В порядке я, конечно же, была вряд ли, но признаваться в этом почему-то не хотелось, и я заявила, что пойду домой. Меня провожала целая толпа... Бедную бабушку чуть не хватил удар, когда она вдруг увидела всю эту ошеломляющую «процессию», ведущую меня домой…

Я пролежала в постели десять дней. И, как оказалось позже, считалось просто **невероятным**, что мне удалось отделаться всего лишь одной царапиной после такого ошеломляющего «полёта» вниз головой на семиметровую глубину... Владелец Шрейбер зачем-то ходил к нам каждый день, приносил килограмм конфет и всё спрашивал, правда ли я хорошо себя чувствую... Честно говоря, выглядел он весьма напуганным.

Как бы там ни было, но думаю, что «подушку» мне точно кто-то подстелил… Кто-то, кто считал, что разбиваться мне тогда было пока ещё рановато. Таких «странных» случаев в моей, тогда ещё очень короткой жизни было очень много. Одни случались и после этого очень быстро уходили в небытие, другие почему-то запоминались, хотя не обязательно были самыми интересными. Так я по какой-то мне неизвестной причине очень хорошо запомнила случай с зажиганием огня.

13. Огонь, который не грел

Вся соседская ребятня (включая меня) очень любила жечь костры. А уж

особенно, когда нам разрешалось жарить в них картошку!.. Это было одно из самых любимых наших лакомств, а такой костёр мы вообще считали уже чуть ли не настоящим праздником! Да и разве могло сравниться что-то ещё с обжигающей, только что палками выуженной из горящего костра, сногшибающе пахнущей, усыпанной пеплом картошкой?! Надо было очень постараться, желая оставаться серьёзным, видя наши ждущие, напряжённо сосредоточенные рожицы! Мы сидели вокруг костра, как месяц не евшие, голодные Робинзоны Крузо. И в тот момент нам казалось, что ничего не может быть в этом мире вкусней, чем тот маленький, дымящийся шарик, медленно пекущийся в нашем костре!

Именно в один из таких праздничных «картошкопекущих» вечеров со мной и случилась ещё одно моё очередное «невероятное» приключение. Был тихий, тёплый летний вечер, уже понемножку начинало темнеть. Мы собрались на чьём-то «картошечном» поле, нашли подходящее место, натаскали достаточное количество веток и уже были готовы зажечь костёр, как кто-то заметил, что забыли самое главное — спички. Разочарованию не было предела... Никто не хотел за ними идти, потому что мы ушли довольно-таки далеко от дома. Попробовали зажечь по-старинке — тереть деревяшку о деревяшку — но очень скоро даже у всех самых упёртых кончилось терпение. И тут вдруг один говорит:

— Так мы ж забыли, что у нас тут с нами наша «ведьмочка»! Ну, давай что ли, зажигай…

«Ведьмочкой» меня называли часто, и это с их стороны было скорее прозвище ласкательное, чем обидное. Поэтому обидеться я не обиделась, но, честно говоря, сильно растерялась. Огня я, к моему большому сожалению, не зажигала никогда и заниматься этим мне как-то не приходило в голову… Но это был чуть ли не первый раз, когда они **что-то у меня попросили** и я, конечно же, не собиралась упускать такого случая, а уж тем более, «ударить лицом в грязь».

Я ни малейшего понятия не имела, что нужно делать, чтобы оно «зажглось»… Просто сосредоточилась на огне и очень сильно желала, чтобы это произошло. Прошла минута, другая, но ничего не происходило... Мальчишки (а они всегда и везде бывают немножечко злыми) начали надо мной смеяться, говоря, что я только и могу что «угадывать», когда мне это нужно… Мне стало очень обидно — ведь я честно пыталась изо всех сил. Но это, конечно же, никого не интересовало. Им нужен был **результат**, а вот результата-то как раз у меня и не было...

Если честно — я до сих пор не знаю, что тогда произошло. Может быть у меня просто пошло очень сильное возмущение, что надо мной так незаслуженно смеялись? Или слишком мощно всколыхнулась горькая детская обида? Так или иначе, я вдруг почувствовала, как всё тело будто заледенело (казалось бы, должно было быть наоборот?) и только внутри кистей рук взрывными толчками пульсировал настоящий «огонь»… Я встала лицом к костру и резко выбросила левую руку вперёд... Жуткое ревущее пламя как будто выплеснулось из моей руки прямо в сложенный мальчишками костёр. Все дико закричали... а я очнулась уже дома, с очень сильной режущей болью в руках, спине и голове. Всё тело

горело, как будто я лежала на раскалённой жаровне. Не хотелось двигаться и даже открывать глаза.

Мама была в ужасе от моей «выходки» и обвинила меня во «всех мирских грехах», а главное — в недержании слова, данного ей, что для меня было хуже любой всепожирающей физической боли. Мне было очень грустно, что на этот раз она не захотела меня понять, и в то же время я чувствовала небывалую гордость, что всё-таки «не ударила лицом в грязь», и что у меня каким-то образом получилось сделать то, что от меня ожидали.

Конечно, всё это сейчас кажется немножко смешным и по-детски наивным, но тогда для меня было очень важно доказать, что я, возможно, могу быть кому-то в чём-то полезной со всеми своими, как они называли, «штучками». И что это не мои сумасшедшие выдумки, а самая настоящая реальность, с которой им теперь придётся хотя бы немножечко считаться. Если бы только всё могло быть так по-детски просто...

14. Одиночество

Как оказалось, не только моя мама была в ужасе от содеянного мною. Соседние мамы, услышав от своих детей о том, что произошло, начали требовать от них чтобы они держались от меня как можно дальше… И на этот раз я по-настоящему осталась почти совсем одна. Но так как я была человечком весьма и весьма гордым, то я ни за что не собиралась «проситься» к кому-то в друзья. Но одно — показать, а совсем другое — с этим жить.....

Я очень любила своих друзей, свою улицу и всех кто на ней жил. И всегда старалась принести каждому хоть какую-то радость и какое-то добро. А сейчас я была одна и в этом была виновата только сама, потому что не сумела устоять перед самой простой, безобидной детской **провокацией**. Но что ж было делать, если я сама в то время была ещё совсем ребёнком? Правда, ребёнком, который теперь стал уже понемногу понимать, что не каждый в этом мире достоин того, чтобы ему стоило бы что-то доказывать... А даже если и доказать, то это ещё абсолютно не значило, что тот, кому ты это доказываешь, тебя всегда правильно поймёт.

Через несколько дней я совсем физически «отошла» и чувствовала себя довольно сносно. Но желания зажечь огонь у меня больше не появлялось уже никогда. А вот расплачиваться за свой «эксперимент» пришлось, к сожалению, довольно долго… Первое время я находилась в полной изоляции от всех моих любимых игр и друзей. Это было очень обидно и казалось очень несправедливым. Когда я говорила об этом маме, моя бедная добрая мама не знала, что сказать. Она очень меня любила и, естественно, хотела уберечь меня от любых бед и обид. Но с другой стороны, ей уже тоже понемножку становилось страшно оттого, что почти постоянно со мной происходило.

Это, к сожалению, было то «тёмное» время, когда ещё было «не принято» говорить открыто о подобных «странных» и непривычных вещах. Всё очень строго сохранялось в рамках, как «**должно**» или «**не должно**» быть. И всё «не-

объяснимое» или «неординарное» категорически умалчивалось или считалось **ненормальным**. Честно говоря, я от всего сердца завидую тем одарённым детям, которые родились хотя бы на двадцать лет позже меня, когда все эти «неординарные» способности уже не считались каким-то ***проклятием***, а наоборот — это стало называться **ДАРОМ**. И на сегодняшний день никто уже не травит и не посылает этих бедных «необычных» детей в сумасшедший дом, а дорожат ими и уважают, как одарённых особым талантом удивительных детей.

Мои же «таланты» в то время такого восторга ни у кого из окружающих, к сожалению, не вызывали. Как-то несколько дней спустя после моего «скандального» приключения с огнём, одна наша соседка «по секрету» сказала маме, что у неё есть «очень хороший врач», который занимается **именно такими «проблемами», как у меня** и если мама хочет, то она с удовольствием её с ним познакомит. Это был первый раз, когда маме напрямую «посоветовали» упрятать меня в сумасшедший дом.

Потом этих «советов» было очень много, но я помню, что именно тогда мама была очень огорчена и долго плакала, закрывшись в своей комнате. Она не сказала мне про этот случай никогда, но в этот секрет меня «посвятил» соседский мальчик, мама которого и дала моей маме такой драгоценный совет. Конечно же, ни к какому врачу меня, слава богу, не повели. Но я чувствовала, что своими последними «деяниями» я перешагнула какой-то «рубеж», после которого уже даже моя мама не в состоянии была меня понимать. И не было никого, кто мог бы мне помочь, объяснить или просто по-дружески успокоить. Я уже не говорю — чтобы научить…

Так я в одиночестве «барахталась» в своих догадках и ошибках, без чьей-либо поддержки или понимания. Что-то пробовала, что-то не смела. Что-то получалось, что-то — наоборот. И как же часто мне бывало просто-напросто по-человечески страшно! Честно говоря, я точно так же всё ещё «барахталась в догадках» и до своих 33 лет, потому, что так и не нашла никого, кто мог бы хотя бы что-либо как-то объяснить. Хотя «желающих» всегда было больше чем нужно.

Время шло. Иногда мне казалось, что всё это происходит не со мной или, что это просто придуманная мною странная сказка. Но эта сказка почему-то была слишком уж **реальной** реальностью... И мне приходилось с этим считаться. И что самое главное, с этим жить. В школе всё шло, как и прежде, я получала по всем предметам только пятёрки, и у моих родителей (хотя бы уж из-за этого!) не было никаких проблем. Скорее, наоборот — в четвёртом классе я уже решала очень сложные задачи по алгебре и геометрии и делала это играючи, с большим удовольствием для самой себя.

Также я очень любила в то время уроки музыки и рисования. Я рисовала почти всё время и везде: на других уроках, во время перерывов, дома, на улице. На песке, на бумаге, на стёклах… В общем — везде, где это было возможно. И рисовала я почему-то **только человеческие глаза**. Мне тогда казалось, что это поможет мне найти какой-то очень важный ответ. Я всегда любила наблюдать человеческие лица и в особенности — глаза. Ведь очень часто люди не любят

говорить то, что они по-настоящему думают, но их глаза говорят всё… Видимо, недаром их называют зеркалом нашей души. И вот я рисовала сотни и сотни этих глаз — печальных и счастливых, скорбящих и радостных, добрых и злых. Это было для меня, опять же, время **познания чего-то**, очередная попытка докопаться до какой-то **истины**... правда я понятия не имела — до какой. Просто это было очередное время «поиска», которое и после (с разными «ответвлениями») у меня продолжалось почти всю мою сознательную жизнь.

15. Голодание

Дни сменялись днями, проходили месяцы, а я всё продолжала удивлять (а иногда и ужасать!) своих родных и близких, и очень часто саму себя, множеством моих новых «невероятных» и не всегда совсем безопасных, приключений. Так, например, когда мне исполнилось девять лет я вдруг, по какой-то мне неизвестной причине перестала есть, чем очень сильно напугала маму и расстроила бабушку. Моя бабушка была настоящим первоклассным поваром! Когда она собиралась печь свои капустные пироги, на них съезжалась вся наша семья, включая маминого брата, который жил в то время в 150 километрах от нас и, несмотря на это, приезжал специально из-за бабушкиных пирогов.

Я до сих пор очень хорошо и с очень большой теплотой помню те «великие и загадочные» приготовления: пахнущее свежими дрожжами тесто, всю ночь поднимавшееся в глиняном горшке у плиты, а утром превратившееся в десятки белых кружочков, разложенных на кухонном столе и ждущее, когда же уже настанет час его чудесного превращения в пышные пахнущие пироги... И бабушка с белыми от муки руками, сосредоточенно орудующая у плиты. И ещё я помню то нетерпеливое, но весьма приятное, ожидание, пока наши «жаждущие» ноздри не улавливали первые, изумительно «вкусные», тончайшие запахи пекущихся пирогов…

Это всегда был праздник, потому что её пироги любили все. И кто-бы в этот момент ни заходил, ему всегда находилось место за большим и гостеприимным бабушкиным столом. Мы всегда засиживались допоздна, продлевая удовольствие за «чаепитным» столом. И даже когда наше «чаепитие» заканчивалось, никому не хотелось уходить, как будто вместе с пирогами бабушка «впекала» туда частичку своей доброй души, и каждому хотелось посидеть ещё и «погреться» у её тёплого, уютного домашнего очага.

Бабушка по-настоящему **любила** готовить, и что бы она ни делала, это было необыкновенно вкусно всегда. Это могли быть сибирские пельмени, пахнущие так, что у всех наших соседей вдруг появлялась «голодная» слюна. Или мои любимые вишнёво-творожные ватрушки, которые буквально таяли во рту, оставляя надолго изумительный вкус тёплых свежих ягод и молока… И даже её самые простые квашеные грибы, которые она каждый год квасила в дубовой кадушке со смородиновыми листьями, укропом и чесноком, были самыми вкусными, которые я когда-либо ела в своей жизни, несмотря на то, что на сегодняшний день я объездила больше половины света и перепробовала всевоз-

можные лакомства, о которых, казалось бы, можно было только мечтать. Но тех незабываемых запахов одурительно вкусного бабушкиного «искусства» никогда не смогло затмить никакое, даже самое изысканно-рафинированое заграничное блюдо.

И вот, имея такого домашнего «чародея», я, к всеобщему ужасу моей семьи, в один прекрасный день вдруг по-настоящему перестала есть. Теперь я уже не помню, был ли для этого какой-либо повод или это просто произошло по какой-то мне неизвестной причине, как это обычно происходило всегда. Я просто начисто потеряла желание прикасатья к любой мне предлагаемой пище, хотя никакой слабости или головокружения при этом не испытывала, а наоборот — чувствовала себя необычайно легко и совершенно великолепно. Я пыталась объяснить всё это моей маме, но, как я поняла, она была сильно напугана моей новой очередной выходкой и ничего не хотела слышать, а только честно пыталась заставить меня что-то «глотать».

Мне становилось очень плохо и от каждой новой порции принимаемой пищи рвало. Только лишь чистая вода принималась моим истерзанным желудком с удовольствием и легко. Мама уже была почти что в панике, когда к нам совершенно случайно зашла наш тогдашний семейный врач, моя двоюродная сестра Дана. Обрадованная её приходом, мама, конечно же, тут же рассказала ей всю нашу «ужасную» историю о моём голодании. И как же я обрадовалась, когда услышала, что «ничего такого уж страшного в этом нет», и что я могу на какое-то время быть оставлена в покое без насильственного запихивания в меня еды! Я видела, что моя заботливая мама в это совсем не поверила, но деваться было некуда, и она решила оставить меня в покое хотя бы на какое-то время.

Жизнь сразу стала лёгкой и приятной, так как чувствовала я себя абсолютно прекрасно, и больше уже не было того постоянного кошмарного ожидания спазмов желудка, которые обычно сопровождали каждую малейшую попытку принятия какой-либо пищи. Это продолжалось примерно около двух недель. Все мои чувства обострились, и восприятия стали намного ярче и сильнее, как бы выхватывалось что-то самое важное, а остальное уходило на второй план.

Мои сны изменились или вернее, я стала видеть один и тот же, повторяющийся сон — как-будто я вдруг поднимаюсь над землёй и иду свободно, не касаясь пятками пола. Это было настолько реальное и невероятно прекрасное чувство, что каждый раз просыпаясь, мне немедленно хотелось обратно. Этот сон повторялся каждую ночь. Я до сих пор не знаю, что это было и почему. Но это продолжалось и после, спустя много, много лет. И даже теперь, перед тем, как проснуться, я очень часто вижу тот же самый сон.

Как-то папин брат приехал в гости из города, в котором он в то время жил и во время разговора сказал папе, что недавно он видел очень хороший фильм и начал его рассказывать. Каково же было моё удивление, когда я вдруг поняла, что уже наперёд знаю, о чём он будет говорить! И хотя я совершенно точно знала, что **никогда не видела** этот фильм, я могла его рассказать от начала до конца со всеми подробностями... Я никому об этом не сказала, но решила понаблюдать проявится ли что-либо подобное в чём-то ещё. Ну и естественно, моё

обычное «новенькое» не заставило себя долго ждать.

В то время в школе мы проходили старые античные легенды. Я была на уроке литературы и учительница сказала, что сегодня мы будем проходить «Песнь о Роланде». Вдруг, неожиданно для самой себя, я подняла руку и сказала, что могу рассказать эту песнь. Учительница очень удивилась и спросила, часто ли я читаю старые легенды. Я сказала, что не часто, но эту я знаю. Хотя, честно говоря, пока что понятия не имела — откуда?

И вот, с того же дня я начала замечать, что всё чаще и чаще в моей памяти открываются какие-то незнакомые моменты и факты, которых я никаким образом не могла знать, и с каждым днём их появляется всё больше и больше. Я немножко уставала от всего этого «наплыва» незнакомой информации, которой, по всей вероятности, для моей детской психики в то время было просто многовато. Но так как оно **откуда-то** приходило, то по всей вероятности, **для чего-то это было нужно**. И я совершенно спокойно всё это принимала, точно так же, как всегда принимала всё незнакомое, что приносила мне моя странная и непредсказуемая судьба.

Правда, иногда вся эта информация проявлялась в весьма забавной форме — я вдруг начинала видеть очень яркие образы незнакомых мне мест и людей, как бы сама в этом принимая участие. «Нормальная» реальность исчезала, и я оставалась в каком-то «закрытом» от всех остальных мире, который могла видеть лишь я одна. И вот так я могла оставаться долгое время, стоя «столбом» где-нибудь посередине улицы, ничего не видя и ни на что не реагируя, пока какие-нибудь перепуганные, сердобольные «дядя или тётя» не начинали меня трясти, пытаясь как-то привести в чувство, и узнать всё ли со мной в порядке…

Несмотря на свой ранний возраст, я тогда уже (по своему горькому опыту) прекрасно понимала, что всё то, что постоянно происходит со мной, для всех «нормальных» людей, по их обычным и привычным нормам, казалось абсолютно **ненормальным** (хотя по поводу «нормальности» я готова была спорить с кем угодно уже тогда). Поэтому, как только кто-то в одной из этих «необычных» ситуаций пытался мне помочь, я обычно старалась как можно быстрее убедить, что у меня «совершенно всё хорошо», и что абсолютно не надо за меня волноваться. Правда, убедить мне удавалось далеко не всегда, и в таких случаях это кончалось очередным звонком моей бедной «железобетонно-терпеливой» маме, которая после звонка естественно приезжала меня забирать…

Вот такой была моя сложная и порой смешная **детская реальность**, в которой я в то время жила. И так как другого выбора у меня не было, то приходилось находить своё «светлое и прекрасное» даже в том, в чём другие, думаю, не нашли бы этого никогда. Помню как-то после очередного моего необычного «происшествия», я грустно спросила бабушку:

— Почему моя жизнь такая непохожая на всех остальных?

Бабушка покачала головой, обняла меня и тихо ответила:

— Жизнь, моя милая, **на десятую долю** состоит из того, что с нами **происходит** и ***на девять десятых из того, как мы на неё реагируем***. Реагируй весело, малыш! Иначе временами может быть очень непросто существовать… А

что не похожая, так **все мы вначале** так или иначе **не похожи**. Просто ты будешь расти, и жизнь начнёт всё больше и больше «подкраивать» тебя под общие мерки, и будет зависеть только лишь от тебя, хочешь ли ты быть такой же, как все.

И я не хотела… Я любила свой необычный красочный мир и не променяла бы его ни на что и никогда. Но, к сожалению, каждое ***прекрасное*** стоит в нашей жизни очень дорого, и надо это по-настоящему **очень сильно** любить, чтобы не было больно за это платить. А, как нам всем очень хорошо известно, платить приходится, к сожалению, **за всё** и **всегда**... Просто, когда делаешь это сознательно, остаётся **удовлетворение от свободного выбора**, когда твой выбор и свободная воля зависит **только от тебя**. А вот за это, по моему личному понятию, по-настоящему **стоит** платить любую цену, даже если это иногда и очень дорого для самого себя. Но вернёмся к моему голоданию.

Прошли уже две недели, а я всё ещё, к большому огорчению моей мамы, ничего не хотела есть и, как ни странно, физически чувствовала себя сильно и совершенно прекрасно. А так как выглядела я тогда, в общем-то, весьма хорошо, постепенно мне удалось убедить маму, что ничего плохого со мной не происходит и ничего страшного мне, видимо, пока не грозит. Это было абсолютной правдой, так как я по-настоящему чувствовала себя великолепно, если не считать того «сверхчувствительного» психического состояния, которое делало все мои восприятия может быть чуточку слишком «оголёнными» — краски, звуки и чувства были такими яркими, что от этого иногда становилось тяжело дышать. Думаю, эта «сверхчувствительность» и явилась причиной моего следующего и очередного «невероятного» приключения…

16. Контакт-2

В то время на дворе была уже поздняя осень, и группа наших соседских ребят после школы собралась в лес за последними осенними грибами. Ну и естественно, как обычно, собралась с ними пойти и я. Погода стояла на редкость мягкая и приятная. Всё ещё тёплые солнечные лучи яркими зайчиками скакали по золотой листве, временами просачиваясь до земли и согревая её последним прощальным теплом. Нарядный лес встречал нас в своём празднично-ярком осеннем наряде, и словно старый друг, приглашал в свои ласковые объятия.

Мои любимые, позолоченные осенью стройные берёзы при малейшем ветерке щедро роняли на землю свои золотые «листья-монетки» и, казалось, не замечали, что уже очень скоро они останутся один на один со своей наготой и будут стыдливо ждать, когда же весна снова оденет их в ежегодный нежный наряд. И только величавые вечнозелёные ели гордо отряхивали старую хвою, готовясь стать единственным украшением леса в течение долгой и как всегда весьма бесцветной зимы. Под ногами тихо шуршали жёлтые листья, пряча последние сыроежки и грузди. Трава под листьями была тёплой, мягкой и влажной и как бы приглашала по ней ступать…

Я, как обычно, сбросила свои ботинки и пошла босиком. Я обожала всегда и

везде ходить босиком, если только появлялась такая возможность!!! Правда, за эти прогулки очень часто приходилось расплачиваться ангиной, которая иногда бывала весьма продолжительной, но, как говорится, «игра стоила свеч». Без обуви ноги становились почти что «зрячими», и появлялось особенно острое чувство свободы от чего-то ненужного, что, казалось, мешало дышать... Это было настоящее, ни с чем несравнимое маленькое удовольствие, и за него стоило иногда заплатить.

Мы с ребятами, как всегда, разделились парами, и пошли кто куда. Очень скоро я почувствовала, что какое-то время иду уже одна. Не могу сказать, что это меня испугало (леса я не боялась вообще), но стало как-то не по себе от странного чувства, что за мной кто-то наблюдает. Решив не обращать на это внимания, я продолжала спокойно собирать свои грибы. Но постепенно чувство наблюдения усиливалось, и это уже становилось малоприятным.

Я остановилась, закрыла глаза и попробовала сосредоточиться, чтобы попытаться увидеть того, кто это делал, как вдруг ясно услышала чей-то голос, который сказал:

— Правильно…

И мне почему-то показалось, что он прозвучал не снаружи, а только лишь в моей голове. Я стояла посередине маленькой поляны и чувствовала, что воздух вокруг меня начал сильно вибрировать. Прямо передо мной появился серебристо-голубой прозрачный мерцающий столб и постепенно в нём уплотнилась человеческая фигура. Это был очень высокий (по человеческим меркам) и мощный седой мужчина. Я почему-то подумала, что он до смешного похож на статую нашего бога Перкунас (Перун), для которого у нас на Святой Горе в ночь 24 июня каждый год разжигали костры.

Кстати, это был очень красивый старинный праздник (не знаю, существует ли он до сих пор?), который обычно продолжался до самой зари, и который очень любили все, вне зависимости от возраста и вкуса. На него всегда собирались почти что всем городом и, что было совершенно невероятно — на этом празднике никогда не замечалось никаких негативных инцидентов, несмотря на то, что всё происходило в лесу. Видимо красота обычаев открывала даже самые чёрствые людские души добру, тем же самым захлопывая дверь для любых назревающих агрессивных мыслей или действий.

Обычно на Святой Горе всю ночь напролёт горели костры, в хороводах звучали старинные песни, и всё это вместе сильно напоминало необычайно красивую фантастическую сказку. Сотни влюблённых пускались ночью искать в лесу цветущий цветок папоротника, желая заручиться его магическим обещанием быть «самыми счастливыми и обязательно навсегда»… А одинокие молодые девушки, загадав желание, опускали в реку Нямунас сплетённые из цветов венки, посередине каждого из которых горела свеча. Таких венков опускалось множество, и река на одну ночь становилась похожей на удивительно красивую, мягко мерцающую отблесками сотен свечей небесную дорогу, по которой, создавая дрожащие золотистые тени, плыли вереницы добрых золотистых привидений, бережно несущих на своих прозрачных крыльях чужие

желания Богу Любви… И вот там же, на Святой Горе до сих пор стоит статуя бога Перкунаса, на которую так похож был мой неожиданный гость.

Сверкающая фигура, не касаясь ступнями земли, «подплыла» ко мне, и я почувствовала очень мягкое, тёплое прикосновение.

— Я пришёл открыть для тебя Дверь, — опять послышался голос в моей голове.

— Дверь — куда? — спросила я.

— В Большой Мир, — прозвучал ответ.

Он протянул светящуюся руку к моему лбу и я почувствовала странное ощущение лёгкого «взрыва», после которого появилось чувство и вправду похожее на открывающуюся дверь… которая, к тому же, открывалась прямо у меня во лбу. Я увидела удивительно красивые, похожие на огромных разноцветных бабочек тела, выходившие из самого центра моей головы… Они выстраивались вокруг и, привязанные ко мне тончайшей серебристой нитью, создавали удивительно красочный необычный цветок… По этой «нити» в меня вибрируя вливалась тихая и какая-то «неземная» мелодия, которая вызывала в душе чувство покоя и полноты.

На какое-то мгновение я увидела множество прозрачных человеческих фигур, стоящих вокруг, но они все почему-то очень быстро исчезли. Остался только мой первый гость, который всё ещё касался рукой моего лба, и от его прикосновения в моё тело текло очень приятное «звучащее» тепло.

— Кто они? — спросила я, показывая на «бабочек».

— Это ты, — опять прозвучал ответ. — Это ты **вся**.

Я не могла понять, о чём он говорит, но каким-то образом **знала**, что от него идёт настоящее, чистое и светлое Добро. Вдруг очень медленно все эти необычные «бабочки» начали «таять» и превратились в изумительный, сверкающий всеми цветами радуги звёздный туман, который стал постепенно втекать обратно в меня... Появилось глубокое чувство завершённости и чего-то ещё, что я никак не могла понять, а только лишь очень сильно чувствовала всем своим нутром.

— Будь осторожна, — сказал мой гость.

— Осторожна в чём? — спросила я.

— Ты родилась… — был ответ.

Его высокая фигура начала колебаться. Поляна закружилась. А когда я открыла глаза, к моему величайшему сожалению, моего странного незнакомца уже нигде не было. Один из мальчишек, Ромас, стоял напротив меня и наблюдал за моим «пробуждением». Он спросил, что я здесь делаю и собираюсь ли я собирать грибы… Когда я спросила его сколько сейчас время, он, удивлённо на меня посмотрев, ответил, и я поняла, что всё, что со мной произошло, заняло всего лишь несколько минут!..

Я встала (оказалось, что я сидела на земле), отряхнулась и уже собралась идти, как вдруг обратила внимание на весьма странную деталь — вся поляна вокруг нас была зелёной!!! Такой же изумительно зелёной, как если бы мы нашли её ранней весной! И каково же было наше общее удивление, когда мы

вдруг обратили внимание, что на ней откуда-то появились даже красивые весенние цветы! Это было совершенно потрясающе и, к сожалению, совершенно необъяснимо. Вероятнее всего, это было какое-то «побочное» явление после прихода моего странного гостя. Но ни объяснить, ни хотя бы понять этого, к сожалению, я тогда ещё не могла.

— Что ты сделала? — спросил Ромас.

— Это не я, — виновато буркнула я.

— Ну, тогда пошли, — согласился он.

Ромас был одним из тех редких тогдашних друзей, кто не боялся моих «выходок» и не удивлялся ничему из того, что постоянно со мной происходило. Он просто мне верил. И поэтому я не должна была никогда ничего ему объяснять, что для меня было очень редким и ценным исключением. Когда мы вернулись из леса, меня тряс озноб, но я думала, что, как обычно, просто немного простудилась и решила не беспокоить маму пока не будет чего-то более серьёзного. Наутро всё прошло, и я была очень довольна тем, что это вполне подтвердило мою «версию» о простуде. Но, к сожалению, радоваться пришлось недолго…

17. Результат

Утром я, как обычно, пошла завтракать. Не успела я протянуть руку к чашке с молоком, как эта же тяжёлая стеклянная чашка резко двинулась в мою сторону, пролив часть молока на стол... Мне стало немножко не по себе. Я попробовала ещё — чашка двинулась опять. Тогда я подумала про хлеб... Два кусочка, лежавшие рядом, подскочили и упали на пол. Честно говоря, у меня зашевелились волосы… Не потому, что я испугалась. Я не боялась в то время почти ничего, но это было что-то очень уж «земное» и конкретное, оно было рядом, и я абсолютно не знала, как это контролировать...

Я постаралась успокоиться, глубоко вздохнула и попробовала опять. Только на этот раз я не пыталась ничего трогать, а решила просто думать о том, чего я хочу — например, чтобы чашка оказалась в моей руке. Конечно же, этого не произошло, она опять всего лишь просто резко сдвинулась. Но я ликовала!!! Всё моё нутро просто визжало от восторга, ибо я уже поняла, что резко или нет, но это происходило всего лишь **по желанию моей мысли**! И это было совершенно потрясающе! Конечно же, мне сразу захотелось попробовать «новинку» на всех окружающих меня живых и неживых «объектах»...

Первая мне под руку попалась бабушка, в тот момент спокойно готовившая на кухне очередное своё кулинарное «произведение». Было очень тихо, бабушка что-то себе напевала, как вдруг тяжеленная чугунная сковорода птичкой подскочила на плите и с жутким шумом грохнулась на пол… Бабушка от неожиданности подскочила не хуже той же самой сковороды... Но надо отдать ей должное, сразу же взяла себя в руки, и сказала:

— Перестань!

Мне стало немножечко обидно, так как, что бы ни случилось, уже по при-

вычке всегда и во всём обвиняли меня (хотя в данный момент это, конечно, было абсолютной правдой).

— Почему ты думаешь, что это я? — спросила я надувшись.

— Ну, привидения у нас вроде бы пока ещё не водятся, — спокойно сказала бабушка.

Я очень любила её за эту её невозмутимость и непоколебимое спокойствие. Казалось, ничего в этом мире не могло по-настоящему «выбить её из колеи». Хотя, естественно, были вещи, которые её огорчали, удивляли или заставляли грустить, но воспринимала она всё это с удивительным спокойствием. И поэтому я всегда с ней чувствовала себя очень уютно и защищённо. Каким-то образом я вдруг почувствовала, что моя последняя «выходка» бабушку заинтересовала… Я буквально «нутром чувствовала», что она за мной наблюдает и ждёт чего-то ещё. Ну и естественно, я не заставила себя долго ждать... Через несколько секунд все «ложки и поварёшки», висевшие над плитой, с шумным грохотом полетели вниз за той же самой сковородой…

— Ну-ну… Ломать — не строить, сделала бы что-то полезное, — спокойно сказала бабушка.

Я аж задохнулась от возмущения! Ну, скажите пожалуйста, как она может относиться к этому «невероятному событию» так хладнокровно?! Ведь это такое... ТАКОЕ!!! Я даже не могла объяснить — какое, но уж точно знала, что нельзя относиться к тому, что происходило, так спокойно. К сожалению, на бабушку моё возмущение не произвело ни малейшего впечатления, и она опять же спокойно сказала:

— Не стоит тратить столько сил на то, что можно сделать руками. Лучше иди почитай.

Моему возмущению не было границ! Я не могла понять, **почему** то, что казалось мне таким удивительным, не вызывало у неё никакого восторга?! К сожалению, я тогда ещё была слишком малым ребёнком, чтобы понять, что все эти впечатляющие «внешние эффекты» по-настоящему **не дают ничего, кроме тех же самых «внешних эффектов»**… И суть всего этого — всего лишь в одурманивании «мистикой необъяснимого» доверчивых и впечатлительных людей, коим моя бабушка, естественно, не являлась... Но так как до такого понимания я тогда ещё не доросла, мне в тот момент было лишь невероятно интересно, что же такого я смогу сдвинуть ещё. Поэтому я без сожаления покинула «не понимавшую» меня бабушку и двинулась дальше в поисках нового объекта моих «экспериментов»…

В то время у нас жил папин любимец, красивый серый кот — Гришка. Я застала его сладко спящим на тёплой печке и решила, что это как раз очень хороший момент попробовать на нём своё новое «искусство». Я подумала, что было бы лучше, если бы он сидел на окне. Ничего не произошло. Тогда я сосредоточилась и подумала сильнее... Бедный Гришка с диким воплем слетел с печи и грохнулся головой о подоконник… Мне стало так его жалко и так стыдно, что я, вся кругом виноватая, кинулась его поднимать. Но у несчастного кота вся шерсть почему-то вдруг встала дыбом и он, громко мяукая, помчался от меня,

будто ошпаренный кипятком.

Для меня это был шок. Я не поняла, что же произошло, и почему Гришка вдруг меня невзлюбил, хотя до этого мы были очень хорошими друзьями. Я гонялась за ним почти весь день, но, к сожалению, так и не смогла выпросить себе прощения… Его странное поведение продолжалось четыре дня, а потом наше приключение вероятнее всего забылось, и опять всё было хорошо. Но меня это заставило задуматься, так как я поняла, что, сама того не желая, теми же самыми своими необычными «способностями» иногда могу нанести кому-то и вред.

После этого случая я стала намного серьёзнее относиться ко всему, что неожиданно во мне проявлялось и «экспериментировала» уже намного осторожнее. Все последующие дни я естественно же просто заболела манией «двигания». Я мысленно пробовала сдвинуть всё, что только попадалось мне на глаза... и в некоторых случаях, опять же, получала весьма плачевные результаты...

Так, например, я в ужасе наблюдала, как полки аккуратно сложенных, очень дорогих, папиных книг «организованно» повалились на пол, и я трясущимися руками пыталась как можно быстрее собрать всё на место, так как книги были «священным» объектом в нашем доме и перед тем, как их брать — надо было их заслужить. Но к моему счастью, папы в тот момент дома не оказалось и, как говорится, на этот раз «пронесло»…

Другой весьма смешной и в то же время грустный случай произошёл с папиным аквариумом. Отец, сколько я его помню, всегда очень любил рыбок и мечтал в один прекрасный день соорудить дома большой аквариум (что он позднее и осуществил). Но в тот момент, за не имением лучшего, у нас просто стоял маленький круглый аквариум, который вмещал всего несколько разноцветных рыбок. И так как даже такой маленький «живой уголок» доставлял папе душевную радость, то за ним с удовольствием присматривали в доме все, включая меня.

И вот в один «злосчастный» день, когда я просто проходила мимо, вся занятая своими «двигающими» мыслями, я нечаянно посмотрела на рыбок и пожалела, что у них, бедненьких, так мало места чтобы вольно жить… Аквариум вдруг задрожал и к моему великому ужасу лопнул, разливая воду по комнате. Бедные рыбки не успели опомниться, как были, с большим аппетитом, съедены нашим любимым котом, которому вдруг, прямо с неба, привалило такое неожиданное удовольствие... Мне стало по-настоящему грустно, так как я ни в коем случае не хотела огорчать папу, а уж, тем более, прерывать чью-то, даже очень маленькую жизнь.

В тот вечер я ждала папу в совершенно разбитом состоянии — было очень обидно и стыдно так глупо оплошать. И хотя я знала, что никто не будет меня за это наказывать, на душе почему-то было очень скверно и, как говорится, в ней очень громко «скребли кошки». Я всё больше и больше понимала, что некоторые из моих «талантов» в определённых обстоятельствах могут быть весьма и весьма небезопасны. Но к сожалению, я не знала, как можно этим управлять и поэтому

мне всё больше и больше становилось тревожно за непредсказуемость некоторых моих действий и за возможные их последствия с совершенно нежелаемыми мною результатами...

Но я всё ещё была лишь любопытной девятилетней девочкой и не могла долго переживать из-за трагически погибших, правда полностью по моей вине, рыбок. Я по-прежнему усердно пробовала двигать все попадающееся мне предметы и несказанно радовалась любому необычному проявлению в моей «исследовательской» практике.

Так в одно прекрасное утро во время завтрака моя молочная чашка неожиданно повисла в воздухе прямо передо мной и продолжала себе висеть, а я ни малейшего понятия не имела, как её опустить... Бабушка в тот момент находилась на кухне, и я лихорадочно пыталась что-то «сообразить», чтобы не пришлось опять краснеть и объясняться, ожидая услышать полное неодобрение с её стороны. Но несчастная чашка упорно не хотела возвращаться назад. Наоборот, она вдруг плавно двинулась и, как бы дразнясь, начала описывать над столом широкие круги… И что самое смешное — мне никак не удавалось её схватить.

Бабушка вернулась в комнату и буквально застыла на пороге со своей чашкой в руке. Я конечно тут же кинулась объяснять, что «это она просто так летает… и, ведь правда же, это очень красиво?»… Короче говоря, пыталась найти любой выход из положения, только бы не показаться беспомощной. И тут мне вдруг стало очень стыдно… Я видела, что бабушка **знает**, что я просто-напросто не могу найти ответ на возникшую проблему и пытаюсь «замаскировать» своё незнание какими-то ненужными, красивыми словами. Тогда я, возмутившись на саму себя, собрала свою «побитую» гордость в кулак и быстро выпалила:

— Ну, **не знаю** я, почему она летает! И **не знаю**, как её опустить!

Бабушка серьёзно на меня посмотрела и вдруг очень весело произнесла:

— Так пробуй! Для того тебе и дан твой ум.

У меня словно гора свалилась с плеч! Я очень не любила казаться неумёхой и уж особенно, когда это касалось моих «странных» способностей. И вот я пробовала... С утра до вечера. Пока не валилась с ног и не начинало казаться, что уже вообще не соображаю, что творю.

Какой-то мудрец сказал, что к высшему разуму ведут три пути: путь размышлений — самый благородный, путь подражаний — самый лёгкий и путь опыта на своей шее — самый тяжёлый. Вот я видимо и выбирала всегда почему-то самый тяжёлый путь, так как моя бедная шея по-настоящему сильно страдала от моих никогда не прекращающихся, бесконечных экспериментов…

Но иногда «игра стоила свеч», и мои упорные труды венчались успехом, как это наконец-то и случилось с тем же самым «двиганием»… Спустя какое-то время, любые желаемые предметы у меня двигались, летали, падали и поднимались, когда я этого желала, и уже совершенно не казалось сложным этим управлять… кроме одного весьма обидно упущенного случая, который, к моему великому сожалению, произошёл в школе, чего я всегда честно пыталась избе-

гать. Мне совершенно не нужны были лишние толки о моих «странностях» и уж особенно среди моих школьных товарищей!

Виной того обидного происшествия видимо было моё слишком большое расслабление, которое (зная о своих «двигательных» способностях) было совершенно **непростительно допускать** в подобной ситуации. Но все мы когда-то делаем большие или маленькие ошибки и, как говорится — на них же и учимся. Хотя, честно говоря, я предпочитала бы учиться на чём-нибудь другом...

Моим классным руководителем в то время была учительница Гибиене, мягкая и добрая женщина, которую все школьники искренне обожали. А в нашем классе учился её сын — Реми, который, к сожалению, был очень избалованным и неприятным мальчиком, всегда всех презиравшим, издевавшимся над девчонками и постоянно ябедничавшим на весь класс своей матери. Меня всегда удивляло, что, будучи таким открытым, умным и приятным человеком, его мать в упор не хотела видеть настоящего лица своего любимого «чадушки»… Наверное, это правда, что любовь может быть иногда по-настоящему слепа. И уж в этом случае она была слепа неподдельно...

В тот злополучный день Реми пришёл в школу уже изрядно чем-то взвинченный и сразу же начал искать себе «козла отпущения», чтобы излить на него всю свою, откуда-то накопившуюся злость. Ну и, естественно, мне «посчастливилось» оказаться в тот момент именно в радиусе его досягаемости, и, так как мы не очень-то любили друг друга изначально, в этот день я оказалась именно тем горячо желанным «буфером», на котором ему не терпелось выместить своё неудовлетворение неизвестно чем.

Не хочу казаться необъективной, но того, что случилось в следующие несколько минут, не порицал позже ни один мой, даже самый пугливый одноклассник. И даже те, которые не очень-то меня любили, были в душе очень довольны, что наконец-то нашёлся кто-то, кто не побоялся «грозы» возмущённой матери и хорошенько проучил заносчивого баловня. Правда, урок получился довольно-таки жестокий, и если бы у меня был выбор снова это повторить, я наверное не сотворила бы с ним такого никогда. Но, как бы мне не было совестно и жалко, надо отдать должное, что сработал этот урок просто на удивление удачно, и неудавшийся «узурпатор» уже никогда больше не высказывал никакого желания терроризировать свой класс...

Выбрав, как он предполагал, свою «жертву», Реми направился прямиком ко мне, и я поняла, что, к моему большому сожалению, конфликта никак не удастся избежать. Он, как обычно, начал меня «доставать», и тут меня вдруг просто прорвало... Может быть, это случилось потому, что я уже давно подсознательно этого ждала? Или может быть просто надоело всё время терпеть, оставляя без ответа чьё-то нахальное поведение? Так или иначе, в следующую секунду он, получив сильный удар в грудь, отлетел от своей парты прямо к доске и пролетев в воздухе около трёх метров, визжащим мешком шлёпнулся на пол…

Я так никогда и не узнала, как у меня получился этот удар. Дело в том, что Реми я совершенно **не касалась** — это был чисто **энергетический удар**, но как я его нанесла, не могу объяснить до сих пор. В классе поднялся неописуемый ка-

вардак — кто-то с перепугу пищал… кто-то кричал, что надо вызвать скорую помощь… а кто-то побежал за учительницей, потому что, какой бы он не был, но это был именно ***её*** «искалеченный» сын. А я, совершенно ошалевшая от содеянного, стояла в ступоре и всё ещё не могла понять, как же, в конце концов, всё это произошло…

Реми стонал на полу, изображая чуть ли не умирающую жертву, чем поверг меня в настоящий ужас. Я понятия не имела, насколько сильным был удар, поэтому не могла даже приблизительно знать, играет ли он, чтобы мне отомстить, или ему по-настоящему так плохо. Кто-то вызвал скорую помощь, пришла учительница-мать, а я всё ещё стояла «столбом», не в состоянии говорить, настолько сильным был эмоциональный шок.

— Почему ты это сделала? — спросила учительница.

Я смотрела ей в глаза и не могла произнести ни слова. Не потому, что не знала, что сказать, а просто потому, что всё ещё никак не могла отойти от того жуткого потрясения, которое сама же получила от содеянного.

До сих пор не могу сказать, **что** тогда увидела в моих глазах учительница. Но того буйного возмущения, которого так ожидали все, не произошло или точнее, не произошло вообще **ничего**... Она, каким-то образом сумела собрать всё своё возмущение «в кулак» и, как ни в чём не бывало, спокойно велела всем сесть и начала урок. Так же просто, как будто совершенно ничего не случилось, хотя пострадавшим был именно её сын!

Я не могла этого понять (как не мог понять никто) и не могла успокоиться, потому что чувствовала себя очень виноватой. Было бы намного легче, если бы она на меня накричала или просто выгнала бы из класса. Я прекрасно понимала, что ей должно было быть очень обидно за случившееся и неприятно, что сделала это именно я, так как до этого она ко мне всегда очень хорошо относилась, а теперь ей приходилось что-то поспешно (и желательно «безошибочно»!) решать в отношении меня. А также я знала, что она очень тревожится за своего сына, потому что мы всё ещё не имели о нём никаких новостей.

Я не помнила, как прошёл этот урок. Время тянулось на удивление медленно и казалось, что этому никогда не будет конца. Кое-как дождавшись звонка, я сразу же подошла к учительнице и сказала, что я очень и очень сожалею о случившемся, но что я честно и абсолютно не понимаю, как такое могло произойти. Не знаю, знала ли она что-то о моих странных способностях или просто увидела что-то в моих глазах, но каким-то образом она поняла, что **никто уже не сможет наказать меня больше, чем наказала себя я сама…**

— Готовься к следующему уроку, всё будет хорошо, — только и сказала учительница.

Я никогда не забуду того жутко-мучительного часа ожидания, пока мы ждали новостей из больницы… Было очень страшно и одиноко, и это навечно отпечаталось кошмарным воспоминанием в моём мозгу. Я была виновата в **«покушении» на *чью-то жизнь***!!! И не имело никакого значения, произошло оно случайно или осмысленно. Это была Человеческая Жизнь, и по моему неусмотрению она могла неожиданно оборваться… И уж, конечно же, я не имела

на это никакого права.

Но, как оказалось к моему величайшему облегчению, ничего страшного кроме хорошего испуга, с нашим «террористом-одноклассником» не произошло. Он отделался всего лишь небольшой шишкой и уже на следующий день опять сидел за своей партой, только на этот раз он вёл себя на удивление тихо и, к всеобщему удовлетворению, никаких «мстительных» действий с его стороны в мой адрес не последовало. Мир опять казался прекрасным!!! Я могла свободно дышать, не чувствуя более той ужасной, только что висевшей на мне вины, которая на долгие годы полностью отравила бы всё моё существование, если бы из больницы пришёл другой ответ.

Конечно же, осталось горькое чувство упрёка самой себе и глубокое сожаление от содеянного, но уже не было того жуткого неподдельного чувства страха, которое держало всё моё существо в холодных тисках, пока мы не получили положительных новостей. Вроде бы опять всё было хорошо… Только, к сожалению, это злополучное происшествие оставило в моей душе такой глубокий след, что уже ни о чём «необычном» мне не хотелось больше слышать даже издалека. Я шарахалась от малейшего проявления во мне любых «необычностей», и как только чувствовала, что что-либо «странное» начинало вдруг проявляться, я тут же пыталась это погасить, не давая никакой возможности опять втянуть себя в водоворот каких либо опасных неожиданностей.

Я честно старалась быть самым обычным «нормальным» ребёнком: занималась в школе (даже больше чем обычно!), очень много читала, чаще чем раньше ходила с друзьями в кино, старательно посещала свою любимую музыкальную школу… и беспрерывно чувствовала какую-то глубокую, ноющую душевную пустоту, которую не могли заполнить никакие из выше упомянутых занятий, даже если я честно старалась изо всех сил.

Но дни бежали друг с дружкой наперегонки, и всё «плохое страшное» начинало понемножечку забываться. Время залечивало в моём детском сердце большие и маленькие рубцы, и как правильно всегда говорят, оказалось по-настоящему самым лучшим и надёжным целителем. Я понемножку начинала оживать и постепенно всё больше и больше возвращалась к своему обычному «ненормальному» состоянию, которого, как оказалось, всё это время мне очень и очень не хватало…

Недаром ведь говорят, что даже самое тяжёлое бремя для нас не столь тяжело только лишь потому, что оно наше. Вот так и я, оказывается, очень скучала по своим, таким для меня обычным, «ненормальностям», которые, к сожалению, уже довольно таки часто заставляли меня страдать...

18. Обезболивание

Этой же зимой у меня проявилась очередная необычная «новинка», которую, наверное, можно было бы назвать **самообезболиванием**. К моему большому сожалению, это так же быстро исчезло, как и появилось. Точно так же, как очень многие из моих «странных» проявлений, которые вдруг очень ярко от-

крывались и тут же исчезали, оставляя только лишь хорошие или плохие воспоминания в моём огромном личном «мозговом архиве». Но даже за то короткое время, что эта «новинка» оставалась «действующей», произошли два весьма интересных события, о которых мне хотелось бы здесь рассказать...

Уже наступила зима, и многие мои одноклассники начали всё чаще ходить на каток. Я не была очень большим любителем фигурного катания (вернее, больше предпочитала смотреть), но наш каток был таким красивым, что мне нравилось просто там бывать. Он устраивался каждую зиму на стадионе, который был построен прямо в лесу (как и большая часть нашего городка) и обнесён высокой кирпичной стеной, что издалека делало его похожим на миниатюрный город.

Уже с октября там наряжалась большущая новогодняя ёлка, а вся стена вокруг стадиона украшалась сотнями разноцветных лампочек, отблески которых сплетались на льду в очень красивый сверкающий ковёр. По вечерам там играла приятная музыка, и всё это вместе создавало вокруг уютную праздничную атмосферу, которую не хотелось покидать. Вся ребятня с нашей улицы ходила кататься, ну и, конечно же, ходила с ними на каток и я. В один из таких приятных, тихих вечеров и случилось то, не совсем обычное происшествие, о котором я хотела бы рассказать.

Обычно мы катались в цепочке по три-четыре человека, так как в вечернее время было не совсем безопасно кататься в одиночку. Причина была в том, что по вечерам приходило много «ловящих» пацанов, которых никто не любил, и которые обычно портили удовольствие всем вокруг. Они сцеплялись по несколько человек и, катаясь очень быстро, старались поймать девочек, которые, естественно, не удержавшись от встречного удара, обычно падали на лёд. Это сопровождалось смехом и гиканьем, что большинство находило глупым, но, к сожалению, почему-то никем из того же «большинства» не пресекалось.

Меня всегда удивляло, что среди стольких, почти что взрослых, ребят не находилось ни одного, кого эта ситуация бы задела или хотя бы возмутила, вызывая хоть какое-то противодействие. А может, и задевала, да только страх был сильнее?.. Ведь не даром же существует глупая поговорка, что: *наглость — второе счастье*… Вот эти «ловители» и брали всех остальных простой неприкрытой наглостью. Это повторялось каждую ночь, и не находилось никого, кто хотя бы попробовал остановить наглецов.

Именно в такую глупую «ловушку» в тот вечер попалась и я. Не владея катанием на коньках достаточно хорошо, я старалась держаться от сумасшедших «ловцов» как можно дальше, но это не очень-то помогло, так как они носились по всей площадке, как угорелые, не щадя никого вокруг. Поэтому, хотела я того или нет, наше столкновение было практически неизбежным...

Толчок получился сильным, и мы все упали движущейся кучей на лёд. Ушибиться я не ушиблась, но вдруг почувствовала, как что-то горячее течёт по лодыжке и немеет нога. Я кое-как выскользнула из барахтающегося на льду клубка тел и увидела, что у меня каким-то образом жутко порезана нога. Видимо, я очень сильно столкнулась с кем-то из падающих ребят, и чей-то конёк

меня так сильно поранил.

Выглядело это, надо сказать, весьма неприятно... Коньки у меня были с короткими сапожками (достать высокие в то время у нас было ещё невозможно), и я увидела, что вся моя нога у лодыжки перерезана чуть ли не до кости… Другие тоже это увидели, и тут уже началась паника. Слабонервные девочки чуть ли не падали в обморок, потому что вид, честно говоря, был жутковатый. К своему удивлению, я не испугалась и не заплакала, хотя в первые секунды состояние было почти что шоковое. Изо всех сил зажав руками разрез, я старалась сосредоточиться и думать о чём-то приятном, что оказалось весьма непросто из-за режущей боли в ноге. Через пальцы просачивалась кровь и крупными каплями падала на лёд, постепенно собираясь на нём в маленькую лужицу...

Естественно, это никак не могло успокоить уже и так достаточно взвинченных ребят. Кто-то побежал вызывать скорую помощь, а кто-то неуклюже пытался как-то мне помочь, только усложняя и так неприятную для меня ситуацию. Тогда я опять попробовала сосредоточиться и подумала, что кровь **должна остановиться**. И начала терпеливо ждать. К всеобщему удивлению, буквально через минуту через мои пальцы не просачивалось уже ничего! Я попросила наших мальчишек, чтобы помогли мне встать. К счастью, там находился мой сосед, Ромас, который обычно никогда и ни в чём мне не противоречил. Я попросила его помочь мне подняться. Он сказал, что если я встану, то кровь наверняка опять «польётся рекой». Я отняла руки от пореза... и каково же было наше удивление, когда мы увидели, что кровь больше не идёт вообще! Выглядело это очень необычно — рана была большой и открытой, но почти что совершенно сухой.

Когда наконец-то приехала скорая помощь, осмотревший меня врач никак не мог понять, что же такое произошло и почему у меня, при такой глубокой ране, не течёт кровь. Но он не знал ещё и того, что у меня не только не текла кровь, но я также не чувствовала **никакой боли вообще**! Я видела рану своими глазами и по всем законам природы должна была чувствовать дикую боль... которой, как ни странно, в данном случае не было совсем. Меня забрали в больницу и приготовились зашивать.

Когда я сказала, что не хочу анестезию, врач посмотрел на меня, как на тихопомешанную и приготовился делать обезболивающий укол. Тогда я ему заявила, что буду кричать... На этот раз он посмотрел на меня очень внимательно и, кивнув головой, начал зашивать. Было очень странно наблюдать, как моя плоть прокалывается длинной иглой, а я, в место чего-то очень болезненного и неприятного, чувствую всего лишь лёгкий «комариный» укус. Врач всё время за мной наблюдал и несколько раз спросил всё ли у меня в порядке. Я отвечала, что да. Тогда он поинтересовался, происходит ли подобное со мной всегда? Я сказала, что нет, только сейчас.

Не знаю, то ли он был весьма «продвинутым» для того времени врачом, то ли мне удалось его каким-то образом убедить, но так или иначе, он мне поверил и больше никаких вопросов не задавал. Примерно через час я уже была дома и с удовольствием поглощала на кухне тёплые бабушкины пирожки, никак не

наедаясь и искренне удивляясь такому дикому чувству голода, как если бы я была не евшая несколько дней. Теперь я естественно уже понимаю, что это просто была слишком большая потеря энергетики после моего «самолечения», которую срочно требовалось восстановить, но тогда я, конечно же, ещё не могла этого знать.

Второй случай такого же странного самообезболивания произошёл во время операции, на которую уговорила нас пойти наш семейный врач, Дана. Насколько я могла себя помнить, мы с мамой очень часто болели ангиной. Это происходило не только от простуды зимой, но также и летом, когда на улице было очень сухо и тепло. Стоило нам только чуточку перегреться, как наша ангина была тут, как тут и заставляла нас безвылазно валяться в постели неделю или две, чего моя мама и я одинаково не любили. И вот, посоветовавшись, мы наконец-то решили внять голосу «профессиональной медицины» и удалить то, что так часто мешало нам нормально жить (хотя, как позже оказалось, удалять это необходимости не было, и это, опять же, было очередной ошибкой наших «всезнающих» врачей).

Операцию назначили на один из будних дней, когда мама, как и все остальные, естественно, работала. Мы с ней договорились, что сначала, утром, пойду на операцию я, а уже после работы сделает это она. Но мама железно пообещала, что обязательно постарается прийти хотя бы на пол часа перед тем, как доктор начнёт меня «потрошить». Страха я, как ни странно, не чувствовала, но было какое-то ноющее ощущение неопределённости. Это была первая в моей жизни операция, и я ни малейшего представления не имела о том, как это будет происходить.

С самого утра я, как львёнок в клетке, ходила вперёд-назад по коридору, ожидая, когда же уже всё это наконец-то начнётся. Тогда, как и сейчас, мне больше всего не нравилось чего-либо или кого-либо ждать. И я всегда предпочитала самую неприятную реальность любой «пушистой» неопределённости. Когда я знала, что и как происходит, я была готова с этим бороться или, если было нужно, что-то решать. По моему понятию, не было неразрешаемых ситуаций — были только нерешительные или безразличные люди. Поэтому и тогда в больнице мне очень хотелось как можно быстрее избавиться от нависшей над моей головой «неприятности», и знать, что она уже позади…

Больниц я не любила никогда. Вид такого множества находящихся в одном помещении страдающих людей внушал мне настоящий ужас. Я хотела, но не могла им ничем помочь и в то же время чувствовала их боль так же сильно (видимо, полностью «включаясь»), как если бы она была моей. Я пыталась от этого как-то защититься, но она наваливалась настоящей лавиной, не оставляя ни малейшей возможности от всей этой боли уйти. Мне хотелось закрыть глаза, замкнуться в себе и бежать, не оборачиваясь, от всего этого как можно дальше и как можно быстрей...

Мама всё ещё не появлялась, и я начала нервничать, что её обязательно что-то задержит, и она, вероятнее всего, так и не сможет прийти. К этому времени я уже устала ходить и сидела, нахохлившись у дверей дежурного врача,

надеясь, что кто-нибудь всё-таки выйдет, и мне не придётся больше ждать. Через несколько минут и правда появился очень приятный дежурный врач и сказал, что мою операцию можно начинать уже через пол часа… если я, конечно, к этому готова. Готова я была уже давно, но никак не могла решиться делать это, не дождавшись мамы, так как она обещала быть вовремя, а обещания мы были привыкшие держать всегда.

Но к моему большому огорчению, время шло, и никто не появлялся. Мне всё тяжелее и тяжелее становилось ждать. Наконец я по-бойцовски решила, что, наверное, всё-таки будет лучше, если я пойду сейчас, тогда весь этот кошмар намного быстрее окажется позади. Я собрала всю свою волю в кулак и сказала, что готова идти уже сейчас, если, конечно, он может меня принять.

— А как же насчёт твоей мамы? — удивлённо спросил врач.

— Это будет мой сюрприз, — ответила я.

— Ну, тогда пошли, герой! — улыбнулся врач.

Он повёл меня в небольшую, очень белую комнату, усадил в огромное (для моих габаритов) кресло и начал приготавливать инструменты. Приятного в этом разумеется было мало, но я упорно продолжала наблюдать за всем, что он делал и мысленно себе повторяла, что всё будет очень хорошо, и что я ни за что не собираюсь сдаваться.

— Не бойся, сейчас я тебе сделаю укол, и ты ничего не будешь больше ни видеть, ни чувствовать, — сказал врач.

— Я не хочу укол, — возразила я, — я хочу видеть, как это выглядит.

— Ты хочешь видеть свои гланды?!. — удивился он.

Я гордо кивнула.

— Поверь мне, это не столь приятно, чтобы на них смотреть, — сказал врач, — и тебе будет больно, я не могу тебе этого разрешить.

— Вы не будете меня обезболивать или я не буду делать этого вообще, — упорно настаивала я. — Почему вы не оставляете мне права выбора? Если я маленькая, то ещё не значит, что я не имею права выбирать, как мне принимать мою боль!

Врач смотрел на меня, широко открыв глаза и, казалось, не мог поверить в то, что слышал. Почему-то мне стало вдруг очень важно, чтобы он мне поверил. Мои бедные нервы уже видимо были на пределе, и я чувствовала, что ещё чуть-чуть и по моей напряжённой физиономии польются предательские потоки слёз, а этого допустить было никак нельзя.

— Ну, пожалуйста, я клянусь, что никогда никому этого не скажу, — всё ещё упрашивала я.

Он долго на меня смотрел, а потом вздохнул и сказал:

— Я тебе разрешу, если ты скажешь мне, почему тебе это нужно.

Я растерялась. По-моему я тогда и сама не очень-то хорошо понимала, что заставило меня так настойчиво отвергать обычную, «спасительную» анестезию. Но я не разрешила себе расслабиться, понимая, что срочно нужно найти какой-то ответ, если я не хочу, чтобы этот чудесный врач передумал и всё пошло бы обычным путём.

— Я очень боюсь боли и вот теперь решила это перебороть. Если вы мне поможете, я буду очень вам благодарна, — краснея, сказала я.

Моя проблема была в том, что я совершенно не умела лгать. И я видела, что врач сразу же это понял. Тогда, не давая ему возможности что-либо сказать, я выпалила:

— Несколько дней назад я перестала чувствовать боль и хочу это проверить!..

Врач долго изучающе на меня смотрел.

— Ты кому-то об этом сказала? — спросил он.

— Нет, пока никому, — ответила я. И рассказала ему во всех подробностях случай на катке.

— Ну, ладно, давай попробуем, — сказал врач. — Но, если будет больно, ты уже не сможешь мне об этом сказать, поняла? Поэтому, сразу же подними руку, если только почувствуешь боль, договорились? — Я кивнула.

Если честно, я абсолютно не была уверена, зачем я всё это затеваю. А также не была полностью уверена и в том, смогу ли по-настоящему с этим справиться, и не придётся ли обо всей этой сумасшедшей истории горько пожалеть. Я видела, как врач подготавливает обезболивающий укол и ставит шприц на столик рядом с собой.

— Это на случай непредвиденного провала, — тепло улыбнулся он. — Ну что, поехали?

На секунду мне показалась дикой вся эта затея, и вдруг очень захотелось быть такой же, как все — нормальной, послушной девятилетней девочкой, которая закрывает глаза, просто потому, что ей очень страшно. А ведь мне и вправду было страшно… но так как не в моей привычке было отступать, я гордо кивнула и приготовилась наблюдать. Только много лет спустя я поняла, чем по-настоящему рисковал этот милый врач… И ещё для меня навсегда осталось «тайной за семью печатями», **почему** он это сделал. Но тогда всё это казалось совершенно нормальным, и, честно говоря, у меня не было времени, чтобы удивляться.

Операция началась, и я как-то сразу успокоилась — как будто откуда-то знала, что всё будет хорошо. Теперь я уже не смогла бы вспомнить всех подробностей, но очень хорошо помню то, как потряс меня вид «того», что столько лет беспощадно мучило меня и маму после каждого малейшего перегрева или простуды… Это оказались два серых, жутко сморщенных комочка какой-то материи, которая не была похожа даже на нормальную человеческую плоть! Наверное, увидя такую «гадость», у меня глаза стали, как ложки, потому что врач рассмеялся и весело сказал:

— Как видишь, не всегда из нас удаляется что-то красивое!

Через несколько минут операция была закончена, и я не могла поверить, что всё уже позади. Мой отважный доктор мило улыбался, вытирая полностью вспотевшее лицо. Выглядел он почему-то, как «выжатый лимон»… Видимо, мой странный эксперимент обошёлся ему не так уж и легко.

— Ну что, герой, всё ещё не больно? — внимательно глядя мне в глаза,

спросил он.

— Только чуть-чуть першит, — ответила я, что было искренней и абсолютной правдой.

В коридоре нас ждала очень расстроенная мама. Оказалось, что на работе у неё случились непредвиденные проблемы, и как бы она ни просилась, начальство не захотело её отпускать. Я тут же постаралась её успокоить, но рассказывать обо всём пришлось, конечно же, врачу, так как разговаривать мне пока ещё было чуточку трудновато. После этих двух примечательных случаев, «самообезболивающий эффект» у меня начисто исчез и не появлялся больше уже никогда.

19. Соседка

Насколько я себя помню, меня всегда привлекала в людях жажда жизни и умение находить радость даже в самых безнадёжных или грустных жизненных ситуациях. Сказать проще — я всегда любила «сильных духом» людей. Настоящим примером «выживания» в то время была для меня наша молодая соседка — Леокадия. Мою впечатлительную детскую душу поражало её мужество и её по-настоящему **неистребимое желание жить**. Леокадия была моим светлым кумиром и наивысшим примером того, **как высоко человек способен вознестись над любым физическим недугом**, не давая этому недугу разрушить ни его личность, ни его жизнь…

Некоторые болезни **излечимы**, и нужно только лишь терпение, чтобы дождаться, когда же это наконец-то произойдёт. Её же болезнь была с ней **на всю её оставшуюся жизнь** и никакой надежды когда-то стать нормальным человеком у этой мужественной молодой женщины, к сожалению не было.

Судьба-насмешница обошлась с ней очень жестоко. Когда Леокадия была ещё совсем маленькой, но абсолютно **нормальной** девочкой, ей «посчастливилось» очень неудачно упасть с каменных ступенек и сильно повредить себе позвоночник и грудную кость. Врачи поначалу даже не были уверены, сможет ли она вообще когда-то ходить. Но спустя какое-то время, этой сильной, жизнерадостной девочке всё-таки удалось, благодаря её решительности и упорству, подняться с больничной койки и медленно, но уверенно начать заново делать свои «первые шаги»...

Вроде бы всё кончилось хорошо. Но через какое-то время, к всеобщему ужасу, у неё спереди и сзади начал расти огромный, совершенно жуткий горб, который позже буквально изуродовал её тело до полной неузнаваемости… И, что было самое обидное — природа, как бы издеваясь, наградила эту голубоглазую девочку изумительно красивым, светлым и утончённым лицом, тем самым, как бы желая показать, какой дивной красавицей она могла бы быть, если бы ей не была приготовлена такая жестокая судьба...

Я даже не пытаюсь себе представить, через какую душевную боль и одиночество должна была пройти эта удивительная женщина, пытаясь ещё маленькой девочкой как-то **привыкнуть** к своей страшной беде. И как она могла

выжить и не сломаться, когда много лет спустя, став уже взрослой девушкой, должна была смотреть на себя в зеркало и понимать, что простое женское счастье ей не дано испытать никогда, каким бы хорошим и добрым человеком она не являлась… Она принимала свою беду с чистой и открытой душой и видимо именно это помогло ей сохранить очень сильную веру в себя, не обозлившись на окружающий мир и не плача над своей злой, исковерканной судьбой.

До сих пор я, как сейчас, помню её неизменную тёплую улыбку и радостные светящиеся глаза, встречавшие нас каждый раз, вне зависимости от её настроения или физического состояния (а ведь очень часто я чувствовала, как по-настоящему ей было тяжело)… Я очень любила и уважала эту сильную, светлую женщину за её неиссякаемый оптимизм и её глубокое душевное добро. А уж, казалось, как раз она-то и не имела ни малейших причин верить тому же самому добру, потому что во многом никогда так и не смогла почувствовать, что это такое по-настоящему **жить**. Или, возможно, почувствовала намного глубже, чем могли чувствовать это мы?..

Я была тогда ещё слишком маленькой девочкой, чтобы понять всю бездну различия между такой искалеченной жизнью и жизнью нормальных, здоровых людей, но я прекрасно помню, что даже много лет спустя, воспоминания о моей чудесной соседке очень часто помогали мне переносить душевные обиды и одиночество, когда не сломаться было по-настоящему очень и очень тяжело.

Я никогда не понимала людей, которые вечно были чем-то недовольны и постоянно жаловались на свою, всегда неизменно «горькую и несправедливую» судьбу... И я никогда не понимала причину, которая **давала им право** считать, что счастье **заранее предназначено** им уже с самого их появления на свет и, что они имеют, ну прямо-таки **«законное право»** на это, ничем не нарушаемое (и совершенно незаслуженное!) счастье...

Я же такой уверенностью об «обязательном» счастье никогда не страдала и наверное поэтому не считала свою судьбу «горькой или несправедливой», а наоборот, была в душе счастливым ребёнком, что и помогало мне преодолевать многие из тех препятствий, которые очень «щедро и постоянно» дарила мне моя судьба… Просто иногда случались короткие срывы, когда бывало очень грустно и одиноко, и казалось, что стоит только внутри сдаться, не искать больше причин своей «необычности», не бороться за свою «недоказанную» правду, как всё сразу же станет на свои места… И не будет больше ни обид, ни горечи незаслуженных упрёков, ни ставшего уже почти постоянным одиночества.

Но на следующее утро я встречала свою милую, светящуюся, как яркое солнышко, соседку Леокадию, которая радостно спрашивала:

— Какой чудесный день, не правда ли?..

И мне, здоровой и сильной, тут же становилось очень стыдно за свою непростительную слабость и, покраснев, как спелый помидор, я сжимала свои, тогда ещё маленькие, но достаточно «целеустремлённые» кулаки и снова готова была кинуться в бой со всем окружающим миром, чтобы ещё более яростно отстаивать свои «ненормальности» и саму себя…

Помню, как однажды, после очередного «душевного смятения», я сидела

одна в саду под своей любимой старой яблоней, мысленно пыталась «разложить по полочкам» свои сомнения и ошибки, и была очень недовольна тем, какой получался результат. Моя соседка, Леокадия, под своим окном сажала цветы (чем с её недугом было очень трудно заниматься) и могла прекрасно меня видеть. Наверное, ей не очень понравилось моё тогдашнее состояние (которое всегда, несмотря на то, хорошее оно или плохое, было написано на моём лице), потому что она подошла к забору и спросила — не хочу ли я позавтракать с ней её пирожками?

Я с удовольствием согласилась — её присутствие всегда было очень приятным и успокаивающим, так же, как всегда вкусными были и её пирожки. А ещё мне очень хотелось с кем-то поговорить о том, что меня угнетало уже несколько дней, а делиться этим дома почему-то в тот момент не хотелось. Наверное, просто иногда мнение постороннего человека могло дать больше «пищи для размышлений», чем забота и неусыпное внимание вечно волновавшихся за меня бабушки или мамы. Поэтому я с удовольствием приняла предложение соседки и пошла к ней завтракать, уже издали чувствуя чудодейственный запах моих любимых вишнёвых пирожков.

Я не была очень «открытой», когда дело касалось моих «необычных» способностей, но с Леокадией я время от времени делилась какими-то своими неудачами или огорчениями, так как она была по-настоящему отличным слушателем и никогда не старалась просто «уберечь» меня от каких либо неприятностей, что, к сожалению, очень часто делала мама и что иногда заставляло меня закрыться от неё намного более, чем мне этого хотелось бы. В тот день я рассказала Леокадии о своём маленьком «провале», который произошёл во время моих очередных «экспериментов», и который меня сильно огорчил.

— Не стоит так переживать, милая, — сказала она. — **В жизни не страшно упасть, важно всегда уметь подняться**.

Прошло много лет с того чудесного тёплого завтрака, но эти её слова навсегда впечатались в мою память и стали одним из «неписанных» законов моей жизни, в которой «падать», к сожалению, мне пришлось очень много раз, но до сих пор **всегда удавалось подняться**.

Проходили дни, я всё больше и больше привыкала к своему удивительному и такому ни на что не похожему миру и несмотря на некоторые неудачи, чувствовала себя в нём по-настоящему счастливой. К тому времени я уже чётко поняла, что не смогу найти никого, с кем могла бы открыто делиться тем, что со мной постоянно происходило, и уже спокойно принимала это, как должное, больше не огорчаясь и не пытаясь кому-то что-то доказать. Это был **мой мир**, и если он кому-то не нравился, я не собиралась никого насильно туда приглашать.

Помню позже, читая одну из папиных книг, я случайно наткнулась на строки какого-то старого философа, которые были написаны много веков назад и которые меня тогда очень обрадовали и несказанно удивили:

«Будь, как все, иначе жизнь станет невыносимой. Если в знании или умении оторвёшься от нормальных людей слишком далеко, тебя перестанут понимать и сочтут безумцем. В тебя полетят камни, от тебя отвернётся твой друг»…

Значит уже тогда (!) на свете были «необычные» люди, которые по своему горькому опыту **знали**, как это всё непросто и считали нужным предупредить, а если удастся — и уберечь таких же «необычных», какими были они сами, людей!!!

Эти простые слова когда-то давно жившего человека согрели мою душу и поселили в ней крохотную надежду, что **когда-нибудь я возможно и встречу кого-то ещё**, кто будет для всех остальных таким же «необычным», как я сама, и с кем я смогу свободно говорить о любых «странностях» и «ненормальностях», не боясь, что меня воспримут «в штыки» или, в лучшем случае, просто безжалостно высмеют. Но эта надежда была ещё настолько хрупкой и для меня невероятной, что я решила поменьше увлекаться, думая о ней, чтобы в случае неудачи не было бы слишком больно «приземляться» с моей красивой мечты в жёсткую реальность…

Даже из своего короткого опыта я уже понимала, что во всех моих «странностях» не было ничего плохого или отрицательного. А если иногда какие-то из моих «экспериментов» и не совсем получались, то отрицательное действие теперь проявлялось уже только на меня, но не на окружающих меня людей. Ну, а если какие-то друзья, из-за боязни быть вовлечёнными в мои «ненормальности», от меня отворачивались — то такие друзья мне были просто не нужны…

И ещё я знала, что моя жизнь кому-то и для чего-то видимо была нужна, потому что, в какую бы опасную «передрягу» я ни попадала, мне всегда удавалось из неё выйти без каких-либо негативных последствий, и всегда как-будто кто-то неизвестный мне в этом помогал. Как, например, и произошло тем же летом в момент, когда я чуть было не утонула в нашей любимой реке Нямунас...

20. Необычное спасение

Был очень жаркий июльский день, температура держалась не ниже +40 градусов. Накалившийся «до бела» воздух был сухим, как в пустыне и буквально «трещал» в наших лёгких при каждом вздохе. Мы сидели на берегу реки, бессовестно потея и ловили ртами воздух, как выброшенные на сушу перегревшиеся караси… И уже почти что полностью «поджарившись» на солнышке, тоскующими глазами смотрели на воду. Привычной влаги абсолютно не чувствовалось и поэтому всей ребятне дико хотелось как можно быстрее окунуться. Но купаться было немножко боязно, так как это был другой, непривычный нам берег реки, а Нямунас, как известно, издавна была той глубокой и непредсказуемой рекой, с которой шутки шутить не советовалось.

Наш старый любимый пляж был на время закрыт для чистки, поэтому мы все временно собрались на месте более или менее кому-то знакомом, и все пока что дружно «сушились» на берегу, никак не решаясь купаться. У самой реки росло огромное старое дерево. Его длинные шелковистые ветви, при малейшем дуновении ветра, касались воды, тихо лаская её нежными лепестками, а мощные старые корни, упираясь в речные камни, сплетались под ним в сплошной «бо-

родавчатый» ковёр, создавая своеобразную, нависающую над водой, бугристую крышу.

Вот это-то старое мудрое дерево, как ни странно, и являло собой реальную опасность для купающихся… Вокруг него по какой-то причине в воде создавалось множество своеобразных «воронок», которые как бы «всасывали» попавшегося человека в глубину, и надо было быть очень хорошим пловцом, чтобы суметь удержаться на поверхности, тем более, что место под деревом как раз было очень глубоким.

Но детям говорить об опасности, как известно, почти что всегда бесполезно. Чем больше их убеждают заботливые взрослые, что с ними может произойти какая-то непоправимая беда, тем больше они уверены, что «может быть с кем-то это и может случиться, но конечно же, только не с ними, не здесь и не сейчас»… А само ощущение опасности, наоборот — их только ещё больше притягивает, тем самым провоцируя иногда на глупейшие поступки.

Вот примерно так же думали и мы — четверо «бравых» соседских ребят и я, и не вытерпев жары, всё же решили искупаться. Река выглядела тихой и спокойной, и никакой опасности вроде бы собой не представляла. Мы договорились наблюдать друг за другом и дружно поплыли. Вначале вроде бы всё было, как обычно — течение было не сильнее, чем на нашем старом пляже, а глубина не превышала уже знакомой привычной глубины. Я расхрабрилась и поплыла уже более уверенно. И тут же за эту же слишком большую уверенность, «боженька стукнул меня по головушке, да не пожалел»… Я плыла недалеко от берега, как вдруг почувствовала, что меня резко потащило вниз… И это было столь внезапно, что я не успела никак среагировать, чтобы удержаться на поверхности. Меня странно крутило и очень быстро тянуло в глубину. Казалось, время остановилось, я чувствовала, что не хватает воздуха.

Тогда я ещё ничего не знала ни о клинической смерти, ни о светящихся туннелях, появлявшихся во время неё. Но то, что случилось далее, было очень похожим на все те истории о клинических смертях, которые намного позже мне удалось прочитать в разных книжках, уже живя в далёкой Америке…

Я чувствовала, что если сейчас же не вдохну воздуха, мои лёгкие просто-напросто разорвутся, и я наверняка умру. Стало очень страшно, в глазах темнело. Неожиданно в голове вспыхнула яркая вспышка, и все чувства куда-то исчезли... Появился слепяще-яркий, прозрачный голубой туннель, как будто весь сотканный из мельчайших движущихся серебристых звёздочек. Я тихо парила внутри него, не чувствуя ни удушья, ни боли, только мысленно удивляясь необыкновенному чувству абсолютного счастья, как будто наконец-то обрела место своей долгожданной мечты. Было очень спокойно и хорошо. Все звуки исчезли, не хотелось двигаться. Тело стало очень лёгким, почти что невесомым. Вероятнее всего, в тот момент я просто умирала...

Я видела какие-то очень красивые, светящиеся, прозрачные человеческие фигуры, медленно и плавно приближающиеся по туннелю ко мне. Все они тепло улыбались, как будто звали к ним присоединиться… Я уже было потянулась к ним… как вдруг откуда-то появилась огромная светящаяся ладонь, которая

подхватила меня снизу и, как песчинку, начала быстро подымать на поверхность. Мозг взорвался от нахлынувших резких звуков, как будто в голове внезапно лопнула защищающая перегородка... Меня, как мячик, вышвырнуло на поверхность… и оглушило настоящим водопадом цветов, звуков и ощущений, которые почему-то воспринимались мной теперь намного ярче, чем это было привычно.

На берегу была настоящая паника… Соседские мальчишки, что-то крича, выразительно размахивали руками, показывая в мою сторону. Кто-то пытался вытащить меня на сушу. А потом всё поплыло, закружилось в каком-то сумасшедшем водовороте, и моё бедное, перенапряжённое сознание уплыло в полную тишину... Когда я понемножку «очухалась», ребята стояли вокруг меня с расширившимися от ужаса глазами, и все вместе чем-то напоминали одинаковых перепуганных совят… Было видно, что всё это время они находились чуть ли не в настоящем паническом шоке и видимо мысленно уже успели меня «похоронить». Я постаралась изобразить улыбку и, всё ещё давясь тёплой речной водой, с трудом выдавила, что у меня всё в порядке, хотя ни в каком порядке я в тот момент естественно не была.

Как мне потом сказали, весь этот переполох занял в реальности всего лишь минут пять, хотя для меня в тот страшный момент, когда я находилась под водой, время почти что остановилось... Я искренне радовалась, что мамы в тот день с нами не было. Позже мне кое-как удалось упросить «соседскую маму», с которой нас тогда отпустили купаться, чтобы то, что случилось у реки, осталось нашим секретом, так как мне совершенно не хотелось, чтобы моих бабушку или маму хватил сердечный удар, тем более, что всё уже было позади, и не имело никакого смысла кого-либо так бессмысленно пугать. Соседка сразу же согласилась. Видимо, для неё это был такой же желанный вариант, так как ей не очень-то хотелось, чтобы кто-то узнал, что общего доверия ей, к сожалению, не удалось оправдать…

Но на этот раз всё кончилось хорошо, все были живы и счастливы, и не было никакой причины об этом более говорить. Только ещё много, много раз после моего неудачливого «купания» я возвращалась во сне в тот же сверкающий голубой туннель, который по какой-то мне неизвестной причине притягивал меня, как магнит. И я опять испытывала то необыкновенное чувство покоя и счастья, тогда ещё не зная, что делать это, как оказалось, было очень и очень опасно…

21. Неожиданные гости

Нам всем навевают глухую тоску вечера.
Нам кажется вечер предвестником горькой утраты.
Ещё один день, точно плот по реке, во «вчера»
Уходит, уходит… ушёл… **И не будет возврата**.

Мария Семёнова

Через пару недель после того злополучного дня на берегу реки, меня начали

посещать души (или точнее — сущности) умерших, мне незнакомых людей. Видимо мои частые возвращения к голубому каналу чем-то «разбередили» покой до того спокойно существовавших в мирной тишине, душ... Только, как оказалось позже, далеко не все из них были по-настоящему так уж спокойны… И только после того, как у меня побывало огромное множество самых разных, от очень печальных до глубоко несчастных и неуспокоенных душ, я поняла насколько по-настоящему важно то, **как** мы проживаем нашу жизнь и как жаль, что задумываемся мы об этом только тогда, когда уже слишком поздно что-то менять, и когда остаёмся совершенно беспомощными перед жестоким и неумолимым фактом, что уже **ничего и никогда не сможем исправить**...

Мне хотелось бежать на улицу, хватать людей за руки и кричать всем и каждому, как это дико и страшно, когда всё становится слишком поздно!.. И ещё мне до боли хотелось, чтобы каждый человек знал, что «**после**» уже не поможет никто и никогда!.. Но, к сожалению, я тогда уже прекрасно понимала, что всё, что я получу за такое «искреннее предупреждение», будет всего лишь лёгкий путь в сумасшедший дом или (в лучшем случае) просто смех… Да и что я могла кому-либо доказать, маленькая девятилетняя девочка, которую никто не хотел понять, и которую легче всего было считать просто «чуточку странной»…

Я не знала, что я должна делать, чтобы помочь всем этим несчастным, страдающим от своих ошибок или от жестокой судьбы, людям. Я готова была часами выслушивать их просьбы, забывая о себе и желая как можно больше открыться, чтобы ко мне могли «постучаться» все, кто в этом нуждался. И вот начались настоящие «наплывы» моих новых гостей, которые, честно говоря, поначалу меня чуточку пугали.

Самой первой у меня появилась молодая женщина, которая сразу же мне чем-то понравилась. Она была очень грустной, и я почувствовала, что где-то глубоко в её душе «кровоточит» незаживающая рана, которая не даёт ей спокойно уйти. Незнакомка впервые появилась, когда я сидела, уютно свернувшись «калачиком» в папином кресле и с упоением «поглощала» книжку, которую выносить из дома не разрешалось. Как обычно, с большим удовольствием наслаждаясь чтением, я так глубоко погрузилась в незнакомый и такой захватывающий мир, что не сразу заметила свою необычную гостью.

Сначала появилось беспокоящее чувство чужого присутствия. Ощущение было очень странным — как будто в комнате вдруг подул лёгкий прохладный ветерок, и воздух вокруг наполнился прозрачным вибрирующим туманом. Я подняла голову и прямо перед собой увидела очень красивую, молодую светловолосую женщину. Её тело чуть-чуть светилось голубоватым светом, но в остальном она выглядела вполне нормально. Незнакомка смотрела на меня, не отрываясь, и как бы о чём-то умоляла. Вдруг я услышала:

— Пожалуйста, помоги мне…

И хотя она не открывала рта, я очень чётко слышала слова, просто они звучали чуть-чуть по-другому, звук был мягким и шелестящим. И тут я поняла, что она говорит со мной точно так же, как я уже слышала раньше — голос звучал только в моей голове (что, как я позже узнала, было **телепатией**).

— Помоги мне… — опять тихо прошелестело.

— Чем я могу вам помочь? — спросила я.

— Ты меня слышишь, ты можешь с ней говорить… — ответила незнакомка.

— С кем я должна говорить? — поинтересовалась я.

— С моей малышкой, — был ответ.

Её звали Вероника. И, как оказалось, эта печальная и такая красивая женщина умерла от рака почти год назад, когда ей было всего лишь тридцать лет, и её маленькая шестилетняя дочурка, которая думала, что мама её бросила, не хотела ей этого прощать и всё ещё очень глубоко от этого страдала. Сын Вероники был слишком маленьким, когда она умерла и не понимал, что его мама уже никогда больше не вернётся… и что на ночь теперь его всегда будут укладывать уже чужие руки, и его любимую колыбельную будет петь ему какой-то чужой человек… Но он был ещё слишком мал и не имел ни малейшего понятия о том, сколько боли может принести такая жестокая потеря. А вот с его шестилетней сестрой дела обстояли совершенно иначе... Вот почему эта милая женщина не могла успокоиться и просто уйти, пока её маленькая дочь так не по-детски и глубоко страдала…

— Как же я её найду? — спросила я.

— Я тебя отведу, — прошелестел ответ.

Только тут я вдруг заметила, что, когда она двигалась, её тело легко просачивалось через мебель и другие твёрдые предметы, как будто оно было соткано из плотного тумана... Я спросила, трудно ли ей здесь находиться? Она сказала — да, потому что ей давно пора уходить… Ещё я спросила, страшно ли было умирать? Она сказала, что **умирать не страшно, страшнее наблюдать тех, кого оставляешь после себя, потому, что столько ещё хочется им сказать, а изменить, к сожалению, уже ничего нельзя**... Мне было очень её жаль, такую милую, но беспомощную, и такую несчастную... И очень хотелось ей помочь, только я, к сожалению, не знала — как?

На следующий день я спокойно возвращалась домой от своей подруги, с которой мы обычно вместе занимались игрой на фортепиано (так как своего у меня в то время ещё не было). Как вдруг, почувствовав какой-то странный внутренний толчок, я ни с того, ни с сего, свернула в противоположную сторону и пошла по мне совершенно незнакомой улице... Шла я недолго, пока не остановилась у очень приятного домика, сплошь окружённого цветником. Там внутри двора на маленькой игровой площадке сидела грустная, совершенно крошечная девочка. Она была скорее похожа на миниатюрную куклу, чем на живого ребёнка. Только эта «кукла» почему-то была бесконечно печальной... Сидела она совершенно неподвижно и выглядела ко всему безразличной, как будто в тот момент окружающий мир для неё просто не существовал.

— Её зовут Алина, — прошелестел внутри меня знакомый голос, — пожалуйста, поговори с ней...

Я подошла к калитке и попробовала открыть. Ощущение было не из приятных — как будто я насильно врывалась в чью-то жизнь, не спрашивая на это разрешения. Но тут я подумала о том, какой же несчастной должна была быть

бедная Вероника и решила рискнуть. Девчушка подняла на меня свои огромные, небесно-голубые глаза, и я увидела, что они наполнены такой глубокой тоской, какой у этого крошечного ребёнка просто ещё никак не должно было быть. Я подошла к ней очень осторожно, боясь спугнуть, но девочка совершенно не собиралась пугаться, только с удивлением на меня смотрела, как будто спрашивая, что мне от неё нужно.

Я подсела к ней на край деревянной перегородки и спросила, почему она такая грустная. Она долго не отвечала, а потом, наконец, прошептала сквозь слёзы:

— Меня мама бросила, а я её так люблю... Наверное, я была очень плохой, и теперь она больше не вернётся.

Я растерялась. Да и что я могла ей сказать? Как объяснить? Я чувствовала, что Вероника находится со мной. Её боль буквально скрутила меня в твёрдый жгучий болевой ком и жгла так сильно, что стало тяжело дышать. Мне так хотелось им обеим помочь, что я решила — будь что будет, а не попробовав, не уйду. Я обняла девчушку за её хрупкие плечики, и как можно мягче сказала:

— Твоя мама любит тебя больше всего на свете, Алина и она просила меня тебе передать, что она тебя никогда не бросала.

— Значит, она теперь живёт с тобой? — ощетинилась девчушка.

— Нет. Она живёт там, куда ни я, ни ты не можем пойти. Её земная жизнь здесь с нами кончилась, и она теперь живёт в другом, очень красивом мире, из которого может тебя наблюдать. Но она видит, как ты страдаешь и не может отсюда уйти. А здесь она уже находиться дольше тоже не может. Поэтому ей нужна твоя помощь. Ты хотела бы ей помочь?

— А откуда ты всё это знаешь? Почему она разговаривает с тобой?!.

Я чувствовала, что пока ещё она мне не верит и не хочет признавать во мне друга. И я никак не могла придумать, как же объяснить этой маленькой, нахохлившейся, несчастной девчушке, что существует «другой», далёкий мир, из которого, к сожалению, нет возврата сюда. И что её любимая мама говорит со мной не потому, что у неё есть выбор, а потому, что мне просто «посчастливилось» быть немножечко «другой», чем все остальные…

— Все люди разные, Алинушка, — начала я. — Одни имеют талант к рисованию, другие к пению, а вот у меня такой особый талант к разговору с теми, которые ушли из нашего с тобой мира уже навсегда. И твоя мама говорит со мной совсем не потому, что я ей нравлюсь, а потому, что я её услышала, когда больше никто её услышать не мог. И я очень рада, что хоть в чём-то могу ей помочь. Она тебя очень любит и очень страдает оттого, что ей пришлось уйти… Ей очень больно тебя оставлять, но это не её выбор. Ты помнишь, она тяжело и долго болела? — девочка кивнула. — Вот эта болезнь и заставила её покинуть вас. А теперь она должна уйти в свой новый мир, в котором она будет жить. И для этого она должна быть уверена, что ты знаешь, как она тебя любит.

Девочка грустно на меня посмотрела и тихо спросила:

— Она живёт теперь с ангелами?.. Папа мне говорил, что она теперь живёт в таком месте, где всё, как на открытках, что мне дарят на рождество. И там такие

красивые крылатые ангелы... Почему она не взяла меня с собой?..

— Потому, что ты должна прожить свою жизнь здесь, милая, а потом ты тоже пойдёшь в тот же мир, где сейчас твоя мама.

Девочка засияла.

— Значит, там я её увижу? — радостно пролепетала она.

— Конечно, Алинушка. Поэтому ты должна быть всего лишь терпеливой девочкой и помочь твоей маме сейчас, если ты её так сильно любишь.

— Что я должна делать? — очень серьёзно спросила малышка.

— Всего лишь думать о ней и помнить её, потому, что она видит тебя. И если ты не будешь грустить, твоя мама наконец-то обретёт покой.

— Она и теперь видит меня?— спросила девочка и её губки начали предательски дёргаться.

— Да милая.

Она на какой-то миг замолчала, как бы собираясь внутри, а потом крепко сжала кулачки и тихо прошептала:

— Я буду очень хорошей, милая мамочка… ты иди… иди пожалуйста… Я тебя так люблю!..

Слёзы большими горошинами катились по её бледным щёчкам, но лицо было очень серьёзным и сосредоточенным… Жизнь впервые наносила ей свой жестокий удар и казалось, будто эта маленькая, так глубоко раненная девчушка вдруг совершенно по-взрослому что-то для себя осознала и теперь пыталась серьёзно и открыто это принять. Моё сердце разрывалось от жалости к этим двум несчастным и таким милым существам, но я, к сожалению, ничем больше не могла им помочь… Окружающий их мир был таким невероятно светлым и красивым, но для обеих это уже не мог больше быть их общий мир...

Жизнь порой бывает очень жестокой, и мы никогда не знаем, в чём заключается смысл приготовленной нам боли или потери. Видимо, это правда, что без потерь невозможно осмыслить того, что по праву или по счастливой случайности дарит нам судьба. Только вот, что же могла осмыслить эта несчастная, съёжившаяся, как раненный зверёк девчушка, когда мир вдруг обрушился на неё всей своей жестокостью и болью самой страшной в жизни потери?..

Я ещё долго сидела с ними и старалась, как могла, помочь им обеим обрести хоть какой-то душевный покой. Я вспомнила своего дедушку и ту жуткую боль, которую принесла мне его смерть… Как же должно было быть страшно этой хрупкой, ничем не защищённой малышке потерять самое дорогое на свете — свою мать?..

Мы никогда не задумываемся о том, что те, которых по той или иной причине отнимает у нас судьба, переживают намного глубже нас последствия своей смерти. Мы чувствуем боль потери и страдаем (иногда даже злясь), что они так безжалостно нас покинули. Но, каково же **им**, когда их страдание умножается в тысячи раз, **видя то, как страдаем от этого мы**?!. И каким беспомощным должен себя чувствовать человек, не имея возможности ничего больше сказать и ничего изменить?..

Я бы многое тогда отдала, чтобы найти хоть какую-то возможность пре-

дупредить об этом людей. Но, к сожалению, у меня таковой возможности не было… Поэтому, после печального визита Вероники, я стала с нетерпением ждать, когда же ещё кому-то смогу помочь. И жизнь, как это всегда обычно бывало, не заставила себя долго ждать.

Сущности приходили ко мне днём и ночью, молодые и старые, мужские и женские, и все просили помочь им говорить с их дочерью, сыном, мужем, женой, отцом, матерью, сестрой… Это продолжалось нескончаемым потоком, пока, под конец, я не почувствовала, что у меня нет больше сил. Я не знала, что входя с ними в контакт, я должна была обязательно закрываться своей (к тому же, очень сильной!) защитой, а не открываться эмоционально, как водопад, постепенно отдавая им всю свою жизненную силу, которую тогда ещё, к сожалению, я не знала, как восполнять.

Очень скоро я буквально не имела сил двигаться и слегла в постель... Когда мама пригласила нашего врача, Дану, проверить, что же такое снова со мной стряслось, та сказала, что это у меня «временная потеря сил от физического переутомления»… Я не сказала никому ничего, хотя прекрасно знала настоящую причину этого «переутомления». И как делала уже давно, просто честно глотала любое лекарство, которое прописала мне моя двоюродная сестра и отлежавшись в постели около недели, опять была готова на свои очередные «подвиги»…

Я давно поняла, что искренние попытки объяснений того, что по-настоящему со мной происходило, не давали мне ничего, кроме головной боли и усиления постоянного наблюдения за мной моих бабушки и мамы. А в этом, честно говоря, я не находила никакого удовольствия...

Моё долгое «общение» с сущностями умерших в очередной раз «перевернуло» мой и так уже достаточно необычный мир. Я не могла забыть того нескончаемого потока глубокого людского отчаяния и горечи и всячески пыталась найти хоть какой-нибудь способ им помочь. Но дни шли, а я так ничего и не смогла придумать в одиночку, кроме как, опять же — действовать тем же способом, только уже намного осторожнее тратя на это свою жизненную силу. Но так как относиться спокойно к происходящему я никак не могла, то всё же продолжала выходить на контакты и пыталась помочь, как могла, всем отчаявшимся в их беспомощности душам.

Правда, иногда бывали и забавные, почти что смешные случаи, об одном из которых мне хотелось здесь рассказать...

22. Полтергейст

На дворе был серый пасмурный день. Низкие набрякшие водой свинцовые тучи еле-еле тащились по небу, грозясь в любой момент разразиться «водопадным» ливнем. В комнате было душно, не хотелось ничем заниматься, только лежать, уставившись в «никуда» и ни о чём не думать… Но дело в том, что именно не думать-то я никогда и не умела, даже тогда, когда честно пыталась расслабиться или отдыхать. Поэтому я сидела в своём излюбленном папином кресле и пыталась прогнать своё «муторное» настроение чтением одной из своих

любимых «положительных» книг.

Через какое-то время я почувствовала чужое присутствие и мысленно приготовилась встречать нового «гостя»… Но вместо привычного мягкого ветерка меня почти что приклеило к спинке кресла, а мою книжку швырнуло на пол. Я очень удивилась такому неожиданному бурному проявлению чувств, но решила подождать и посмотреть, что же будет дальше.

В комнате появился «взъерошенный» мужчина, который, не поздоровавшись и не назвавшись (что обычно делали все остальные), сразу же потребовал, чтобы я «немедленно пошла с ним», потому что я ему «срочно нужна»… Он был настолько взвинченным и «кипящим», что меня это чуть ли не рассмешило. Никакой грустью или болью, как это бывало с остальными, тут и не пахло. Я попыталась собраться, чтобы выглядеть как можно более серьёзно и спокойно спросила:

— А почему Вы думаете, что я с Вами куда-то пойду?

— Ты что, ничего не понимаешь? Я мёртвый!!! — заорал в моём мозге его голос.

— Ну, почему не понимаю, я прекрасно знаю, **откуда вы**, но это ещё совершенно не значит, что вы имеете право мне грубить — спокойно ответила я. — Как я понимаю, в помощи нуждаетесь **вы**, а не я, поэтому будет лучше, если вы постараетесь быть немножко повежливее.

На мужчину мои слова произвели впечатление разорвавшейся гранаты... Казалось, что он сам сейчас же взорвётся. Я подумала, что при жизни он наверняка был очень избалованным судьбой человеком или просто имел совершенно жуткий характер.

— Ты не имеешь права мне отказать! Больше меня никто не слышит!!! — опять заорал он.

Книги в комнате закружились вихрем и дружно шлёпнулись на пол. Казалось, что внутри этого странного человека бушует тайфун. Но тут уж я тоже возмутилась и медленно произнесла:

— Если вы сейчас же не успокоитесь, я уйду с контакта, а вы можете дальше бунтовать в одиночку, если это доставляет вам такое большое удовольствие.

Мужчина явно удивился, но чуть-чуть «остыл». Было впечатление, что он не привык, чтобы ему не подчинялись немедленно, как только он «изъявлял» любое своё желание. Я никогда не любила людей этого типа — ни тогда, ни когда стала взрослым человеком. Меня всегда возмущало хамство, даже если, как в данном случае, оно исходило от мёртвого...

Мой буйный гость вроде бы успокоился и уже более нормальным голосом спросил, хочу ли я ему помочь? Я сказала, что да, если он обещает себя нормально вести. Тогда он сказал, что ему совершенно необходимо поговорить со своей женой, и что он не уйдёт (с земли) пока он не сможет до неё «достучаться». Я наивно подумала, что это один из тех вариантов, когда муж очень любил свою жену (несмотря на то, как ни дико это выглядело по отношению к нему) и решила помочь, даже если он мне и очень не нравился. Мы договорились, что он вернётся ко мне на завтра, когда я буду не дома, и я попробую сделать для него

всё, что смогу.

На следующий день я с самого утра чувствовала его сумасшедшее (иначе назвать не могу) присутствие. Я мысленно посылала ему сигнал, что я не могу торопить события и выйду из дома, когда смогу, чтобы не вызывать лишних вопросов у своих домашних. Но не тут то было... Мой новый знакомый был опять совершенно нестерпимым, видимо возможность ещё раз поговорить со своей женой делала его просто невменяемым. Тогда я решила поторопить события и отвязаться от него, как можно скорее. Обычно в помощи я никому старалась не отказывать, поэтому не отказала и этой странной, взбалмошной сущности. Я сказала бабушке, что хочу пройтись и вышла на двор.

— Ну что ж, ведите, — мысленно сказала я своему спутнику.

Мы шли около десяти минут. Его дом оказался на параллельной улице, совсем недалеко от нас, но этого человека я почему-то совершенно не помнила, хотя вроде бы знала всех своих соседей. Я спросила, как давно он умер? Он сказал, что уже десять лет (!!!)… Это было совершенно невозможно, и по моему понятию это было слишком давно!

— Но как вы можете до сих пор здесь находиться? — ошарашено спросила я.

— Я же тебе сказал — я не уйду пока не поговорю с ней! — раздражённо ответил он.

Что-то здесь было не так, но я никак не могла понять — что. Из всех моих умерших «гостей» ни один не находился здесь на земле так долго. Возможно, я была не права, и этот странный человек так любил свою жену, что никак не решался её покинуть?.. Хотя, если честно, в это мне верилось почему-то с большим трудом. Ну, не тянул он никак на «вечно-влюблённого рыцаря», даже с большой натяжкой… Мы подошли к дому… и тут я вдруг почувствовала, что мой незнакомец оробел.

— Ну что, пойдёмте? — спросила я.

— Ты же не знаешь, как меня зовут — пробормотал он.

— Об этом вы должны были подумать ещё в начале, — ответила я.

Тут вдруг у меня в памяти как будто открылась какая-то дверца — я вспомнила, **что** я знала об этих соседях…

Это был довольно-таки «известный» своими странностями (в которые верила во всей нашей округе, по-моему, только я одна) дом. Среди соседей ходили слухи, что хозяйка видимо не совсем нормальная, так как она постоянно рассказывала какие-то «дикие» истории с летающими в воздухе предметами, самопишущими ручками, привидениями, и т.д. и т.п. (*очень хорошо похожие вещи показаны в фильме «Привидение», который я увидела уже много лет спустя*).

Соседка была очень приятной женщиной лет сорока пяти, у которой и вправду около десяти лет назад умер муж. И вот с тех пор у неё в доме и начались все эти невероятные чудеса. Я бывала у неё несколько раз, горя желанием узнать, что же там такое у неё происходит, но разговорить мою замкнутую соседку мне, к сожалению, так и не удалось. Поэтому сейчас я полностью разделяла нетерпение её странного мужа и спешила поскорее войти, заранее предвкушая то, что

должно было по моим понятиям там произойти.

— Меня зовут Влад — прохрипел мой бывший сосед.

Я с удивлением на него взглянула и поняла, что он, оказывается, очень боится… Но я решила не обращать на это внимания и вошла в дом. Соседка сидела у камина и вышивала подушку. Я поздоровалась и уже собиралась объяснить, зачем я сюда пришла, как она неожиданно быстро проговорила:

— Пожалуйста, милая, уходи поскорее! Здесь может быть опасно.

Бедная женщина была напугана до полусмерти, и я вдруг поняла, **чего** она так боится… Она видимо всегда чувствовала присутствие своего мужа, когда он к ней приходил!.. И все, у неё случавшиеся раньше проявления полтергейста, видимо происходили по его вине. Поэтому опять почувствовав его присутствие, бедная женщина хотела меня всего лишь «уберечь» от возможного шока… Я ласково взяла её за руки и как можно мягче сказала:

— Я знаю, чего вы боитесь. Пожалуйста, послушайте, что я хочу вам сказать, и всё это кончится навсегда.

Я попыталась ей объяснить, как могла, о приходящих ко мне душах и о том, как я пытаюсь им всем помочь. Я видела, что она мне верит, но почему-то боится мне это показать.

— Со мной ваш муж, Миля, и если хотите, можете поговорить с ним, — осторожно сказала я.

К моему удивлению, она долго молчала, а потом тихо произнесла:

— Оставь меня в покое, Влад, ты меня мучил достаточно долго. Уходи.

Меня совершенно потрясло то, сколько муки было в голосе этой женщины!.. И, как оказалось, это потрясло не только меня, ответ ошарашил и её странного мужа, но только уже по-другому. Я почувствовала рядом с собой дикий вихрь чужой энергии, который буквально разрывал всё вокруг. Книги, цветы, чайная чашка — всё, что лежало на столе, с грохотом полетело в низ. Соседка побледнела, как полотно и поспешно начала выталкивать меня наружу. Но такими «эффектами», как швыряние чашек, меня уже очень давно было не испугать. Поэтому я мягко отстранила бедную трясущуюся женщину и твёрдо сказала:

— Если вы не прекратите так гнусно пугать свою жену, я уйду, и ищите себе кого-нибудь другого ещё столько же лет...

Но мужчина не обращал на меня никакого внимания. Видимо все эти долгие годы он только и ждал, что кого-то всё-таки когда-нибудь найдёт, кто мог бы помочь ему «достать» его бедную жену и его десятилетняя «жертва» не пройдёт даром. И вот теперь, когда это наконец-то реально произошло — он полностью потерял над собой контроль...

— Миля, Миленка, я так давно хотел сказать… пойдём со мной, родная... пойдём. Я один не могу... без тебя не могу столько лет... пойдём со мной.

Он бессвязно лопотал что-то, повторяя всё время те же самые слова. И тут только до меня дошло, **что** по-настоящему хотел этот человек!!! Он просил свою живую красавицу жену уйти с ним вместе, что значило просто — умереть…

Тут я уже больше выдержать не могла.

— Послушайте вы! Да вы ведь просто сумасшедший! — мысленно закричала я. — Я не буду говорить ей этих подлых слов! Убирайтесь туда, где вы давно уже должны были быть!.. Это как раз ваше место.

Меня просто выворачивало от возмущения!.. Неужели такое вправду может произойти?!. Я ещё не знала, что буду делать, но одно знала наверняка — **ни за что на свете я ему эту женщину не отдам**.

Его взбесило, что я не повторяю ей того, что он говорил. Он кричал на меня, орал на неё, бранился такими словами, которых я не слышала никогда… Плакал, если это возможно назвать плачем... И я поняла, что теперь он уже по-настоящему может стать опасным, только я ещё не понимала, каким образом это может произойти. В доме всё бешено двигалось, разлетелись оконные стёкла. Миля в ужасе стояла в ступоре, не в состоянии произнести ни слова. Ей было очень страшно, потому что, в отличие от меня, она не видела ничего из того, что происходило в той «другой», для неё закрытой реальности, а видела лишь «танцующие» перед ней в каком-то сумасшедшем танце неодушевлённые предметы… и потихоньку сходила с ума…

Это в книгах очень забавно читать о загадочных полтергейстах, других реальностях и восторгаться героями, которые всегда «побеждают драконов»… В реальности же ничего «забавного» в этом нет, кроме тихого ужаса, что не знаешь, что с этим делать и что из-за твоей беспомощности может прямо сейчас погибнуть хороший человек…

Я вдруг увидела, как Миля начала оседать на пол и стала бледной, как смерть. Мне стало до жути страшно. Я вдруг почувствовала себя тем, кем по-настоящему тогда была — просто маленькой девочкой, которая по своей глупости вляпалась во что-то ужасное и теперь не знает, как из этого всего выбраться.

— Ну, уж нет, — подумала я, — не получишь!..

И изо всех сил энергетически ударила эту ничтожную сущность, вкладывая в этот удар всё своё возмущение… Послышался странный вой… и всё исчезло. Не было больше сумасшедшего движения предметов в комнате, не было страха… и не было больше того странного полоумного человека, чуть не отправившего свою ни в чём не повинную жену на тот свет… В доме стояла мёртвая тишина. Только иногда позвякивали какие-то разбитые вещи. Миля сидела на полу с закрытыми глазами и не проявляла никаких признаков жизни. Но я почему-то была уверена, что с ней будет всё хорошо. Я подошла к ней и погладила по щеке.

— Тётя Миля, всё уже кончилось, — тихо, пытаясь не испугать, прошептала я. — Он уже больше никогда не придёт.

Она открыла глаза и неверяще обвела усталым взглядом свою изуродованную комнату.

— Что это было, милая? — прошептала она.

— Это был ваш муж, Влад, но он уже никогда не придёт.

Тут её как будто прорвало... Я никогда до того не слышала такого душераздирающего плача!.. Казалось, что эта бедная женщина хочет выплакать всё,

что в её жизни скопилось за эти долгие и, как я позже узнала, весьма ужасные, годы. Но, как говорится, каково бы не было отчаяние или обида, нельзя плакать без конца. Что-то переполняется в душе, будто слёзы смывают всю горечь и боль, и душа, как цветок, потихонечку начинает возвращаться к жизни. Так и Миля, понемножку начала оживать. В глазах появилось удивление, постепенно сменившееся робкой радостью.

— Откуда ты знаешь, что он не придёт, малышка? — как бы желая получить подтверждение, спросила она.

Малышкой меня уже давно никто не называл и особенно в тот момент это прозвучало немножечко странно, потому что я была именно той «малышкой», которая только что, можно сказать, нечаянно спасла её жизнь… Но обижаться я, естественно, не собиралась. Да и не было никаких сил не то, что на обиду, а даже просто… чтобы пересесть на диван. Видимо всё до последнего «истратилось» на тот единственный удар, который повторить теперь я не смогла бы ни за что.

Мы просидели с моей соседкой вместе ещё довольно долго, и она мне наконец-то рассказала, как всё это время (целых десять лет!!!) мучил её муж. Правда она тогда не была совершенно уверена, что это был именно он, но теперь её сомнения рассеялись, и она знала наверняка, что была права. Умирая, Влад ей сказал, что не успокоится, пока не заберёт её с собой. Вот и старался так много лет...

Я никак не могла понять, как человек может быть настолько жестоким и ещё осмелиться называть такой ужас любовью?!. Но я была, как моя соседка сказала, всего лишь маленькой девочкой, которая ещё не могла до конца поверить, что иногда человек может быть ужасным, даже в таком возвышенном чувстве, как любовь…

23. Авария

Один из наиболее шокирующих случаев в моей весьма продолжительной «практике» контактов с сущностями умерших произошёл, когда я однажды преспокойно шла тёплым осенним вечером из школы домой... Обычно я возвращалась всегда намного позже, так как ходила во вторую смену, и уроки у нас кончались где-то около семи часов вечера, но в тот день двух последних уроков не было, и нас раньше обычного отпустили домой.

Погода была на редкость приятной, не хотелось никуда спешить и перед тем, как пойти домой, я решила немного прогуляться. В воздухе пахло сладко-горьковатым ароматом последних осенних цветов. Игривый лёгкий ветерок шебуршился в опавших листьях, что-то тихо нашёптывая стыдливо краснеющим в отблесках заката обнажённым деревьям. Покоем и тишиной дышали мягкие сумерки...

Я очень любила это время суток, оно притягивало меня своей загадочностью и хрупкостью чего-то не свершившегося и в то же время даже ещё не начавшегося... Когда ещё не ушёл в прошлое сегодняшний день, а ночь тоже пока ещё не вступила в свои права... Что-то «ничейное» и волшебное, что-то как

бы зависшее в «междувременье», что-то неуловимое... Я обожала этот коротенький промежуток времени и всегда чувствовала себя в нём очень особенно.

Но в тот день именно и случилось что-то «особенное», но уж точно не то особенное, что я бы хотела увидеть или пережить ещё раз...

Я спокойно шла к перекрёстку, о чём-то глубоко задумавшись, как вдруг оказалась резко вырванной из своих «грёз» диким визгом тормозов и криками испуганных людей.

Прямо передо мной, маленькая белая легковая машина каким-то образом умудрилась стукнуться о цементный столб и со всего маху ударила огромную встречную машину прямо в лоб...

Через какие-то считанные мгновения из смятой почти что в лепёшку белой машины «выскочили» сущности маленьких мальчика и девочки, которые растерянно озирались вокруг, пока, наконец, обалдело не уставились на свои же изуродованные сильнейшим ударом физические тела...

— Это что-о?!. — испуганно спросила девчушка. — Это разве там мы?.. — показывая пальчиком на своё окровавленное физическое личико совсем тихо прошептала она. — Как же так... но ведь здесь, это же тоже мы?..

Было ясно, что всё происходящее её шокировало, и самое большое её желание в тот момент было куда-то от всего этого спрятаться...

— Мама ты где?! — вдруг закричала малышка. — Мама-а!

На вид ей было годика четыре, не более. Тоненькие светлые косички с вплетёнными в них огромными розовыми бантами, смешными «крендельками» топорщились с обеих сторон, делая её похожей на доброго фавна. Широко распахнутые большие серые глаза растерянно смотрели на так хорошо ей знакомый и такой привычный мир, который вдруг почему-то стал непонятным, чужим и холодным... Ей было очень страшно, и она совершенно этого не скрывала.

Мальчонке было лет восемь-девять. Он был худеньким и хрупким, но его круглые «профессорские» очки делали его чуточку старше, и он казался в них очень деловым и серьёзным. Но в данный момент вся его серьёзность куда-то вдруг испарилась, уступая место абсолютной растерянности.

Вокруг машин уже собралась ойкающая сочувствующая толпа, а через несколько минут появилась и милиция, сопровождающая скорую помощь. Наш городок тогда всё ещё не был большим, поэтому на любое «экстренное» происшествие городские службы могли реагировать достаточно организованно и быстро.

Врачи скорой помощи, о чём-то быстро посоветовавшись, начали осторожно вынимать по одному изувеченные тела. Первым оказалось тело мальчика, сущность которого стояла в ступоре рядом со мной, не в состоянии что-либо сказать или подумать.

Бедняжку дико трясло, видимо, для его детского перевозбуждённого мозга это было слишком тяжело. Он только смотрел вытаращенными глазами на то, что только что было «им» и никак не мог выйти из затянувшегося «столбняка».

— Мамочка, Мама!!! — опять закричала девочка. — Видас, Видас, ну почему она меня не слышит?!.

Вернее, кричала-то она лишь мысленно, потому что в тот момент, к сожалению, физически уже была мертва... так же, как и её маленький братишка. А её бедная мама, физическое тело которой всё ещё цепко держалось за свою хрупкую, чуть теплившуюся в нём жизнь, никаким образом не могла её услышать, так как находились они в тот момент уже в разных, недоступных друг другу мирах... Малыши всё больше и больше терялись, и я чувствовала, что ещё чуть-чуть, и у девочки начнётся настоящий нервный шок (если это можно так назвать, говоря о бестелесной сущности?).

— Почему мы там лежим?!.. Почему мама не отвечает нам?! — всё ещё кричала девчушка, дёргая брата за рукав.

— Наверное, потому что мы мертвы... — мелко стуча зубами, проговорил мальчонка.

— А мама? — в ужасе прошептала малышка.

— Мама жива, — не очень уверенно ответил брат.

— А как же мы? Ну, скажи им, что мы здесь, что они не могут без нас уйти! Скажи им!!! — всё ещё не могла успокоиться девчушка.

— Я не могу, они нас не слышат... Ты же видишь, они нас не слышат, — пробовал как-то объяснить девочке брат.

Но она была ещё слишком маленькой, чтобы понять, что мама уже не может ни услышать её, ни с ней говорить. Она не могла всего этого ужаса понять и не хотела его принимать... Маленькими кулачками размазывая льющиеся по бледным щёчкам крупные слёзы, она видела только свою маму, которая почему-то не хотела ей отвечать и не хотела подниматься.

— Мамочка, ну вставай же! — опять закричала она. — Ну, вставай, мама!!!

Врачи начали переносить тела в скорую помощь и тут уже девочка совершенно растерялась...

— Видас, Видас, они нас всех забирают!!! А как же мы? Почему мы здесь?.. — не унималась она.

Мальчик стоял в тихом столбняке, не произнося ни слова, на короткий миг забыв даже про свою маленькую сестру.

— Что же нам теперь делать?.. — уже совсем запаниковала малышка. — Пойдём же, ну, пойдём!!!

— Куда?— тихо спросил мальчик. — Нам теперь некуда идти...

Я не могла этого дольше выносить и решила поговорить с этой несчастной, цеплявшейся друг за друга, перепуганной парой детей, которых судьба вдруг, ни за что, ни про что, вышвырнула в какой-то чужой и совершенно им непонятный мир. И я могла только лишь попробовать представить, как страшно и дико всё это должно было быть, особенно этой маленькой крошке, которая ещё вообще понятия не имела о том, что такое смерть...

Я подошла к ним ближе и тихо, чтобы не напугать, сказала:

— Давайте поговорим, я могу вас слышать.

— Ой, Видас, видишь, она нас слышит!!! — заверещала малышка. — А ты кто? Ты хорошая? Ты можешь сказать маме, что нам страшно?..

Слова лились сплошным потоком из её уст, видимо она очень боялась, что я

вдруг исчезну, и она не успеет всего сказать. И тут она опять посмотрела на скорую помощь и увидела, что активность врачей удвоилась.

— Смотрите, смотрите, они сейчас нас всех увезут — а как же мы?!. — в ужасе лепетала, совершенно не понимая происходящего, малышка.

Я чувствовала себя в полном тупике, так как первый раз столкнулась с только что погибшими детьми и понятия не имела, как им всё это объяснить. Мальчик вроде бы что-то уже понимал, а вот его сестра была так страшно напугана происходящим, что её маленькое сердечко не хотело понимать ничего вообще...

На какой-то момент я совершенно растерялась. Мне очень хотелось её успокоить, но я никак не могла найти нужных для этого слов и, боясь сделать хуже, пока молчала.

Вдруг из скорой помощи появилась фигура мужчины, и я услышала, как одна из медсестёр кому-то крикнула: «Теряем, теряем!». И поняла, что следующим расставшимся с жизнью, видимо, был отец...

— Ой, па-апочка!!! — радостно запищала девчушка. — А я уже думала, ты нас оставил, а ты здесь! Ой, как хорошо!..

Отец, ничего не понимая, оглядывался по сторонам, как вдруг увидев своё израненное тело и хлопочущих вокруг него врачей, схватился обеими руками за голову и тихо взвыл... Было очень странно наблюдать такого большого и сильного взрослого человека в таком диком ужасе созерцавшего свою смерть. Или может, **именно так** и должно было происходить?.. Потому что **он**, в отличие от детей, **как раз-то и понимал**, что его земная жизнь окончена, и сделать, даже при самом большом желании, уже ничего больше нельзя...

— Папа, папочка, разве ты не рад? Ты же можешь видеть нас? Можешь ведь?.. — счастливо верещала, не понимая его отчаяния, дочка.

А отец смотрел на них с такой растерянностью и болью, что у меня просто разрывалось сердце...

— Боже мой, и вы тоже?!.. И вы?.. — только и мог произнести он. — Ну, за что же — вы?!

В машине скорой помощи три тела уже были закрыты полностью, и никаких сомнений больше не вызывало, что все эти несчастные уже мертвы. В живых осталась пока одна только мать, чьему «пробуждению» я честно признаться, совсем не завидовала. Ведь увидев, что она потеряла всю свою семью, эта женщина просто могла отказаться жить.

— Папа, папа, а мама тоже скоро проснётся? — как ни в чём не бывало, радостно спросила девчушка.

Отец стоял в полной растерянности, но я видела, что он изо всех сил пытается собраться, чтобы хоть как-то успокоить свою малышку дочь.

— Катенька, милая, мама не проснётся. Она уже не будет больше с нами, — как можно спокойнее произнёс отец.

— Как не будет?!.. Мы же все в месте? Мы **должны** быть вместе!!! Разве нет?.. — не сдавалась маленькая Катя.

Я поняла, что отцу будет весьма сложно как-то доступно объяснить этому

маленькому человечку — своей дочурке — что жизнь для них сильно изменилась, и возврата в старый мир не будет, как бы ей этого не хотелось... Отец сам был в совершенном шоке и, по-моему, не меньше дочери нуждался в утешении. Лучше всех пока держался мальчик, хотя я прекрасно видела, что ему также было очень и очень страшно. Всё произошло слишком неожиданно, и никто из них не был к этому готов. Но видимо, у мальчонки сработал какой-то «инстинкт мужественности», когда он увидел своего «большого и сильного» папу в таком растерянном состоянии, и он, бедняжка, чисто по мужски перенял «бразды правления» из рук растерявшегося отца в свои маленькие, трясущиеся детские руки...

До этого я никогда не видела людей (кроме моего дедушки) в настоящий момент их смерти. И именно в тот злосчастный вечер я поняла, **какими беспомощными и неподготовленными люди встречают момент своего перехода в другой мир**!.. Наверное, страх чего-то совершенно им неизвестного, а также вид своего тела со стороны (но уже **без** их в нём присутствия!) создавал настоящий шок ничего об этом не подозревавшим, но, к сожалению, уже «уходящим» людям.

— Папа, папа, смотри — они нас увозят и маму тоже! Как же мы теперь её найдём?!.

Малышка «трясла» отца за рукав, пытаясь обратить на себя его внимание, но он всё ещё находился где-то «между мирами» и никакого внимания на неё не обращал... Я была очень удивлена и даже разочарована таким недостойным поведением её отца. Каким бы испуганным он ни был, у его ног стоял малюсенький человечек — его крохотная дочурка, в глазах которой он был «самым сильным и самым лучшим» папой на свете, в чьём участии и поддержке она в данный момент очень нуждалась. И до такой степени раскисать в её присутствии, по моему понятию, он просто не имел никакого права...

Я видела, что эти бедные дети совершенно не представляют, что же им теперь делать и куда идти. Честно говоря, такого понятия не имела и я. Но кому-то надо было что-то делать, и я решила опять вмешаться в может быть совершенно не моё дело, но я просто не могла за всем этим спокойно наблюдать.

— Простите меня, как вас зовут? — тихо спросила у отца я.

Этот простой вопрос вывел его из «ступора», в который он «ушёл с головой», будучи не в состоянии вернуться обратно. Очень удивлённо уставившись на меня, он растерянно произнёс:

— Валерий... А откуда взялась ты?!. Ты тоже погибла? Почему ты нас слышишь?

Я была очень рада, что удалось как-то его вернуть, и тут же ответила:

— Нет, я не погибла, я просто шла мимо, когда всё это случилось. Но я могу вас слышать и с вами говорить. Если вы, конечно, этого захотите.

Тут уже они все на меня удивлённо уставились...

— А почему же ты **живая**, если можешь нас слышать? — поинтересовалась малышка.

Я только собралась ей ответить, как вдруг неожиданно появилась молодая

темноволосая женщина, и, не успев ничего сказать, опять исчезла.

— Мама, мама, а вот и ты!!! — счастливо закричала Катя. — Я же говорила, что она придёт, говорила же!!!

Я поняла, что жизнь женщины видимо в данный момент «висит на волоске», и её сущность на какое-то мгновение просто оказалась вышибленной из своего физического тела.

— Ну и где же она?!.. — расстроилась Катя. — Она же только что здесь была!..

Девочка видимо очень устала от такого огромного наплыва самых разных эмоций, и её личико стало очень бледным, беспомощным и печальным... Она крепко-накрепко вцепилась в руку своему брату, как будто ища у него поддержки, и тихо прошептала:

— И все вокруг нас не видят... Что же это такое, папа?..

Она вдруг стала похожа на маленькую, грустную старушечку, которая в полной растерянности смотрит своими чистыми глазами на такой знакомый белый свет, и никак не может понять — куда же теперь ей идти, где же теперь её мама, и где теперь её дом?.. Она поворачивалась то к своему грустному брату, то к одиноко стоявшему и, казалось бы, полностью ко всему безразличному отцу. Но ни один из них не имел ответа на её простой детский вопрос, и бедной девчушке вдруг стало по-настоящему очень страшно....

— А ты с нами побудешь? — смотря на меня своими большими глазёнками, жалобно спросила она.

— Ну конечно побуду, если ты этого хочешь, — тут же заверила я.

И мне очень захотелось её крепко по-дружески обнять, чтобы хоть чуточку согреть её маленькое и такое испуганное сердечко...

— Кто ты, девочка? — неожиданно спросил отец.

— Просто человек, только немножко «другой», — чуть смутившись, ответила я. — Я могу слышать и видеть тех, кто «ушёл»... как вот вы сейчас.

— Мы ведь умерли, правда? — уже спокойнее спросил он.

— Да, — честно ответила я.

— И что же теперь с нами будет?

— Вы будете жить, только уже в другом мире. И он не такой уж плохой, поверьте!.. Просто вам надо к нему привыкнуть и полюбить.

— А разве после смерти **ЖИВУТ**?.. — всё ещё не веря, спрашивал отец.

— Живут. Но уже не здесь, — ответила я. — Вы чувствуете всё так же, как раньше, но это уже другой, **не ваш** привычный мир. Ваша жена ещё находится там, так же, как и я. Но вы уже перешли «границу» и теперь вы на другой стороне, — не зная, как точнее объяснить, пыталась «достучаться» до него я.

— А она тоже когда-нибудь к нам придёт? — вдруг спросила девчушка.

— Когда-нибудь, да, — ответила я.

— Ну, тогда я её подожду — уверенно заявила довольная малышка. — И мы опять будем все вместе, правда, папа? Ты же хочешь, чтобы мама опять была с нами, правда ведь?..

Её огромные серые глаза сияли, как звёздочки, в надежде, что её любимая

мама в один прекрасный день тоже будет здесь, в её новом мире, даже не понимая, что этот ЕЁ теперешний мир для мамы будет не более и не менее, как просто смерть...

И, как оказалось, долго малышке ждать не пришлось... Её любимая мама появилась опять... Она была очень печальной и чуточку растерянной, но держалась намного лучше, чем до дикости перепуганный отец, который сейчас уже, к моей искренней радости, понемножку приходил в себя.

Интересно то, что за время моего общения с таким огромным количеством сущностей умерших, я почти с уверенностью могла бы сказать, что женщины принимали «шок смерти» намного увереннее и спокойнее, чем это делали мужчины. Я тогда ещё не могла понять причины этого любопытного наблюдения, но точно знала, что это именно так. Возможно, они глубже и тяжелее переносили боль вины за оставленных ими в «живом» мире детей или за ту боль, которую их смерть приносила родным и близким. Но именно ***страх смерти*** *у большинства из них (в отличие от мужчин) почти что начисто отсутствовал. Могло ли это в какой-то мере объясняться тем, что они сами дарили самое ценное, что имелось на нашей земле — человеческую жизнь? Ответа на этот вопрос тогда ещё у меня, к сожалению, не было...*

— Мамочка, мама! А они говорили, что ты ещё долго не придёшь! А ты уже здесь!!! Я же знала, что ты нас не оставишь! — верещала маленькая Катя, задыхаясь от восторга. — Теперь мы опять все вместе и теперь будет всё хорошо!

И как же грустно было наблюдать, как вся эта милая дружная семья старалась уберечь свою маленькую дочь и сестру от сознания того, что это совсем **не так уж и хорошо**, что они опять все вместе, и что ни у одного из них, к сожалению, уже не осталось ни малейшего шанса на свою оставшуюся непрожитую жизнь... И что каждый из них искренне предпочёл бы, чтобы хоть кто-то из их семьи остался бы в живых... А маленькая Катя всё ещё что-то невинно и счастливо лопотала, радуясь, что опять они все одна семья и опять совершенно «всё хорошо»...

Мама печально улыбалась, стараясь показать, что она тоже рада и счастлива... а душа её, как раненная птица, криком кричала о её несчастных, так мало проживших малышах...

Вдруг она как бы «отделила» своего мужа и себя от детей какой-то прозрачной «стеной» и, смотря прямо на него, нежно коснулась его щеки.

— Валерий, пожалуйста, посмотри на меня — тихо проговорила женщина. — Что же мы будем делать?.. Это ведь смерть, правда, же?

Он поднял на неё свои большие серые глаза, в которых плескалась такая смертельная тоска, что теперь уже **мне** вместо него захотелось по-волчьи завыть, потому что принимать всё это в душу было почти невозможно...

— Как же могло произойти такое?.. За что же им-то?!.. — опять спросила Валерия жена. — Что же нам теперь делать, скажи?

Но он ничего не мог ей ответить, ни тем более, что-то предложить. Он просто был мёртв, и о том, что бывает **«после»**, к сожалению, ничего не знал, так же, как и все остальные люди, жившие в то «тёмное» время, когда всем и каж-

дому тяжелейшим «молотом лжи» буквально вбивалось в голову, что «после» уже **ничего больше нет** и, что человеческая жизнь **кончается** в этот скорбный и страшный момент физической смерти...

— Папа, мама, и куда мы теперь пойдём? — жизнерадостно спросила девчушка. Казалось, теперь, когда все были в сборе, она была опять полностью счастлива и готова была продолжать свою жизнь даже в таком незнакомом для неё существовании.

— Ой, мамочка, а моя ручка прошла через скамейку!!! А как же теперь мне сесть?.. — удивилась малышка.

Но не успела мама ответить, как вдруг прямо над ними воздух засверкал всеми цветами радуги и начал сгущаться, превращаясь в изумительной красоты голубой канал, очень похожий на тот, который я видела во время моего неудачного «купания» в нашей реке. Канал сверкал и переливался тысячами звёздочек и всё плотнее и плотнее окутывал остолбеневшую семью.

— Я не знаю кто ты, девочка, но ты что-то знаешь об этом — неожиданно обратилась ко мне мать. — Скажи, мы должны туда идти?

— Боюсь, что да, — как можно спокойнее ответила я. — Это ваш новый мир, в котором вы будете жить. И он очень красивый. Он понравится вам.

Мне было чуточку грустно, что они уходят так скоро, но я понимала, что так будет лучше, и что они не успеют даже по настоящему пожалеть о потерянном, так как им сразу же придётся принимать свой новый мир и свою новую жизнь...

— Ой, мамочка, мама, как красиво!!! Почти, как Новый Год!.. Видас, Видас, правда красиво?! — счастливо лепетала малышка. — Ну, пойдёмте же, пойдёмте, чего же вы ждёте!

Мама грустно мне улыбнулась и ласково сказала:

— Прощай, девочка. Кто бы ты ни была — счастья тебе в этом мире...

И обняв своих малышей, повернулась к светящемуся каналу. Все они, кроме маленькой Кати, были очень грустными и явно сильно волновались. Им приходилось оставлять всё, что было так привычно и так хорошо знакомо, и «идти» неизвестно куда. И, к сожалению, никакого выбора у них в данной ситуации не было...

Вдруг в середине светящегося канала уплотнилась светящаяся женская фигура и начала плавно приближаться к сбившемуся «в кучку» ошарашенному семейству.

— Алиса?.. — неуверенно произнесла мать, пристально всматриваясь в новую гостью.

Сущность улыбаясь, протянула руки к женщине, как бы приглашая в свои объятия.

— Алиса, это правда ты?!..

— Вот мы и встретились, родная, — произнесло светящее существо. — Неужели вы все?.. Ох, как жаль!.. Рано им пока... Как жаль...

— Мамочка, мама, кто это? — шёпотом спросила ошарашенная малышка. — Какая она красивая!.. Кто это, мама?

— Это твоя тётя, милая, — ласково ответила мать.

— Тётя?! Ой, как хорошо — новая тётя!!! А она кто? — не унималась любопытная девчушка.

— Она моя сестра, Алиса. Ты её никогда не видела. Она ушла в этот «другой» мир, когда тебя ещё не было.

— Ну, тогда это было очень давно, — уверенно констатировала «неоспоримый факт» маленькая Катя...

Светящаяся «тётя» грустно улыбалась, наблюдая свою жизнерадостную и ничего плохого в этой новой жизненной ситуации не подозревавшую маленькую племянницу. А та себе весело подпрыгивала на одной ножке, пробуя своё необычное «новое тело» и оставшись им совершенно довольной, вопросительно уставилась на взрослых, ожидая, когда же они наконец-то пойдут в тот необыкновенный светящийся их «новый мир»... Она казалась опять совершенно счастливой, так как вся её семья была здесь, что означало — у них «всё прекрасно», и не надо ни о чём больше волноваться... Её крошечный детский мирок был опять привычно защищён любимыми ею людьми, и она больше не должна была думать о том, что же с ними такое сегодня случилось, и просто ждала, что там будет дальше.

Алиса очень внимательно на меня посмотрела и ласково произнесла:

— А тебе ещё рано, девочка, у тебя ещё долгий путь впереди...

Светящийся голубой канал всё ещё сверкал и переливался, но мне вдруг показалось, что свечение стало слабее, и как бы отвечая на мою мысль, «тётя» произнесла:

— Нам уже пора, родные мои. Этот мир вам уже больше не нужен...

Она приняла их всех в свои объятия (чему я на мгновение удивилась, так как она как бы вдруг стала больше) и светящийся канал исчез вместе с милой девочкой Катей и всей её чудесной семьёй... Стало пусто и грустно, как будто я опять потеряла кого-то близкого, как это случалось почти всегда после новой встречи с «уходящими»...

— Девочка, с тобой всё в порядке? — услышала я чей-то встревоженный голос.

Кто-то меня тормошил, пробуя «вернуть» в нормальное состояние, так как я, видимо, опять слишком глубоко «вошла» в тот другой, далёкий для остальных мир и напугала какого-то доброго человека своим «заморожено-ненормальным» спокойствием.

Вечер был таким же чудесным и тёплым, и вокруг всё оставалось точно так же, как было всего лишь какой-то час назад... только мне уже не хотелось больше гулять.

Чьи-то хрупкие, хорошие жизни, только что так легко оборвавшись, белым облачком улетели в другой мир, и мне стало вдруг очень печально, как будто вместе с ними улетела капелька моей одинокой души... Очень хотелось верить, что милая девочка Катя обретёт хоть какое-то счастье в ожидании своего возвращения «домой»... И было искренне жаль всех тех, кто не имел приходящих «тётей», чтобы хоть чуточку облегчить свой страх, и кто в ужасе метался, уходя в тот дугой, незнакомый и пугающий мир, даже не представляя, что их там ждёт,

и не веря, что это **всё ещё продолжается** их «драгоценная и единственная» ЖИЗНЬ...

24. Ангел

Незаметно летели дни. Проходили недели. Понемногу я стала привыкать к своим необычным каждодневным визитёрам... Ведь все, даже самые неординарные события, которые мы воспринимаем вначале чуть ли не как чудо, становятся обычным явлениям, если они повторяются регулярно. Вот так и мои чудесные «гости», которые вначале меня так сильно изумляли, стали для меня уже почти что обычным явлением, в которое я честно вкладывала часть своего сердца и готова была отдать намного больше, если только это могло бы кому-то помочь. Но невозможно было вобрать в себя всю ту нескончаемую людскую боль, не захлебнувшись ею и не разрушив при этом себя саму. Поэтому я стала намного осторожнее и старалась помогать уже не открывая при этом все «шлюзы» своих бушующих эмоций, а пыталась оставаться как можно более спокойной и, к своему величайшему удивлению, очень скоро заметила, что именно таким образом я могу намного больше и эффективнее помочь, совершенно при этом не уставая и тратя на всё это намного меньше своих жизненных сил.

Казалось бы, моё сердце давно должно было бы «замкнуться», окунувшись в такой «водопад» человеческой грусти и тоски, но видимо радость за наконец-то обретённый столь желанный покой тех, кому удавалось помочь, намного превышала любую грусть, и мне хотелось делать это без конца, насколько тогда хватало моих, к сожалению, всего лишь ещё детских сил. Так я продолжала непрерывно с кем-то беседовать, кого-то где-то искать, кому-то что-то доказывать, кого-то в чём-то убеждать, а если удавалось, кого-то даже и успокаивать…

Все «случаи» были чем-то друг на друга похожи, и все они состояли из одинаковых желаний «**исправить**» что-то, что в «прошедшей» жизни не успели прожить или сделать правильно. Но иногда случалось и что-то не совсем обычное и яркое, что накрепко отпечатывалось в моей памяти, заставляя снова и снова к этому возвращаться… В момент «ихнего» появления я спокойно сидела у окна и рисовала розы для моего школьного домашнего задания. Как вдруг очень чётко услышала тоненький, но очень настойчивый детский голосок, который почему-то шёпотом произнёс:

— Мама, мамочка, ну, пожалуйста! Мы только попробуем… Я тебе обещаю… Давай попробуем?..

Воздух посередине комнаты уплотнился, и появились **две**, очень похожие друг на друга сущности, как потом выяснилось — мама и её маленькая дочь. Я ждала молча, удивлённо за ними наблюдая, так как до сих пор ко мне всегда приходили **исключительно по одному**. Поэтому вначале я подумала, что одна из них вероятнее всего должна быть такая же, как я — живая. Но никак не могла определить — которая, так как по моему восприятию, живых среди этих двух не было... Женщина всё молчала, и девочка, видимо не выдержав дольше, чуть-чуть

до неё дотронувшись, тихонько прошептала:

— Мама!..

Но никакой реакции не последовало. Мать казалась абсолютно ко всему безразличной, и лишь рядом звучавший тоненький детский голосок иногда способен был вырвать её на какое-то время из этого жуткого оцепенения и зажечь маленькую искорку в, казалось, навсегда погасших зелёных глазах... Девочка же наоборот — была весёлой и очень подвижной и, казалось, чувствовала себя совершенно счастливой в том мире, в котором она в данный момент обитала. Я никак не могла понять, что же здесь не так и старалась держаться как можно спокойнее, чтобы не спугнуть своих странных гостей.

— Мама, мама, ну говори же!!! — видно опять не выдержала девчушка.

На вид ей было не больше пяти-шести лет, но главенствующей в этой странной компании, видимо, была именно она. Женщина же всё время молчала. Я решила попробовать «растопить лёд» и как можно ласковее спросила:

— Скажите, могу ли я вам чем-то помочь?

Женщина грустно на меня посмотрела и наконец-то проговорила:

— Разве мне можно помочь? Я убила свою дочь!..

У меня мурашки поползли по коже от такого признания. Но девочку это, видимо, абсолютно не смутило, и она спокойно произнесла:

— Это неправда, мама.

— А как же было на самом деле? — осторожно спросила я.

— На нас наехала страшно большая машина, а мама была за рулём. Она думает, что это её вина, что она не могла меня спасти. — Тоном маленького профессора терпеливо объяснила девочка. — И вот теперь мама не хочет жить даже здесь, а я не могу ей доказать, как сильно она мне нужна.

— И что бы ты хотела, чтобы сделала я? — Спросила я её.

— Пожалуйста, не могла бы ты попросить моего папу, чтобы он перестал маму во всём обвинять? — вдруг очень грустно спросила девочка. — Я очень здесь с ней счастлива, а когда мы ходим посмотреть на папу, она потом надолго становится такой, как сейчас…

И тут я поняла, что отец, видимо, очень любил эту малышку и, не имея другой возможности излить куда-то свою боль, во всём случившимся обвинял её мать.

— Хотите ли вы этого также? — мягко спросила у женщины я.

Она лишь грустно кивнула и опять намертво замкнулась в своём скорбном мире, не пуская туда никого, включая и так беспокоившуюся за неё маленькую дочь.

— Папа хороший, он просто не знает, что мы ещё **живём**. — Тихо сказала девочка. — Пожалуйста, ты скажи ему…

Наверное, нет ничего страшнее на свете, чем чувствовать на себе такую вину, какую чувствовала она... Её звали Кристина. При жизни она была жизнерадостной и очень счастливой женщиной, которой во время её гибели было всего лишь двадцать шесть лет. Муж её обожал…

Её маленькую дочурку звали Вэста, и она была первым в этой счастливой

семье ребёнком, которого обожали все, а отец просто не чаял в ней души…

Самого же главу семьи звали Артур, и он был таким же весёлым, жизнерадостным человеком, каким до смерти была его жена. И вот теперь никто и ничто не могло ему помочь найти хоть какой-то покой в его истерзанной болью душе. И он **растил в себе ненависть к любимому человеку**, **своей жене, пытаясь этим оградить своё сердце от полного крушения.**

— Пожалуйста, если ты пойдёшь к папе, не пугайся его… Он иногда бывает странным, но это когда он «не настоящий». — Прошептала девочка. И чувствовалось, что ей неприятно было об этом говорить.

Я не хотела спрашивать и этим ещё больше её огорчать, поэтому решила, что разберусь сама.

Я спросила у Вэсты, кто из них хочет мне показать, где они жили до своей гибели, и живёт ли там всё ещё её отец? Место, которое они назвали, меня чуть огорчило, так как это было довольно-таки далеко от моего дома, и чтобы добраться туда, требовалось немало времени. Поэтому так сразу я не могла ничего придумать и спросила моих новых знакомых, смогут ли они появиться вновь хотя бы через несколько дней? И получив утвердительный ответ, «железно» им пообещала, что обязательно встречусь за это время с их мужем и отцом.

Вэста лукаво на меня глянула и сказала:

— Если папа не захочет тебя сразу выслушать, ты скажи ему, что его «лисёнок» очень по нему скучает. Так папа называл меня только, когда мы были с ним одни, и кроме него этого не знает больше никто...

Её лукавое личико вдруг стало очень печальным, видимо вспомнила что-то очень ей дорогое, и она вправду стала чем-то похожа на маленького лисёнка…

— Хорошо, если он мне не поверит — я ему это скажу. — Пообещала я.

Фигуры, мягко мерцая, исчезли. А я всё сидела на своём стуле, напряжённо пытаясь сообразить, как же мне выиграть у моих домашних хотя бы два-три свободных часа, чтобы иметь возможность сдержать данное слово и посетить разочарованного жизнью отца...

В то время «два-три часа» вне дома было для меня довольно-таки длинным промежутком времени, за который мне стопроцентно пришлось бы отчитываться перед бабушкой или мамой. А так как врать у меня никогда не получалось, то надо было срочно придумать какой-то **реальный** повод для ухода из дома на такое длительное время.

Подвести моих новых гостей я никоим образом не могла...

На следующий день была пятница, и моя бабушка, как обычно собиралась на рынок, что она делала почти каждую неделю, хотя, если честно, большой надобности в этом не было, так как очень многие фрукты и овощи росли в нашем саду, а остальными продуктами обычно были битком набиты все ближайшие продовольственные магазины. Поэтому такой еженедельный «поход» на рынок наверняка был просто-напросто символичным — бабушка иногда любила просто «проветриться», встречаясь со своими друзьями и знакомыми, а также принести всем нам с рынка что-то «особенно вкусненькое» на выходные дни.

Я долго крутилась вокруг неё, ничего не в силах придумать, как бабушка

вдруг спокойно спросила:

— Ну и что тебе не сидится, или приспичило что?..

— Мне уйти надо! — обрадовавшись неожиданной помощи, выпалила я. — Надолго.

— Для других или для себя? — прищурившись, спросила бабушка.

— Для других, и мне очень надо, я слово дала!

Бабушка, как всегда, изучающе на меня посмотрела (мало кто любил этот её взгляд — казалось, что она заглядывает прямо тебе в душу) и, наконец, сказала:

— К обеду чтобы была дома, не позже. Этого достаточно?

Я только кивнула, чуть не подпрыгивая от радости. Не думала, что всё обойдётся так легко. Бабушка часто меня по-настоящему удивляла — казалось, она всегда знала, когда дело было серьёзно, а когда был просто каприз и обычно, по возможности, всегда мне помогала. Я была очень ей благодарна за её веру в меня и мои странноватые поступки. Иногда я даже была почти что уверена, что она **точно знала**, что я делала и куда шла… Хотя, может и вправду знала, только я никогда её об этом не спрашивала?..

Мы вышли из дома вместе, как будто я тоже собиралась идти с ней на рынок, а за первым же поворотом дружно расстались, и каждая уже пошла своей дорогой и по своим делам…

Дом, в котором всё ещё жил отец маленькой Вэсты, был в первом у нас строящемся «новом районе» (так называли первые многоэтажки) и находился от нас примерно в сорока минутах быстрой ходьбы. Ходить я очень любила всегда, и это не доставляло мне никаких неудобств. Только я очень не любила сам этот новый район, потому что дома в нём строились, как спичечные коробки — все одинаковые и безликие. И так как место это только-только ещё начинало застраиваться, то в нём не было ни одного дерева или любой какой-нибудь «зелени», и оно было похожим на каменно-асфальтовый макет какого-то уродливого, ненастоящего городка. Всё было холодным и бездушным, и чувствовала я себя там всегда очень плохо — казалось, там мне просто не было чем дышать...

И ещё, найти номера домов, даже при самом большом желании, там было почти что невозможно. Как, например, в тот момент я стояла между домами № 2 и № 26, и никак не могла понять, как же такое может быть?!. И гадала, где же мой «пропавший» дом № 12?.. В этом не было никакой логики, и я никак не могла понять, как люди в таком хаосе могут жить?

Наконец-то с чужой помощью мне удалось каким-то образом найти нужный дом, и я уже стояла у закрытой двери, гадая, как же встретит меня этот совершенно мне незнакомый человек?..

Я встречала таким же образом много чужих, неизвестных мне людей, и это всегда вначале требовало большого нервного напряжения. Я никогда не чувствовала себя комфортно, врываясь в чью то частную жизнь, поэтому каждый такой «поход» всегда казался мне чуточку сумасшедшим. И ещё я прекрасно понимала, как дико это должно было звучать для тех, кто буквально только что потерял родного им человека, а какая-то маленькая девочка вдруг вторгалась в их жизнь и заявляла, что может помочь им поговорить с умершей женой, сест-

рой, сыном, матерью, отцом… Согласитесь — это должно было звучать для них абсолютно и полностью ненормально! И если честно, я до сих пор не могу понять, почему эти люди слушали меня вообще?!.

Так и сейчас я стояла у незнакомой двери, не решаясь позвонить и не представляя, что меня за ней ждёт. Но тут же вспомнив Кристину и Вэсту и мысленно обругав себя за свою трусость, я усилием воли заставила себя поднять чуть дрожавшую руку и нажать кнопку звонка…

За дверью очень долго никто не отвечал. Я уже собралась было уйти, как дверь внезапно рывком распахнулась, и на пороге появился, видимо бывший когда-то красивым, молодой мужчина. Сейчас, к сожалению, впечатление от него было скорее неприятное, потому, что он был попросту очень сильно пьян…

Мне стало страшно, и первая мысль была побыстрее оттуда уйти. Но рядом со мной, я чувствовала бушующие эмоции двух очень взволнованных существ, которые готовы были пожертвовать бог знает чем, только бы этот пьяный и несчастный, но такой родной и единственный им человек наконец-то хоть на минуту их услышал….

— Ну, чего тебе?! — довольно агрессивно начал он.

Он был по-настоящему очень сильно пьян и всё время качался из стороны в сторону, не имея сил крепко держаться на ногах. И тут только до меня дошло, что значили слова Вэсты, что папа бывает «ненастоящим»!.. Видимо девчушка видела его в таком же состоянии, и это никак не напоминало ей того **её папу**, которого она знала и любила всю свою коротенькую жизнь. Вот поэтому-то она и называла его «ненастоящим»…

— Пожалуйста, не бойся его. — Прозвучал в моей голове её голосок, как будто она почувствовала, о чём я в тот момент думаю. Это заставило меня собраться и заговорить.

— Я хотела бы с вами поговорить, — успокаивающе сказала я. — Можно мне войти?

— Зачем? — почти зло спросил мужчина.

— Только пожалуйста, не волнуйтесь… У меня к вам поручение… Я вам принесла вести от вашей дочери… Она здесь со мной, если хотите с ней поговорить.

Я боялась подумать, какую реакцию у этого вдребезги пьяного человека вызовут мои слова. И как оказалось — не очень-то ошиблась…

Он взревел, как раненый зверь, и я испугалась, что вот сейчас сбегутся все соседи и мне придётся уйти, так ничего и не добившись…

— Не сметь!!! — бушевал разъярённый моими словами отец. — Ты откуда такая взялась? Убирайся!..

Я не знала, что ему сказать, как объяснить? Да и стоило ли?.. Ведь всё равно он почти ничего в данный момент не понимал. Но тоненький голосок опять прошептал:

— Не бойся, пожалуйста… Скажи ему, что я здесь. Я много раз его таким видела…

— Простите меня, Артур. Ведь так вас зовут? Хотите вы верить или нет, но

со мною и правда сейчас здесь находится ваша дочь и она видит всё, что вы говорите или делаете.

Он на секунду уставился на меня почти что осмысленным взором, и я уже успела обрадоваться, что всё обойдётся, как вдруг сильные руки подняли меня с земли и поставили по другую сторону порога, быстро захлопнув прямо у меня перед носом злосчастную дверь...

К своему стыду, я совершенно растерялась… Конечно же, за всё это время, что я общалась с умершими, было всякое. Некоторые люди злились уже только за то, что какая-то незнакомая девчонка вдруг посмела потревожить их покой… Некоторые просто вначале не верили в реальность того, о чём я пыталась им рассказать… А некоторые не хотели говорить вообще, так как я была им чужой. Всякое было.... Но чтобы вот так просто выставили за дверь — такого не было никогда. И я опять же, как иногда это со мной бывало, почувствовала себя маленькой и беспомощной девочкой, и очень захотела, чтобы какой-то **умный взрослый человек** вдруг дал бы мне хороший совет, от которого сразу решились бы все проблемы, и всё стало бы на свои места.

Но к сожалению, такого «взрослого» рядом не было, и выпутываться из всего приходилось мне самой. Так что, зажмурившись и глубоко вздохнув, я собрала свои «дрожащие» эмоции в кулак и опять позвонила в дверь…

Опасность всегда не так страшна, когда знаешь, как она выглядит… Вот так и здесь — я сказала себе, что имею дело всего-навсего с пьяным, озлобленным болью человеком, которого я ни за что больше не буду бояться.

На этот раз дверь открылась намного быстрее. На пьяном лице Артура было неописуемое удивление.

— Да неужто опять ты?!. — не мог поверить он.

Я очень боялась, что он опять захлопнет дверь, и тогда уже у меня не останется никаких шансов...

— Папа, папочка, не обижай её! Она уйдёт и тогда уже никто нам не поможет!!! — чуть не плача шептала девчушка. — Это я, твой лисёнок! Помнишь, как ты мне обещал отвезти меня на волшебную гору?!.. Помнишь? — Она «впилась» в меня своими круглыми умоляющими глазёнками, отчаянно прося повторить её слова. Я посмотрела на её мать — Кристина тоже кивнула.

Это никак не казалось мне хорошей идеей, но решать за них я не имела права, потому что это была **их жизнь**, и это был вероятнее всего их последний разговор…

Я повторила слова малышки, и тут же ужаснулась выражению лица её несчастного отца — казалось только, что ему прямо в сердце нанесли глубокий ножевой удар…

Я пыталась с ним говорить, пыталась как-то успокоить, но он был невменяем и ничего не слышал.

— Пожалуйста, войди внутрь! — прошептала малышка.

Кое-как протиснувшись мимо него в дверной проём, я вошла... В квартире стоял удушливый запах алкоголя и чего-то ещё, что я никак не могла определить.

Когда-то давно это видимо была очень приятная и уютная квартира, одна из

тех, которые мы называли **счастливыми**. Но теперь это был настоящий «ночной кошмар», из которого её владелец, видимо, не в состоянии был выбраться сам...

Какие-то разбитые фарфоровые кусочки валялись на полу, перемешавшись с порванными фотографиями, одеждой, и бог знает ещё с чем. Окна были завешаны занавесками, от чего в квартире стоял полумрак. Конечно же, такое «бытие» могло по-настоящему навеять только смертельную тоску, иногда сопровождающуюся самоубийством...

Видимо у Кристины появились схожие мысли, потому что она вдруг в первый раз меня попросила:

— Пожалуйста, сделай что-нибудь!

Я ей тут же ответила: «Конечно!» А про себя подумала: «Если б я только знала — что!!!»… Но надо было действовать, и я решила, что буду пробовать до тех пор, пока чего-то да не добьюсь — или он меня наконец-то услышит, или (в худшем случае) опять выставит за дверь.

— Так вы будете говорить или нет? — намеренно зло спросила я. — У меня нет времени на вас, и я здесь только потому, что со мной этот чудный человечек — ваша дочь!

Мужчина вдруг плюхнулся в близ стоявшее кресло и обхватив голову руками, зарыдал... Это продолжалось довольно долго, и видно было, что он, как большинство мужчин, совершенно не умел плакать. Его слёзы были скупыми и тяжёлыми, и давались они ему видимо очень и очень нелегко. Тут только я первый раз по-настоящему поняла, что означает выражение «мужские слёзы»…

Я присела на краешек какой-то тумбочки и растерянно наблюдала этот поток чужих слёз, совершенно не представляя, что же делать дальше?..

— Мама, мамочка, а почему здесь такие страшилища гуляют? — тихо спросил испуганный голосок.

И только тут я заметила очень странных существ, которые буквально «кучами» вились вокруг пьяного Артура...

У меня зашевелились волосы — это были самые настоящие «монстры» из детских сказок, только здесь они почему-то казались даже очень и очень **реальными**… Они были похожи на выпущенных из кувшина злых духов, которые каким-то образом сумели «прикрепиться» прямо к груди бедного человека, и вися на нём гроздьями, с превеликим наслаждением «пожирали» его почти что уже иссякшую жизненную силу…

Я чувствовала, что Вэста испугана до щенячьего визга, но изо всех сил пытается этого не показать. Бедняжка в ужасе наблюдала, как эти жуткие «монстры» с удовольствием и безжалостно «кушали» её любимого папу прямо у неё на глазах… Я никак не могла сообразить, что же делать, но знала, что надо действовать быстро. Наскоро осмотревшись вокруг и не найдя ничего лучше, я схватила кипу грязных тарелок и изо всех сил швырнула на пол… Артур от неожиданности подпрыгнул в кресле и уставился на меня полоумными глазами.

— Нечего раскисать! — закричала я, — посмотрите, каких «друзей» вы привели к себе в дом!

Я не была уверена, увидит ли он то же самое, что видели мы, но это была

моя единственная надежда как-то его «очухать» и таким образом заставить хоть самую малость протрезветь.

По тому, как его глаза вдруг полезли на лоб, оказалось — **увидел**… В ужасе шарахнувшись в угол, он не мог отвезти взгляд от своих «симпатичных» гостей и не в состоянии вымолвить ни слова, только показывал на них дрожащей рукой. Его мелко трясло, и я поняла, что если ничего не сделать, у бедного человека начнётся настоящий нервный припадок.

Я попробовала мысленно обратиться к этим странным монстроподобным существам, но ничего путного из этого не получилось; они лишь зловеще «рычали», отмахиваясь от меня своими когтистыми лапами и не оборачиваясь, послали мне прямо в грудь очень болезненный энергетический удар. И тут же один из них «отклеился» от Артура и присмотрев, как он думал, самую лёгкую добычу, прыгнул прямо на Вэсту… Девчушка от неожиданности дико завизжала, но — надо отдать должное её храбрости — тут же начала отбиваться, что было сил. Они оба, и он, и она были такими же бестелесными сущностями, поэтому прекрасно друг друга «понимали» и могли свободно наносить друг другу энергетические удары. И надо было видеть, с каким азартом эта бесстрашная малышка кинулась в бой!.. От бедного съёжившегося «монстра» только искры сыпались от её бурных ударов, а мы трое наблюдавших, к своему стыду так остолбенели, что не сразу среагировали, чтобы хотя бы как-то ей помочь. И как раз в тот же момент Вэста стала похожа на полностью выжатый золотистый комок и, став совершенно прозрачной, куда-то исчезла. Я поняла, что она отдала все свои детские силёнки, пытаясь защититься, и вот теперь ей не хватило их, чтобы просто выдерживать с нами контакт… Кристина растерянно озиралась вокруг — видимо её дочь не имела привычки так просто исчезать, оставляя её одну. Я тоже осмотрелась вокруг и тут… увидела самое потрясённое лицо, которое когда-либо видела в своей жизни и тогда, и все последующие долгие годы... Артур стоял в настоящем шоке и смотрел прямо на свою жену!.. Видимо слишком большая доза алкоголя, огромный стресс, и все последующие эмоции на какое-то мгновение открыли «дверь» между нашими разными мирами, и он **увидел** свою умершую Кристину, такую же красивую и такую же «настоящую», какой он знал её всегда… Никакими словами невозможно было бы описать выражения их глаз!.. Они не говорили, хотя, как я поняла, Артур вероятнее всего мог её слышать. Думаю, в тот момент он просто **не мог говорить**, но в его глазах было всё — и дикая, душившая его столько времени боль; и оглушившее его своей неожиданностью безграничное счастье; и мольба, и ещё столько всего, что не нашлось бы никаких слов, чтобы попытаться всё это рассказать!..

Он протянул к ней руки, ещё не понимая, что уже никогда не сможет её больше в этом мире обнять, да и вряд ли он в тот момент понимал что-то вообще... Он просто опять её **видел**, что само по себе уже было совершенно невероятно!.. А всё остальное не имело сейчас для него никакого значения... Но тут появилась Вэста. Она удивлённо уставилась на отца и вдруг всё поняв, душераздирающе закричала:

— Папа! Папулечка… Папочка!!! — и бросилась ему на шею… Вернее —

попыталась броситься… Потому что она, так же, как и её мать, уже не могла физически соприкасаться с ним в этом мире больше никогда.

— Лисёнок… малышка моя… радость моя… — повторял, всё ещё хватая пустоту, отец. — Не уходи, только, пожалуйста, не уходи!..

Он буквально «захлёбывался» слишком сильными для его изболевшегося сердца эмоциями. И тут я испугалась, что это нежданное, почти что нечеловеческое счастье может его просто-напросто убить... Но обстановку (очень вовремя!) разрядили всеми забытые, но не забывшие никого, шипящие и взбесившиеся «монстры»… К своему стыду, «загипнотизированная» красотой встречи, я начисто про них забыла!.. Теперь же, изменив свою «тактику» и уже не нападая больше на отца, они сочли более удобным утолить свой вечный «голод» и насытиться жизненной силой ребёнка — маленькой Вэсты… Артур в полной панике размахивал руками, пытаясь защитить свою дочь, но естественно был не в состоянии никому навредить. Ситуация полностью уходила из под контроля и слишком быстро начинала принимать весьма нежелательный для меня оборот. Надо было как можно скорее избавиться от всей этой клыкастой-когтистой-шипящей жути, да ещё так, чтобы она не смогла больше вернуться к этому бедному человеку уже никогда...

— Думай, думай, думай!.. — чуть ли не в слух кричала я себе.

И вдруг, как в яркой вспышке, я очень чётко увидела «картинку» своего светящегося слепящим зелёным цветом тела и своих старых «звёздных друзей», которые, улыбаясь, показывали на этот зелёный свет... Видимо каким-то образом моему «паникующему» мозгу удалось их откуда-то призвать, и теперь они пытались мне по-своему «подсказать», что я должна делать. Долго не думая, я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться, пробуя мысленно призвать давно забытое ощущение… И буквально через долю секунды вся «вспыхнула» тем же самым изумительно ярким зелёным светом, который только что видела на показанной друзьями «картинке». Моё тело сияло так сильно, что освещало почти что всю комнату, вместе с кишащими в ней мерзкими существами. Я не была уверена, что делать дальше, но чувствовала, что должна направить этот «свет» (или точнее, энергию) на всех тех извивающихся «ужастиков», чтобы как можно скорее заставить их исчезнуть из нашего поля зрения, а также из и без них достаточно сложной жизни Артура. Комната вспыхнула зелёным, и я почувствовала как из моих ладоней вырвался очень «густой» зелёный луч и направился прямиком в цель… Тут же послышался дикий визг, перешедший в настоящий «потусторонний» вой… Я почти уже успела обрадоваться, что наконец-то будет всё хорошо и они прямо сейчас исчезнут навсегда, но, как оказалось, до «счастливого конца» пока ещё было чуточку далековато… Существа судорожно цеплялись когтями и лапами за всё ещё машущего руками «папу» и отбивающуюся от них малышку, и пока что явно не собирались сдаваться. Я поняла, что второй «атаки» Вэста уже не выдержит и тем самым потеряет свой единственный шанс последний раз поговорить со своим отцом. А вот этого как раз-то я допустить никак не могла. Тогда я ещё раз собралась и что было сил «швырнула» зелёные лучи теперь уже на всех «монстров» одновременно. Что-то звонко

хлопнуло… и наступила полная тишина.

Наконец-то все монстроподобные страшилища куда-то исчезли, и мы могли позволить себе свободно вздохнуть...

Это была моя первая, совсем ещё «детская» война с настоящими нижнеастральными существами. И не могу сказать, что она была очень приятной или, что я совершенно не испугалась. Это теперь, когда мы живём в буквально «заваленном» компьютерными играми двадцать первом веке, мы ко всему привыкли и почти что полностью перестали удивляться какой-либо жути… И даже маленькие дети, полностью освоившись в мире вампиров, оборотней, убийц и насильников, сами точно также в восторге убивают, режут, пожирают и стреляют, всего лишь для того, чтобы «пройти на следующий уровень» какой-то им полюбившейся компьютерной игры… И наверное, появись у них в тот момент в комнате какой-нибудь настоящий страшенный монстр — они даже и не подумали бы испугаться, а не задумываясь, спокойно свалили бы всё на так хорошо знакомые им спецэффекты, голографию, перемещение во времени, и т.д., несмотря на то, что того же самого «перемещения во времени» или других любимых ими «эффектов» ещё никому из них **в реальности** пока что не удалось пережить.

И те же самые дети гордо чувствуют себя «бесстрашными героями» своих любимых, жестоких игр, хотя **вряд ли бы эти герои себя бы так же «геройски» повели, увидь они в реальности любого ЖИВОГО нижнеастрального монстра…**

Но вернёмся в нашу, теперь уже «очищенную» от всей когтисто-клыкастой грязи, комнату…

Понемногу я пришла в себя и опять уже была в состоянии общаться со своими новыми знакомыми. Артур сидел окаменевший в своём кресле и теперь уже ошарашено глядел **на меня**. Весь алкоголь из него за это время выветрился, и теперь на меня смотрел очень приятный, но безумно несчастный молодой человек.

— Кто ты?.. Ты **тоже** ангел? — очень тихо спросил он.

Этот вопрос (только без «тоже») при встречах с душами, мне задавался очень часто, и я уже привыкла на него не реагировать, хотя вначале, признаться честно, он довольно долго продолжал меня очень и очень смущать.

Меня это чем-то насторожило.

— Почему — **«тоже»**?— озадачено спросила я.

— Ко мне приходил кто-то, кто называл себя «ангелом», но я знаю, что это была не ты… — грустно ответил Артур.

Тут меня осенила очень неприятная догадка...

— А вам не становилось плохо после того, как этот «ангел» приходил? — уже поняв, в чём дело, спросила я.

— Откуда знаешь?.. — очень удивился он.

— Это был не ангел, а скорее наоборот. Вами просто пользовались, но я не могу вам этого правильно объяснить, потому, что не знаю пока ещё сама. Я просто чувствую, когда это происходит. Вам надо быть очень осторожным. —

Только и смогла тогда сказать ему я.

— Это чем-то похоже на то, что я видел сегодня? — задумчиво спросил Артур.

— В каком-то смысле да, — ответила я.

Было видно, что он очень сильно старается что-то для себя понять. Но к сожалению, я не в состоянии была тогда ещё толком ему что-либо объяснить, так как сама была всего лишь маленькой девочкой, которая старалась своими силами «докопаться» до какой-то сути, руководствуясь в своих «поисках» всего лишь ещё самой не совсем понятным своим «особым талантом»...

Артур был, видимо, сильным человеком и даже не понимая происходящего, он его просто **принимал**. Но каким бы сильным не был этот измученный болью человек, было видно, что снова скрывшиеся от него родные образы его любимой дочери и жены, заставляли его опять также нестерпимо и глубоко страдать... И надо было иметь каменное сердце, чтобы спокойно наблюдать, как он озирается вокруг глазами растерянного ребёнка, стараясь хоть на короткое мгновение ещё раз «вернуть» свою любимую жену Кристину и своего храброго, милого «лисёнка» — Вэсту. Но к сожалению, его мозг, видимо не выдержавший такой огромной для него нагрузки, намертво замкнулся от мира дочери и жены, больше уже не давая возможности с ними соприкоснуться даже в самом коротком спасительном мгновении…

Артур не умолял о помощи и не возмущался... К моему огромному облегчению, он с удивительным спокойствием и благодарностью принимал то оставшееся, что жизнь ещё могла ему сегодня подарить. Видимо слишком бурный «шквал», как положительных, так и отрицательных эмоций полностью опустошил его бедное, измученное сердце, и теперь он лишь с надеждой ждал, что же ещё я смогу ему предложить…

Они говорили долго, заставляя плакать даже меня, хотя я была уже вроде бы привыкшая к подобному, если конечно к такому можно привыкнуть вообще...

Примерно через час я уже чувствовала себя, как выжатый лимон и начала немножко волноваться, думая о возвращении домой, но всё никак не решалась прервать этой, хоть теперь уже и более счастливой, но, к сожалению, их **последней** встречи. Очень многие, которым я пыталась таким образом помочь, умоляли меня прийти опять, но я, скрепив сердце, категорически в этом отказывала. И не потому, что мне их не было жалко, а лишь потому, что их было множество, а я, к сожалению, была одна… И у меня также ещё была какая-то **моя собственная** жизнь, которую я очень любила и которую всегда мечтала как можно полнее и интереснее прожить.

Поэтому, как бы мне не было жалко, я всегда отдавала себя каждому человеку только лишь на **одну единственную встречу**, чтобы он имел возможность изменить (или хотя бы попытаться) то, **на что обычно у него уже никогда не могло быть никакой надежды**… Я считала это честным подходом для себя и для них. И только один единственный раз я преступила свои «железные» правила и встречалась со своей гостьей несколько раз, потому что отказать ей было просто не в моих силах…

25. Стелла

Как можно понять или объяснить то, чего мы никогда не слышали и никогда не знали?.. А ведь люди это делают постоянно, даже не задумываясь о том, что возможно, они не правы или, что все остальные просто не нуждаются ни в их мнении, ни в объяснении... Так помню, когда я один единственный раз попыталась рассказать одному «умному человеку» про удивительную девочку со светлым именем — Стелла, он тут же начал, с «высоты своего полёта», очень снисходительно мне объяснять, **что же «по-настоящему»** я чувствовала, и **что «по-настоящему**» произошло...

Это была удивительная история, и мне впервые очень захотелось ею искренне с кем-то поделиться, но после этого беспрецедентного по своей глупости случая, я уже никогда не повторяла подобной ошибки и не делилась своими мыслями или приключениями ни с кем, кроме моего отца, хотя это было уже несколько позже. Тогда же я твёрдо для себя решила, что никогда больше не допущу, чтобы кто-то так грубо ранил мою душу, которую я обычно держала «нараспашку» для всех, кто мог в этом нуждаться... и которая сейчас получила глубокую трещину только оттого, что какой-то недалёкий человек захотел бессмысленно блеснуть своим «знанием» перед наивным девятилетним ребёнком.

Самым потрясающим здесь являлось то, что человек-то этот был вроде бы «образованным» профессором университета, который приехал к нам в школу на встречу по приглашению и выбору ребят, и я подумала, что **уж он-то восприметвсё правильно**, именно так, как оно по-настоящему и **должно было бы быть**. Но как оказалось, не всегда учёная степень могла дать настоящий уровень понимания, не говоря уже о его чёрствой и безразличной душе... Хотя, как говорил один великолепный писатель: «даже небольшим умом можно блистать, если тщательно натереть его о книги»… Вот этот профессор, видимо, и натирал...

Но эта история не о нём, а о ком-то, достаточно стоящем и светлом, чтобы о нём захотелось рассказать.

Как-то ранним осенним утром я гуляла в соседнем лесу, и, собрав букет последних осенних цветов, как обычно, зашла на кладбище, чтобы положить их на дедушкину могилу.

Наше кладбище было очень красивым (если конечно так можно выразиться, рассказывая о таком грустном месте?). Оно находилось (и до сих пор находится) прямо в лесу, на удивительно светлой, плотно окружённой могучими старыми деревьями поляне и было похоже на тихую зелёную гавань, в которой каждый мог найти покой, если судьба вдруг по той или иной причине неожиданно обрывала его хрупкую жизненную нить. Это кладбище называлось «новым», так как оно было только-только открытым, и мой дедушка был всего лишь третьим человеком, которого успели там похоронить. Поэтому и на настоящее-то кладбище оно пока ещё не очень-то было похожим...

Я вошла в ворота и поздоровалась с маленькой худенькой старушкой, которая там сидела одна и очень отрешённо о чём-то думала.

День был приятным, солнечным и тёплым, хотя на дворе уже весьма уверенно властвовала осень. Лёгкий ветерок шуршал в последних оставшихся листьях, разнося вокруг сочный запах мёда, грибов и разогретой последними солнечными лучами земли... Как и должно было быть, в этом мирном месте Вечного Покоя царила добрая, глубокая, «золотая» тишина…

Как обычно, я села у дедушки на скамеечку и начала рассказывать ему все свои последние новости. Я знала, что это глупо, и что он, даже при моём самом большом на то желании, никаким образом меня услышать не мог (потому, что его сущность со дня его смерти жила во мне), но мне так сильно и постоянно его не хватало, что я разрешала себе эту крошечную, безобидную иллюзию, чтобы хоть на какое-то короткое мгновение вернуть ту чудесную связь, которую я до сих пор имела только с ним одним.

Вот так тихо-мирно «беседуя» с дедушкой, я совершенно не заметила, как та же самая миниатюрная старушка подошла ко мне и села рядышком на небольшой пенёк. Как долго она со мной так просидела — не знаю. Но когда я вернулась в «нормальную реальность», то увидела ласково смотревшие на меня лучистые, совсем не старческие голубые глаза, которые будто спрашивали, не нужна ли мне какая-то помощь…

— Ой, простите меня, бабушка, я и не заметила когда вы подошли! — сильно смутившись, сказала я.

Обычно ко мне трудно было подойди незамеченным — всегда срабатывало какое-то внутреннее чувство самозащиты. Но от этой тёплой, милой старушки исходило такое безграничное добро, что, видимо, все мои «защитные инстинкты» затормозились…

— Вот разговариваю с дедушкой… — смущённо проговорила я.

— А ты не стыдись, милая, — покачала головой старушка, — у тебя душа — дарительница, это счастье большое и редкое. Не стыдись.

Я смотрела во все глаза на эту щупленькую и очень необычную старушку, совершенно не понимая, о чём она говорит, но почему-то чувствуя абсолютное и полное к ней доверие. Она подсела рядышком, ласково обняла меня своей по-старчески сухой, но очень тёплой рукой и неожиданно очень светло улыбнулась:

— Ты не волнуйся, милая, всё будет хорошо. Только не торопись **узнать на всё ответы**… для тебя это ещё слишком рано, потому что, **для того, чтобы получить ответы, сперва ты должна знать правильные вопросы**… А они пока что у тебя ещё не созрели...

Только через много лет мне удалось понять, что по-настоящему хотела сказать эта странная мудрая старушка. Но тогда я лишь очень внимательно её слушала, стараясь запомнить каждое слово, чтобы позже ещё не один раз «прокрутить» в своей памяти всё непонятое (но, как я чувствовала — очень для меня важное) и постараться уловить хотя бы крупицы того, что могло бы мне помочь в моём, вечно продолжавшемся «поиске»…

— Слишком тяжёлый груз взяла на себя — подломишься… — спокойно продолжала старушка, и я поняла, что она имеет в виду мои контакты с умер-

шими. — Не все люди этого стоят, милая, **некоторые должны платить за свои поступки**, иначе беспричинно начнут считать, что они уже достойны прощения, и тогда **твоё добро принесёт только лишь зло**... Запомни моя девочка, **добро всегда должно быть УМНЫМ**. Иначе оно уже и **не добро совсем, а просто отголосок твоего сердца или желания, которое совсем необязательно совпадает с тем, кем по-настоящему является одаренный тобою человек.**

Мне стало вдруг не по себе… Казалось, это уже говорила не простая милая старушечка, а какая-то очень мудрая и добрая ведунья, каждое слово которой буквально впечатывалось в моём мозгу… Она как бы осторожно вела меня по «**правильной»** дорожке, чтобы мне, ещё маленькой и глупой, не пришлось слишком часто «спотыкаться», совершая свои, возможно не всегда очень правильные «мягкосердечные подвиги»…

Вдруг промелькнула паническая мысль — а что если прямо сейчас она возьмёт и просто исчезнет?!.. Ведь мне так хотелось, чтобы она как можно большим со мной поделилась и как можно больше чему-то научила!..

Но я понимала, что как раз-то это и являлось бы уже с моей стороны именно тем **«получением чего-то даром»**, о котором она только что меня предостерегала… Поэтому я постаралась взять себя в руки, заглушив насколько могла, свои бушующие эмоции, и по-ребячьему ринулась честно «отстаивать» свою правоту…

— А если эти люди просто совершили ошибки? — не сдавалась я. — Ведь каждый рано или поздно совершает ошибку и имеет полное право в ней раскаяться.

Старушка грустно на меня посмотрела и покачав своей седой головой, тихо сказала:

— Ошибка ошибке рознь, милая… Не каждая ошибка искупается всего лишь тоской и болью или ещё хуже — просто словами. И **не каждый, желающий раскаяться, должен получить на это свой шанс**, потому-то ничто, **приходящее даром,** по великой глупости человека**, не ценится им**. И всё, дарящееся ему безвозмездно, **не требует от него усилий**. Поэтому ошибшемуся очень легко раскаяться, но невероятно тяжело **по-настоящему измениться**. Ты ведь не дашь шанс преступнику только лишь потому, что тебе вдруг стало его жалко? А ведь каждый, оскорбивший, ранивший или предавший своих любимых, уже на какую-то, хотя и ничтожную долю в душе преступник. Поэтому **«дари»** осторожно, девочка…

Я сидела очень тихо, глубоко задумавшись над тем, чем только что поделилась со мной эта дивная старая женщина. Только я пока что никак не могла со всей её мудростью согласиться… Во мне, как и в каждом невинном ребёнке, ещё очень сильна была несокрушимая вера в добро, и слова необычной старушки тогда казались мне чересчур жёсткими и не совсем справедливыми. Но это было **тогда**...

Как будто уловив ход моих по-детски «возмущённых» мыслей, она ласково погладила меня по волосам и тихо сказала:

— Вот это я и имела в виду, когда сказала, что ты ещё не созрела для **пра-**

вильных вопросов. Не волнуйся, милая, это очень скоро придёт, даже возможно скорее, чем ты сейчас думаешь...

Тут я нечаянно заглянула ей в глаза, и меня буквально прошиб озноб... Это были совершенно удивительные, по-настоящему бездонные, всезнающие глаза человека, который должен был прожить на Земле, по крайней мере, тысячу лет!.. Я никогда не видела таких глаз!

Она, видимо, заметила моё замешательство и успокаивающе прошептала:

— Жизнь не совсем такая, как ты думаешь, малышка… Но ты поймёшь это позже, когда начнёшь её правильно принимать. Твоя доля странная... тяжёлая и очень светлая, соткана из звёзд… Много чужих судеб в твоих руках. Береги себя, девочка…

Я опять не поняла, что всё это значило, но не успела ничего больше спросить, так как, к моему большому огорчению, старушка вдруг исчезла… а вместо неё появилось потрясающее по своей красоте видение — будто открылась странная прозрачная дверь и появился залитый солнечным светом дивный город, словно весь вырезанный из сплошного хрусталя... Весь искрящийся и блистающий цветными радугами, переливающийся сверкающими гранями невероятных дворцов или каких-то удивительных, ни на что непохожих строений, он был дивным воплощением чей-то сумасшедшей мечты… А там, на прозрачной ступеньке резного крыльца сидел маленький человечек, как я потом рассмотрела — очень хрупкая и серьёзная рыжеволосая девочка, которая приветливо махала мне рукой. И мне вдруг очень захотелось к ней подойти. Я подумала, что это видимо опять какая-то «другая» реальность и вероятнее всего, как это уже бывало раньше, никто и ничего мне опять не объяснит. Но девочка улыбнулась и отрицательно покачала головой.

Вблизи она оказалась совсем «крохой», которой от силы можно было дать самое большее пять лет.

— Здравствуй! — весело улыбнувшись, сказала она. — Я Стелла. Как тебе нравится мой мир?..

— Здравствуй Стелла! — осторожно ответила я. — Здесь правда очень красиво. А почему ты называешь его **своим**?

— А потому, что я его создала! — ещё веселее прощебетала девчушка.

Я остолбенело открыла рот, но никак не могла ничего сказать... Я чувствовала, что она говорит правду, но даже представить себе не могла, каким образом такое можно **создать**, тем более, говоря об этом так беспечно и легко…

— Бабушке тоже нравится. — Довольно сказала девочка.

И я поняла, что «бабушкой» она называет ту же самую необычную старушку, с которой я только что так мило беседовала и которая, как и её не менее необычная внучка, ввела меня в настоящий шок…

— Ты здесь совершенно одна? — спросила я.

— Когда как… — погрустнела девочка.

— А почему ты не позовёшь своих друзей?

— У меня их нет… — уже совсем грустно прошептала малышка.

Я не знала, что сказать, боясь ещё больше огорчить это странное, одинокое

и такое милое существо.

— Ты хочешь посмотреть что-то ещё? — как бы очнувшись от грустных мыслей, спросила она.

Я только кивнула в ответ, решив оставить вести разговор ей, так как не знала, что ещё могло бы её огорчить и совсем не хотела этого пробовать.

— Смотри, это было вчера — уже веселее сказала Стелла.

И мир перевернулся с ног на голову… Хрустальный город исчез, а вместо него полыхал яркими красками какой-то «южный» пейзаж… У меня от удивления перехватило горло.

— И это тоже ты?.. — осторожно спросила я.

Она гордо кивнула своей кудрявой рыжей головкой. Было очень забавно за ней наблюдать, так как девочка по-настоящему серьёзно гордилась тем, что ей удалось создать. Да и кто не гордился бы?!. Она была совершенной крошкой, которая, смеясь, между делом, создавала себе новые невероятные миры, а надоевшие тут же заменяла другими, как перчатки... Если честно, было от чего прийти в шок. Я старалась понять, что же здесь такое происходит?.. Стелла явно была мертва, и со мной всё это время общалась её сущность. Но **где** мы находились, и **как** она создавала эти свои «миры», пока что было для меня совершенной загадкой.

— Разве тебе что-то непонятно? — удивилась девочка.

— Говоря честно — ещё как! — откровенно воскликнула я.

— Но ты же можешь **намного больше**, — ещё сильнее удивилась малышка.

— Больше?.. — ошарашено спросила я.

Она кивнула, смешно наклонив в сторону свою рыжую головку.

— Кто же тебе всё это показал? — осторожно, боясь чем-то её нечаянно обидеть, спросила я.

— Ну, конечно же, бабушка. — Как будто что-то само собой разумеющееся, сказала она. — Я была вначале очень грустной и одинокой, и бабушке было меня очень жалко. Вот она и показала мне, как это делается.

И тут я наконец поняла, что это и вправду был **её мир**, созданный лишь **силой её мысли**. Эта девочка даже не понимала, каким сокровищем она была! А вот бабушка, я думаю, как раз-то понимала это очень даже хорошо...

Как оказалось, Стелла несколько месяцев назад погибла в автокатастрофе, в которой погибла также и вся её семья. Осталась только бабушка, для которой в тот раз просто не оказалось в машине места... И которая чуть не сошла с ума, узнав о своей страшной, непоправимой беде. Но что было самое странное, Стелла не попала, как обычно попадали все, на те же уровни, в которых находилась её семья. Её тело обладало высокой сущностью, которая после смерти пошла на самые высокие уровни Земли. И таким образом девочка осталась совершенно одна, так как её мама, папа и старший брат видимо были самыми обычными, ординарными людьми, не отличавшимися какими-то особыми талантами.

— А почему ты не найдёшь кого-то здесь, где ты теперь живёшь? — опять осторожно спросила я.

— Я нашла… Но они все какие-то старые и серьёзные… не такие, как ты и я. — Задумчиво прошептала девчушка.

Вдруг она неожиданно весело улыбнулась и её милая мордашка тут же засияла ярким светлым солнышком.

— А хочешь, я покажу тебе, как это делать?

Я лишь кивнула, соглашаясь, очень боясь, что она передумает. Но девчушка явно не собиралась ничего «передумывать», наоборот — она была очень рада, найдя кого-то, кто был почти что её ровесником, и теперь, если я что-то понимала, не собиралась так легко меня отпускать... Эта «перспектива» меня полностью устраивала, и я приготовилась внимательно слушать о её невероятных чудесах...

— Здесь всё намного легче, чем на Земле, — щебетала очень довольная оказанным вниманием Стелла, — ты должна всего лишь забыть о том «уровне», на котором ты пока ещё живёшь (!) и сосредоточиться на том, что ты хочешь увидеть. Попробуй очень точно представить, и оно придёт.

Я попробовала отключиться от всех посторонних мыслей — не получилось. Это всегда давалось мне почему-то нелегко.

Потом, наконец, всё куда-то исчезло, и я осталась висеть в полной пустоте… Появилось ощущение Полного Покоя, такого богатого своей полнотой, какого невозможно было испытать на Земле... Потом пустота начала наполняться сверкающим всеми цветами радуги туманом, который всё больше и больше уплотнялся, становясь похожим на блестящий и очень плотный клубок звёзд… Плавно и медленно этот «клубок» стал расплетаться и расти, пока не стал похожим на потрясающую по своей красоте, гигантскую сверкающую спираль, конец которой «распылялся» тысячами звёзд и уходил куда-то в невидимую даль… Я остолбенело смотрела на эту сказочную неземную красоту, стараясь понять, **каким образом** и **откуда** она взялась?.. Мне даже в голову не могло прийти, что создала это в своём воображении по-настоящему я… И ещё я никак не могла отвязаться от очень странного чувства, что именно **ЭТО** и есть мой **настоящий дом**…

— Что-о это?.. — обалдевшим шёпотом спросил тоненький голосок.

Стелла «заморожено» стояла в ступоре, не в состоянии сделать хотя бы малейшее движение и округлившимися, как большие блюдца, глазами наблюдала эту невероятную, откуда-то неожиданно свалившуюся красоту...

Вдруг воздух вокруг сильно колыхнулся, и прямо перед нами возникло светящееся существо. Оно было очень похожим на моего старого «коронованного» звёздного друга, но это явно был кто-то другой. Оправившись от шока и рассмотрев его повнимательнее, я поняла, что он вообще не был похож на моих старых друзей. Просто первое впечатление «зафиксировало» такой же обруч на лбу и похожую мощь, но в остальном ничего общего между ними не было. Все «гости», до этого приходившие ко мне, были высокими, но это существо было **очень** высоким, вероятно где-то около целых пяти метров. Его странные сверкающие одежды (если их можно было бы так назвать) всё время развевались, рассыпая за собой искрящиеся хрустальные хвосты, хотя ни малейшего ветерка

вокруг не чувствовалось. Длинные, серебряные волосы сияли странным лунным ореолом, создавая впечатление «вечного холода» вокруг его головы… А глаза были такими, на которые лучше никогда бы не выпало смотреть!.. До того, как я их увидела, даже в самой смелой фантазии невозможно было представить подобных глаз!.. Они были невероятно яркого розового цвета и искрились тысячью бриллиантовых звёздочек, как бы зажигающихся каждый раз, когда он на кого-то смотрел. Это было совершенно необычно и до умопомрачения красиво…

От него веяло загадочным далёким Космосом и чем-то ещё, чего мой маленький детский мозг тогда ещё не в состоянии был постичь...

Существо подняло развёрнутую к нам ладонью руку и мысленно сказало:

— Я — Элей. Ты не готова приходить — вернись…

Естественно, меня сразу же дико заинтересовало — кто это, и очень захотелось каким-то образом хоть на короткое время его удержать.

— Не готова к чему? — как могла, более спокойно спросила я.

— Вернуться **домой**. — Ответил он.

От него исходила (как мне тогда казалось) невероятная мощь и в то же время какое-то странное глубокое тепло одиночества. Хотелось, чтобы он никогда не ушёл, и вдруг стало так грустно, что на глаза навернулись слёзы…

— Ты вернёшься, — как будто отвечая на мои грустные мысли, произнёс он. — Только это будет ещё не скоро… А теперь, уходи.

Сияние вокруг него стало ярче... и к моему большому огорчению, он исчез…

Сверкающая громадная «спираль» ещё какое-то время продолжала сиять, а потом начала рассыпаться и полностью растаяла, оставляя за собой только глубокую ночь.

Стелла наконец-то «очнулась» от шока, и всё вокруг тут же засияло весёлым светом, окружая нас причудливыми цветами и разноцветными птицами, которых её потрясающее воображение поспешило скорее создать, видимо желая как можно быстрее освободиться от гнетущего впечатления навалившейся на нас вечности.

— Ты думаешь это я?.. — всё ещё не в состоянии поверить в случившееся, ошарашено прошептала я.

— Конечно! — уже опять весёлым голоском прощебетала малышка. — Это ведь то, что ты хотела, да? Оно такое огромное и страшное, хоть и очень красивое. Я бы ни за что не осталась там жить! — с полной уверенностью заявила она.

А я не могла забыть той невероятно-огромной и такой притягательно-величавой красоты, которая, теперь я знала точно, навечно станет моей мечтой, и желание когда-то туда вернуться станет преследовать меня долгие, долгие годы, пока, в один прекрасный день, я не обрету наконец-то мой настоящий, потерянный ДОМ…

— Почему ты грустишь? У тебя ведь так здорово получилось! — удивлённо воскликнула Стелла. — Хочешь, я покажу тебе что-то ещё?

Она заговорщически сморщила носик, от чего стала похожа на милую,

смешную маленькую обезьянку.

И опять всё вверх ногами перевернулось, «приземлив» нас в каком-то сумасшедше-ярком «попугайном» мире… в котором дико кричали тысячи птиц и от этой ненормальной какофонии закружилась голова.

— Ой! — звонко засмеялась Стелла, — не так!

И сразу наступила приятная тишина... Мы ещё долго «шалили» вместе, теперь уже попеременно создавая смешные, весёлые, сказочные миры, что и вправду оказалось совершенно несложно. Я никак не могла оторваться от всей этой неземной красоты и от хрустально-чистой удивительной девочки Стеллы, которая несла в себе тёплый и радостный свет, и с которой искренне хотелось остаться рядом навсегда…

Но реальная жизнь, к сожалению, звала обратно «опуститься на Землю» и мне приходилось прощаться, не зная, удастся ли когда-то хоть на какое-то мгновение её опять увидеть.

Стелла смотрела своими большими, круглыми глазами, как будто желая и не смея что-то спросить... Тут я решила ей помочь:

— Ты хочешь, чтобы я пришла ещё? — с затаённой надеждой спросила я.

Её смешное личико опять засияло всеми оттенками радости:

— А ты правда-правда придёшь?! — счастливо запищала она.

— Правда-правда приду… — твёрдо пообещала я.

26. Стелла-2. Гарольд

Загруженные «по-горлышко» каждодневными заботами дни сменялись неделями, а я всё ещё никак не могла найти свободного времени, чтобы посетить свою милую маленькую подружку. Думала я о ней почти каждый день и сама себе клялась, что завтра уж точно найду время, чтобы хоть пару часов «отвести душу» с этим чудесным светлым человечком... А также ещё одна, весьма странная мысль никак не давала мне покоя — очень хотелось познакомить бабушку Стеллы со своей, не менее интересной и необычной бабушкой... По какой-то необъяснимой причине я была уверена, что обе эти чудесные женщины, уж точно, нашли бы, о чём поговорить...

Так наконец-то в один прекрасный день я вдруг решила, что хватит откладывать всё «на завтра» и, хотя совершенно не была уверена, что Стеллина бабушка именно сегодня будет там, решила, что будет чудесно если сегодня я наконец-то навещу свою новую подружку, ну, а если повезёт, то и наших милых бабушек друг с другом познакомлю.

Какая-то странная сила буквально толкала меня из дома, будто кто-то издалека очень мягко и в то же время очень настойчиво меня мысленно звал.

Я тихо подошла к бабушке и, как обычно, начала около неё крутиться, стараясь придумать, как бы ей всё это получше преподнести.

— Ну что, пойдём что ли?.. — спокойно спросила бабушка.

Я ошарашено на неё уставилась, не понимая, каким образом она могла узнать, что я вообще куда-то собралась?!.

Бабушка хитро улыбнулась и, как ни в чём не бывало, спросила:

— Что, разве ты не хочешь со мной пройтись?

В душе возмутившись такому бесцеремонному вторжению в мой «частный мысленный мир», я решила бабушку «испытать».

— Ну, конечно же, хочу! — радостно воскликнула я, и не говоря, куда мы пойдём, направилась к двери.

— Свитер возьми, вернёмся поздно — прохладно будет! — вдогонку крикнула бабушка.

Тут уж я дольше выдержать не могла...

— И откуда ты знаешь, куда мы идём?! — нахохлившись, как замёрзший воробей, обижено буркнула я.

— Так у тебя ж всё на лице написано, — улыбнулась бабушка.

На лице у меня, конечно же, написано этого не было, но я бы многое отдала, чтобы узнать, откуда она так уверенно всегда всё знала, когда дело касалось меня?

Через несколько минут мы уже дружно топали по направлению к лесу, увлечённо болтая о самых разнообразных и невероятных историях, которых она, естественно, знала намного больше, чем я, и это была одна из причин, почему я так любила с ней гулять.

Мы были только вдвоём, и не надо было опасаться, что кто-то подслушает и кому-то может быть не понравится то, о чём мы говорим.

Бабушка очень легко принимала все мои странности, и никогда ничего не боялась; а иногда, если видела, что я полностью в чём-то «потерялась», она давала мне советы, помогавшие выбраться из той или иной нежелательной ситуации; но чаще всего просто наблюдала, как я реагирую на уже ставшие постоянными жизненные сложности, без конца попадавшиеся на моём «шипастом» пути. В последнее время мне стало казаться, что бабушка только и ждёт, когда попадётся что-нибудь новенькое, чтобы посмотреть, повзрослела ли я хотя бы на пяту, или всё ещё «варюсь» в своём «счастливом детстве», никак не желая вылезти из коротенькой детской рубашонки. Но даже за такое её «жестокое» поведение я очень её любила и старалась пользоваться каждым удобным моментом, чтобы как можно чаще проводить с ней время вдвоём.

Лес встретил нас приветливым шелестом золотой осенней листвы. Погода была великолепная, и можно было надеяться, что моя новая знакомая по «счастливой случайности» тоже окажется там.

Я нарвала маленький букет каких-то ещё оставшихся скромных осенних цветов, и через несколько минут мы уже находились рядом с кладбищем, у ворот которого... на том же месте сидела та же самая миниатюрная милая старушка...

— А я уже думала вас не дождусь! — радостно поздоровалась она.

У меня буквально «челюсть отвисла» от такой неожиданности, и в тот момент я видимо выглядела довольно глупо, так как старушка, весело рассмеявшись, подошла к нам и ласково потрепала меня по щеке.

— Ну, ты иди, милая, Стелла уже заждалась тебя. А мы тут малость посидим...

Я не успела даже спросить, как же я попаду к той же самой Стелле, как всё опять куда-то исчезло, и я оказалась в уже привычном, сверкающем и переливающемся всеми цветами радуги мире буйной Стеллиной фантазии и не успев получше осмотреться, тут же услышала восторженный голосок:

— Ой, как хорошо, что ты пришла! А я ждала, ждала!..

Девчушка вихрем подлетела ко мне и шлёпнула мне прямо на руки... маленького красного «дракончика»... Я отпрянула от неожиданности, но тут же весело рассмеялась, потому что это было самое забавное и смешное на свете существо!..

«Дракончик», если можно его так назвать, выпучил своё нежное розовое пузо и угрожающе на меня зашипел, видимо сильно надеясь таким образом меня напугать. Но когда увидел, что пугаться тут никто не собирается, преспокойно устроился у меня на коленях и начал мирно посапывать, показывая какой он хороший и как сильно его надо любить...

Я спросила у Стеллы, как его зовут, и давно ли она его создала.

— Ой, я ещё даже и не придумала, как звать! А появился он прямо сейчас! Правда он тебе нравится? — весело щебетала девчушка, и я чувствовала, что ей было приятно видеть меня снова.

— Это тебе! — вдруг сказала она. — Он будет с тобой жить.

Дракончик смешно вытянул свою шипастую мордочку, видимо решив посмотреть, нет ли у меня чего интересненького... И неожиданно лизнул меня прямо в нос! Стелла визжала от восторга и явно была очень довольна своим произведением.

— Ну, ладно, — согласилась я, — пока я здесь, он может быть со мной.

— Ты разве его не заберёшь с собой? — удивилась Стелла.

И тут я поняла, что она, видимо, совершенно не знает, что мы «разные», и что в том же самом мире уже не живём. Вероятнее всего, бабушка, чтобы её пожалеть, не рассказала девчушке всей правды, и та искренне думала, что это точно такой же мир, в котором она раньше жила, с разницей лишь в том, что теперь свой мир она ещё могла создавать сама...

Я совершенно точно знала, что **не хочу быть тем**, кто расскажет этой маленькой доверчивой девочке, какой по-настоящему является её сегодняшняя жизнь. Она была довольна и счастлива в этой **«своей»** фантастической реальности, и я мысленно себе поклялась, что ни за что и никогда не буду тем, кто разрушит этот её сказочный мир. Я только не могла понять, как же объяснила бабушка внезапное исчезновение всей её семьи и вообще всё то, в чём она сейчас жила?..

— Видишь ли, — с небольшой заминкой, улыбнувшись, сказала я, — там, где я живу, драконы не очень-то популярны....

— Так его же никто не увидит! — весело прощебетала малышка.

У меня прямо-таки гора свалилась с плеч!.. Я ненавидела лгать или выкручиваться, и уж особенно перед таким чистым маленьким человечком, каким была Стелла. Оказалось — она прекрасно всё понимала и каким-то образом ухитрялась совмещать в себе радость творения и грусть от потери своих родных.

— А я наконец-то нашла себе здесь друга! — победоносно заявила малышка.

— Да ну?.. А ты меня с ним когда-нибудь познакомишь? — удивилась я.

Она забавно кивнула своей пушистой рыжей головкой и лукаво прищурилась.

— Хочешь прямо сейчас? — я чувствовала, что она буквально «ёрзает» на месте, не в состоянии более сдерживать своё нетерпение.

— А ты уверена, что он захочет придти? — насторожилась я.

Не потому, что я кого-то боялась или стеснялась, просто у меня не было привычки беспокоить людей без особо важного на то повода, и я не была уверена, что именно сейчас этот повод является серьёзным... Но Стелла была видимо в этом абсолютно уверена, потому что буквально через какую-то долю секунды рядом с нами появился человек.

Это был очень грустный рыцарь... Да, да, именно рыцарь!.. И меня очень удивило, что даже в этом «другом» мире, где он мог «надеть» на себя **любую энергетическую «одежду»**, он всё ещё не расставался со своим суровым рыцарским обличием, в котором он себя всё ещё видимо очень хорошо помнил... И я почему-то подумала, что у него должны были на это быть какие-то очень серьёзные причины, если даже через столько лет он не захотел с этим обликом расставаться.

Обычно, когда люди умирают, в первое время после своей смерти их сущности всегда выглядят именно так, ***как они выглядели в момент своей физической смерти****. Видимо, огромнейший шок и дикий страх перед неизвестным достаточно велики, чтобы не добавлять к этому какой-либо ещё дополнительный стресс. Когда же время проходит (обычно через год), сущности старых и пожилых людей понемногу начинают выглядеть молодыми и становятся точно такими же, какими они были в лучшие годы своей юности. Ну, а безвременно умершие малыши резко «взрослеют», как бы «догоняя» свои недожитые годы, и становятся чем-то похожими на свои сущности, какими они были, когда вошли в тела этих несчастных, слишком рано погибших, или от какой-то болезни безвременно умерших детей, с той лишь разницей, что некоторые из них чуть «прибавляют» в развитии, если при их коротко прожитых в физическом теле годах им достаточно повезло... И уже намного позже, каждая сущность меняется, в зависимости от того,* ***как*** *она дальше в «новом» мире живёт. А живущие на* ***ментальном уровне*** *земли* ***высокие сущности****, в отличие от всех остальных, даже в состоянии сами себе, по собственному желанию создавать «лицо» и «одежду», так как, прожив очень долгое время (****чем выше развитие сущности, тем реже она повторно воплощается в физическое тело****) и достаточно освоившись в том «другом», поначалу незнакомом им мире, они уже сами бывают в состоянии многое творить и создавать.*

Почему малышка Стелла выбрала своим другом именно этого взрослого и чем-то глубоко раненого человека, для меня по сей день так и осталось неразгаданной загадкой. Но так как девчушка выглядела абсолютно довольной и

счастливой таким «приобретением», то мне оставалось только полностью довериться безошибочной интуиции этой маленькой, лукавой волшебницы...

Как оказалось, его звали Гарольд. Последний раз он жил в своём физическом земном теле более тысячи лет назад и, видимо, обладал очень высокой сущностью, но я сердцем чувствовала, что воспоминания о промежутке его жизни в этом последнем воплощении были чем-то очень для него болезненными, так как **именно оттуда** Гарольд вынес эту глубокую и скорбную, столько лет его сопровождающую печаль...

— Вот! Он очень хороший, и ты с ним тоже подружишься! — счастливо произнесла Стелла, не обращая внимания, что её новый друг тоже находится здесь и прекрасно нас слышит.

Ей наверняка не казалось, что говорить о нём в его же присутствии может быть не очень-то правильно... Она просто-напросто была очень счастлива, что наконец-то у неё появился друг, и этим счастьем со мной открыто и с удовольствием делилась.

Она вообще была **неправдоподобно счастливым ребёнком!** Как у нас говорилось — «счастливой по натуре». Ни до Стеллы, ни после неё мне никогда не приходилось встречать никого, хотя бы чуточку похожего на эту «солнечную», милую девчушку. Казалось, никакая беда, никакое несчастье не могло выбить её из этой её необычайной «счастливой колеи»... И не потому, что она не понимала или не чувствовала человеческую боль или несчастье — напротив, я даже была уверена, что она чувствует это намного глубже всех остальных. Просто она была как бы создана из клеток **радости и света**, и защищена какой-то странной, очень «положительной» защитой, которая не позволяла ни горю, ни печали проникнуть в глубину её маленького и очень доброго сердечка, чтобы разрушить его так привычной всем нам каждодневной лавиной негативных эмоций и раненных болью чувств.... Стелла **сама БЫЛА СЧАСТЬЕМ** и щедро, как солнышко, дарила его всем вокруг.

— Я нашла его таким грустным!.. А теперь он уже намного лучше, правда, Гарольд? — обращаясь к нам обоим одновременно, счастливо продолжала Стелла.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, — всё ещё чувствуя себя чуточку скованно, сказала я. — Это наверное очень сложно находиться так долго между мирами?..

— Это такой же мир как все, — пожав плечами, спокойно ответил рыцарь. — Только почти пустой...

— Как — пустой? — удивилась я.

Тут же вмешалась Стелла... Было видно, что ей не терпится поскорее мне «всё-всё» рассказать, и она уже просто подпрыгивала на месте от сжигавшего её нетерпения.

— Он просто никак не мог найти здесь своих близких, но я ему помогла! — радостно выпалила малышка.

Гарольд ласково улыбнулся этому дивному, «искрящемуся» счастьем человечку и кивнул головой, как бы подтверждая её слова:

— Это правда. Я искал их целую вечность, а оказалось, надо было всего-навсего открыть **правильную** «дверь». Вот она мне и помогла.

Я уставилась на Стеллу, ожидая объяснений. Эта девочка, сама того не понимая, всё больше и больше продолжала меня удивлять.

— Ну, да, — чуть сконфужено произнесла Стелла. — Он рассказал мне свою историю, и я **увидела**, что их здесь просто нет. Вот я их и поискала...

Естественно, из такого объяснения я ничего толком не поняла, но переспрашивать было стыдно, и я решила подождать, что же она скажет дальше. Но к сожалению или к счастью, от этой смышлёной малышки не так-то просто было что-то утаить... Хитро глянув на меня своими огромными глазами, она тут же предложила:

— А хочешь — покажу?

Я только утвердительно кивнула, боясь спугнуть, так как опять ожидала от неё чего-то очередного «потрясающе-невероятного»...

Её «цветастая реальность» куда-то в очередной раз исчезла, и появился необычный пейзаж...

Судя по всему, это была какая-то очень жаркая, возможно восточная, страна, так как всё кругом буквально слепило ярким, бело-оранжевым светом, который обычно появлялся только лишь при очень сильно раскалённом, сухом воздухе. Земля, сколько захватывал глаз, была выжженной и бесцветной, и кроме далёких гор, видневшихся в голубой дымке, ничто не разнообразило этот скупо-однообразный, плоский и «голый» пейзаж... Чуть дальше виднелся небольшой, древний белокаменный город, который по всей окружности был обнесён полуразрушенной каменной стеной. Наверняка, уже давным-давно никто на этот город не нападал, и местные жители не очень-то беспокоились о «подновлении» обороны или хотя бы «постаревшей» окружающей городской стены.

Внутри по городу бежали узенькие змееподобные улочки, соединяясь в одну-единственную пошире, с выделявшимися на ней необычными маленькими «з**а**мками», которые скорее походили на миниатюрные белые крепости, окружённые такими же миниатюрными садами, каждый из которых стыдливо скрывался от чужих глаз за высокой каменной стеной. Зелени в городе практически не было, от чего залитые солнцем белые камни буквально «плавились» от испепеляющей жары. Злое полуденное солнце яростно обрушивало всю мощь своих обжигающих лучей на незащищённые, пыльные улицы, которые уже задыхаясь, жалобно прислушивались к малейшему дуновению так и не появлявшегося свежего ветерка. Раскалённый зноем воздух «колыхался» горячими волнами, превращая этот необычный городок в настоящую душную печь. Казалось, это был самый жаркий день самого жаркого на земле лета...

Вся эта картинка была очень реальной, такой же реальной, какими когда-то были мои любимые сказки, в которые я так же, как здесь, «проваливалась с головой», не слыша и не видя ничего вокруг...

Вдруг из «общей картинки» выделилась маленькая, но очень «домашняя» крепость, которая, если бы не две смешные квадратные башенки, походила бы более на большой и довольно уютный дом.

На ступеньках под большим оливковым деревом, играл маленький белокурый мальчонка лет четырёх-пяти. А за ним под старой яблоней собирала упавшие яблоки полная, приятная женщина, похожая на милую, заботливую, добродушную няню.

На дворе появилась очень красивая, светловолосая молодая дама и... мой новый знакомый — рыцарь Гарольд.

Женщина была одета в необычное, но видимо, очень дорогое, длинное шёлковое платье, складки которого мягко колыхались, повторяя каждое движение её лёгкого, изящного тела. Смешная, шитая бисером голубая шёлковая шапочка мирно покоилась на светлых волосах красивой дамы, великолепно подчёркивая цвет её больших светло-голубых глаз.

Гарольд же, несмотря на такую испепеляющую адскую жару, почти что задыхаясь, «честно мучился» в своих раскалённых рыцарских доспехах, мысленно проклиная сумасшедшую жару (и тут же прося прощения у «милостивого» Господа, которому он так верно и искренне уже столько лет служил)... Горячий пот, сильно раздражая, лился с него градом, и застилая ему глаза, бессердечно портил быстро убегавшие минуты их очередного «последнего» прощания... По-видимому рыцарь собрался куда-то очень далеко, потому что лицо его милой дамы было очень печальными, несмотря на то, что она честно, изо всех сил пыталась это скрыть...

— Это в последний раз, ласка моя... Я обещаю тебе, это **правда**, в последний раз, — с трудом выговорил рыцарь, ласково касаясь её нежной щеки.

Разговор я слышала мысленно, но оставалось странное ощущение **чужой речи**. Я прекрасно понимала слова, и всё же знала, что они говорят на каком-то другом языке.

— Я тебя больше никогда не увижу... — сквозь слёзы прошептала женщина. — Уже никогда...

Мальчонка почему-то никак не реагировал ни на близкий отъезд своего отца, ни на его прощание с мамой. Он спокойно продолжал играть, не обращая никакого внимания на взрослых, как будто это его никак не касалось. Меня это чуточку удивило, но я не решалась ничего спрашивать, а просто наблюдала, что же будет дальше.

— Разве ты не скажешь мне «до свидания»? — обращаясь к нему, спросил рыцарь.

Мальчик, не поднимая глаз, отрицательно покачал головкой.

— Оставь его, он просто на тебя злится... — грустно попросила женщина. — Он тоже тебе верил, что больше не оставишь его одного.

Рыцарь кивнул и взобравшись на свою огромную лошадь, не оборачиваясь поскакал по узенькой улице, очень скоро скрывшись за первым же поворотом. А красивая дама печально смотрела ему вслед, и душа её готова была бежать... ползти... лететь за ним не важно, куда, только бы ещё раз хотя бы на миг увидеть, хоть на короткое мгновение услышать!.. Но она знала, что этого не будет, что она останется там, где стоит, и что по капризной прихоти судьбы уже не увидит и не обнимет своего Гарольда никогда... По её бледным, вмиг осунувшимся

щекам катились крупные, тяжёлые слёзы и сверкающими каплями исчезали в пыльной земле...

— Господи сохрани его... — горько шептала женщина. — Я никогда его не увижу... уже никогда... помоги ему, Господи...

Она стояла неподвижно, как скорбная мадонна, ничего вокруг не видя и не слыша, а к её ногам жался белокурый малыш, теперь уже обнаживший всю свою печаль и глядевший с тоской туда, где вместо его любимого папы только лишь одиноко белела пустая, пыльная дорога.....

— Как же я мог с тобой не попрощаться, ласка моя?.. — вдруг прозвучал рядом тихий, грустный голос.

Гарольд не отрываясь смотрел на свою милую, и такую печальную жену, и смертельная тоска, которую, казалось, было невозможно смыть даже водопадом слёз, плескалась в его синих глазах... А ведь выглядел он очень сильным и мужественным человеком, которого, вероятнее всего, не так-то просто было прослезить...

— Не надо! Ну не надо печалиться! — гладила его огромную руку своими хрупкими пальчиками малышка Стелла. — Ты же видишь, как сильно они тебя любили?.. Ну хочешь, мы не будем больше смотреть? Ты это видел и так уже много раз!..

Картинка исчезла... Я удивлённо посмотрела на Стеллу, но не успела ничего сказать, как оказалась уже в другом «эпизоде» этой чужой, но так глубоко затронувшей мою душу, жизни.

Просыпалась непривычно яркая, усыпанная алмазными каплями росы, весёлая розовая заря. Небо на мгновение вспыхнуло, окрасив алым заревом каёмочки кудрявых, белобрысых облаков, и сразу же стало очень светло — наступило раннее, необычайно свежее утро. На террасе уже знакомого дома, в прохладной тени большого дерева, сидели втроём — уже знакомый нам, рыцарь Гарольд и его дружная маленькая семья. Женщина выглядела изумительно красивой и совершенно счастливой, похожей на ту же самую утреннюю зарю... Ласково улыбаясь, она что-то говорила своему мужу, иногда нежно дотрагиваясь до его руки. А он, совершенно расслабившись, тихо качал на коленях своего заспанного, взъерошенного сынишку и с удовольствием попивая нежно розовый, «вспотевший» напиток, время от времени лениво отвечал на какие-то, видимо ему уже знакомые вопросы своей прелестной жены...

Воздух был по-утреннему «звенящим» и удивительно чистым. Маленький опрятный садик дышал свежестью, влагой и запахами лимонов; грудь распирало от полноты струящегося прямо в лёгкие, дурманяще-чистого воздуха. Гарольду хотелось мысленно «взлететь» от наполнявшего его уставшую, исстрадавшуюся душу тихого счастья!.. Он слушал, как тоненькими голосами пели только что проснувшиеся птицы, видел прекрасное лицо своей улыбающейся жены, и, казалось, ничто на свете не могло нарушить или отнять у него этот чудесный миг светлой радости и покоя его маленькой счастливой семьи...

К моему удивлению, эта идиллическая картинка вдруг неожиданно отделилась от нас со Стеллой светящейся голубой «стеной», оставляя рыцаря Га-

рольда со своим счастьем наедине. А он, забыв обо всём на свете, всей душой «впитывал» эти чудесные и такие дорогие ему мгновения, даже не замечая, что остался один...

— Ну вот, пусть он это смотрит, — тихо прошептала Стелла. — А я покажу тебе, что было дальше...

Чудесное видение тихого семейного счастья исчезло... а вместо него появилось другое, жестокое и пугающее, не обещающее ничего хорошего, а уж, тем более — счастливого конца...

Это был всё ещё тот же белокаменный город и тот же, уже знакомый нам дом... Только на этот раз всё вокруг полыхало в огне... Огонь был везде. Ревущее, всё пожирающее пламя вырывалось из разбитых окон и дверей, и охватывало мечущихся в ужасе людей, превращая их в кричащие человеческие факелы, чем создавало преследовавшим их чудовищам удачную живую мишень. Женщины с визгом хватали детей, пытаясь укрыться с ними в подвалах, но спасались они ненадолго — спустя короткое время хохочущие изверги тащили их, полуголых и отчаянно вопящих, наружу, чтобы насиловать прямо на улице, рядом с ещё не остывшими трупиками их маленьких детей... От разносящейся повсюду копоти почти ничего не было видно... Воздух был «забит» запахами крови и гари, нечем было дышать. Обезумевшие от страха и жары, прятавшиеся в подвалах старики вылазили во двор и тут же падали мёртвыми под мечами жутко гикающих, носящихся по всему городу на конях, звероподобных диких людей. Вокруг слышался грохот копыт, звон железа и дикие крики, от которых стыла в жилах кровь...

Перед моими глазами, как в кино, проносились страшные, холодящие сердце картинки насилия и зверских убийств... Я не могла на всё это спокойно смотреть, сердце буквально «выпрыгивало» из груди, лоб (как если бы я была в физическом теле!..) покрывался холодной испариной, и хотелось бежать, куда глаза глядят из этого ужасающего, чудовищно-безжалостного мира... Но взглянув на серьёзно-сосредоточенное личико Стеллы, мне стало стыдно за свою слабость, и я заставила себя смотреть дальше.

Мы оказались внутри того же самого дома, только сейчас всё в нём было полностью разбито и уничтожено, а посередине одной из комнат, прямо на полу, валялось мёртвое тело доброй няни... Через разбитые окна с улицы слышались душераздирающие женские крики, всё перемешалось в ужасном кошмаре безысходности и страха... Казалось, весь мир вдруг почему-то сошёл с ума... Тут же мы увидели другую комнату, в которой трое мужчин, тяжело навалившись, пытались привязать к ручкам кровати, вырывающуюся из последних сил, светловолосую жену рыцаря Гарольда... А его маленький сын сидел прямо **под той же кроватью**, сжимая в своих малюсеньких ручках слишком большой для него папин кинжал и, закрыв глаза, сосредоточено что-то шептал... Никто во всей этой сумасшедшей суматохе никакого внимания на него не обращал, а он был так странно и «неподвижно» спокоен, что сперва я подумала — с малышом от всего этого ужаса случился самый настоящий эмоциональный удар. Но очень скоро поняла, что ошиблась... Как оказалось, ребёнок попросту из последних сил

пытался собраться для какого-то, видимо, очень решительного и важного шага...

Он мог свободно дотянуться до любого из насильников, и я сперва подумала, что бедный малыш, думая ещё совершенно по-детски, хочет попытаться как-то защитить свою несчастную маму. Но, как оказалось, этот крошечный, насмерть напуганный мальчонка, был в своей ещё детской душе настоящим сыном рыцаря, и сумел сделать **самый правильный и единственный** в тот жуткий момент выход... и решился на **самый тяжёлый в его коротенькой жизни шаг**... Каким-то образом, наконец, собравшись и тихо прошептав «мамочка!», он выскочил наружу, и изо всех своих детских силёнок... полоснул тяжеленным кинжалом прямо по нежной шее свою бедную мать, которую уже никак по-другому не мог спасти, и которую он всем своим детским сердечком беззаветно любил...

Вначале, в «насильническом» азарте, происшедшего никто даже и не заметил... Мальчонка тихонько отполз в угол и видимо не имея ни на что больше сил, сидел застывший, ко всему безразличный, и расширившимися от ужаса глазами наблюдал как прямо перед ним, **от его же руки** уходила из жизни его добрая, самая лучшая на свете, ласковая мама...

Вдруг это страшное видение куда-то исчезло, и вокруг опять сиял, переливаясь всеми цветами радуги, светлый и радостный Стеллин мир... А я, не в состоянии прийти в себя от увиденного кошмара, пыталась сохранить в своей памяти чистый образ этого чудесного, храброго маленького мальчика, и даже не заметила, что плачу... Я чувствовала, как по моим щекам рекой текут слёзы, но мне почему-то ни капельки не было стыдно...

— Дальше тебе не буду показывать, потому что там будет ещё грустнее... — расстроено сказала Стелла. — Но мы их нашли, с ними всё в порядке! Ты не грусти так! — тут же опять стряхнув печаль, прощебетала она.

А бедный Гарольд сидел на созданном ею сверкающем камне, гладил одним пальцем мурлыкающего красного дракончика, и был от нас очень далеко, в своём заветном мире, в котором наверняка все они были всё ещё вместе, и в котором очень реально жила его несвершившаяся мечта...

Мне было так его жаль!.. Но к сожалению, помочь ему было не в моих силах. И мне, честно, очень хотелось узнать, чем же эта необыкновенная малышка ему помогла...

— Мы нашли их! — опять повторила Стелла. — Я не знала, как это сделать, но бабушка мне помогла!

Оказалось, что Гарольд при жизни даже не успел узнать, как страшно пострадала, умирая его семья. Он был рыцарем-воином и погиб ещё до того, как его город оказался в руках «палачей», как и предсказывала ему жена.

Но, как только он попал в этот, ему незнакомый, дивный мир «ушедших» людей, он сразу же смог **увидеть, как безжалостно и жестоко поступила с его «единственными и любимыми» злая судьба**. После он, как одержимый, целую вечность пытался как-то, где-то найти этих, самых ему дорогих на всём белом свете людей... И искал он их очень долго, больше тысячи лет, пока однажды какая-то совершенно незнакомая милая девочка Стелла не предложила ему

«сделать его счастливым» и не открыла ту «другую», **нужную** дверь, чтобы наконец-то их для него найти...

— Хочешь, я покажу тебе? — опять предложила малышка.

Но я уже не была так уверена, хочу ли я видеть что-то ещё... Потому что только что показанные ею видения ранили душу, и невозможно было от них так быстро избавиться, чтобы желать увидеть какое-то продолжение...

— Но ты ведь **хочешь** увидеть, что с ними случилось! — уверенно констатировала «факт» маленькая Стелла.

Я посмотрела на Гарольда и увидела в его глазах полное понимание того, что я только что нежданно-негаданно пережила.

— Я знаю, что ты видела... Я смотрел это много раз. Но они теперь счастливы, мы ходим смотреть на них очень часто... И на них **«бывших»** тоже... — тихо произнёс «грустный рыцарь».

И тут только я поняла, что Стелла, просто-напросто, когда ему этого хотелось, **переносила его в его же прошлое**, точно так же, как она сделала это только что!!! И она делала это почти играючи!.. Я даже не заметила, как эта дивная светлая девчушка всё сильнее и сильнее стала меня к себе «привязывать», становясь для меня почти что настоящим чудом, за которым мне без конца хотелось наблюдать... И которую совершенно не хотелось покидать... Тогда я почти ещё ничего не знала и не умела, кроме того, что могла понять и научиться сама, и мне очень хотелось хотя бы чему-то у неё научиться, пока ещё была такая возможность.

— Ты ко мне, пожалуйста, приходи! — тихо прошептала вдруг погрустневшая Стелла, — ты ведь знаешь, что тебе ещё нельзя здесь оставаться... Бабушка сказала, что ты не останешься ещё очень, очень долго... Что тебе ещё нельзя умирать. Но ты приходи...

Всё вокруг стало вдруг тёмное и холодное, будто чёрные тучи вдруг затянули такой красочный и яркий Стеллин мир...

— Ой, не надо думать о таком страшном! — возмутилась девочка и, как художник кисточкой по полотну, быстро «закрасила» всё опять в светлый и радостный цвет.

— Ну вот, так правда лучше? — довольно спросила она.

— Неужели это были просто мои мысли?.. — опять не поверила я.

— Ну, конечно же! — засмеялась Стелла. — Ты же сильная, вот и создаёшь по-своему всё вокруг.

— А как же тогда думать?.. — всё ещё никак не могла «въехать» в непонятное я.

— А ты просто **«закройся» и показывай только то, что хочешь показать**, — как само собой разумеющееся, произнесла моя удивительная подружка. — Бабушка меня так научила.

Я подумала, что, видимо, мне тоже пришла пора чуть-чуть «потрясти» свою «засекреченную» бабушку, которая (я почти была в этом уверена!) наверняка что-то знала, но почему-то никак не желала меня пока ничему учить...

— Так ты хочешь увидеть, что стало с близкими Гарольда? — нетерпеливо

спросила малышка.

Желания, если честно, у меня слишком большого не было, так как я не была уверена, чего от этого «показа» можно ожидать. Но чтобы не обидеть щедрую Стеллу, согласилась.

— Я не буду тебе показывать долго. Обещаю! Но ты должна о них знать, правда же?.. — счастливым голоском заявила девчушка. — Вот, смотри — первым будет сын...

27. Стелла-3. Аксель

К моему величайшему удивлению, в отличие от виденного раньше, мы попали в совершенно другое время и место, которое было похожим на Францию и по одежде напоминало восемнадцатый век. По широкой мощёной улице проезжал крытый красивый экипаж, внутри которого сидели молодые мужчина и женщина в очень дорогих костюмах и, видимо, в очень дурном настроении... Молодой человек что-то упорно доказывал девушке, а та, совершенно его не слушая, спокойно витала где-то в своих грёзах, чем молодого человека очень раздражала...

— Вот видишь — это он! Это тот же «маленький мальчик»... только уже через много, много лет, — тихонько прошептала Стелла.

— А откуда ты знаешь, что это **точно** он? — всё ещё не совсем понимая, спросила я.

— Ну, как же, это ведь очень просто! — удивлённо уставилась на меня малышка. — Мы все имеем сущность, а сущность имеет свой «ключик», по которому можно каждого из нас найти, только надо знать, как искать. Вот смотри...

Она опять показала мне малыша, сына Гарольда.

— Подумай о его сущности, и ты увидишь...

И я тут же увидела прозрачную, ярко светящуюся, на удивление мощную сущность, на груди которой горела необычная «бриллиантовая» энергетическая звезда. Эта «звезда» сияла и переливалась всеми цветами радуги, то уменьшаясь, то увеличиваясь, как бы медленно пульсируя, и сверкала так ярко, будто и вправду была создана из самых потрясающих бриллиантов.

— Вот видишь у него на груди эту странную перевёрнутую звезду? — Это и есть **его «ключик»**. И если ты попробуешь проследить за ним, как по ниточке, то она приведёт тебя прямо к Акселю, у которого такая же звезда — это и есть та же самая сущность, только уже в её следующем воплощении.

Я смотрела на неё во все глаза, и видно заметив это, Стелла засмеялась и весело призналась:

— Ты не думай, что это я сама — это бабушка меня научила!..

Мне было очень стыдно чувствовать себя полной неумёхой, но желание побольше узнать было во сто крат сильнее любого стыда, поэтому я запрятала свою гордость как можно глубже и осторожно спросила:

— А как же все эти потрясающие «реальности», которые мы сейчас здесь наблюдаем? Ведь это чья-то чужая, конкретная жизнь, и ты не создаёшь их так

же, как ты создаёшь все **свои миры**?

— О, нет! — опять обрадовалась возможности что-то мне объяснить малышка. — Конечно же, нет! Это ведь просто прошлое, в котором все эти люди когда-то жили, и я всего лишь переношу нас с тобой туда.

— А Гарольд? Как же он всё это видит?

— О, ему легко! Он ведь такой же, как я, мёртвый, вот он и может перемещаться, куда захочет. У него ведь уже нет физического тела, поэтому его сущность не знает здесь препятствий и может гулять, где ей захочется... так же, как и я... — уже печальнее закончила малышка.

Я грустно подумала, что то, что являлось для неё всего лишь «простым переносом в прошлое», для меня видимо ещё долго будет являться «загадкой за семью замками»... Но Стелла, как будто услышав мои мысли, тут же поспешила меня успокоить:

— Вот увидишь, это очень просто! Тебе надо только попробовать.

— А эти «ключики», они разве никогда не повторяются у других? — решила продолжить свои расспросы я.

— Нет, но иногда бывает кое-что другое...— почему-то забавно улыбаясь, ответила крошка. — Я в начале именно так и попалась, за что меня очень даже сильно «потрепали»... Ой, это было так глупо!..

— А как? — очень заинтересовавшись, спросила я.

Стелла тут же весело ответила:

— О, это было очень смешно! — и чуть подумав, добавила, — но и опасно тоже... Я искала по всем «этажам» прошлое воплощение своей бабушки, а вместо неё по её «ниточке» пришла совсем другая сущность, которая как-то сумела «скопировать» бабушкин «цветок» (*видимо, тоже «ключик»!*) и, как только я успела обрадоваться, что наконец-то её нашла, эта незнакомая сущность меня безжалостно ударила в грудь. Да так сильно, что у меня чуть душа не улетела!..

— А как же ты от неё избавилась? — удивилась я.

— Ну, если честно, я и не избавлялась... — смутилась девочка. — Я просто бабушку позвала...

— А, что ты называешь «этажами»? — всё ещё не могла успокоиться я.

— Ну, это разные «миры», где обитают сущности умерших... В самом красивом и высоком живут те, которые были хорошими... и, наверное, самыми сильными тоже.

— Такие, как ты? — улыбнувшись, спросила я.

— О, нет, конечно! Я наверное сюда по ошибке попала. — Совершенно искренне сказала девчушка. — А знаешь, что самое интересное? **Из этого «этажа» мы <u>можем</u> ходить везде, а из других <u>никто не может попасть сюда</u>**... Правда — интересно?..

Да, это было очень странно и очень захватывающе интересно для моего «изголодавшегося» мозга, и мне так хотелось узнать побольше!.. Может быть потому, что до этого дня мне никогда и никто ничего толком не объяснял, а просто иногда кто-то что-то давал (как, например, мои «звёздные друзья»), и поэтому даже такое простое детское объяснение уже делало меня необычайно

счастливой и заставляло ещё яростнее копаться в своих экспериментах, выводах и ошибках... как обычно, находя во всём происходящем ещё больше непонятного. Моя проблема была в том, что делать или **создавать** «необычное» я могла очень легко, но вся беда была в том, что я хотела ещё и **понимать**, как я это всё создаю... А именно это пока мне не очень-то удавалось...

— А остальные «этажи»? Ты знаешь, сколько их? Они совсем другие, непохожи на этот?.. — не в состоянии остановиться, я с нетерпением заваливала Стеллу вопросами.

— Ой, я тебе обещаю, мы обязательно пойдём туда погулять! Ты увидишь, как там интересно!.. Только там и опасно тоже, особенно в одном. Там такие чудища гуляют!.. Да и люди не очень приятные тоже.

— Я думаю, я уже видела похожих чудищ, — кое-что вспомнив, не очень уверенно сказала я. — Вот посмотри...

И я попробовала показать ей первых, встреченных в моей жизни, астральных существ, которые нападали на пьяного папу малышки Весты.

— Ой, так это же такие же! А где ты их видела? На Земле?!..

— Ну да, они пришли, когда я помогала одной хорошей маленькой девочке проститься со своим папой...

— Значит, они приходят и к живым?.. — очень удивилась моя подружка.

— Не знаю, Стелла. Я ещё вообще почти ничего не знаю... А так хотелось бы не ходить в потёмках и не узнавать всё только «наощупь»... или из своего опыта, когда постоянно за это «бьют по голове»... Как ты думаешь, твоя бабушка не научила бы чему-то и меня?..

— Не знаю... Ты, наверное, должна сама у неё об этом спросить?

Девочка глубоко о чём-то задумалась, потом звонко рассмеялась и весело сказала:

— Это было так смешно, когда я только начала «творить»!!! Ой, ты бы знала, как это было смешно и забавно!.. Вначале, когда от меня «ушли» все, было очень грустно, и я много плакала... Я тогда ещё не знала где они, и мама, и братик... Я не знала ещё ничего. Вот тогда, видимо, бабушке стало меня жалко и она начала понемножку меня учить. И... ой, что было!.. Вначале я куда-то постоянно проваливалась, создавала всё «шиворот навыворот» и бабушке приходилось за мной почти всё время наблюдать. А потом я научилась... Даже жалко, потому что она теперь уже реже приходит... и я боюсь, что может когда-нибудь она не придёт совсем...

Впервые я увидела, насколько грустно иногда бывает этой маленькой одинокой девочке, несмотря на все эти создаваемые ею удивительные миры!.. И какой бы она ни была счастливой и доброй «от рождения», она всё ещё оставалась всего лишь очень маленьким, всеми родными неожиданно брошенным ребёнком, который панически боялся, чтобы единственный родной человек — её бабушка — тоже бы в один прекрасный день от неё не ушла...

— Ой, пожалуйста, так не думай! — воскликнула я. — Она тебя так любит! И она тебя никогда не оставит.

— Да нет... она сказала, что у всех нас есть **своя жизнь**, и мы должны

прожить её так, как каждому из нас суждено... Это грустно, правда?

Но Стелла, видимо, просто не могла долго находиться в печальном состоянии, так как её личико опять радостно засветилось, и она уже совсем другим голоском спросила:

— Ну что, будем смотреть дальше или ты уже всё забыла?

— Ну, конечно же, будем! — как бы только что очнувшись от сна, теперь уже с б**о**льшей готовностью ответила я.

Я не могла ещё с уверенностью сказать, что хотя бы что-то по-настоящему понимаю. Но было невероятно интересно, и кое-какие Стеллины действия уже становились более понятными, чем это было в самом начале. Малышка на секунду сосредоточилась, и мы снова оказались во Франции, как бы начиная точно с того же самого момента, на котором недавно остановились... Опять был тот же богатый экипаж и та же самая красивая пара, которая никак не могла о чём-то договориться... Наконец-то, совершенно отчаявшись что-то своей юной и капризной даме доказать, молодой человек откинулся на спинку мерно покачивавшегося сидения и грустно произнёс:

— **Что ж, будь по-вашему, Маргарита, я не прошу вашей помощи более... Хотя, один лишь Бог знает, кто ещё мог бы помочь мне увидеться с *Нею*?.. Одного лишь мне не понять, когда же вы успели так измениться?.. И значит ли это, что мы не друзья теперь?**

Девушка лишь скупо улыбнулась и опять отвернулась к окошку... Она была очень красивой, но это была жестокая, холодная красота. Застывшее в её лучистых голубых глазах нетерпеливое и в то же время скучающее выражение как нельзя лучше показывало, насколько ей хотелось как можно быстрее закончить этот затянувшийся разговор.

Экипаж остановился около красивого большого дома, и она, наконец, облегчённо вздохнула.

— Прощайте, Аксель! — легко выпорхнув наружу, по-светски холодно произнесла она. — И разрешите мне напоследок дать вам хороший совет — перестаньте быть романтиком, вы уже не ребёнок более!..

Экипаж тронулся. Молодой человек по имени Аксель неотрывно смотрел на дорогу и грустно сам себе прошептал:

— Весёлая моя «маргаритка», что же стало с тобою?.. Неужели же это всё, что от нас, повзрослев, остаётся?!..

Видение исчезло и появилось другое... Это был всё тот же самый юноша по имени Аксель, но вокруг него жила уже совершенно другая, потрясающая по своей красоте «реальность», которая больше походила на какую-то ненастоящую, неправдоподобную мечту...

Тысячи свечей головокружительно сверкали в огромных зеркалах какого-то сказочного зала. Видимо, это был чей-то очень богатый дворец, возможно даже королевский... Невероятное множество «в пух и в прах» разодетых гостей стояли, сидели и гуляли в этом чудесном зале, ослепительно друг другу улыбаясь и время от времени, как один, оглядываясь на тяжёлую золочёную дверь, чего-то ожидая. Где-то тихо играла музыка, прелестные дамы, одна красивее другой,

порхали, как разноцветные бабочки под восхищёнными взглядами так же сногсшибательно разодетых мужчин. Всё кругом сверкало, искрилось, сияло отблесками самых разных драгоценных камней, мягко шуршали шелка, кокетливо покачивались огромные замысловатые парики, усыпанные сказочными цветами...

Аксель стоял, прислонившись к мраморной колонне, и отсутствующим взглядом наблюдал всю эту блестящую, яркую толпу, оставаясь совершенно равнодушным ко всем её прелестям, и чувствовалось, что так же, как и все остальные, он чего-то ждал.

Наконец-то всё вокруг пришло в движение, и вся эта великолепно разодетая толпа, как по мановению волшебной палочки, разделилась на две части, образуя ровно посередине очень широкий, «бальный» проход. А по этому проходу медленно двигалась совершенно потрясающая женщина... Вернее, двигалась пара, но мужчина рядом с ней был таким простодушным и невзрачным, что, несмотря на его великолепную одежду, весь его облик просто стушёвывался рядом с его потрясающей партнёршей.

Красавица дама была похожа на весну — её голубое платье было сплошь вышито причудливыми райскими птицами и изумительными, серебристо-розовыми цветами, а целые гирлянды настоящих живых цветов хрупким розовым облачком покоились на её шелковистых, замысловато уложенных, пепельных волосах. Множество ниток нежного жемчуга обвивали её длинную шею, и буквально светились, оттенённые необычайной белизной её изумительной кожи. Огромные сверкающие голубые глаза приветливо смотрели на окружающих её людей. Она счастливо улыбалась и была потрясающе красивой....

Тут же стоящий от всех в стороне Аксель буквально преобразился!.. Скучающий молодой человек куда-то в мгновение ока исчез, а вместо него... стояло живое воплощение самых прекрасных на земле чувств, которое пылающим взглядом буквально «пожирало» приближающуюся к нему красавицу даму...

— О-о-ой... какая же она краси-ивая!.. — восторженно выдохнула Стелла. — Она всегда такая красивая!..

— А что, ты её видела много раз? — заинтересованно спросила я.

— О да! Я хожу смотреть на неё очень часто. Она, как весна, правда же?

— И ты её знаешь?.. Знаешь, кто она?

— Конечно же!.. Она очень несчастная королева, — чуть погрустнела малышка.

— Почему же несчастная? По мне так очень даже счастливая, — удивилась я.

— Это только сейчас... А потом она умрёт... Очень страшно умрёт — ей отрубят голову... Но это я смотреть не люблю, — печально прошептала Стелла.

Тем временем красавица дама поравнялась с нашим молодым Акселем и увидев его, от неожиданности на мгновение застыла, а потом, очаровательно покраснев, очень мило ему улыбнулась. Почему-то у меня было такое впечатление, что вокруг этих двоих людей мир на мгновение застыл... Как будто на какой-то очень короткий миг для них не существовало ничего и никого вокруг,

кроме них двоих... Но вот дама двинулась дальше, и волшебный миг распался на тысячи коротеньких мгновений, которые сплелись между этими двумя людьми в крепкую сверкающую нить, чтобы не отпускать их уже никогда...

Аксель стоял совершенно оглушённый и, опять никого не замечая вокруг, провожал взглядом свою прекрасную даму, а его покорённое сердце медленно уходило вместе с ней... Он не замечал, какими взглядами смотрели на него проходящие молодые красавицы, и не отвечал на их сияющие, зовущие улыбки.

Человеком Аксель и в правду был, как говорится, «и внутри, и снаружи» очень привлекательным. Он был высоким и изящным, с огромными серьёзными серыми глазами, всегда любезным, сдержанным и скромным, чем одинаково привлекал, как женщин, так и мужчин. Его правильное серьёзное лицо редко озарялось улыбкой, но если уж это случалось, то в такой момент Аксель становился просто неотразим... Поэтому было совершенно естественным усиленное к нему внимание очаровательной женской половины, но, к их общему сожалению, Акселя интересовало только лишь одно на всём белом свете существо — его неотразимая, прекрасная королева...

— А они будут вместе? — не выдержала я. — Они оба такие красивые!..

Стелла только грустно улыбнулась, и сразу же «окунула» нас в следующий «эпизод» этой необычной, и чем-то очень трогательной истории...

Мы очутились в очень уютном, благоухающем цветами, маленьком летнем саду. Вокруг, сколько охватывал взгляд, зеленел великолепно ухоженный, украшенный множеством статуй, роскошный парк, а вдалеке виднелся ошеломляюще огромный, похожий на маленький город, каменный дворец. И среди всего этого «грандиозного», немного давящего, окружающего величия лишь этот полностью защищённый от постороннего взгляда сад создавал ощущение настоящего уюта и какой-то тёплой, «домашней» красоты...

Усиленные теплом летнего вечера, в воздухе витали головокружительно-сладкие запахи цветущих акаций, роз и чего-то ещё, что я никак не могла определить. Над чистой поверхностью маленького пруда, как в зеркале, отражались огромные чашечки нежно-розовых водяных лилий, и снежно-белые «шубы» ленивых, уже готовых ко сну, царственных лебедей. По маленькой, узенькой тропинке вокруг пруда гуляла красивая молодая пара. Где-то вдали слышалась музыка, колокольчиками переливался весёлый женский смех, звучали радостные голоса множества людей, и только для этих двоих мир остановился именно здесь, в этом маленьком уголке земли, где в этот миг **только для них** звучали нежные голоса птиц; **только для них** шелестел в лепестках роз шаловливый, лёгкий ветерок; **и только для них** на какой-то миг услужливо остановилось время, давая возможность им побыть вдвоём — просто мужчиной и женщиной, которые пришли сюда, чтобы проститься, даже не зная, не будет ли это навсегда...

Дама была прелестной и какой-то «воздушной» в своём скромном, белом, вышитом мелкими зелёными цветочками, летнем платье. Её чудесные пепельные волосы были схвачены сзади зелёной лентой, что делало её похожей на прелестную лесную фею. Она выглядела настолько юной, чистой и скромной, что я

не сразу узнала в ней ту величественную и блистательную красавицу королеву, которую видела всего лишь несколько минут назад во всей её великолепной «парадной» красоте.

Рядом с ней, не сводя с неё глаз и ловя каждое её движение, шёл «наш знакомый» Аксель. Он казался очень счастливым и, в то же время, почему-то глубоко грустным... Королева лёгким движением взяла его под руку и нежно спросила:

— Но как же я, ведь я буду так скучать без Вас, мой милый друг? Время течёт слишком медленно, когда Вы так далеко...

— Ваше Величество, зачем же мучить меня?.. Вы ведь знаете, зачем всё это... И знаете, как мне тяжело покидать Вас! Я сумел избежать нежелательных мне браков уже дважды, но отец не теряет надежду всё же женить меня... Ему не нравятся слухи о моей любви к Вам. Да и мне они не по душе, я не могу, не имею права вредить Вам. О, если бы только я мог быть вблизи от Вас!.. Видеть Вас, касаться Вас... Как же тяжело уезжать мне!.. И я так боюсь за Вас...

— Поезжайте в Италию, мой друг, там Вас будут ждать. Только будьте не долго! Я ведь тоже Вас буду ждать... — ласково улыбаясь, сказала королева.

Аксель припал долгим поцелуем к её изящной руке, а когда поднял глаза, в них было столько любви и тревоги, что бедная королева, не выдержав, воскликнула:

— О, не беспокойтесь, мой друг! Меня так хорошо здесь защищают, что если бы я даже захотела, ничего не могло бы со мной случиться! Езжайте с Богом и возвращайтесь скорей...

Аксель долго не отрываясь смотрел на её прекрасное и такое дорогое ему лицо, как бы впитывая каждую чёрточку и стараясь сохранить это мгновение в своём сердце навсегда, а потом низко ей поклонился и быстро пошёл по тропинке к выходу, не оборачиваясь и не останавливаясь, как бы боясь, что если обернётся, ему уже попросту не хватит сил, чтобы уйти...

А она провожала его вдруг повлажневшим взглядом своих огромных голубых глаз, в котором таилась глубочайшая печаль... Она была королевой и не имела права его любить. Но она ещё была и просто женщиной, сердце которой всецело принадлежало этому чистейшему, смелому человеку навсегда... не спрашивая ни у кого на это разрешения...

— Ой, как это грустно, правда? — тихо прошептала Стелла. — Как мне хотелось бы им помочь!..

— А разве им нужна чья-то помощь? — удивилась я.

Стелла только кивнула своей кудрявой головкой, не говоря ни слова, и опять стала показывать новый эпизод... Меня очень удивило её глубокое участие к этой очаровательной истории, которая пока что казалась мне просто очень милой историей чьей-то любви. Но так как я уже неплохо знала отзывчивость и доброту большого Стеллиного сердечка, то где-то в глубине души я почти что была уверенна, что всё будет наверняка не так-то просто, как это кажется вначале, и мне оставалось только ждать...

Мы увидели тот же самый парк, но я ни малейшего представления не имела,

сколько времени там прошло с тех пор, как мы видели их в прошлом «эпизоде».

В этот вечер весь парк буквально сиял и переливался тысячами цветных огней, которые, сливаясь с мерцающим ночным небом, образовывали великолепный сплошной сверкающий фейерверк. По пышности подготовки наверняка это был какой-то грандиозный званый вечер, во время которого все гости, по причудливому желанию королевы, были одеты исключительно в белые одежды и, чем-то напоминая древних жрецов, «организованно» шли по дивно освещённому, сверкающему парку, направляясь к красивому каменному газебо, называемому всеми — Храмом Любви. И тут внезапно за тем же храмом, вспыхнул огонь... Слепящие искры взвились к самим вершинам деревьев, обагряя кровавым светом тёмные ночные облака. Восхищённые гости дружно ахнули, одобряя красоту происходящего... Но никто из них не знал, что, по замыслу королевы, этот бушующий огонь **выражал всю силу её любви**... И настоящее значение этого символа понимал **только один человек**, присутствовавший в тот вечер на празднике...

Взволнованный Аксель, прислонившись к дереву, закрыл глаза. Он всё ещё не мог поверить, что вся эта ошеломляющая красота предназначалось именно ему.

— Вы довольны, мой друг? — тихо прошептал за его спиной нежный голос.

— Я восхищён... — ответил Аксель и обернулся: это конечно же была **она**.

Лишь мгновение они с упоением смотрели друг на друга, затем королева нежно сжала Акселю руку и исчезла в ночи...

— Ну почему во всех своих «жизнях» он всегда был таким несчастным? — всё ещё грустила по нашему «бедному мальчику» Стелла.

По-правде говоря, я пока что не видела никакого «несчастья» и поэтому удивлённо посмотрела на её печальное личико. Но малышка почему-то и дальше упорно не хотела ничего объяснять...

Картинка резко поменялась.

По тёмной ночной дороге вовсю неслась роскошная, очень большая зелёная карета. Аксель сидел на месте кучера и, довольно мастерски управляя этим огромным экипажем, с явной тревогой время от времени оглядываясь и посматривая по сторонам. Создавалось впечатление, что он куда-то дико спешил или от кого-то убегал...

Внутри кареты сидели нам уже знакомые король и королева, и ещё миловидная девочка лет восьми, а также две до сих пор незнакомые нам дамы. Все выглядели хмурыми и взволнованными, и даже малышка была притихшая, как будто чувствовала общее настроение взрослых. Король был одет на удивление скромно — в простой серый сюртук, с такой же серой круглой шляпой на голове, а королева прятала лицо под вуалью, и было видно, что она явно чего-то боится. Опять же, вся эта сценка очень сильно напоминала побег...

Я на всякий случай снова глянула в сторону Стеллы, надеясь на объяснения, но никакого объяснения не последовало — малышка очень сосредоточенно наблюдала за происходящим, а в её огромных кукольных глазах таилась совсем не детская, глубокая печаль.

— Ну почему?.. Почему они его не послушались?!.. Это же было так просто!..— неожиданно возмутилась она.

Карета неслась всё это время с почти сумасшедшей скоростью. Пассажиры выглядели уставшими и какими-то потерянными... Наконец, они въехали в какой-то большой неосвещённый двор, с чёрной тенью каменной постройки посередине, и карета резко остановилась. Место напоминало постоялый двор или большую ферму.

Аксель соскочил наземь и, приблизившись к окошку, уже собирался что-то сказать, как вдруг изнутри кареты послышался властный мужской голос:

— Здесь мы будем прощаться, граф. Недостойно мне подвергать вас опасности далее.

Аксель, конечно же, не посмевший возразить королю, успел лишь, на прощание, мимолётно коснуться руки королевы... Карета рванула... и буквально через секунду исчезла в темноте. А он остался стоять один посередине тёмной дороги, всем своим сердцем желая кинуться им вдогонку... Аксель «нутром» чувствовал, что **не мог, не имел права** оставлять всё на произвол судьбы! Он просто **знал**, что без него что-то обязательно пойдёт наперекосяк, и всё, что он так долго и тщательно организовывал, полностью провалится из-за какой-то нелепой случайности...

Кареты давно уже не было видно, а бедный Аксель всё ещё стоял и смотрел им вслед, от безысходности изо всех сил сжимая кулаки. По его мертвенно-бледному лицу скупо катились злые мужские слёзы...

— Это конец уже... знаю, это конец уже...— тихо произнёс он.

— А с ними что-то случится? Почему они убегают? — не понимая происходящего, спросила я.

— О, да!.. Их сейчас поймают очень плохие люди и посадят в тюрьму... даже мальчика.

— А где ты видишь здесь мальчика? — удивилась я.

— Так он же просто переодетый в девочку! Разве ты не поняла?..

Я отрицательно покачала головой. Пока я ещё вообще почти что ничего здесь не понимала — ни про королевский побег, ни про «плохих людей», но решила просто смотреть дальше, ничего больше не спрашивая.

— Эти плохие люди обижали короля и королеву, и хотели их захватить. Вот они и пытались бежать. Аксель им всё устроил... Но когда ему было приказано их оставить, карета поехала медленнее, потому что король устал. Он даже вышел из кареты «подышать воздухом»... вот тут его и узнали. Ну и схватили, конечно же...

Стелла вздохнула... и опять перебросила нас в очередной «новый эпизод» этой уже не такой счастливой, но всё ещё красивой истории...

На этот раз всё выглядело зловещим и даже пугающим.

Мы оказались в каком-то тёмном, неприятном помещении, как будто это была самая настоящая злая тюрьма. В малюсенькой, грязной, сырой и зловонной комнатке, на деревянной лежанке с соломенным тюфяком, сидела измученная страданием, одетая в чёрное, худенькая седовласая женщина, в которой было совершенно невозможно узнать ту сказочно красивую, всегда улыбающуюся

чудо-королеву, которую молодой Аксель больше всего на свете любил... Он находился в той же комнатке, совершенно потрясённый увиденным и, ничего не замечая вокруг, стоял, преклонив колено, прижавшись губами к её, всё ещё прекрасной, белой руке, не в состоянии вымолвить ни слова... Он пришёл к ней совершенно отчаявшись, испробовав всё на свете и потеряв последнюю надежду её спасти... и всё же опять предлагал свою, почти уже невозможную помощь... Он был одержим единственным стремлением: спасти её, несмотря ни на что... Он просто **не мог позволить ей умереть**... Потому что без неё закончилась бы и его уже ненужная ему жизнь...

Они смотрели молча друг на друга, пытаясь скрыть непослушные слёзы, которые узкими дорожками текли по щекам... Не в силах оторвать друг от друга глаз, ибо знали, что если ему не удастся ей помочь, этот взгляд может стать для них последним...

Лысый тюремщик разглядывал разбитого горем гостя и, не собираясь отворачиваться, с интересом наблюдал разворачивавшуюся перед ним грустную сцену чужой печали...

Видение пропало и появилось другое, ничем не лучше прежнего — жуткая, орущая, вооружённая пиками, ножами и ружьями, озверевшая толпа безжалостно рушила великолепный дворец...

Потом опять появился Аксель. Только на этот раз он стоял у окна в какой-то очень красивой, богато обставленной комнате. А рядом с ним стояла та же самая «подруга его детства» Маргарита, которую мы видели с ним в самом начале. Только на этот раз вся её заносчивая холодность куда-то испарилась, а красивое лицо буквально дышало участием и болью. Аксель был смертельно бледным и, прижавшись лбом к оконному стеклу, с ужасом наблюдал за чем-то, происходящим на улице... Он слышал шумевшую за окном толпу, и в ужасающем трансе громко повторял одни и те же слова:

— Душа моя, я так и не спас тебя... Прости меня, бедная моя... Помоги ей, дай ей сил вынести это, Господи!..

— Аксель, пожалуйста!.. Вы должны взять себя в руки ради неё. Ну, пожалуйста, будьте благоразумны! — с участием уговаривала его старая подруга.

— Благоразумие? О каком ***благоразумии*** вы говорите, Маргарита, когда весь мир сошёл с ума?!. — закричал Аксель. — За что же её? За что?.. Что же такого она им сделала?!.

Маргарита развернула какой-то маленький листик бумаги и видимо не зная, как его успокоить, произнесла:

— Успокойтесь, милый Аксель, вот послушайте лучше:

— «Я люблю вас, мой друг... Не беспокойтесь за меня. Мне не достаёт лишь ваших писем. Возможно, нам не суждено свидеться вновь... Прощайте, самый любимый и самый любящий из людей...».

Это было последнее письмо королевы, которое Аксель прочитывал тысячи раз, но из чужих уст оно звучало почему-то ещё больнее...

— Что это? Что же там такое происходит? — не выдержала я.

— Это красивая королева умирает... Её сейчас казнят, — грустно ответила

Стелла.

— А почему мы не видим? — опять спросила я.

— О, ты не хочешь на это смотреть, верь мне. — Покачала головкой малышка. — Так жаль, она такая несчастная... Как же это несправедливо.

— Я бы всё-таки хотела увидеть... — попросила я.

— Ну, смотри... — грустно кивнула Стелла.

На огромной площади, битком набитой «взвинченным» народом, посередине зловеще возвышался эшафот... По маленьким, кривым ступенькам на него гордо поднималась смертельно бледная, очень худая и измученная, одетая в белое, женщина. Её коротко остриженные светлые волосы почти полностью скрывал скромный белый чепчик, а в усталых, покрасневших от слёз или бессонницы глазах отражалась глубокая беспросветная печаль...

Чуть покачиваясь, так как, из-за туго завязанных за спиной рук, ей было сложно держать равновесие, женщина кое-как поднялась на помост, всё ещё, из последних сил пытаясь держаться прямо и гордо. Она стояла и смотрела в толпу, не опуская глаз и не показывая, как же по-настоящему ей было до ужаса страшно... И не было никого вокруг, чей дружеский взгляд мог бы согреть последние минуты её жизни... Никого, кто своим теплом мог бы помочь ей выстоять этот ужасающий миг, когда её жизнь должна была таким жестоким путём покинуть её...

До этого бушевавшая, возбуждённая толпа вдруг неожиданно смолкла, как будто налетела на непреодолимое препятствие... Стоявшие в передних рядах женщины молча плакали. Худенькая фигурка на эшафоте подошла к плахе и чуть споткнувшись, больно упала на колени. На несколько коротких секунд она подняла к небу своё измученное, но уже умиротворённое близостью смерти лицо... глубоко вздохнула... и гордо посмотрев на палача, положила свою уставшую голову на плаху. Плачь становился громче, женщины закрывали детям глаза. Палач подошёл к гильотине....

— Господи! Нет!!! — душераздирающе закричал Аксель.

В тот же самый миг, в сером небе из-за туч вдруг выглянуло солнышко, будто освещая последний путь несчастной жертвы... Оно нежно коснулось её бледной, страшно исхудавшей щеки, как бы ласково говоря последнее земное «прости». На эшафоте ярко блеснуло — тяжёлый нож упал, разбрасывая яркие алые брызги... Толпа ахнула. Белокурая головка упала в корзину, всё было кончено... Красавица королева ушла туда, где не было больше боли, не было издевательств... Был только покой...

Вокруг стояла смертельная тишина. Больше не на что было смотреть...

Так умерла нежная и добрая королева, до самой последней минуты сумевшая стоять с гордо поднятой головой, которую потом так просто и безжалостно снёс тяжёлый нож кровавой гильотины...

Бледный, застывший как мертвец, Аксель смотрел невидящими глазами в окно и, казалось, жизнь вытекала из него капля за каплей, мучительно медленно... Унося его душу далеко-далеко, чтобы там в свете и тишине навечно слиться с той, которую он так сильно и беззаветно любил...

— Бедная моя... Душа моя... Как же я не умер вместе с тобой?.. Всё теперь кончено для меня... — всё ещё стоя у окна, помертвевшими губами шептал Аксель.

Но «кончено» для него всё будет намного позже, через каких-нибудь двадцать долгих лет, и конец этот будет, опять же, не менее ужасным, чем у его незабвенной королевы...

— Хочешь смотреть дальше? — тихо спросила Стелла.

Я лишь кивнула, не в состоянии сказать ни слова.

Мы увидели уже другую, разбушевавшуюся, озверевшую толпу людей, а перед ней стоял всё тот же Аксель, только на этот раз действие происходило уже много лет спустя. Он был всё такой же красивый, только уже почти совсем седой, в какой-то великолепной, очень высокозначимой военной форме, выглядел всё таким же подтянутым и стройным. И вот, тот же блестящий, умнейший человек стоял перед какими-то полупьяными, озверевшими людьми и, безнадёжно пытаясь их перекричать, пытался что-то им объяснить... Но никто из собравшихся, к сожалению, слушать его не хотел... В бедного Акселя полетели камни, и толпа, гадкой руганью разжигая свою злость, начала нажимать. Он пытался от них отбиться, но его повалили на землю, стали зверски топтать ногами, срывать с него одежду... А какой-то верзила вдруг прыгнул ему на грудь, ломая рёбра, и не задумываясь, легко убил ударом сапога в висок. Обнажённое, изуродованное тело Акселя свалили на обочину дороги, и не нашлось никого, кто в тот момент захотел бы его уже мёртвого пожалеть... Вокруг была только довольно хохочущая, пьяная, возбуждённая толпа... которой просто нужно было выплеснуть на кого-то свою накопившуюся животную злость...

Чистая, исстрадавшаяся душа Акселя, наконец-то освободившись, улетела чтобы соединиться с той, которая была его светлой и единственной любовью, и ждала его столько долгих лет...

Вот так, опять же очень жестоко закончил свою жизнь нам со Стеллой почти незнакомый, но ставший таким близким человек по имени Аксель, и... тот же самый маленький мальчик, который, прожив всего каких-то коротеньких пять лет, сумел совершить потрясающий и единственный в своей жизни подвиг, коим мог бы честно гордиться любой живущий на земле взрослый человек...

— Какой ужас!.. — в шоке прошептала я. — За что его так?

— Не знаю... — тихо прошептала Стелла. — Люди почему-то были тогда очень злые, даже злее чем звери... Я очень много смотрела, чтобы понять, но не поняла... — покачала головкой малышка. — Они не слушали разум, а просто убивали. И всё красивое зачем-то порушили тоже...

— А как же дети Акселя или жена? — опомнившись после потрясения, спросила я.

— У него никогда не было жены — он всегда любил только свою королеву, — со слезами на глазах сказала малышка Стелла.

И тут внезапно у меня в голове как бы вспыхнула вспышка — я поняла **кого** мы со Стеллой только что видели и за кого так от души переживали!... Это была французская королева Мария Антуанетта, о трагической жизни которой мы

очень недавно (и очень коротко!) проходили на уроке истории, и казнь которой наш учитель истории сильно одобрял, считая такой страшный конец очень «правильным и поучительным»... видимо, потому, что он у нас в основном по истории преподавал «Коммунизм»...

Несмотря на грусть произошедшего, моя душа ликовала! Я просто не могла поверить в свалившееся на меня неожиданное счастье!.. **Ведь я столько времени этого ждала!**.. Это был **первый раз**, когда я наконец-то **увидела что-то реальное, что можно было легко проверить**, и от такой неожиданности я чуть ли не запищала от охватившего меня щенячьего восторга!.. Конечно же, я так радовалась не потому, что не верила в то, что со мной постоянно происходило. Наоборот — я всегда **знала**, что **всё, со мной происходящее — реально**. Но, видимо, мне, как и любому обычному человеку, и в особенности — ребёнку, всё-таки иногда нужно было какое-то хотя бы простейшее подтверждение того, что я пока что ещё не схожу с ума, и что теперь могу сама себе доказать, что всё, со мной происходящее, ***не является просто моей больной фантазией или выдумкой, а реальным фактом, описанным или виденным другими людьми***. Поэтому-то такое открытие для меня было настоящим праздником!..

Я уже заранее знала, что, как только вернусь домой, сразу же понесусь в городскую библиотеку, чтобы собрать всё, что только смогу найти, про несчастную Марию Антуанетту и не успокоюсь пока не найду хоть что-то, хоть какой-то факт, **совпадающий с нашими видениями**... Я нашла, к сожалению, всего лишь две малюсенькие книжечки, в которых описывалось не так уж и много фактов, но этого было вполне достаточно, потому что они полностью подтверждали точность виденного мною у Стеллы.

Вот то, что мне удалось тогда найти:

- любимым человеком королевы был шведский граф, по имени **Аксель** Ферсен, который беззаветно любил её всю свою жизнь и **никогда после её смерти не женился**;
- их прощание перед отъездом графа в Италию **происходило в саду Маленького Трианона** — любимого места Марии-Антуанетты — описание которого точно совпадало с увиденным нами;
- бал в честь приезда шведского короля Густава, состоявшийся 21 июня, на котором **все гости почему-то были одеты в белое**;
- попытка **побега в зелёной карете, организованная Акселем** (*все остальные шесть попыток побега были также организованы Акселем, но ни одна из них, по тем или иным причинам, не удалась. Правда, две из них провалились по желанию самой Марии-Антуанетты, так как королева не захотела бежать одна, оставив своих детей*);
- обезглавливание королевы проходило в **полной тишине**, вместо ожидавшегося «счастливого буйства» толпы;
- за несколько секунд до удара палача, **неожиданно выглянуло солнце**...
- последнее письмо королевы к графу Ферсену почти в точности воспроизведено в книге «Воспоминания графа Ферсена», и **оно почти в точности повторяло нами услышанное**, за исключением всего лишь нескольких

слов.

Уже этих маленьких деталей хватило, чтобы я бросилась в бой с удесятерённой силой!.. Но это было уже потом... А тогда, чтобы не показаться смешной или бессердечной, я изо всех сил попыталась собраться и скрыть своей восторг по поводу моего чудесного «озарения». И чтобы развеять грустное Стеллино настроение, спросила:

— Тебе очень нравится королева?

— О, да! Она добрая и такая красивая... И бедный наш «мальчик», он и здесь столько страдал...

Мне стало очень жаль эту чуткую, милую девчушку, которая даже в своей смерти так переживала за этих совершенно чужих и почти незнакомых ей людей, как не переживают очень многие за самых родных...

— Наверное, в страдании есть какая-то доля мудрости, без которой мы бы не поняли, как дорога наша жизнь? — неуверенно сказала я.

— Вот! Это и бабушка тоже говорит! — обрадовалась девчушка. — Но если люди хотят только добра, то почему же они должны страдать?

— Может быть потому, что без боли и испытаний даже самые лучшие люди не поняли бы по-настоящему того же самого добра? — пошутила я.

Но Стелла почему-то совершенно не восприняла это, как шутку, а очень серьёзно сказала:

— Да, я думаю, ты права... А хочешь посмотреть, что стало с сыном Гарольда дальше? — уже веселее сказала она.

— О нет, пожалуй, больше не надо! — взмолилась я.

Стелла радостно засмеялась.

— Не бойся, на этот раз не будет беды, потому что он ещё живой!

— Как — живой? — удивилась я.

Тут же опять появилось новое видение и, продолжая меня несказанно удивлять, это уже оказался наш век (!), и даже наше время... У письменного стола сидел седой, очень приятный человек и о чём-то сосредоточенно думал. Вся комната была буквально забита книгами; они были везде — на столе, на полу, на полках, и даже на подоконнике. На маленькой софе сидел огромный пушистый кот и, не обращая никакого внимания на хозяина, сосредоточенно умывался большой, очень мягкой лапкой. Вся обстановка создавала впечатление «учёности» и уюта.

— Это, что — он живёт опять?.. — не поняла я.

Стелла кивнула.

— И это прямо сейчас? — не унималась я.

Девочка опять подтвердила кивком её милой рыжей головки.

— Гарольду, наверное, очень странно видеть своего сына таким другим?.. Как же ты нашла его опять?

— О, точно так же! Я просто «почувствовала» его «ключик» так, как учила бабушка. — Задумчиво произнесла Стелла. — После того, как Аксель умер, я искала его сущность по всем «этажам» и не могла найти. Тогда поискала среди живых — и он снова был там.

— И ты знаешь, кто он теперь, в этой жизни?

— Пока нет... Но обязательно узнаю. Я пыталась много раз к нему «достучаться», но он почему-то меня не слышит... Он всегда один и почти всё время со своими книгами. С ним только старая женщина, его прислуга и этот кот.

— Ну, а жена Гарольда? Её ты тоже нашла?— спросила я.

— Ой, конечно же! Жену ты знаешь — это моя бабушка!.. — лукаво улыбнулась Стелла.

Я застыла в настоящем шоке. Почему-то такой невероятный факт никак не хотел укладываться в моей ошарашенной голове...

— Бабушка?.. — только и смогла произнести я.

Стелла кивнула, очень довольная произведённым эффектом.

— Как же так? Поэтому она и помогла тебе их найти? Она знала?!.. — тысячи вопросов одновременно бешено крутились в моём взбудораженном мозгу, и мне казалось, что я никак не успею всего меня интересующего спросить. Я хотела знать ВСЁ! И в то же время прекрасно понимала, что «всего» мне никто не собирается говорить...

— Я наверное потому его и выбрала, что чувствовала что-то. — Задумчиво сказала Стелла. — А может это бабушка навела? Но она никогда не признается, — махнула рукой девчушка.

— А ОН?.. Он тоже знает? — только и смогла спросить я.

— Ну, конечно же! — рассмеялась Стелла. — А почему тебя это так удивляет?

— Просто, она уже старенькая... Ему это должно быть тяжело, — не зная, как бы поточнее объяснить свои чувства и мысли, сказала я.

— О, нет! — опять засмеялась Стелла. — Он был рад! Очень-очень рад. Бабушка дала ему шанс! Никто бы не смог ему в этом помочь — а она смогла! И он увидел её опять... Ой, это было так здорово!

И тут только наконец-то я поняла, о чём она говорит... Видимо, бабушка Стеллы дала своему бывшему «рыцарю» тот шанс, о котором он так безнадёжно мечтал всю свою длинную, оставшуюся после физической смерти, жизнь. Ведь он так долго и упорно их искал, так безумно хотел найти, чтобы всего лишь один только раз сказать: как ужасно жалеет, что когда-то ушёл... что не смог защитить... что не смог показать, как сильно и беззаветно их любил... **Ему было до смерти нужно, чтобы они постарались его понять и смогли бы как-то его простить, иначе ни в одном из миров ему незачем было жить...**

И вот она, его милая и единственная жена, явилась ему такой, какой он помнил её всегда, и подарила ему чудесный шанс — **подарила прощение**, а тем же самым, подарила и жизнь...

Тут только я по-настоящему поняла, что имела в виду Стеллина бабушка, когда она говорила мне, как важен подаренный мною «ушедшим» такой шанс... Потому что, наверное, ничего страшнее на свете нет, чем остаться с непрощённой виной нанесённой обиды и боли тем, без кого не имела бы смысла вся наша прошедшая жизнь...

Я вдруг почувствовала себя очень усталой, как будто это интереснейшее,

проведённое со Стеллой время отняло у меня последние капельки моих оставшихся сил... Я совершенно забыла, что это «интересное», как и всё интересное раньше, имело свою «цену», и поэтому, опять же, как и раньше, за сегодняшние «хождения» тоже приходилось платить... Просто все эти «просматривания» чужих жизней являлись огромной нагрузкой для моего бедного, ещё не привыкшего к этому физического тела и, к моему великому сожалению, меня пока что хватало очень ненадолго...

— Ты не волнуйся, я тебя научу, как это делать! — как бы прочитав мои грустные мысли, весело сказала Стелла.

— Делать, что? — не поняла я.

— Ну, чтобы ты могла побыть со мной дольше. — Удивившись моему вопросу, ответила малышка. — Ты **живая**, поэтому тебе и сложно. А я тебя научу. Хочешь погулять, где живут «другие»? А Гарольд нас здесь подождёт. — Лукаво сморщив маленький носик, спросила девочка.

— Прямо сейчас? — очень неуверенно спросила я.

Она кивнула... и мы неожиданно куда-то «провалились», «просочившись» через мерцающую всеми цветами радуги «звёздную пыль», и оказались уже в другом, совершенно не похожем на предыдущий, «прозрачном» мире...

28. Стелла-4. Астрал

— Ой, ангелы!!! Смотри, мамочка, Ангелы! — неожиданно пропищал рядом чей-то тоненький голосок.

Я ещё не могла очухаться от необычного «полёта», а Стелла уже мило щебетала что-то маленькой кругленькой девчушке.

— А если вы не ангелы, то почему вы так сверкаете?.. — искренне удивившись, спросила малышка, и тут же опять восторженно запищала: — Ой, ма-а-амочки! Какой же он красивый!..

Тут только мы заметили, что вместе с нами «провалилось» и последнее «произведение» Стеллы — её забавнейший красный «дракончик»...

— Это... что-о это? — аж с придыхом спросила малышка. — А можно с ним поиграть?.. Он не обидится?

Мама, видимо, мысленно её строго одёрнула, потому что девочка вдруг очень расстроилась. На тёплые коричневые глазки навернулись слёзы и было видно, что ещё чуть-чуть — и они польются рекой.

— Только не надо плакать! — быстро попросила Стелла. — Хочешь, я тебе сделаю такого же?

У девочки мгновенно засветилась мордашка. Она схватила мать за руку и счастливо заверещала:

— Ты слышишь, мамочка, я ничего плохого не сделала, и они на меня совсем не сердятся! А можно мне иметь такого тоже?.. Я правда буду очень хорошей! Я тебе очень-очень обещаю!

Мама смотрела на неё грустными глазами, стараясь решить, как бы правильнее ответить. А девочка неожиданно спросила:

— А вы не видели моего папу, добрые светящиеся девочки? Он с моим братиком куда-то исчез...

Стелла вопросительно на меня посмотрела. И я уже заранее знала, что она сейчас предложит...

— А хотите, мы их поищем? — как я и думала, спросила она.

— Мы уже искали, мы здесь давно. Но их нет. — Очень спокойно ответила женщина.

— А мы по-другому поищем, — улыбнулась Стелла. — Просто подумайте о них, чтобы мы смогли их увидеть, и мы их найдём.

Девочка смешно зажмурилась, видимо, очень стараясь мысленно создать картинку своего папы. Прошло несколько секунд...

— Мамочка, а как же так — я его не помню?.. — удивилась малышка.

Такое я слышала впервые и по удивлению в больших Стеллиных глазах поняла, что для неё это тоже что-то совершенно новенькое...

— Как так — не помнишь? — не поняла мать.

— Ну, вот смотрю, смотрю и не помню... Как же так, я же его очень люблю? Может, и правда его больше нет?..

— Простите, а вы можете его увидеть? — осторожно спросила у матери я.

Женщина уверенно кивнула, но вдруг что-то в её лице изменилось, и было видно, что она очень растерялась.

— Нет... Я не могу его вспомнить... Неужели такое возможно? — уже почти испуганно сказала она.

— А вашего сына? Вы можете вспомнить? Или братика? Ты можешь вспомнить своего братика? — обращаясь сразу к обеим, спросила Стелла.

Мама и дочь отрицательно покачали головами.

Обычно такое жизнерадостное, личико Стеллы выглядело очень озабоченным, наверное, никак не могла понять, что же такое здесь происходит. Я буквально чувствовала напряжённую работу её живого и такого необычного мозга.

— Придумала! Я придумала! — вдруг счастливо заверещала Стелла. — Мы «оденем» ваши образы и пойдём «погулять». Если они где-то есть — они нас увидят. Правда же?

Идея мне понравилась, и оставалось только мысленно «переодеться» и пойти на поиски.

— Ой, пожалуйста, а можно я с ним побуду, пока вы не вернётесь? — упорно не забывала своего желания малышка. — А как его зовут?

— Пока ещё никак, — улыбнулась ей Стелла. — а тебя?

— Лия. — Ответила малышка. — А почему всё-таки вы светитесь? Мы один раз видели таких, но все говорили, что это ангелы... А кто же тогда вы?

— Мы такие же девочки как ты, только живём «наверху».

— А верх — это где? — не унималась маленькая Лия.

— К сожалению, ты не можешь туда пойти, — пыталась как-то объяснить, попавшая в затруднение Стелла. — Хочешь, я тебе покажу?

Девчушка от радости запрыгала. Стелла взяла её за ручку и открыла перед

ней свой потрясающий фантастический мир, где всё казалось таким ярким и счастливым, что не хотелось в это верить.

Глаза у Лии стали похожими на два огромных круглых блюдца:

— Ой, красота-а кака-ая!....А это что — рай? Ой ма-амочки!.. — восторженно, но очень тихо пищала девчушка, как будто боясь спугнуть это невероятное видение. — А кто же там живёт? Ой, смотрите, какое облако!.. И дождик золотой! А разве такое бывает?..

— А ты когда-нибудь видела красного дракончика? — Лия отрицательно мотнула головой. — Ну, вот видишь, а у меня бывает, потому что это **мой мир**.

— А ты тогда что же — Бог??? — Но ведь Бог не может быть девочкой, правда же? А тогда, кто же ты?..

Вопросы сыпались из неё лавиной и Стелла, не успевая на них отвечать, засмеялась.

Не занятая «вопросами-ответами», я стала потихонечку осматриваться вокруг и совершенно поразилась открывающимся мне необыкновенным миром... Это был и в правду самый настоящий «**прозрачный**» мир. Всё вокруг сверкало и переливалось каким-то голубым, призрачным светом, от которого (как должно было бы) почему-то не становилось холодно, а наоборот — он грел каким-то необыкновенно глубоким, пронизывающим душу теплом. Вокруг меня, время от времени, проплывали прозрачные человеческие фигуры, то уплотняясь, то становясь прозрачными, как светящийся туман... Этот мир был очень красивым, но каким-то непостоянным. Казалось, он всё время менялся, точно не зная, каким бы остаться навсегда...

— Ну что, ты готова «погулять»? — вырвал меня из моих мечтаний бодрый Стеллин голосок.

— А куда пойдём? — очнувшись, спросила я.

— Пойдём искать пропавших! — весело улыбнулась малышка.

— Милые девочки, а вы всё же разрешите мне постеречь вашего дракончика, пока вы будете гулять? — ни за что не желая его забыть, потупив свои круглые глазки, попросила маленькая Лия.

— Ну ладно, стереги. — Милостиво разрешила Стелла. — Только никому не давай, а то он ещё малыш и может испугаться.

— Ой, ну что-о вы, как можно!.. Я его буду очень любить, пока вы вернётесь...

Девчушка готова была просто из кожи лесть вон, только бы получить своего невероятного «чудо-дракона», а это «чудо» дулось и пыхтело, видимо стараясь изо всех сил понравиться, как будто чувствовало, что речь идёт именно о нём...

— А вы когда ещё придёте? Вы очень скоро придёте, милые девочки? — в тайне мечтая, что мы придём **очень нескоро**, спросила малышка.

Нас со Стеллой отделила от них мерцающая прозрачная стена...

— С чего начнём? — серьёзно спросила озабоченная не на шутку девчушка. — Такого я никогда не встречала, но я ведь здесь ещё не так давно... Теперь мы **должны** что-то делать, правда же?.. Мы ведь обещали!

— Ну, давай попробуем «надеть» их образы, как ты и предлагала? — долго

не думая, сказала я.

Стелла что-то тихонько «поколдовала», и через секунду стала похожа на кругленькую Лию, ну а мне, естественно, досталась Мама, что меня очень рассмешило... А надевали мы на себя, как я понимала, просто энергетические образы, с помощью которых мы надеялись найти нужных нам, пропавших людей.

— Вот это есть **положительная** сторона использования чужих образов. А существует ещё и **отрицательная** — когда кто-то использует это в плохих целях, как та сущность, которая надела на себя бабушкин «ключ», чтобы могла меня бить. Это мне всё Бабушка объясняла...

Забавно было слышать, как эта малюсенькая девчушка профессорским голоском излагала такие серьёзные истины... Но она и впрямь относилась ко всему очень серьёзно, несмотря на её солнечный, счастливый характер.

— Ну что — пошли, «девочка Лия»? — уже с большим нетерпением спросила я.

Мне очень хотелось посмотреть эти, другие «этажи» пока ещё хватало на это сил. Я уже успела заметить, какая большая разница была между этим, в котором мы находились сейчас, и «верхним», Стеллиным «этажом». Поэтому было очень интересно побыстрее «окунуться» в очередной незнакомый мир и узнать о нём, по-возможности, как можно больше, потому что я совсем не была уверена, вернусь ли сюда когда-то ещё.

— А почему этот «этаж» намного плотнее, чем предыдущий, и более заполнен сущностями? — спросила я.

— Не знаю... — пожала своими хрупкими плечиками Стелла. — Может потому, что здесь живут просто лишь хорошие люди, которые никому не делали зла, пока жили в своей последней жизни. Поэтому их здесь и больше. А наверху живут сущности, которые «особенные» и очень сильные... — тут она засмеялась. — Но я не говорю про себя, если ты это подумала! Хотя бабушка говорит, что моя сущность очень старая, больше миллиона лет... Это ужас, как много, правда? Как знать, что было миллион лет тому назад на Земле?.. — задумчиво произнесла девочка.

— А может быть ты была тогда совсем не на Земле?

— А где?!.. — ошарашено спросила Стелла.

— Ну, не знаю. Разве ты не можешь посмотреть?— удивилась я.

Мне тогда казалось, что уж с её-то способностями возможно ВСЁ!.. Но к моему большому удивлению, Стелла отрицательно покачала головкой.

— Я ещё очень мало умею, только то, что бабушка научила. — Как бы сожалея, ответила она.

— А хочешь, я покажу тебе своих друзей? — вдруг спросила я.

И не дав ей подумать, развернула в памяти наши встречи, когда мои чудесные «звёздные друзья» приходили ко мне так часто, и когда мне казалось, что ничего более интересного уже никак не может быть...

— О-ой, это же красота кака-ая!... — с восторгом выдохнула Стелла. И вдруг, увидев те же самые странные знаки, которых они мне показывали множество раз, воскликнула: — Смотри, это ведь они **учили** тебя!.. О-о, как это

интересно!

Я стояла в совершенно замороженном состоянии и не могла произнести ни слова... Учили??? Неужели все эти годы я имела в своём же мозгу какую-то важную информацию, и вместо того, чтобы как-то её понять, я, как слепой котёнок, барахталась в своих мелких попытках и догадках, пытаясь найти в них какую-то **истину**?!. А это всё уже давным-давно у меня было «готовеньким»?..

Даже не зная, чему это меня там учили, я просто «бурлила» от возмущения на саму себя за такую оплошность. Подумать только, у меня прямо перед носом раскрыли какие-то «тайны», а я ничего и не поняла!.. Наверное, точно **не тому** открыли!!!

— Ой, не надо так убиваться! — Засмеялась Стелла. — Покажешь бабушке и она тебе объяснит.

— А можно тебя спросить — кто же всё-таки твоя бабушка? — стесняясь, что вхожу в «частную территорию», спросила я.

Стелла задумалась, смешно сморщив свой носик (у неё была эта забавная привычка, когда она о чём-то серьёзно думала) и не очень уверенно произнесла:

— Не знаю я... Иногда мне кажется, что она знает всё, и что она очень, очень старая... У нас было много фотографий дома, и она там везде одинаковая — такая же, как сейчас. Я никогда не видела, какой она была молодой. Странно, правда?

— И ты никогда не спрашивала?..

— Нет, я думаю, она мне сказала бы, если бы это было нужно... Ой, посмотри-ка! Ох, как красиво!.. — вдруг неожиданно в восторге запищала малышка, показывая пальчиком на странные, сверкающие золотом морские волны. Это, конечно же, было **не море**, но волны и вправду были очень похожи на морские — они тяжело катились, обгоняя друг друга, как бы играясь, только на месте слома, вместо снежно-белой морской пены, здесь всё сплошь сверкало и переливалось червонным золотом, распыляя тысячами прозрачные золотистые брызги... Это было очень красиво. И мы, естественно, захотели увидеть всю эту красоту поближе...

Когда мы подошли достаточно близко, я вдруг услышала тысячи голосов, которые звучали одновременно, как бы исполняя какую-то странную, не похожую ни на что, волшебную мелодию. Это была не песня, и даже не привычная нам музыка... Это было что-то совершенно немыслимое и неописуемое... но звучало оно потрясающе.

— Ой, это же мыслящее море! О, это тебе точно понравится! — весело верещала Стелла.

— Оно мне уже нравится, только не опасно ли это?

— Нет, нет, не беспокойся! Это просто для успокоения «потерянных» душ, которым всё ещё грустно после прихода сюда... Я слушала его здесь часами... Оно живое, и для каждой души «поёт» другое. Хочешь послушать?

И я только сейчас заметила, что в этих золотых, сверкающих волнах плещутся множество сущностей... Некоторые из них просто лежали на поверхности, плавно покачиваясь на волнах, другие ныряли в «золото» с головой, и подолгу не

показывались, видимо, полностью погружаясь в мысленный «концерт» и совершенно не спеша оттуда возвращаться...

— Ну, что — послушаем? — нетерпеливо подталкивала меня малышка.

Мы подошли вплотную... И я почувствовала чудесно-мягкое прикосновение сверкающей волны... Это было нечто невероятно нежное, удивительно ласковое и успокаивающее, и в то же время, проникающее в самую «глубинку» моей удивлённой и чуть настороженной души... По моей стопе пробежала, вибрируя миллионами разных оттенков, тихая «музыка» и, поднимаясь вверх, начала окутывать меня с головой чем-то сказочно красивым, чем-то, не поддающимся никаким словам... Я чувствовала, что лечу, хотя никакого полёта наяву не было. Это было прекрасно!.. Каждая клеточка растворялась и таяла в набегающей новой волне, а сверкающее золото вымывало меня насквозь, унося всё плохое и грустное и оставляя в душе только чистый, первозданный свет...

Я даже не почувствовала, как вошла и окунулась в это сверкающее чудо почти с головой. Было просто невероятно хорошо и не хотелось никогда оттуда выходить...

— Ну, всё, хватит уже! Нас задание ждёт! — ворвался в сияющую красоту напористый Стеллин голосок. — Тебе понравилось?

— О, ещё как! — выдохнула я. — Так не хотелось выходить!..

— Вот, вот! Так и «купаются» некоторые до следующего воплощения... А потом уже больше сюда не возвращаются...

— А куда же они идут? — удивилась я.

— Ниже... Бабушка говорит, что здесь **место тоже надо себе заслужить**... И кто всего лишь ждёт и отдыхает, тот «отрабатывает» в следующем воплощении. Думаю, это правда...

— А что там — ниже? — заинтересованно спросила я.

— Там уже не так приятно, поверь мне. — Лукаво улыбнулась Стелла.

— А это море, оно только одно или таких здесь много?

— Ты увидишь... Оно всё разное — где море, где просто «вид», а где просто энергетическое поле, полное разных цветов, ручейков и растений, и всё это тоже «лечит» души и успокаивает... только не так-то просто этим пользоваться — надо сперва заслужить.

— А кто не заслужит? Разве они живут не здесь?— не поняла я.

— Живут-то живут, но уже не так красиво... — покачала головой малышка. — Здесь так же, как на Земле — ничто не даётся даром, только вот ценности здесь совсем другие. А кто не хочет — тому и достаётся всё намного более простое. Всю **эту красоту нельзя купить**, её можно **только заслужить**...

— Ты говоришь сейчас точно, как твоя бабушка, будто ты выучила её слова...— улыбнулась я.

— Так оно и есть! — вернула улыбку Стелла. — Я многое стараюсь запомнить, о чём она говорит. Даже то, что пока ещё не совсем понимаю... Но ведь пойму когда-нибудь, правда же? А тогда, возможно, уже некому будет научить... Вот и поможет.

Тут мы вдруг увидели весьма непонятную, но очень привлекательную

картинку — на сияющей, пушисто-прозрачной голубой земле, как на облаке, стояло скопление сущностей, которые постоянно сменяли друг друга и кого-то куда-то уводили, после опять возвращаясь обратно.

— А это, что? Что они там делают? — озадачено спросила я.

— О, это они всего лишь помогают приходить «новичкам», чтобы не страшно было. Это где приходят новые сущности. — Спокойно сказала Стелла.

— Ты уже видела всё это? А можем мы посмотреть?

— Ну, конечно! — и мы подошли поближе...

И я увидела, совершенно захватывающее по своей красоте действие... В полной пустоте, как бы из ничего, вдруг появлялся прозрачный светящийся шар и, как цветок, тут же раскрывался, выпуская новую сущность, которая совершенно растерянно озиралась вокруг, ещё ничего не понимая... И тут же ждущие сущности обнимали «новоприбывшего» сгустком тёплой сверкающей энергии, как бы успокаивая, и сразу же куда-то уводили.

— Это они приходят после смерти?.. — почему-то очень тихо спросила я.

Стелла кивнула и грустно ответила:

— Когда пришла я, мы ушли на разные «этажи», моя семья и я. Было очень одиноко и грустно... Но теперь уже всё хорошо. Я к ним сюда много раз ходила — они теперь счастливы.

— Они прямо здесь, на этом «этаже»?.. — не могла поверить я.

Стелла опять грустно кивнула головкой, и я решила, больше не буду спрашивать, чтобы не бередить её светлую, добрую душу.

Мы шли по необычной дороге, которая появлялась и исчезала, по мере того, как мы на неё ступали. Дорога мягко мерцала и как будто вела, указывая путь, будто зная, куда нам надо идти... Было приятное ощущение свободы и лёгкости, как если бы весь мир вокруг вдруг стал совершенно невесомым.

— А почему эта дорога указывает нам, куда идти? — не выдержала я.

— Она не указывает, она помогает. — Ответила малышка. — Здесь всё состоит из мысли, забыла? Даже деревья, море, дороги, цветы — все слышат, о чём мы думаем. Это по-настоящему **чистый мир**... наверное, то, что люди привыкли называть Раем... Здесь нельзя обмануть.

— А где же тогда Ад?.. Он тоже существует?

— О, я обязательно тебе покажу! Это нижний «этаж» и там **ТАКОЕ**!!! — аж передёрнула плечиками Стелла, видимо вспомнив что-то не очень приятное.

Мы всё ещё шли дальше, и тут я заметила, что окружающее стало понемножечку меняться. Прозрачность куда-то начала исчезать, уступая место, намного более «плотному», похожему на земной, пейзажу.

— Что происходит, где мы? — насторожилась я.

— Всё там же. — Совершенно спокойно ответила малышка. — Только мы сейчас уже находимся в той части, что попроще. Помнишь, мы только что говорили об этом? Здесь в большинстве своём те, которые только что пришли. Когда они видят такой, похожий на их привычный, пейзаж — им легче воспринимать свой «переход» в этот, новый для них, мир... Ну и ещё здесь живут те, которые не хотят быть лучше, чем они есть, и не желают делать ни малейших

усилий, чтобы достичь чего-то выше.

— Значит, этот «этаж» состоит как бы из двух частей?— уточнила я.

— Можно сказать и так. — Задумчиво ответила девчушка, и неожиданно перешла на другую тему — Что-то никто здесь не обращает на нас никакого внимания. Думаешь, их здесь нет?

Оглядевшись вокруг, мы остановились, не имея ни малейшего понятия, что предпринять дальше.

— Рискнём «ниже»? — спросила Стелла.

Я чувствовала, что малышка устала. Да и я тоже была очень далеко от своей лучшей формы. Но я была почти уверена, что сдаваться она никак не собирается, поэтому кивнула в ответ.

— Ну, тогда надо немного подготовиться... — закусив губу и серьёзно сосредоточившись, заявила воинственная Стелла. — Знаешь ли ты, как поставить себе сильную защиту?

— Вроде бы — да. Но я не знаю, насколько она будет сильная. — Смущённо ответила я. Мне очень не хотелось именно сейчас её подвести.

— Покажи, — попросила девочка.

Я поняла, что это не каприз, и что она просто старается мне помочь. Тогда я попробовала сосредоточиться и сделала свой зелёный «кокон», который я делала себе всегда, когда мне нужна была серьёзная защита.

— Ого!.. — удивлённо распахнула глазёнки Стелла. — Ну, тогда пошли.

На этот раз наш полёт вниз уже был далеко не таким приятным, как предыдущий... Почему-то очень сдавило грудь, и тяжело было дышать. Но понемножку всё это как бы выровнялось, и я с удивлением уставилась на открывшийся нам жутковатый пейзаж...

Тяжёлое, кроваво-красное солнце скупо освещало тусклые, фиолетово-коричневые силуэты далёких гор... По земле, как гигантские змеи, ползли глубокие трещины, из которых вырывался плотный, тёмно-оранжевый туман и сливаясь с поверхностью, становился похожим на кровавый саван. Всюду бродили странные, будто неприкаянные сущности людей, которые выглядели очень плотными, почти что физическими... Они то появлялись, то исчезали, не обращая друг на друга никакого внимания, будто никого кроме себя не видели и жили лишь в своём, закрытом от остальных, мире. Вдалеке, пока что не приближаясь, иногда появлялись тёмные фигуры каких-то чудовищных зверей. Ощущалась опасность, пахло жутью, хотелось бежать отсюда сломя голову, не поворачиваясь назад...

— Это мы прямо в Аду что ли? — в ужасе от увиденного, спросила я.

— Но ты же хотела посмотреть, как это выглядит — вот и посмотрела. — Напряжённо улыбаясь, ответила Стелла.

Чувствовалось, что она ожидает какую-то неприятность. Да и ничего другого, кроме неприятностей, здесь, по-моему, просто никак не могло быть...

— А ты знаешь, иногда здесь попадаются и добрые сущности, которые просто совершили большие ошибки. И если честно, мне их очень жалко... Представляешь — ждать здесь следующего своего воплощения?!. Жуть!

Нет, я никак не могла этого представить, да и не хотела. И уж этим же самым **добром** здесь, ну никак не пахло.

— А ты ведь не права! — опять подслушала мои мысли малышка. — Иногда сюда и правда попадают очень хорошие люди, и за свои ошибки они платят очень дорого... Мне их, правда, жаль...

— Неужели ты думаешь, что наш пропавший мальчик тоже попал сюда?!. Уж он-то точно не успел ничего такого дурного совершить. Ты надеешься найти его **здесь**?.. Думаешь, такое возможно?

— Берегись!!! — вдруг дико завизжала Стелла.

Меня расплющило по земле, как большую лягушку, и я всего лишь успела почувствовать, как будто на меня навалилась огромная, жутко воняющая гора... Что-то пыхтело, чавкало и фыркало, расточая омерзительный запах гнили и протухшего мяса. У меня чуть желудок не вывернуло — хорошо, что мы здесь «гуляли» только сущностями, без физических тел. Иначе у меня наверняка случились бы самые неприятные неприятности.....

— Вылезай! Ну, вылезай же!!! — пищала перепуганная девчушка.

Но, к сожалению, это было легче сказать, чем сделать... Зловонная туша навалилась на меня всей жуткой тяжестью своего огромного тела и уже, видимо, была готова полакомиться моей свеженькой жизненной силой... А у меня, как на зло, никак не получалось от него освободиться, и в моей сжатой страхом душе уже предательски начинала попискивать паника...

— Ну, давай же! — опять крикнула Стелла. Потом она вдруг ударила чудище каким-то ярким лучом и опять закричала: — Беги!!!

Я почувствовала, что стало немного легче, и изо всех сил энергетически толкнула нависшую надо мной тушу. Стелла бегала вокруг и бесстрашно била со всех сторон уже слабеющего ужастика. Я кое-как выбралась, по привычке тяжело хватая ртом воздух, и пришла в настоящий ужас от увиденного!.. Прямо передо мной лежала огромная шипастая туша, вся покрыта какой-то резко воняющей слизью, с огромным, изогнутым рогом на широкой, бородавчатой голове.

— Бежим! — опять закричала Стелла. — Он ведь ещё живой!..

Меня будто ветром сдуло... Я совершенно не помнила, куда меня понесло... Но, надо сказать, понесло очень быстро.

— Ну и бегаешь ты... — запыхавшись, чуть выговаривая слова, выдавила малышка.

— Ой, пожалуйста, прости меня! — устыдившись, воскликнула я. — Ты так закричала, что я с перепугу помчалась, куда глаза глядят...

— Ну, ничего, в следующий раз будем поосторожнее. — Успокоила Стелла.

У меня от такого заявления глаза полезли на лоб!..

— А что, будет ещё «следующий» раз??? — надеясь на «нет», осторожно спросила я.

— Ну конечно! Они ведь **живут** здесь! — дружески «успокоила» меня храбрая девчушка.

— А что же мы тогда здесь делаем?..

— Мы же спасаем кого-то, разве ты забыла? — искренне удивилась Стелла.

А у меня, видно, от всего этого ужаса наша «спасательная экспедиция» полностью вылетела из головы. Но я тут же постаралась как можно быстрее собраться, чтобы не показать Стелле, что я по-настоящему очень сильно испугалась.

— Ты не думай, у меня после первого раза целый день косы дыбом стояли! — уже веселее сказала малышка.

Мне просто захотелось её расцеловать! Каким-то образом, видя что мне стыдно за свою слабость, она умудрилась сделать так, что я сразу же снова почувствовала себя хорошо.

— Неужели ты правда думаешь, что здесь могут находиться папа и братик маленькой Лии?.. — от души удивляясь, спросила её ещё раз я.

— Конечно! Их просто могли украсть. — Уже совсем спокойно ответила Стелла.

— Как — украсть? И кто?..

Но малышка не успела ответить... Из-за дремучих деревьев выскочило что-то похлеще, чем наш первый «знакомый». Это было что-то невероятно юркое и сильное, с маленьким, но очень мощным телом, посекундно выбрасывающее из своего волосатого пуза странную липкую «сеть». Мы даже не успели пикнуть, как обе в неё дружно попались... Стелла с перепугу стала похожа на маленького взъерошенного совёнка — её большие голубые глаза были похожи на два огромных блюдца, с выплесками ужаса посерединке.

Надо было срочно что-то придумать, но моя голова почему-то была совершенно пустая, как бы я ни старалась что-то толковое там найти... А «паук» (будем дальше так его называть, за неимением лучшего) тем временем довольно тащил нас, видимо, в своё гнездо, готовясь «ужинать»...

— А где же люди? — чуть ли не задыхаясь, спросила я.

— О, ты же видела — людей здесь полно. Больше чем где-либо... Но они, в большинстве, хуже, чем эти звери... И они нам не помогут.

— И что же нам теперь делать? — мысленно «стуча зубами», спросила я.

— Помнишь, когда ты показала мне твоих первых чудищ, ты ударила их зелёным лучом? — уже опять вовсю озорно сверкая глазами (опять же, быстрее меня очухавшись!), задорно спросила Стелла. — Давай — вместе?..

Я поняла, что, к счастью, сдаваться она всё ещё не собирается. И решила попробовать, потому что терять нам всё равно было нечего...

Но ударить мы так и не успели, потому что паук в тот момент резко остановился и мы, почувствовав сильный толчок, со всего маху шлёпнулись на землю... Видимо, он притащил нас к себе домой намного раньше, чем мы предполагали...

Мы очутились в очень странном помещении (если конечно это можно было так назвать). Внутри было темно, и царила полная тишина... Сильно пахло плесенью, дымом и корой какого-то необычного дерева. И только время от времени слышались какие-то слабые звуки, похожие на стоны. Как будто бы у «страдавших» уже совсем не оставалось сил…

— Ты не можешь это как-то осветить? — я тихо спросила Стеллу.

— Я уже попробовала, но почему-то не получается... — так же шёпотом ответила малышка.

И сразу же прямо перед нами загорелся малюсенький огонёк.

— Это всё, что я здесь могу. — Огорчённо вздохнула девчушка.

При таком тусклом, скупом освещении она выглядела очень усталой и как бы повзрослевшей. Я всё время забывала, что этому изумительному чудо-ребёнку было всего-то ничего — пять лет!.. Наверное её такой временами серьёзный, недетский разговор или её взрослое отношение к жизни, или всё это вместе взятое заставляло забывать, что в реальности она ещё совсем малюсенькая девочка, которой в данный момент должно было быть до ужаса страшно. Но она мужественно всё переносила, и даже ещё собиралась воевать...

— Смотри, кто это здесь? — прошептала малышка.

И вглядевшись в темноту, я увидела странные «полочки», на которых, как в сушилке, лежали люди.

— Мама?.. Это ты, мама??? — тихонько прошептал удивлённый тоненький голосок. — Как же ты нас нашла?

Я сначала не поняла, что ребёнок обращался ко мне. Начисто позабыв, для чего мы сюда пришли, я только тогда поняла, что спрашивают именно меня, когда Стелла сильно толкнула меня кулачком в бок.

— А мы же не знаем, как их зовут!.. — прошептала я.

— Лия, а **ты** что здесь делаешь? — прозвучал уже мужской голос.

— Тебя ищу, папочка. — Голоском Лии мысленно ответила Стелла.

— А как **вы** сюда попали? — спросила я.

— Наверняка, так же, как и вы... — был тихий ответ. — Мы гуляли по берегу озера, и не видели, что там был какой-то «провал»... Вот мы туда и провалились. А там ждал вот этот зверь... Что же будем делать?

— Уходить. — Постаралась ответить как можно спокойнее я.

— А остальных? Ты хочешь их всех оставить?!. — прошептала Стелла.

— Нет, конечно же, не хочу! Но как ты собираешься их отсюда забирать?..

Тут открылся какой-то странный, круглый лаз и вязкий, красный свет ослепил глаза. Голову сдавило клещами и смертельно захотелось спать...

— Держись! Только не спи! — крикнула Стелла.

И я поняла, что это пошло на нас какое-то сильное действие. Видимо, этому жуткому существу мы нужны были совершенно безвольными, чтобы он свободно мог совершать какой то свой «ритуал».

— Ничего мы не сможем... — сама себе бурчала Стелла. — Ну, почему же не получается?..

И я подумала, что она абсолютно права. Мы обе были всего лишь детьми, которые, не подумав, пустились в очень опасные для жизни путешествия, и теперь не знали, как из этого всего выбраться.

Вдруг Стелла сняла наши наложенные «образы» и мы опять стали сами собой.

— Ой, а где же мама? Ты кто?.. Что ты сделала с мамой?! — возмущённо

прошипел мальчик. — А ну немедленно верни её обратно!

Мне очень понравился его бойцовский дух, имея в виду всю безнадёжность нашей ситуации.

— Дело в том, что здесь не было твоей мамы, — тихо прошептала Стелла. — Мы встретили твою маму там, откуда вы «провалились» сюда. Они за вас очень переживают, потому что не могут вас найти, вот мы и предложили помочь. Но, как видишь, мы оказались недостаточно осторожными, и вляпались в ту же самую жуткую ситуацию...

— А как давно вы здесь? Вы знаете, что с нами будут делать? — стараясь говорить уверенно, тихо спросила я.

— Мы недавно... Он всё время приносит новых людей, а иногда и маленьких зверей, и потом они пропадают, а он приносит новых.

Я с ужасом посмотрела на Стеллу:

— Это самый настоящий, **реальный** мир, и совершенно **реальная опасность**!.. Это уже не та **невинная** красота, которую мы создавали!.. Что будем делать?

— Уходить. — Опять упорно повторила малышка.

— Мы ведь можем попробовать, правда? Да и бабушка нас не оставит, если уж будет по-настоящему опасно. Видимо, пока мы ещё можем выбраться сами, если она не приходит. Ты не беспокойся, она нас не бросит.

Мне бы её уверенность!.. Хотя обычно я была далеко не из пугливых, но эта ситуация заставляла меня очень сильно нервничать, так как здесь находились не только мы, но и те, за кем мы пришли в эту жуть. А **как** из данного кошмара выкарабкиваться — я, к сожалению, не знала.

— Здесь нету времени, но он приходит обычно через одинаковый промежуток, примерно, как были **сутки** на земле. — Вдруг ответил на мои мысли мальчик.

— А сегодня уже был? — явно обрадованная, спросила Стелла.

Мальчонка кивнул.

— Ну что — пошли? — она внимательно смотрела на меня, и я поняла, что она просит «надеть» на них мою «защиту».

Стелла первая высунула свою рыжую головку наружу...

— Никого! — обрадовалась она. — Ух ты, какой же это ужас!..

Я конечно не вытерпела и полезла за ней. Там и правда был настоящий «ночной кошмар»!.. Рядом с нашим странным «местом заточения» совершенно непонятным способом повешенные «пучками» вниз головой, висели человеческие сущности... Они были подвешены за ноги, и создавали как бы перевёрнутый букет.

Мы подошли ближе — ни один из людей не показывал признаков жизни...

— Они же полностью «откачаны»! — ужаснулась Стелла. — У них не осталось даже капельки жизненной силы!.. Всё, давайте удирать!!!

Мы понеслись, что было сил, куда-то в сторону, абсолютно не зная — куда бежим, просто подальше бы от всей этой замораживающей кровь жути... Даже не думая о том, что можем снова вляпаться в такую же, или же ещё худшую жуть...

Вдруг резко потемнело. Иссиня-чёрные тучи неслись по небу, будто гонимые сильным ветром, хотя никакого ветра пока что не было. В недрах чёрных облаков полыхали ослепительные молнии, красным заревом полыхали вершины гор... Иногда набухшие тучи распарывало о злые вершины и из них водопадом лилась тёмно-бурая вода. Вся эта страшная картинка напоминала, самый жуткий из жутких ночной кошмар....

— Папочка, родимый, мне так страшно! — тоненько взвизгивал, позабыв свою былую воинственность, мальчонка.

Вдруг одна из туч «порвалась», и из неё полыхнул ослепительно яркий свет. А в этом свете, в сверкающем коконе, приближалась фигурка очень худого юноши с острым, как лезвие ножа, лицом. Вокруг него всё сияло и светилось, от этого света чёрные тучи «плавились», превращаясь в грязные, чёрные лоскутки.

— Вот это да! — радостно закричала Стелла. — Как же у него это получается?!.

— Ты его знаешь? — несказанно удивилась я, но Стелла отрицательно покачала головкой.

Юноша опустился рядом с нами на землю и ласково улыбнувшись спросил:

— Почему вы здесь? Это не ваше место.

— Мы знаем, мы как раз пытались выбраться на верх! — уже во всю щебетала радостная Стелла. — А ты поможешь нам вернуться наверх?.. Нам обязательно надо быстрее вернуться домой! А то нас там бабушки ждут, и вот их тоже ждут, но другие.

Юноша тем временем почему-то очень внимательно и серьёзно рассматривал меня. У него был странный, насквозь пронизывающий взгляд, от которого мне стало почему-то неловко.

— Что ты здесь делаешь, девочка? — мягко спросил он. — Как ты сумела сюда попасть?

— Мы просто гуляли. — Честно ответила я. — И вот их искали. — Улыбнувшись «найдёнышам», показала на них рукой.

— Но ты ведь **живая**? — не мог успокоиться спаситель.

— Да, но я уже не раз здесь была. — Спокойно ответила я.

— Ой, только не здесь, а «наверху»! — смеясь, поправила меня моя подружка. — Сюда мы бы точно не возвращались, правда же?

— Да уж, я думаю, этого хватит надолго... Во всяком случае — мне... — меня аж передёрнуло от недавних воспоминаний.

— Вы должны отсюда уйти. — Опять мягко, но уже более настойчиво сказал юноша. — Сейчас.

От него протянулась сверкающая «дорожка» и убежала прямо в светящийся туннель. Нас буквально втянуло, даже не успев сделать ни шагу, и через какое-то мгновение мы оказались в том же прозрачном мире, в котором мы нашли нашу кругленькую Лию и её маму.

— Мама, мамочка, папа вернулся! И Велик тоже!.. — маленькая Лия кубарем выкатилась к нам навстречу, крепко прижимая к груди красного дракончика. Её кругленькая мордашка сияла солнышком, а сама она, не в силах удер-

жать своего бурного счастья, кинулась к папе и повиснув у него на шее, пищала от восторга.

Мне было радостно за эту нашедшую друг друга семью и чуточку грустно за всех моих, приходящих на земле за помощью умерших «гостей», которые уже не могли друг друга так же радостно обнять, так как не принадлежали тем же мирам...

— Ой, папулечка, вот ты и нашёлся! А я думала, ты пропал! А ты взял и нашёлся! Вот хорошо-то как! — аж попискивала от счастья сияющая девчушка.

Вдруг на её счастливое личико налетела тучка, и оно сильно погрустнело... И уже совсем другим голосом малышка обратилась к Стелле:

— Милые девочки, спасибо вам за папу! И за братика, конечно же! А вы теперь уже уходить будете? А ещё когда-то вернётесь? Вот ваш дракончик, пожалуйста! Он был очень хороший, и он меня очень, очень полюбил... — казалось, что прямо сейчас бедная Лия разревётся навзрыд, так сильно ей хотелось подержать ещё хоть чуть-чуть этого милого диво-дракончика!.. А его вот-вот увезут и уже больше не будет...

— Хочешь, он ещё побудет у тебя? А когда мы вернёмся, ты его нам отдашь обратно? — сжалилась над малышкой Стелла.

Лия сначала ошалела от неожиданно свалившегося на неё счастья, а потом, не в состоянии ничего сказать, так сильно закивала головкой, что та чуть ли не грозилась отвалиться...

Простившись с радостным семейством, мы двинулись дальше.

Было несказанно приятно опять ощущать себя в безопасности, видеть тот же, заливающий всё вокруг радостный свет, и не бояться быть неожиданно схваченной каким-то страшно-кошмарным ужастиком...

— Хочешь ещё погулять? — совершенно свежим голоском спросила Стелла.

Соблазн, конечно же, был велик, но я уже настолько устала, что даже покажись мне сейчас самое, что ни есть большое на земле чудо, я, наверное, не смогла бы этим по-настоящему насладиться...

— Ну ладно, в другой раз! — засмеялась Стелла. — Я тоже устала.

И тут же каким-то образом, опять появилось наше кладбище, где на той же скамеечке дружно рядышком сидели наши бабушки...

— Хочешь, покажу что-то?.. — тихо спросила Стелла.

И вдруг, вместо бабушек появились невероятно красивые, ярко сияющие сущности... У обеих на груди сверкали потрясающие звёзды, а у Стеллиной бабушки на голове блистала и переливалась изумительная чудо-корона...

— Это они... Ты же хотела их увидеть, правда? — Я ошалело кивнула. — Только не говори, что я тебе показывала, пусть сами это сделают.

— Ну, а теперь мне пора... — грустно прошептала малышка. — Я не могу идти с тобой... Мне уже туда нельзя...

— Я обязательно приду к тебе! Ещё много, много раз! — пообещала от всего сердца я.

А малышка смотрела мне вслед своими тёплыми грустными глазами, и ка-

залось, всё понимала... Всё, что я не сумела нашими простыми словами ей сказать.

29. Стелла-5. Светило. Ад. Изольда

Всю дорогу с кладбища домой я безо всякой причины дулась на бабушку, притом злясь за это на саму себя... Я была сильно похожа на нахохлившегося воробья, и бабушка прекрасно это видела, что, естественно, меня ещё больше раздражало и заставляло глубже залезть в свою «безопасную скорлупу»... Скорее всего, это просто бушевала моя детская обида за то, что она, как оказалось, многое от меня скрывала и ничему пока не учила, видимо считая меня недостойной или не способной на большее. И хотя мой внутренний голос мне говорил, что я тут кругом и полностью не права, но я никак не могла успокоиться и взглянуть на всё со стороны, как делала это раньше, когда считала, что могу ошибаться...

Наконец, моя нетерпеливая душа дольше выдержать молчание была не в состоянии...

— Ну и о чём вы так долго беседовали? Если, конечно, мне можно это знать... — обиженно буркнула я.

— А мы не беседовали — мы **думали**, — спокойно улыбаясь, ответила бабушка.

Казалось, она меня просто дразнит, чтобы спровоцировать на какие-то, ей одной понятные действия...

— Ну, тогда, о чём же вы там вместе «**думали**»? — и тут же не выдержав, выпалила: — А почему бабушка Стеллу учит, а ты меня — нет?!.. Или ты считаешь, что я ни на что больше не способна?

— Ну, во-первых, брось кипятиться, а то вон уже скоро пар пойдёт... — опять спокойно сказала бабушка. — А, во-вторых, — Стелле ещё долго идти, чтобы до тебя дотянуться. И чему же ты хочешь, чтобы я учила тебя, если даже в том, что у тебя есть, ты пока ещё совсем не разобралась?.. Вот разберись — тогда и потолкуем.

Я ошалело уставилась на бабушку, как будто видела её впервые... Как это Стелле далеко до меня идти?!. Она ведь такое делает!.. Столько знает!.. А что — я? Если что-то и делала, то всего лишь кому-то помогала. А больше и не знаю ничего.

Бабушка видела моё полное смятение, но ни чуточки не помогала, видимо считая, что я должна сама через это пройти, а у меня от неожиданного «положительного» шока все мысли кувыркаясь пошли наперекосяк, и не в состоянии думать трезво, я лишь смотрела на неё большими глазами и не могла оправиться от свалившихся на меня «убийственных» новостей...

— А как же «этажи»?.. Я ведь никак не могла сама туда попасть?.. Это ведь Стеллина бабушка мне их показала! — всё ещё упорно не сдавалась я.

— Ну, так ведь для того и показала, чтобы сама попробовала, — констатировала «неоспоримый» факт бабушка.

— А разве я могу **сама** туда пойти?!.. — ошарашено спросила я.

— Ну, конечно же! **Это самое простое из того, что ты можешь делать**. Ты просто не веришь в себя, потому и не пробуешь...

— Это я не пробую?!. — аж задохнулась от такой жуткой несправедливости я... — Я только и делаю, что пробую! Только может не то...

Вдруг я вспомнила, как Стелла много, много раз повторяла, что я могу намного больше... Но могу — что?!. Я понятия не имела, о чём они все говорили, но теперь уже чувствовала, что начинаю понемножку успокаиваться и **думать**, *что* в любых трудных обстоятельствах мне всегда помогало. Жизнь вдруг показалась совсем не такой уж несправедливой, и я понемногу стала оживать...

Окрылённая положительными новостями, все последующие дни я, конечно же, «пробовала»... Совершенно себя не жалея, и вдребезги истязая своё, и так уже измождённое физическое тело, я десятки раз шла на «этажи», пока ещё не показываясь Стелле, так как желала сделать ей приятный сюрприз, но при этом не ударить лицом в грязь, сделав какую-нибудь глупую ошибку.

Но вот, наконец-то, решила — хватит прятаться и решила навестить свою маленькую подружку.

— Ой, это ты?!.. — сразу же зазвучал счастливыми колокольчиками знакомый голосок. — Неужели это правда, ты?! А как же ты сюда пришла?.. Ты что — сама пришла?

Вопросы, как всегда, сыпались из неё градом, весёлая мордашка сияла, и для меня было искренним удовольствием видеть эту её светлую, бьющую фонтаном, радость.

— Ну что, пойдём гулять? — улыбаясь, спросила я.

А Стелла всё никак не могла успокоиться от счастья, что я сумела **придти сама**, и что теперь мы уже сможем встречаться, когда пожелаем и даже без посторонней помощи!

— Вот видишь, я же тебе говорила, что ты можешь больше!.. — счастливо щебетала малышка. — Ну, теперь всё хорошо, теперь уже нам никто не нужен! Ой, а это как раз-то очень хорошо, что ты пришла, я тебе хотела что-то показать и очень тебя ждала. Но для этого нам придётся прогуляться туда, где не очень приятно...

— Ты имеешь в виду «нижний этаж»? — поняв, о чём она говорит, тут же спросила я.

Стелла кивнула.

— А что ты там потеряла?

— О, я не потеряла, я нашла!.. — победоносно воскликнула малышка. — Помнишь, я говорила тебе, что там бывают и хорошие сущности, а ты мне тогда не поверила?

Откровенно говоря, я не очень-то верила и сейчас, но не желая обижать свою счастливую подружку, согласно кивнула.

— Ну вот, теперь ты поверишь!.. — довольно сказала Стелла. — Пошли?

На этот раз, видимо уже приобретя кое-какой опыт, мы легко «проскользнули» вниз по «этажам», и я снова увидела очень похожую на виденные раньше

гнетущую картину...

Под ногами чавкала какая-то чёрная, вонючая жижа, а из неё струились ручейки мутной, красноватой воды... Алое небо темнело, полыхая кровавыми бликами зарева и нависая по-прежнему очень низко, гнало куда-то багровую громаду неподъёмных туч... А те, не поддаваясь, висели тяжёлые, набухшие, беременные, грозясь разродиться жутким, всё сметающим водопадом... Время от времени из них с гулким рёвом прорывалась стена буро-красной непрозрачной воды, ударяя о землю так сильно, что казалось — рушится небо...

Деревья стояли голые и безликие, лениво шевеля обвисшими, шипастыми ветвями. Дальше за ними простиралась безрадостная, выгоревшая степь, теряясь вдали за стеной грязного, серого тумана... Множество хмурых, поникших людских сущностей неприкаянно бродили туда-сюда, бессмысленно ища чего-то, не обращая никакого внимания на окружающий их мир, который, и правда, не вызывал ни малейшего удовольствия, чтобы на него хотелось смотреть... Весь пейзаж навевал жуть и тоску, приправленную безысходностью...

— Ой, как же здесь страшно... — ёжась, прошептала Стелла. — Сколько бы раз сюда не приходила — никак не могу привыкнуть... Как же эти бедняжки здесь живут?!.

— Ну, наверное, эти «бедняжки» слишком сильно провинились когда-то, если оказались здесь. Их ведь никто сюда не посылал — они всего лишь получили то, чего заслуживали, правда же? — всё ещё не сдаваясь, сказала я.

— А вот сейчас посмотришь... — загадочно прошептала Стелла.

Перед нами неожиданно появилась заросшая сероватой зеленью пещера. А из неё, щурясь, вышел высокий, статный человек, который никоим образом не вписывался в этот убогий, леденящий душу пейзаж...

— Здравствуй, Печальный! — ласково приветствовала незнакомца Стелла. — Вот я подругу привела! Она не верит, что здесь можно найти хороших людей. А я хотела ей **тебя** показать... Ты ведь не против?

— Здравствуй милая... — грустно ответил человек, — Да не такой я хороший, чтобы меня кому-то показывать. Напрасно ты это...

Как ни странно, но этот печальный человек мне и вправду сразу чем-то понравился. От него веяло силой и теплом, и было очень приятно рядом с ним находиться. Уж во всяком случае, он никак не был похож на тех безвольных, убитых горем, сдавшихся на милость судьбы людей, которыми был битком набит этот «этаж».

— Расскажи нам свою историю, печальный человек... — светло улыбнувшись, попросила Стелла.

— Да нечего там рассказывать, и гордиться особо нечем... — покачал головой незнакомец. — И на что вам это?

Мне почему-то стало его очень жаль... Ещё ничего о нём не зная, я уже была почти что уверенна, что этот человек **никак не мог** сделать что-то по-настоящему плохое. Ну, просто не мог!.. Стела, улыбаясь, следила за моими мыслями, которые ей видимо очень нравились...

— Ну, хорошо, согласна — ты права!.. — видя её довольную мордашку,

наконец-то честно призналась я.

— Но ты ведь ещё ничего о нём не знаешь, а ведь с ним всё не так просто, — лукаво улыбаясь, довольно произнесла Стелла. — Ну, пожалуйста, расскажи ей, Печальный...

Человек грустно нам улыбнулся и тихо произнёс:

— Я здесь, потому что убивал... Многих убивал. Но не по желанию, а по нужде это было...

Я тут же жутко расстроилась — убивал!.. А я, глупая, поверила!.. Но почему-то у меня упорно не появлялось ни малейшего чувства отторжения или неприязни. Человек явно мне нравился, и как бы я не старалась, я ничего с этим поделать не могла...

— А разве это *одинаковая* вина — убивать по *желанию* или по *необходимости*? — спросила я. — Иногда люди не имеют выбора, не так ли? Например: когда им приходится защищаться или защищать других. Я всегда восхищалась героями — воинами, рыцарями. Последних я вообще всегда обожала... Разве можно сравнивать с ними простых убийц?

Он долго и грустно на меня смотрел, а потом также тихо ответил:

— Не знаю, милая... То, что я нахожусь **здесь**, говорит, что вина одинаковая... Но по тому, как я эту вину чувствую в моём сердце, то — нет... Я никогда не желал убивать, я просто защищал свою землю, **я был там *героем***... А здесь оказалось, что я просто убивал... Разве это правильно? Думаю — нет...

— Значит, вы были воином? — с надеждой спросила я. — Но тогда, это ведь большая разница — вы защищали свой дом, свою семью, своих детей! Да и не похожи вы на убийцу!..

— Ну, **мы все не похожи на тех, какими нас видят другие**... Потому, что **они видят лишь то, что хотят видеть**... или **лишь то, что мы хотим им показать**... А насчёт войны — я тоже сперва так же, как ты думал, гордился даже... А здесь оказалось, что гордиться-то нечем было. Убийство — оно убийство и есть, и совсем не важно, как оно совершилось.

— Но это **неправильно**!.. — возмутилась я. — Что же тогда получается — маньяк-убийца получается таким же, как герой?!. Этого просто **не может** быть, такого быть **не должно**!

Во мне всё бушевало от возмущения! А человек грустно смотрел на меня своими печальными, серыми глазами, в которых читалось понимание...

— Герой и убийца точно так же **отнимают жизнь**. Только, наверное, существуют «смягчающие вину обстоятельства», так как защищающий кого-то человек, даже если и отнимает жизнь, то **по светлой и праведной причине**. Но, так или иначе, им обоим приходится за это платить... И платить очень горько, ты уж поверь мне...

— А можно вас спросить — как давно вы жили? — немного смутившись, спросила я.

— О, достаточно давно... Это уже **второй раз я здесь**... Почему-то две мои жизни были похожими — в обоих я за кого-то воевал... Ну, а потом платил... И всегда так же горько... — незнакомец надолго умолк, как будто не желая больше

об этом говорить, но потом всё же тихо продолжил. — Есть люди, которые *любят* воевать. Я же всегда это ненавидел. Но почему-то жизнь второй уже раз возвращает меня на тот же самый круг, как будто меня *замкнули* на этом, не позволяя освободиться... Когда я жил, все народы у нас воевали между собой... Одни захватывали чужие земли — другие те же земли защищали. Сыновья свергали отцов, братья убивали братьев... Всякое было. Кто-то свершал немыслимые подвиги, кто-то кого-то предавал, а кто-то оказывался просто трусом. Но никто из них даже не подозревал, какой горькой окажется плата за всё, содеянное ими в той жизни...

— А у вас там была семья? — чтобы изменить тему, спросила я. — Были дети?

— Конечно! Но это уже было так давно!.. Они когда-то стали прадедами, потом умерли... А некоторые уже опять живут. Давно это было...

— И вы всё ещё здесь?!.. — в ужасе оглядываясь вокруг, прошептала я.

Я даже представить себе не могла, что вот так он существует здесь уже много, много лет, страдая и «выплачивая» свою вину, без какой-либо надежды уйти с этого ужасающего «этажа» ещё до того, как придёт его час возвращения на физическую Землю!.. И там он опять должен будет начать всё сначала, чтобы после, когда закончится его очередная «физическая» жизнь, вернуться (возможно сюда же!) с целым новым «багажом», плохим или хорошим, в зависимости от того, как он проживёт свою «очередную» земную жизнь... И освободиться из этого замкнутого круга (будь он хорошим или плохим) никакой надежды у него быть не могло, так как, **начав** свою земную жизнь, каждый человек «обрекает» себя на это нескончаемое, вечное круговое «путешествие»... И в зависимости от его действий, возвращение на «этажи» может быть очень приятным или же — очень страшным...

— А если вы не будете убивать в своей новой жизни, вы ведь не вернётесь больше на этот «этаж», правда же?— с надеждой спросила я.

— Так я ведь **не помню ничего**, милая, **когда возвращаюсь туда**... Это *после смерти* мы помним свои жизни и свои ошибки. А, как только **возвращаемся жить обратно — то память сразу же закрывается**. Потому, видно, и повторяются все старые «деяния», что мы не помним своих старых ошибок... Но, говоря по-честному, даже если бы я знал, что буду снова за это «наказан», я всё равно никогда бы не оставался в стороне, если б страдала моя семья... или моя страна. Странно всё это... Если вдуматься, то тот, кто *«распределяет»* нашу **вину** и **плату**, как будто желает, чтобы на земле росли одни трусы и предатели... Иначе, не наказывал бы одинаково мерзавцев и героев. Или всё-таки есть какая-то разница в наказании?.. По справедливости — должна была бы быть. Ведь есть герои, совершившие нечеловеческие подвиги... О них потом столетиями слагают песни, о них живут легенды... Уж их-то точно нельзя «поселять» среди простых убийц!.. Жаль, не у кого спросить...

— Я тоже думаю, не может такого быть! Ведь есть люди, которые совершали чудеса человеческой смелости, и они даже после смерти, как солнца, столетиями освещают путь всем оставшимся в живых. Я очень люблю про них чи-

тать и стараюсь найти как можно больше книг, в которых рассказывается о человеческих подвигах. Они помогают мне жить, помогают справляться с одиночеством, когда уже становится слишком тяжело... Единственное, что я не могу понять, это: почему на Земле герои всегда **должны погибнуть**, чтобы люди могли **увидеть** их правоту?.. И когда того же самого героя уже нельзя воскресить, тут уж все, наконец, возмущаются, поднимается долго спавшая **человеческая гордость**, и горящая праведным гневом толпа сносит «врагов», как пылинки, попавшиеся на их «верном» пути... — во мне бушевало искреннее возмущение, и я говорила наверняка слишком быстро и слишком много, но у меня редко появлялась возможность выговориться о том, что «болит»... и я продолжала.

— Ведь даже своего бедного Бога люди **сперва убили**, а только потом уже стали ему молиться. Неужели нельзя **настоящую правду** увидеть ещё **до того**, когда уже бывает поздно?.. Неужели не лучше **сберечь** тех же самых ***героев,*** **равняться** на них и **учиться у них**?.. Неужели людям всегда нужен **шоковый пример чужого мужества**, чтобы они могли **поверить в своё**?.. Почему надо обязательно убить, чтобы потом можно было поставить памятник и славить? Честное слово, я бы предпочитала **ставить памятники живым**, если они этого стоят...

А что вы имеете в виду, говоря, что кто-то «распределяет вину»? Это — Бог что ли?.. Но ведь, ***<u>не Бог наказывает</u>*****... Мы сами наказываем себя**. И сами за всё отвечаем.

— Ты не веришь в Бога, милая?.. — удивился внимательно слушавший мою «эмоционально-возмущённую» речь, печальный человек.

— Я его **не нашла пока**... Но если он и вправду существует, то он должен быть **добрым**. А многие почему-то им пугают, его боятся... У нас в школе говорят: «Человек — звучит гордо!». Как же человек может быть *гордым*, если над ним будет всё время висеть страх?!. Да и богов что-то **слишком много разных** — в каждой стране свой. И все стараются доказать, что их и есть самый лучший... Нет, мне ещё очень многое непонятно... А как же можно во что-то **верить, <u>не поняв</u>**?.. У нас в школе учат, что **после смерти ничего нет**... А **как же я могу верить этому, если <u>вижу</u> совсем другое?**.. Думаю, **слепая вера** просто убивает в людях надежду и увеличивает страх. Если бы они знали, **что** происходит **по-настоящему**, они вели бы себя намного осмотрительнее... Им **не было бы всё равно**, что будет дальше, после их смерти. Они бы **знали**, что опять будут жить, и за то, **как** они жили — им придётся ответить. Только не перед «грозным Богом», конечно же... А **перед собой**. И **не придёт никто** искупать их грехи, а придётся им **искупать свои грехи самим**... Я хотела об этом кому-то рассказать, но никто не хотел меня слушать. Наверное, так жить всем намного **удобнее**... Да и проще, наверное, тоже, — наконец-то закончила свою «убийственно-длинную» речь я.

Мне вдруг стало очень грустно. Каким-то образом этот человек сумел заставить меня говорить о том, что меня «грызло» внутри с того дня, когда я первый раз «прикоснулась» к миру мёртвых, и по своей наивности думала, что

людям нужно *«только лишь рассказать, и они сразу же поверят и даже обрадуются!.. И конечно, сразу же захотят творить только хорошее...»*. Каким же **наивным** надо быть ребёнком, чтобы в сердце родилась такая глупая и неосуществимая мечта?!! Людям **не нравится знать**, что «**там**» — после смерти — есть что-то ещё. Потому что, если это **признать**, то значит, что им **за всё содеянное придётся отвечать**. А вот именно этого-то никому и не хочется... Люди, как дети, они почему-то уверены, что **если закрыть глаза** и **ничего не видеть**, то **ничего плохого с ними и не произойдёт**... Или же свалить всё на сильные плечи этому же своему Богу, который все их грехи за них «искупит», и тут же всё будет хорошо... Но разве же это **правильно**?.. Я была всего лишь десятилетней девочкой, но многое **уже тогда** никак не помещалось у меня в мои простые, «детские» логические рамки. В книге про Бога (Библии), например, говорилось, что **гордыня** это **большущий грех**, а тот же Христос (сын человеческий!!!) говорит, что **<u>своей</u> смертью он искупит «<u>все грехи человеческие</u>»**... Какой же Гордыней нужно было обладать, чтобы приравнять себя **ко всему** роду людскому, вместе взятому?!. И какой человек посмел бы о себе такое подумать?.. Сын божий? Или сын Человеческий?.. А церкви?!. Все красивее одна другой. Как будто древние зодчие сильно постарались друг руга «переплюнуть», строя Божий дом... Да, церкви и правда необыкновенно красивые, как музеи. Каждая из них являет собой настоящее произведение искусства... Но, если я правильно понимала, в церковь человек **шёл разговаривать с богом**, так ведь? В таком случае, **как же он мог его найти во всей той потрясающей, бьющей в глаза золотом роскоши**, которая меня, например, не только не располагала открыть моё сердце, а наоборот — закрыть его, как можно скорее, чтобы не видеть того же самого истекающего кровью, почти что обнажённого, зверски замученного Бога, **распятого по середине всего того блестящего, сверкающего, давящего золота**, как будто люди **праздновали его смерть**, а не верили и не радовались его **жизни**... Даже на кладбищах все мы сажаем **живые цветы**, чтобы они напоминали нам **жизнь** тех же умерших. Так почему же ни в одной церкви я не видела статую **живого Христа**, которому можно было бы молиться, говорить с ним, открыть свою душу?.. И разве **Дом Бога** — обозначает только лишь **его смерть**?.. Один раз я спросила у священника, почему мы не молимся **живому** Богу? Он посмотрел на меня, как на назойливую муху, и сказал, что *«это для того, чтобы мы не забывали, что он (Бог) отдал свою жизнь за нас, искупая наши грехи, и теперь мы всегда должны помнить, что мы его не достойны (?!), и каяться в своих грехах, как можно больше»*... Но если он их **уже искупил**, то в чём же нам тогда каяться?.. А если мы должны каяться — значит, всё это искупление — ложь? Священник очень рассердился и сказал, что у меня **еретические мысли** и что я должна их искупить, читая двадцать раз вечером «отче наш» (!)... Комментарии, думаю, излишни...

Я могла бы продолжать ещё очень и очень долго, так как меня всё это в то время сильно раздражало, и я имела тысячи вопросов, на которые мне никто не давал ответов, а только советовали просто «верить», чего я никогда в своей жизни сделать не могла, так как **перед тем, как верить**, я должна была понять —

почему, а если в той же самой «вере» не было логики, то это было для меня «исканием чёрной кошки в чёрной комнате», и такая вера не была нужна ни моему сердцу, ни моей душе. И не потому, что (как мне некоторые говорили) у меня была «тёмная» душа, которая не нуждалась в Боге... Наоборот — думаю, что **душа у меня была достаточно светлая**, чтобы **понять** и **принять**, только принимать-то было нечего... Да и что можно было объяснить, если люди **сами же убили** своего Бога, а потом вдруг **решили, что будет «правильнее» поклоняться ему**?.. Так, по-моему, лучше бы не убивали, а старались бы **научиться у него как можно большему**, если он и правда, был настоящим Богом... Почему-то намного ближе я чувствовала в то время наших «старых богов», резных статуй которых у нас в городе, да и во всей Литве, было поставлено великое множество. Это были забавные и тёплые, весёлые и сердитые, грустные и суровые боги, которые не были такими непонятно «трагичными», как тот же самый Христос, которому ставили потрясающе дорогие церкви, этим как бы и вправду стараясь искупить какие-то грехи...

Эти боги напоминали мне добрых персонажей из сказок, которые чем-то были похожи на наших родителей — были добрыми и ласковыми, но если это было нужно — могли и сурово наказать, когда мы слишком сильно проказничали. Они были намного ближе нашей душе, чем тот непонятный, далёкий и так ужасно от людских рук погибший Бог...

*Я **прошу верующих не возмущаться**, читая строки с моими **тогдашними** мыслями. **Это было тогда**, и я, как и во всём остальном, в той же самой Вере **искала** свою **детскую истину**. Поэтому спорить по этому поводу я могу только о тех моих взглядах и понятиях, которые у меня **есть сейчас**, и которые будут изложены в этой книге намного позже. А пока, это было время «упорного поиска», и давалось оно мне не так уж просто...*

— Странная ты девочка... — задумчиво прошептал печальный незнакомец.

— Я не странная — я просто ***живая***. Но живу я среди двух миров — живого и мёртвого... И могу видеть то, что многие, к сожалению, не видят. Потому, наверное, мне никто и не верит... А ведь всё было бы настолько проще, если бы люди **послушали**, и хотя бы на минуту **задумались**, пусть даже и не веря... Но думаю, что если это и случится когда-нибудь, то уж точно не будет *сегодня*... А мне **именно сегодня** приходится с этим жить...

— Мне очень жаль, милая... — прошептал человек. — А ты знаешь, здесь очень много таких, как я. Их здесь целые тысячи... Тебе, наверное, было бы интересно с ними поговорить. Есть даже и настоящие **герои**, не то, что я. Их много здесь...

Мне вдруг дико захотелось помочь этому печальному, одинокому человеку. Правда, я совершенно не представляла, что я могла бы для него сделать.

— А хочешь, мы создадим тебе другой мир, пока ты здесь?.. — вдруг неожиданно спросила Стелла.

Это была великолепная мысль, и мне стало чуточку стыдно, что она мне первой не пришла в голову. Стелла была чудным человечком и каким-то образом всегда находила что-то приятное, что могло принести радость другим.

— Какой такой «другой мир»?.. — удивился человек.

— А вот, смотри... — и в его тёмной, хмурой пещере вдруг засиял яркий, радостный свет!.. — Как тебе нравится ***такой*** дом?

У нашего «печального» знакомого счастливо засветились глаза. Он растерянно озирался вокруг, не понимая, что же такое тут произошло... А в его жуткой, тёмной пещере сейчас весело и ярко сияло солнце, благоухала буйная зелень, звенело пение птиц, и пахло изумительными запахами распускающихся цветов... А в самом дальнем её углу весело журчал ручеек, расплёскивая капельки чистейшей, свежей, хрустальной воды...

— Ну, вот! Как тебе нравится? — весело спросила Стелла.

Человек, совершенно ошалев от увиденного, не произносил ни слова, только смотрел на всю эту красоту расширившимися от удивления глазами, в которых чистыми бриллиантами блестели дрожащие капли «счастливых» слёз...

— Господи, как же давно я не видел солнца!.. — тихо прошептал он. — Кто ты, девочка?

— О, я просто человек. Такой же, как и ты — мёртвый. А вот она, ты уже знаешь — живая. Мы гуляем здесь вместе иногда. И помогаем, если можем, конечно.

Было видно, что малышка рада произведённым эффектом и буквально ёрзает от желания его продлить...

— Тебе правда нравится? А хочешь, чтобы так и осталось?

Человек только кивнул, не в состоянии произнести ни слова.

Я даже не пыталась представить, какое счастье он должен был испытать, после того чёрного ужаса, в котором он ежедневно и уже так долго находился!..

— Спасибо тебе, милая... — тихо прошептал мужчина. — Только скажи, как же это может **остаться**?..

— О, это просто! Твой мир будет только здесь, в этой пещере и кроме тебя его никто не увидит. И если ты не будешь отсюда уходить — он навсегда останется с тобой. Ну, а я буду к тебе приходить, чтобы проверить... Меня зовут Стелла.

— Я не знаю, что и сказать за такое... Не заслужил я. Наверно неправильно это... Меня Свет***и***лом зовут. Да не очень-то много «света» пока принёс, как видите...

— Ой, ничего, принесёшь ещё! — было видно, что малышка очень горда содеянным и прямо лопается от удовольствия.

— Спасибо вам, милые... — Светило сидел, опустив свою гордую голову, и вдруг совершенно по-детски заплакал...

— Ну, а как же другие, **такие же**?.. — тихо прошептала я Стелле в ушко. — Их ведь, наверное, очень много? Что же с ними делать? Ведь это нечестно — помочь одному. Да и кто дал нам право судить о том, кто из них такой помощи достоин?

Стеллино личико сразу нахмурилось...

— Не знаю... Но я **точно знаю**, что это **правильно**. Если бы это было неправильно — у нас бы не получилось. Здесь другие законы...

Вдруг меня осенило:

— Погоди-ка, а как же наш Гарольд?!.. Ведь он был рыцарем, значит, он тоже убивал? Как же он сумел остаться там, на «верхнем этаже»?..

— Он заплатил за всё, что творил... Я спрашивала его об этом — он очень дорого заплатил... — смешно сморщив лобик, серьёзно ответила Стелла.

— Чем — заплатил? — не поняла я.

— Сущностью... — печально прошептала малышка. — Он отдал часть своей сущности за то, что при жизни творил. Но сущность у него была очень высокой, поэтому, даже отдав её часть, он всё ещё смог остаться «наверху». Но очень мало кто это может, только по-настоящему очень высокоразвитые сущности. Обычно люди слишком много теряют, и уходят намного ниже, чем были изначально. Как Светило...

Это было потрясающе... Значит, сотворив что-то плохое на Земле, люди теряли какую-то свою часть (вернее — часть своего эволюционного потенциала), и даже при этом всё ещё должны были оставаться в том кошмарном ужасе, который звался — «нижний» Астрал... Да, за ошибки и в правду приходилось дорого платить...

— Ну вот, теперь мы можем идти, — довольно помахав ручкой, прощебетала малышка. — До свидания, Светило! Я буду к тебе приходить!

Мы двинулись дальше, а наш новый друг всё ещё сидел, застыв от неожиданного счастья, жадно впитывая в себя тепло и красоту созданного Стеллой мира, и окунаясь в него так глубоко, как делал бы умирающий, впитывающий вдруг вернувшуюся к нему жизнь, человек...

— Да, это **правильно**, ты была абсолютно права!.. — задумчиво сказала я.

Стелла сияла.

Пребывая в самом «радужном» настроении мы только-только повернули к горам, как из туч внезапно вынырнула громадная, шипасто-когтистая тварь и кинулась прямо на нас...

— Береги-и-сь! — взвизгнула Стела, а я только лишь успела увидеть два ряда острых, как бритва, зубов, и от сильного удара в спину, кубарем покатилась на землю...

От охватившего нас дикого ужаса мы пулями неслись по широкой долине, даже не подумав о том, что могли бы быстренько *уйти на другой «этаж»*... У нас просто не было времени об этом подумать — мы слишком сильно перепугались.

Тварь летела прямо над нами, громко щёлкая своим разинутым зубастым клювом, а мы мчались, насколько хватало сил, разбрызгивая в стороны мерзкие слизистые брызги, и мысленно моля, чтобы что-то другое вдруг заинтересовало эту жуткую «чудо-птицу»... Чувствовалось, что она намного быстрее и оторваться от неё у нас просто не было никаких шансов. Как на зло, поблизости не росло ни одно дерево, не было ни кустов, ни даже камней, за которыми можно было бы скрыться, только вдали виднелась зловещая чёрная скала.

— Туда! — показывая пальчиком на ту же скалу, закричала Стелла.

Но вдруг, неожиданно, прямо перед нами откуда-то появилось существо, от

вида которого у нас буквально застыла в жилах кровь... Оно возникло как бы «прямо из воздуха» и было по-настоящему ужасающим... Огромную чёрную тушу сплошь покрывали длинные жёсткие волосы, делая его похожим на пузатого медведя, только этот «медведь» был ростом с трёхэтажный дом... Бугристая голова чудовища «венчалась» двумя огромными изогнутыми рогами, а жуткую пасть украшала пара невероятно длинных, острых, как ножи, клыков, только посмотрев на которые, с перепугу подкашивались ноги... И тут, несказанно нас удивив, монстр легко подпрыгнул вверх и... подцепил летящую «гадость» на один из своих огромных клыков... Мы ошарашено застыли.

— Бежим!!! — завизжала Стелла. — Бежим, пока он «занят»!..

И мы уже готовы были снова нестись без оглядки, как вдруг за нашими спинами прозвучал тоненький голосок:

— Девочки, постойте!!! Не надо убегать!.. Дин спас вас, он не враг!

Мы резко обернулись — сзади стояла крохотная, очень красивая черноглазая девочка... и спокойно гладила подошедшее к ней чудовище!.. У нас от удивления глаза полезли на лоб... Это было невероятно! Уж точно — это был день сюрпризов!.. Девочка, глядя на нас, приветливо улыбалась, совершенно не боясь рядом стоящего мохнатого чудища.

— Пожалуйста, не бойтесь его. Он очень добрый. Мы увидели, что за вами гналась Овара и решили помочь. Дин молодчина, успел вовремя. Правда, мой хороший?

«Хороший» заурчал, что прозвучало как лёгкое землетрясение и, нагнув голову, лизнул девочку в лицо.

— А кто такая Овара, и почему она на нас напала? — спросила я.

— Она нападает на всех, она — хищник. И очень опасна, — спокойно ответила девчушка. — А можно спросить, что вы здесь делаете? Вы ведь не отсюда, девочки?

— Нет, не отсюда. Мы просто гуляли. Но такой же вопрос к тебе — а что *ты* здесь делаешь?

— Я к маме хожу... — погрустнела малышка. — Мы умерли вместе, но почему-то она попала **сюда**. И вот теперь я живу здесь, но я ей этого не говорю, потому что она никогда с этим не согласится. Она думает, что я только прихожу...

— А не лучше ли и вправду только приходить? Здесь ведь так ужасно!.. — передёрнула плечиками Стелла.

— Я не могу её оставить здесь одну, я за ней смотрю, чтобы с ней ничего не случилось. И вот Дин со мной... Он мне помогает.

Я просто не могла этому поверить... Эта малюсенькая храбрая девчушка **добровольно** ушла со своего красивого и доброго «этажа», чтобы жить в этом холодном, ужасном и чужом мире, защищая свою, чем-то сильно «провинившуюся», мать! Не много, думаю, нашлось бы столь храбрых и самоотверженных (даже взрослых!) людей, которые решились бы на подобный подвиг... И я тут же подумала — может она просто не понимала, на что собиралась себя обречь?!

— А как давно ты здесь, девочка, если не секрет?

— Недавно... — грустно ответила, теребя пальчиками чёрный локон своих кудрявых волос, черноглазая малышка. — Я попала в такой красивый мир, когда умерла!.. Он был таким добрым и светлым!.. А потом я увидела, что мамы со мной нет и кинулась её искать. Сначала было так страшно! Её почему-то нигде не было... И вот тогда я провалилась в этот ужасный мир... И тут её нашла. Мне было так жутко здесь... Так одиноко... Мама велела мне уходить, даже ругала. Но я не могу её оставить... Теперь у меня появился друг, мой добрый Дин, и я уже могу здесь как-то существовать.

Её «добрый друг» опять зарычал, от чего у нас со Стеллой поползли огромные «нижнеастральные» мурашки... Собравшись, я попыталась немного успокоиться, и начала присматриваться к этому мохнатому чуду... А он, сразу же почувствовав, что на него обратили внимание, жутко оскалил свою клыкастую пасть... Я отскочила.

— Ой, не бойтесь пожалуйста! Это он вам *улыбается,* — «успокоила» девчушка.

Да уж... От такой улыбки быстро бегать научишься... — про себя подумала я.

— А как же случилось, что ты с ним подружилась? — спросила Стелла.

— Когда я только сюда пришла, мне было очень страшно, особенно, когда нападали такие чудища, как на вас сегодня. И вот однажды, когда я уже чуть не погибла, Дин спас меня от целой кучи жутких летающих «птиц». Я его тоже испугалась вначале, но потом поняла, какое у него золотое сердце... Он самый лучший друг! У меня таких никогда не было, даже когда я жила на Земле.

— А как же ты к нему так быстро привыкла? У него внешность ведь не совсем, скажем так, привычная...

— А я поняла здесь одну очень простую истину, которую на Земле почему-то и не замечала — **внешность не имеет значения, если у человека или существа доброе сердце**... Моя мама была очень красивой, но временами и очень злой тоже. И тогда вся её красота куда-то пропадала... А Дин, хоть и страшный, но зато всегда очень добрый и всегда меня защищает, я чувствую его добро и не боюсь ничего. А к внешности можно привыкнуть...

— А ты знаешь, что ты будешь здесь очень долго, намного дольше, чем люди живут на Земле? Неужели ты хочешь здесь остаться?..

— Здесь моя мама, значит, я должна ей помочь. А когда она «уйдёт», чтобы снова жить на Земле — я тоже уйду... Туда, где добра побольше. В этом страшном мире и люди очень странные — как будто они и не живут вообще. Почему так? Вы что-то об этом знаете?

— А кто тебе сказал, что твоя мама уйдёт, чтобы снова жить? — заинтересовалась Стелла.

— Дин, конечно. Он многое знает, он ведь очень долго здесь живёт. А ещё он сказал, что когда мы (я и мама) снова будем **жить**, у нас семьи будут уже другие. И тогда у меня уже не будет **этой** мамы... Вот потому я и хочу с ней сейчас побыть.

— А как ты с ним говоришь, со своим Дином? — спросила Стелла. — И

почему ты не желаешь нам сказать своё имя?

А ведь и правда — мы до сих пор не знали, как её зовут! И откуда она — тоже не знали...

— Меня звали Мария... Но разве здесь это имеет значение?

— Ну, конечно же! — рассмеялась Стелла. — А как же с тобой общаться? Вот когда уйдёшь — там тебе новое имя нарекут, а пока ты здесь, придётся жить со старым. А ты здесь с кем-то ещё говорила, девочка Мария? — по привычке перескакивая с темы на тему, спросила Стелла.

— Да, общалась... — неуверенно произнесла малышка. — Но они здесь такие странные. И такие несчастные... Почему они такие несчастные?

— А разве то, что ты здесь видишь, располагает к счастью? — удивилась её вопросу я. — Даже сама здешняя «реальность» заранее убивает любые надежды!.. Как же здесь можно быть счастливым?

— Не знаю. Когда я с мамой, мне кажется, я и здесь могла бы быть счастливой... Правда, здесь очень страшно, и ей здесь очень не нравится... Когда я сказала, что согласна с ней остаться, она на меня сильно накричала и сказала, что я её «безмозглое несчастье»... Но я не обижаюсь... Я знаю, что ей просто страшно. Так же, как и мне...

— Возможно, она просто хотела тебя уберечь от твоего «экстремального» решения, и хотела только лишь, чтобы ты пошла обратно на свой «этаж»? — осторожно, чтобы не обидеть, спросила Стелла.

— Нет, конечно же... Но спасибо вам за хорошие слова. Мама часто называла меня не совсем хорошими именами, даже на Земле... Но я знаю, что это не со злости. Она просто была несчастной оттого, что я родилась, и часто мне говорила, что я разрушила ей жизнь. Но это ведь не была моя вина, правда же? Я всегда старалась сделать её счастливой, но почему-то мне это не очень-то удавалось... А папы у меня никогда не было. — Мария была очень печальной, и голосок у неё дрожал, как будто она вот-вот заплачет.

Мы со Стеллой переглянулись, и я была почти уверенна, что её посетили схожие мысли... Мне уже сейчас очень не нравилась эта избалованная, эгоистичная «мама», которая вместо того, чтобы самой беспокоиться о своём ребёнке, его же героическую жертву совершенно не понимала и, в придачу, ещё больно обижала.

— А вот Дин говорит, что я хорошая, и что я делаю его очень счастливым! — уже веселее пролепетала малышка. — И он хочет со мной дружить. А другие, кого я здесь встречала, очень холодные и безразличные, а иногда даже и злые... Особенно те, у кого монстры прицеплены...

— Монстры — что?.. — не поняли мы.

— Ну, у них страшенные чудища на спинах сидят, и говорят им, что они должны делать. А если те не слушают — чудища над ними страшно издеваются... Я попробовала поговорить с ними, но эти монстры не разрешают.

Мы абсолютно ничего из этого «объяснения» не поняли, но сам факт, что какие-то астральные существа истязают людей, не мог остаться нами не «исследованным», поэтому мы тут же её спросили, как мы можем это удивительное

явление увидеть.

— О, да везде! Особенно у «чёрной горы». Во-он там, за деревьями. Хотите, мы тоже с вами пойдём?

— Конечно, мы только рады будем! — сразу же ответила обрадованная Стелла.

Мне тоже, если честно, не очень-то улыбалась перспектива встречаться с кем-то ещё, «жутким и непонятным», особенно в одиночку. Но интерес перебарывал страх, и мы, конечно же, пошли бы, несмотря на то, что немного побаивались... Но когда с нами шёл такой защитник, как Дин — сразу же становилось веселее...

И вот, через короткое мгновение перед нашими широко распахнутыми от изумления глазами развернулся настоящий Ад... Видение напоминало картины Боша (или Босха, в зависимости от того, на каком языке переводить), «сумасшедшего» художника, который потряс однажды своим искусством весь мир... Сумасшедшим он, конечно же, не был, а являлся просто **видящим**, который почему-то мог видеть только нижний Астрал. Но надо отдать ему должное — изображал он его великолепно... Я видела его картины в книге, которая была в библиотеке моего папы, и до сих пор помнила то жуткое ощущение, которое несли в себе большинство из его картин...

— Ужас, какой!.. — прошептала потрясённая Стелла.

Можно, наверное, было бы сказать, что мы видели здесь на «этажах» уже многое... Но **такого** даже мы не в состоянии были вообразить в самом жутком нашем кошмаре!.. За «чёрной скалой» открылось что-то совершенно немыслимое... Это было похоже на огромный, выбитый в скале плоский «котёл», на дне которого пузырилась багровая «лава»... Раскалённый воздух «лопался» повсюду странными вспыхивающими красноватыми пузырями, из которых вырывался обжигающий пар и крупными каплями падал на землю или на попавших в тот момент под него людей... Раздавались душераздирающие крики, но тут же смолкали, так как на спинах тех же людей восседали омерзительнейшие твари, которые с довольным видом «управляли» своими жертвами, не обращая ни малейшего внимания на их страдания...

Под обнажёнными ступнями людей краснели раскалённые камни, пузырилась и «плавилась» пышущая жаром багровая земля... Сквозь огромные трещины прорывались выплески горячего пара и обжигая ступни рыдающим от боли людским сущностям, уносились в высь, испаряясь лёгким дымком... А по самой середине «котлована» протекала ярко красная, широкая огненная река, в которую время от времени те же омерзительные монстры неожиданно швыряли ту или иную измученную сущность, которая падая, вызывала лишь короткий всплеск оранжевых искр, и тут же, превратившись на мгновение в пушистое белое облачко, исчезала... уже **навсегда**... Это был настоящий Ад, и нам со Стеллой захотелось как можно скорее оттуда «исчезнуть»...

— Что будем делать?.. — в тихом ужасе прошептала Стелла. — Ты хочешь туда спускаться? Разве мы чем-то можем им помочь? Посмотри, как их много!..

Мы стояли на чёрно-буром, высушенном жаром обрыве, наблюдая про-

стиравшееся внизу залитое ужасом «месиво» боли, безысходности, и насилия, и чувствовали себя настолько по-детски бессильными, что даже моя воинственная Стелла на этот раз безапелляционно сложила свои взъерошенные «крылышки» и готова была по первому же зову умчаться на свой, такой родной и надёжный верхний «этаж»...

И тут я вспомнила, что Мария вроде бы *говорила* с этими, так жестоко судьбой (или ими самими) наказанными, людьми ...

— Скажи, пожалуйста, а как ты туда спустилась? — озадачено спросила я.

— Меня Дин отнёс, — как само собой разумеющееся, спокойно ответила Мария.

— Что же такое страшное эти бедняги натворили, что попали в такое пекло? — спросила я.

— Думаю, это касается не столь их проступков, сколько того, что они были *очень сильные и имели много энергии*, а этим монстрам именно это и нужно, так как они «питаются» этими несчастными людьми, — очень по-взрослому объяснила малышка.

— Что?!.. — чуть ли не подпрыгнули мы. — Получается — они их просто «кушают»?

— К сожалению — да... Когда мы пошли туда, я видела... Из этих бедных людей вытекал чистый серебристый поток и прямиком заполнял чудищ, сидящих у них на спине. А те сразу же оживали и становились очень довольными. Некоторые людские сущности после этого почти не могли идти... Это так страшно... И ничем нельзя помочь... Дин говорит, их слишком много даже для него.

— Да уж... Вряд ли мы можем что-то сделать тоже... — Печально прошептала Стелла.

Было очень тяжко просто повернуться и уйти. Но мы прекрасно понимали, что на данный момент мы совершенно бессильны, а просто так наблюдать такое жуткое «зрелище» никому не доставляло ни малейшего удовольствия. Поэтому, ещё раз взглянув на этот ужасающий Ад, мы дружно повернули в другую сторону... Не могу сказать, что моя человеческая гордость не была уязвлена, так как проигрывать я никогда не любила. Но я уже также давно научилась принимать **реальность** такой, какой она была, и не сетовать на свою беспомощность, если помочь в какой-то ситуации мне было пока ещё не по силам.

— А можно спросить вас, куда вы сейчас направляетесь, девочки? — спросила погрустневшая Мария.

— Я бы хотела наверх... Если честно, мне уже вполне достаточно на сегодня «нижнего этажа»... Желательно посмотреть что-нибудь полегче... — сказала я, и тут же подумала о Марии — бедная девчушка, она ведь здесь остаётся!.. И никакую помощь ей предложить мы, к сожалению, не могли, так как это был **её** выбор и **её** собственное решение, которое только она сама могла изменить...

Перед нами замерцали, уже хорошо знакомые вихри серебристых энергий, и как бы «укутавшись» ими в плотный, пушистый «кокон», мы плавно проскользнули «наверх»...

— Ух, как здесь хорошо-о!.. — оказавшись «дома», довольно выдохнула Стелла. — И как же там «внизу» всё-таки жутко... Бедные люди, как же можно **стать лучше**, находясь каждодневно в таком кошмаре?!. Что-то в этом неправильно, ты не находишь?

Я засмеялась:

— Ну и что ты предлагаешь, чтобы «исправить»?

— А ты не смейся! Мы должны что-то придумать. Только я пока ещё не знаю — что... Но я подумаю... — совершенно серьёзно заявила малышка.

Я очень любила в ней это не по-детски серьёзное отношение к жизни, и «железное» желание найти **положительный** выход из любых появившихся проблем. При всём её сверкающем солнечном характере, Стелла также могла быть невероятно сильным, ни за что не сдающимся и невероятно храбрым человечком, стоящим «горой» за справедливость или за дорогих её сердцу друзей...

— Ну что, давай чуть прогуляемся? А то что-то я никак не могу «отойти» от той жути, в которой мы только что побывали. Даже дышать тяжело, не говоря уже о видениях... — попросила я свою замечательную подружку.

Мы уже снова с большим удовольствием плавно «скользили» в серебристо-«плотной» тишине, полностью расслабившись, наслаждаясь покоем и лаской этого чудесного «этажа», а я всё никак не могла забыть маленькую отважную Марию, поневоле оставленную нами в том жутко безрадостном и опасном мире, только лишь с её страшным мохнатым другом, и с надеждой, что может наконец-то её «слепая», но горячо любимая мама, возьмёт да **увидит**, как сильно она её любит и как сильно хочет сделать её счастливой на тот промежуток времени, который остался им до их нового воплощения на Земле...

— Ой, ты только посмотри, как красиво!.. — вырвал меня из моих грустных раздумий радостный Стеллин голосок.

Я увидела огромный, мерцающий внутри, весёлый золотистый шар, а в нём красивую девушку, одетую в очень яркое цветастое платье, сидящую на такой же ярко цветущей поляне, и полностью сливавшуюся с буйно пламенеющими всеми цветами радуги невероятными чашечками каких-то совершенно фантастических цветов. Её очень длинные, светлые, как спелая пшеница, волосы тяжёлыми волнами спадали вниз, окутывая её с головы до ног золотым плащом. Глубокие синие глаза приветливо смотрели прямо на нас, как бы приглашая заговорить...

— Здравствуйте! Мы вам не помешаем? — не зная с чего начать и, как всегда, чуть стесняясь, приветствовала незнакомку я.

— И ты здравствуй, Светлая, — улыбнулась девушка.

— Почему вы так меня называете? — очень удивилась я.

— Не знаю, — ласково ответила незнакомка, — просто тебе это подходит!.. Я — Изольда. А как же тебя по правде зовут?

— Светлана, — немного смутившись, ответила я.

— Ну вот, видишь — угадала! А что ты здесь делаешь, Светлана? И кто твоя милая подруга?

— Мы просто гуляем... Это Стелла, она мой друг. А вы, какая Изольда — та,

у которой был Тристан? — уже расхрабрившись, спросила я.

У девушки глаза стали круглыми от удивления. Она, видимо никак не ожидала, что в этом мире её кто-то знал...

— Откуда ты это знаешь, девочка?.. — тихо прошептала она.

— Я книжку про вас читала, мне она так понравилась!.. — восторженно воскликнула я. — Вы так любили друг друга, а потом вы погибли... Мне было так жаль!.. А где же Тристан? Разве он больше не с вами?

— Нет, милая, он далеко... Я его так долго искала!.. А когда, наконец, нашла, то оказалось, что мы и здесь не можем быть вместе. Я не могу к нему пойти... — печально ответила Изольда.

И мне вдруг пришло простое видение — он был на нижнем астрале, видимо за какие-то свои «грехи». И она, конечно же, ***могла*** к нему пойти, просто, вероятнее всего, не знала, как или не верила, что сможет.

— Я могу показать вам, как туда пойти, если вы хотите, конечно же. Вы сможете видеть его, когда только захотите, только должны быть очень осторожны.

— Ты можешь пойти туда? — очень удивилась девушка.

Я кивнула:

— И вы тоже.

— Простите, пожалуйста, Изольда, а почему ваш мир такой яркий? — не смогла удержать своего любопытства Стелла.

— О, просто там, где я **жила**, почти всегда было холодно и туманно... А там, где я **родилась** всегда светило солнышко, пахло цветами и только зимой был снег. Но даже тогда было солнечно... Я так соскучилась по своей стране, что даже сейчас никак не могу насладиться вволю... Правда, имя моё холодное, но это потому, что маленькой я потерялась, и нашли меня на льду. Вот и назвали Изольдой...

— Ой, а ведь, и правда, — «**и**зо льд**а**»!.. Я никогда бы не додумалась!.. — ошарашено уставилась на неё я.

— Это ещё, что!.. А ведь у Тристана и вообще имени не было... Он так всю жизнь и прожил *безымянным*, — улыбнулась Изольда.

— А как же — «Тристан»?

— Ну, что ты, милая, это же просто «владеющий тремя станами», — засмеялась Изольда. — Вся его семья ведь погибла, когда он был ещё совсем маленький, вот и не нарекли имени, когда время пришло — некому было.

— А почему вы объясняете всё это как бы **на моём языке**? Это ведь по-русски!

— А мы и есть русские, вернее — были тогда... — поправилась девушка. — А теперь ведь, кто знает, кем будем...

— Как — русские?.. — растерялась я.

— Ну, может не совсем... Но в твоём понятии — это русские. Просто тогда нас было больше, и всё было разнообразнее — и наша земля, и язык, и жизнь... Давно это было...

— А как же в книжке говорится, что вы были ирландцы и шотландцы?!..

Или это опять всё неправда?

— Ну, почему — неправда? Это ведь то же самое, просто мой отец прибыл из «тёплой» Руси, чтобы стать владетелем того «*островного*» стана, потому, что **там** войны никак не кончались, а он был прекрасным воином, вот они и попросили его. Но я всегда тосковала по «**своей**» Руси... Мне всегда на тех островах было холодно...

— А могу ли я вас спросить, как вы по-настоящему погибли? Если это вас не ранит, конечно. Во всех книжках про это по-разному написано, а мне бы очень хотелось знать, как по-настоящему было...

— Я его тело морю отдала, у них так принято было... А сама домой пошла... Только не дошла никогда... Сил не хватило. Так хотелось солнце наше увидеть, но не смогла... А может Тристан «не отпустил»...

— А как же в книгах говорят, что вы вместе умерли, или что вы убили себя?

— Не знаю, Светлая, не я эти книги писала... А люди всегда любили сказы друг другу сказывать, особенно красивые. Вот и приукрашивали, чтобы больше душу бередили... А я сама умерла через много лет, не прерывая жизни. Запрещено это было.

— Вам, наверное, очень грустно было так далеко от дома находиться?

— Да, как тебе сказать... Сперва, даже интересно было, пока мама была жива. А когда умерла она — весь мир для меня померк... Слишком мала я была тогда. А отца своего никогда не любила. Он войной лишь жил, даже **я** для него цену имела только ту, что на меня выменять можно было, замуж выдав... Он был воином до мозга костей. И умер таким. А я всегда домой вернуться мечтала. Даже сны видела... Но не удалось.

— А хотите, мы вас к Тристану отведём? Сперва покажем, как, а потом вы уже сама ходить будете. Это просто... — надеясь в душе, что она согласится, предложила я.

Мне очень хотелось увидеть «полностью» всю эту легенду, раз уж появилась такая возможность, и хоть было чуточку совестно, но я решила на этот раз не слушать свой сильно возмущавшийся «внутренний голос», а попробовать как-то убедить Изольду «прогуляться» на нижний «этаж» и отыскать там для неё её Тристана.

Я и правда очень любила эту «холодную» северную легенду. Она покорила моё сердце с той же самой минуты, как только попалась мне в руки. Счастье в ней было такое мимолётное, а грусти так много!.. Вообще-то, как и сказала Изольда — добавили туда, видимо, немало, потому что душу это и вправду зацепляло очень сильно. А может, так оно и было?.. Кто же мог это по-настоящему знать?.. Ведь те, которые всё это видели, уже давным-давно не жили. Вот потому-то мне так сильно и захотелось воспользоваться этим, наверняка, единственным случаем и узнать, как же всё было на самом деле...

Изольда сидела тихо, о чём-то задумавшись, как бы не решаясь воспользоваться этим единственным, так неожиданно представившимся ей случаем, и увидеться с тем, кого так надолго разъединила с ней судьба...

— Не знаю... Нужно ли теперь всё это... Может быть просто оставить так?

— растерянно прошептала Изольда. — Ранит это сильно... Не ошибиться бы...

Меня невероятно удивила такая её боязнь! Это было первый раз с того дня, когда я впервые заговорила с умершими, чтобы кто-то отказывался поговорить или увидеться с тем, кого когда-то так сильно и трагически любил...

— Пожалуйста, пойдёмте! Я знаю, что потом вы будете жалеть! Мы просто покажем вам, как это делать, а если вы не захотите, то и не будете больше туда ходить. Но у вас **должен оставаться выбор**. Человек **должен** иметь право выбирать сам, правда, ведь?

Наконец-то она кивнула:

— Ну что ж, пойдём, Светлая. Ты права, я не должна прятаться за «спиной невозможного», это трусость. А трусов у нас никогда не любили. Да и не была я никогда одной из них...

Я показала ей свою защиту и, к моему величайшему удивлению, она сделала это очень легко, даже не задумываясь. Я очень обрадовалась, так как это сильно облегчало наш «поход».

— Ну что, готовы?.. — видимо, чтобы её подбодрить, весело улыбнулась Стелла.

Мы окунулись в сверкающую мглу и через несколько коротких секунд, уже «плыли» по серебристой дорожке Астрального уровня...

— Здесь очень красиво...— прошептала Изольда, — но я видела его в другом, не таком светлом месте...

— Это тоже здесь... Только чуточку ниже, — успокоила её я. — Вот увидите, сейчас мы его найдём.

Мы «проскользнули» чуть глубже, и я уже готова была увидеть обычную «жутко-гнетущую» нижнеастральную реальность, но, к моему удивлению, ничего похожего не произошло... Мы попали в довольно таки приятный, но правда, очень хмурый и какой-то печальный пейзаж. О каменистый берег тёмно-синего моря плескались тяжёлые, мутные волны... Лениво «гонясь» одна за другой, они «стукались» о берег и нехотя, медленно возвращались обратно, таща за собой серый песок и мелкие, чёрные, блестящие камушки. Дальше виднелась величественная, огромная, тёмно-зелёная гора, вершина которой застенчиво пряталась за серыми, набухшими облаками. Небо было тяжёлым, но не пугающим, полностью укрытым серыми облаками. По берегу местами росли скупые карликовые кустики каких-то незнакомых растений. Опять же — пейзаж был хмурым, но **достаточно «нормальным»**, во всяком случае, напоминал один из тех, который можно было увидеть на земле в дождливый, очень пасмурный день... И того «кричащего ужаса», как остальные виденные нами на этом «этаже» места, он нам не внушал...

На берегу этого «тяжёлого» тёмного моря, глубоко задумавшись, сидел одинокий человек. Он казался совсем ещё молодым и довольно-таки красивым, но был очень печальным и никакого внимания на нас, подошедших, не обращал.

— Сокол мой ясный... Тристанушка... — прерывающимся голосом прошептала Изольда.

Она была бледна и застывшая, как смерть... Стелла, испугавшись, тронула

её за руку, но девушка не видела и не слышала ничего вокруг, а только не отрываясь смотрела на своего ненаглядного Тристана... Казалось, она хотела впитать в себя каждую его чёрточку... каждый волосок... родной изгиб его губ... тепло его карих глаз... чтобы сохранить это в своём исстрадавшемся сердце навечно, а возможно даже и пронести в свою следующую «земную» жизнь...

— Льдинушка моя светлая... Солнце моё... Уходи, не мучай меня... — Тристан испуганно смотрел на неё, не желая поверить, что это явь, и закрываясь от болезненного «видения» руками, повторял: — Уходи, радость моя... Уходи теперь...

Не в состоянии более наблюдать эту душераздирающую сцену, мы со Стеллой решили вмешаться...

— Простите пожалуйста нас, Тристан, но это не видение, это ваша Изольда! Притом, самая настоящая...— ласково произнесла Стелла. — Поэтому лучше примите её, не раньте больше...

— Льдинушка, ты ли это?.. Сколько раз я видел тебя вот так, и сколько терял!.. Ты всегда исчезала, как только я пытался заговорить с тобой, — он осторожно протянул к ней руки, будто боясь спугнуть, а она, забыв всё на свете, кинулась ему на шею и застыла, будто хотела так и остаться, слившись с ним в одно, теперь уже не расставаясь навечно...

Я наблюдала эту встречу с нарастающим беспокойством, и думала, как бы можно было помочь этим двум настрадавшимся, а теперь вот таким беспредельно счастливым людям, чтобы хоть эту, оставшуюся здесь (до их следующего воплощения) жизнь, они могли бы остаться вместе...

— Ой, ты не думай об этом сейчас! Они же только что встретились!.. — прочитала мои мысли Стелла. — А там мы обязательно придумаем что-нибудь...

Они стояли, прижавшись друг к другу, как бы боясь разъединиться... Боясь, что это чудное видение вдруг исчезнет и всё опять станет по-старому...

— Как же мне пусто без тебя, моя Льдинушка!.. Как же без тебя темно...

И только тут я заметила, что Изольда выглядела иначе!.. Видимо, то яркое «солнечное» платье предназначалось **только ей одной**, так же, как и усыпанное цветами поле... А сейчас она встречала своего Тристана... И надо сказать, в своём белом, вышитом красным узором платье, она выглядела потрясающе!.. И была похожа на юную невесту...

— Не вели нам с тобой хороводов, сокол мой, не говорили здравниц... Отдали меня чужому, *по воде* женили... Но я всегда была женой **тебе**. Всегда была суженой... Даже когда потеряла тебя. Теперь мы всегда будем вместе, радость моя, теперь никогда не расстанемся... — нежно шептала Изольда.

У меня предательски защипало глаза и чтобы не показать, что плачу, я начала собирать на берегу какие-то камушки. Но Стеллу не так-то просто было провести, да и у неё самой сейчас глаза тоже были «на мокром месте»...

— Как грустно, правда? Она ведь не живёт здесь... Разве она не понимает?.. Или, думаешь, она останется с ним?.. — малышка прямо ёрзала на месте, так сильно ей хотелось тут же «всё-всё» знать.

У меня роились в голове десятки вопросов к этим двоим, безумно счаст-

ливым, не видящим ничего вокруг, людям. Но я знала наверняка, что не сумею ничего спросить и не смогу потревожить их неожиданное и такое хрупкое счастье...

— Что же будем делать? — озабочено спросила Стелла. — Оставим её здесь?

— Это не нам решать, думаю... Это **её** решение и **её** жизнь, — и уже обращаясь к Изольде, сказала. — Простите меня, Изольда, но мы хотели бы уже пойти. Мы можем вам ещё как-то помочь?

— Ой, девоньки мои дорогие, а я и забыла!.. Вы уж простите меня!.. — хлопнула в ладошки стыдливо покрасневшая девушка. — Тристанушка, это их благодарить надо!.. Это они привели меня к тебе. Я и раньше приходила, как только нашла тебя, но ты не мог слышать меня... И тяжело это было. А с ними столько счастья пришло!

Тристан вдруг низко-низко поклонился:

— Благодарю вас, славницы... за то, что счастье моё, мою Льдинушку мне вернули. Радости вам и добра, *небесные*... Я ваш должник на веки вечные... Только скажите.

У него подозрительно блестели глаза, и я поняла, что ещё чуть-чуть — и он заплачет. Поэтому, чтобы не ронять (и так сильно битую когда-то!) его мужскую гордость, я повернулась к Изольде и как можно ласковее сказала:

— Я так понимаю, вы хотите остаться?

Она грустно кивнула.

— Тогда, посмотрите внимательно на вот это... Оно поможет вам здесь находиться. И облегчит, надеюсь... — я показала ей свою «особую» зелёную защиту, надеясь, что с ней они будут здесь более или менее в безопасности. — И ещё... Вы, наверное, поняли, что и здесь вы можете создавать свой «солнечный мир»? Думаю ему (я показала на Тристана) это очень понравится...

Изольда об этом явно даже не подумала и теперь просто засияла настоящим счастьем, видимо предвкушая «убийственный» сюрприз...

Вокруг них всё засверкало весёлыми цветами, море заблестело радугами, а мы, поняв, что с ними точно будет всё хорошо, «заскользили» обратно, в свой любимый Ментальный этаж, чтобы обсудить свои возможные будущие путешествия...

30. Стелла 6. Ментал

Как и всё остальное «интересненькое», мои удивительные прогулки на разные уровни Земли понемногу становились почти что постоянными и сравнительно быстро угодили на мою «архивную» полочку «**обычных** явлений». Иногда я ходила туда одна, огорчая этим свою маленькую подружку. Но Стелла, даже если она чуточку и огорчалась, никогда мне ничего не показывала, и если чувствовала, что я предпочитаю остаться одна, никогда не навязывала своё присутствие. Это, конечно же, делало меня ещё более виноватой по отношению к ней, и после своих маленьких «личных» приключений я оставалась погулять с

ней вместе, что тем же самым уже удваивало нагрузку на моё, ещё к этому не совсем привыкшее физическое тело, и домой я возвращалась измученная, как до последней капли выжатый спелый лимон... Но постепенно, по мере того, как наши «прогулки» становились всё длиннее, моё «истерзанное» физическое тело понемногу к этому привыкало, усталость становилась всё меньше, и время, которое требовалось для восстановления моих физических сил, становилось намного короче. Эти удивительные прогулки очень быстро затмили всё остальное, и моя повседневная жизнь теперь казалась на удивление тусклой и совершенно неинтересной...

Конечно же, всё это время я жила своей **нормальной** жизнью **нормального** ребёнка: как обычно — ходила в школу, участвовала во всех там организуемых мероприятиях, ходила с ребятами в кино, вообще — старалась выглядеть как можно более **нормальной**, чтобы привлекать к своим «необычным» способностям как можно меньше ненужного внимания.

Некоторые занятия в школе я по-настоящему любила, некоторые — не очень, но пока что все предметы давались мне всё ещё достаточно легко и больших усилий для домашних заданий не требовали.

Ещё я очень любила астрономию, которая, к сожалению, у нас пока ещё не преподавалась. Дома у нас имелись всевозможные изумительно иллюстрированные книги по астрономии, которую мой папа тоже обожал, и я могла целыми часами читать о далёких звёздах, загадочных туманностях, незнакомых планетах... Мечтая когда-нибудь хотя бы на один коротенький миг увидеть все эти удивительные чудеса, как говорится, **живьём**... Наверное я тогда уже «нутром» чувствовала, что этот мир намного для меня ближе, чем любая, пусть даже самая красивая страна на нашей Земле... Но все мои «звёздные» приключения тогда ещё были очень далёкими (я о них пока ещё даже не предполагала!), и поэтому на данном этапе меня полностью удовлетворяли «гуляния» по разным «этажам» нашей родной планеты с моей подружкой Стеллой или в одиночку.

Бабушка, к моему большому удовлетворению, меня в этом полностью поддерживала, таким образом, уходя «гулять», мне не нужно было скрываться, что делало мои путешествия ещё более приятными. Дело в том, что, для того, чтобы «гулять» по тем же самым «этажам», моя сущность должна была выйти из тела, и если кто-то в этот момент заходил в комнату, то находил там презабавнейшую картинку... Я сидела с открытыми глазами, вроде бы в полностью нормальном состоянии, но не реагировала ни на какое ко мне обращение, не отвечала на вопросы и выглядела совершенно и полностью «замороженной». Поэтому бабушкина помощь в такие минуты была просто незаменимой. Помню, однажды в моём «гуляющем» состоянии меня нашёл мой тогдашний друг, сосед Ромас... Когда я очнулась, то увидела перед собой совершенно ошалевшее от страха лицо и круглые, как две огромные голубые тарелки, глаза... Ромас меня яростно тряс за плечи и звал по имени, пока я не открыла глаза...

— Ты что — умерла что ли?!. Или это опять какой-то твой новый «эксперимент»? — чуть ли не стуча с перепугу зубами, тихо прошипел мой друг.

Хотя за все эти годы нашего общения уж его-то точно трудно было чем-то

удивить, но, видимо, открывшаяся ему в этот момент картинка «переплюнула» самые впечатляющие мои ранние «эксперименты»... Именно Ромас и рассказал мне после, как пугающе со стороны выглядело такое моё «присутствие»...

Я, как могла, постаралась его успокоить, и кое-как объяснить, что же такое «страшное» со мной здесь происходило. Но как бы я его бедного не успокаивала, я была почти стопроцентно уверенна, что впечатление от увиденного останется в его мозгу ещё очень и очень надолго...

Поэтому, после этого смешного (для меня) «инцидента», я уже всегда старалась, чтобы, по возможности, никто не заставал меня врасплох и никого не пришлось бы так бессовестно ошарашивать или пугать... Вот потому-то бабушкина помощь так сильно мне и была необходима. Она всегда знала, когда я в очередной раз шла «погулять» и следила, чтобы никто в это время, по возможности, меня не беспокоил. Была и ещё одна причина, по которой я не очень любила, когда меня насильно «вытаскивали» из моих «походов» обратно — во всём моём физическом теле, в момент такого «быстрого возвращения», чувствовалось ощущение очень сильного внутреннего удара, и это воспринималось весьма и весьма болезненно. Поэтому такое ***резкое*** **возвращение сущности обратно в физическое тело** было очень для меня неприятно и совершенно нежелательно.

Так, в очередной раз гуляя со Стеллой по «этажам», и не находя чем заняться, «не подвергая при этом себя большой опасности», мы наконец-то решили «поглубже» и «посерьёзнее» исследовать, ставший для неё уже почти что родным, Ментальный «этаж»...

Её ***собственный*** красочный мир в очередной раз исчез, и мы как бы «повисли» в сверкающем, припорошенном звёздными бликами воздухе, который, в отличие от обычного «земного», был здесь насыщенно-«плотным» и постоянно меняющимся, как если бы был наполнен миллионами малюсенькиx снежинок, которые искрились и сверкали в морозный солнечный день на Земле... Мы дружно шагнули в эту серебристо-голубую мерцающую «пустоту» и тут же уже привычно под нашими стопами появилась «тропинка»... Вернее, не просто тропинка, а очень яркая и весёлая, всё время меняющаяся дорожка, которая была создана из мерцающих, пушистых, серебристых «облачков»...

Она сама по себе появлялась и исчезала, как бы дружески приглашая по ней пройтись. Я шагнула на сверкающее «облачко» и сделала несколько осторожных шагов... Не чувствовалось ни движения, ни малейшего для него усилия, только лишь ощущение очень лёгкого скольжения в какой-то спокойной, обволакивающей, блистающей серебром пустоте... Следы тут же таяли, рассыпаясь тысячами разноцветных сверкающих пылинок... и появлялись новые, по мере того, как я ступала по этой удивительной и полностью меня очаровавшей «местной земле»....

Вдруг во всей этой глубокой, переливающейся серебристыми искрами тишине появилась странная прозрачная ладья, а в ней стояла очень красивая молодая женщина. Её длинные золотистые волосы то мягко развевались, как будто тронутые дуновением ветерка, то опять застывали, загадочно сверкая

тяжёлыми золотыми бликами. Женщина явно направлялась прямо к нам, всё так же легко скользя в своей сказочной ладье по каким-то невидимым нами «волнам», оставляя за собой длиннющие, вспыхивающие серебряными искрами, развевающиеся хвосты... Её белое лёгкое платье, похожее на мерцающую тунику, также — то развевалось, то плавно опускалось, спадая мягкими складками вниз и делая незнакомку похожей на дивную греческую богиню.

— Она всё время здесь плавает, ищет кого-то — прошептала Стелла.

— Ты её знаешь? Кого она ищет? — не поняла я.

— Я не знаю, но я её видела много раз.

— Ну, так давай спросим? — уже освоившись на «этажах», храбро предложила я.

Женщина «подплыла» ближе, от неё веяло грустью, величием и теплом.

— Я Атенайс, — очень мягко, мысленно произнесла она. — Кто вы, дивные создания?

«Дивные создания» чуточку растерялись, точно не зная, что на такое приветствие ответить...

— Мы просто гуляем, — улыбаясь, сказала Стелла. — Мы не будем вам мешать.

— А кого вы ищете? — спросила Атенайс.

— Никого, — удивилась малышка. — А почему вы думаете, что мы должны кого-то искать?

— А как же иначе? Вы сейчас там, где **все ищут себя**. Я тоже искала... — она печально улыбнулась. — Но это было так давно!..

— А как давно? — не выдержала я.

— О, очень давно!.. Здесь ведь нет времени, как же мне знать? Всё, что я помню — это было давно.

Атенайс была очень красивой и какой-то необычайно грустной... Она чем-то напоминала гордого белого лебедя, когда тот, падая свысока, отдавая душу, пел свою последнюю песню — была такой же величественной и трагичной...

Когда она смотрела на нас своими искристыми зелёными глазами, казалось — она старее, чем сама вечность. В них было столько мудрости и столько невысказанной печали, что у меня по телу побежали мурашки...

— Можем ли мы вам чем-то помочь? — чуточку стесняясь спрашивать у неё подобные вопросы, спросила я.

— Нет, милое дитя, это моя работа... Мой обет... Но я верю, что когда-нибудь она закончится... и я смогу уйти. А теперь, скажите мне, радостные, куда вы хотели бы пойти?

Я пожала плечами:

— Мы не выбирали, мы просто гуляли. Но мы будем счастливы, если вы хотите нам что-нибудь предложить.

Атенайс кивнула:

— Я охраняю это Междумирье, я могу пропустить вас туда, — и ласково посмотрев на Стеллу, добавила. — А тебе, дитя, я помогу **найти себя**...

Женщина мягко улыбнулась, и взмахнула рукой. Её странное платье колыхнулось, и рука стала похожа на бело-серебристое, мягкое пушистое крыло... от которого протянулась, рассыпаясь золотыми бликами, уже другая, слепящая золотом и почти что плотная, светлая солнечная дорога, которая вела прямо в «пламенеющую» вдали открытую золотую дверь...

— Ну, что — пойдём? — уже заранее зная ответ, спросила я Стеллу.

— Ой, смотри, а там кто-то есть... — показала пальчиком внутрь той же самой двери, малышка.

Мы легко скользнули внутрь и... как будто в зеркале, увидели вторую Стеллу!.. Да, да, именно Стеллу!.. Точно такую же, как та, которая, совершенно растерянная, стояла в тот момент рядом со мной...

— Но, это же я?!.. — глядя на «другую себя» во все глаза, прошептала потрясённая малышка. — Ведь это, правда, я... Как же так?..

Я пока что никак не могла ответить на её такой вроде бы простой вопрос, так как сама стояла совершенно опешив, не находя никакого объяснения этому «абсурдному» явлению...

Стелла тихонько протянула ручку к своему близнецу и коснулась протянутых к ней таких же маленьких пальчиков. Я хотела крикнуть, что это может быть опасно, но, увидев её довольную улыбку — промолчала, решив посмотреть, что же будет дальше, но в то же время была настороже, на тот случай, если вдруг что-то пойдёт не так.

— Так это же **я**... — в восторге прошептала малышка. — Ой, как чудесно! Это же, правда, я...

Её тоненькие пальчики начали ярко светиться, и «вторая» Стелла стала медленно таять, плавно перетекая через те же самые пальчики в «настоящую», стоявшую около меня, Стеллу. Её тело стало уплотняться, но не так, как уплотнялось бы физическое, а как будто стало намного плотнее светиться, наполняясь каким-то неземным сиянием.

Вдруг я почувствовала за спиной чьё-то присутствие — это опять была наша знакомая, Атенайс.

— Прости меня, светлое дитя, но ты ещё очень нескоро придёшь за своим «отпечатком»... Тебе ещё очень долго ждать, — она внимательнее посмотрела мне в глаза. — А может, и не придёшь вовсе...

— Как это, «не приду»?!.. — испугалась я. — Если приходят все — значит приду и я!

— Не знаю. Твоя судьба почему-то закрыта для меня. Я не могу тебе ничего ответить, прости...

Я очень расстроилась, но стараясь изо всех сил не показать этого Атенайс, как можно спокойнее спросила:

— А, что это за «отпечаток»?

— О, все, когда умирают, возвращаются за ним. Когда твоя душа кончает своё «томление» в очередном земном теле, в тот момент, когда она прощается с ним, она летит в свой **настоящий Дом**, и как бы «возвещает» о своём возвращении... И вот тогда, она оставляет эту «печать». Но после этого, она должна

опять возвратиться обратно на «плотную» землю, чтобы уже навсегда проститься с тем, **кем она была**... и через год, сказав «последнее прощай», оттуда уйти... И вот тогда-то, эта свободная душа приходит сюда, чтобы слиться со своей оставленной частичкой и обрести покой, ожидая нового путешествия в «старый мир»...

Я не понимала тогда, о чём говорила Атенайс, просто это звучало очень красиво... И только теперь, через много, много лет, (уже давно впитав своей «изголодавшейся» душой знания моего удивительного мужа, Николая) «просматривая» сегодня для этой книги своё забавное прошлое, я с улыбкой вспомнила Атенайс, и, конечно же, поняла, что то, что она называла ***«отпечатком»****, было просто* ***энергетическим всплеском****, который происходит с каждым из нас в момент нашей смерти и достигает именно* ***того уровня****, на который* ***своим развитием сумел попасть умерший человек****. А то, что Атенайс называла тогда* ***«прощание» с тем, «кем она была»****, было ни что иное, как* ***окончательное отделение всех имеющихся «тел» сущности от её мёртвого физического тела,*** *чтобы она имела возможность теперь уже* ***окончательно уйти****, и там, на своём «этаже», слиться со своей недостающей частичкой,* ***уровня развития*** *которой она, по той или иной причине, не успела «достичь» живя на земле. И этот уход происходил* ***именно через год****. Но всё это я понимаю сейчас, а тогда до этого было ещё очень далеко, и мне приходилось довольствоваться* ***своим*** *совсем ещё детским* ***пониманием всего со мной происходящего*** *и* ***своими****, иногда ошибочными, а иногда и правильными догадками...*

— А на других «этажах» сущности тоже имеют такие же «отпечатки»? — заинтересованно спросила любознательная Стелла.

— Да, конечно имеют, только уже иные, — спокойно ответила Атенайс. — И не на всех «этажах» они так же приятны, как здесь... Особенно на одном...

— О, я знаю! Это наверное «нижний!» Ой, надо обязательно туда пойти посмотреть! Это же так интересно! — уже опять довольно щебетала Стелла.

Было просто удивительно, с какой быстротой и лёгкостью она забывала всё, что ещё минуту назад её пугало или удивляло, и уже опять весело стремилась познать что-то для неё новое и неведомое.

— Прощайте, юные девы... Мне пора уходить. Да будет ваше счастье вечным... — торжественным голосом произнесла Атенайс.

И снова плавно взмахнула «крылатой» рукой, как бы указывая нам путь, и перед нами тут же побежала уже знакомая, сияющая золотом дорожка... А дивная женщина-птица снова тихо поплыла в своей воздушной сказочной ладье, опять готовая встречать и направлять новых «ищущих себя» путешественников, терпеливо отбывая какой-то свой особый, нам непонятный обет...

— Ну, что? Куда пойдём, «юная дева»?.. — улыбнувшись, спросила я свою маленькую подружку.

— А почему она нас так называла? — задумчиво спросила Стелла. — Ты думаешь, так говорили там, где она когда-то жила?

— Не знаю... Это было, наверное, очень давно, но она почему-то это помнит.

— Всё! Пошли дальше!.. — вдруг, будто очнувшись, воскликнула малышка.

На этот раз мы не пошли по так услужливо предлагаемой нам дорожке, а решили двигаться «своим путём», исследуя мир своими же силами, которых, как оказалось, у нас было не так уж и мало. Мы двинулись к прозрачному, светящемуся золотом, горизонтальному «тоннелю», которых здесь было великое множество и по которым постоянно туда-сюда плавно двигались сущности.

— Это — что, вроде земного поезда? — засмеявшись забавному сравнению, спросила я.

— Нет, не так это просто... — ответила Стелла. — Я в нём была, это как бы «поезд времени», если хочешь так его называть...

— Но ведь, времени здесь нет? — удивилась я.

— Так-то оно так, но это разные места обитания сущностей... Тех, которые умерли тысячи лет назад, и тех, которые пришли только сейчас. Мне это бабушка показала. Это там я нашла Гарольда... Хочешь посмотреть?

Ну, конечно же, я хотела! И казалось, ничто на свете не могло бы меня остановить! Эти потрясающие «шаги в неизвестное» будоражили моё и так уже слишком живое воображение и не давали спокойно жить, пока я, уже почти падая от усталости, но дико довольная увиденным, не возвращалась в своё «забытое» физическое тело и не валилась спать, стараясь отдохнуть хотя бы час, чтобы зарядить свои окончательно «севшие» жизненные «батареи»...

Так, не останавливаясь, мы снова преспокойно продолжали своё маленькое путешествие, теперь уже покойно «плывя», повиснув в мягком, проникающем в каждую клеточку, убаюкивающем душу «тоннеле», с наслаждением наблюдая дивное перетекание друг через друга кем-то создаваемых, ослепительно красочных (наподобие Стеллиного) и очень разных «миров», которые то уплотнялись, то исчезали, оставляя за собой развевающиеся хвосты сверкающих дивными цветами радуг...

Неожиданно вся эта нежнейшая красота рассыпалась на сверкающие кусочки, и нам во всём своём великолепии открылся блистающий, умытый звёздной росой, грандиозный по своей красоте мир. У нас от неожиданности захватило дух...

— Ой, красоти-и-ще како-о-е!.. Ма-а-амочка моя!.. — выдохнула малышка.

У меня тоже от щемящего восторга перехватило дыхание и вместо слов, вдруг захотелось плакать...

— А кто же здесь живёт?!. — Стелла дёрнула меня за руку. — Ну, как ты думаешь, кто здесь живёт?..

Я понятия не имела, кем могут быть счастливые обитатели подобного мира, но мне вдруг очень захотелось это узнать.

— Пошли! — решительно сказала я и потянула Стеллу за собой.

Нам открылся дивный пейзаж... Он был очень похож на земной и в то же время резко отличался. Вроде бы, перед нами было **настоящее** изумрудно зелёное **«земное» поле**, поросшее сочной, очень высокой шелковистой травой, но в то же время, я понимала, что это **не земля**, а что-то очень на неё похожее, но чересчур уж идеальное... ненастоящее. И на этом слишком красивом человече-

скими ступнями не тронутом поле, будто красные капли крови, рассыпавшись по всей долине, насколько охватывал глаз, аллели невиданные «маки»... Их огромные яркие чашечки тяжело колыхались, не выдерживая веса игриво садившихся на цветы, большущих, переливающихся хаосом сумасшедших красок, бриллиантовых бабочек... Странное фиолетовое небо полыхало дымкой золотистых облаков, время от времени освещаясь яркими лучами **голубого** солнца...

Это был удивительно красивый, созданный чьей-то буйной фантазией и слепящий миллионами незнакомых оттенков фантастический мир... А по этому миру шёл человек... Это была малюсенькая, хрупкая девочка, издали чем-то очень похожая на Стеллу. Мы буквально застыли, боясь нечаянно чем-то её спугнуть, но девочка, не обращая на нас никакого внимания, спокойно шла по зелёному полю, почти полностью скрывшись в сочной траве... а над её пушистой головкой клубился прозрачный, мерцающий звёздами фиолетовый туман, создавая над ней дивный движущийся ореол. Её длинные, блестящие, фиолетовые волосы «вспыхивали» золотом, ласково перебираемые лёгким ветерком, который, играясь, время от времени шаловливо целовал её нежные, бледные щёчки. Малютка казалась очень необычной и абсолютно спокойной...

— Заговорим? — тихо спросила Стелла.

В тот момент девочка почти поравнялась с нами и, как будто очнувшись от каких-то своих далёких грёз, удивлённо подняла на нас свои странные, очень большие и раскосые... фиолетовые глаза. Она была необыкновенно красива какой-то чужой, дикой, неземной красотой и выглядела очень одинокой...

— Здравствуй, девочка! Почему ты такая грустная идёшь? Тебе нужна какая-то помощь? — осторожно спросила Стелла.

Малютка отрицательно мотнула головкой:

— Нет, помощь нужна вам, — и продолжала внимательно рассматривать нас своими странными раскосыми глазами.

— Нам? — удивилась Стелла. — А в чём она нам нужна?..

Девочка раскрыла свои миниатюрные ладошки, а на них... золотистым пламенем сверкали два, изумительно ярких фиолетовых кристалла.

— Вот! — и неожиданно тронув кончиками пальчиков наши лбы, звонко засмеялась она... кристаллы исчезли...

Это было очень похоже на то, как когда-то дарили мне «зелёный кристалл» мои «звёздные» чудо-друзья. Но то были **они**. А это была всего лишь малюсенькая девчушка... да ещё совсем не похожая на нас, на людей...

— Ну вот, теперь хорошо! — довольно сказала она, и больше не обращая на нас внимания, пошла дальше...

Мы ошалело смотрели ей вслед и не в состоянии ничего понять, продолжали стоять «столбом», переваривая случившееся. Стелла, как всегда очухавшись первой, закричала:

— Девочка, постой, что это? Что нам с этим делать?! Ну, подожди же!!!

Но маленький человечек лишь не оборачиваясь помахал нам своей хрупкой ладошкой и преспокойно продолжал свой путь, очень скоро полностью исчезнув в море сочной зелёной, неземной травы... над которой теперь лишь светлым

облачком развевался прозрачный фиолетовый туман...

— Ну и что это было? — как бы спрашивая саму себя, произнесла Стелла.

Ничего плохого я пока не чувствовала и, немного успокоившись после неожиданно свалившегося «подарка», сказала:

— Давай не будем пока об этом думать, а позже будет видно...

На этом и порешили. Радостное зелёное поле куда-то исчезло, сменившись на этот раз совершенно безлюдной, холодно-ледяной пустыней, в которой, на единственном камне, сидел единственный там человек... Он был чем-то явно сильно расстроен, но в то же время, выглядел очень тёплым и дружелюбным. Длинные седые волосы спадали волнистыми прядями на плечи, обрамляя серебристым ореолом измождённое годами лицо. Казалось, он не видел где был, не чувствовал на чём сидел и вообще не обращал никакого внимания на окружающую его реальность...

— Здравствуй, грустный человек! — приблизившись достаточно, чтобы начать разговор, тихо поздоровалась Стелла.

Человек поднял глаза — они оказались голубыми и чистыми, как земное небо.

— Что вам, маленькие? Что вы здесь потеряли?.. — отрешённо спросил «отшельник».

— Почему ты здесь один сидишь, и никого с тобой нет? — участливо спросила Стелла. — И место такое жуткое...

Было видно, что человек совсем не хотел общаться, но тёплый Стеллин голосок не оставлял ему никакого выхода — приходилось отвечать...

— Мне никто не нужен уже много, много лет. В этом нет никакого смысла, — прожурчал его грустный, ласковый голос.

— А что же тогда ты делаешь тут один? — не унималась малышка, и я испугалась, что мы покажемся ему слишком навязчивыми, и он просто попросит нас оставить его в покое.

Но у Стеллы был настоящий талант разговорить любого, даже самого молчаливого человека... Поэтому, забавно наклонив на бок свою милую рыжую головку и явно не собираясь сдаваться, она продолжала:

— А почему тебе не нужен никто? Разве такое бывает?

— Ещё как бывает, маленькая... — тяжко вздохнул человек. — Ещё как бывает... Я всю свою жизнь даром прожил — кто же мне теперь нужен?..

Тут я кое-что потихонечку начала понимать... И собравшись, осторожно спросила:

— Вам открылось всё, когда вы пришли сюда, так ведь?

Человек удивлённо вскинулся и, вперив в меня свой, теперь уже насквозь пронизывающий взгляд, резко спросил:

— Что ты об этом знаешь, маленькая?.. Что ты **можешь** об этом знать?.. — он ещё больше ссутулился, как будто тяжесть, навалившаяся на него, была не подъёмной. — Я всю жизнь бился о непонятное, всю жизнь искал ответ... и не нашёл. А когда пришёл сюда, всё оказалось так просто!.. Вот и ушла даром вся моя жизнь...

— Ну, тогда всё прекрасно, если ты уже всё узнал!.. А теперь можешь что-то другое снова искать — здесь тоже полно непонятного! — «успокоила» незнакомца обрадованная Стелла. — А как тебя зовут, грустный человек?

— Фабий, милая. А ты знаешь девочку, что тебе дала этот кристалл?

Мы со Стеллой от неожиданности дружно подпрыгнули и теперь уже вместе, «мёртвой хваткой» вцепились в бедного Фабия...

— Ой, пожалуйста, расскажите нам, кто она!!! — тут же запищала Стелла. — Нам обязательно нужно это знать! Ну совсем, совсем обязательно! У нас такое случилось!!!.. Такое случилось!.. И мы теперь абсолютно не знаем, что с этим делать... — слова летели из её уст пулемётной очередью, и невозможно было хоть на минуту её остановить, пока сама, полностью запыхавшись, не остановилась.

— Она не отсюда, — тихо сказал человек. — Она издалека...

Это абсолютно и полностью подтверждало мою сумасшедшую догадку, которая появилась у меня мельком и сама себя испугавшись, сразу исчезла...

— Как — издалека? — не поняла малышка. — Дальше ведь нельзя? Мы ведь дальше не ходим?..

И тут Стеллины глаза начали понемножку округляться, и в них медленно, но уверенно стало появляться понимание...

— Ма-а-мочки, она, что ли к нам прилете-е-ла?!.. А как же она прилетела?!.. И как же она одна совсем? Ой, она же одна!.. А как же теперь её найти?!

В Стеллином ошарашеном мозгу мысли путались и кипели, заслоняя друг друга... А я, совершенно ошалев, не могла поверить, что вот, наконец-то, произошло **то, чего я так долго и с такой надеждой тайком ждала!**.. А теперь вот, наконец-то найдя, я не смогла это дивное чудо удержать...

— Да не убивайся так, — спокойно обратился ко мне Фабий. — Они были здесь всегда... И всегда есть. Только увидеть надо...

— Как?!.. — будто два ошалевших филина, вытаращив на него глаза, дружно выдохнули мы. — Как — всегда есть?!..

— Ну да, — спокойно ответил отшельник. — А её зовут Вэя. Только она не придёт второй раз — она никогда не появляется дважды... Так жаль! С ней было так интересно говорить...

— Ой, значит, вы общались?! — окончательно этим убитая, расстроено спросила я.

— Если ты когда-нибудь увидишь её, попроси вернуться ко мне, маленькая...

Я только кивнула, не в состоянии что-либо ответить. Мне хотелось рыдать навзрыд!.. Что вот, получила — и потеряла такую невероятную, неповторимую возможность!.. А теперь уже ничего не поделать и ничего не вернуть... И тут меня вдруг осенило!

— Подождите, а как же кристалл?.. Ведь она дала свой кристалл! Разве она не вернётся?..

— Не знаю, девонька... Я не могу тебе сказать.

— Вот видишь!.. — тут же радостно воскликнула Стелла. — А говоришь —

всё знаешь! Зачем же тогда грустить? Я же говорила — здесь очень много непонятного! Вот и думай теперь!..

Она радостно подпрыгивала, но я чувствовала, что у неё в головке назойливо крутиться та же самая, как и у меня, единственная мысль...

— А ты, правда, не знаешь, как нам её найти? А может, ты знаешь, **кто** это знает?..

Фабий отрицательно покачал головой. Стелла поникла.

— Ну, что — пойдём? — я тихонько её подтолкнула, пытаясь показать, что уже пора.

Мне было одновременно радостно и очень грустно — на коротенькое мгновение я увидела настоящее **звёздное существо** и не удержала... и не сумела даже поговорить. А у меня в груди ласково трепетал и покалывал её удивительный фиолетовый кристалл, с которым я совершенно не знала, что делать... и не представляла, как его открыть. Маленькая, удивительная девочка со странными фиолетовыми глазами подарила нам чудесную мечту и улыбаясь ушла, оставив нам частичку своего мира и веру в то, что там далеко, за миллионами световых лет, всё-таки **есть жизнь, и что может быть когда-то увижу её и я...**

— А как ты думаешь, где она? — тихо спросила Стелла.

Видимо, удивительная «звёздная» малышка так же накрепко засела и у неё в сердечке, как и у меня, поселившись там навсегда... И я была почти что уверена, что Стелла не теряла надежду когда-нибудь её найти.

— А хочешь, покажу что-то? — видя моё расстроенное лицо, тут же поменяла тему моя верная подружка.

И... «вынесла» нас за пределы последнего «этажа»! Это очень ярко напомнило мне ту ночь, когда мои звёздные друзья приходили в последний раз — приходили прощаться... И вынесли меня за пределы земли, показывая что-то, что я бережно хранила в памяти, но пока ещё никак не могла понять...

Вот и теперь — мы парили в «нигде», в какой-то странной настоящей, ужасающей пустоте, которая не имела ничего общего с той тёплой и защищённой, нами так называемой — пустотой «этажей»... Огромный и бескрайний, дышащий вечностью и чуточку пугающий Космос простирал к нам свои объятия, как бы приглашая окунуться в ещё незнакомый, но так сильно всегда меня притягивавший, звёздный мир... Стелла поёжилась и побледнела. Видимо ей пока что было тяжеловато такую большую нагрузку переносить.

— Как же ты придумала такое? — в полном восторге от увиденного, удивлённо спросила я.

— О, это нечаянно, — вымученно улыбаясь, ответила девчушка. — Один раз я была очень взволнована, и, скорее всего, мои слишком сильно бушевавшие эмоции вынесли меня прямо туда... Но бабушка сказала, что мне ещё туда нельзя, что пока рано ещё... А вот тебе, думаю, можно. Ты мне расскажешь, что там найдёшь? Обещаешь?

Я готова была расцеловать эту милую, добрую девочку за её открытое сердечко, которое готово было поделиться всем без остатка, только бы людям рядом с ней было хорошо...

Мы почувствовали себя очень уставшими и, так или иначе, мне уже пора было возвращаться, потому что я пока ещё не знала всего предела своих возможностей, и предпочитала возвращаться до того, как станет по-настоящему плохо.

Тем же вечером у меня сильно поднялась температура. Бабушка ходила кругами, что-то чувствуя, и я решила, что будет самое время честно ей всё рассказать...

Грудь у меня странно пульсировала, и я чувствовала, будто кто-то издалека пытается что-то мне «объяснить», но я уже почти что ничего не понимала, так как жар всё поднимался и мама в панике решила вызывать скорую помощь, чтобы меня хоть как-то от всей этой непонятной температуры «защитить»... Вскоре у меня уже начался настоящий бред, и испугав всех до полусмерти... я вдруг перестала «гореть». Температура так же непонятно исчезла, как и поднялась. В доме висело настороженное ожидание, так как никто так и не понял, что же такое в очередной раз со мной стряслось. Расстроенная мама обвиняла бабушку, что она за мной недостаточно хорошо смотрела, а бабушка, как всегда молчала, принимая любую вину на себя...

На следующее утро со мной снова всё было в полном порядке, и домашние на какое-то время успокоились. Только бабушка не переставала внимательно за мной наблюдать, как будто чего-то ожидала. Ну и, конечно же, как уже стало обычным, ей не пришлось слишком долго ожидать...

31. Вэя — другие Миры

После весьма необычного «всплеска» температуры, который произошёл после возвращения домой с «этажей», несколько дней ничего особенного со мной не происходило. Я прекрасно себя чувствовала, если не считать того, что мысли о девочке с фиолетовыми глазами неотступно будоражили, и мой взвинченный мозг цеплялся за каждую, даже абсурдную мысль, ***как бы*** и ***где бы*** я могла бы её снова найти... Множество раз возвращаясь на Ментал, я пыталась отыскать ранее нами виденный, но, казалось, теперь уже навсегда потерявшийся Вэйин мир — всё было тщётно... Девочка исчезла, и я понятия не имела, где её искать...

Прошла неделя. Во дворе уже ударили первые морозы. Выходя на улицу, от холодного воздуха пока ещё непривычно захватывало дыхание, а от ярко слепящего зимнего солнышка слезились глаза. Робко припорошив пушистыми хлопьями голые ветви деревьев, выпал первый снег. А по утрам, раскрашивая окна причудливыми узорами, шаловливо гулял, поблёскивая застывшими голубыми лужицами, весёлый Дедушка Мороз. Потихоньку начиналась зима...

Я сидела дома, прислонившись к тёплой печке (дом у нас в то время ещё отапливался печами) и спокойно наслаждалась чтением очередной «новинки», как вдруг почувствовала уже привычное покалывание в груди, в том же месте, где находился фиолетовый кристалл. Я подняла голову — прямо на меня серьёзно смотрели огромные, раскосые фиолетовые глаза... Она спокойно стояла

посередине комнаты, такая же удивительно хрупкая и необычная, и протягивала мне в своей крошечной ладошке чудесный красный цветок. Первой моей панической мыслью было — быстрее закрыть дверь, чтобы не дай Бог, никто не вошёл!..

— Не надо, меня всё равно никто кроме тебя не видит, — спокойно сказала девчушка.

Её мысли звучали в моём мозгу очень непривычно, как будто кто-то не совсем правильно переводил *чужую* речь. Но, тем не менее, я её прекрасно понимала.

— Ты меня искала — зачем? — Внимательно глядя мне в глаза, спросила Вэя.

Её взгляд был тоже очень необычным — как будто вместе со взглядом она одновременно передавала образы, которых я никогда не видела, и значения которых пока, к сожалению, ещё не понимала.

— А так? — улыбнувшись, спросила «звёздная» малышка.

У меня в голове что-то «вспыхнуло»... и открылось умопомрачительное видение совершенно чужого, но необыкновенно красивого мира... Видимо, того, в котором она когда-то жила. Этот мир был чем-то похож на уже нами виденный (который она себе создавала на «этажах»), и всё же чем-то чуточку отличался, как если бы там я смотрела на рисованную картину, а сейчас вдруг увидела эту картину **наяву**...

Над изумрудно-зелёной очень «сочной» землёй, освещая всё вокруг непривычным голубоватым светом, весело поднималось потрясающе красивое и яркое, фиолетово-голубое солнце... Это наступало ***чужое,*** видимо, *инопланетное* утро... Вся буйно растущая здесь зелень от падающих на неё солнечных лучей сверкала золотисто-фиолетовыми бриллиантами «местной» утренней росы, и счастливо ими умываясь, готовилась к наступающему новому чудесному дню... Всё вокруг благоухало невероятно богатыми красками, слишком яркими для наших, привыкших ко всему «земному», глаз. Вдали, по покрытому золотистой дымкой небу клубились почти «плотные», нежно-розовые кудрявистые облака, похожие на красивые розовые подушки. Неожиданно, с противоположной стороны небо ярко вспыхнуло золотым... Я обернулась и от удивления застыла — с другой стороны царственно поднималось невероятно огромное, золотисто-розовое, **второе** солнце!.. Оно было намного больше первого и, казалось, было больше самой планеты... Но его лучи, в отличие от первого, почему-то светили несравнимо мягче и ласковее, напоминая тёплое «пушистое» объятие... Казалось, это огромное доброе светило уже устало от каждодневных забот, но всё ещё по привычке отдавало этой невероятно красивой планете своё последнее тепло, и уже «собираясь на покой», с удовольствием уступало место молодому, «кусачему» солнцу, которое ещё только-только начинало своё небесное путешествие и светило яро и весело, не боясь расплескать свой молодой жар, щедро заливая светом всё вокруг.

Удивлённо оглядываясь по сторонам, я вдруг заметила причудливое явление — у растений появилась **вторая** тень... И она почему-то очень резко кон-

трастировала с освещённой частью — как будто светотень была нарисована яркими, кричащими цветами, резко противоположными друг другу. В теневой части воздух мерцал яркими миниатюрными звёздочками, вспыхивающими от малейшего движения. Это было сумасшедше красиво... и необыкновенно интересно. Пробудившийся волшебный мир звучал тысячами незнакомых голосов, будто радостно оповещая о своём счастливом пробуждении всю вселенную. Я очень сильно, почти наяву почувствовала, насколько невероятно чистым был здесь воздух! Он благоухал, наполненный удивительно приятными, незнакомыми запахами, которые чем-то неуловимо напоминали запахи роз, если бы их было здесь тысяча разных сортов одновременно. Повсюду, сколько охватывал глаз, алели те же самые ярко-красные, огромные «маки»... И тут только я вспомнила, что Вэя принесла мне такой же цветок! Я протянула к ней руку — цветок плавно перетёк с её хрупкой ладошки на мою ладонь, и вдруг, в моей груди что-то сильно «щёлкнуло»... Я с удивлением увидела, как миллионами невиданных фантастических оттенков на моей груди раскрылся и засверкал изумительный кристалл... Он всё время пульсировал и менялся, как бы показывая, каким ещё он может быть. Я застыла в шоке, полностью загипнотизированная открывшимся зрелищем и не могла отвести глаз от всё время по-новому открывающейся красоты...

— Ну вот, — довольно произнесла Вэя, — теперь ты сможешь это смотреть когда захочешь!

— А почему этот кристалл у меня **на груди**, если ты поставила его **в лоб**? — наконец-то я решилась задать мучивший меня несколько дней вопрос.

Девочка очень удивилась и чуть подумав, ответила:

— Я не знаю, почему ты спрашиваешь, тебе ведь известен ответ. Но если тебе хочется услышать его от меня — пожалуйста: я тебе просто дала его через твой мозг, но открыть его надо там, где должно быть **его настоящее место**.

— А откуда же мне было знать? — удивилась я.

Фиолетовые глаза очень внимательно несколько секунд меня изучали, а потом прозвучал неожиданный ответ:

— Я так и думала — ты ещё спишь... Но я не могу тебя разбудить — тебя разбудят другие. И это будет не сейчас.

— А когда? И кто будут эти — другие?..

— Твои друзья... Но ты не знаешь их сейчас.

— А как же я буду знать, что они друзья, и что это именно **они**? — озадаченно спросила я.

— Ты вспомнишь, — улыбнулась Вэя.

— Вспомню?! Как же я могу вспомнить то, чего ещё нет?.. — ошарашено уставилась на неё я.

— Оно есть, только не здесь.

У неё была очень тёплая улыбка, которая её необыкновенно красила. Казалось, будто майское солнышко выглянуло из-за тучки и осветило всё вокруг.

— А ты здесь совсем одна, на Земле? — Никак не могла поверить я.

— Конечно же — нет. Нас много, только разных. И мы живём здесь очень

давно, если ты это хотела спросить.

— А что вы здесь делаете? И почему вы сюда пришли? — Не могла остановиться я.

— Мы помогаем, когда это нужно. А откуда пришли — я не помню, я там не была. Только смотрела, как ты сейчас... Это мой дом.

Девчушка вдруг стала очень печальной. И мне захотелось хоть как-то ей помочь, но к моему большому сожалению, пока это было ещё не в моих маленьких силах...

— Тебе очень хочется домой, правда же? — Осторожно спросила я.

Вэя кивнула. Вдруг её хрупкая фигурка ярко вспыхнула... и я осталась одна — «звёздная» девочка исчезла. Это было очень и очень нечестно!.. Она не могла так просто взять и уйти!!! Такого никак не должно было произойти!.. Во мне бушевала самая настоящая обида ребёнка, у которого вдруг отняли самую любимую игрушку... Но Вэя не была игрушкой и, если честно, то я должна была быть ей благодарна уже за то, что она вообще ко мне пришла. Но в моей «исстрадавшейся» душе в тот момент крушил оставшиеся крупицы логики настоящий «эмоциональный шторм», а в голове царил полный сумбур... Поэтому ни о каком «логическом» мышлении в данный момент речи идти не могло, и я, «убитая горем» своей страшной потери, полностью «окунулась» в океан «чёрного отчаяния», думая, что моя «звёздная» гостья больше уже никогда ко мне не вернётся... Мне о скольком ещё хотелось её спросить! А она так неожиданно взяла и исчезла...

И тут вдруг мне стало очень стыдно... Если бы все желающие спрашивали её столько же, сколько хотела спросить я, у неё, чего доброго, не оставалось бы времени жить!.. Эта мысль как-то сразу меня успокоила. Надо было просто с благодарностью принимать всё то чудесное, что она успела мне показать (даже если я ещё и не всё поняла), а не роптать на судьбу за недостаточность желаемого «готовенького», вместо того, чтобы просто пошевелить своими обленившимися «извилинами» и самой найти ответы на мучившие меня вопросы. Я вспомнила бабушку Стеллы и подумала, что она была абсолютно права, говоря о **вреде получения чего-то даром**, потому что ничего не может быть хуже, чем **привыкший всё время <u>только брать</u>** человек. К тому же, сколько бы он ни брал, он никогда не получит **радости того, что он <u>сам</u> чего-то достиг**, и никогда не испытает чувства неповторимого удовлетворения от того, что **<u>сам</u> что-либо создал**.

Я ещё долго сидела одна, медленно «пережёвывая» данную мне пищу для размышлений, с благодарностью думая об удивительной фиолетовоглазой «звёздной» девчушке. И улыбалась, зная, что теперь уже точно ни за что не остановлюсь, пока не узнаю, что же это за друзья, которых я не знаю, и от какого такого сна они должны меня разбудить... Тогда я не могла ещё даже представить, что, как бы я ни старалась, и как бы упорно не пробовала, это произойдёт только лишь через много, много лет, и меня правда **разбудят** мои «друзья»... Только это будет совсем не то, о чём я могла когда-либо даже предположить...

Но тогда всё казалось мне по-детски возможным, и я со всем своим несго-

рающим пылом и «железным» упорством решила пробовать...

Как бы мне ни хотелось прислушаться к разумному голосу логики, мой непослушный мозг верил, что, несмотря на то, что Вэя, видимо, совершенно точно **знала**, о чём говорила, я всё же добьюсь своего, и найду раньше, чем мне было обещано, тех людей (или существ), которые должны были мне помочь избавиться от какой-то там моей непонятной «медвежьей спячки». Сперва я решила опять попробовать выйти за пределы Земли и посмотреть, кто там ко мне придёт... Ничего глупее, естественно, невозможно было придумать, но так как я упорно верила, что чего-то всё-таки добьюсь — приходилось снова с головой окунаться в новые, возможно даже очень опасные «эксперименты»...

Моя добрая Стелла в то время почему-то «гулять» почти перестала и непонятно почему, «хандрила» в своём красочном мире, не желая открыть мне настоящую причину своей грусти. Но мне всё-таки как-то удалось уговорить её на этот раз пойти со мной «прогуляться», заинтересовав опасностью планируемого мною приключения, и ещё тем, что одна я всё же ещё чуточку боялась пробовать такие, «далеко идущие», эксперименты.

Я предупредила бабушку, что иду пробовать что-то «**очень серьёзное**», на что она лишь спокойно кивнула головой и пожелала удачи (!)... Конечно же, это меня «до косточек» возмутило, но решив не показывать ей своей обиды, и надувшись, как рождественский индюк, я поклялась себе, что, чего бы мне это не стоило, а сегодня что-то да произойдёт!... Ну и, конечно же, оно произошло... только не совсем то, чего я ожидала.

Стелла уже ждала меня, готовая на «самые страшные подвиги», и мы дружно и собранно устремились «за предел»...

На этот раз у меня получилось намного проще, может быть потому, что это был уже не первый раз, а может ещё и потому, что был «открыт» тот же самый фиолетовый кристалл... Меня пулей вынесло за предел ментального уровня Земли, и вот тут-то я поняла, что чуточку перестаралась... Стелла, по общему договору, ждала на «рубеже», чтобы меня подстраховать, если увидит, что что-то пошло не так... Но «не так» пошло уже с самого начала, и там, где я в данный момент находилась, она, к моему великому сожалению, уже не могла меня достать.

Вокруг холодом ночи дышал чёрный, зловещий космос, о котором я мечтала столько лет, и который пугал теперь своей дикой, неповторимой тишиной... Я была совсем одна, без надёжной защиты своих «звёздных друзей», и без тёплой поддержки своей верной подружки Стеллы... И, несмотря на то, что я видела всё это уже не в первый раз, я вдруг почувствовала себя совсем маленькой и одинокой в этом незнакомом, окружающем меня мире далёких звёзд, которые здесь выглядели совсем не такими же дружелюбными и знакомыми, как с Земли, и меня понемногу стала предательски охватывать подленькая, трусливо пищащая от неприкрытого ужаса, паника... Но так как человечком я всё ещё была весьма и весьма упёртым, то решила, что нечего раскисать, и начала осматриваться, куда же это всё-таки меня занесло...

Я висела в чёрной, почти физически ощутимой **пустоте**, а вокруг лишь

иногда мелькали какие-то «падающие звёзды», оставляя на миг ослепительные хвосты. И тут же вроде бы совсем рядом мерцала голубым сиянием такая родная и знакомая Земля. Но она, к моему великому сожалению, только казалась близкой, а на самом деле была очень и очень далеко... И мне вдруг дико захотелось обратно!!! Уже не хотелось больше «геройски преодолевать» незнакомые препятствия, а просто очень захотелось вернуться домой, где всё было таким родным и привычным (к тёплым бабушкиным пирогам и любимым книгам!), а не висеть замороженной в каком то чёрном, холодном «безмирье», не зная, как из всего этого выбраться, да притом, желательно без каких-либо «ужасающих и непоправимых» последствий... Я попробовала представить единственное, что первое пришло в голову — фиолетовоглазую девочку Вэю. Почему-то не срабатывало — она не появлялась. Тогда попыталась развернуть её кристалл... И тут же всё вокруг засверкало, засияло и закружилось в бешеном водовороте каких-то невиданных материй, я почувствовала будто меня резко, как большим пылесосом, куда-то втянуло, и тут же передо мной «развернулся» во всей красе уже знакомый, загадочный и прекрасный Вэйин мир... Как я слишком поздно поняла — ключом в который и являлся мой *открытый* фиолетовый кристалл...

Я не знала, как далеко был этот незнакомый мир... Был ли он на этот раз **реальным**? И уж совершенно не знала, как из него вернуться домой... И не было никого вокруг, у кого я могла бы хоть что-либо спросить...

Передо мной простиралась дивная изумрудная долина, залитая очень ярким, золотисто-фиолетовым светом. По *чужому* розоватому небу, искрясь и сверкая, медленно плыли золотистые, облака, почти закрывая одно из солнц. Вдалеке виднелись очень высокие, остроконечные, блестящие тяжёлым золотом, *чужие* горы... А прямо у моих ног почти по земному журчал маленький, весёлый ручеек, только вода в нём была совсем не земная — «густая» и фиолетовая, и ни чуточки не прозрачная... Я осторожно окунула руку — ощущение было потрясающим и очень неожиданным — будто коснулась мягкого плюшевого мишки... Тёплое и приятное, но уж никак не «свежее и влажное», как мы привыкли ощущать на Земле. Я даже усомнилась, было ли это тем, что на Земле называлось — «вода»?..

Дальше «плюшевый» ручеёк убегал прямо в зелёный туннель, который образовывали, сплетаясь между собой, «пушистые» и прозрачные, серебристо-зелёные «лианы», тысячами висевшие над фиолетовой «водой». Они «вязали» над ней причудливый рисунок, который украшали малюсенькие «звёздочки» белых, сильно пахнувших, невиданных цветов.

Да, этот мир был необычайно красив... Но в тот момент я бы многое отдала, чтобы оказаться в ***своём***, может и не таком красивом, но зато таком знакомом и родном **земном** мире!.. Мне впервые было так страшно, и я не боялась себе честно это признать... Я была совершенно одна, и некому было дружески посоветовать, что же делать дальше. Поэтому, не имея другого выбора, и как-то собрав всю свою «дрожавшую» волю в кулак, я решилась двинуться **куда-нибудь дальше,** чтобы только не стоять на месте и не ждать, когда что-то жуткое (хотя и в таком красивом мире!) произойдёт.

— Как ты сюда попала? — послышался, в моём измученном страхом мозгу, ласковый голосок.

Я резко обернулась... и опять столкнулась с прекрасными фиолетовыми глазами — позади меня стояла Вэя...

— Ой, неужели это ты?!!.. — от неожиданного счастья чуть ли не завизжала я.

— Я видела, что ты развернула кристалл, я пришла помочь, — совершенно спокойно ответила девочка.

Только её большие глаза опять очень внимательно всматривались в моё перепуганное лицо, и в них теплилось глубокое, «взрослое» понимание.

— Ты должна верить мне, — тихо прошептала «звёздная» девочка.

И мне очень захотелось ей сказать, что, **конечно же — я верю**!.. И что это просто мой дурной характер, который всю жизнь заставляет меня «биться головой об стенку» и этими же собственноручно набитыми шишками постигать окружающий мир... Но Вэя видимо всё прекрасно поняла и, улыбнувшись своей удивительной улыбкой, приветливо сказала:

— Хочешь, покажу тебе свой мир, раз ты уже здесь?..

Я только радостно закивала головой, уже снова полностью воспрянув духом и готовая на любые «подвиги», только лишь потому, что я уже была **не одна**, и этого было достаточно, чтобы всё плохое мгновенно забылось, и мир опять казался увлекательным и прекрасным.

— Но ты ведь говорила, что никогда здесь не была? — расхрабрившись, спросила я.

— А я и сейчас не здесь, — спокойно ответила девочка. — С тобой моя сущность, но моё тело никогда не жило там. Я никогда не знала свой настоящий дом... — её огромные глаза наполнились глубокой, совсем недетской печалью.

— А можно тебя спросить — сколько тебе лет?.. Конечно, если не хочешь — не отвечай, — чуть смутившись, спросила я.

— По земному исчислению, наверное, это будет около двух миллионов лет, — задумчиво ответила «малышка».

У меня от этого ответа ноги почему-то вдруг стали абсолютно ватными... Этого просто не могло быть!.. Никакое существо не в состоянии жить так долго! Или, смотря ***какое существо***?..

— А почему же тогда ты выглядишь такой маленькой?! У нас такими бывают только дети... Но ты это знаешь, конечно же.

— Такой я себя помню. И чувствую — это **правильно**. Значит так и должно быть. У нас живут очень долго. Я, наверное, и есть маленькая...

У меня от всех этих новостей закружилась голова... Но Вея, как обычно, была удивительно спокойна, и это придало мне сил спрашивать дальше.

— А кто же у вас зовётся ***взрослым***?.. Если такие есть, конечно же.

— Ну, разумеется! — искренне рассмеялась девочка. — Хочешь увидеть?

Я только кивнула, так как у меня вдруг с перепугу полностью перехватило горло, и куда-то потерялся мой «трепыхавшийся» разговорный дар... Я прекрасно понимала, что *вот прямо сейчас увижу настоящее «звёздное» суще-*

ство!.. И, несмотря на то, что, сколько я себя помнила, я всю свою сознательную жизнь этого ждала, теперь вдруг вся моя храбрость почему-то быстренько «ушла в пятки»...

Вея махнула ладошкой — местность изменилась. Вместо золотых гор и ручья, мы оказались в дивном, *движущемся*, прозрачном «городе» (во всяком случае, это было похоже на город). А прямо к нам по широкой, мокро-блестящей серебром «дороге» медленно шёл потрясающий человек... Это был высокий гордый старец, которого нельзя было по-другому назвать, кроме как — **величественный**!.. Всё в нём было каким-то очень **правильным** и **мудрым** — и чистые, как хрусталь, мысли (которые я почему-то очень чётко слышала); и длинные, покрывающие его мерцающим плащом, серебристые волосы; и те же удивительно добрые, огромные фиолетовые «Вэины» глаза... И на его высоком лбу сиявшая, дивно сверкающая золотом, бриллиантовая «звезда».

— Покоя тебе, Отец, — коснувшись пальчиками своего лба, тихо произнесла Вея.

— И тебе, *ушедшая,* — печально ответил старец.

От него веяло бесконечным добром и лаской. И мне вдруг очень захотелось, как маленькому ребёнку, уткнуться ему в колени и спрятаться от всего хотя бы на несколько секунд, вдыхая исходящий от него глубокий покой и не думать о том, что мне страшно... что я не знаю, где мой дом... и, что я вообще не знаю — где я, и что со мной в данный момент по-настоящему происходит...

— Кто ты, создание?.. — мысленно услышала я его ласковый голос.

— Я человек, — ответила я. — Простите, что потревожила ваш покой. Меня зовут Светлана.

Старец тепло и внимательно смотрел на меня своими мудрыми глазами, и в них почему-то светилось одобрение.

— Ты хотела увидеть Мудрого — ты его видишь, — тихо произнесла Вея. — Ты хочешь что-то спросить?

— Скажите пожалуйста, в вашем чудесном мире существует зло? — хотя и стыдясь своего вопроса, всё же решилась спросить я.

— Что ты называешь «злом», Человек-Светлана? — спросил мудрец.

— Ложь, убийство, предательство... Разве нет у вас таких слов?..

— Это было давно... уже никто не помнит. Только я. Но мы **знаем**, что это **было.** Это заложено в нашу «древнюю память», чтобы никогда не забыть. Ты пришла оттуда, где живёт зло?

Я грустно кивнула. Мне было очень обидно за свою родную Землю и за то, что жизнь на ней была так дико несовершенна, что заставляла спрашивать подобные вопросы... Но в то же время, мне очень хотелось, чтобы **Зло ушло из нашего Дома навсегда,** потому что я этот дом всем своим сердцем любила и очень часто мечтала о том, что когда-нибудь всё-таки придёт такой чудесный день, когда:

- человек будет с радостью улыбаться, зная, что люди могут принести ему только добро...
- когда одинокой девушке не страшно будет вечером проходить самую тём-

ную улицу, не боясь, что кто-то её обидит...

- когда можно будет с радостью открыть своё сердце, не боясь, что предаст самый лучший друг...
- когда можно будет оставить что-то очень дорогое прямо на улице, не боясь, что стоит тебе отвернуться — и это сразу же украдут...

И я искренне, всем сердцем верила, что где-то и вправду существует такой чудесный мир, где нет зла и страха, а есть **простая радость жизни и красоты**... Именно поэтому, следуя своей наивной мечте, я и пользовалась малейшей возможностью, чтобы хоть что-то узнать о том, как же возможно уничтожить это же самое, такое живучее и такое неистребимое, наше земное Зло... И ещё — чтобы уже никогда не было стыдно кому-то где-то сказать, что я — Человек...

Конечно же, это были наивные детские мечты... Но ведь и я тогда была ещё всего лишь ребёнком.

— Меня зовут Атис, Человек-Светлана. Я живу здесь с самого начала, я видел Зло... Много зла...

— А как же вы от него избавились, мудрый Атис?! Вам кто-то помог?.. — с надеждой спросила я. — Можете ли вы помочь нам?.. Дать хотя бы совет?

— Мы нашли **причину**... И убили её. Но ваше зло неподвластно нам. Оно другое... Так же, как другие и вы. И **не всегда чужое добро может оказаться добром для вас**. Вы должны найти **сами свою причину**. И уничтожить её, — он мягко положил руку мне на голову и в меня заструился чудесный покой... — Прощай, Человек-Светлана... Ты ***найдёшь*** ответ на свой вопрос. Покоя тебе...

Я стояла глубоко задумавшись, и не обратила внимания, что реальность меня окружавшая, уже давно изменилась, и вместо странного, прозрачного города мы теперь «плыли» по плотной фиолетовой «воде» на каком-то необычном, плоском и прозрачном приспособлении, у которого не было ни ручек, ни вёсел — вообще ничего, как если бы мы стояли на большом, тонком, движущемся прозрачном стекле. Хотя никакого движения или качки совершенно не чувствовалось. Оно скользило по поверхности на удивление плавно и спокойно, заставляя забыть, что двигалось вообще...

— Что это?.. Куда мы плывём? — удивлённо спросила я.

— Забрать твою маленькую подружку, — спокойно ответила Вэя.

— Но — как?!. Она ведь не сможет?..

— Сможет. У неё такой же кристалл, как у тебя, — был ответ. — Мы её встретим у «моста», — и ничего более не объяснив, она вскоре остановила нашу странную «лодку».

Теперь мы уже находились у подножья какой-то блестящей «отполированной» чёрной, как ночь стены, которая резко отличалась от всего светлого и сверкающего вокруг, и казалась искусственно созданной и чужеродной. Неожиданно стена «расступилась», как будто в том месте состояла из плотного тумана, и в золотистом «коконе» появилась... Стелла. Свеженькая и здоровенькая, будто только что вышла на приятную прогулку... И, конечно же — дико довольная происходящим... Увидев меня, её милая мордашка счастливо засияла

и по-привычке она сразу же затараторила:

— А ты тоже здесь?!. Ой, как хорошо!!! А я так волновалась!.. Так волновалась!.. Я думала, с тобой обязательно что-то случилось. А как же ты сюда попала?.. — ошарашено уставилась на меня малышка.

— Думаю, так же, как и ты, — улыбнулась я.

— А я, как увидела, что тебя унесло, сразу попробовала тебя догнать! Но я пробовала, пробовала и ничего не получалось... пока вот не пришла она. — Стелла показала ручкой на Вэю. — Я тебе очень за это благодарна, девочка Вэя! — по своей забавной привычке обращаться сразу к двоим, мило поблагодарила она.

— Этой «девочке» два миллиона лет... — прошептала своей подружке на ушко я.

Стеллины глаза округлились от неожиданности, а сама она так и осталась стоять в тихом столбняке, медленно переваривая ошеломляющую новость...

— Ка-а-ак — два миллиона?.. А что же она такая маленькая?.. — выдохнула обалдевшая Стелла.

— Да вот она говорит, что у них долго живут... Может и твоя сущность оттуда же? — пошутила я. Но Стелле моя шутка, видимо, совсем не понравилась, потому что она тут же возмутилась:

— Как же ты можешь?!.. Я ведь такая же, как ты! Я же совсем не «фиолетовая»!..

Мне стало смешно и чуточку совестно — малышка была настоящим патриотом...

Как только Стелла здесь появилась, я сразу же почувствовала себя счастливой и сильной. Видимо наши общие, иногда опасные «этажные прогулки» положительно сказывались на моём настроении, и это сразу же ставило всё на свои места.

Стелла в восторге озиралась по сторонам, и было видно, что ей не терпится завалить нашего «гида» тысячей вопросов. Но малышка геройски сдерживалась, стараясь казаться более серьёзной и взрослой, чем она на самом деле была...

— Скажи пожалуйста, девочка Вэя, а куда нам можно пойти? — очень вежливо спросила Стелла. По всей видимости, она так и не смогла «уложить» в своей головке мысль о том, что Вэя **может** быть такой «старой»...

— Куда желаете, раз уж вы здесь, — спокойно ответила «звёздная» девочка.

Мы огляделись вокруг — нас тянуло во все стороны сразу!.. Было невероятно интересно и хотелось посмотреть всё, но мы прекрасно понимали, что не можем находиться здесь вечно. Поэтому видя, как Стелла ёрзает на месте от нетерпения, я предложила ей выбирать, куда бы нам пойти.

— Ой, пожалуйста, а можно нам посмотреть, какая у вас здесь «живность»? — неожиданно для меня спросила Стелла.

Конечно же, я бы хотела посмотреть что-то другое, но деваться было некуда — сама предложила ей выбирать...

Мы очутились в подобии очень яркого, бушующего красками леса. Это было совершенно потрясающе!.. Но я вдруг почему-то подумала, что долго я в

таком лесу оставаться не пожелала бы... Он был, опять же, слишком красивым и ярким, немного давящим, совсем не таким, как наш успокаивающий и свежий, зелёный и светлый земной лес.

Наверное, это правда, что каждый должен находиться там, чему он по-настоящему **принадлежит**. И я тут же подумала о нашей милой «звёздной» малышке... Как же ей должно было не хватать своего дома и своей родной и знакомой среды!.. Только теперь я смогла хотя бы чуточку понять, как одиноко ей должно было быть на нашей несовершенной и временами опасной Земле...

— Скажи, пожалуйста, Вэя, а почему Атис назвал тебя *ушедшей*? — наконец-то спросила назойливо кружившийся в голове вопрос я.

— О, это потому, что когда-то очень давно моя семья добровольно ушла помогать другим существам, которым нужна была наша помощь. Это у нас происходит часто. А *ушедшие* уже не возвращаются в свой дом никогда... Это право свободного выбора, поэтому они знают, на что идут. Вот потому Атис меня и пожалел...

— А кто же уходит, если нельзя вернуться обратно? — удивилась Стелла.

— Очень многие... Иногда даже больше чем нужно, — погрустнела Вэя. — Однажды наши «мудрые» даже испугались, что у нас недостаточно останется ви**и**лисов, чтобы нормально обживать нашу планету...

— А что такое — ви**и**лис? — заинтересовалась Стелла.

— Это мы. Так же, как вы — люди, мы — ви**и**лисы. А наша планета зовётся — Ви**и**лис. — ответила Вэя.

И тут только я вдруг поняла, что мы почему-то даже не додумались спросить об этом раньше!.. А ведь это первое, о чём мы должны были спросить!

— А вы менялись или были такими всегда? — опять спросила я.

— Менялись, но только внутри, если ты это имела в виду, — ответила Вэя.

Над нашими головами пролетела огромная, сумасшедше яркая, разноцветная птица... На её голове сверкала корона из блестящих оранжевых «перьев», а крылья были длинные и пушистые, как будто она носила на себе разноцветное облако. Птица села на камень и очень серьёзно уставилась в нашу сторону...

— А что это она нас так внимательно рассматривает? — поёжившись, спросила Стелла, и мне показалось, что у неё в голове сидел другой вопрос — «обедала ли уже эта «птичка» сегодня?»...

Птица осторожно прыгнула ближе. Стелла пискнула и отскочила. Птица сделала ещё шаг... Она была раза в три крупнее Стеллы, но не казалась агрессивной, а скорее уж любопытной.

— Я что, ей понравилась, что ли? — надула губки Стелла. — Почему она не идёт к вам? Что она от меня хочет?..

Было смешно наблюдать, как малышка еле сдерживается, чтобы не пуститься пулей отсюда подальше. Видимо, красивая птица не вызывала у неё особых симпатий...

Вдруг птица развернула крылья и от них пошло слепящее сияние. Медленно-медленно над крыльями начал клубиться туман, похожий на тот, который

развевался над Вэйей, когда мы увидели её первый раз. Туман всё больше клубился и сгущался, становясь похожим на плотный занавес, а из этого занавеса на нас смотрели огромные, почти человеческие глаза...

— Ой, она что — в кого-то превращается?!.. — взвизгнула Стелла. — Смотрите, смотрите!..

Смотреть и правда было на что, так как «птица» вдруг стала «деформироваться», превращаясь то ли в зверя, с человеческими глазами, то ли в человека, со звериным телом...

— Что-о это? — удивлённо выпучила свои карие глазки моя подружка. — Что это с ней происходит?..

А «птица» уже выскользнула из своих крыльев, и перед нами стояло очень необычное существо. Оно было похоже на полуптицу-получеловека, с крупным клювом и треугольным человеческим лицом, очень гибким, как у гепарда, телом и хищными, дикими движениями... Она была очень красивой и, в то же время, очень страшной.

— Это Миард. — представила существо Вэя. — Если хотите, он покажет вам «живность», как вы говорите.

У существа, по имени Миард, снова начали появляться сказочные крылья. И он ими приглашающе махнул в нашу сторону.

— А почему именно он? Разве ты очень занята, «звёздная» Вэя?

У Стеллы было очень несчастное лицо, потому что она явно боялась это странное «красивое страшилище», но признаться в этом ей, по-видимому, не хватало духу. Думаю, она скорее бы пошла с ним, чем смогла бы признаться, что ей было просто-напросто страшно... Вэя, явно прочитав Стеллины мысли, тут же успокоила:

— Он очень ласковый и добрый, он понравится вам. Вы ведь хотели посмотреть живое, а именно он и знает это лучше всех.

Миард осторожно приблизился, как будто чувствуя, что Стелла его боится... А мне на этот раз почему-то совершенно не было страшно, скорее наоборот — он меня дико заинтересовал.

Он подошёл вплотную к Стелле, в тот момент уже почти пищавшей внутри от ужаса, и осторожно коснулся её щеки своим мягким, пушистым крылом... Над рыжей Стеллиной головкой заклубился фиолетовый туман.

— Ой, смотри — у меня так же, как у Вэйи!.. — восторженно воскликнула удивлённая малышка. — А как же это получилось?.. О-о-ой, как красиво!.. — это уже относилось к появившейся перед нашим взором новой местности с совершенно невероятными животными.

Мы стояли на холмистом берегу широкой, зеркальной реки, вода в которой была странно «застывшей» и, казалось, по ней можно было спокойно ходить — она совершенно не двигалась. Над речной поверхностью, как нежный прозрачный дымок, клубился искрящийся туман.

Как я наконец-то догадалась, этот «туман, который мы здесь видели повсюду, каким-то образом усиливал любые действия живущих здесь существ: открывал для них яркость видения, служил надёжным средством телепорта-

ции, вообще — помогал во всём, чем бы в тот момент эти существа не занимались. И думаю, что использовался для чего-то ещё, намного, намного большего, чего мы пока ещё не могли понять...

Река извивалась красивой широкой «змеёй» и плавно уходя вдаль, пропадала где-то между сочно-зелёными холмами. А по обоим её берегам гуляли, лежали и летали удивительные звери... Это было настолько красиво, что мы буквально застыли, поражённые этим потрясающим зрелищем...

Животные были очень похожи на невиданных царственных драконов, очень ярких и гордых, как будто знающих, насколько они были красивыми... Их длиннющие, изогнутые шеи сверкали оранжевым золотом, а на головах красными зубцами алели шипастые короны. Царские звери двигались медленно и величественно, при каждом движении блистая своими чешуйчатыми, перламутрово-голубыми телами, которые буквально вспыхивали пламенем, попадая под золотисто-голубые солнечные лучи.

— Красоти-и-и-ще!!! — в восторге еле выдохнула Стелла. — А они очень опасные?

— Здесь не живут опасные, у нас их уже давно нет. Я уже не помню, как давно... — прозвучал ответ, и тут только мы заметили, что Вэйи с нами нет, а обращается к нам Миард...

Стелла испуганно огляделась, видимо, не чувствуя себя слишком комфортно с нашим новым знакомым...

— Значит, опасности у вас вообще нет? — удивилась я.

— Только внешняя, — прозвучал ответ. — Если нападут.

— А такое тоже бывает?

— Последний раз это было ещё до меня, — серьёзно ответил Миард.

Его голос звучал у нас в мозгу мягко и глубоко, как бархат, и было очень непривычно думать, что это общается с нами на нашем же «языке» такое странное получеловеческое существо... Но мы, наверное, уже слишком привыкли к разным-преразным чудесам, потому что уже через минуту свободно с ним общались, полностью забыв, что это не человек.

— И что — у вас никогда не бывает никаких-никаких неприятностей?!. — недоверчиво покачала головкой малышка. — Но тогда вам ведь совсем неинтересно здесь жить!..

В ней говорила настоящая, неугасающая Земная «тяга к приключениям». И я её прекрасно понимала. Но вот Миарду, думаю, было бы очень сложно это объяснить...

— Почему — неинтересно? — удивился наш «проводник» и вдруг, сам себя прервав, показал в верх. — Смотрите — Савии!!!

Мы взглянули на верх и остолбенели... В светло-розовом небе плавно парили сказочные существа!.. Они были совершенно прозрачны и, как и всё остальное на этой планете, невероятно красочны. Казалось, что по небу летели дивные, сверкающие цветы, только были они невероятно большими... И у каждого из них было другое, фантастически красивое, неземное лицо.

— О-ой... Смотри-и-те... Ох, диво како-о-е... — почему-то шёпотом произ-

несла совершенно ошалевшая Стелла.

По-моему я никогда не видела её настолько потрясённой. Но удивиться и, правда, было чему... Ни в какой, даже самой буйной фантазии невозможно было представить таких существ!.. Они были настолько воздушными, что казалось, их тела были сотканы из блистающего тумана... Огромные крылья-лепестки плавно колыхались, распыляя за собой сверкающую золотую пыль... Миард что-то странно «свистнул», и сказочные существа вдруг начали плавно спускаться, образуя над нами сплошной, вспыхивающий всеми цветами их сумасшедшей радуги, огромный «зонт»... Это было так красиво, что захватывало дух!..

Первой к нам «приземлилась» перламутрово-голубая, розовокрылая Савия, которая, сложив свои сверкающие крылья-лепестки в «букет», начала с огромным любопытством, но безо всякой боязни нас разглядывать... Невозможно было спокойно смотреть на её причудливую красоту, которая притягивала, как магнит и хотелось любоваться ею без конца...

— Не смотрите долго — Савии завораживают. Вам не захочется отсюда уходить. Их красота опасна, если не хотите себя потерять, — тихо сказал Миард.

— А как же ты говорил, что здесь ничего опасного нет? Значит это неправда? — тут же возмутилась Стелла.

— Но это же не ***та*** опасность, которую нужно бояться или с которой нужно воевать. Я думал, вы именно это имели в виду, когда спросили, — огорчился Миард.

— Да ладно! У нас, видимо, о многом понятия будут разными. Это нормально, правда ведь? — «Благородно» успокоила его малышка. — А можно с ними поговорить?

— Говорите, если сможете услышать. — Миард повернулся к спустившейся к нам чудо-Савии и что-то показал.

Дивное существо заулыбалось и подошло к нам ближе, остальные же его (или её?..) друзья всё также легко парили прямо над нами, сверкая и переливаясь в ярких солнечных лучах.

— Я Л**и**лис…лис...ис... — эхом прошелестел изумительный голос. Он был очень мягким и в то же время очень звонким (если можно соединить в одно такие противоположные понятия).

— Здравствуй, красивая Л**и**лис, — радостно приветствовала существо Стелла. — Я — Стелла. А вот она — Светлана. Мы — люди. А ты, мы знаем, Савия. Ты откуда прилетела? И что такое Савия? — вопросы опять сыпались градом, но я даже не попыталась её остановить, так как это было совершенно бесполезно... Стелла просто «хотела всё знать!». И всегда такой оставалась.

Лилис подошла к ней совсем близко и начала рассматривать Стеллу своими причудливыми, огромными глазами. Они были ярко малиновые, с золотыми крапинками внутри и сверкали, как драгоценные камни. Лицо этого чудо-существа выглядело удивительно нежным и хрупким, и имело форму лепестка нашей земной лилии. «Говорила» она, не раскрывая рта, в то же время, улыбаясь нам своими маленькими, круглыми губами... Но, наверное, самыми удивительными у них были волосы... Они были очень длинными, почти дости-

гали края прозрачного крыла, абсолютно невесомыми и, не имея постоянного цвета, всё время вспыхивали самыми разными и самыми неожиданными блестящими радугами... Прозрачные тела Савий были бесполы (как тело маленького земного ребёнка), и со спины переходили в «лепестки-крылья», что и вправду делало их похожими на огромные яркие цветы...

— Мы прилетели с гор-ор... — опять прозвучало странное эхо.

— А может ты нам быстрее расскажешь? — попросила Миарда нетерпеливая Стелла. — Кто они?

— Их привезли из другого мира когда-то. Их мир умирал, и мы хотели их спасти. Сперва думали — они смогут жить со всеми, но не смогли. Они живут очень высоко в горах, туда никто не может попасть. Но если долго смотреть им в глаза — они заберут с собой... И будешь жить с ними.

Стелла поёжилась и чуть отодвинулась от стоявшей рядом Лилис... — А что они делают, когда забирают?

— Ничего. Просто живут с теми, кого забирают. Наверно у них в мире было по-другому, а сейчас они делают это просто по-привычке. Но для нас они очень ценны — они «чистят» планету. Никто никогда не болел после того, как они пришли.

— Значит, вы их спасли **не потому**, что **жалели**, а потому, что они вам были **нужны**?!. А разве это хорошо — использовать? — я испугалась, что Миард обидится (как говорится — в чужую хату с сапогами не лезь...) и сильно толкнула Стеллу в бок, но она не обратила на меня никакого внимания и теперь уже повернулась к Савии. — А вам нравится здесь жить? Вы грустите по своей планете?

— Нет-ет... Здесь красиво-сиво-иво...— прошелестел тот же мягкий голос. — И хорошо-ошо...

Лилис неожиданно подняла один из своих сверкающих «лепестков» и нежно погладила Стеллу по щеке.

— Малыш-ка... Хорошая-шая-ая... Стелла-ла-а... — и у Стеллы над головой второй раз засверкал туман, но на этот раз он был разноцветным...

Л**и**лис плавно махнула прозрачными крыльями-лепестками и начала медленно подниматься, пока не присоединилась к своим. Савии заволновались и вдруг очень ярко вспыхнув, исчезли...

— А куда они делись? — удивилась малышка.

— Они ушли. Вот, посмотри... — и Миард показал на уже очень далеко в стороне гор плавно паривших в розовом небе, освещённых солнцем дивных существ. — Они пошли домой...

Неожиданно появилась Вэя...

— Вам пора, — грустно сказала «звёздная» девочка. — Вам нельзя так долго здесь находиться. Это тяжело.

— Ой, но мы же ещё ничего, ничего не успели увидеть! — огорчилась Стелла. — А мы можем ещё сюда вернуться, милая Вэя? Прощай добрый Миард! Ты хороший. Я к тебе обязательно вернусь! — как всегда, обращаясь ко всем сразу, попрощалась Стелла.

Вэя взмахнула ручкой, и мы снова закружились в бешенном водовороте сверкающих материй, через короткое (а может только казалось коротким?) мгновение «вышвырнувших» нас на наш привычный Ментальный «этаж»...

— Ох, как же там интересно!.. — в восторге запищала Стелла.

Казалось, она готова была переносить самые тяжёлые нагрузки, только бы ещё раз вернуться в так полюбившийся ей красочный Вэйин мир. Вдруг я подумала, что он и вправду должен был ей нравиться, так как был очень похож на её же собственный, который она любила себе создавать здесь, на «этажах»...

У меня же энтузиазма чуточку поубавилось, потому что я уже **увидела** для себя эту красивую планету, и теперь мне зверски хотелось что-нибудь ещё!.. Я почувствовала тот головокружительный «вкус неизвестного», и мне очень захотелось это повторить... Я уже знала, что этот «голод» отравит моё дальнейшее существование и, что мне всё время будет этого не хватать. Таким образом, желая в дальнейшем оставаться хоть чуточку счастливым человеком, я должна была найти какой-то способ, чтобы **«открыть» для себя *дверь* в другие миры**... Но тогда я ещё едва ли понимала, что **открыть** такую *дверь* не так-то просто... И, что пройдёт ещё много зим, пока я буду свободно «гулять», куда захочу и, что откроет для меня эту *дверь* кто-то другой... И этим другим будет мой удивительный муж.

— Ну и что будем дальше делать? — вырвала меня из моих мечтаний Стелла.

Она была расстроенной и грустной, что не удалось увидеть больше. Но я была очень рада, что она опять стала сама собой, и теперь я была совершенно уверена, что с этого дня она точно перестанет хандрить и будет снова готова к любым новым «приключениям».

— Ты меня прости, пожалуйста, но я, наверное, уже сегодня ничего больше делать не буду... — извиняясь, сказала я. — Но спасибо тебе большое, что помогла.

Стелла засияла. Она очень любила чувствовать себя **нужной**, поэтому я всегда старалась ей показать, как много она для меня значит (что было абсолютной правдой).

— Ну, ладно. Пойдём куда-нибудь в другой раз, — благодушно согласилась она.

Думаю, она, как и я, была чуточку измождённой, только, как всегда, старалась этого не показать. Я махнула ей рукой... и оказалась дома, на своей любимой софе, с кучей впечатлений, которые теперь спокойно нужно было осмыслить и медленно, не спеша «переварить»...

32. Родители

К моим десяти годам я очень сильно привязалась к своему отцу. Я его обожала всегда. Но, к сожалению, в мои первые детские годы он очень много разъезжал и дома бывал слишком редко. Каждый проведённый с ним в то время день для меня был праздником, который я потом долго вспоминала и по кру-

пиночкам собирала все сказанные папой слова, стараясь их сохранить в своей душе, как драгоценный подарок.

С малых лет у меня всегда складывалось впечатление, что папино внимание я должна заслужить**.** Не знаю, откуда это взялось и почему. Никто и никогда мне не мешал его видеть или с ним общаться. Наоборот, мама всегда старалась нам не мешать, если видела нас вдвоём. А папа всегда с удовольствием проводил со мной всё своё оставшееся от работы свободное время. Мы ходили с ним в лес, сажали клубнику в нашем саду, ходили на реку купаться или просто разговаривали, сидя под нашей любимой старой яблоней, что я любила делать почти больше всего. Папа был великолепным собеседником, и я готова была слушать его часами, если выпадала такая возможность... Наверное, просто его строгое отношение к жизни, расстановка жизненных ценностей, никогда не меняющаяся привычка ничего не получать просто так, всё это создавало для меня впечатление, что его я тоже должна **заслужить**...

Я очень хорошо помню, как ещё совсем маленьким ребёнком висла у него на шее, когда он возвращался из командировок домой, без конца повторяя, как я его люблю. А папа серьёзно смотрел на меня и отвечал: «Если ты меня любишь, ты не должна мне это говорить, но всегда должна показать…»

И именно эти его слова остались для меня неписанным законом на всю мою оставшуюся жизнь... Правда, наверное, не всегда у меня очень хорошо получалось «**показать**», но старалась я честно всегда.

Да и вообще, за всё то, кем я являюсь сейчас, я обязана своему отцу, который, ступенька за ступенькой, лепил моё будущее «Я», никогда не давая никаких поблажек, несмотря на то, сколь беззаветно и искренне он меня любил. В самые трудные годы моей жизни отец был моим «островом спокойствия», куда я могла в любое время вернуться, зная, что меня там всегда ждут.

Сам проживший весьма сложную и бурную жизнь, он хотел быть уверенным наверняка, что я смогу за себя постоять в любых неблагоприятных для меня обстоятельствах и не сломаюсь от каких бы то ни было жизненных передряг.

Вообще-то, могу от всего сердца сказать, что с родителями мне очень и очень повезло. Если бы они были бы чуточку другими, кто знает, где бы сейчас была я, и была ли бы вообще...

Думаю также, что судьба свела моих родителей не просто так. Потому что встретиться им было вроде бы абсолютно невозможно...

Мой папа родился в Сибири, в далёком городе Кургане. Сибирь не была изначальным местом жительства папиной семьи. Это явилось решением тогдашнего «*справедливого*» советского правительства и, как это было принято всегда, обсуждению не подлежало...

Так, мои настоящие дедушка и бабушка в одно прекрасное утро были грубо выпровожены из своего любимого и очень красивого огромного родового поместья, оторваны от своей привычной жизни и посажены в совершенно жуткий, грязный и холодный вагон, следующий по пугающему направлению — Сибирь…

Всё то, о чём я буду рассказывать далее, собрано мною по крупицам из

воспоминаний и писем нашей родни во Франции, Англии, а также, из рассказов и воспоминаний моих родных и близких в России и в Литве. К моему большому сожалению, я смогла это сделать уже только после папиной смерти, спустя много, много лет...

С ними была сослана также дедушкина сестра Александра Оболенская (позже — *Alexis Obolensky*), и добровольно поехавшие Василий и Анна Серёгины, которые последовали за дедушкой по собственному выбору, так как Василий Никандрович долгие годы был дедушкиным поверенным во всех его делах и одним из самых его близких друзей. Наверное, надо было быть **по-настоящему ДРУГОМ**, чтобы найти в себе силы сделать подобный выбор и поехать по собственному желанию туда, куда они поехали, как едут только на собственную смерть. И этой «смертью», к сожалению, тогда называлась Сибирь...

Мне всегда было очень грустно и больно за нашу такую гордую, но так безжалостно большевистскими сапогами растоптанную, красавицу Сибирь!.. Её точно так же, как и многое другое, «чёрные» силы превратили в проклятое людьми, пугающее «земное пекло»… И никакими словами не рассказать, сколько страданий, боли, жизней и слёз впитала в себя эта гордая, но до предела измученная земля... Не потому ли, что когда-то она была сердцем нашей прародины, «дальновидные революционеры» решили очернить и погубить эту землю, выбрав ***именно её*** *для своих дьявольских целей?.. Ведь для очень многих людей, даже спустя много лет, Сибирь всё ещё оставалась «проклятой» землёй, где погиб чей-то отец, чей-то брат, чей-то сын… или может быть даже вся чья-то семья.*

Моя бабушка, которую я, к моему большому огорчению, никогда не знала, в то время была беременна папой и дорогу переносила очень тяжело. Но, конечно же, помощи ждать ниоткуда не приходилось...

Так молодая княжна Елена, вместо тихого шелеста книг в семейной библиотеке или привычных звуков фортепиано, когда она играла свои любимые произведения, слушала на этот раз лишь зловещий стук колёс, которые как бы грозно отсчитывали оставшиеся часы её такой хрупкой и ставшей настоящим кошмаром жизни… Она сидела на каких-то мешках у грязного вагонного окна и неотрывно смотрела на уходящие всё дальше и дальше последние жалкие следы так хорошо ей знакомой и привычной «цивилизации»...

Дедушкиной сестре, Александре, с помощью друзей на одной из остановок удалось бежать. По общему согласию, она должна была добраться (если повезёт) до Франции, где на данный момент жила вся её семья. Правда, никто из присутствующих не представлял, каким образом она могла бы это сделать, но так как это была их **единственная**, хоть и маленькая, но наверняка последняя надежда, то отказаться от неё было слишком большой роскошью для их совершенно безвыходного положения. Во Франции в тот момент находился также и муж Александры — Дмитрий, с помощью которого они надеялись уже оттуда попытаться помочь дедушкиной семье выбраться из того кошмара, в который их так безжалостно швырнула жизнь подлыми руками озверевших людей...

По прибытию в Курган, их поселили в холодный подвал, ничего не объясняя и не отвечая ни на какие вопросы. Через два дня какие-то люди пришли за дедушкой и заявили, что якобы они пришли «эскортировать» его в другой «пункт назначения»... Его забрали, как преступника, не разрешив взять с собой никаких вещей и не изволив объяснить, куда и на сколько его везут. Больше дедушку не видел никто и никогда.

Спустя какое-то время, неизвестный военный принёс бабушке дедовы личные вещи в грязном мешке из-под угля... не объяснив ничего и не оставив никакой надежды увидеть его живым.

На этом любые сведения о дедушкиной судьбе прекратились, как будто он исчез с лица земли без всяких следов и доказательств...

Истерзанное, измученное сердце бедной княжны Елены не желало смириться с такой жуткой потерей, и она буквально засып**а**ла местного штабного офицера просьбами о выяснении обстоятельств гибели своего любимого Николая. Но «красные» офицеры были слепы и глухи к просьбам одинокой женщины, как они её звали — «из благородных», которая являлась для них всего лишь одной из тысяч и тысяч безымянных «номерных» единиц, ничего не значащих в их холодном и жестоком мире…

Это было настоящее пекло, из которого не было выхода назад в тот привычный и добрый мир, в котором остался её дом, её друзья и всё то, к чему она с малых лет была привычна и что так сильно и искренне любила... И не было никого, кто мог бы помочь или хотя бы дал малейшую надежду выжить.

Серёгины пытались сохранять присутствие духа за троих и старались любыми способами поднять настроение княжны Елены, но она всё глубже и глубже входила в почти полное оцепенение и иногда сидела целыми днями в безразлично-замороженном состоянии, почти не реагируя на попытки друзей спасти её сердце и ум от окончательной депрессии.

Были только две вещи, которые ненадолго возвращали её в реальный мир — если кто-то заводил разговор о её будущем ребёнке или, если приходили любые, хоть малейшие новые подробности о предполагаемой гибели её горячо любимого Николая. Она отчаянно желала узнать (пока ещё была жива), что же по-настоящему случилось, и где находился её муж или хотя бы где было похоронено (или брошено) его тело.

К сожалению, не осталось почти никакой информации о жизни этих двух мужественных и светлых людей, Елены и Николая де Роган-Гессе-Оболенских, но даже те несколько строчек из двух оставшихся писем Елены к её невестке Александре, которые каким-то образом сохранились в семейных архивах Александры во Франции, показывают, как глубоко и нежно любила своего пропавшего мужа княжна.

Сохранилось всего несколько рукописных листов, некоторые строчки которых, к сожалению, вообще невозможно разобрать. Но даже то, что удалось — кричит глубокой болью о большой человеческой беде, которую, не испытав, нелегко понять и невозможно принять.

12 апреля, 1927 года. Из письма княжны Елены к Александре (Alix)

Оболенской:

«Сегодня очень устала. Вернулась из Синячихи совершенно разбитой. Вагоны забиты людьми, даже везти скот в них было бы стыдно ……………………… Останавливались в лесу — там так вкусно пахло грибами и земляникой... Трудно поверить, что именно там убивали этих несчастных! Бедная Эллочка (имеется в виду великая княгиня Елизавета Фёдоровна, которая являлась роднёй моего дедушки по линии Гессе) *была убита здесь рядом, в этой жуткой Староселимской шахте… какой ужас! Моя душа не может принять такое. Помнишь, мы говорили: «пусть земля будет пухом»?.. Великий Боже, как же может быть пухом такая земля?!.*

О, Alix, моя милая Alix! Как же можно свыкнуться с таким ужасом? .... я так устала просить и унижаться… Всё будет совершенно бесполезно, если ЧК не согласится послать запрос в Алапаевск .... Я никогда не узнаю где его искать, и никогда не узнаю, что они с ним сотворили. Не проходит и часа, чтобы я не думала о таком родном для меня лице... Какой это ужас представлять, что он лежит в какой-то заброшенной яме или на дне рудника!.. Как можно вынести этот каждодневный кошмар, зная, что уже не увижу его никогда?!. Так же, как никогда не увидит мой бедный Василёк (имя, которое было дано при рождении моему папе)*... Где же предел жестокости? И почему они называют себя людьми?..*

Милая, добрая моя Alix, как же мне тебя не хватает!.. Хоть бы знать, что с тобою всё в порядке, и что дорогой твоей душе Дмитрий не покидает тебя в эти трудные минут .... Если б у меня оставалась хоть капелька надежды найти моего родного Николая, я бы, кажется, вынесла всё. Душа вроде бы притерпелась к этой страшной потере, но до сих пор очень болит… Всё без него другое и такое пустынное».

18 мая, 1927 года. Отрывок из письма княжны Елены к Александре (Alix) Оболенской:

*«Опять приходил тот же милый доктор. Я никак не могу ему доказать, что у меня просто нет больше сил. Он говорит, что я должна жить ради маленького Василька... Да так ли это?.. Что он найдёт на этой страшной земле, мой бедный малыш? .... Кашель возобновился, иногда становится невозможно дышать. Доктор всё время оставляет какие-то капли, но мне совестно, что я не могу его никак отблагодарить. .... Иногда мне снится наша любимая комната. И мой рояль… Боже, как же это всё далеко! Да и было ли всё это вообще? .... и вишни в саду, и наша нянюшка, такая ласковая и добрая. Где всё это теперь? .... (*в окно?*) не хочется смотреть, оно всё в копоти, и видны только грязные сапоги… Ненавижу сырость».*

Моя бедная бабушка от сырости в комнате, которая даже летом не прогревалась, вскоре заболела туберкулёзом. И, видимо, ослабевшая от перенесённых потрясений, голодания и болезни, при родах скончалась, так и не увидев своего малыша, и не найдя (хотя бы!) могилы его отца. Буквально перед смертью она

взяла слово у Серёгиных, что они, как бы это для них не было трудно, отвезут новорождённого (если он, конечно же, выживет) во Францию, к дедушкиной сестре. Что в то дикое время обещать, конечно же, было почти что «неправильно», так как сделать это никакой **реальной** возможности у Серёгиных к сожалению не было... Но **они** всё же **обещали ей**, чтобы хоть как-то облегчить последние минуты её так зверски загубленной совсем ещё молодой жизни, и чтобы её измученная болью душа могла хоть с маленькой на то надеждой покинуть этот жестокий мир... И даже зная, что сделают всё возможное, чтобы сдержать данное Елене слово, Серёгины всё же в душе не очень-то верили, что им когда-нибудь удастся всю эту сумасшедшую идею воплотить в жизнь...

Итак, в 1927 году в городе Кургане, в сыром, нетопленном подвале родился маленький мальчик, и звали его принц ***Василий*** *Николаевич* ***де Роган-Гессе-Оболенский, Лорд Санбурский*** *(de Rohan-Hesse-Obolensky, Lord of Sanbury)...* Он был единственным сыном герцога де'Роган-Гессе-Оболенского и княжны Елены Лариной.

Тогда он ещё не мог понять, что остался на этом свете совершенно один, и, что его хрупкая жизнь теперь полностью зависела от доброй воли человека по имени Василий Серёгин…

И ещё этот малыш также не знал, что по отцовской линии, ему подарено было потрясающе «цветастое» Родовое Дерево, которое его далёкие предки сплели для него, как бы заранее подготовив мальчика для свершения каких-то особенных, «великих» дел… и тем самым, возложив на его, тогда ещё совсем хрупкие плечи *огромную ответственность* перед теми, кто когда-то так усердно плёл его «генетическую нить», соединяя свои жизни в одно сильное и гордое дерево…

Он был прямым потомком великих Меровингов, родившимся в боли и нищете, окружённым смертью своих родных и безжалостной жестокостью уничтоживших их людей… Но это не меняло того, кем по-настоящему был этот маленький, только что появившийся на свет, человек.

А начинался его удивительный род с 300-го (!) года, с Меровингского короля Конона Первого *(Conan I)*. (Это подтверждается в рукописном четырёхтомнике — книге-манускрипте знаменитого французского генеалога *Norigres*, которая находится в нашей семейной библиотеке во Франции). Его Родовое Дерево росло и разрасталось, вплетая в свои ветви такие имена, как герцоги Роганы *(Rohan)* во Франции, маркизы Фарнезе *(Farnese)* в Италии, лорды Страффорды *(Strafford)* в Англии, русские князья Долгорукие, Одоевские… и многие, многие другие, часть которых не удалось проследить даже самым высококвалифицированным в мире специалистам-генеалогам в Великобритании *(Royal College of Arms)*, которые в шутку говорили, что это самое «интернациональное» родовое дерево, которое им когда-либо приходилось составлять.

И думается мне, что эта «мешанина» тоже не происходила так уж случайно… Ведь все, так называемые, **благородные** семьи имели очень высококачественную генетику, и ***правильное*** её смешение могло положительно повлиять на создание **очень высококачественного генетического фундамента сущности**

их потомков, коим, по счастливым обстоятельствам, и являлся мой отец.

Видимо, смешение «**интернациональное**» давало намного лучший генетический результат, чем смешение чисто «**семейное**», которое долгое время было почти что «неписаным законом» всех европейских родовитых семей, и очень часто кончалось потомственной гемофилией...

Но каким бы «**интернациональным»** ни был физический фундамент моего отца, его **ДУША** (и это я могу с полной на то ответственностью сказать) **до конца его жизни была по-настоящему Русской**, несмотря на все, даже самые потрясающие генетические соединения...

Но вернёмся в Сибирь, где этот родившийся в подвале «маленький принц», **для того**, **чтобы** просто-напросто **выжить**, по согласию широкой и доброй души Василия Никандровича Серёгина, стал в один прекрасный день просто **Серёгиным Василием Васильевичем, гражданином Советского Союза**… Коим и прожил всю свою сознательную жизнь, умер, и был похоронен под надгробной плитой: «Семья Серёгиных», в маленьком литовском городке Алитус, вдали от своих фамильных замков, о которых никогда так и не слыхал…

Я узнала всё это, к сожалению, только в 1997 году, когда папы уже не было в живых. Меня пригласил на остров Мальта мой кузен, принц Пьер де Роган-Бриссак (Prince Pierre de Rohan-Brissac), который очень давно меня искал, и он же поведал мне, кем по-настоящему являюсь я и моя семья. Но об этом я расскажу намного позже.

А пока вернёмся туда, где в 1927 году у добрейшей души людей — Анны и Василия Серёгиных была только одна забота — сдержать слово, данное умершим друзьям, и во что бы то ни стало вывезти маленького Василька из этой «проклятой Богом и людьми» земли в хоть сколько-то безопасное место, а позже попытаться выполнить своё обещание и доставить его в далёкую и им совершенно незнакомую Францию... Так они начали свое нелёгкое путешествие, и с помощью тамошних связей и друзей вывезли моего маленького папу в Пермь, где, насколько мне известно, прожили несколько лет.

Дальнейшие «скитания» Серёгиных кажутся мне сейчас абсолютно непонятными и вроде бы нелогичными, так как создавалось впечатление, что Серёгины какими-то «зигзагами» кружили по России, вместо того, чтобы ехать прямиком в нужное им место назначения. Но, наверняка, всё было не так просто, как мне кажется сейчас, и я совершенно уверена, что на их странное передвижение были тысячи очень серьёзных причин...

Потом на их пути оказалась Москва (в которой у Серёгиных жила какая-то дальняя родня), позже — Вологда, Тамбов, и последним, перед отъездом из родной России для них оказался Талдом, из которого (только через долгих и очень непростых пятнадцать лет после рождения моего папы) им наконец-то удалось добраться до незнакомой красавицы Литвы… что было всего лишь половиной пути к далёкой Франции...

(Я искренне благодарна Талдомской группе Русского Общественного Движения «Возрождение. Золотой Век», и лично господину Витольду Георгиевичу Шлопаку за неожиданный и очень приятный подарок — нахождение фактов,

подтверждающих пребывание семьи Серёгиных в городе Талдоме с 1938 по 1942 год. По этим данным, они проживали на улице Кустарной, дом 2а, недалеко от которой Василий посещал среднюю школу. Анна Фёдоровна работала машинисткой в редакции районной газеты «Коллективный труд» (сейчас — «Заря»), а Василий Никандрович был бухгалтером в местном Заготзерно. Такую вот информацию удалось найти членам Талдомской ячейки Движения, за что им моя огромнейшая благодарность!)

Думаю, что во время своих скитаний Серёгиным приходилось хвататься за любую работу, просто чтобы по-человечески выжить. Время было суровое и на чью-либо помощь они, естественно, не рассчитывали. Чудесное поместье Оболенских осталось в далёком и счастливом прошлом, казавшимся теперь просто невероятно красивой сказкой... Реальность была жестокой и, хочешь не хочешь, с ней приходилось считаться...

В то время уже шла кровавая вторая мировая война. Пересекать границы было очень и очень непросто.

*(Я так никогда и не узнала, **кто** и **каким образом** помог им перейти линию фронта. Видимо, кто-то из этих трёх людей был **очень кому-то нужен**, если им всё же удалось совершить подобное... И я также совершенно уверена, что помогал им кто-то достаточно влиятельный и сильный, иначе им никогда бы не удалось перейти границу в такое сложное время... Но как бы ни доставала я позже свою бедную терпеливую бабушку, ответа на этот вопрос она упорно избегала. К сожалению, мне так и не удалось узнать хоть что-нибудь по этому поводу).*

Так или иначе, они всё же оказались в незнакомой Литве... Дедушка (я буду его дальше так называть, так как только его я и знала своим дедушкой) сильно приболел, и им пришлось на время остановиться в Литве. И вот эта-то короткая остановка, можно сказать, и решила их дальнейшую судьбу... А также и судьбу моего отца, и всей моей семьи.

Они остановились в маленьком городке Алитус (чтобы не слишком дорого приходилось платить за жильё, так как финансово, к сожалению, им в то время было довольно тяжело). И вот, пока они «осматривались по сторонам», даже не почувствовали, как были полностью очарованы красотой природы, уютом маленького городка и теплом людей, что уже само по себе как бы приглашало хотя бы на время остаться. А также, несмотря на то, что в то время Литва уже была под пятой «коричневой чумы», она всё же ещё каким-то образом сохраняла свой независимый и воинственный дух, который не успели вышибить из неё даже самые ярые служители коммунизма... И это притягивало Серёгиных даже больше, чем красота местной природы или гостеприимство людей. Вот они и решили остаться «на время»… что получилось — навсегда… Это был уже 1942 год. И Серёгины с сожалением наблюдали, как «коричневый» осьминог национал-социализма всё крепче и крепче сжимал своими щупальцами страну, которая им так полюбилась... Перейдя линию форнта, они надеялись, что из Литвы смогут добраться до Франции. Но и при «коричневой чуме» дверь в «большой мир» для Серёгиных (и, естественно, для моего папы) оказалась закрытой и на

этот раз навсегда…

Но жизнь продолжалась… И Серёгины начали понемногу устраиваться в своём новом месте пребывания. Им заново приходилось искать работу, чтобы иметь какие-то средства для существования. Но сделать это оказалось не так уж сложно — желающим работать в трудолюбивой Литве всегда находилось место. Поэтому, очень скоро жизнь потекла по привычному им руслу и казалось — снова всё было спокойно и хорошо...

Мой папа начал «временно» ходить в русскую школу *(русские и польские школы в Литве не являлись редкостью)*, которая ему очень понравилась, и он категорически не хотел её бросать, потому что постоянные скитания и смена школ влияла на его учёбу и, что ещё важнее — не позволяла завести настоящих друзей, без которых любому нормальному мальчишке очень тяжело было существовать. Мой дедушка нашёл неплохую работу и имел возможность по выходным хоть как-то «отводить душу» в своём обожаемом окружном лесу. А моя бабушка в то время имела на руках своего маленького новорождённого сынишку и мечтала хотя бы короткое время никуда не двигаться, так как физически чувствовала себя не слишком хорошо и была так же, как и вся её семья, уставшей от постоянных скитаний.

Незаметно прошло несколько лет. Война давно кончилась, и жизнь становилась более нормальной во всех отношениях. Мой папа учился всё время на отлично, и учителя порочили ему золотую медаль *(которую он и получил, окончив ту же самую школу)*.

Моя бабушка спокойно растила своего маленького сына, а дедушка наконец-то обрёл свою давнишнюю мечту — возможность каждый день «с головой окунаться» в так полюбившийся ему алитуский лес.

Таким образом, все были более или менее счастливы и пока что никому не хотелось покидать этот поистине «божий уголок» и опять пускаться странствовать по большим дорогам. Они решили дать возможность папе закончить так полюбившуюся ему школу, а маленькому бабушкиному сыну Валерию дать возможность как можно больше подрасти, чтобы было легче пускаться в длинное путешествие.

Но незаметно бежали дни, проходили месяцы, заменяясь годами, а Серёгины всё ещё жили на том же самом месте, как бы позабыв обо всех своих обещаниях, что, конечно же, не было правдой, а просто помогало свыкнуться с мыслью, что возможно им не удастся выполнить данное княжне Елене слово уже никогда... Все Сибирские ужасы были далеко позади, жизнь стала каждодневно привычной, и Серёгиным иногда казалось, что этого возможно и не было никогда, как будто оно приснилось в каком-то давно забытом, кошмарном сне...

Василий рос и мужал, становясь красивым молодым человеком, и его приёмной матери уже всё чаще казалось, что это её родной сын, так как она по-настоящему очень его любила и, как говорится, не чаяла в нём души. Мой папа звал её *матерью*, так как правды о своём рождении он пока ещё (по общему договору) не знал, и в ответ любил её так же сильно, как любил бы свою настоящую мать. Это касалось также и дедушки, которого он звал своим *отцом*,

и также искренне от всей души любил.

Так всё вроде понемногу налаживалось и только иногда проскальзывающие разговоры о далёкой Франции становились всё реже и реже, пока в один прекрасный день не прекратились совсем. Надежды добраться туда никакой не было, и Серёгины видимо решили, что будет лучше, если эту рану никто не станет больше бередить...

Мой папа в то время уже закончил школу, как ему и пророчили — с золотой медалью и поступил заочно в литературный институт. Чтобы помочь семье, он работал в газете «Известия» журналистом, а в свободное от работы время начинал писать пьесы для Русского драматического театра в Литве.

Всё вроде бы было хорошо, кроме одной, весьма болезненной проблемы — так как папа был великолепным оратором *(на что у него и вправду, уже по* ***моей*** *памяти, был очень большой талант!)*, то его не оставлял в покое комитет комсомола нашего городка, желая заполучить его своим секретарём. Папа противился изо всех сил, так как *(даже не зная о своём прошлом, о котором Серёгины пока решили ему не говорить)* он всей душой ненавидел революцию и коммунизм, со всеми вытекающими из этих «учений» последствиями, и никаких «симпатий» к оным не питал... В школе он, естественно, был пионером и комсомольцем, так как без этого невозможно было в те времена мечтать о поступлении в какой-либо институт, но дальше этого он категорически идти не хотел. А также был ещё один факт, который приводил папу в настоящий ужас — это участие в карательных экспедициях на, так называемых, «лесных братьев», которые были не кем-то иным, как просто такими же молодыми, как папа, парнями «раскулаченных» родителей, которые прятались в лесах, чтобы не быть увезёнными в далёкую и сильно их пугавшую Сибирь.

За несколько лет после пришествия Советской власти, в Литве не осталось семьи, из которой не был бы увезён в Сибирь хотя бы один человек, а очень часто увозилась и вся семья. Литва была маленькой, но очень богатой страной, с великолепным хозяйством и огромными фермами, хозяева которых в советские времена стали называться «кулаками», и та же советская власть стала их очень активно «раскулачивать»... И вот именно для этих «карательных экспедиций» отбирались лучшие комсомольцы, чтобы показать остальным «заразительный пример»... Это были друзья и знакомые тех же «лесных братьев», которые вместе ходили в одни и те же школы, вместе играли, вместе ходили с девчонками на танцы... И вот теперь по чьему-то сумасшедшему приказу вдруг почему-то стали врагами и должны были друг друга истреблять...

После двух таких походов, в одном из которых из двадцати ушедших ребят вернулись двое (и папа оказался одним из этих двоих), он до полусмерти напился и на следующий день написал заявление, в котором категорически отказывался от дальнейшего участия в любых подобного рода «мероприятиях». Первой последовавшей после такого заявления «приятностью» оказалась потеря работы, которая в то время была ему «позарез» нужна. Но так как папа был по-настоящему талантливым журналистом, ему сразу же предложила работу

другая газета — «Каунасская Правда» — из соседнего городка. Но долго задержаться там, к сожалению, тоже не пришлось, по такой простой причине, как коротенький звонок «сверху»... который вмиг лишил папу только что полученной им новой работы. И папа в очередной раз был вежливо выпровожен за дверь. Так началась его долголетняя война за свободу своей личности, которую прекрасно помнила уже даже и я.

Вначале он был секретарём комсомола, из коего несколько раз уходил «**по собственному желанию**» и возвращался уже по желанию **чужому.** Позже был членом коммунистической партии, из которой также с «большим звоном» вышвыривался и тут же забирался обратно, так как, опять же, немного находилось в то время в Литве такого уровня русскоговорящих, великолепно образованных людей. А папа, как я уже упоминала ранее, был великолепным лектором и его с удовольствием приглашали в разные города. Только там, вдали от своих «работодателей», он уже опять читал лекции **не совсем о том,** о чём они хотели и получал за это всё те же самые проблемы, с которых началась вся эта «канитель»...

Я помню как в одно время (во времена правления Андропова), когда я уже была молодой женщиной, у нас мужчинам ***категорически запрещалось*** *носить длинные волосы, что считалось «****капиталистической провокацией****» и (как бы дико сегодня это не звучало!) милиция получила право задерживать прямо на улице и* ***насильно стричь*** *носящих длинные волосы людей. Это случилось после того, как один молодой парень (его звали Каланта) сжёг себя живьём на центральной площади города Каунас, второго по величине города Литвы (именно там тогда уже работали мои родители). Это был его протест против зажима свободы личности, который перепугал тогда коммунистическое руководство, и оно приняло «усиленные меры» по борьбе с «терроризмом», среди которых были и «меры» глупейшие, которые только усилили недовольство живущих в то время в Литовской республике нормальных людей...*

Мой папа, как ***свободный художник****, которым, поменяв несколько раз за это время свою профессию, он тогда являлся, приходил на партсобрания с длиннющими волосами (которые, надо отдать должное, у него были просто шикарные!), чем взбесил своё партийное начальство, и в* ***третий раз*** *был вышвырнут из партии, в которую через какое-то время, опять же,* ***не по своей воле****, обратно «угодил»... Свидетелем этому была я сама, и когда я спросила папу, зачем он постоянно «нарывается на неприятности», он спокойно ответил:*

— Это — ***моя*** *жизнь, и она принадлежит* ***мне.*** *И* ***только я*** *отвечаю за то, как я хочу её прожить. И никто на этой земле не имеет права насильно навязывать мне убеждения, которым я* ***не верю*** *и* ***верить не хочу****, так как считаю их* ***ложью.***

Именно таким я запомнила своего отца. И именно эта его ***убеждённость в своём полном праве на собственную жизнь*** *тысячи раз помогала мне выжить в самых трудных для меня жизненных обстоятельствах. Он безумно, как-то даже маниакально любил жизнь! И, тем не менее, никогда бы не согласился*

сделать подлость, даже если та же самая его жизнь от этого зависела бы.

Вот так, с одной стороны борясь за свою «свободу», а с другой — сочиняя прекрасные стихи и мечтая о «подвигах» (*до самой своей смерти мой папа был в душе* ***неисправимым романтиком!***), проходили в Литве дни молодого Василия Серёгина... который всё ещё понятия не имел, кем он был на самом деле и, если не считать «кусачих» действий со стороны местных «органов власти», был почти полностью счастливым молодым человеком. «Дамы сердца» у него пока ещё не было, что, наверное, можно было объяснить полностью загруженными работой днями или отсутствием той «**единственной** и **настоящей**», которую папе пока что не удалось найти...

Но вот, наконец-то судьба видимо решила, что хватит ему «холостятничать» и повернула колесо его жизни в сторону «женского очарования», которое и оказалось тем «настоящим и единственным», которого папа так упорно ждал.

Её звали Анна (или по-литовски — Она), и оказалась она сестрой папиного лучшего в то время друга Ионаса (по-русски — Иван) Жукаускаса, к которому в тот «роковой» день папа был приглашён на пасхальный завтрак. У своего друга в гостях папа бывал несколько раз, но по странному капризу судьбы с его сестрой пока что не пересекался. И уж наверняка никак не ожидал, что в это весеннее пасхальное утро там его будет ждать такой ошеломляющий сюрприз...

Дверь ему открыла кареглазая черноволосая девушка, которая за один этот коротенький миг сумела покорить папино романтическое сердце на всю его оставшуюся жизнь...

Звёздочка

Снег и холод там, где я родился,
Синь озёр, в краю, где ты росла...
Я мальчишкой в звёздочку влюбился,
Светлую, как ранняя роса.

Может быть в дни горя-непогоды,
Рассказав ей девичьи мечты,
Как свою подружку-одногодку
Полюбила звёздочку и ты?..

Дождь ли лил, мела ли в поле вьюга,
Вечерами поздними с тобой,
Ничего не зная друг о друге,
Любовались мы своей звездой.

Лучше всех была она на небе,
Ярче всех, светлее и ясней...
Что бы я не делал, где бы не был,
Никогда не забывал о ней.

Всюду огонёк её лучистый
Согревал надеждой мою кровь.
Молодой, нетронутой и чистой
Нёс тебе я всю свою любовь...

О тебе звезда мне песни пела,
Днём и ночью в даль меня звала...
А весенним вечером, в апреле,
К твоему окошку привела.

Я тебя тихонько взял за плечи,
И сказал, улыбку не тая:
«Значит я не зря ждал этой встречи,
Звёздочка любимая моя»...

Маму полностью покорили папины стихи... А он писал их ей очень много и приносил каждый день к ней на работу вместе с огромными, его же рукой рисованными плакатами (папа великолепно рисовал), которые он разворачивал прямо на её рабочем столе, и на которых, среди всевозможных нарисованных цветов, было большими буквами написано: «Аннушка, моя звёздочка, я тебя люблю!». Естественно, какая женщина могла долго такое выдержать и не сдаться?.. Они больше не расставались... Используя каждую свободную минуту, чтобы провести её вместе, как будто кто-то мог это у них отнять. Вместе ходили в кино, на танцы (что оба очень любили), гуляли в очаровательном Алитусском городском парке, пока в один прекрасный день не решили, что хватит свиданий и что пора уже взглянуть на жизнь чуточку серьёзнее. Вскоре они поженились. Но об этом знал только папин друг (мамин младший брат) Ионас, так как ни со стороны маминой, ни со стороны папиной родни этот союз большого восторга не вызывал...

Мамины родители прочили ей в женихи богатого соседа-учителя, который им очень нравился и, по их понятию, маме прекрасно «подходил», а в папиной семье в то время было не до женитьбы, так как дедушку в то время упрятали в тюрьму, как «пособника благородных» (чем, наверняка, пытались «сломать» упрямо сопротивлявшегося папу), а бабушка от нервного потрясения попала в больницу и была очень больна. Папа остался с маленьким братишкой на руках и должен был теперь вести всё хозяйство в одиночку, что было весьма непросто, так как Серёгины в то время жили в большом двухэтажном доме (в котором позже жила и я), с огромнейшим старым садом вокруг. И естественно, такое хозяйство требовало хорошего ухода...

Так прошли три долгих месяца, а мои папа и мама, уже женатые, всё ещё ходили на свидания, пока мама случайно не зашла однажды к папе домой и не нашла там весьма трогательную картинку... Папа стоял на кухне перед плитой и с несчастным видом «пополнял» безнадёжно растущее количество кастрюль с манной кашей, которую в тот момент варил своему маленькому братишке. Но

«зловредной» каши почему-то становилось всё больше и больше, и бедный папа никак не мог понять, что же такое происходит... Мама, изо всех сил пытаясь скрыть улыбку, чтобы не обидеть незадачливого «повара», засучив рукава тут же стала приводить в порядок весь этот «застоявшийся домашний кавардак», начиная с полностью оккупированными «кашей набитыми» кастрюлями возмущённо шипящей плиты... Конечно же, после такого «аварийного происшествия» мама не могла далее спокойно наблюдать такую «сердцещипательную» мужскую беспомощность и решила немедленно перебраться на эту, пока ещё ей совершенно чужую и незнакомую, территорию... И хотя ей в то время тоже было не очень легко — она работала на почтамте (чтобы самой себя содержать), а по вечерам ходила на подготовительные занятия для сдачи экзаменов в медицинскую школу, она, не задумываясь, отдала все свои оставшиеся силы своему измотанному до предела, молодому мужу и его семье. Дом сразу ожил. В кухне одуряюще запахло вкусными литовскими «цепеллинами», которые маленький папин братишка обожал и точно так же, как и долго сидевший на сухомятке папа, объедался ими буквально до «неразумного» предела. Всё стало более или менее нормально, за исключением отсутствия бабушки с дедушкой, о которых мой бедный папа очень сильно волновался, и всё это время искренне по ним скучал. Но у него теперь уже была молодая красивая жена, которая, как могла, пыталась всячески скрасить его временную потерю и, глядя на улыбающееся папино лицо, было понятно, что удавалось ей это совсем неплохо.

Папин братишка очень скоро привык к своей новой тёте и ходил за ней хвостом, надеясь получить что-то вкусненькое или хотя бы красивую «вечернюю сказку», которые мама читала ему перед сном в великом множестве.

Так спокойно в каждодневных заботах проходили дни, а за ними недели. Бабушка к тому времени уже вернулась из госпиталя и, к своему великому удивлению, нашла дома новоиспечённую невестку... И так как что-то менять было уже поздно, то они просто старались узнать друг друга получше, избегая нежелательных конфликтов (которые неизбежно появляются при любом новом, слишком близком знакомстве). Точнее, они просто друг к другу «притирались», стараясь честно обходить любые возможные «подводные рифы»... Мне всегда было искренне жаль, что мама с бабушкой никогда друг друга так и не полюбили... Они обе были (вернее, мама всё ещё есть) прекрасными людьми, и я очень их обеих любила. Но если бабушка всю проведённую вместе жизнь как-то старалась к маме приспособиться, то мама — наоборот, под конец бабушкиной жизни иногда слишком открыто показывала ей своё раздражение, что меня глубоко ранило, так как я была сильно к ним обеим привязана и очень не любила попадать, как говорится, «между двух огней» или насильно принимать чью-нибудь сторону. Я никогда так и не смогла понять, что вызывало между этими двумя чудесными женщинами эту постоянную «тихую» войну, но видимо для того были какие-то очень веские причины или, возможно, мои бедные мама и бабушка просто были по-настоящему «**несовместимы**», как это бывает довольно часто с живущими вместе чужими людьми. Так или иначе, было очень жаль, потому что в общем это была очень дружная и верная семья, в которой все

стояли друг за друга горой, и каждую неприятность или беду переживали вместе.

Но вернёмся в те дни, когда всё это только ещё начиналось, и когда каждый член этой новой семьи честно старался «жить дружно», не создавая остальным никаких неприятностей... Дедушка уже тоже находился дома, но его здоровье, к большому сожалению всех остальных, после проведённых в заключении дней резко ухудшилось. Видимо, включая и проведённые в Сибири тяжёлые дни, все долгие мытарства Серёгиных по незнакомым городам не пожалели бедного, истерзанного жизнью дедушкиного сердечка — у него начались повторяющиеся микроинфаркты...

Мама с ним очень подружилась и старалась, как могла, помочь ему как можно скорее забыть всё плохое, хотя у неё самой время было очень и очень непростое. За прошедшие месяцы она сумела сдать подготовительные и вступительные экзамены в медицинский институт. Но, к её большому сожалению, её давней мечте не суждено было сбыться по той простой причине, что за институт в то время в Литве ещё нужно было платить, а в маминой семье (в которой было девять детей) не хватало на это финансов... В тот же год от несколько лет назад случившегося сильнейшего нервного потрясения умерла её ещё совсем молодая мама — моя бабушка с маминой стороны, которую я также никогда не увидела. Она заболела во время войны, в тот день, когда узнала, что в пионерском лагере, в приморском городке Паланге была сильная бомбардировка, и все оставшиеся в живых дети были увезены неизвестно куда... А среди этих детей находился и её сын, самый младший и любимый из всех девяти детей. Через несколько лет он вернулся, но бабушке это, к сожалению, помочь уже не могло. И в первый год маминой с папой совместной жизни, она медленно угасла... У маминого папы — моего дедушки — на руках осталась большая семья, из которой только одна мамина сестра — Домицелла — была в то время замужем. А дедушка «бизнесменом», к сожалению, был абсолютно катастрофическим... И очень скоро шерстяная фабрика, которой он, с бабушкиной «лёгкой руки» владел, была пущена в продажу за долги, а бабушкины родители больше ему помочь не захотели, так как это уже был третий раз, когда дедушка всё ими подаренное имущество полностью терял.

Моя бабушка (мамина мама) происходила из очень богатой литовской дворянской семьи Митрулявичусов, у которых, даже после «раскулачивания» оставалось немало земель. Поэтому, когда моя бабушка (вопреки воле родителей) вышла замуж за дедушку, у которого ничего не было, её родители (чтобы не ударить лицом в грязь) подарили им большую ферму и красивый, просторный дом... который через какое-то время дедушка, благодаря своим великим «коммерческим» способностям, потерял. Но так как в то время у них уже было пятеро детей, то естественно, бабушкины родители не могли остаться в стороне и отдали им вторую ферму, но с уже меньшим и не таким красивым домом. И опять же, к большому сожалению всей семьи, очень скоро второго «подарка» тоже не стало... Следующей и последней помощью терпеливых родителей моей бабушки стала маленькая шерстяная фабрика, которая была великолепно обустроена и при правильном пользовании могла приносить очень хороший доход, позволяя

всей бабушкиной семье безбедно жить. Но дедушка, после всех пережитых жизненных передряг, к этому времени уже баловался «крепкими» напитками, поэтому почти полного разорения семьи не пришлось слишком долго ждать...

Именно такая нерадивая «хозяйственность» моего деда и поставила всю его семью в очень трудное финансовое положение, когда все дети уже должны были работать и содержать себя сами, больше не думая об учёбе в высших школах или институтах. И именно поэтому, похоронив свои мечты стать в один прекрасный день врачом, моя мама, не слишком выбирая, пошла работать на почтамт, просто потому, что там оказалось на тот момент свободное место.

Так, без особых (хороших или плохих) «приключений», в простых повседневных заботах и протекала какое-то время жизнь молодой и «старой» семьи Серёгиных.

Прошёл уже почти год. Мама была беременна и вот-вот ожидала своего первенца. Папа буквально «летал» от счастья, и всем твердил, что у него **обязательно** будет сын. И он оказался прав — у них действительно родился мальчик... Но при таких ужасающих обстоятельствах, которые не смогло бы измыслить даже самое больное воображение...

Маму увезли в больницу в один из рождественских дней, буквально перед самым новым годом. Дома, конечно же, волновались, но никто не ожидал никаких негативных последствий, так как мама была молодой, сильной женщиной, с прекрасно развитым телом спортсменки (она с детства активно занималась гимнастикой) и, по всем общим понятиям, роды должна была перенести легко. Но кому-то там, «высоко», по каким-то неизвестным причинам, видимо очень не хотелось, чтобы у мамы родился ребёнок... И то, о чём я расскажу дальше, не укладывается ни в какие рамки человеколюбия или врачебной клятвы и чести. Дежуривший в ту ночь врач Ремейка, увидев, что роды у мамы вдруг опасно «застопорились» и маме становится всё тяжелее, решил вызвать главного хирурга Алитусской больницы, доктора Ингелявичуса... которого в ту ночь пришлось вытащить прямо из-за праздничного стола. Естественно, доктор оказался «не совсем трезвым» и, наскоро осмотрев маму, сразу же сказал: «Резать!», видимо желая поскорее вернуться к так поспешно оставленному «столу». Никто из врачей не захотел ему перечить, и маму тут же подготовили к операции. И вот тут-то началось самое «интересное», от которого, слушая сегодня мамин рассказ, у меня встали на голове дыбом мои длинные волосы...

Ингелявичус начал операцию, и разрезав маму... оставил её на операционном столе!.. Мама была под наркозом и не знала, что в тот момент вокруг неё происходило. Но, как рассказала ей позже присутствовавшая при операции медсестра, доктор был «**срочно**» вызван на какой-то «экстренный случай» и исчез, оставив маму разрезанной на операционном столе... Спрашивается, какой же для хирурга мог быть **более «экстренный»** случай, **чем две жизни, полностью от него зависевшие, и так просто оставленные на произвол судьбы**?!. Но это было ещё не всё. Буквально через несколько секунд, медсестра, ассистировавшая на операции, была тоже вызвана из операционной, под предлогом «необходимости» помощи хирургу. А когда она **категорически отказалась,**

сказав, что у неё на столе лежит «разрезанный» человек, ей ответили, что они **сейчас же пришлют туда «кого-то другого».** Но никто другой, к сожалению, так никогда туда и не пришёл...

Мама очнулась от зверской боли и, сделав резкое движение, упала с операционного стола, потеряв сознание от болевого шока. Когда же, та же самая медсестра, вернувшись оттуда, куда её посылали, зашла в операционную, проверить всё ли там в порядке, она застыла в полном шоке — мама, истекая кровью, лежала на полу с вывалившимся наружу ребёнком... Новорождённый был мёртв, мама тоже умирала...

Это было страшное преступление. Это было самое настоящее **убийство**, за которое **должны были** нести ответственность те, которые такое сотворили. Но, что было совсем уже невероятно — как бы ни старались после мой папа и его семья призвать к ответственности хирурга Ингелявичуса, у них ничего не получалось. В больнице сказали, что это не была его вина, так как он был срочно вызван на «экстренную операцию» в той же самой больнице. Это был абсурд. Но сколько бы папа не бился, всё было тщётно. И под конец, по просьбе мамы, он оставил в покое «убийц», радуясь уже тому, что мама всё же каким-то образом осталась жива. Но «жива», к сожалению, она была ещё очень и очень не скоро... Когда ей тут же сделали вторую операцию (уже чтобы спасти **её** жизнь), никто во всей больнице не давал даже одного процента за то, что мама останется жива. Её держали целых три месяца на капельницах, переливая кровь множество раз (у мамы до сих пор хранится целый список людей, которые давали ей кровь). Но лучше ей никак не становилось. Тогда, отчаявшиеся врачи решили выписать маму домой, объясняя это тем, что они «надеются, что в домашней обстановке мама скорее поправится»!.. Это опять же был абсурд, но настрадавшийся папа уже был согласен абсолютно на всё, только бы увидеть ещё хотя бы раз маму живой, поэтому, долго не противясь, забрал её домой.

Мама была настолько слабой, что ещё целых три месяца почти не могла сама ходить... Серёгины всячески за ней ухаживали, пытаясь быстрее выходить, а папа носил её на руках, когда это было нужно, а когда в апреле засветило ласковое весеннее солнышко, сидел с ней часами в саду под цветущими вишнями, стараясь изо всех сил как-то оживить свою потухшую «звёздочку»...

Но маме, эти нежные, падающие лепестки вишни напоминали лишь такую же нежную, и так без времени от неё улетевшую, хрупкую детскую жизнь... Мысли о том, что она даже не успела ни увидеть, ни похоронить своего малыша, жгли её измученную душу, и она никак не могла себе этого простить. И под конец, вся эта боль выплеснулась у неё в самую настоящую депрессию...

В то время Серёгины всей семьёй старались избегать разговоров о случившемся, несмотря на то, что папу до сих пор душила обрушившаяся на него боль потери, и он никак не мог выбраться из того беспросветного «острова отчаяния», в который швырнула его беда... Наверное, нет на свете ничего страшнее, чем хоронить своего собственного ребёнка... А папе пришлось это делать **в одиночку**... Одному хоронить своего маленького сынишку, которого он, даже ещё не зная, успел так сильно и беззаветно полюбить...

Я до сих пор не могу без слёз читать эти печальные и светлые строки, которые папа написал своему маленькому сыну, зная, что у него никогда не будет возможности ему это **сказать**...

Сыночку

Мальчик ты мой ясноглазый!
Радость, надежда моя!
Не уходи, мой милый,
не покидай меня!

Встань, протяни ручонки,
Глазки свои открой,
Милый ты мой мальчонка,
Славный сыночек мой.

Встань, погляди, послушай
Как нам птицы поют,
Как цветы на рассвете
Росы майские пьют.

Встань, погляди мой милый,
Смерть тебя подождёт!
Видишь? — И на могилах
Солнечный май живёт!

Пламенеет цветами
Даже земля могил...
Так почему ж так мало
Ты, мой сыночек, жил?

Мальчик мой ясноглазый,
Радость, надежда моя!
Не уходи, мой милый,
Не покидай меня...

Он нарёк его Александром, выбрав это имя сам, так как мама была в больнице, и ему некого больше было спросить. А когда бабушка предложилась помочь похоронить малыша, папа категорически отказался. Он сделал всё сам, от начала до конца, хотя я не могу даже представить, сколько горя надо было перенести, хороня своего новорождённого сына, и в то же время, зная, что в больнице умирает его горячо любимая жена... Но папа это всё перенёс без единого слова упрёка кому-либо, только единственное, о чём он молился, это чтобы вернулась к нему его любимая Аннушка, пока этот страшный удар не подкосил её окончательно, и пока на её измученный мозг не опустилась ночь...

И вот мама вернулась, а он был совершенно бессилен ей чем-то помочь, и совершенно не знал, как же её вывести из этого жуткого, «мёртвого» состояния...

Смерть маленького Александра глубоко потрясла всю семью Серёгиных. Казалось, никогда не вернётся в этот грустный дом солнечный свет, и никогда не будет звучать больше смех... Мама всё ещё была «убитой». И хотя её молодое тело, подчиняясь законам природы, начинало всё больше и больше крепнуть, её раненая душа, несмотря на все старания папы, как улетевшая птица, всё ещё была далеко и, глубоко окунувшись в океан боли, не спешила оттуда вернуться...

Но вскоре, через каких-то шесть месяцев, к ним пришла добрая новость — мама снова была беременна... Папа вначале перепугался, но видя, что мама вдруг очень быстро начала оживать, решился идти на риск, и теперь уже все с большим нетерпением ждали второго ребёнка... На этот раз они были очень осторожны, и пытались всячески уберечь маму от любых нежелательных случайностей. Но, к сожалению, беде, видимо по какой-то причине полюбилась эта гостеприимная дверь... И она постучалась опять...

С перепугу, зная печальную историю первой маминой беременности, и боясь, как бы опять что-то не пошло «не так», врачи решили делать «кесарево сечение» ещё до того, как начнутся схватки (!). И видимо сделали это слишком рано... Так или иначе, родилась девочка, которую назвали Марианной. Но прожить ей, к сожалению, удалось тоже очень недолго — через три дня эта хрупкая, чуть распустившаяся жизнь, по никому не известным причинам, прервалась...

Создавалось жуткое впечатление, что кому-то **очень не хочется, чтобы мама родила вообще**... И хотя по своей природе и по генетике она была сильной и абсолютно пригодной для деторождения женщиной, она уже боялась даже подумать о повторении такой жестокой попытки когда-то вообще...

Но человек — существо на удивление **сильное** и способно вынести намного больше, чем он сам когда-либо мог бы себе представить... Ну, а боль, даже самая страшная (если она сразу не разрывает сердце) когда-то видимо притупляется, вытесняемая, вечно живущей в каждом из нас, надеждой. Вот поэтому ровно через год, очень легко и без каких-либо осложнений, ранним декабрьским утром у семьи Серёгиных родилась ещё одна дочь, и этой счастливой дочерью оказалась я... Но... и это появление на свет наверняка кончилось бы не так счастливо, если бы всё и дальше происходило по заранее подготовленному плану наших «сердобольных» врачей... Холодным декабрьским утром маму отвезли в больницу, ещё до того, как у неё начались схватки, чтобы, опять же, «быть уверенными», что «*ничего плохого» не произойдёт* (!!!)... Дико нервничавший от «плохих предчувствий» папа метался туда-сюда по длинному больничному коридору, не в состоянии успокоиться, так как знал, что по их общему договору мама делала такую попытку в **последний раз** и, если с ребёнком что-то случится и на этот раз — значит им никогда не суждено будет увидеть своих детей... Решение было тяжёлое, но папа предпочитал видеть, если не детей, то хотя бы свою любимую «звёздочку» живой, а не похоронить сразу всю свою семью, даже по-настоящему ещё не поняв, что же такое по-настоящему означает — **его семья**...

К папиному большому сожалению, маму опять же пришёл проверять доктор Ингелявичус, который всё ещё оставался там главным хирургом, и избежать его «высокого» внимания было очень и очень сложно... «Внимательно» осмотрев маму, Ингелявичус заявил, что придёт завтра в 6 часов утра, делать маме очередное «кесарево сечение», после чего у бедного папы чуть не случился сердечный удар...

Но около пяти часов утра к маме явилась очень приятная молодая акушерка и, к большому маминому удивлению, весело сказала:

— А ну, давайте-ка готовиться, сейчас будем рожать!

Когда перепуганная мама спросила — а как же доктор? Женщина, спокойно посмотрев ей в глаза, ласково ответила, что по её мнению, маме уже давно пора рожать **живых (!)** детей... И начала мягко и осторожно массировать маме живот, как бы понемножку готовя её к «скорому и счастливому» деторождению... И вот, с лёгкой руки этой чудесной незнакомой акушерки, около шести часов утра у мамы легко и быстро родился её первый **живой** ребёнок, которым, на своё счастье и оказалась я.

— А ну, посмотри-ка на эту куколку, мама! — весело воскликнула акушерка, принося маме уже умытый и чистенький, маленький кричащий сверток. А мама, увидев впервые свою*, живую и здоровую,* маленькую дочь... от радости потеряла сознание...

Когда ровно в шесть часов утра доктор Ингелявичус вошёл в палату, перед его глазами предстала чудесная картинка — на кровати лежала очень счастливая пара — это была моя мама и я, её *живая* новорождённая дочурка... Но вместо того, чтобы порадоваться на такой неожиданный счастливый конец, доктор почему-то пришёл в настоящее бешенство и, не сказав ни слова, выскочил из палаты...

Мы так никогда и не узнали, ***что*** **по-настоящему** происходило со всеми, довольно-таки «трагично-необычными» родами моей бедной настрадавшейся мамы. Но одно было ясно наверняка — кому-то очень не хотелось, чтобы хоть один мамин ребёнок *появился живым на этот свет*. Но видимо тот, кто так бережно и надёжно оберегал меня всю мою дальнейшую жизнь, на этот раз решил **не допустить** гибели ребёнка Серёгиных, каким-то образом **зная**, что в этой семье он наверняка окажется последним...

Вот так, «с препятствиями» началась когда-то моя удивительная и необычная жизнь, появление которой ещё до моего рождения готовила мне уже тогда достаточно сложная и непредсказуемая судьба...

А может это был кто-то, кто тогда уже **знал**, что моя жизнь **кому-то** и **для чего-то** будет нужна, и кто-то очень постарался, чтобы я всё-таки родилась на этой земле, вопреки всем создаваемым «тяжёлым препятствиям»...

33. Сюрприз

Время шло. На дворе уже полностью властвовала моя десятая зима, покрывшая всё вокруг белоснежным пушистым покровом, как бы желая показать,

что полноправной хозяйкой на данный момент является здесь она. Всё больше и больше людей заходило в магазины, чтобы заранее запастись Новогодними подарками, и даже в воздухе уже «пахло» праздником. Приближались два моих самых любимых дня — день моего рождения и Новый Год, между которыми была всего лишь двухнедельная разница, что позволяло мне полностью насладиться их «празднованием», без какого-либо большого перерыва...

Я целыми днями крутилась «в разведке» возле бабушки, пытаясь разузнать, что же получу на свой «особый» день в этом году?.. Но бабушка почему-то не поддавалась, хотя раньше мне никогда не составляло большого труда «растопить» её молчание ещё до своего дня рождения и узнать, какой такой «приятности» я могу ожидать. Но в этом году почему-то на все мои «безнадёжные» попытки бабушка только загадочно улыбалась и отвечала, что это «сюрприз», и что она совершенно уверена, что он мне очень понравится. Так что, как бы я ни старалась, она держалась стойко и ни на какие провокации не поддавалась. Деваться было некуда — приходилось ждать...

Поэтому, чтобы хоть чем-то себя занять и не думать о подарках, я начала составлять «праздничное меню», которое бабушка в этом году разрешила мне выбирать по своему усмотрению. Но надо честно сказать, это не была самая лёгкая задача, так как бабушка могла делать настоящие кулинарные чудеса и выбрать из такого «изобилия» было не так-то просто, а уж, тем более — поймать бабушку на чём-то невыполнимом, было вообще делом почти что безнадёжным. Даже самым привередливым гурманам, думаю, нашлось бы, чем у неё полакомиться!.. А мне очень хотелось, чтобы на этот раз у нас «пахло» чем-то совершенно особенным, так как это было моё ***первое*** **«серьёзное»** *деньрождение*, и мне впервые разрешалось приглашать так много гостей. Бабушка очень серьёзно ко всему этому отнеслась, и мы сидели с ней около часа, обсуждая, что бы такое особенное она могла бы для меня «наворожить».

Сейчас, конечно же, я понимаю, что она просто хотела сделать мне приятное и показать, что **то**, что **важно для меня** — точно так же **важно и для неё**. Это всегда было очень приятно и помогало мне чувствовать себя нужной и в какой-то степени даже «значительной», как если бы я была взрослым, зрелым человеком, который для неё достаточно много значил. Думаю, это очень важно для каждого из нас (детей), чтобы **кто-то в нас по-настоящему верил**, так как все мы нуждаемся в поддержании нашей ***уверенности в себе*** в это хрупкое и сильно «колеблющееся» время детского созревания, которое и так почти всегда являет собой бурный комплекс неполноценности и крайнего риска во всём, что мы пытаемся пробовать, пытаясь доказать свою **человеческую ценность**. Бабушка это прекрасно понимала, и её дружеское отношение всегда помогало мне без боязни продолжать мои «сумасшедшие» поиски себя в любых попадавшихся жизненных обстоятельствах.

Наконец-то закончив составлять вместе с бабушкой свой «деньрожденческий стол», я отправилась на поиски папы, у которого был выходной день и который (я почти была в этом уверена) находился где-то в «своём углу», за своим любимым занятием...

Как я и думала, уютно устроившись на диване, папа спокойно читал какую-то очень старую книгу, одну из тех, которых брать мне пока ещё не разрешалось, и до которых, как я понимала, я пока что ещё не доросла. Серый кот Гришка, свернувшись тёплым калачиком у папы на коленях, от избытка переполнявших его чувств довольно жмурился, вдохновенно мурлыча за целый «кошачий оркестр»... Я подсела к папе на краешек дивана, как делала очень часто, и тихонечко стала наблюдать за выражением его лица... Он был где-то далеко, в мире своих дум и грёз, следуя за ниточкой, которую, видимо очень увлечённо плёл автор, и в то же время наверняка уже расставлял получаемую информацию по полочкам своего «логического мышления», чтобы потом пропустить через **своё** понимание и восприятие, и уже готовенькую отправить в свой огромный «мысленный архив»...

— Ну и что же мы там имеем? — потрепав меня по голове, тихо спросил папа.

— А наша учительница сегодня сказала, что никакой души вовсе нет, а все разговоры о ней — это просто выдумки священников, чтобы «подорвать счастливую психику советского человека»... Почему они лгут нам, пап? — на одном дыхании выпалила я.

— Потому, что **весь этот мир**, в котором мы здесь живём, **построен именно на лжи**... — очень спокойно ответил отец. — Даже **слово** — ДУША — понемногу уходит из оборота. Вернее — его «уходят»... Смотри вот, раньше говорили: душещипательный, душа в душу, душегрейка, душераздирающий, душевный, открыть душу, и т.д. А теперь это заменяется — *болезненный, дружно, телогрейка, отзывчивый, потребность*... Скоро в русском языке совсем ***души*** не останется... Да и сам язык стал другой — скупой, безликий, мёртвый... Знаю, ты не заметила, Светленькая, — ласково улыбнулся папа. — Но это только потому, что ты **уже родилась с ним таким**, каким он является сегодня... А раньше он был необычайно ярким, красивым, богатым!.. По-настоящему ***душевным***... Теперь уже и писать иногда не хочется, — папа на несколько секунд умолк, думая о чём-то своём и тут же возмущённо добавил. — Как я могу **выразить своё «я»**, если мне присылают ***список (!)***, какие слова ***можно употреблять***, а какие являются **«пережитком буржуазного строя»**... Дикость...

— Тогда, что — лучше учиться самому, чем ходить в школу? — озадачено спросила я.

— Нет, мой маленький человек, в школу идти **нужно**. — И не дав мне возможности возразить, продолжил. — В школе тебе дают **«зёрна» твоего фундамента** — математику, физику, химию биологию и т.д., которым дома тебя учить у меня просто не нашлось бы времени. А без этих «зёрен», к сожалению, ты не сможешь вырастить свой **«умственный урожай»**... — папа улыбнулся. — Только сперва ты обязательно должна будешь эти ***«зёрнышки» хорошенько «просеять»*** от ***шелухи и гнилых семян***... А какой уж потом получится твой «урожай» — будет зависеть только от тебя самой... Жизнь сложная штука, видишь ли... И не так-то просто иногда бывает держаться на поверхности... не

уходя на дно. Но деваться-то некуда, правда же? — папа опять потрепал меня по голове, он был почему-то грустным... — Вот и думай — быть ли одной из тех, **кому *говорят*, как тебе надо жить** или быть одной из тех, которые ***сами*** **думают и ищут свой путь**... Правда, за это бьют по головушке весьма основательно, но зато ты всегда будешь носить её **гордо поднятой**. Вот и думай хорошенько, перед тем, как решишь, что тебе больше нравится...

— А почему, *когда я говорю в школе* ***то, что думаю***, учительница называет меня *выскочкой*? Это так обидно!.. Я никогда не стараюсь первой отвечать, наоборот — предпочитаю, когда меня не трогают... Но если спрашивают, я же должна ответить, правда, ведь? А им почему-то очень часто мои ответы не нравятся... Как же быть, пап?

— Ну это, опять же, тот же самый вопрос — хочешь ли быть сама собой или хочешь говорить то, **что от тебя требуется** и жить спокойно? Ты, опять же, должна выбирать... А не нравятся твои ответы потому, что они **не всегда совпадают** с теми, **которые у них уже подготовлены** и которые **всегда для всех одинаковы**.

— Как это — одинаковые? Я ведь не могу думать, **как они хотят**?.. Люди **не могут думать одинаково**?!

— Ошибаешься, моя Светлая... ***Именно это****-то они и хотят* — ***чтобы все мы думали и действовали одинаково***... В этом-то вся мораль...

— Но это неправильно, пап!.. — возмутилась я.

— А ты посмотри повнимательнее на своих школьных друзей — ***часто ли*** они говорят ***не то, что написано***? — Я смутилась... он был опять же, как всегда, прав. — Это потому, что их родители *учат их быть всего лишь примерными и послушными учениками и получать хорошие отметки*. Но они не учат их **думать**... Возможно потому, что не очень-то думали сами... Или может ещё потому, что в них уже слишком глубоко вжился страх... Вот и шевели своими извилинками, моя Светленькая, чтобы найти для себя то, **что** является для тебя более важным — **твои отметки** или **твоё собственное мышление**.

— А разве можно ***бояться думать***, пап?.. Ведь наших мыслей никто не слышит?.. Чего же тогда бояться?

— Слышать-то не услышат... Но ***каждая созревшая мысль формирует твоё сознание***, Светленькая. А когда твои мысли меняются, то меняешься с ними и ты... И если мысли у тебя **правильные**, то они могут очень и очень кому-то не понравиться. Далеко не всем людям **нравится думать**, видишь ли. Очень многие предпочитают сваливать это на плечи другим, таким как ты, а сами остаются лишь «исполнителями» чужих желаний на всю свою оставшуюся жизнь. И счастье для них, если те же «думающие» не бьются в борьбе за власть, потому что тогда в игру идут уже *не* ***настоящие человеческие ценности****, а ложь, бахвальство, насилие, и даже преступление*, если они хотят избавиться от думающих с ними «невпопад»... Поэтому **думать может быть очень опасно**, моя Светлая. И всё зависит лишь от того, **будешь ли ты этого бояться** или **предпочтёшь страху свою человеческую честь**...

Я взобралась к папе на диван и свернулась рядом с ним калачиком, подра-

жая (очень этим недовольному) Гришке. Рядом с папой я всегда чувствовала себя очень защищённо и умиротворённо. Казалось, ничто плохое не может до нас добраться, как и ничто плохое не может со мной случиться, когда я нахожусь рядом с ним. Чего, конечно же, нельзя было сказать про взъерошенного Гришку, так как он тоже обожал проводимые с папой часы и не выносил, когда кто-либо в эти часы вторгался... Он шипел на меня очень недружелюбно и всем своим видом показывал, что лучше бы мне было поскорее отсюда убраться... Я рассмеялась и решила оставить его спокойно наслаждаться таким дорогим для него удовольствием, а сама пошла чуточку поразмяться — поиграть на дворе с соседскими ребятами в снежки.

Я считала дни и часы, оставшиеся до моего **десятого** дня рождения, чувствуя себя уже почти что «совсем взрослой», но к своему большому стыду, была не в состоянии ни на минуту забыть мой деньрожденческий «сюрприз», что конечно же, ничего положительного к той же самой моей «взрослости» не прибавляло...

Я так же, как и все дети на свете, обожала подарки... И теперь целыми днями гадала, что же это такое могло быть, что по мнению бабушки, с такой уверенностью **должно было** мне «очень понравиться»?.. Но ждать оставалось не так уж долго, и очень скоро полностью подтвердилось то, что делать это очень даже стоило…

Наконец-то наступившее моё «деньрожденческое» утро было холодным, искристым и солнечным, как и подобало в настоящий праздничный день. Воздух «лопался» от холода цветными звёздочками и буквально «звенел», заставляя пешеходов двигаться быстрее обычного... У всех нас, выходя на двор, захватывало дух, и от «всего живого» вокруг буквально валил пар, смешно делая всех похожими на разноцветные паровозы, спешащие в разных направлениях...

После завтрака я уже просто не могла усидеть на месте и ходила «хвостом» за мамой, ожидая, когда же уже наконец-то увижу свой долгожданный «сюрприз». К моему величайшему удивлению, мама пошла со мной к соседскому дому и постучалась в дверь... Несмотря на то, что наша соседка была очень приятным человеком, какое отношение она могла иметь к моему дню рождения — для меня оставалось загадкой...

— А, наша «праздничная» девочка пришла! — открыв дверь, весело произнесла соседка. — Ну, пойдёмте, Пурга вас ждёт.

И тут у меня буквально подкосились ноги... Пурга (или вернее — по-литовски, Пуга) была изумительно красивой соседской лошадкой, на которой мне очень часто разрешалось кататься верхом. И я её просто обожала!.. В этой чудесной лошади было красиво всё — и внешний вид, и её чуткая «лошадиная» душа, и спокойный, надёжный характер. По моему понятию, она вообще была самой красивой и самой чудесной на свете лошадью!.. Она была серебристо-серого цвета (что ещё называлось — седой), со снежно-белым длинным хвостом, вся «усыпана» светло-серыми и белыми яблоками. Когда я приходила, она всегда здоровалась, тыкаясь своим удивительно мягким носом мне в плечо, как бы говоря:

— Ну, вот я какая хорошая, возьми меня кататься!!!

У неё была очень красивая морда, очень изящная, с огромными, мягкими, добрыми глазами, которые, казалось, понимали всё. И было бы просто «преступлением» её не любить...

Несмотря на то, что наш двор был очень большим, и в нём всегда было полно всякой домашней «живности», коня мы не могли держать по той простой причине, что его не так-то просто было купить. Арабский жеребец стоил для нас (по тогдашним меркам) очень дорого, потому что мой папа в то время работал в газете намного меньше часов, чем обычно (так как, по общему согласию семьи, был занят писанием пьес для русского драматического театра) и поэтому большими финансами мы в тот момент не располагали. И хотя это было уже подходящее время для меня по-настоящему учиться конской езде, единственная возможность это делать была проситься иногда выезжать на прогулку с Пургой, которая почему-то меня тоже очень любила и всегда с удовольствием выезжала со мной кататься.

Но в последнее время Пурга была очень грустной и не выходила со своего двора. И к моему большому сожалению, уже больше трёх месяцев, как мне не разрешалось выезжать с ней на прогулки. Чуть более трёх месяцев назад её хозяин скоропостижно скончался, а так как они всегда жили с Пургой «душа в душу», то его жене видимо было тяжело какое-то время видеть Пургу с кем-либо другим. Так она бедненькая и проводила в своём (правда очень большом) загоне целые дни, безмерно тоскуя о своём, вдруг куда-то неожиданно исчезнувшем любимом хозяине.

Вот к этому-то чудесному другу и повели меня в утро моего десятого дня рождения... Моё сердце от волнения буквально выскакивало из груди!.. Я просто не в состоянии была поверить, что сейчас вот-вот может осуществиться моя самая большая детская мечта!.. Помню с тех пор, как впервые без посторонней помощи сумела залезть на Пургу, я без конца упрашивала маму и папу купить мне лошадку, но они всегда говорили, что сейчас плохое для этого время и, что они *«обязательно это сделают, надо только немного подождать»*.

Пурга встретила меня, как всегда, очень дружелюбно, но за эти три месяца она как бы в чём-то изменилась. Была очень грустной, с замедленными движениями, и не высказывала слишком большого стремления выйти наружу. Я спросила хозяйку, почему она такая «другая»? Соседка сказала, что бедная Пурга, видимо, тоскует по хозяину, и ей очень её жаль.

— Попробуй, — сказала она, — если сумеешь её «оживить» — она твоя!

Я просто не могла поверить тому, что услышала, и мысленно поклялась ни за что на свете не упустить этот шанс! Осторожно подойдя к Пурге, я ласково погладила её влажный, бархатистый нос, и начала тихонечко с ней разговаривать. Я говорила ей, какая она хорошая и как я её люблю, как прекрасно нам будет вместе и как сильно я буду о ней заботиться… Конечно же, я была всего лишь ребёнком и искренне верила, что всё, что я говорю, Пурга поймёт. Но даже сейчас, спустя столько лет, я всё ещё думаю, что каким-то образом эта удивительная лошадь меня и в правду понимала... Как бы там ни было, Пурга ласково

ткнулась мне в шею своими тёплыми губами, давая понять, что она готова «пойти со мной погулять»... Я кое-как на неё взобралась, от волнения никак не попадая ногой в петлю, изо всех сил постаралась успокоить своё рвущееся наружу сердце, и мы медленно двинулись со двора, поворачивая нашей знакомой тропинкой в лес, где она так же, как и я, очень любила бывать. От неожиданного «сюрприза» меня всю трясло, и я никак не могла поверить тому, что всё это по-настоящему происходило! Мне очень хотелось себя сильно ущипнуть, и в то же время я боялась, что вдруг прямо сейчас проснусь от этого чудесного сна, и всё окажется всего лишь красивой праздничной сказкой... Но время шло и ничего не менялось. Пурга — моя любимая подруга — была здесь со мной, и только чуть-чуть не хватало, чтобы она стала по-настоящему моей!..

День моего рождения в том году выпал на воскресение, а так как погода была просто великолепной, многие соседи в то утро прогуливались по улице, останавливаясь поделиться друг с другом последними новостями или просто подышать «свежепахнувшим» зимним воздухом. Я чуточку волновалась, зная, что сейчас же стану объектом всеобщего обозрения, но несмотря на волнение, очень хотела выглядеть уверенной и гордой на моей любимой красавице Пурге... Собрав свои «растрёпанные» эмоции в кулак, чтобы не подвести чудесную подружку, я тихонечко тронула её бок ногой, и мы выехали за ворота... Мама, папа, бабушка и соседка стояли на дворе и махали нам вдогонку, как будто для них, так же, как для меня, это тоже было каким-то невероятно важным событием... Это было по-доброму смешно и забавно и как-то сразу помогло мне расслабиться, и мы уже спокойно и уверенно поехали дальше. Соседская ребятня тоже высыпала во двор и махала руками, выкрикивая приветствия. Вообще, получился настоящий «праздничный кавардак», который развеселил даже прогуливающихся на той же улице соседей...

Скоро показался лес, и мы, повернув на уже хорошо знакомую нам тропинку, скрылись из виду... И вот тут-то я дала волю своим вопящим от радости эмоциям!.. Я пищала, как несказанно обрадованный щенок, тысячу раз целовала Пургу в шелковистый нос (количество чего она никак не могла понять...), громко пела какие-то несуразные песни, вообще — ликовала, как только позволяла мне моя счастливая детская душа...

— Ну, пожалуйста, моя хорошая, покажи им, что ты опять счастливая... Ну, пожалуйста! И мы снова будем вместе много-много кататься! Сколько захочешь, обещаю тебе!.. Только пусть они все увидят, что ты в порядке... — упрашивала я Пургу.

Я чувствовала себя с ней чудесно, и очень надеялась, что она тоже почувствует хоть частичку того, что чувствовала я. Погода была совершенно изумительной. Воздух буквально «трещал», настолько был чистым и холодным. Белый лесной покров блистал и искрился миллионами маленьких звёздочек, как будто чья-то большая рука щедро рассыпала по нему сказочные бриллианты. Пурга резво бежала по вытоптанной лыжниками тропинке и казалась совершенно довольной, к моей огромной радости начиная очень быстро оживать. Я буквально «летала» в душе от счастья, уже предвкушая тот радостный момент, когда мне

скажут, что она наконец-то по-настоящему ***моя***...

Через какие-то полчаса мы повернули назад, чтобы не заставлять волноваться всю мою семью, которая и без этого волновалась обо мне постоянно. Соседка всё ещё была на дворе, видимо желая собственными глазами убедиться, что с нами обоими всё в порядке. Тут же, естественно, на двор выбежали бабушка и мама, и уже последним появился папа, неся в руках какой то толстый цветной шнурок, который сразу же передал соседке. Я легко соскочила наземь и, подбежав к папе, с колотящимся от волнения сердечком, уткнулась ему в грудь, желая и боясь услышать такие важные для меня слова...

— Ну что, милая, любит она тебя! — тепло улыбаясь, сказала соседка, и, повязав тот же цветной шнурок Пурге на шею, торжественно подвела её ко мне. — Вот с этим же самым «поводком» мы привели её домой в первый раз. Бери её — она твоя. И счастья вам обоим...

На глазах доброй соседки блестели слёзы, видимо даже добрые воспоминания пока ещё очень сильно ранили её исстрадавшееся по утерянному мужу сердце...

— Я вам обещаю, я буду её очень любить и хорошо за ней смотреть! — задыхаясь от волнения, пролепетала я. — Она будет счастливой...

Все окружающие довольно улыбались, а мне вся эта сценка вдруг напомнила где-то уже виданный похожий эпизод, только там человеку вручали медаль... Я весело рассмеялась и, крепко обняв свой удивительный «подарок», поклялась в своей душе не расставаться с ним никогда.

Вдруг меня осенило:

— Ой, постойте, а где же она будет жить?!.. У нас ведь нет такого чудесного места, как имеете вы? — расстроившись, спросила соседку я.

— Не волнуйся, милая, она может жить у меня, а ты будешь приходить, чтобы её чистить, кормить, за ней смотреть и на ней кататься — она твоя. Представь себе, что вы «снимаете» у меня для неё дом. Мне он больше не будет нужен, я ведь не буду заводить больше лошадей. Вот и пользуйтесь на здоровье. А мне приятно будет, что Пурга будет и дальше у меня жить.

Я благодарно обняла мою добрую соседку и взявшись за цветной шнурок, повела (теперь уже *мою*!!!) Пургу домой. Моё детское сердце ликовало — это был самый прекрасный подарок на свете! И его, правда, стоило подождать...

Уже где-то с полудня, чуточку очухавшись после такого ошеломляющего подарка, я начала свои «шпионские» вылазки на кухню и в столовую. Вернее — я пыталась... Но даже при самых настойчивых попытках, проникнуть туда мне, к сожалению, никак не удавалось. В этом году бабушка, видимо, железно решила ни за что не показывать мне своих «произведений» пока не придёт время настоящего «празднования»... А мне очень хотелось хотя бы краешком глаза посмотреть, что же она так усердно два дня там колдует, не принимая ничью помощь и не пуская никого даже за порог.

Но вот наконец-то наступил долгожданный час — около пяти вечера начали появляться мои первые гости... И я, в конце концов, получила право полюбоваться своим праздничным столом... Когда в гостиную открыли дверь, я поду-

мала, что попала в какой-то сказочный, райский сад!.. Бабушка весело улыбалась, а я бросилась ей на шею, чуть ли не рыдая от переполнявших меня чувств благодарности и восторга...

Вся комната была украшена зимними цветами... Огромные чашечки ярко жёлтых хризантем создавали впечатление множества солнышек, от которых в комнате было светло и радостно. А уж праздничный стол являл собою настоящее произведение бабушкиного искусства!.. Он благоухал совершенно сногсшибательными запахами и потрясал многообразием блюд... Здесь была и покрытая золотистой корочкой утка, с моей любимой грушёвой подливкой, в которой «тонули» целые половинки томлёных в сливках, пахнущих корицей груш... И дразнившая нежнейшим запахом грибного соуса, истекающая соком курочка, пышущая начинкой из белых грибов с орехами, и буквально тающая во рту... По середине стола «впечатляла» своим размером страшенная щука, запечённая целиком с сочными кусочками сладкого красного перца в лимонно-брусничном соусе... А от запаха толстеньких, лопающихся от пышущего жара, сочных индюшьих ножек под корочкой клюквенного муса, мой бедный желудок подпрыгнул аж до самого потолка!.. Гирлянды нарезанных тоненькими кусочками всевозможных копчёных колбасок, нанизанных на тончайшие прутики наподобие шашлыка и скрашенных маринованными помидорами и солёными домашними огурчиками, «убивали» запахами знаменитых литовских «копчёностей», нисколько не уступая одуряюще пахнувшей копчёной сёмге, вокруг которой весёлыми кучками высились, политые сметаной, сочные солёные грузди... Золотисто поджаренные кругленькие пирожки попыхивали горячим паром, а вокруг них в воздухе витал совершенно неповторимый «капустный» аромат... Всё это изобилие искуснейших бабушкиных «произведений» полностью потрясло моё «голодное» воображение, не говоря уже о сладостях, вершиной которых был мой любимый, взбитый с вишнями, тающий во рту творожный пирог!.. Я восхищённо смотрела на бабушку, от всей души благодаря её за этот сказочный, по-настоящему королевский стол!.. А она в ответ только улыбнулась, довольная произведённым эффектом, и тут же начала с величайшим усердием угощать моих, ошалевших от такого изобилия, гостей.

После в моей жизни было множество «больших» юбилейных дней рождения, но ни один из них, даже праздновавшихся в самых изысканных заграничных ресторанах, никогда даже близко не сумел превзойти мой потрясающий десятый день рождения, который смастерила тогда для меня моя необыкновенная бабушка...

Но «сюрпризам» в этот вечер, видимо, не суждено было конч***а***ться... Через какие-то полчаса, когда «пир» уже был в самом разгаре, воздух в комнате вдруг по привычному (для меня) заколебался и... во всей своей красе появилась Стелла! Я от неожиданности подпрыгнула, чуть не опрокинув свою тарелку, и быстренько начала оглядываться по сторонам — не видит ли её кто-то ещё. Но гости со здоровым аппетитом, увлечённо поглощали «плоды» бабушкиного кулинарного искусства, не обращая никакого внимания на вдруг рядом с ними появившегося чудо-человечка...

— Сюрприз!!! — весело хлопнула в ладошки малышка. — С твоим ***большим*** деньрождением тебя!.. — и в комнате прямо с потолка посыпались тысячи самых причудливых цветов и бабочек, превращая её в сказочную «пещеру Алладина»...

— Как ты сюда попала?!!!.. Ты же говорила — тебе нельзя сюда приходить?!.. — забыв даже поблагодарить малышку за устроенную ею красоту, ошалело спросила я.

— Так я ведь и не знала!.. — воскликнула Стелла. — Просто думала вчера о тех умерших, которым ты помогала, и спросила бабушку, как же они смогли придти обратно. Оказалось — можно, только надо знать, как это делать! Вот я и пришла. Разве ты не рада?..

— Ой, ну, конечно же, рада! — тут же заверила я, а сама панически пыталась что-то придумать, чтобы возможно было одновременно общаться и с ней, и со всеми остальными моими гостями, ничем не выдавая ни её, ни себя. Но тут неожиданно произошёл ещё больший сюрприз, который полностью вышиб меня из и так уже достаточно усложнившейся колеи....

— Ой, сколько свето-о-ськов!... А класи-и-во как, ба-а-тюски!!!... — в полном восторге, шепелявя пропищал, крутившийся «волчком» на маминых коленях, трёхлетний малыш. — И ба-а-боськи!... А бабоськи какие больсы-ы-е!

Я остолбенело на него уставилась, и какое-то время так и сидела, не в состоянии произнести ни слова. А малыш, как ни в чём не бывало, счастливо продолжал лопотать и вырываться из крепко его державших маминых рук, чтобы «пощупать» все эти вдруг откуда-то неожиданно свалившиеся, да ещё такие яркие и такие разноцветные, «красивости»... Стелла, поняв, что ***кто-то ещё*** её ***увидел***, от радости начала показывать ему разные смешные сказочные картинки, чем малыша окончательно очаровала, и тот со счастливым визгом прыгал на маминых коленях от лившегося «через край» дикого восторга...

— Девоська, девоська, а кто ты девоська?!. Ой, ба-а-тюски, какой больсой ми-и-ска!!! И совсем лозавенкий! Мама, мама, а мозно я возьму его домой?.. Ой, а пти-и-ськи какие блестя-я-сие!.. И клылыски золотые!..

Его широко распахнутые голубые глазёнки с восторгом ловили каждое новое появление «яркого и необычного», а счастливая мордашка радостно сияла — малыш принимал всё происходящее по-детски естественно, как будто **именно так** оно и должно было быть...

Ситуация полностью уходила из под контроля, но я ничего не замечала вокруг, думая в тот момент только об одном — мальчик **видел**!!! Видел так же, как видела я!.. Значит всё-таки это было правдой, что существуют где-то ещё такие люди?.. И значит — я была совершенно ***нормальной*** и совсем не одинокой, как думала вначале! Значит, это и вправду был Дар?.. Видимо, я слишком ошарашено и пристально его разглядывала, так как растерянная мама сильно покраснела и сразу же кинулась «успокаивать» сынишку, чтобы только никто не успел услышать, о чём он говорит... и тут же стала мне доказывать, что *«это он просто всё придумывает, и что* ***врач говорит*** *(!!!), что у него очень буйная фантазия... и не надо обращать на него внимания!..»*. Она очень нервничала, и я

видела, что ей очень хотелось бы прямо сейчас отсюда уйти, только бы избежать возможных вопросов...

— Пожалуйста, только не волнуйтесь! — умоляюще, тихо произнесла я. — Ваш сын не придумывает — он **видит**! Так же, как и я. Вы должны ему помочь! Пожалуйста, не ведите его больше к доктору, мальчик у вас ***особенный***! А врачи всё это убьют! Поговорите с моей бабушкой — она вам многое объяснит... Только не ведите его больше к доктору, пожалуйста!.. — я не могла остановиться, так как моё сердце болело за этого маленького одарённого мальчонку, и мне дико хотелось, чего бы это ни стоило, его «сохранить»!..

— Вот смотрите, сейчас я ему что-то покажу и он увидит — а вы нет, потому что у него есть дар, а у вас нет, — и я быстренько воссоздала Стеллиного красного дракончика.

— О-о-й, сто-о это?!. — в восторге захлопал в ладошки мальчик. — Это длаконсик, да? Как в скаске — длаконсик?.. Ой, какой он кра-а-сный!.. Мамоська, смотли — длаконсик!

— ***У меня дар тоже был***, Светлана... — тихо прошептала соседка. — Но я не допущу, чтобы мой сын так же из-за этого страдал. Я уже выстрадала за обоих... У него **должна быть *другая*** жизнь!..

Я даже подскочила от неожиданности!.. Значит она ***видела***?! И знала?!.. — тут уж меня просто прорвало от возмущения...

— А вы не думали, что он, возможно, имеет право **сам** выбирать? Это ведь **его жизнь**! И если ***Вы*** **не смогли с этим справиться**, это ещё **не значит, что не сможет и он**! Вы **не имеете права отнимать** у него его дар ещё до того, как он поймёт, что он у него есть!.. Это, как убийство — вы хотите убить его часть, *о которой он даже ещё не слыхал!..* — возмущённо шипела на неё я, а внутри у меня всё просто «стояло дыбом» от такой страшной несправедливости!

Мне хотелось во что бы то ни стало убедить эту упёртую женщину оставить в покое её чудесного малыша! Но я чётко видела по её грустному, но очень уверенному взгляду, что вряд ли на данный момент мне удастся её убедить в чём-то вообще, и я решила оставить на сегодня свои попытки, а позже поговорить с бабушкой, и возможно, вдвоём придумать, что бы здесь такое можно было бы предпринять... Я только грустно взглянула на женщину и ещё раз попросила:

— Пожалуйста, не ведите его к врачу, вы же знаете, что он не больной!..

Она лишь натянуто улыбнулась в ответ и быстренько забрав с собой малыша, вышла на крыльцо, видимо, подышать свежим воздухом, которого (я была в этом уверена) ей в данный момент очень не хватало...

Я очень хорошо знала эту соседку. Она была довольно приятной женщиной, но, что меня поразило когда-то более всего, это то, что она была ***<u>одной из тех</u>*** *людей, которые пытались полностью* ***«изолировать» от меня своих детей и травили меня*** *после злосчастного случая с «зажиганием огня»!..* (Хотя её старший сын, надо отдать ему должное, никогда меня не предавал и, несмотря ни на какие запреты, до сих пор продолжал со мной дружить). ***Она, кто****, как теперь оказалось,* ***<u>лучше всех</u>*** *остальных* ***<u>знала</u>****, что я была полностью* ***нормальной*** *и ничем* ***не опасной*** *девочкой! И что я* ***точно так же, как когда-то она*** *просто*

***искала правильный выход** из того «непонятного и неизвестного», во что так нежданно-негаданно швырнула меня судьба...*

*Вне всякого сомнения, **страх** должен являться очень сильным фактором в нашей жизни, если человек может **так легко предать** и **так просто отвернуться** от того, кто так сильно нуждается в помощи, и кому он с лёгкостью мог бы помочь, если б не тот же самый так глубоко и надёжно в нём поселившийся страх...*

*Конечно же, можно сказать, что я не знаю, **что** с ней когда-то происходило, и **что** заставила её перенести злая и безжалостная судьба... Но если бы я узнала, что кто-то в самом начале жизни имеет тот же дар, который заставил меня столько страдать, я бы сделала всё, что было бы в моих силах, чтобы хоть как-то помочь или направить на верный путь этого **другого одарённого** человека, чтобы ему не пришлось так же слепо «блуждать в потёмках» и так же сильно страдать... А она, вместо помощи, наоборот — постаралась меня «наказать», как наказывали другие, но эти другие хотя бы уж **не знали, что это было** и пытались честно защитить своих детей от того, чего они не могли объяснить или понять.*

*И вот она, как ни в чём не бывало, пришла сегодня к нам в гости со своим маленьким сынишкой, который оказался **точно таким же «одарённым», как я**, и которого она дико боялась кому-то показать, чтобы не дай Бог, кто-то не увидел, что её милый малыш является таким же точно «проклятием», каким являлась, по её «показному» понятию, я... Теперь я была уверена, что ей не доставило большого удовольствия к нам приходить, но отказать она тоже не очень-то могла, по той простой причине, что её старший сын — Альгис — был приглашён на мой день рождения, и с её стороны не было никакой серьёзной причины, чтобы его не пустить, и было бы уже чересчур невоспитанно и «не по-соседски», если бы она на это пошла. А пригласили мы её по той простой причине, что жили они от нас через три улицы, и возвращаться вечером домой её сыну пришлось бы одному, поэтому, естественно поняв, что мать будет волноваться, мы решили, что будет правильнее пригласить её также вместе с её маленьким сынишкой провести вечер за нашим праздничным столом. А она «бедная», как я теперь понимала, здесь всего лишь мучилась, ожидая возможности как можно скорее нас покинуть, и по возможности без каких-либо происшествий, как можно раньше вернуться домой...*

— Ты в порядке, милая? — прозвучал рядом ласковый мамин голос.

Я тут же ей как можно увереннее улыбнулась и сказала, что, конечно же, я в полном порядке. А у самой от всего происходящего кружилась голова, и душа уже начинала «уходить в пятки», так как я видела, что ребята понемногу начинают на меня оборачиваться и, хочешь-не-хочешь, мне приходилось быстренько брать себя в руки и «установить» над своими разбушевавшимися эмоциями «железный контроль»... Я была основательно «вышиблена» из своего привычного состояния и к большому стыду, совершенно забыла про Стеллу... Но малышка тут же постаралась о себе напомнить.

— А ты ведь говорила, что у тебя нет друзей, а их вон даже сколько?!.. —

удивлённо и даже как-то чуть-чуть расстроено, спросила Стелла.

— Это не те друзья, которые ***настоящие***. Это просто ребята, с которыми я рядом живу или с которыми вместе учусь. Они не такие, как ты. А вот ты — настоящая.

Стелла сразу же засияла... А я, «отключённо» ей улыбаясь, лихорадочно пыталась найти какой-то выход, абсолютно не зная, каким образом из этого «скользкого» положения выйти, и уже начинала нервничать, так как ни за что не хотела обижать свою лучшую подругу, но наверняка знала, что скоро моё «странное» поведение обязательно начнут замечать... И опять посыпятся глупые вопросы, на которые у меня сегодня не было ни малейшего желания отвечать.

— Ух ты, какая у вас здесь вкуснятина!!! — в восторге разглядывая праздничный стол, затараторила Стелла. — Как жалко, я уже не могу попробовать!.. А что тебе подарили сегодня? А можно мне посмотреть?.. — как обычно, из неё градом сыпались вопросы.

— Мне подарили мою любимую лошадку!.. И ещё много всего, я даже ещё не смотрела. Но я тебе обязательно всё покажу!

Стелла просто искрилась от счастья быть вместе со мной здесь, на Земле, а я всё больше терялась, никак не находя решения из создавшегося щекотливого положения.

— Как это всё красиво!.. И как же всё-таки это наверное вкусно!.. — Какая ты счастливая — есть такое!

— Ну, я тоже такого не получаю каждый день, — засмеялась я.

Бабушка за мной лукаво наблюдала, видимо от души забавляясь возникшей ситуацией, но пока не собиралась мне помогать, как всегда сперва ожидая, что же я такое предприму сама. Но мне, наверное от слишком бурных сегодняшних эмоций, как на зло ничего не приходило в голову... И я уже серьёзно начинала паниковать.

— Ой, а вот и твоя бабушка! Можно я приглашу сюда свою? — радостно предложила Стелла.

— *Нет!!!* — Сразу же мысленно чуть ли не закричала я, но обижать малышку было никак нельзя, и я, с самым счастливым видом, который в тот момент сумела изобразить, радостно сказала: — Ну, конечно же — приглашай!

И тут же, в дверях появилась всё та же самая, теперь уже хорошо мне знакомая, удивительная старушка...

— Здравствуйте, дорогие, я тут к Анне Фёдоровне шла, а попала прямо на пир. Вы уж простите за вторжение...

— Да что вы, заходите пожалуйста! Места всем хватит! — ласково предложил папа, и очень внимательно уставился прямо на меня...

Хотя на моего «гостя» или «школьного товарища» Стеллина бабушка никак не походила, но папа, видимо почувствовав в ней что-то необычное, сразу же «свалил» это «необычное» на меня, так как за всё «странное», происходящее в нашем доме, обычно отвечала я...

У меня от смущения за то, что я не могу ему сейчас ничего объяснить, покраснели даже уши... Я знала, что после, когда все гости уйдут, обязательно

сразу же всё ему расскажу, но пока мне очень не хотелось встречаться с папой глазами, так как я не привыкла что-то от него скрывать и чувствовала себя от этого сильно «не в своей тарелке»...

— Да что с тобой опять, милая? — тихо спросила мама. — Ты прямо витаешь где-то... Может сильно устала? Хочешь полежать?

Мама по-настоящему беспокоилась, и мне было совестно говорить ей неправду. А так как правду я, к сожалению, сказать не могла (чтобы снова её не пугать), то я тут же постаралась её заверить, что у меня всё правда-правда совершенно прекрасно. А сама лихорадочно думала, что же такое всё-таки предпринять...

— А что ты так нервничаешь? — неожиданно спросила Стелла. — Это потому, что я пришла?

— Ну, что ты! — воскликнула я, но, увидев её пристальный взгляд, решила, что нечестно обманывать боевого товарища.

— Ладно, ты угадала. Просто когда я говорю с тобой, для всех остальных я выгляжу «замороженной», и это смотрится очень странно. Особенно это пугает маму... Вот я и не знаю, как выйти из такого положения, чтобы было хорошо всем...

— А что же ты мне не сказала?!.. — очень удивилась Стелла. — Я ведь хотела тебя обрадовать, а не расстроить! Я сейчас же уйду.

— Но ты ведь меня и вправду обрадовала! — искренне возразила я. — Это просто из-за них...

— А ты скоро придёшь опять? Я соскучилась... Так неинтересно одной гулять... Хорошо бабушке — она живая и может ходить куда хочет, даже к вам....

Мне стало дико жаль эту чудесную, добрейшую девчушку...

— А ты приходи когда захочешь, только когда я буду одна, тогда нам никто не сможет мешать, — искренне предложила я. — А к тебе я скоро приду, вот только кончатся праздники. Ты только подожди.

Стелла радостно улыбнулась, и снова «украсив» комнату сумасшедшими цветами и бабочками, исчезла... А мне без неё сразу стало пусто, как будто она унесла с собой частичку радости, которой был наполнен этот чудесный вечер... Я посмотрела на бабушку, ища поддержки, но она о чём-то очень увлечённо беседовала со своей гостьей и на меня никакого внимания не обращала. Всё опять вроде бы встало на свои места, и снова всё было хорошо, но я не переставала думать о Стелле, о том, как она одинока, и как несправедлива иногда почему-то бывает наша Судьба... Так, пообещав себе как можно скорее вернуться к своей верной подружке, я опять полностью «возвратилась» к своим «живым» друзьям, и только папа, очень внимательно целый вечер за мной наблюдавший, смотрел на меня удивлёнными глазами, как будто сильно стараясь понять, ***где же*** и ***что же*** такое серьёзное он со мной так обидно когда-то «проморгал»...

Когда гости уже начали расходиться по домам, «видящий» мальчик вдруг начал плакать... Когда я его спросила, что же такое случилось, он надул губки и обиженно произнёс:

— А где зе девоська?.. И миска? И бабосек нету...

Мама лишь натянуто улыбнулась в ответ, и быстренько забрав никак не желающего с нами прощаться второго сына, ушла домой...

Я была очень расстроена и очень счастлива одновременно!.. Это было впервые, когда я встретила другого малыша, у которого имелся похожий дар... И я дала себе слово не успокоиться, пока не удастся убедить эту «несправедливую» и несчастную маму, каким по-настоящему огромным чудом являлся её малыш... У него, как и у каждого из нас, **должно было** оставаться *право свободного выбора*, и его мама **не имела права** это у него отнимать... Во всяком случае, до тех пор, когда он сам не начнёт что-то понимать.

Я подняла глаза и увидела папу, который стоял, оперевшись на дверной косяк, и всё это время с большим интересом за мной наблюдал. Папа подошёл и, ласково обняв меня за плечи, тихонечко произнёс:

— Ну-ка, пойдём, ты расскажешь мне, за что это ты здесь так горячо воевала...

И тут же мне стало на душе очень легко и спокойно. Наконец-то он всё-всё узнает, и мне больше никогда не придётся ничего от него скрывать! Он был моим лучшим другом, который, к сожалению, ***не знал даже половины правды*** о том, в чём по-настоящему заключалась моя жизнь... Это было **нечестно** и это было **несправедливо**... И я только сейчас поняла, как странно было всё это время от папы скрывать мою «вторую» жизнь только лишь потому, что маме казалось — папа не поймёт... Я **должна была** дать ему ещё раньше такой шанс и теперь была очень рада, что могу это сделать хотя бы сейчас...

Удобно устроившись на его любимом диване, мы говорили очень долго... И как же сильно меня обрадовало и удивило то, что, по мере того, как я рассказывала ему о своих невероятных приключениях, папино лицо всё больше и больше светлело!.. Я поняла, что вся моя «невероятная» история его не только не пугает, а наоборот, почему-то делает очень счастливым...

— Я всегда знал, что ты у меня будешь особенной, Светленькая... — когда я закончила, очень серьёзно сказал папа. — Я тобой горжусь. Могу ли я чем-то тебе помочь?

Я была настолько потрясена происшедшим, что ни с того, ни с сего, разревелась навзрыд... Папа баюкал меня в своих руках, как маленького ребёнка, тихонечко что-то нашёптывая, а я от счастья, что он меня понял, ничего не слышала, только понимала, что все мои ненавистные «тайны» уже позади, и теперь уж точно **всё будет хорошо**...

Я написала об этом дне рождения потому, что он оставил в моей душе глубокий след чего-то очень важного и очень доброго, без чего мой рассказ о себе наверняка оказался бы неполным...

На следующий день всё снова казалось обычным и каждодневным, как будто и не было вчера того невероятно счастливого дня рождения... Привычные школьные и домашние заботы почти полностью загружали отпущенные сутками часы, а что оставалось — как всегда, было моим самым любимым временем, и использовать его я старалась очень «экономно», чтобы как можно больше полезного *узнать*, и как можно больше «необычного» в себе и во всём окружаю-

щем отыскать...

К «одарённому» соседскому мальчику меня, естественно, не подпускали, объясняя тем, что малыш простыл, но как я чуть позже узнала от его старшего брата, мальчик чувствовал себя совершенно прекрасно и «болел» видимо только для меня...

Было очень жаль, что его мать, которая наверняка прошла в своё время достаточно «тернистый» путь того же самого «необычного», категорически не желала принять от меня никакую помощь, и старалась всячески оградить от меня своего милого, талантливого сынишку. Но это, опять-таки, был лишь один из множества тех ***горьких и обидных моментов*** моей жизни, когда *никто не нуждался в предлагаемой мною помощи*, и таких «моментов» я теперь уже старалась как можно тщательнее избегать... Опять же — людям невозможно было что-то доказать, если они не хотели этого принимать. А доказывать свою правду *«с огнём и мечом»* я никогда не считала правильным, поэтому предпочитала оставлять всё на самотёк до того момента, когда человек придёт ко мне сам и попросит ему помочь.

От своих школьных подружек я снова чуточку отдалилась, так как в последнее время у них появились почти что постоянно одни и те же разговоры — какие мальчишки им больше всего нравятся, и как можно было бы одного или другого «заполучить»... Откровенно говоря, я никак не могла понять, чем это так сильно их тогда привлекало, что они могли безжалостно тратить на это такие дорогие нам всем свободные часы, и притом, находиться в совершенно восторженном состоянии от всего, друг другу сказанного или услышанного.

Видимо, я для всей этой сложной эпопеи «мальчишки-девчонки» была почему-то пока ещё совершенно и полностью не готова, за что и получила от своих подружек злое прозвище — «гордячка»... Хотя, думаю, что именно *гордячкой*-то я никак не была... А просто девчонок бесило, что я отказывалась от предлагаемых ими «мероприятий», по той простой причине, что меня **честно** это пока ещё никак не интересовало, а выбрасывать своё свободное время напрасно я не видела никакой серьёзной на то причины. Но естественно моим школьным товарищам такое моё поведение никоим образом не нравилось, так как оно, опять же, *выделяло меня из общей толпы* и делало *другой*, не такой, как все остальные, что, по мнению ребят, было по-школьному «противочеловечно»...

Вот так, опять наполовину «отверженной» школьными друзьями и подружками проходили мои зимние дни, что меня больше уже ничуть не огорчало, так как, поволновавшись из-за наших «взаимоотношений» несколько лет, я увидела, что в конечном итоге, в этом нет никакого смысла, так как *каждый живёт так, как считает нужным*, ну, а что из нас получится позже — это уже, опять же, частная проблема каждого из нас. И никто не мог меня заставить праздно тратить моё «ценное» время на пустые разговоры, когда я предпочитала его проводить, читая интереснейшие книги, гуляя по «этажам» или даже катаясь по зимним тропинкам на Пурге...

Папа после моего честного рассказа о моих «приключениях», почему-то вдруг (к моей огромной радости!!!) перестал считать меня «малым ребёнком» и

неожиданно открыл мне доступ ко всем своим раннее неразрешённым книгам, что ещё больше привязало меня к «одиночеству дома», и совмещая такую жизнь с бабушкиными пирогами, я чувствовала себя абсолютно счастливой и уж точно никоим образом не одинокой...

Но, как это бывало и раньше, долго спокойно заниматься моим любимым чтением мне было явно «противопоказано», так как уже почти что в обязательном порядке что-то «неординарное» обязательно должно было произойти... Так и в тот вечер, когда я спокойно читала новую книжку, с наслаждением хрустя только что испечёнными вишнёвыми пирожками, неожиданно появилась взвинченно-взьерошенная Стелла и безапелляционным голосом заявила:

— Как хорошо, что я тебя нашла — ты должна сейчас же со мной пойти!..

— А что такое случилось?.. Пойти куда? — удивившись такой необычной спешке, спросила я.

— К Марии, там Дин погиб... Ну, давай же!!! — нетерпеливо крикнула подружка.

Я сразу же вспомнила маленькую, черноглазую Марию, у которой был один-единственный друг — её верный Дин...

— Уже иду! — всполошилась я и быстро кинулась за Стеллой на «этажи»...

34. Печаль

Нас опять встретил тот же хмурый, зловещий пейзаж, на который я уже почти не обращала внимания, так как он, как и всё остальное, после стольких хождений в Нижний Астрал, стал для нас почти что привычным, насколько можно было привыкнуть к такому вообще...

Мы быстренько осмотрелись вокруг, и тут же увидели Марию...

Малышка, сгорбившись, сидела прямо на земле совершенно поникшая, не видя и не слыша ничего вокруг и только ласково гладила замёрзшей ладошкой мохнатое, неподвижное тело «ушедшего» друга, как бы пытаясь этим его разбудить... Суровые и горькие, совсем не детские слёзы ручейками струились из её грустных, потухших глаз и вспыхивая блестящими искорками, исчезали в сухой траве, орошая её на мгновение чистым, ***живым*** *дождём*... Казалось, весь этот и без того уже достаточно жестокий мир стал для Марии теперь ещё более холодным и ещё более чужим... Она осталась совсем одна, такая удивительно хрупкая в своей глубокой печали, и некому больше было её ни утешить, ни приласкать, ни хотя бы просто по-дружески защитить... А рядом с ней огромным, неподвижным бугром лежал её лучший друг, её верный Дин... Она жалась к его мягкой мохнатой спине, бессознательно **отказываясь** признавать его смерть. И упорно не желала его покидать, как будто зная, что даже сейчас, после смерти он всё ещё также верно её любил и также искренне оберегал...

Ей очень не хватало его тепла, его сильной «мохнатой» поддержки, и того привычного, надёжного, «***их*** мирка», в котором обитали только лишь они вдвоём... Но Дин молчал, упорно не желая просыпаться... А вокруг него шныряли какие-то маленькие, зубастые существа, которые так и норовили ухватить

хотя бы малый кусок его волосатой «плоти»... В начале Мария ещё пыталась отгонять их палкой, но, увидев, что нападавшие не обращали на неё никакого внимания, махнула на всё рукой...

Здесь так же, как и на «твёрдой» Земле, существовал «закон сильного», но когда этот сильный погибал — те, кто **не могли достать его живым**, теперь же с удовольствием старались наверстать упущенное, «отведав» его энергетического тела хотя бы мёртвым...

От этой горестной картины у меня резко заныло сердце и по-предательски защипало в глазах... Мне стало вдруг дико жаль эту чудесную, храбрую девчушку... И я не могла даже себе представить, как же сможет она, бедняжка, совсем одинокой в этом страшном, зловещем мире за себя постоять?!

Стеллины глаза тоже вдруг влажно заблестели — видимо, её посетили схожие мысли.

— Прости меня, Мария, как же погиб твой Дин? — Наконец-то решилась спросить я.

Девчушка подняла на нас свою заплаканную мордашку, по-моему, даже не понимая, о чём её спрашивают. Она была очень далеко... Возможно там, где её верный друг был ещё живой, где она не была такой одинокой, где всё было понятно и хорошо... И малышка никак не хотела сюда возвращаться. Сегодняшний мир был злым и опасным, а ей больше не на кого было опереться, и некому было её защищать... Наконец-то, глубоко вздохнув и геройски собрав свои эмоции в кулачок, Мария поведала нам грустную историю Дининой смерти...

— Я была с мамой, а мой добрый Дин, как всегда, нас стерёг... И тут вдруг откуда-то появился *страшный* человек. Он был очень нехороший. От него хотелось бежать, куда глаза глядят, только я никак не могла понять — почему... Он был таким же, как мы, даже красивым, просто очень неприятным. От него веяло жутью и смертью. И он всё время хохотал. А от этого хохота у нас с мамой стыла кровь... Он хотел забрать с собой маму, говорил, что она будет ему служить... А мама вырывалась, но он, конечно же, был намного сильнее... И тут Дин попробовал нас защитить, что раньше ему всегда удавалось. Только человек был наверняка каким-то особенным... Он швырнул в Дина странное оранжевое «пламя», которое невозможно было погасить... А когда, даже горящий, Дин попытался нас защитить — человек его убил голубой молнией, которая вдруг «полыхнула» из его руки. Вот так погиб мой Дин... И теперь я одна.

— А где же твоя мама? — спросила Стелла.

— Мама всё здесь же, — малышка смутилась.— Просто она очень часто злится... И теперь у нас нет защиты. Теперь мы совсем одни...

Мы со Стеллой переглянулись... Чувствовалось, что обоих одновременно посетила та же самая мысль — Светило!.. Он был сильным и добрым. Оставалось только надеяться, что у него возникнет желание помочь этой несчастной, одинокой девчушке, и стать её настоящим защитником хотя бы до тех пор, пока она вернётся в свой «хороший и добрый» мир...

— А где теперь этот *страшный человек*? Ты знаешь, куда он ушёл? — нетерпеливо спросила я. — И почему он не взял-таки с собой твою маму?

— Не знаю, наверное, он вернётся. Я не знаю, куда он пошёл, и я не знаю, кто он такой. Но он очень, очень злой... Почему он такой злой, девочки?

— Ну, это мы узнаем, обещаю тебе. А теперь — хотела бы ты увидеть ***хорошего*** человека? Он тоже здесь, но, в отличие от того «страшного», он и правда очень хороший. Он может быть твоим другом, пока ты здесь, если ты, конечно, этого захочешь. Друзья зовут его Свет**и**ло.

— О, какое красивое имя! И доброе...

Мария понемножечку начала оживать, и когда мы предложили ей познакомиться с новым другом, она, хоть и не очень уверенно, но всё-таки согласилась. Перед нами появилась уже знакомая нам пещера, а из неё лился золотистый и тёплый солнечный свет.

— Ой, смотрите!.. Это же солнышко?!.. Оно совсем, как настоящее!.. А как оно попало **сюда**? — ошарашено уставилась на такую необычную для этого жуткого места красоту, малышка.

— Оно и есть настоящее, — улыбнулась Стелла. — Только его создали мы. Иди, посмотри!

Мария робко скользнула в пещеру, и тут же, как мы и ожидали, послышался восторженный визг...

Она выскочила наружу совершенно обалдевшая и от удивления всё никак не могла связать двух слов, хотя по её распахнутым от полного восторга глазам было видно, что сказать ей уж точно было что... Стелла ласково обняла девочку за плечи и вернула её обратно в пещеру... которая, к нашему величайшему удивлению, оказалась пустой...

— Ну и где же мой новый друг? — расстроено спросила Мария. — Разве вы не надеялись его здесь найти?

Стелла никак не могла понять, что же такое могло произойти, что заставило бы Светило покинуть свою «солнечную» обитель?..

— Может что-то случилось? — задала совершенно глупый вопрос я.

— Ну, естественно — случилось! Иначе он бы никогда отсюда не ушёл.

— А может здесь тоже был тот *злой человек*? — испуганно спросила Мария.

Честно признаться, у меня тоже мелькнула такая мысль, но высказать её я не успела по той простой причине, что, ведя за собой троих малышей, появился Светило... Детишки были чем-то смертельно напуганы и, трясясь как осенние листики, боязливо жались к Светилу, боясь от него отойти хоть на шаг. Но детское любопытство вскоре явно пересилило страх, и, выглядывая из-за широкой спины своего защитника, они удивлённо рассматривали нашу необычную тройку... Что же касалось нас, то мы, забыв даже поздороваться, вероятно, с ещё большим любопытством уставились на малышей, пытаясь сообразить, откуда они могли взяться в «нижнем астрале», и что же всё-таки такое здесь произошло...

— Здравствуйте, милые... Не надо вам было сюда приходить. Что-то нехорошее здесь происходит... — ласково поздоровался Свет**и**ло.

— Ну, хорошего здесь вряд ли можно было бы ожидать вообще... — грустно усмехнувшись, прокомментировала Стелла. — А как же получилось, что ты

ушёл?!. Ведь сюда любой «плохой» мог за это время явиться и занять всё это...

— Что ж, тогда ты бы обратно всё «*свернула»*... — просто ответил Свет**и**ло.

Тут уж мы обе на него удивлённо уставились — это было самое **подходящее слово**, которое можно было употребить, называя данный процесс. Но откуда его мог знать Светило?!. Он ведь ничего в этом не понимал!.. Или понимал, но ничего об этом не говорил?..

— За это время много воды утекло, милые... — как бы отвечая на наши мысли, спокойно произнёс он. — Я пытаюсь здесь выжить, и с вашей помощью начинаю кое-что понимать. А что привожу кого, так не могу я один такой красотой наслаждаться, когда всего лишь за стеной такие м***а***лые в жутком ужасе трясутся... Не для меня всё это, если я не могу помочь...

Я взглянула на Стеллу — она выглядела очень гордой и, конечно же, была права. **Не напрасно** она создавала для него этот чудесный мир — Светило по-настоящему его стоил. Но он сам, как большое дитя, этого совершенно не понимал. Просто его сердце было слишком большим и добрым, и **не желало принимать помощь, если не могло делиться ею с кем-то другим**...

— А как **они** здесь оказались? — показывая на испуганных малышей, спросила Стелла.

— О, это длинная история. Я время от времени их навещал, они к отцу с матерью с верхнего «этажа» приходили... Иногда к себе забирал, чтобы от беды уберечь. Они же м***а***лые, не понимали, насколько это опасно. Мама с папой были здесь, вот им и казалось, что всё хорошо... А я всё время боялся, что опасность поймут, когда уже поздно будет... Вот и случилось только что это самое «поздно»...

— А что же такого их родители натворили, что попали сюда? И почему они все «ушли» одновременно? Они погибли что ли? — не могла остановиться, сердобольная Стелла.

— Чтобы спасти своих малышей, их родителям пришлось убить других людей... За это здесь и платили посмертно. Как и все мы... Но сейчас их уже **и здесь больше нет**... Их нигде нет более... — очень грустно прошептал Светило.

— Как — нет нигде? А что же случилось? Они что — и **здесь** сумели погибнуть?! Как же такое случилось?.. — удивилась Стелла.

Светило кивнул.

— Их убил *человек*, если «это» можно назвать человеком... Он чудовище... Я пытаюсь найти его... чтобы уничтожить.

Мы сразу же дружно уставились на Марию. Опять это был какой-то *страшный человек*, и опять он убивал... Видимо, это был тот же самый, кто убил её Дина.

— Вот эта девочка, её зовут Мария, потеряла свою единственную защиту, своего друга, которого **тоже убил «человек»**. Я думаю, это тот же самый. Как же мы можем найти его? Ты знаешь?

— Он сам придёт... — тихо ответил Светило, и указал на жмущихся к нему малышей. — Он придёт за ними... Он их случайно отпустил, **я** ему помешал.

У нас со Стеллой поползли по спинам большие-пребольшие, шипастые

мурашки...

Это звучало зловеще... А мы ещё не были достаточно взрослыми, чтобы кого-то так просто уничтожать, и даже не знали — сможем ли... Это в книгах всё очень просто — хорошие герои побеждают чудовищ... А вот в реальности всё гораздо сложнее. И даже если ты *уверен*, что это — **зло**, чтобы побеждать его, нужна очень большая смелость... Мы знали, **как делать добро**, что тоже не все умеют... А вот, как забирать чью-то жизнь, даже самую скверную, научиться ни Стелле, ни мне пока ещё как-то не пришлось... И не попробовав такое, мы не могли быть совершенно уверены, что та же самая наша «смелость» в самый нужный момент нас не подведёт.

Я даже не заметила, что всё это время Светило очень серьёзно за нами наблюдает. И конечно же, наши растерянные рожицы ему говорили обо всех «колебаниях» и «страхах» лучше, чем любая, даже самая длинная исповедь...

— Вы прав*ы*, милые — ***не боятся*** убить лишь глупцы... либо изверги... А нормальный человек к этому никогда не привыкнет... особенно, если даже ещё не пробовал никогда. Но вам не придётся пробовать. Я не допущу... Потому что, даже если вы, праведно кого-то защищая, мстить будете, **оно сожжёт ваши души**... И уже **больше никогда прежними не будете**... Вы уж поверьте мне.

Вдруг прямо за стеной послышался жуткий хохот, своей дикостью леденящий душу... Малыши взвизгнули и все разом бухнулись на пол. Стелла лихорадочно пыталась закрыть пещеру своей защитой, но, видимо от сильного волнения, у неё ничего не получалось... Мария стояла не двигаясь, белая, как смерть, и было видно, что к ней возвращалось состояние недавно испытанного шока.

— Это он... — в ужасе прошептала девчушка. — Это **он** убил Дина... И он убьёт всех нас...

— Ну, это мы ещё посмотрим, — нарочито очень уверенно произнёс Светило. — Не таких видели! Держись, девочка Мария.

Хохот продолжался. И я вдруг очень чётко поняла, что **так *не мог* смеяться человек**! Даже самый «нижнеастральный»... Что-то в этом всём было неправильно, что-то не сходилось... Это было больше похоже на фарс. На какой-то фальшивый спектакль с очень страшным, смертельным концом... И тут наконец-то меня «озарило» — он ***не был*** тем человеком, которым выглядел!!! Это была всего лишь ***человеческая личина***, а нутро было страшное, чужое... И была не была, — я решила попробовать с ним бороться. Но, если бы знала исход — наверное, не пробовала бы никогда...

Малыши с Марией спрятались в глубокой нише, которую не доставал солнечный свет. Мы со Стеллой стояли внутри, пытаясь как-то удержать почему-то всё время рвущуюся защиту. А Светило, стараясь сохранить железное спокойствие, встречал это незнакомое чудище у входа в пещеру, и как я поняла, не собирался его туда пропускать. Вдруг у меня сильно заныло сердце, будто в предчувствии какой-то большой беды....

Полыхнуло яркое синее пламя — все мы дружно ахнули... То, что минуту назад было Светилом, за одно лишь коротенькое мгновение превратилось в

«ничто», даже не начав сопротивляться... Вспыхнув прозрачным голубым дымком, он ушёл в далёкую вечность, не оставив в этом мире даже следа...

Мы не успели испугаться, как сразу же за происшедшим в проходе появился жуткий человек. Он был очень высоким и на удивление... красивым. Но всю его красоту портило мерзкое выражение жестокости и смерти на его утончённом лице, и ещё было в нём какое-то ужасающее «вырождение», если можно как-то такое определить... И тут я вдруг вспомнила слова Марии про её «ужастика» Дина. Она была абсолютно права — ***красота*** *может быть на удивление* ***страшной****... а вот* ***доброе*** ***«страшное»*** *можно глубоко и сильно полюбить...*

Жуткий человек опять дико захохотал...

Его хохот болезненным эхом повторялся в моём мозгу, впиваясь в него тысячами тончайших игл, а моё немеющее тело слабело, постепенно становясь почти что «деревянным», как под сильнейшим чужеродным воздействием... Звук сумасшедшего хохота фейерверком рассыпался на миллионы незнакомых оттенков, тут же острыми осколками возвращаясь обратно в мозг. И тут я наконец-то поняла — это и правда было **нечто**, наподобие мощнейшего «гипноза», что своим необычным звучанием постоянно **наращивало** страх, заставляя нас панически бояться этого человека.

— Ну и что — долго вы собираетесь хохотать?! Или *говорить* боитесь? А то нам надоело вас слушать, глупости всё это! — неожиданно для самой себя, грубо закричала я.

Я понятия не имела, что на меня нашло, и откуда у меня вдруг взялось столько смелости?! Потому, что от страха уже кружилась голова, а ноги подкашивались, как будто я собиралась сомлеть прямо сейчас, на полу этой же самой пещеры... Но недаром ведь говорят, что иногда от страха люди способны совершать подвиги... Вот и я, наверное, уже до того «запредельно» боялась, что каким-то образом сумела *забыть* про тот же самый страх... К счастью, *страшный человек* ничего не заметил — видимо его вышиб тот факт, что я посмела вдруг с ним так нагло заговорить. А я продолжала, чувствуя, что надо *во что бы то ни стало быстрее разорвать* этот «загов***о***р»...

— Ну, как, чуточку побеседуем или вы и можете всего только хохотать? Говорить-то вас научили?..

Я, как могла, **умышленно** его **злила**, пытаясь выбить из колеи, но в то же время дико боялась, что он нам таки **покажет**, что умеет **не только говорить**... Быстро глянув на Стеллу, я попыталась передать ей картинку всегда спасавшего нас *зелёного луча (этот «зелёный луч» означал просто очень плотный, сконцентрированный энергетический поток, исходящий от зелёного кристалла, который когда-то подарили мне мои далёкие «звёздные друзья», и энергия коего, видимо, сильно отличалась качеством от «земной», поэтому срабатывал он почти всегда безотказно)*. Подружка кивнула, и пока *страшный человек* не успел опомниться, мы дружно ударили его прямо в сердце... если оно, конечно, там вообще находилось...

Существо взвыло (я уже поняла, что это не человек) и начало корчиться, как бы «срывая» с себя, так мешавшее ему, чужое «земное» тело... Мы ударили ещё.

И тут вдруг увидели уже **две** разные сущности, которые плотно сцепившись, вспыхивая голубыми молниями, катались на полу, как бы пытаясь друг друга испепелить... Одна из них была той же *красивой человеческой*, а вторая... такого ужаса невозможно было нормальным мозгом ни представить, ни вообразить... По полу, яро сцепившись с человеком, каталось что-то невероятно страшное и злое, похожее на двухголовое чудище, истекающее зелёной слюной и «улыбающееся» оскаленными ножеобразными клыками... Зелёное, чешуйчато-змеевидное тело ужасающего существа поражало гибкостью, и было ясно, что человек долго не выдержит, и что, если ему не помочь, то жить осталось этому бедняге всего ничего, даже и в этом ужасном мире...

Я видела, что Стелла изо всех сил пытается ударить, но боится повредить человека, которому сильно хотела помочь. И тут вдруг из своего укрытия выскочила Мария и... каким-то образом схватив за шею жуткое существо, на секунду вспыхнула ярким факелом и... навсегда перестала жить... Мы не успели даже вскрикнуть и уж, тем более, что-то понять, а хрупкая, отважная девчушка без колебаний пожертвовала собой, чтобы какой-то другой *хороший человек* мог победить, оставаясь жить вместо неё...

У меня от боли буквально остановилось сердце. Стелла зарыдала... А на полу пещеры лежал необыкновенно красивый и мощный по своему сложению человек. Только вот сильным на данный момент он никак не выглядел, скорее наоборот — казался умирающим и очень уязвимым... Чудовище исчезло. И к нашему удивлению, сразу же снялось давление, которое всего лишь минуту назад грозило полностью размозжить наши мозги.

Стелла подошла к незнакомцу поближе и робко тронула ладошкой его высокий лоб — человек не подавал никаких признаков жизни. И только по всё ещё чуть вздрагивавшим векам было видно, что он пока ещё здесь, с нами и не умер уже окончательно, чтобы, как Светило с Марией, уже никогда и нигде больше не жить...

— Но как же Мария... Как же она могла?!.. Ведь она маленькая совсем... — глотая слёзы, горько шептала Стелла... блестящие крупные горошины ручьём текли по её бледным щекам и, сливаясь в мокрые дорожки, капали на грудь. — И Светило... Ну, как же так?.. Ну, скажи?! Как же так!!! Это ведь не победа совсем, это ***хуже*** чем поражение!.. Нельзя побеждать ***такой*** ценой!..

Что я могла ей ответить?! Мне так же, как и ей, было очень грустно и больно... Потеря жгла душу, оставляя глубокую горечь в такой ещё свежей памяти и, казалось, впечатывала этот страшный момент туда навсегда... Но надо было как-то собраться, так как рядом, пугливо прижавшись друг к другу, стояли совсем маленькие, насмерть напуганные детишки, которым было в тот момент очень страшно и которых некому было ни успокоить, ни приласкать. Поэтому, насильно загнав свою боль как можно глубже и тепло улыбнувшись малышам, я спросила, как их зовут. Детишки не отвечали, а лишь ещё крепче жались друг к дружке, совершенно не понимая происходящего, ни также и того, куда же так быстро подевался их новый, только что обретённый друг, с очень добрым и тёплым именем — Светило....

Стелла, съёжившись, сидела на камушке и тихо всхлипывая, вытирала кулачком всё ещё льющиеся, горючие слёзы... Вся её хрупкая, скукоженная фигурка выражала глубочайшую печаль... И вот, глядя на неё, такую скорбящую и такую не похожую на мою обычную «светлую Стеллу», мне вдруг стало до ужаса холодно и страшно, как будто в одно коротенькое мгновение весь яркий и солнечный Стеллин мир полностью погас, а вместо него нас теперь окружала только тёмная, скребущая душу пустота...

Обычное скоростное Стеллино «самоочухивание» на этот раз почему-то никак не срабатывало... Видимо, было слишком больно терять дорогих её сердцу друзей, особенно, ***зная***, что, как бы она по ним позже ни скучала, уже не увидит их более нигде и никогда... Это была не обычная ***телесная смерть***, когда мы все получаем великий шанс — воплощаться снова. Это **умерла их душа**... И Стелла **знала**, что ни отважная девочка Мария, ни «вечный воин» Светило, ни даже страшненький, добрый Дин, не воплотятся уже никогда, пожертвовав своей **вечной жизнью** для других, возможно и очень хороших, но *совершенно им незнакомых* людей...

У меня так же, как и у Стеллы, очень болела душа, ибо это был первый раз, когда я наяву увид***а***ла, как **по собственному желанию** в вечность ушли смелые и очень добрые люди... мои друзья. И казалось, в моём раненом детском сердце навсегда поселилась печаль... Но я также **уже понимала**, что, как бы я ни страдала и как бы я этого ни желала, ничто не вернёт их обратно... Стелла была права — ***нельзя*** *было побеждать такой ценой*... Но это был их собственный выбор, и отказать им в этом мы не имели никакого права. А попробовать переубедить — у нас просто не хватило на это времени... Но живым приходилось жить, иначе вся эта невосполнимая жертва оказалась бы напрасной. А вот именно этого-то допускать было никак нельзя.

— Что будем с делать с ними? — судорожно вздохнув, показала на сбившихся в кучку малышей, Стелла. — Оставлять здесь никак нельзя.

Я не успела ответить, как прозвучал спокойный и очень грустный голос:

— Я с ними останусь, если вы, конечно, мне позволите.

Мы дружно подскочили и обернулись — это говорил спасённый Марией человек... А мы как-то о нём совершенно забыли.

— Как вы себя чувствуете? — как можно приветливее спросила я.

Я **честно не желала зла** этому несчастному, спасённому такой дорогой ценой незнакомцу. Это была **не его вина**, и мы со Стеллой прекрасно это понимали. Но страшная горечь потери пока ещё застилала мне гневом глаза, и хотя я знала, что по отношению к нему это очень и очень несправедливо, я никак не могла собраться и вытолкнуть из себя эту жуткую боль, оставляя её «на потом», когда буду совсем одна и закрывшись «в своём углу», смогу дать волю горьким и очень тяжёлым слезам... А ещё я очень боялась, что незнакомец как-то почувствует моё «неприятие», и таким образом его *освобождение* потеряет ту важность и красоту ***победы над злом***, во имя которой погибли мои друзья... Поэтому я постаралась из последних сил собраться и как можно искреннее улыбаясь, ждала ответ на свой вопрос.

Мужчина печально осматривался вокруг, видимо не совсем понимая, что же здесь такое произошло, и что вообще происходило всё это время с ним самим...

— Ну и где же я?.. — охрипшим от волнения голосом, тихо спросил он. — Что это за место, такое ужасное? Это не похоже на то, что я помню... Кто вы?

— Мы — друзья. И вы совершенно правы — это не очень приятное место... А чуть дальше места вообще до дикости страшные. Здесь жил наш друг, он погиб...

— Мне жаль, м***а***лые. Как погиб ваш друг?

— Вы убили его, — грустно прошептала Стелла.

Я застыла, уставившись на свою подружку... Это говорила не та, хорошо знакомая мне, «солнечная» Стелла, которая «в обязательном порядке» всех жалела, и никогда бы не заставила никого страдать!.. Но, видимо, боль потери, как и у меня, вызвала у неё неосознанное чувство злости «на всех и вся», и малышка пока ещё не в состоянии была это в себе контролировать.

— Я?!. — воскликнул незнакомец. — Но это не может быть правдой! Я никогда никого не убивал!..

Мы чувствовали, что он говорит чистую правду, и **знали**, что не имеем права перекладывать на него чужую вину. Поэтому, даже не сговариваясь, мы дружно заулыбались и тут же постарались быстренько объяснить, что же здесь такое по-настоящему произошло.

Человек долгое время находился в состоянии абсолютного шока... Видимо, всё услышанное звучало для него дико, и уж никак не совпадало с тем, каким он по-настоящему был, и как относился к такому жуткому, не помещающемуся в нормальные человеческие рамки, злу...

— Как же я смогу возместить всё это?!. Ведь никак не смогу? И как же с этим жить?!. — он схватился за голову... — Скольких я убил, скажите!.. Кто-нибудь может это сказать? А ваши друзья? Почему они пошли на такое? Ну, почему?!..

— Чтобы **вы** смогли жить, как должны... Как хотели... А не так, как хотелось *кому-то*... Чтобы убить Зло, которое убивало других. Потому, наверное... — грустно сказала Стелла.

— Простите меня, милые... Простите... Если сможете... — человек выглядел совершенно убитым, и меня вдруг «укололо» очень нехорошее предчувствие...

— Ну, уж нет! — возмущённо воскликнула я. — Теперь уж вы **должны** жить! Вы что, хотите всю их жертву свести на «нет»?! Даже и думать не смейте! Вы теперь **вместо них** будете делать добро! Так будет правильно. А **«уходить» — это самое лёгкое.** И у вас теперь нет больше такого права.

Незнакомец ошалело на меня уставился, видимо, никак не ожидая такого бурного всплеска «праведного» возмущения. А потом грустно улыбнулся и тихо произнёс:

— Как же ты любила их!.. Кто ты, девочка?

У меня сильно запершило в горле, и какое-то время я не могла выдавить ни слова. Было очень больно из-за такой тяжёлой потери и в то же время было грустно за этого «неприкаянного» человека, которому будет ох как непросто с

эдакой ношей существовать...

— Я — Светлана. А это — Стелла. Мы просто гуляем здесь. Навещаем друзей или помогаем кому-то, когда можем. Правда, друзей-то теперь уже не осталось...

— Прости меня, Светлана. Хотя наверняка это ничего не изменит, если я каждый раз буду у вас просить прощения... Случилось то, что случилось, и я не могу ничего изменить. Но я могу изменить то, ***что будет***, правда ведь? — человек впился в меня своими синими, как небо, глазами и улыбнувшись горестной улыбкой, произнёс: — И ещё... Ты говоришь, я свободен в своём выборе?.. Но получается — не так уж и свободен, милая... Скорее уж это похоже на искупление вины... С чем я согласен, конечно же. Но это ведь **ваш** выбор, что я **обязан жить** за ваших друзей. Из-за того, что они отдали за меня жизнь.... Но я об этом *не просил*, правда ведь?.. Поэтому — это ***не мой*** **выбор...**

Я смотрела на него, совершенно ошарашенная, и вместо «гордого возмущения», готового тут же сорваться с моих уст, у меня понемножечку начало появляться понимание того, о чём он говорил... Как бы странно или обидно оно не звучало — но всё это было искренней правдой! Даже если мне это совсем не нравилось...

Да, мне было очень больно за моих друзей, за то, что я никогда их уже не увижу... что не буду больше вести наших дивных, «вечных» бесед с моим другом Светило, в его странной пещере, наполненной светом и душевным теплом... что не покажет нам более найденных Дином забавных мест хохотушка Мария, и не зазвучит весёлым колокольчиком её смех... И особенно больно было за то, что вместо них будет теперь жить этот совершенно незнакомый нам человек...

Но, опять же, с другой стороны — он **не просил** нас вмешиваться... **Не просил** за него погибать. **Не хотел** забирать чью-то жизнь. И **ему же** теперь придётся жить с этой тяжелейшей ношей, стараясь «выплачивать» своими будущими поступками вину, которая по настоящему-то и **не была его виной**... Скорее уж, это было виной того жуткого, неземного существа, которое, захватив сущность нашего незнакомца, убивало «направо и налево».

Но, уж точно, это было **не его** виной...

Как же можно было решать — кто прав, а кто виноват, если та же самая ***правда*** была на ***обеих сторонах***?.. И без сомнения, мне — растерянной десятилетней девочке — жизнь казалась в тот миг слишком сложной и слишком многосторонней, чтобы можно было как-то решать только лишь между «да» и «нет»... Так как в каждом нашем поступке слишком много было разных сторон и мнений, и казалось невероятно сложным найти **правильный** ответ, который был бы ***правильным*** **для всех**...

— Помните ли вы что-то вообще? Кем вы были? Как вас зовут? Как давно вы здесь? — чтобы уйти от щекотливой и никому не приятной темы, спросила я.

Незнакомец ненадолго задумался.

— Меня звали Арно. И я помню только лишь, как я жил там, на Земле. И помню, как «ушёл»... Я ведь умер, правда же? А после ничего больше вспомнить не могу, хотя очень хотел бы...

— Да, Вы «ушли»... Или умерли, если Вам так больше нравится. Но я не уверена, что это **Ваш** мир. Думаю, Вы должны обитать «этажом» выше. Это мир «покалеченных» душ... Тех, кто кого-то убил или кого-то сильно обидел, или даже просто-напросто много обманывал и лгал. Это страшный мир, наверное, тот, что люди называют Адом.

— А откуда же тогда здесь **вы**? Как вы могли попасть сюда? — удивился Арно.

— Это длинная история. Но это и вправду не наше место... Стелла живёт на самом «верху». Ну, а я вообще ещё на Земле...

— Как — на Земле?! — ошеломлённо спросил он. — Это значит — ты ещё ***живая***?.. А как же ты оказалась **здесь**? Да ещё в такой жути?

— Ну, если честно, я тоже не слишком люблю это место... — улыбнувшись, поёжилась я. — Но иногда здесь появляются очень хорошие люди. И мы пытаемся им помочь, как помогли Вам...

— И что же мне теперь делать? Я ведь не знаю здесь ничего... И, как оказалось, я тоже убивал. Значит это как раз и есть моё место... Да и о них кому-то надо бы позаботиться, — ласково потрепав одного из малышей по кудрявой головке, произнёс Арно.

Детишки глазели на него со всё возраставшим доверием, ну, а девчушка вообще вцепилась, как клещ, не собираясь его отпускать... Она была ещё совсем крохотулей, с большими серыми глазами и очень забавной, улыбчивой рожицей весёлой обезьянки. В нормальной жизни, на «настоящей» Земле, она наверняка была очень милым и ласковым, всеми любимым ребёнком. Здесь же, после всех пережитых ужасов, её чистое смешливое личико выглядело до предела измученным и бледным, а в серых глазах постоянно жил ужас и тоска... Её братишки были чуточку старше, наверное, годиков 5 и 6. Они выглядели очень напуганными и серьёзными, и в отличие от своей маленькой сестры, не высказывали ни малейшего желания общаться. Девчушка — единственная из тройки видимо нас не боялась, так как очень быстро освоившись с «новоявленным» другом, уже совершенно бойко спросила:

— Меня зовут Майя. А можно мне, пожалуйста, с Вами остаться?.. И братикам тоже? У нас теперь никого нет. Мы будем Вам помогать, — и обернувшись уже к нам со Стеллой, спросила, — А вы здесь живёте, девочки? Почему вы здесь живёте? Здесь так страшно...

Своим непрекращающимся градом вопросов и манерой спрашивать сразу у двоих, она мне сильно напомнила Стеллу. И я от души рассмеялась...

— Нет, Майя, мы, конечно же, здесь не живём. Это **вы** были очень храбрыми, что сами приходили сюда. Нужно очень большое мужество, чтобы совершить такое... Вы настоящие молодцы! Но теперь вам придётся вернуться туда, откуда вы сюда пришли, у вас нет больше причины, чтобы здесь оставаться.

— А мама с папой «совсем» погибли?.. И мы уже не увидим их больше... Правда?

Пухлые Майины губки задёргались, и на щёчке появилась первая крупная

слеза... Я знала, что если сейчас же это не остановить — слёз будет очень много... А в нашем теперешнем «общевзвинченном» состоянии допускать это было никак нельзя...

— Но вы ведь живы, правда же?! Поэтому, хотите этого или нет, но вам придётся жить. Думаю, что мама с папой были бы очень счастливы, если б узнали, что с вами всё хорошо. Они ведь очень любили вас... — как могла веселее, сказала я.

— Откуда ты это знаешь? — удивлённо уставилась на меня малышка.

— Ну, они свершили очень тяжёлый поступок, спасая вас. Поэтому, думаю, только очень сильно любя кого-то и дорожа этим, можно такое совершить...

— А куда мы теперь пойдём? Мы **с вами** пойдём?.. — вопросительно-умоляюще глядя на меня своими огромными серыми глазищами, спросила Майя.

— Вот Арно хотел бы вас забрать с собой. Что вы об этом думаете? Ему тоже не сладко... И ещё со многим придётся свыкнуться, чтобы выжить. Вот и поможете друг другу... Так, думаю, будет очень правильно.

Стелла наконец-таки пришла в себя, и сразу же «кинулась в атаку»:

— А как случилось, что этот монстр заполучил тебя, Арно? Ты хоть что-нибудь помнишь?..

— Нет... Я помню только свет. А потом очень яркий луг, залитый солнцем... Но это уже *не была Земля* — это было что-то чудесное и совершенно прозрачное... Такого на Земле не бывает. Но тут же всё исчезло, а «проснулся» я уже здесь и сейчас.

— А что если я попробую «посмотреть» через Вас? — вдруг пришла мне в голову совершенно дикая мысль.

— Как — через меня? — удивился Арно.

— Ой, а ведь правильно! — тут же воскликнула Стелла. — Как я сама не подумала?!

— Ну, иногда, как видишь, и мне что-то в голову приходит... — рассмеялась я. — Не всегда же только тебе придумывать!

Я попробовала «включиться» в его мысли — ничего не происходило... Попробовала вместе с ним «вспомнить» тот момент, когда он «уходил»...

— Ой, ужас какой!!! — пискнула Стелла. — Смотри, это когда они захватили его!!!

У меня остановилось дыхание... Картинка, которую мы увидали, была и правда не из приятных! Это был момент, когда Арно только что умер, и его сущность начала подниматься по голубому каналу вверх. А прямо за ним... к тому же каналу, подкрались три совершенно кошмарных существа!.. Двое из них были наверняка нижнеастральные земные сущности, а вот *третий* явно казался каким-то другим, очень страшным и чужеродным, явно не земным... И все эти существа очень целеустремлённо гнались за человеком, видимо пытаясь его зачем-то заполучить... А он, бедняжка, даже не подозревая, что за ним так «мило» охотятся, парил в серебристо-голубой светлой тишине, наслаждаясь необычно глубоким, *неземным* покоем и жадно впитывая в себя этот покой,

отдыхал душой, забыв на мгновение дикую, разрушившую сердце земную боль, «благодаря» которой он и угодил сегодня в этот прозрачный, незнакомый мир...

В конце канала, уже у самого входа на «этаж», **двое чудищ** молниеносно юркнули следом за Арно в тот же канал и неожиданно слились в **одно**, а потом это «одно» быстренько втекло в основного, самого мерзкого, который наверняка был и самым сильным из них. И он напал... Вернее, стал вдруг совершенно плоским, «растёкся» почти до прозрачного дымка и «окутав» собой ничего не подозревавшего Арно, полностью запеленал его сущность, лишая его бывшего «я» и вообще какого-либо «присутствия»... А после, жутко хохоча, тут же уволок уже захваченную сущность бедного Арно (*только что зревшего красоту приближавшегося верхнего «этажа»)* прямиком в нижний астрал...

— Не понимаю... — прошептала Стелла. — Как же они его захватили, он ведь кажется таким сильным?.. А ну давай посмотрим, что было ещё раньше?

Мы опять попробовали посмотреть через память нашего нового знакомого... И тут же поняли, почему он явился такой лёгкой мишенью для захвата...

По одежде и окружению это выглядело, как если бы происходило около ста лет назад. Он стоял посередине огромной комнаты, где на полу лежали, полностью нагими, два женских тела... Вернее, это были женщина и девочка, которой могло быть от силы пятнадцать лет. Оба тела были страшно избиты, и видимо, перед смертью зверски изнасилованы. На бедном Арно «не было лица»... Он стоял, как мертвец, не шевелясь, и возможно даже не понимая, где в тот момент находился, так как шок был слишком жестоким. Если мы правильно понимали — это были его жена и дочь, над которыми кто-то очень по-зверски надругался... Хотя, сказать «по-зверски» было бы неправильно, потому что *никакой зверь не сделает того, на что способен иногда человек*...

Вдруг Арно закричал, как раненное животное и повалился на землю, рядом со страшно изуродованным телом своей жены (?)... В нём, как во время шторма, дикими вихрями бушевали эмоции — злость сменяла безысходность, ярость застилала тоску, после перерастая в нечеловеческую боль, от которой не было никакого спасения... Он с криками катался по полу, не находя выхода своему горю... пока наконец, к нашему ужасу, полностью не затих, больше не шевелясь...

Ну и естественно — открывши такой бурный эмоциональный «шквал» и с ним же умерев, он стал в тот момент идеальной «мишенью» для захвата любыми, даже самыми слабыми «чёрными» существами, не говоря уже о тех, которые позже так упорно гнались за ним, чтобы использовать его мощное энергетическое тело, как простой энергетический «костюм»... чтобы вершить после с его помощью свои ужасные «чёрные» дела...

— Не хочу больше это смотреть... — шёпотом произнесла Стелла. — Вообще не хочу больше видеть ужас... Разве это по-людски? Ну, скажи мне!!! Разве правильно такое?! Мы же люди!!!

У Стеллы начиналась настоящая истерика, что было настолько неожиданным, что в первую секунду я совершенно растерялась, не находя, что сказать. Стелла была сильно возмущённой и даже чуточку злой, что в данной ситуации

наверное было совершенно приемлемо и объяснимо. Для других. Но это было настолько, опять же, на неё не похоже, что я только сейчас наконец-то поняла, насколько больно и глубоко всё это *нескончаемое* земное Зло ранило её доброе, ласковое сердечко, и насколько она, наверное, устала постоянно нести всю эту людскую грязь и жестокость на своих хрупких, ещё совсем детских плечах... Мне очень захотелось обнять этого милого, стойкого и такого грустного сейчас человечка! Но я знала, что это ещё больше её расстроит. И поэтому, стараясь держаться спокойно, чтобы не затронуть ещё глубже её и так уже слишком «растрёпанных» чувств, постаралась, как могла, её успокоить.

— Но ведь есть и хорошее, не только плохое!.. Ты только посмотри вокруг — а твоя бабушка?.. А Светило?.. Вон Мария вообще жила лишь для других! И сколько таких!.. Их ведь очень и очень много! Ты просто очень устала и очень печальна, потому что мы потеряли хороших друзей. Вот и кажется всё в «чёрных красках»... А завтра будет новый день, и ты опять станешь собой, обещаю тебе! А ещё, если хочешь, мы не будем больше ходить на этот «этаж»? Хочешь?..

— Разве же причина в «этаже»?.. — горько спросила Стелла. — От этого ведь ничего не изменится, будем мы сюда ходить или нет... Это просто ***земная*** жизнь. Она злая... Я не хочу больше здесь быть...

Я очень испугалась, не думает ли Стелла меня покинуть и вообще **уйти навсегда**?! Но это было так на неё не похоже!.. Во всяком случае, это была совсем **не та** Стелла, которую я так хорошо знала... И мне очень хотелось верить, что её буйная любовь к жизни и светлый радостный характер «сотрут в порошок» всю сегодняшнюю горечь и озлобление, и очень скоро она опять станет той же самой **солнечной** Стеллой, которой ещё так недавно была...

Поэтому, чуточку сама себя успокоив, я решила не делать сейчас никаких «далеко идущих» выводов и подождать до завтра, прежде чем предпринимать какие-то более серьёзные шаги.

— А посмотри, — к моему величайшему облегчению, вдруг очень заинтересованно произнесла Стелла, — тебе не кажется, что это ***не Земная*** сущность? Та, которая напала... Она слишком не похожа на обычных «плохих земных», что мы видели на этом «этаже». Может потому она и использовала тех двоих *земных* чудищ, что сама не могла попасть на **земной** «этаж»?

Как мне уже показалось ранее, «главное» чудище и, правда, не было похожим на остальных, которых нам приходилось здесь видеть во время наших каждодневных «походов» на нижний «этаж». И почему было бы не представить, что оно пришло откуда-то издалека?.. Ведь если приходили **хорошие**, как Вэя, почему так же не могли придти и **плохие**?

— Наверное, ты права, — задумчиво произнесла я. — Оно и воевало не по земному. У него была какая-то другая, не земная сила.

— Девочки, милые, а когда мы куда-то пойдём? — вдруг послышался тоненький детский голосок.

Сконфуженная тем, что нас прервала, Майя, тем не менее, очень упорно смотрела прямо на нас своими большими кукольными глазами, и мне вдруг стало очень стыдно, что увлечённые своими проблемами, мы совершенно за-

были, что с нами здесь находятся эти, насмерть уставшие, ждущие чьей-нибудь помощи, до предела запуганные малыши...

— Ой, простите, мои хорошие, ну, конечно же, пойдём! — как можно радостнее воскликнула я и, уже обращаясь к Стелле, спросила: — Что будем делать? Попробуем пройти повыше?

Сделав защиту малышам, мы с любопытством ждали, что же предпримет наш «новоиспечённый» друг. А он, внимательно за нами наблюдая, очень легко сделал себе точно такую же защиту и теперь спокойно ждал, что же будет дальше. Мы со Стеллой довольно друг другу улыбнулись, понимая, что оказались в отношении него абсолютно правы, и что его место уж точно было не нижний Астрал... И кто знал, может оно было даже выше, чем думали мы.

Как обычно, всё вокруг заискрилось и засверкало, и через несколько секунд мы оказались «втянутыми» на хорошо знакомый, гостеприимный и спокойный верхний «этаж». Было очень приятно вновь свободно вздохнуть, не боясь, что какая-то мерзость вдруг выскочит из-за угла и, шарахнув по голове, попытается нами «полакомиться». Мир опять был приветливым и светлым, но пока ещё грустным, так как мы понимали, что не так-то просто будет изгнать из сердца ту глубокую боль и печаль, что оставили, уходя наши друзья... Они жили теперь только лишь в *нашей памяти и в наших сердцах*... Не имея возможности жить больше нигде. И я наивно дала себе слово, что *буду помнить их всегда,* тогда ещё не понимая, что память, какой бы прекрасной она не являлась, заполнится позже событиями проходящих лет, и уже не каждое лицо выплывет так же ярко, как мы помним его сейчас, и понемногу каждый, даже очень важный нам человек начнёт исчезать в плотном тумане времени, иногда вообще не возвращаясь назад... Но тогда мне казалось, что это **теперь уже навсегда**, и что эта дикая боль не покинет меня навечно...

— Я что-то придумала! — уже по-старому радостно прошептала Стелла. — Мы можем сделать его счастливым!.. Надо только кое-кого здесь поискать!..

— Ты имеешь в виду его жену, что ли? У меня, признаться, тоже была такая мысль. А ты думаешь, это не рано?.. Может, дадим ему сперва здесь хотя бы освоиться?

— А ты бы не хотела на его месте увидеть их живыми?! — тут же возмутилась Стелла.

— Ты, как всегда, права, — улыбнулась подружке я.

Мы медленно «плыли» по серебристой дорожке, стараясь не тревожить чужую печаль и дать каждому насладиться покоем после всего пережитого в этот кошмарный день. Детишки потихонечку оживали, восторженно наблюдая проплывавшие мимо них дивные пейзажи. И только Арно явно был от нас всех очень далеко, блуждая в своей, возможно очень счастливой памяти, вызвавшей на его утончённом и таком красивом лице удивительно тёплую и нежную улыбку...

— Вот видишь, он их наверняка очень сильно любил! А ты говоришь — рано!.. Ну, давай поищем! — никак не желала успокоиться Стелла.

— Ладно, пусть будет по твоему, — легко согласилась я, так как теперь уже

и мне это казалось правильным.

— Скажите, Арно, а как выглядела ваша жена? — осторожно начала я. — Если вам не слишком больно об этом говорить, конечно же.

Он очень удивлённо взглянул мне в глаза, как бы спрашивая, откуда вообще мне известно, что у него была жена?..

— Так уж получилось, что мы увидели, но только самый конец... Это было так страшно! — тут же добавила Стелла.

Я испугалась, что переход из его дивных грёз в страшную реальность получился слишком жестоким, но «слово не птичка, вылетело — не поймаешь», менять что-то было поздно, и нам оставалось только ждать, захочет ли он отвечать. К моему большому удивлению, его лицо ещё больше осветилось счастьем, и он очень ласково ответил:

— О, она была настоящим ангелом!.. У неё были такие дивные светлые волосы!.. И глаза... Голубые и чистые, как роса... О, как жаль, что вы её не увидели, мою милую Мишель!..

— А у вас была ещё дочь? — осторожно спросила Стелла.

— Дочь? — удивлённо спросил Арно и, поняв, **что** мы видели, тут же добавил. — О, нет! Это была её сестра. Ей было всего шестнадцать лет...

В его глазах вдруг промелькнула такая пугающая, такая жуткая боль, что только сейчас я вдруг поняла, как сильно страдал этот несчастный человек!.. Возможно не в силах перенести такую зверскую боль, он **сознательно отгородил себя стеной их былого счастья**, стараясь помнить только светлое прошлое и «стереть» из своей памяти весь ужас того последнего страшного дня, насколько позволяла ему это сделать его раненая и ослабевшая душа...

Мы попробовали найти Мишель — почему-то не получалось... Стелла удивлённо на меня уставилась и тихо спросила:

— А почему я не могу её найти, разве она и *здесь* погибла?..

Мне показалось, что нам что-то просто мешало отыскать её в этом «этаже» и я предложила Стелле посмотреть «повыше». Мы проскользнули мысленно на Ментал... и сразу её увидели... Она и вправду была удивительно красивой — светлой и чистой, как ручеёк. А по её плечам золотым плащом рассып***а***лись длиннющие золотые волосы... Я никогда не видела таких длинных и таких красивых волос! Девушка была глубоко задумчивой и грустной, как и многие на «этажах», потерявшие свою любовь, своих родных, или просто потому, что были одни...

— Здравствуй, Мишель! — не теряя времени, тут же произнесла Стелла. — А мы тебе подарок приготовили!

Женщина удивлённо улыбнулась и ласково спросила:

— Кто вы, девочки?

Но ничего ей не ответив, Стелла мысленно позвала Арно...

Мне не суметь рассказать того, что принесла им эта встреча... Да и не нужно это. Такое счастье нельзя облачить в слова — они померкнут... Просто не было наверное в тот момент счастливее людей на всём свете, да и на всех «этажах»!.. И мы искренне радовались вместе с ними, не забывая тех, кому они были обя-

заны своим счастьем... Думаю, и малышка Мария, и наш добрый Светило были бы очень счастливы, видя их сейчас, и зная, что не напрасно отдали за них свою жизнь...

Стелла вдруг всполошилась и куда-то исчезла. Пошла за ней и я, так как здесь нам делать больше было нечего...

— И куда же вы все исчезли? — удивлённо, но очень спокойно, встретила нас вопросом Майя. — Мы уже думали, вы нас оставили насовсем. А где же наш новый друг?.. Неужели и он исчез?.. Мы думали, он возьмёт нас с собой...

Появилась проблема... Куда было теперь девать этих несчастных малышей — я не имела ни малейшего понятия. Стелла взглянула на меня, думая о том же самом, и отчаянно пытаясь найти какой-то выход.

— Придумала! — уже совсем как «прежняя» Стелла, она радостно хлопнула в ладошки. — Мы им сделаем ***радостный мир,*** в котором они будут существовать. А там, гляди, и встретят кого-то... Или кто-то хороший их заберёт.

— А тебе не кажется, что мы должны их с кем-то здесь познакомить? — пытаясь «понадёжнее» пристроить одиноких малышей, спросила я.

— Нет, не кажется, — очень серьёзно ответила подружка. — Подумай сама, ведь не все умершие малыши получают такое... И не обо всех здесь, наверное, успевают позаботиться. Поэтому будет честно по отношению к остальным, если мы просто создадим им здесь очень красивый дом, пока они кого-то найдут. Ведь они втроём, им легче. А другие — одни... Я тоже была одна, я помню...

И вдруг, видимо вспомнив то страшное время, она стала растерянной и печальной... и какой-то незащищённой. Желая тут же вернуть её обратно, я мысленно обрушила на неё водопад невероятных фантастических цветов...

— Ой! — засмеялась колокольчиком Стелла. — Ну, что ты!.. Перестань!

— А ты перестань грустить! — не сдавалась я. — Нам вон, сколько ещё всего надо сделать, а ты раскисла. А ну пошли детей устраивать!..

И тут совершенно неожиданно, снова появился Арно. Мы удивлённо на него уставились... боясь спросить. Я даже успела подумать — уж не случилось ли опять чего-то страшного?.. Но выглядел он «запредельно» счастливым, поэтому я тут же отбросила глупую мысль.

— А что **ты** здесь делаешь?!.. — искренне удивилась Стелла.

— Разве вы забыли — я ведь детишек должен забрать, я обещал им.

— А где же Мишель? Вы что же — не вместе?

— Ну почему не вместе? Вместе, конечно же! Просто я обещал... Да и детей она всегда любила. Вот мы и решили побыть все вместе, пока их не заберёт *новая жизнь.*

— Так это же чудесно! — обрадовалась Стелла. И тут же перескочила на другое. — Ты очень счастлив, правда же? Ну, скажи, ты счастлив? Она у тебя такая красивая!!!

Арно долго и внимательно смотрел нам в глаза, как бы желая, но никак не решаясь что-то сказать. Потом, наконец, решился...

— Я не могу принять у вас это счастье... Оно не моё... Это неправильно... Я пока его не достоин.

— Как это не можешь?!. — буквально взвилась Стелла. — Как это не можешь — ещё как можешь!.. Только попробуй отказаться!!! Ты только посмотри, какая она красавица! А говоришь — не можешь...

Арно грустно улыбался, глядя на бушующую Стеллу. Потом ласково обнял её и тихо, тихо произнёс:

— Вы ведь несказанное счастье мне принесли, а я вам такую страшную боль... Простите меня милые, если когда-нибудь сможете. Простите...

Стелла ему светло и ласково улыбнулась, будто желая показать, что она *прекрасно всё понимает* и что *прощает ему всё*, и что это была *совсем не его вина*. Арно только грустно кивнул и, показав на тихо ждущих детишек, спросил:

— Могу ли я взять их с собой «наверх», как ты думаешь?

— К сожалению — нет, — грустно ответила Стелла. — Они не могут пойти туда, они остаются здесь.

— Тогда мы тоже останемся... — прозвучал ласковый голос. — Мы останемся с ними.

Мы удивлённо обернулись — это была Мишель. «Вот всё и решилось» — довольно подумала я. И опять кто-то чем-то добровольно пожертвовал, и снова побеждало простое *человеческое добро*... Я смотрела на Стеллу — малышка улыбалась. Снова было всё хорошо.

— Ну что, погуляешь со мной ещё немножко? — с надеждой спросила Стелла.

Мне уже давно надо было домой, но я знала, что ни за что её сейчас не оставлю и утвердительно кивнула головой...

35. Изидора

Настроения гулять у меня, честно говоря, слишком большого не было, так как после всего случившегося состояние было, скажем так, очень и очень «удовлетворительное»... Но оставлять Стеллу одну я тоже никак не могла, поэтому, чтобы обеим было хорошо хотя бы «посерединушке», мы решили далеко не ходить, а просто чуточку расслабить свои почти уже закипающие мозги и дать отдохнуть измордованным болью сердцам, наслаждаясь тишиной и покоем ментального этажа...

Мы медленно плыли в ласковой серебристой дымке, полностью расслабив свою издёрганную нервную систему и погружаясь в потрясающий, ни с чем не сравнимый здешний покой... Как вдруг Стелла восторженно крикнула:

— Вот это да! Ты посмотри только, что же это там за красота такая!..

Я огляделась вокруг и сразу же поняла, о чём она говорила... Это и, правда, было необычайно красиво!.. Будто кто-то играясь сотворил настоящее небесно-голубое «хрустальное» царство!.. Мы удивлённо рассматривали невероятно огромные, ажурные ледяные цветы, припорошенные светло-голубыми снежинками; и переплёты сверкающих ледяных деревьев, вспыхивающих синими бликами при малейшем движении «хрустальной» листвы и высотой достигавших с наш трёхэтажный дом... А среди всей этой невероятной красоты,

окружённый вспышками настоящего «северного сияния», гордо возвышался захватывающий дух величавый ледяной дворец, весь блиставший переливами невиданных серебристо голубых оттенков...

Что это было?! Кому так нравился этот холодный цвет?..

Пока почему-то никто нигде не показывался, и никто не высказывал большого желания нас встречать... Это было чуточку странно, так как обычно хозяева всех этих дивных миров были очень гостеприимны и доброжелательны, за исключением лишь тех, которые только что появились на «этаже» (то есть, только что умерли) и ещё не были готовы к общению с остальными, или просто предпочитали переживать что-то сугубо личное и тяжёлое в одиночку.

— Как ты думаешь, кто живёт в этом странном мире?.. — почему-то шёпотом спросила Стелла.

— Хочешь — посмотрим? — неожиданно для себя, предложила я.

Я не поняла, куда девалась вся моя усталость, и почему это я вдруг совершенно забыла данное себе минуту назад обещание *не вмешиваться ни в какие, даже самые невероятные происшествия до завтрашнего дня* или хотя бы уж, пока хоть чуточку не отдохну. Но, конечно же, это снова срабатывало моё ненасытное любопытство, которое я так и не научилась пока ещё усмирять, даже и тогда, когда в этом появлялась настоящая необходимость... Поэтому, стараясь, насколько позволяло моё измученное сердце, «отключиться» и не думать о нашем неудавшемся, грустном и тяжёлом дне, я тут же с готовностью окунулась в «новое и неизведанное», предвкушая какое-нибудь необычное и захватывающее приключение...

Мы плавно «притормозили» прямо у самого входа в потрясающий «ледяной» мир, как вдруг из-за сверкавшего искрами голубого дерева появился человек... Это была очень необычная девушка — высокая и стройная, и очень красивая, она казалась бы совсем ещё молоденькой, почти что ребёнком, если бы не глаза... Они сияли спокойной, светлой печалью и были глубокими, как колодец с чистейшей родниковой водой... И в этих дивных глазах таилась такая мудрость, коей нам со Стеллой пока ещё долго не дано было постичь...

Ничуть не удивившись нашему появлению, незнакомка тепло улыбнулась и тихо спросила:

— Что вам, м***а***лые?

— Мы просто рядом проходили и захотели на вашу красоту посмотреть. Простите, если потревожили... — чуть сконфузившись, пробормотала я.

— Ну, что вы! Заходите внутрь, там наверняка будет интереснее... — махнув рукой вглубь, опять улыбнулась незнакомка.

Мы мигом проскользнули мимо неё внутрь «дворца», не в состоянии удержать рвущееся наружу любопытство, и уже заранее предвкушая наверняка что-то очень и очень «интересненькое». Внутри оказалось настолько ошеломляюще, что мы со Стеллой буквально застыли в ступоре, открыв рты, как изголодавшиеся однодневные птенцы, не в состоянии произнести ни слова...

Никакого, что называется, «пола» во дворце не было... Всё, находящееся там, парило в искрящемся серебристом воздухе, создавая впечатление сверка-

ющей бесконечности. Какие-то фантастические «сидения», похожие на скопившиеся кучками группы сверкающих плотных облачков, плавно покачиваясь, висели в воздухе, то, уплотняясь, то, почти исчезая, как бы привлекая внимание и приглашая на них присесть... Серебристые «ледяные» цветы, блестя и переливаясь, украшали всё вокруг, поражая разнообразием форм и узорами тончайших, почти что ювелирных лепестков. А где-то очень высоко в «потолке», слепя небесно-голубым светом, висели невероятной красоты огромнейшие ледяные «сосульки», превращавшие эту сказочную «пещеру» в фантастический «ледяной мир», которому, казалось, не было конца...

— Пойдёмте, гостьи мои, дедушка будет несказанно рад вам! — плавно скользя мимо нас, тепло произнесла девушка.

И тут я, наконец, поняла, почему она казалась нам необычной — по мере того, как незнакомка передвигалась, за ней всё время тянулся сверкающий «хвост» какой-то особенной голубой материи, который блистал и вился смерчами вокруг её хрупкой фигурки, рассыпаясь за ней серебристой пыльцой...

Не успели мы этому удивиться, как тут же увидели очень высокого, седого старца, гордо восседавшего на странном, очень красивом кресле, как бы подчёркивая этим свою значимость для непонимающих. Он совершенно спокойно наблюдал за нашим приближением, ничуть не удивляясь и не выражая пока что никаких эмоций, кроме тёплой, дружеской улыбки. Белые, переливающиеся серебром, развевающиеся одежды старца сливались с такими же, совершенно белыми, длиннющими волосами, делая его похожим на доброго духа. И только глаза, такие же таинственные, как и у нашей красивой незнакомки, потрясали беспредельным терпением, мудростью и глубиной, заставляя нас ёжиться от сквозящей в них бесконечности...

— Здравы будете, гостюшки! — ласково поздоровался старец. — Что привело вас к нам?

— И вы здравствуйте, дедушка! — радостно поздоровалась Стелла.

И тут впервые за всё время нашего уже довольно-таки длинного знакомства я с удивлением услышала, что она к кому-то, наконец, обратилась на «вы»...

У Стеллы была очень забавная манера обращаться ко всем на «ты», как бы этим подчёркивая, что все, ею встреченные люди, будь то взрослый или совершенно ещё малыш, являются её добрыми старыми друзьями, и что для каждого из них у неё «нараспашку» открыта душа... Что, конечно же, мгновенно и полностью располагало к ней даже самых замкнутых и самых одиноких людей, и только очень чёрствые души не находили к ней пути.

— А почему у вас здесь так «холодно»? — тут же, по привычке, посыпались вопросы. — Я имею в виду, почему у вас везде такой «ледяной» цвет?

Девушка удивлённо посмотрела на Стеллу.

— Я никогда об этом не думала... — задумчиво произнесла она. — Наверное, потому, что ***тепла*** нам хватило на всю нашу оставшуюся жизнь? Нас на Земле сожгли, видишь ли...

— Как — сожгли?!. — ошарашено уставилась на неё Стелла. — ***По-настоящему*** *сожгли?..*

— Ну, да. Просто там я была ***Ведьмой*** — **ведала** многое... Как и вся моя семья. Вот дедушка — он ***Ведун***, а мама, она самой сильной ***Видуньей*** была в то время. Это значит — **видела** то, что другие видеть не могли. Она будущее видела так же, как мы видим настоящее. И прошлое тоже... Да и вообще, она многое могла и знала — никто столько не знал. А обычным людям это видимо претило — они не любили слишком много «знающих»... Хотя, когда им нужна была помощь, то ***именно к нам*** они и обращались. И мы помогали... А потом ***те же, кому мы помогли, предавали нас...***

Девушка-ведьма потемневшими глазами смотрела куда-то вдаль, на мгновение не видя и не слыша ничего вокруг, уйдя в какой-то, ей одной известный далёкий мир. Потом, ёжась, передёрнула хрупкими плечами, будто вспомнив что-то очень страшное, и тихо продолжила:

— Столько веков прошло, а я до сих пор всё чувствую, как пламя пожирает меня... Потому, наверное, и «холодно» здесь, как ты говоришь, милая, — уже обращаясь к Стелле, закончила девушка.

— Но ты никак не можешь быть Ведьмой!.. — уверенно заявила Стелла. — Ведьмы бывают старые и страшные, и очень плохие. Так у нас в сказках написано, что бабушка мне читала. А ты хорошая! И такая красивая!..

— Ну, сказки сказкам рознь... — грустно улыбнулась девушка-ведьма. — Их ведь именно люди и сочиняют... А что нас показывают старыми и страшными — то кому-то так удобнее, наверное... Легче объяснить необъяснимое, и легче вызвать неприязнь... У тебя ведь тоже вызовет б***о***льшее сочувствие, если будут сжигать молодую и красивую, нежели старую и страшную, правда ведь?

— Ну, старушек мне тоже очень жаль... только не злых, конечно — потупив глаза, произнесла Стелла. — Любого человека жаль, когда такой страшный конец — и, передёрнув плечиками, как бы подражая девушке-ведьме, продолжала: — А тебя правда-правда сожгли?!. Совсем-совсем живую?.. Как же, наверное, тебе больно было?!. А как тебя зовут?

Слова привычно сыпались из малышки пулемётной очередью и, не успевая её остановить, я боялась, что хозяева под конец обидятся, и из желанных гостей мы превратимся в обузу, от которой они постараются как можно быстрее избавиться. Но никто почему-то не обижался. Они оба и старец, и его красавица внучка дружески улыбаясь, отвечали на любые вопросы, и казалось, что наше присутствие почему-то и вправду доставляло им искреннее удовольствие...

— Меня зовут Анна, милая. И меня «правда-правда» совсем сожгли когда-то... Но это было очень-очень давно. Уже прошло почти пять сотен земных лет...

Я смотрела в совершенном шоке на эту удивительную девушку, не в состоянии отвести от неё глаза и пыталась представить, какой же кошмар пришлось перенести этой удивительно красивой и нежной душе!..

Их сжигали за их Дар*!!! Только лишь за то, что они могли видеть и делать больше, чем другие! Но как же* ***люди*** *могли творить такое?!.* И хотя я уже давно поняла, что **никакой зверь не в состоянии был сделать то, что иногда делал человек**, всё равно это было настолько дико, что на какое-то мгновение у меня

полностью пропало желание называться этим же самым *«человеком»*...

Это был первый раз в моей жизни, когда я реально услышала о ***настоящих*** Ведунах и Ведьмах, в существование которых верила всегда... И вот, увидев наконец-то самую ***настоящую Ведьму наяву***, мне, естественно, жутко захотелось «сразу же и всё-всё» у неё расспросить!!! Моё неугомонное любопытство «ёрзало» внутри, буквально визжа от нетерпения, и умоляло спрашивать *сейчас же* и обязательно *«обо всём»!..*

И тут, видимо, сама того не замечая, я настолько глубоко погрузилась в столь неожиданно открывшийся мне чужой мир, что не успела вовремя ***правильно*** среагировать на вдруг мысленно открывшуюся картинку... и вокруг моего тела вспыхнул до ужаса реальный по своим жутким ощущениям, пожар!..

Ревущий огонь «лизал» мою беззащитную плоть жгучими языками пламени, взрываясь внутри и почти что лишая рассудка... Дикая, невообразимо жестокая боль захлестнула с головой, проникая в каждую клеточку!.. Взвившись «до потолка», она обрушилась на меня шквалом незнакомого страдания, которое невозможно было ничем унять, ни остановить. Ослепляя, огонь скрутил мою, воющую от нечеловеческого ужаса сущность в болевой ком, не давая вздохнуть!.. Я пыталась кричать, но голоса не было слышно... Мир рушился, разбиваясь на острые осколки, и казалось, что обратно его уже не собрать... Тело полыхало, как жуткий праздничный факел... испепеляя сгоравшую вместе с ним мою израненную душу. Вдруг, страшно закричав... я, к своему величайшему удивлению, опять оказалась в своей «земной» комнате, всё ещё стуча зубами от так неожиданно откуда-то обрушившейся нестерпимой боли. Всё ещё оглушённая, я стояла, растерянно озираясь вокруг, не в состоянии понять, ***кто*** и ***за что*** мог что-то подобное со мной сотворить...

Но, несмотря на дикий испуг, мне постепенно всё же удалось каким-то образом взять себя в руки и чуточку успокоиться. Немного подумав, я наконец-то поняла, что это, вероятнее всего, было всего лишь слишком ***реальное*** видение, которое своими ощущениями полностью повторяло происшедший когда-то с девушкой-ведьмой кошмар...

Несмотря на страх и слишком ещё живые ощущения, я тут же попробовала вернуться в сказочный «ледяной дворец» к своей брошенной, и наверняка уже сильно нервничавшей, подружке. Но почему-то ничего не получалось... Я была выжата, как лимон, и не оставалось сил даже думать, не говоря уже о подобном «путешествии». Обозлившись на себя за свою «мягкотелость», я опять попыталась собраться, как вдруг чья-то чужая сила буквально втянула меня в уже знакомую «ледяную» залу, где, взволнованно подпрыгивая, металась моя верная подружка Стелла.

— Ну что же ты?!. Я так испугалась!.. Что же с тобой такое случилось? Хорошо, что вот она помогла, а то ты бы и сейчас ещё «где-то» летала! — задыхаясь от «праведного возмущения», тут же выпалила малышка.

Я и сама пока что не очень-то понимала, каким же образом такое могло со мной произойти, но тут, к моему большому удивлению, ласково прозвучал голос необычной хозяйки ледяного дворца:

— Милая моя, да ты ведь ***дариня***!.. Как же ты оказалась-то здесь? И ты ведь ***живая***!!! Тебе всё ещё больно? — Я удивлённо кивнула. — Ну что же ты, нельзя такое ***смотреть!..***

Девушка Анна ласково взяла мою, всё ещё «кипящую» от испепеляющей боли, голову в свои прохладные ладони, и вскоре я почувствовала, как жуткая боль начала медленно отступать, а через минуту и вовсе исчезла.

— Что это было?.. — ошалело спросила я.

— Ты просто ***посмотрела*** на то, что со мною было. Но ты ещё не умеешь защититься, вот и почувствовала всё. Любопытна ты очень, в этом ***сила***, но и ***беда*** твоя, милая... Как зовут-то тебя?

— Светлана... — понемногу очухиваясь, сипло произнесла я. — А вот она — Стелла. Почему вы меня ***дариней*** называете? Меня уже второй раз так называют, и я очень хотела бы знать, что это означает. Если можно, конечно же.

— А разве ты не знаешь?!. — удивлённо спросила девушка-ведьма. — Я отрицательно мотнула головой. — Дариня — это ***«дарящая свет и оберегающая мир».*** А временами, даже спасающая его...

— Ну, мне бы пока хоть себя-то спасти!.. — искренне рассмеялась я. — Да и что же я могу ***дарить***, если сама ещё не знаю совсем ничего. И делаю-то пока одни лишь ошибки... Ничего я ещё не умею!.. — и, подумав, огорчённо добавила. — И ведь **не учит никто**! Разве что, бабушка иногда, и ещё вот Стелла... А я бы так хотела учиться!..

— ***Учитель приходит тогда, когда ученик ГОТОВ учиться, милая***, — улыбнувшись, тихо сказал старец. — А ты ещё не разобралась даже в себе самой. Даже в том, что у тебя давно уже *открыто.*

Чтобы не показывать, как сильно расстроили меня его слова, я постаралась тут же поменять тему и задала девушке-ведьме настырно крутившийся в мозгу щекотливый вопрос.

— Простите меня за нескромность, Анна, но как же вы смогли ***забыть*** такую страшную боль? И возможно ли вообще забыть такое?..

— А я и не забыла, милая. Я просто **поняла** и **приняла** её... Иначе невозможно было бы далее существовать — грустно покачав головой, ответила девушка.

— Как же можно понять **такое**?! Да и что **понимать** в боли?.. — не сдавалась я. — Это что — должно было **научить** вас чему-то особенному?.. Простите, но я никогда не верила в такое «учение»! По-моему так лишь ***беспомощные*** «учителя» могут использовать боль!

Я кипела от возмущения, не в состоянии остановить свои разбегавшиеся мысли!.. И как ни старалась, никак не могла успокоиться. Искренне жалея девушку-ведьму, я в то же время дико хотела всё про неё знать, что означало — задавать ей множество вопросов о том, что могло причинить ей боль. Это напоминало крокодила, который, пожирая свою несчастную жертву, лил по ней горючие слёзы... Но как бы мне не было совестно — я ничего не могла с собою поделать... Это был первый раз в моей короткой жизни, когда я почти что не обращала внимания на то, что своими вопросами *могу сделать человеку больно...*

Мне было очень за это стыдно, но я также понимала, что поговорить с ней обо всём этом почему-то очень для меня важно, и продолжала спрашивать, «закрыв на всё глаза»... Но к моему великому счастью и удивлению, девушка-ведьма, совершенно не обижаясь, и далее спокойно продолжала отвечать на мои наивные детские вопросы, не высказывая при этом ни малейшего неудовольствия.

— Я поняла **причину** случившегося. И ещё то, что это также, видимо, было моим *испытанием*... Пройдя которое мне и открылся этот удивительный мир, в котором мы сейчас с дедушкой вместе живём. Да и многое ещё другое...

— Неужели нужно было терпеть **такое**, только лишь, чтобы попасть сюда?!. — Ужаснулась Стелла.

— Думаю — да. Хотя я не могу сказать наверняка. ***У каждого своя дорога...*** — печально произнесла Анна. — Но главное то, что я всё же это прошла, сумев не сломаться. Моя душа осталась чистой и доброй, не обозлившись на мир и на казнивших меня людей. Я поняла, ***почему*** они уничтож***а***ли нас... тех, которые были ***«другими»***. Которых они называли ***Ведунами*** и ***Ведьмами.*** А иногда ещё и «бесовыми детьми»... ***Они просто боялись нас...*** Боялись того, что мы сильнее их и также того, что мы были им непонятны. Они ненавидели нас за то, ***что*** мы умели. За наш Дар. И ещё — слишком сильно завидовали нам... И ведь очень мало кто знал, что многие наши убийцы, сами же **тайком пытались учиться всему тому, что умели мы**, только вот не получалось у них ничего. Души, видимо, слишком чёрными были...

— Как это — ***учились***?!. Но разве же они сами не **проклинали вас**?.. Разве не потому сжигали, что считали созданиями Дьявола? — полностью опешив, спросила я.

— Так оно и было — кивнула Анна. — Только сперва наши палачи зверски пытали нас, стараясь узнать запретное, только нам одним ведомое... А потом уже сжигали, вырвав при этом многим языки, чтобы они нечаянно не разгласили творённое с ними. Да вы у мамы спр***о***сите, она многое прошла, больше всех остальных, наверное... Потому и ушла *далеко* после смерти, по своему выбору, чего ни один из нас не смог.

— А где же теперь твоя мама? — спросила Стелла.

— О, она где-то в «чужих» мирах обитает, я никогда не смогу пойти туда! — со странной гордостью в голосе, прошептала Анна. — Но мы иногда зовём её, и, она приходит к нам. Она любит и помнит нас... — и вдруг, солнечно улыбнувшись, добавила: — И такие чудеса рассказывает!!! Как хотелось бы увидеть всё это!..

— А разве она не может тебе помочь, чтобы пойти туда? — удивилась Стелла.

— Думаю — нет... — опечалилась Анна. — Она была намного сильнее всех нас на Земле, да и её «испытание» намного страшнее моего было, потому, наверное, и заслужила большее. Ну и талантливее она намного была, конечно же...

— Но для чего же было нужно ***такое*** страшное испытание? — осторожно спросила я. — Почему ваша Судьба была такой Злой? Вы ведь н***е*** были плохими,

вы помогали другим, кто не имел такого Дара. Зачем же было творить с вами такое?!.

— Для того, чтобы наша душа окрепла, я думаю... Чтобы выдержать много могла и не ломалась. Хотя, сломавшихся тоже много было... Они ***проклинали*** свой Дар. И перед тем, как умирали — ***отрекались*** от него...

— Как же такое можно?! Разве можно **от себя отречься**?!. — тут же возмущённо подпрыгнула Стелла.

— Ещё как можно, милая... Ох, ещё как можно! — тихо произнёс, до этого лишь наблюдавший за нами, но не вмешивавшийся в разговор, удивительный старец.

— Вот и дедушка вам подтвердил, — улыбнулась девушка. — Не все мы готовы к такому испытанию... Да не все и могут переносить такую боль. Но дело даже не столько в боли, сколько в ***силе нашего человеческого духа***... Ведь после боли оставался ещё ***страх от пережитого***, который даже после смерти цепко сидел в нашей памяти, и как червь грыз оставшиеся крохи нашего мужества. ***Именно этот страх*** в большинстве своём ***и ломал прошедших весь этот ужас людей.*** Стоило после уже в ***этом*** (посмертном) *мире* их только лишь чуточку припугнуть, как они тут же сдавались, становясь послушными «куклами» в чужих руках. А уж руки эти, естественно, были далеко не «белыми»... Вот и появлялись после на Земле «чёрные» маги, «чёрные» колдуны и разные им подобные, когда их сущности снова возвращались туда. Маги «на верёвочках», как мы называли их... Так что недаром, наверное, мы такое испытание проходили. Дедушка вот тоже всё это прошёл... Но он очень сильный. Намного сильнее меня. Он сумел «уйти», не дожидаясь конца. Как и мама сумела. Только вот я не смогла...

— Как — уйти?!. Умереть ***до того***, как его сожгли?!. А разве возможно такое? — в шоке спросила я.

Девушка кивнула.

— Но не каждый это может, конечно же. Нужно очень большое мужество, чтобы осмелиться прервать свою жизнь... Мне вот не хватило... Но дедушке этого не занимать! — гордо улыбнулась Анна.

Я видела, как сильно она любила своего доброго, мудрого деда... И на какое-то коротенькое мгновение в моей душе стало очень пусто и печально. Как будто снова в неё вернулась глубокая, неизлечимая тоска...

— У меня тоже был очень необычный дедушка... — вдруг очень тихо прошептала я.

Но горечь тут же знак***о***мо сдавила горло, и продолжить я уже не смогла.

— Ты очень его любила? — участливо спросила девушка.

Я только кивнула в ответ, внутри возмущаясь на себя за такую «непростительную» слабость...

— Кем был твой дед, девочка? — ласково спросил старец. — Я ***не вижу*** его.

— Я не знаю, кем он был... И никогда не знала. Но, думаю, что *не видите* вы его потому, что после смерти он перешёл жить в меня... И, наверное, как раз потому я и могу делать то, что делаю... Хотя могу, конечно же, ещё очень мало...

— Нет, девонька, он всего лишь помог тебе «**открыться»**. А делаешь всё ты и твоя сущность. У тебя большой Дар, милая.

— Чего же стоит этот Дар, если я не знаю о нём почти ничего?!. — горько воскликнула я. — Если не смогла даже спасти сегодня своих друзей?!.

Я расстроенно плюхнулась на пушистое сидение, даже не замечая его «искристой» красоты, вся сама на себя разобиженная за свою беспомощность и вдруг почувствовала, как по предательски заблестели глаза... А вот уж плакать в присутствии этих удивительных, мужественных людей мне ни за что не хотелось!.. Поэтому, чтобы хоть как-то сосредоточиться, я начала мысленно «перемалывать» крупинки неожиданно полученной информации, чтобы, опять же, спрятать их бережно в своей памяти, не потеряв при этом ни одного важного слова, не упустив какую-нибудь умную мысль...

— Как погибли Ваши друзья? — спросила девушка-ведьма.

Стелла показала картинку.

— Они могли и не погибнуть... — грустно покачал головой старец. — В этом не было необходимости.

— Как это — не было?!. — тут же возмущённо подскочила взъерошенная Стелла. — Они ведь спас**а**ли других хороших людей! У них не было выбора!

— Прости меня, м***а***лая, но **ВЫБОР ЕСТЬ ВСЕГДА**. Важно только уметь ***правильно*** выбрать... Вот погляди — и старец показал то, что минуту назад показывала ему Стелла.

— Твой друг-воин **пытался бороться со злом здесь так же**, **как он боролся с ним на Земле**. Но ведь это уже **другая жизнь**, и **законы в ней** совершенно **другие**. Так же, как **другое и оружие**... Только вы вдвоём делали это ***правильно***. А ваши друзья ошиблись. Они могли бы ещё долго жить... Конечно же, у каждого человека есть право свободного выбора, и каждый имеет право решать, как ему использовать его жизнь. Но это, когда он ***знает***, ***как*** он мог бы действовать, ***знает*** все возможные пути. А ваши друзья ***не знали***. Поэтому они и совершили ошибку и заплатили самой дорогой ценой. Но у них были прекрасные и чистые души, потому — гордитесь ими. Только вот уже никто и никогда не сможет их вернуть...

Мы со Стеллой совершенно раскисли, и видимо для того, чтобы как-то нас «развеселить», Анна сказала:

— А хотите, я попробую позвать маму, чтобы вы смогли поговорить с ней? Думаю, Вам было бы интересно.

Я сразу же зажглась новой возможностью узнать желаемое!.. Видимо, Анна успела полностью меня раскусить, так как это и правда было **единственным средством**, которое могло заставить меня на какое-то время забыть всё остальное. Моя любознательность, как правильно сказала девушка-ведьма, была моей силой, но и самой большой слабостью одновременно...

— А вы думаете, она придёт?.. — с надеждой на невозможное спросила я.

— Не узнаем, пока не попробуем, правда же? За это ведь никто наказывать не будет, — улыбаясь произведённому эффекту, ответила Анна.

Она закрыла глаза, и от её тоненькой сверкающей фигурки протянулась

куда-то в неизвестность пульсирующая золотом голубая нить. Мы ждали, затаив дыхание, боясь пошевелиться, чтобы нечаянно что-либо не спугнуть... Прошло несколько секунд — ничего не происходило. Я уже было открыла рот, чтобы сказать, что сегодня, видимо, ничего не получится, как вдруг увидела, медленно приближающуюся к нам по голубому каналу высокую прозрачную сущность. По мере её приближения, канал как бы «сворачивался» за её спиной, а сама сущность всё более уплотнялась, становясь похожей на всех нас. Наконец-то всё вокруг неё полностью свернулось, и теперь перед нами стояла женщина совершенно невероятной красоты!.. Она явно была когда-то *земной*, но в то же время, было в ней что-то такое, что делало её уже **не одной из нас**... уже другой — далёкой... И не потому, что я знала о том, что она после смерти «ушла» в другие миры. Она просто **была** другой.

— Здравствуйте, родные мои! — коснувшись правой рукой своего сердца, ласково поздоровалась красавица.

Анна сияла. А её дедушка, приблизившись к нам, впился повлажневшими глазами в лицо незнакомки, будто стараясь «впечатать» в свою память её удивительный образ, не пропуская ни одной мельчайшей детали, как если бы боялся, что видит её в последний раз... Он всё смотрел и смотрел, не отрываясь, и казалось, даже не дышал... А красавица, не выдержав более, кинулась в его тёплые объятия, и, как малое дитя, так и застыла, вбирая чудесный покой и добро, льющиеся из его любящей, исстрадавшейся души...

— Ну, что ты, милая... Что ты, родная... — баюкая незнакомку в своих больших тёплых руках, шептал старец.

А женщина так и стояла, спрятав лицо у него на груди, по-детски ища защиты и покоя, забывши про всех остальных и наслаждаясь мгновением, принадлежавшим только им двоим...

— Это что — твоя мама?.. — обалдело прошептала Стелла. — А почему она ***такая***?..

— Ты имеешь в виду — такая красивая? — гордо спросила Анна.

— Красивая, конечно же, но я не об этом... Она — ***другая.***

Сущность и правда была другой. Она была как бы соткана из мерцающего тумана, который то распылялся, делая её совершенно прозрачной, то уплотнялся, и тогда её совершенное тело становилось почти что физически плотным.

Её блестящие, чёрные, как ночь, волосы спадали мягкими волнами почти что до самых ступней и так же, как тело, то уплотнялись, то распылялись искристой дымкой. Жёлтые, как у рыси, огромные глаза незнакомки светились янтарным светом, переливаясь тысячами незнакомых золотистых оттенков и были глубокими и непроницаемыми, как вечность... На её чистом, высоком лбу горела золотом такая же жёлтая, как и её необычные глаза, пульсирующая энергетическая звезда. Воздух вокруг женщины трепетал золотыми искрами, и казалось — ещё чуть-чуть, и её лёгкое тело взлетит на недосягаемую нам высоту, как удивительная золотая птица... Она и правда была необыкновенно красива какой-то невиданной, завораживающей, неземной красотой.

— Привет вам, м***а***лые, — обернувшись к нам, спокойно поздоровалась

незнакомка. И уже обращаясь к Анне, добавила: — Что заставило тебя звать меня, родная? Случилась что-то?

Анна, улыбаясь, ласково обняла мать за плечи и, показывая на нас, тихо шепнула:

— Я подумала, что им необходимо встретиться с тобою. Ты могла бы помочь им в том, чего не могу я. Мне кажется, они этого стоят. Но ты прости, если я ошиблась... — и уже обращаясь к нам, радостно добавила: — Вот, милые, и моя мама! Её зовут Изид**о**ра. Она была самой сильной ***Видуньей*** в то страшное время, о котором мы с вами только что говорили.

(*У неё было удивительное имя —* ***Из-и-до-Ра****... Вышедшая из света и знания, вечности и красоты, и всегда стремящаяся достичь большего... Но это я поняла только сейчас. А тогда меня просто потрясло его необычайное звучание — оно было свободным, радостным и гордым, золотым и огненным, как яркое восходящее Солнце*).

Задумчиво улыбаясь, Изид**о**ра очень внимательно всматривалась в наши взволнованные мордашки, и мне вдруг почему-то очень захотелось ей понравиться... Для этого не было особых причин, кроме той, что история этой дивной женщины меня дико интересовала, и мне очень хотелось, во что бы то ни стало её узнать. Но я не ведала их обычаев, не знала, как давно они не виделись, поэтому сама для себя решила пока молчать. Но, видимо, не желая меня долго мучить, Изидора сама начала разговор...

— Что же вы хотели знать, м***а***лые?

— Я бы хотела спросить вас про вашу Земную жизнь, если это можно, конечно же. И если это не будет слишком больно для вас вспоминать... — чуточку стесняясь, тут же спросила я.

Глубоко в золотых глазах засветилась такая жуткая тоска, что мне немедля захотелось взять свои слова обратно. Но Анна, как бы всё понимая, тут же мягко обняла меня за плечи, будто говоря, что всё в порядке, и всё хорошо...

А её красавица мать витала где-то очень далеко, в своём, так и не забытом и, видимо, очень тяжёлом прошлом, в котором в тот миг блуждала её когда-то очень глубоко раненая душа... Я боялась пошевелиться, ожидая, что вот сейчас она нам просто откажет и уйдёт, не желая ничем делиться... Но Изид**о**ра, наконец, встрепенулась, как бы просыпаясь от ей одной ведомого, страшного сна и тут же приветливо нам улыбнувшись, спросила:

— **Что именно** вы хотели бы знать, милые?

— Я случайно ***посмотрела*** Анну... И всего лишь на коротенькое мгновение почувствовала то, что она пережила. Это было ужасно, и я не понимаю, ***за что*** люди могли вершить такое?! Да и какие они после этого **люди** вообще?.. Я чувствовала, что во мне опять закипает возмущение, и изо всех сил старалась как-то успокоиться, чтобы не показаться ей совсем уж «ребёнком». — У меня тоже есть Дар, правда я не знаю насколько он ценен и насколько силён... Я ещё вообще почти ничего о нём не знаю. Но очень хотела бы знать, так как теперь вижу, что одарённые люди даже гибли за это. Значит — дар ценен, а я даже не знаю, как его употреблять на пользу другим. Ведь он дан мне не для того, чтобы

просто гордиться им, так ведь?.. Вот я и хотела бы понять, что же с ним делать. И хотела бы знать, как делали это вы. Как вы жили... Простите, если это кажется вам не достаточно важным... Я совсем не обижусь, если вы решите сейчас уйти.

Я почти не соображала, что говорю, и волновалась, как никогда. Что-то внутри подсказывало, что эта встреча мне очень нужна, и что я должна суметь «разговорить» Изидору, как бы не было нам обоим от этого тяжело... Но она, как и её дочь, вроде бы, не имела ничего против моей детской просьбы. И уйдя от нас опять в своё далёкое прошлое, начала свой рассказ...

— Был когда-то удивительный город — Венеция... Самый прекрасный город на Земле!.. Во всяком случае — мне так казалось тогда...

— Думаю, вам будет приятно узнать, что он и сейчас ещё есть! — тут же воскликнула я. — И он, правда, очень красивый!

Грустно кивнув, Изидора легко взмахнула рукой, как бы приподнимая тяжёлый «завес ушедшего времени», и перед нашим ошеломлёнными взорами развернулось причудливое видение...

В лазурно-чистой синеве неба отражалась такая же глубокая синева воды, прямо из которой поднимался удивительный город... Казалось, розовые купола и белоснежные башни каким-то чудом выросли прямо из морских глубин и теперь гордо стояли, сверкая в утренних лучах восходящего солнца, красуясь друг перед другом величием бесчисленных мраморных колонн и радостными бликами ярких, разноцветных витражей. Лёгкий ветерок весело гнал прямо к набережной белые «шапочки» кудрявых волн, а те, тут же разбиваясь тысячами сверкающих брызг, игриво омывали, уходящие прямо в воду, мраморные ступеньки. Длинными зеркальными змеями блестели каналы, весело отражаясь солнечными «зайчиками» на соседних домах. Всё вокруг дышало светом и радостью... И выглядело каким-то сказочно-волшебным.

Это была Венеция... Город большой Любви и прекрасных искусств, столица Книг и великих Умов, удивительный город Поэтов...

Я знала Венецию, естественно, только по фотографиям и картинам, но сейчас этот чудесный город казался чуточку другим — совершенно реальным и намного более красочным... По-настоящему **живым.**

— Я родилась там. И считала это большой честью, — зажурчал тихим ручейком голос Изидоры. — *Мы жили в огромном палаццо (так у нас называли самые дорогие дома), в самом сердце города, так как моя семья была очень богата. Окна моей комнаты выходили на восток, а внизу они смотрели прямо на канал. И я очень любила встречать рассвет, глядя, как первые солнечные лучи зажигали золотистые блики на покрытой утренним туманом воде...*

Заспанные гондольеры лениво начинали своё каждодневное «круговое» путешествие, ожидая ранних клиентов. Город обычно ещё спал, и только любознательные и всеуспевающие торговцы всегда первыми открывали свои лавки. Я очень любила приходить к ним, пока ещё никого не было на улицах, и главная площадь не заполнялась людьми. Особенно часто я бегала к «книжникам», которые меня очень хорошо знали и всегда приберегали для меня что-то «особенное». Мне было в то время всего десять лет, примерно, как тебе сей-

час... Так ведь?

Я лишь кивнула, зачарованная красотой её голоса, не желая прерывать рассказ, который был похожим на тихую, мечтательную мелодию...

— Уже в десять лет я умела многое... Я могла летать, ходить по воздуху, лечить страдавших от самых тяжёлых болезней людей, видеть ***приходящее****. Моя мать учила меня всему, что знала сама...*

— Как — летать?!. В физическом теле летать?!. Как птица? — не выдержав, ошарашенно брякнула Стелла.

Мне было очень жаль, что она прервала это волшебно текущее повествование!.. Но добрая, эмоциональная Стелла, видимо, не в состоянии была спокойно выдержать такую сногсшибательную новость... Изидора ей лишь светло улыбнулась... и мы увидели уже другую, но ещё более потрясающую, картинку...

В дивном мраморном зале кружилась хрупкая черноволосая девчушка... С лёгкостью сказочной феи, она танцевала какой-то причудливый, лишь ей одной понятный танец, временами вдруг чуть подпрыгивая и... зависая в воздухе. А потом, сделав замысловатый пирует и плавно пролетев несколько шагов, опять возвращалась назад, и всё начиналось сначала... Это было настолько потрясающе и настолько красиво, что у нас со Стеллой захватило дух!.. А Изидора лишь мило улыбалась и спокойно продолжала дальше свой прерванный рассказ.

— Моя мама была потомственной ***Ведуньей****. Она родилась во Флоренции — гордом, свободном городе... в котором его знаменитой «свободы» было лишь столько, насколько могли защитить её, хоть и сказочно богатые, но (к сожалению!) не всесильные, ненавидимые церковью, Медичи. И моей бедной маме, как и её предшественницам, приходилось скрывать свой Дар, так как она была родом из очень богатой и очень влиятельной семьи, в которой «блистать» такими знаниями было более чем нежелательно. Поэтому ей так же, как и её матери, бабушке и прабабушке, приходилось скрывать свои удивительные «таланты» от посторонних глаз и ушей (а чаще всего, даже и от друзей!), иначе, узнай об этом отцы её будущих женихов, она бы навсегда осталась незамужней, что в её семье считалось бы величайшим позором. Мама была очень сильной, по-настоящему* ***одарённой целительницей****. И ещё совсем молодой уже тайно лечила от недугов почти весь город, в том числе и великих Медичи, которые предпочитали её своим знаменитым греческим врачам. Однако очень скоро «слава» о маминых «бурных успехах» дошла до ушей её отца, моего дедушки, который, конечно же, не слишком положительно относился к такого рода «подпольной» деятельности. И мою бедную маму постарались как можно скорее выдать замуж, чтобы таким образом смыть «назревающий позор» всей её перепуганной семьи... Было ли это случайностью, или кто-то как-то помог, но маме очень повезло — её выдали замуж за чудесного человека, венецианского магната, который... сам был очень сильным* ***ведуном****... и которого вы видите сейчас с нами...*

Сияющими, повлажневшими глазами Изидора смотрела на своего удивительно отца, и было видно, насколько сильно и беззаветно она его любила. Она была **гордой дочерью**, с достоинством нёсшей через века своё чистое, светлое

чувство, и даже там, далеко, в её новых мирах не скрывавшей и не стеснявшейся его. И тут только я поняла, насколько же мне хотелось стать на неё похожей!.. И в её силе любви, и в её силе Ведуньи, и во всём остальном, что несла в себе эта необычайная светлая женщина...

А она преспокойно продолжала рассказывать, будто и не замечая ни наших «лившихся через край» эмоций, ни «щенячьего» восторга наших душ, сопровождавшего её чудесный рассказ.

*— Вот тогда-то мама и услышала о Венеции... Отец часами рассказывал ей о свободе и красоте этого города, о его дворцах и каналах, о тайных садах и огромных библиотеках, о мостах и гондолах, и многом, многом другом. И моя впечатлительная мать, ещё даже не увидев этого чудо-города, всем сердцем полюбила его... Она не могла дождаться, чтобы увидеть этот город своими собственными глазами! И очень скоро её мечта сбылась... Отец привёз её в великолепный дворец, полный верных и молчаливых слуг, от которых не нужно было скрываться. И начиная с этого дня, мама могла часами заниматься своим любимым делом, не боясь оказаться не понятой или, что ещё хуже — оскорблённой. Её жизнь стала приятной и защищённой. Они были по-настоящему счастливой супружеской парой, у которой ровно через год родилась девочка. Они назвали её Изид**о**рой... Это была я.*

Я была очень счастливым ребёнком. И насколько я себя помню, мир всегда казался мне прекрасным... Я росла, окружённая теплом и лаской, среди добрых и внимательных, очень любивших меня людей. Мама вскоре заметила, что у меня проявляется мощный Дар, намного сильнее, чем у неё самой. Она начала меня учить всему, что умела сама, и чему научила её бабушка. А позже в моё «ведьмино» воспитание включился и отец.

Я рассказываю всё это, милые, не потому, что желаю поведать вам историю своей счастливой жизни, а чтобы вы глубже поняли то, что последует чуть позже... Иначе вы не почувствуете весь ужас и боль того, что мне и моей семье пришлось пережить.

*Когда мне исполнилось семнадцать, молва обо мне вышла далеко за границы родного города, и от желающих услышать свою судьбу не было отбоя. Я очень уставала. Какой бы одарённой я не была, но каждодневные нагрузки изматывали, и по вечерам я буквально валилась с ног... Отец всегда возражал против такого «насилия», но мама (сама когда-то не смогшая в полную силу использовать свой дар), считала, что я нахожусь в полном порядке, и что **должна** честно отрабатывать свой талант.*

*Так прошло много лет. У меня давно уже была своя личная жизнь и **своя** чудесная, любимая семья. Мой муж был учёным человеком, звали его Джироламо. Думаю, мы были предназначены друг другу, так как с самой первой встречи, которая произошла в нашем доме, мы больше почти что не расставались... Он пришёл к нам за какой-то книгой, рекомендованной моим отцом. В то утро я сидела в библиотеке и по своему обычаю, изучала чей-то очередной труд. Джироламо вошёл внезапно и увидев там меня, полностью опешил... Его смущение было таким искренним и милым, что заставило меня рассмеяться.*

Он был высоким и сильным кареглазым брюнетом, который в тот момент краснел, как девушка, впервые встретившая своего жениха... И я тут же поняла — это моя судьба. Вскоре мы поженились и уже никогда больше не расставались. Он был чудесным мужем, ласковым и нежным, и очень добрым. А когда родилась наша маленькая дочь — стал таким же любящим и заботливым отцом. Так прошли, очень счастливые и безоблачные десять лет. Наша милая дочурка Анна росла весёлой, живой и очень смышлёной. И уже в её ранние десять лет у неё тоже, как и у меня, стал потихонечку проявляться Дар...

Жизнь была светлой и прекрасной. И казалось, не было ничего, что могло бы омрачить ***бедой*** *наше мирное существование. Но я боялась... Уже почти целый год, каждую ночь мне снились кошмары — жуткие образы замученных людей и горящих костров. Это повторялось, повторялось, повторялось... сводя меня с ума. Но больше всего меня пугал образ странного человека, который приходил в мои сны постоянно и не говоря ни слова, лишь пожирал меня горящим взором своих глубоких чёрных глаз... Он был пугающим и очень опасным.*

И вот однажды оно пришло... На чистом небосводе моей любимой Венеции начали собираться чёрные тучи... Тревожные слухи, нарастая, бродили по городу. Люди шептались об ужасах инквизиции и, леденящих душу, живых ***человеческих*** *кострах... Испания уже давно полыхала, выжигая чистые людские души «огнём и мечом», именем Христа... А за Испанией уже загоралась и вся Европа... Я не была верующей, и никогда не считала Христа Богом. Но он был чудесным* ***Ведуном****, самым сильным из всех живущих. И у него была удивительно чистая и высокая душа. А то, что творила церковь, убивая «во славу Христа», было страшным и непростительным преступлением.*

Глаза Изидоры стали тёмными и глубокими, как золотая ночь. Видимо всё приятное, что подарила ей земная жизнь, на этом заканчивалось и начиналось другое, страшное и тёмное, о чём нам скоро предстояло узнать... У меня вдруг резко «засосало под ложечкой» и стало тяжело дышать. Стелла тоже стояла притихшая — не спрашивала своих обычных вопросов, а просто очень внимательно внимала тому, о чём говорила нам Изидора.

— Моя любимая Венеция восстала. Люди возмущённо роптали на улицах, собирались на площадях, никто не желал смиряться. Всегда свободный и гордый город не захотел принимать священников под своё крыло. И тогда Рим, видя, что Венеция не собирается перед ним склоняться, решился предпринять серьёзный шаг — послал в Венецию своего лучшего инквизитора, сумасшедшего кардинала, который являлся самым ярым фанатиком, настоящим «отцом инквизиции», и с которым не считаться было никак нельзя... Он был «правой рукой» римского Папы, и звали его Джованни Пиетро Караффа... Мне тогда было тридцать шесть лет...

(Когда я начала по-своему **просматривать** историю Изидоры, показавшуюся мне достаточно интересной, чтобы о ней написать, меня очень обрадовала одна деталь: имя Пьетро Караффы показалось знакомым, и я решила поискать его среди «исторически-важных» личностей. И какова же была моя радость, когда я нашла его тут же!.. Караффа оказался **подлинной** исторической

фигурой, он был настоящим «отцом инквизиции», который позже, став уже Папой Римским *(Paul IV)*, предал огню лучшую половину Европы. О жизни Изидоры я, к сожалению, нашла всего лишь одну строчку... В биографии Караффы есть однострочное упоминание о деле «Венецианской Ведьмы», которая считалась самой красивой женщиной тогдашней Европы... Но, к сожалению, это было всё, что могло соответствовать сегодняшней истории).

Изидора надолго замолчала... Её чудесные золотые глаза светились такой глубокой печалью, что во мне буквально «завыла» чёрная тоска... Эта дивная женщина до сих пор хранила в себе жуткую, нечеловеческую боль, которую кто-то очень злой когда-то заставил её пережить. И мне стало вдруг страшно, что именно теперь в самом интересном месте она остановится, и мы никогда так и не узнаем, что же случилось с ней дальше! Но удивительная рассказчица и не думала останавливаться. Просто были, видимо, какие-то моменты, которые всё ещё стоили ей слишком много сил, чтобы через них переступить... И тогда, защищаясь, её истерзанная душа намертво закрывалась, не желая впускать никого и не разрешая вспоминать ничего «вслух»... боясь пробудить спящую внутри жгучую, запредельную боль. Но, видимо, будучи достаточно сильной, чтобы побороть любую печаль, Изидора снова собравшись, тихо продолжала:

— Я впервые его увидела, когда спокойно прогуливалась на набережной, заговаривая о новых книгах с хорошо знакомыми мне торговцами, многие из которых уже давно были моими добрыми друзьями. День был очень приятным, светлым и солнечным, и никакая беда, казалось, ***не должна была*** *явиться посередине такого чудесного дня... Но так думала я. А моя злая судьба приготовила совершенно другое...*

Спокойно беседуя с Франческо Вальгризи, книги, которые он издавал, обожала вся тогдашняя Европа, я вдруг почувствовала сильнейший удар в сердце и на мгновение перестала дышать... Это было очень неожиданно, но имея в виду мой долголетний опыт, я ***никоим образом не могла, не имела права такое пропустить!..*** *Я удивлённо обернулась — прямо в упор на меня смотрели глубокие горящие глаза. И я их сразу узнала!.. Эти глаза мучили меня столько ночей, заставляя вскакивать во сне, обливаясь холодным потом!.. Это был гость из моих кошмаров. Непредсказуемый и страшный.*

Человек был худым и высоким, но выглядел очень подтянутым и сильным. Его тонкое аскетическое лицо обрамляли, сильно тронутые сединой, густые чёрные волосы и аккуратная, коротко стриженная борода. Алая кардинальская сутана делала его чужим и очень опасным... Вокруг его гибкого тела вилось странное золотисто-красное облако, которое видела только я. И если бы он не являлся верным вассалом церкви, я бы подумала, что передо мной стоит ***Колдун...***

Вся его фигура и горящий ненавистью взгляд выражали бешенство. И я почему-то сразу поняла — это и был знаменитый Караффа...

Я не успела даже сообразить, чем же сумела вызвать такую бурю (ведь пока что не было произнесено ни одного слова!), как тут же услышала его странный хрипловатый голос:

— Вас интересуют книги, Мадонна Изидора?..

«Мадонной» в Италии звали женщин и девушек, когда при обращении им выражалось уважение.

У меня похолодела душа — он знал моё имя... Но зачем? Почему я интересовала этого жуткого человека?!. От сильного напряжения закружилась голова. Казалось, кто-то железными тисками сжимает мозг... И тут вдруг я поняла — Караффа!!! Это он пытался мысленно меня ***сломать!***.. *Но, почему?*

Я снова взглянула прямо ему в глаза — в них полыхали тысячи костров, уносивших в небо невинные души...

— Какие же книги интересуют Вас, Мадонна Изидора? — Опять прозвучал его низкий голос.

— О, я уверенна, не такие, какие ***Вы*** *ищете, Ваше преосвященство, — спокойно ответила я.*

Моя душа испуганно ныла и трепыхалась, как пойманная птица, но я точно знала, что показать ему это никак нельзя. Надо было, чего бы это не стоило, держаться как можно спокойнее и постараться, если получится, побыстрее от него избавиться. В городе ходили слухи, что «сумасшедший кардинал» упорно выслеживал своих намеченных жертв, которые позже бесследно исчезали, и никто на свете не знал, где и как их найти, да и живы ли они вообще.

— Я столько наслышан о Вашем утончённом вкусе, Мадонна Изидора! Венеция только и говорит о Вас! Удостоите ли Вы меня такой чести, поделитесь ли Вы со мной Вашим новым приобретением?

Караффа улыбался... А у меня от этой улыбки стыла кровь и хотелось бежать, куда глядят глаза, только бы не видеть это коварное, утончённое лицо больше никогда! Он был настоящим хищником по натуре и именно сейчас был на охоте... Я это чувствовала каждой клеткой своего тела, каждой фиброй моей застывшей в ужасе души. Я никогда не была трусливой... Но я слишком много была наслышана об этом страшном человеке и знала — его не остановит ничто, если он решит, что хочет заполучить меня в свои цепкие лапы. Он сметал любые преграды, когда дело касалось «еретиков». И его боялись даже короли... В какой-то степени я даже уважала его...

Изидора улыбнулась, увидев наши испуганные рожицы.

— Да, уважала. Но это было другое уважение, чем то, что подумали вы. Я уважала его упорство, его неистребимую веру в своё «доброе дело». ***Он был помешан на том, что творил****, не так, как большинство его последователей, которые просто* ***грабили, насиловали и наслаждались жизнью****. Караффа никогда ничего не брал и никогда никого не насиловал. Женщины, как таковые, не существовали для него вообще. Он был «воином Христа» от начала до конца, и до последнего своего вздоха... Правда, он так никогда и не понял, что во всём, что он творил на Земле, был* ***абсолютно и полностью не прав****, что это было* ***страшным и непростительным преступлением****. Он так и умер, искренне веря в своё «доброе дело»...*

И вот теперь этот фанатичный в своём заблуждении человек явно был настроен заполучить почему-то мою «грешную» душу...

Пока я лихорадочно пыталась что-то придумать, мне неожиданно пришли на помощь... Мой давний знакомый, почти что друг, Франческо, у которого я только что купила книги, вдруг обратился ко мне раздражённым тоном, как бы потеряв терпение от моей нерешительности:

— Мадонна Изидора, Вы наконец-то решили, что Вам подходит? Мои клиенты ждут меня, и я не могу потратить весь свой день только на Вас! Как бы мне это не было приятно.

Я с удивлением на него уставилась, но к своему счастью, тут же уловила его рискованную мысль — он предлагал мне избавиться от опасных книг, которые я в тот момент держала в руках! Книги были любимым «коньком» Караффы, и именно за них чаще всего умнейшие люди угождали в сети, которые расставлял для них этот сумасшедший инквизитор...

Я тут же оставила большую часть на прилавке, на что Франческо сразу же выразил «дикое неудовольствие». Караффа наблюдал. Я сразу же почувствовала, как сильно его забавляла эта простая, наивная игра. Он прекрасно всё понимал, и если бы хотел — мог преспокойно арестовать и меня, и моего бедного рискового друга. Но почему-то не захотел... Казалось, он искренне наслаждался моей беспомощностью, как довольный кот, зажавший в углу пойманную мышь...

— Разрешите Вас покинуть, Ваше преосвященство? — даже не надеясь на положительный ответ, осторожно спросила я.

— К моему великому сожалению, мадонна Изидора! — с деланным разочарованием воскликнул кардинал. — Вы позволите как-нибудь заглянуть к вам? Говорят, у Вас очень одарённая дочь? Мне бы очень хотелось познакомиться и побеседовать с ней. Надеюсь, она так же красива, как её мать...

— Моей дочери, Анне, всего десять лет, милорд, — как можно спокойнее ответила я.

*А душа у меня кричала от животного ужаса!.. Он знал про меня всё!.. Зачем, ну зачем я была нужна сумасшедшему Караффе?.. Почему его интересовала моя маленькая Анна?! Не потому ли, что я слыла знаменитой **Видуньей**, и он считал меня своим злейшим врагом?.. Ведь для него не имело значения, **как** меня называли, для «великого инквизитора» я была просто — **ведьмой**, а ведьм он сжигал на костре...*

*Я сильно и беззаветно любила Жизнь! И мне, как и каждому нормальному человеку, очень хотелось, чтобы она продолжалась как можно дольше. Ведь даже самый отъявленный негодяй, который, возможно, отнимал жизнь других, дорожит каждой прожитой минутой, каждым прожитым днём **своей** драгоценной для него жизни!.. Но именно в тот момент я вдруг очень чётко поняла, что **именно он, Караффа** и заберёт её, мою короткую и такую для меня ценную, не дожитую жизнь...*

— Великий дух зарождается в малом теле, мадонна Изидора. Даже святой Иисус когда-то был ребёнком. Я буду очень рад навестить Вас! — и изящно поклонившись, Караффа удалился.

Мир рушился... Он рассыпался на мелкие кусочки, в каждом из которых

отражалось хищное, тонкое, умное лицо... Я старалась как-то успокоиться и не паниковать, но почему-то не получалось. Моя привычная уверенность в себе и в своих силах на этот раз подводила, и от этого становилось ещё страшней. День был таким же солнечным и светлым, как всего несколько минут назад, но в мою душу поселился мрак. Как оказалось, я давно ждала появления этого человека. И все мои кошмарные видения о кострах, были только предвестием... к сегодняшней встрече с ним.

Вернувшись домой, я тут же уговорила мужа забрать маленькую Анну и увезти её куда-то подальше, где злые щупальца Караффы не могли бы её достать. А сама начала готовиться к самому худшему, так как точно знала, что его приход не заставит себя долго ждать. И не ошиблась...

Через несколько дней, моя любимая чернокожая служанка Кея (в то время было очень модно заводить чернокожих слуг в богатых домах) доложила, что «его преосвященство, кардинал, ожидает меня в розовой гостиной». И я почувствовала, что что-то произойдёт именно сейчас...

Я была одета в светло-жёлтое шёлковое платье и знала, что этот цвет мне очень идёт. Но если и был один единственный человек на свете, перед которым мне не хотелось выглядеть привлекательной, то это уж точно был Караффа. Но для переодевания не оставалось времени, и пришлось выходить именно так.

Он ждал, спокойно опёршись на спинку кресла, изучая какую-то старую рукопись, коих в нашем доме находилось несметное количество. Я «надела» на себя приятную улыбку и спустилась в гостиную. Увидев меня, Караффа почему-то застыл, не произнося ни слова. Молчание затягивалось, и мне казалось, что кардинал вот-вот услышит, как по предательски громко стучит моё испуганное сердце... Но вот наконец-то раздался его восторженный, хриплый голос:

— Вы потрясающи, мадонна Изидора! Даже это солнечное утро проигрывает рядом с вами!

— Вот уж не думала, что кардиналам разрешается говорить дамам комплименты! — с величайшим усилием продолжая улыбаться, выдавила я.

— Кардиналы тоже люди, мадонна, и они умеют отличать прекрасное от простоты... А где же ваша чудесная дочь? Смогу ли я насладиться сегодня двойной красотой?

— Её нет в Венеции, ваше преосвященство. Она с отцом уехала во Флоренцию, навестить её больного кузена.

— Насколько я знаю, в данный момент в вашей семье нет больных. Кто же так внезапно заболел, мадонна Изидора? — в его голосе звучала неприкрытая угроза...

Караффа начал играть открыто. И мне не оставалось ничего, как только встречать опасность лицом к лицу...

— Что вы от меня хотите, Ваше преосвященство? Не проще ли было бы сказать это прямо, избавив нас обоих от этой ненужной, дешёвой игры? Мы достаточно умные люди, чтобы даже при разности взглядов, могли уважать

друг друга.

У меня от ужаса подкашивались ноги, но Караффа этого почему-то не замечал. Он впился в моё лицо пылающим взглядом, не отвечая и не замечая ничего вокруг. Я не могла понять, что происходит, и вся эта опасная комедия всё больше и больше меня пугала... Но тут произошло кое-что совершенно непредвиденное, что-то полностью выходящее за привычные рамки... Караффа подошёл ко мне очень близко, всё так же, не сводя горящих глаз, и почти не дыша, прошептал:

— Ты не можешь быть от Бога... Ты слишком красива! Ты колдунья!!! Женщина не имеет права быть столь прекрасной! Ты от Дьявола!..

И повернувшись, бросился без оглядки из дома, как будто за ним гнался сам Сатана...

*Я стояла в совершенном шоке, всё ещё ожидая услышать его шаги, но ничего не происходило. Понемногу приходя в себя, и наконец-то сумев расслабить своё одеревеневшее тело, я глубоко вздохнула и... потеряла сознание. Очнулась я на кровати, по**и**мая горячим вином из рук моей милой служанки Кеи. Но тут же вспомнив о случившемся, вскочила н**а** ноги и начала метаться по комнате, никак не соображая, что же такое предпринять... Время шло, и надо было что-то делать, что-то придумать, чтобы как-то защитить себя и свою семью от этого двуногого чудища. Я точно знала, что теперь всякая игра была кончена, что началась война. Но наши силы, к моему великому сожалению, были очень и очень не равны... Естественно, я могла победить бы его по-своему... могла даже просто остановить его кровожадное сердце. И все эти ужасы сразу бы закончились. Но дело в том, что, даже в свои тридцать шесть лет я всё ещё оставалась слишком чистой и доброй для убийства... Я никогда не отнимала жизнь, наоборот — очень часто возвращала её. И даже такого страшного человека, каким был Караффа, пока ещё не могла казнить...*

На следующее утро раздался сильнейший стук в дверь. Моё сердце остановилось. Я знала — это была инквизиция... Они забрали меня, обвиняя в «словоблудии и чернокнижии, одурманивании честных граждан ложными предсказаниями и ереси»... Это был конец.

Комната, в которую меня поселили, была очень сырой и тёмной, но мне почему-то казалось, что долго я в ней не задержусь. В полдень пришёл Караффа...

— О, прошу прощения, мадонна Изидора, Вам предоставили чужую комнату. Это не для Вас, конечно же.

*— К чему вся эта игра, монсеньор? — гордо (как мне казалось) вскинув голову, спросила я. — Я предпочитала бы просто правду, и желала бы знать, в чём **по-настоящему** меня обвиняют. Моя семья, как вы знаете, очень уважаема и любима в Венеции, и было бы лучше для Вас, если бы обвинения имели под собой **истинную** почву.*

Караффа никогда не узнал, сколько сил мне стоило тогда выглядеть гордой!.. Я прекрасно понимала, что вряд ли кто-нибудь или что-нибудь может мне помочь. Но я не могла допустить, чтобы он увидел мой страх. И поэтому

продолжала, пытаясь вывести его из того спокойно-ироничного состояния, которое видимо было его своеобразной защитой. И которого совершенно не выносила я.

— Вы соблаговолите мне сообщить, в чём моя вина, или оставите это удовольствие своим верным «вассалам»?!.

*— Я не советую Вам кипятиться, мадонна Изидора, — спокойно произнёс Караффа. — Насколько мне известно, вся ваша любимая Венеция знает, что вы — **Ведьма.** И к тому же, самая сильная, которая когда-то жила. Да Вы ведь этого и не скрывали, не правда ли?*

Вдруг я совершенно успокоилась. Да, это было правдой — я никогда не скрывала своих способностей... Я ими гордилась, как и моя мать. Так неужели же теперь, перед этим сумасшедшим фанатиком я предам свою душу и откажусь от того, кто я есть?!.

*— Вы правы, ваше преосвященство, я **Ведьма.** Но я не от Дьявола, не от Бога. **Я свободна в своей душе, я — ВЕДАЮ**... И Вы никогда не сможете этого у меня отнять. Вы можете только убить меня. Но даже тогда я останусь тем, кто я есть... Только, в том случае, Вы уже никогда меня не увидите...*

*Я вслепую нанесла слабенький удар... Не было никакой уверенности, что он сработает. Но Караффа вдруг побледнел, и я поняла, что была права. Как бы ни ненавидел женскую половину этот непредсказуемый человек, ко мне у него теплилось странное и опасное чувство, которого я пока ещё не могла точно определить. Но главное — оно **было**! И только это пока что являлось важным. А разобраться в нём можно было и позже, если сейчас удастся Караффу «поймать» на эту простую женскую приманку... Но я не знала тогда, насколько сильна была воля этого необычного человека... Замешательство исчезло также быстро, как и пришло. Передо мной опять стоял холодный и спокойный кардинал.*

*— Это было бы огромной потерей для всех, кто ценит красоту, мадонна. Но **слишком большая** красота бывает опасной, так как она губит чистые души. А уж Ваша-то — точно не оставит никого равнодушным, поэтому будет лучше, если она просто перестанет существовать...*

*Караффа ушёл. А у меня встали дыбом волосы — настолько сильный он вселял ужас в мою уставшую одинокую душу... **Я была одна.** Все мои любимые и родные находились где-то по ту сторону этих каменных стен, и я отнюдь не была уверена, что увижу их когда-либо ещё... Моя горячо любимая малышка Анна ютилась во Флоренции у Медичи, и я очень надеялась, что Караффа не знал, где и у кого она находится. Мой муж, который меня обожал, по моей просьбе был с ней и не знал о том, что меня схватили. У меня не было никакой надежды. Я была по-настоящему совсем одна.*

*С того злосчастного дня начались нескончаемые суды над знаменитой «Венецианской Ведьмой», то бишь — надо мной... Но Венеция была **по-настоящему свободным городом** и не давала так просто уничтожать своих детей. Инквизиция была ненавидимой всеми, и Караффе приходилось с этим считаться. Поэтому меня судил «верховный трибунал инквизиции», ко-*

торый обвинял меня во всех возможных пороках, о большинстве которых мне никогда не приходилось даже слышать. Единственно светлым, произошедшим за всё это кошмарное время, была неожиданная и очень сильная поддержка друзей, которая вынудила Караффу быть намного более осторожным в своих обвинениях, но это не помогло мне вырваться из его опасных когтей.

Время шло, и я знала, что приходит опасный момент, когда Караффа начнёт атаку. Пока что это был всего лишь «не очень красивый спектакль», который продолжался уже больше года почти что изо дня в день. И это по их понятиям, видимо, должно было меня как-то успокоить или даже дать какую-то ложную крохотную надежду, что всё это когда-нибудь кончится, и что я, возможно, даже «счастливо уйду домой»... Меня по какой-то причине «усыпляли», желая, видимо, ударить ещё сильней. Но Караффа ошибался. Я ***знала,*** *что он всего лишь выжидает. Только пока ещё не знала — чего.*

И такой день наконец-то настал... Утром мне объявили, что «так как моё “дело”» является особо важным, и местная инквизиция не в состоянии его решить, то я посылаюсь в Рим, на светлую волю Папы, чтобы он наконец-то и вынес мне свой «справедливый приговор».

Это был конец... Никто на свете не мог мне помочь, если я попаду в руки Римской инквизиции. Караффа ликовал! Он праздновал победу. Я была почти что мертва.

36. Изидора-2. Рим

Так, через неделю во всём своём тёмном «величии» передо мной предстал «святой» город Рим... Не считая красоты дворцов, соборов и церквей, город был очень хмурым и на удивление грязным. А для меня он ещё был и городом моей смерти, так как я знала, что от Караффы здесь не уйти.

Меня поселили в каком-то очень большом дворце, ничего не объясняя, не говоря ни слова. Обслуживала меня немая служанка, что, опять же, не предвещало ничего хорошего. Но одно обстоятельство всё же вселяло «призрачную» надежду — меня поселили в замке, а не прямо в камере для обвиняемых, что могло означать — мне оставят возможность защищаться. Я ошибалась...

На следующее утро появился Караффа. Он был свежим и очень довольным, что, к сожалению, не предвещало для меня ничего хорошего. Усевшись в кресло прямо передо мной, но не испросив на это разрешения, Караффа ясно дал этим понять, что хозяин здесь он, а я являюсь всего лишь подсудимой в красивой клетке...

— Надеюсь, Вы легко перенесли дорогу, мадонна Изидора? — нарочито-вежливым тоном произнёс он. — Как Ваши покои? Вам что-нибудь нужно?

— О, да! Я бы хотела вернуться домой! — подыгрывая его тону, шутливо ответила я.

Я знала, что терять мне было практически нечего, так как свою жизнь я уже почти что потеряла. Поэтому, решив не давать Караффе удовольствия меня сломать, я старалась изо всех сил не показывать ему, насколько мне было

страшно...

*Это **не смерть**, чего я больше всего боялась. Я боялась даже мысли о том, что я уже никогда не увижу тех, кого так сильно и беззаветно любила — мою семью. Что вероятнее всего, уже никогда больше не обниму свою маленькую Анну... Не научу её тому, чему учила меня моя мать, и что умела я сама... Что оставляю её полностью беззащитной против зла и боли... И что уже не скажу ей ничего из того, что хотела и что **должна была** сказать.*

Я жалела своего чудесного мужа, которому, я знала, будет очень тяжело перенести потерю меня. Как холодно и пусто будет в его душе!.. А я даже никогда не смогу сказать ему последнее «прощай»...

И больше всего я жалела своего отца, для которого я была смыслом его жизни, его путеводной «звездой», освещавшей его нелёгкий тернистый путь... После «ухода» мамы, я стала для него всем, что ещё оставалось, чтобы учить и надеяться, что в один прекрасный день я стану тем, что он так упорно пытался из меня «слепить»...

***Вот чего я боялась**. Моя душа рыдала, думая обо всех, кого я так люблю. О тех, кого я теперь оставляла... Но этого было ещё мало. Я знала, что Караффа **не даст мне так просто уйти.** Я знала, что он непременно заставит меня сильно страдать... Только я ещё не представляла, насколько это страдание будет бесчеловечным...*

— Это единственное, чего я не могу Вам предоставить, мадонна Изидора — забыв свой светский тон, резко ответил кардинал.

— Ну, что ж, тогда хотя бы разрешите мне увидеть мою маленькую дочь — холодея внутри от невозможной надежды, попросила я.

— А вот это мы вам обязательно организуем! Только чуточку позже, думаю — размышляя о чём-то своём, довольно произнёс Караффа.

Новость меня ошарашила! У него и насчёт моей маленькой Анны, видимо, был свой план!.. Я была готова переносить все ужасы сама, но я никак не была готова даже подумать о том, что могла бы пострадать моя семья.

— У меня к Вам вопрос, мадонна Изидора. И от того, как Вы на него ответите, будет зависеть, увидите ли Вы в скором времени свою дочь, или Вам придётся забыть о том, как она выглядит. Поэтому советую Вам хорошенько подумать, перед тем, как отвечать, — взгляд Карафы стал острым, как стальной клинок... — Я хочу знать, где находится знаменитая библиотека Вашего деда?

Так вот, что искал сумасшедший инквизитор!.. Как оказалось, не таким уж он был и сумасшедшим... Да, он был совершенно прав — старая библиотека моего дедушки хранила чудесное собрание душевного и умственного богатства! Она была одной из самых старых и самых редких во всей Европе, и ей завидовал сам великий Медичи, который, как известно, за редкие книги был готов продать даже свою душу. Но зачем такое понадобилось Караффе?!.

— Библиотека дедушки, как Вам известно, всегда находилась во Флоренции, но я не знаю, что с ней стало после его смерти, Ваше преосвященство, так как более не видела её.

Это была детская ложь, и я понимала, насколько наивно это звучало... Но другого ответа у меня просто так сразу не нашлось. Я не могла допустить, чтобы редчайшие в мире труды философов, учёных и поэтов, труды великих Учителей попали в грязные лапы церкви или Караффы. Я не имела права такого допускать! Но пока что, не успев ничего лучшего придумать, чтобы всё это как-то защитить, я ответила ему первое, что в тот момент пришло в мою воспалённую от дикого напряжения голову. Требование Караффы было столь неожиданным, что мне нужно было время, чтобы сообразить, как поступать дальше. Как бы подслушав мои мысли, Караффа произнёс:

— Ну, что ж, мадонна, я оставляю вам время подумать. И очень советую не ошибиться...

Он ушёл. А на мой маленький мир опустилась ночь...

Всё это жуткое время я мысленно общалась со своим любимым, измученным отцом, который, к сожалению, не мог сообщить мне ничего успокаивающего, кроме лишь одной положительной новости — Анна всё ещё находилась во Флоренции, и хотя бы уж за неё пока что нечего было опасаться.

Но мой несчастный муж, мой бедный Джироламо, вернулся в Венецию с желанием мне помочь, и только там узнал, что уже слишком поздно — что меня увезли в Рим... Его отчаянию не было предела!.. Он писал длинные письма Папе. Посылал ноты протеста «сильным мира сего», которым я когда-то помогала. Ничего не действовало. Караффа был глух к любым просьбам и мольбам...

— А разве ты не могла просто исчезнуть?! Или «улететь», если на то пошло?.. Почему ты не воспользовалась чем-нибудь?!! — не выдержав далее, воскликнула расстроенная рассказом Стелла. — **Бороться надо всегда до конца**!.. Так бабушка меня учила.

Я очень обрадовалась — Стелла оживала. Её бойцовский дух снова брал верх, как только в этом появилась острая необходимость.

— Если бы всё было так просто!.. — грустно покачав головой, ответила Изидора. — Дело ведь было не только во мне. Я находилась в полном неведении о планах Караффы насчёт моей семьи. И меня сильно пугало то, что, сколько бы я не пыталась, я никак не могла ничего ***увидеть****. Это был* ***первый раз в моей жизни****, когда никакое «в**и**дение», никакие мои «ведьмины таланты» не помогали... Я могла* ***просмотреть*** *любого человека или любое событие на тысячу лет вперёд! Могла с абсолютной точностью предсказать даже будущие воплощения, чего не мог сделать* ***ни один Видун на Земле****, но* ***мой Дар молчал, когда дело касалось Караффы****, и я не могла этого понять. Любые мои попытки его* ***посмотреть*** *легко «распылялись», натыкаясь на очень плотную золотисто-красную защиту, которая постоянно «вилась» вокруг его физического тела, и я никак не могла её пробить. Это было новое и непонятное, с чем я никогда не сталкивалась раньше...*

Естественно, каждый (даже моя маленькая Анна!) в моей семье умел создавать себе великолепную защиту, и каждый делал это по-своему, чтобы она была ***индивидуальной,*** *на случай если случится беда. Но какой бы сложной*

защита не получалась, я прекрасно знала, что в любой момент могу «пройти насквозь» через защиту любого из знакомых мне ведунов, если бы в этом вдруг возникла срочная необходимость, включая также защиту моего отца, который знал и умел намного больше меня. Но с Караффой это не работало... Он владел какой-то ***чужой****, очень сильной и очень изысканной магией, с которой я никогда не сталкивалась... Я знала всех Ведунов Европы — он* ***не был*** *одним из них****.***

Мне, как и всем остальным, было хорошо известно, что он являлся ***истинным*** *«слугой господа» и* ***верным*** *«сыном церкви», и по всеобщим понятиям никоим образом* ***не мог*** *использовать то, что называл «дьявольским проявлением» и то, чем пользовались мы, Ведьмы и Ведуны!.. Что же в таком случае это было?!. Неужели* ***вернейший слуга церкви*** *и* ***великий инквизитор был на самом деле чёрным Колдуном****?!. Несмотря на то, что это было совершенно и абсолютно невероятным,* ***это было единственным объяснением,*** *которое я могла дать, честно положив руку на сердце. Но как же в таком случае он совмещал свои «святые» обязанности с «дьявольским» (как он называл) учением?!. Хотя то, что он творил на Земле, именно и являлось по-настоящему Дьявольским и чёрным...*

Очередной раз, мысленно беседуя с отцом, я у него спросила, что он думает по этому поводу?

— Это ***не он****, милая... Это ему просто помогают. Но я не знаю — кто. Такого нет на Земле...*

Час от часу не становилось легче!.. Мир и впрямь вставал с ног на голову... Но я дала себе слово всё же постараться каким-то образом узнать, чем же пользовался этот странный «святой отец», параллельно преследуя и сжигая ***себе подобных****?.. Так как, если это являлось правдой, и он использовал «учение Дьявола» (как он это называл), то и он сам — Великий Караффа —* ***должен был закончить свою «праведную» жизнь на костре, вместе со всеми, им сжигаемыми Ведунами и Ведьмами!..***

Но я опоздала...

На следующее утро я ждала Караффу, чётко настроенная разузнать, чем же всё-таки пользовался этот удивительный «святой отец». Но Караффа не появился. Он не появлялся и на следующий день, и всю следующую неделю... Я не могла понять, являлось ли это простой передышкой или он замышлял что-то очень страшное, касающееся кого-то из моей семьи? Но, к моему большому сожалению, как я позже узнала, это не было ни то, ни другое... Это было намного опаснее, чем любые его проделки... Очень скоро по некончавшемуся звону колоколов и грустному пению на улицах я поняла — скончался Римский Папа... Это прекрасно объясняло длительное отсутствие моего тюремщика. А ещё на следующий день, немая служанка, чуть ли не пританцовывая от счастья, принесла мне изысканный листок бумаги, на котором сообщалось, что новым Папой Павлом IV объявлен Джованни Пьетро Караффа — мой страшнейший и непредсказуемый враг...

Теперь оставалось только ждать...

Через два дня меня, с завязанными глазами перевезли в какой-то потря-

сающий по своему внутреннему богатству и вызывающей красоте дворец. Как я узнала позже — личный дворец Караффы. Он появился через неделю, всё такой же подтянутый и опасный, в «сиянии своей неограниченной власти» и протянул мне для поцелуя свою ухоженную руку с огромным, сверкающим Папским кольцом... Я склонилась перед ним ниже прежнего, так как этого требовало приличие, а также потому, что пока ещё для себя не уяснила, как буду дальше себя с ним вести.

— Как поживаете, мадонна Изидора? Надеюсь, Вас устраивают Ваши покои?

Караффа был предельно светским и довольным, зная, что я нахожусь в его полной власти, и что теперь уже точно ***никто*** *не сможет ему ни в чём помешать...*

— Поздравляю Вас с Вашей победой, Ваше святейшество! — намеренно сделав ударение на слове «святейшество», спокойно сказала я. — Боюсь, с этих пор я являюсь слишком ничтожной фигурой, чтобы заставить Папу беспокоиться... Передадите ли Вы моё дело кому-то другому?

Караффа застыл. Он ненавидел моё спокойствие. Он желал заставить меня боятся...

— Вы правы, мадонна Изидора, возможно Вы перейдёте к моему лучшему помощнику... всё будет зависеть только от вас. Подумали ли Вы над моим вопросом?

— Какие именно книги интересуют Вас, Ваше святейшество? Или Вы хотите найти ***всё****, чтобы уничтожить?*

Он искренне удивился.

— Кто Вам сказал такую чушь?..

— Но Вы ведь бросали в костры тысячи книг только у нас в Венеции? Уже не говоря о других городах... Зачем же ещё они могут быть Вам нужны?

— Моя дражайшая колдунья, — улыбнулся Караффа, — существуют «книги» и ***КНИГИ****... И то, что я сжигал, всегда относилось к* ***первой*** *категории... Пройдёмте со мной, я покажу Вам кое-что интересное.*

Караффа толкнул тяжёлую позолоченную дверь, и мы очутились в узком, очень длинном, тёмном коридоре. Он захватил с собой серебряный подсвечник, на котором горела одна единственная толстая свеча.

— Следуйте за мной, — коротко приказал новоиспечённый Папа.

Мы долго шли, проходя множество небольших дверей, за которыми не было слышно ни звука. Но Караффа шёл дальше, и мне не оставалось ничего другого, как только в молчании следовать за ним. Наконец мы очутились у странной «глухой» двери, у которой не было дверных ручек. Он незаметно что-то нажал, и тяжеленная дверь легко сдвинулась с места, открывая вход в потрясающую залу... Это была библиотека!.. Самая большая, которую мне когда-либо приходилось видеть!!! Огромнейшее пространство с пола до потолка заполняли книги!.. Они были везде — на мягких диванах, на подоконниках, на сплошных полках, и даже на полу... Их здесь были тысячи!.. У меня перехватило дыхание — это было намного больше библиотеки Медичи.

— Что это?! — забывшись, с кем здесь нахожусь, ошеломлённо воскликнула я.

— Это и есть ***КНИГИ****, мадонна Изидора. — спокойно ответил Караффа. — И если Вы захотите, они будут Ваши... Всё зависит только от Вас.*

Его горящий взгляд приковал меня к месту, что тут же заставило меня вспомнить, ***где*** *и с* ***кем я*** *в тот момент находилась. Великолепно сыграв на моей беззаветной и безмерной любви к книгам, Караффа заставил меня на какой-то момент забыть страшную реальность, которая, как теперь оказалось, собиралась в скором времени стать ещё страшней...*

Караффе в то время было более семидесяти лет, хотя выглядел он на удивление моложаво. Когда-то в самом начале нашего знакомства я даже подумывала, а не помог ли ему кто-то из ведунов, открыв наш секрет ***долголетия****?!. Но потом он вдруг начал резко стареть, и я про всё это начисто забыла. Теперь же я не могла поверить, что этот могущественный и коварный человек, в руках которого была неограниченная власть над королями и принцами, только что сделал мне очень «завуализированное» и туманное предложение... в котором можно было заподозрить какую-то нечеловечески-странную капельку очень опасной любви?!.*

У меня внутри всё буквально застыло от ужаса!.. Так как будь это правдой, никакая земная сила не могла меня уберечь от его раненой гордости и от его мстительной в своей злобе чёрной души!..

— Простите мою нескромность, Ваше святейшество, но во избежание ошибки с моей стороны, не соблаговолите ли Вы мне более точно объяснить, что Вы хотели этим сказать? — очень осторожно ответила я.

Караффа мягко улыбнулся и, взяв мою дрожащую руку в свои изящные, тонкие пальцы, очень тихо произнёс:

— Вы — первая женщина на земле, мадонна Изидора, которая, по моему понятию, достойна настоящей любви... И Вы очень интересный собеседник. Не кажется ли Вам, что Ваше место скорее на троне, чем в тюрьме инквизиции?.. Подумайте об этом, Изидора. Я предлагаю Вам свою дружбу, ***ничего более.*** *Но моя дружба стоит очень многого, поверьте мне... И мне очень хотелось бы Вам это доказать. Но всё будет зависеть от Вашего решения, естественно... — и, к моему величайшему удивлению, добавил: — Вы можете здесь остаться до вечера, если желаете что-то почитать; думаю, Вы найдёте здесь для себя очень много интересного. Позвоните в колокольчик, когда закончите, и Ваша служанка покажет Вам дорогу назад.*

Караффа был спокоен и сдержан, что говорило о его полной уверенности в своей победе... Он даже на мгновение не допускал мысли, что я могла бы отказаться от такого «интересного» предложения... И уж особенно в моём безысходном положении. А вот ***именно это и было самым пугающим...*** *Так как я, естественно, собиралась ему отказать. Только, как это сделать я пока что не имела ни малейшего представления...*

Я огляделась вокруг — комната потрясала!.. Начиная с вручную сшитых переплётов старейших книг, до папирусов и рукописей на бычьей коже, и до

*поздних, уже печатных книг, эта библиотека являлась кладезем мировой мудрости, настоящим торжеством гениальной человеческой Мысли!!! Это была, видимо, самая ценная библиотека, которую когда-либо видел человек!.. Я стояла полностью ошеломлённая, завороженная тысячами со мной «**говоривших**» томов, и никак не могла понять, каким же образом это богатство могло ужиться здесь с теми проклятиями, которые так яро и «искренне» сыпала на им подобное инквизиция?.. Ведь для **настоящих** инквизиторов все эти книги должны были являться самой чистой **ЕРЕСЬЮ**, именно **за которую люди горели на кострах** и которая **категорически запрещалась**, как страшнейшее преступление против церкви!..*

*Каким же образом здесь, в подвалах Папы сохранились все эти ценнейшие книги, которые якобы во имя «искупления и очищения душ» **до последнего листочка сжигались на площадях?!.** Значит всё, что говорили «отцы-инквизиторы», всё, что они творили — было всего лишь страшной завуалированной **ЛОЖЬЮ**! И эта безжалостная ложь глубоко и крепко сидела в простых и открытых, наивных и верующих человеческих сердцах!..*

*Подумать только, что я когда-то была абсолютно уверена, что церковь была искренна в своей вере!.. Так как **любая вера**, какой бы странной она ни казалась, для меня всегда **воплощала в себе искренний дух и веру человека во что-то чистое и высокое**, к чему, во имя спасения, стремилась его душа.*

*Я никогда не была «верующей», так как я верила исключительно в **Знание**. Но я всегда уважала убеждения других, так как, по моему понятию, **человек имел право выбирать сам, куда направить свою судьбу**, и чужая воля не должна была насильно указывать, **как** он должен был проживать свою жизнь. Теперь же я ясно видела, что ошиблась... Церковь лгала, убивала и насиловала, не считаясь с такой «мелочью», как раненая и исковерканная человеческая душа...*

Как бы я ни была увлечена увиденным, пора было возвращаться в действительность, которая для меня, к сожалению, в тот момент не представляла ничего утешительного... Святой Отец Церкви Джованни Пьетро Караффа любил меня!.. О, боги, как же он должен был за это меня ненавидеть!!! И насколько сильнее станет его ненависть, когда он вскоре услышит мой ответ...

Я не могла понять этого человека. Хотя до него чуть ли не любая человеческая душа была для меня открытой книгой, в которой я всегда могла свободно читать. Он был совершенно непредсказуем и невозможно было уловить тончайшие изменения его настроений, которые могли повлечь за собой ужасающие последствия. Я не знала, сколько ещё смогу продержаться, и не знала, как долго он намерен меня терпеть. Моя жизнь полностью зависела от этого фанатичного и жестокого Папы, но я точно знала только одно — я не намерена была лгать. Что означало, жизни у меня оставалось не так уж много...

Я опять ошибалась.

На следующий день меня провели вниз, в какой-то хмурый, огромный каменный зал, который совершенно не сочетался с общей обстановкой великолепнейшего дворца. Караффа сидел на высоком деревянном кресле в конце этого

странного зала и являл собою воплощение мрачной решимости, которая могла тут же превратиться в самое изощрённое зло...

Я остановилась посередине, не решаясь подойти ближе, так как пока не знала, что он от меня ожидал. Папа встал, и величаво-медленно двинулся в мою сторону. Что-то было не так!.. Он был черезчур торжественным и отчуждённым. Я ясно вдруг почувствовала, как всё моё тело сковал животный страх. Но ведь я его не боялась! Или хотя бы уж, не боялась до такой степени!.. Это было предчувствием чего-то очень плохого, чего-то леденящего мою уставшую душу... И я никак не могла определить — именно чего.

— Ну, как, Вы насладились чтением, Изидора? Надеюсь, Вы провели приятный день?

Он обращался ко мне просто по имени, как бы подчёркивая этим, что формальности нам были уже не нужны...

— Благодарю, ваше святейшество, у Вас действительно непревзойдённая библиотека, — как можно спокойнее ответила я. — Думаю, даже великий Медичи позавидовал бы вам! Но я хотела бы задать Вам один вопрос, если Вы разрешите?

Караффа кивнул.

*— Как же могла попасть эта чистая **ЕРЕСЬ** в Ваш Святой Божий Дом?.. И как она до сих пор может там находиться?..*

*— Не будьте такой наивной, мадонна! — снисходительно улыбнулся Караффа. — **Чтобы победить врага, надо его понять,** а понять его можно только **узнав**. Но чтобы узнать, надо сперва его очень хорошо изучить. Иначе победа будет ненастоящей...*

— Ваше святейшество читали все эти книги?!.. Но ведь на это не хватит целой человеческой жизни!..

*— Ну, это зависит от того, как длинна будет жизнь, Изидора. Да и от того, **как** читать... Не так ли? Вы ведь тоже умеете кое-что из этого, правда же?*

Глаза Караффы стали острыми и пронизывающими, будто он желал заглянуть мне в душу. А может и заглянул?.. Он слишком много обо мне знал такого, что могли знать только самые близкие мне люди. И я решилась спросить.

— Вы знаете обо мне много такого, о чём не знала даже моя покойная мать? Как это понимать, Ваше святейшество?

*— Вы всё ещё не хотите взглянуть правде в глаза, Изидора. Я узнал о Вас **всё, что желал узнать**. Вас это пугает? У меня в подвалах был один из ваших учителей... он рассказал мне всё. Но тогда я ещё не знал Вас, как знаю сейчас.*

И я тут же его увидела... Это и правда был мой учитель, самый добрый и самый умный из всех, кто меня учил. Он висел на крюке, в каком-то жутком подвале, весь покрытый собственной кровью... И умирал...

— Как Вы могли сотворить такое?! Это чудовищно!!! В чём он по Вашему был виноват?!

У меня сердце рвалось на части, не желая принять ужас увиденного. Я на

какое-то время успокоилась — и проиграла!.. Видимо, не даром Караффу избрали Папой... Он был настоящим мастером пыток, чёрным гением, сумевшим-таки «убаюкать» мой каждодневный страх!

С первого же дня оказавшись в его руках, мне подсознательно очень хотелось верить, что у меня всё же оставался ещё хоть какой-то, пусть даже очень маленький шанс! Вот я и поймалась, как слепой котёнок, не успевший даже открыть глаза... А Караффа своим спокойным, светским со мной обращением, красотой комнат, в которых меня поселял, ошеломляющей библиотекой, так открыто показанной мне накануне, именно и капал капля за каплей, день за днём в меня веру в этот мой хрупкий, крошечный «шанс»... И он добился успеха — я поверила... И проиграла.

— О, дорогая моя Изидора, Вы ведь так умны! Неужели Вы думаете, я поверю, что Вы искренне ждёте «справедливого» приговора... когда этот приговор выношу я сам?!..

*Это уже был **настоящий** Караффа. Фанатик-инквизитор, вдруг неожиданно обретший неограниченную власть. А может именно к этой власти он и шёл, все его долгие годы? Хотя для меня уже не имело значения, чего он желал. Я вдруг очень чётко поняла, что в любую секунду могла оказаться на месте моего доброго учителя, вися на том же самом жутком крюке... Если бы Караффа этого пожелал.*

*— Но как же Бог?!.. Неужели Вы не боитесь **даже Его**?..*

*— Ну что Вы, Изидора! — хищно улыбнулся Караффа. — Бог простит мне всё, что творится **во славу Его**!*

Это было сумасшествие. И моя хрупкая надежда, корчась, начала умирать...

— Подумали ли Вы над моим предложением, мадонна? Надеюсь, у Вас было достаточно времени, чтобы уяснить своё положение? И мне не понадобится следующий удар?..

У меня похолодело сердце — каким он будет, этот «следующий удар»?.. Но приходилось отвечать, и я не собиралась показывать ему, насколько сильно боялась.

*— Если я не ошиблась, Вы предлагали мне Вашу дружбу, Ваше святейшество? Но **дружба не много стоит, если её получают, вселяя страх.** Я не желаю такой дружбы, даже если от этого придётся страдать. Я не боюсь боли. Намного страшнее, когда болит душа.*

*— Какое же Вы дитя, дорогая Изидора!.. — засмеялся Караффа, — Это, как книги — существует «страдание» и **СТРАДАНИЕ**. И я искренне советую Вам не пробовать второй вариант!*

— Как бы там ни было — Вы не друг, Джованни. Вы даже не знаете, что несёт собой это слово... Я прекрасно понимаю, что нахожусь полностью в Ваших жестоких руках, и мне всё равно, что будет происходить сейчас...

Я впервые нарочно назвала его по имени, желая обозлить. Я и правда была почти что ребёнком во всём, что касалось зла, и всё ещё не представляла, на что был по-настоящему способен этот хищный, но к сожалению, очень умный

человек.

— Ну что ж, Вы решили, мадонна. Пеняйте на себя.

Его слуга резко взял меня под руку и подтолкнул к узкому коридору. Я решила, что это конец, что именно сейчас Караффа отдаст меня палачам...

Мы спустились глубоко вниз, проходя множество маленьких, тяжёлых дверей, за которыми звучали крики и стоны, и я ещё сильнее уверилась в том, что видимо, пришёл-таки наконец-то и мой час. Я не знала, насколько смогу выдержать пытку, и какой сильной она может быть. Мне никогда никто не доставлял физической боли, и было очень сложно судить, насколько я могу быть в этом сильна.

Всю свою короткую жизнь я жила, окружённая любовью родных и друзей, и даже не представляла, насколько злой и жестокой будет моя судьба... Я, как и множество моих друзей — ведуний и ведунов — не могла ***увидеть*** *свою судьбу. Наверное, это было от нас закрыто, чтобы мы не пытались изменить свою жизнь. А возможно ещё и потому, что мы, так же, как все остальные, имели свой* ***долг прожить то****, что нам было суждено, не пытаясь* ***уйти*** *раньше, видя какой-нибудь ужас, предназначенный почему-то нашей суровой судьбой...*

И вот пришёл день, когда у меня не оставалось выбора. Вернее, выбор был. И ***я выбрала это сама****. Теперь оставалось лишь выдержать то, что предстоит, и каким-то образом выстоять, сумев не сломаться...*

Караффа наконец-то остановился перед одной из дверей, и мы вошли. Холодный, леденящий душу ужас сковал меня с головы до ног!.. Это был настоящий Ад, если такой мог существовать на Земле! Это торжествовало зверство, не поддающееся пониманию нормального человека... У меня почти что остановилось сердце.

Вся комната была залита человеческой кровью... Люди висели, сидели, лежали на ужасающих пыточных «инструментах», значения которых я даже не в состоянии была себе представить. Несколько совершенно спокойных, измазанных кровью человек не спеша занимались своей «работой», не испытывая при этом, видимо, никакой жалости, никаких угрызений совести, ни каких-либо малейших ***человеческих*** *чувств... В комнате пахло палёным мясом, кровью и смертью. Полуживые люди стонали, плакали, кричали... а у некоторых уже не оставалось сил даже кричать. Они просто хрипели, не отзываясь на пытки, будто тряпичные куклы, которых судьба милостиво лишила каких-либо чувств...*

Меня изнутри взорвало! Я даже на мгновение забыла, что очень скоро стану одной из них... Вся моя бушующая сила вдруг выплеснулась наружу, и... пыточная комната перестала существовать... Остались только голые, залитые кровью стены и страшные, леденящие душу «инструменты» пыток... Все находившиеся там люди — и палачи и их жертвы — бесследно исчезли.

Караффа стоял бледный, как сама смерть и смотрел на меня, не отрываясь, пронизывая своими жуткими чёрными глазами, в которых плескалась злоба, осуждение, удивление и даже какой-то странный, необъяснимый восторг... Он хранил гробовое молчание. И всю его внутреннюю борьбу отражало только

лицо. Сам он был неподвижным, точно статуя... Он что-то решал.

*Мне было искренне жаль, **ушедших** в «другую жизнь», так зверски замученных и наверняка невиновных людей. Но я была абсолютно уверена в том, что для них моё неожиданное вмешательство явилось **избавлением** от всех ужасающих, бесчеловечных мук. Я видела, как уходили в другую жизнь их чистые, светлые души, и в моём застывшем сердце плакала печаль... Это был первый раз за долгие годы моей сложной «ведьминой практики», когда я отняла драгоценную человеческую жизнь... И оставалось только надеяться, что там, в том другом, чистом и ласковом мире они обретут покой.*

*Караффа болезненно всматривался в моё лицо, будто желая узнать, **что** побудило меня так поступить, зная, что по малейшему мановению его «светлейшей» руки, я тут же займу место «ушедших» и возможно, буду очень жестоко за это платить. Но я не раскаивалась... Я ликовала! Что хотя бы кому-то с моей помощью удалось спастись из его грязных лап. И наверняка моё лицо ему что-то сказало, так как в следующее мгновение Караффа судорожно схватил меня за руку и потащил к другой двери...*

— Что ж, надеюсь, Вам это понравится, мадонна! — и резко втолкнул меня внутрь...

А там... подвешенный на стене, как на распятии, висел мой любимый Джироламо. Мой ласковый и добрый муж... Не было такой боли и такого ужаса, который не полоснул бы в этот миг моё истерзанное сердце!.. Я не могла поверить в увиденное. Моя душа отказывалась это принимать, и я беспомощно закрыла глаза.

— Ну что Вы, милая Изидора! Вам придётся смотреть наш маленький спектакль! — угрожающе-ласково произнёс Караффа. — И боюсь, что придётся смотреть до конца!..

Так вот, что придумал этот безжалостный и непредсказуемый «святейший» зверь! Он побоялся, что я не сломаюсь и решил ломать меня муками моих любимых и родных!.. Анна!!! О боги — Анна!.. В моём истерзанном мозге вспыхнула кровавая вспышка — следующей могла стать моя бедная маленькая дочь!

Я попыталась взять себя в руки, чтобы не дать Караффе почувствовать полного удовлетворения этой грязной победой. А ещё, чтобы он не подумал, что ему удалось хоть чуточку меня сломать, и он не стал бы употреблять этот «успешный» метод на других членах моей несчастной семьи...

*— Опомнитесь, Ваше святейшество, что Вы творите!.. — в ужасе воскликнула я. — Вы ведь **знаете**, что мой муж никогда ничего против церкви не сделал! Как же такое возможно?! Как Вы можете заставлять невиновных платить за ошибки, которых они не совершали?!*

Я прекрасно понимала, что это был всего лишь пустой разговор, и что он ничего не даст, и Караффа тоже это прекрасно знал...

*— Ну что Вы, мадонна, ваш муж **очень** для нас интересен! — язвительно улыбнулся «великий инквизитор». — Вы ведь не сможете отрицать, что Ваш дорогой Джироламо занимался весьма опасной практикой, которая зовётся*

***анатомией**?.. И не входит ли в эту греховную практику такое действо, как копание в мёртвых человеческих телах?..*

*— Но это ведь **наука**, Ваше святейшество!!! Это новая ветвь медицины! Она помогает будущим врачам лучше понять человеческое тело, чтобы было легче лечить больных. Разве же церковь уже запрещает и **врачей**?!..*

*— Врачам, которые от Бога, не нужно подобное «сатанинское действо»! — гневно вскричал Караффа. — **Человек умрёт, если так решил Господь**, так что, лучше бы Ваши «горе-врачи» заботились о его грешной душе!*

— Ну, о душе, как я вижу, весьма усиленно «заботится» церковь!.. В скором времени, думаю, у врачей вообще работы не останется... — не выдержала я.

Я знала, что мои ответы его бесили, но ничего не могла с собой поделать. Моя раненая душа кричала... Я понимала, что как бы я ни старалась быть «примерной», моего бедного Джироламо мне не спасти. У Караффы был на него какой-то свой ужасающий план, и он не собирался от него отступать, лишая себя такого великого удовольствия...

— Садитесь, Изидора, в ногах правды нет! Сейчас Вы увидите, что слухи об инквизиции не являются сказками... Идёт война. И наша любимая церковь нуждается в защите. А я, как Вы знаете, самый верный из её сыновей...

*Я удивлённо на него уставилась, подумав, что Караффа понемногу **реально** становится сумасшедшим...*

— Какую войну Вы имеете в виду, Ваше святейшество?..

*— Ту, которая идёт вокруг всех нас изо-дня-в-день!!! — почему-то вдруг взбесившись, вскричал Папа. — Которая очищает Землю от таких, как Вы! **Ересь не должна существовать**! И пока я жив, я буду истреблять это в любом проявлении — будь это книги, картины или просто живые люди!..*

— Ну, что касается книг, об этом у меня с Вашей «светлой» помощью сложилось весьма определённое мнение. Только оно как-то никак не совмещается с Вашим «священным» долгом, о котором Вы говорите, Святейшество...

Я не знала, что сказать, чем его занять, как остановить, только бы не начинался этот страшный, как он его назвал, «спектакль»!.. Но «великий инквизитор» прекрасно понимал, что я всего лишь, в ужасе от предстоящего, пытаюсь затянуть время. Он был великолепным психологом и не разрешил мне продолжать мою наивную игру.

— Начинайте! — махнул рукой одному из мучителей Караффа и спокойно уселся в кресле... Я зажмурилась.

Послышался запах палёного мяса, Джироламо дико закричал.

*— Я же Вам сказал, откройте глаза, Изидора!!! — в бешенстве заорал мучитель. — Вы должны насладиться истреблением ЕРЕСИ так же, как наслаждаюсь этим я! Это долг каждого верного христианина. Правда, я забыл с кем имею дело... Вы ведь не являетесь христианкой, Вы — **ВЕДЬМА**!*

*— Ваше святейшество, Вы прекрасно владеете латынью... В таком случае Вы должны знать, что слово «HAERESIS» по латыни означает **ВЫБОР** или **АЛЬТЕРНАТИВА?** Как же Вам удаётся совмещать два столь несовместимых понятия?.. Что-то не видно чтобы Вы оставляли кому-то право **свободного***

***выбора!** Или хотя бы уж малейшую альтернативу?.. — горько воскликнула я. — Человек **ДОЛЖЕН** иметь право верить в то, к чему тянется его душа. Вы не можете **ЗАСТАВИТЬ** человека верить, так как **вера идёт от сердца**, а не от палача!..*

Караффа минуту удивлённо разглядывал меня, как будто перед ним стояло какое-то невиданное животное... Потом, стряхнув с себя оцепенение, тихо сказал:

— Вы намного опаснее, чем я думал, мадонна. Вы не только слишком красивы, Вы также слишком умны. Вы не должны существовать за пределами этих стен... Или не должны существовать вообще, — и уже обернувшись к палачу, — Продолжай!

Крики Джироламо проникали в самые глубокие уголки моей умирающей души и, взрываясь там ужасающей болью, рвали её на части... Я не знала, сколько Караффа намеревался мучить его, перед тем, как уничтожить. Время ползло нескончаемо медленно, заставляя меня тысячу раз умирать... Но почему-то, несмотря ни на что, я всё ещё оставалась живой. И всё ещё наблюдала... Страшные пытки заменялись пытками пострашней. Этому не было конца... От прижиганий огнём перешли к дроблению костей... А когда закончили и это, начали уродовать плоть. Джироламо медленно умирал. И никто не объяснил ему — за что, никто не счёл нужным хотя бы что-то сказать. Его просто-напросто методично медленно убивали на моих глазах, чтобы заставить меня делать то, что желал от меня новоизбранный глава святой христианской церкви...

Я пыталась мысленно говорить с Джироламо, зная, что уже не удастся что-то по-другому ему сказать. Я хотела проститься... Но он не слышал. Он был далеко, спасая свою душу от нечеловеческой боли, и никакие мои старания не помогали... Я посылала ему свою любовь, стараясь окутать ею его истерзанное тело и хоть как-то уменьшить эти нечеловеческие страдания. Но Джироламо лишь смотрел на меня помутневшими от боли глазами, будто цеплялся за единственную тончайшую ниточку, связывающую его с этим жестоким, но таким дорогим ему и уже ускользавшим от него миром...

Караффа бесился. Он никак не мог понять, почему я оставалась спокойной, так как прекрасно знал, что своего мужа я очень и очень любила. «Святейший» Папа горел желанием меня уничтожить... Но не физически. Он хотел всего лишь растоптать мою душу, чтобы полностью подчинить моё сердце и ум своим странным и необъяснимым желаниям. Видя, что мы с Джироламо не спускаем друг с друга глаз, Караффа не выдержал — он заорал на палача, приказывая выжечь моему мужу его чудесные глаза...

Мы со Стеллой застыли... Это было слишком ужасно, чтобы наши детские сердца, какими бы закалёнными они не являлись, смогли это принять... Бесчеловечность и ужас происходящего пригвоздили нас на месте, не позволяя дышать. Этого не могло происходить на Земле!!! Просто не могло! Но бесконечная тоска в золотых глазах Изидоры нам кричала — могло!!! Ещё как могло!.. И мы лишь бессильно наблюдали дальше, не решаясь вмешиваться, задавая ка-

кие-нибудь глупые вопросы.

На какое-то мгновение моя душа упала на колени, прося пощады... Караффа, сразу же это почувствовав, удивлённо впился в меня горящими глазами, не веря в свою победу. Но тут же понял, что слишком быстро обрадовался... Сделав над собой невероятное усилие и собрав всю свою ненависть, я взглянула прямо ему в глаза... Караффа отшатнулся, получив сильнейший мысленный удар. На секунду в его чёрных глазах промелькнул испуг. Но так же быстро исчез, как и появился... Он был на редкость сильным и волевым человеком, который восхитил бы, если бы не был до такой степени ужасным...

Моё сердце сжалось в дурном предчувствии... И тут же, получив одобрительный кивок от Караффы, палач, как мясник, спокойно нанёс прямо в сердце беспомощной жертвы точный удар... Мой любимый муж, мой нежный Джироламо перестал существовать... Его добрая душа улетела туда, где не было боли, где было всегда спокойно и светло... Но я знала, что он будет ждать меня и там, когда бы я не пришла.

Небо обрушилось, извергая потоки нечеловеческой боли. Лютая ненависть, поднимаясь в моей душе, крушила преграды, пытаясь вырваться наружу... Вдруг, запрокинув голову, я взвыла неистовым криком раненного зверя, возводя к небу непослушные руки. А из моих светящихся ладоней выплеснулась прямо в Караффу «магия смерти», которой учила меня когда-то моя умершая мать. Магия струилась, окутывая его худое тело облаком голубого сияния. Свечи в подвале погасли, густая непроглядная темнота, казалось, поглотила нашу жизнь... И только Караффа всё ещё светился призрачным бело-голубым светом. На какую-то долю секунды я увидела его расширенные злобой глаза, в которых плескалась моя смерть... С ним ничего не происходило!.. Это было абсолютно невероятным! Ударь я любого обычного человека «магией смерти», он не прожил бы и секунды! Караффа же был живым и здоровым, несмотря на испепеляющий его жизнь удар. И только вокруг его обычной золотисто-красной защиты, теперь змеями вились вспыхивающие синеватые молнии... Я не могла поверить своим глазам.

— Так-так!.. Мадонна Изидора пошла в атаку! — прозвучал в темноте его насмешливый голос. — Ну что ж, во всяком случае, это уже становится интереснее. Не беспокойтесь, дорогая Изидора, у нас с Вами будет ещё множество забавных минут! Это я могу обещать Вам.

*Исчезнувший палач вернулся, внося в подвал зажжённую свечу. На стене висело окровавленное тело мёртвого Джироламо... Моя истерзанная душа взвыла, снова видя эту горестную картину. Но, ни за что на свете, я не собиралась показывать Караффе своих слёз! **Ни за что!!!** Он был зверем, любившим запах крови... Но на этот раз это была **очень дорогая** мне кровь. И я не собиралась давать этому хищнику ещё большее удовольствие — я не оплакивала моего любимого Джироламо у него на глазах, надеясь, что на это у меня будет достаточно времени, когда он уйдёт...*

— Убери это! — резко приказал палачу Караффа, показывая на мёртвое тело.

— Подождите!!! Разве я не имею права даже проститься с ним?! — возмущённо воскликнула я. — В этом не может мне отказать даже церковь! Вернее, ***именно церковь*** *должна оказать мне эту милость! Не она ли призывает к милосердию? Хотя со стороны святейшего Папы, как я понимаю, этого милосердия нам не видать!*

— Церковь ***Вам*** *ничего не должна, Изидора. Вы колдунья, и как раз-то на Вас её милосердие не простирается! — совершенно спокойно произнёс Караффа.— Вашему мужу уже не поможет Ваш плачь! Идите лучше подумайте, как стать сговорчивее, тем же самым не заставляя более себя и других так сильно страдать.*

Он удалился, как ни в чём не бывало, будто и не прерывал только что чью-то драгоценную жизнь, будто на душе у него всё было просто и хорошо... Если душа, как таковая, была у него вообще.

Меня вернули в мои покои, так и не разрешив отдать умершему мужу последнюю дань.

Сердце стыло в отчаянии и печали, судорожно цепляясь за крохотную надежду, что, возможно, Джироламо был первым и последним из моей несчастной семьи, кого этот изверг в папской сутане заставил страдать, и у которого он так просто и, развлекаясь, отобрал жизнь. Я знала, что ни смерть моего отца, и уж тем более — смерть Анны, я, вероятнее всего, не смогу пережить. Но меня ещё более пугало то, что я понимала — ***Караффа тоже это знал****... И я ломала голову, составляя планы один фантастичнее другого. Но надежда уцелеть хотя бы на ближайшее время, чтобы попытаться помочь своим родным, таяла, как дым.*

Прошла неделя, Караффа всё ещё не появлялся. Возможно, ему (так же, как и мне!) нужно было время, чтобы обдумать свой следующий шаг. А возможно его отвлекли какие-то другие обязанности. Хотя в последнее мне верилось с трудом. Да, он был Римским Папой... Но в то же время, он ещё был и ***невероятно азартным игроком****, пропустить интересную партию для которого было свыше его сил. А игра со мной в «кошки-мышки» доставляла ему, я думаю, истинное удовольствие...*

Поэтому я изо всех сил старалась успокоиться и найти в своей измученной голове хотя бы какую-то «умную» мысль, которая помогла бы мне сосредоточиться на нашей неравной «войне», из которой в реальности у меня не оставалось никакой надежды выйти победительницей... Но я всё равно не сдавалась, так как для меня ***«сдавшийся человек»*** *был намного хуже, чем мёртвый человек. И так как я пока что была живой, это означало — я всё ещё могла бороться, даже если моя душа уже медленно умирала... Мне надо было хоть сколько-то продержаться, чтобы успеть уничтожить эту смертельно-опасную гадюку, коей являлся Караффа... Теперь у меня уже не оставалось никаких сомнений в том, что я* ***смогу*** *его убить, если только представится такая возможность. Только вот,* ***как*** *это сделать, я пока что не имела ни малейшего понятия. Как я только что печально убедилась на собственном опыте — моим «обычным» способом Караффу уничтожить было нельзя. Значит,*

приходилось искать что-то другое, а вот времени для этого у меня к сожалению, почти что не оставалось.

Ещё я всё время думала о Джироламо... Он всегда был моей тёплой защитной «стеной», за которой я чувствовала себя надёжно и защищённо... Но теперь её больше не было... И заменить её было нечем. Джироламо был самым верным и самым ласковым мужем на свете, без которого очень важная часть моего мира померкла, став пустой и холодной. Моя жизнь постепенно заполнялась печалью, тоской и ненавистью... Желанием мстить Караффе, забывая про себя и про то, как мала была моя сила по сравнению с ним ... Горе меня ослепляло, оно погружало меня в бездну отчаяния, выбраться из которой я могла, только его победив.

Караффа вернулся в мою жизнь примерно через две недели, в раннее солнечное утро, очень уверенный в себе, свежий и счастливый и, войдя в комнату, радостно произнёс:

— У меня для Вас сюрприз, мадонна Изидора! Думаю, он Вам очень понравится.

Меня сразу же прошибло холодным потом — я знала его «сюрпризы», они хорошо не кончались...

Как будто прочитав мои мысли, Караффа добавил:

— Это, правда, ***приятный*** *сюрприз, я Вам обещаю. Вы сейчас увидите это сами!*

Дверь открылась. А в неё, осторожно оглядываясь, вошла хрупкая высокая девочка... Ужас и радость на секунду сковали меня, не давая пошевелиться... Это была моя дочь, моя маленькая Анна!!! Правда, маленькой теперь её называть было уже трудновато, так как за эти два года она сильно вытянулась и повзрослела, став ещё красивее и ещё милей...

Моё сердце с криком рванулось к ней, чуть ли не вылетая из груди!.. Но спешить было нельзя. Я не знала, что задумал на этот раз непредсказуемый Караффа. Поэтому надо было держаться очень спокойно, что было почти что выше моих человеческих сил. И только боязнь сделать непоправимую ошибку сдерживала мои ураганом рвавшиеся наружу бушующие эмоции. Счастье, ужас, дикая радость и страх потери одновременно рвали меня на части!.. Караффа довольно улыбался произведённым эффектом... что тут же заставило меня внутри содрогнуться. Я не смела даже подумать, что может последовать дальше... И знала, что, случись что-то ужасное, желание защитить Анну может оказаться слишком сильным, чтобы противиться Караффе... и я панически боялась, что не смогу отказать ему, чтобы он за это не попросил.

Но к моему величайшему удивлению, его «сюрприз» оказался ***настоящим*** *сюрпризом!..*

— Рады ли Вы видеть дочь, мадонна Изидора? — широко улыбаясь, спросил Караффа.

— Всё зависит от того, что за этим последует, Ваше святейшество... — осторожно ответила я. — Но, конечно же, я несказанно рада!

— Что ж, наслаждайтесь встречей, я заберу её через час. Вас никто не

будет беспокоить. А потом я зайду за ней. Она отправится в монастырь — думаю, это лучшее место для такой одарённой девочки, какой является Ваша дочь.

— Монастырь?!! Но она никогда не была верующей, Ваше святейшество, она потомственная Ведьма, и ничто на свете не заставит её быть другой. ***Это то, кто она есть****, и она никогда не сможет измениться. Даже если Вы её уничтожите, она всё равно останется Ведьмой! Так же, как я и моя мать. Вы не сможете сделать из неё верующую!*

— Какое же Вы дитя, мадонна Изидора!.. — искренне рассмеялся Караффа. — Никто не собирается делать из неё «верующую». Думаю, она может прекрасно послужить нашей святой церкви, оставаясь именно тем, кто она есть. А возможно даже и больше. У меня на Вашу дочь далеко идущие планы...

— Что Вы имеете в виду, ваше святейшество? И причём здесь всё-таки монастырь? — застывшими губами прошептала я.

Меня трясло. Всё это не укладывалось в голове, и я пока что ничего не понимала, только чувствовала, что Караффа говорит правду. Одно лишь меня пугало до полусмерти — какие такие «далеко-идущие» планы у этого страшного человека могли быть на мою бедную девочку?!..

— Успокойтесь, Изидора, и перестаньте ждать от меня всё время чего-то ужасного! Вы провоцируете судьбу, знаете ли... Дело в том, что монастырь, о котором я говорю, очень непростой... И за пределами его стен, о нём не знает почти ни одна душа. Это ***монастырь исключительно Ведунов*** *и* ***Ведьм****. И он стоит уже тысячи лет. Я был там несколько раз. Я учился там... Но к сожалению, не нашёл, что искал. Они отвергли меня... — Караффа на мгновение задумался и, к моему удивлению, вдруг стал очень печальным. — Но я уверен, что Анна понравится им. И ещё я уверен, что им* ***будет чему*** *научить Вашу талантливую дочь, Изидора.*

— Не говорите ли Вы про Мэтэору[1], Ваше святейшество? — заранее зная ответ, всё же спросила я.

От удивления брови Караффы поползли на лоб. Видимо, он никак не ожидал, что я об этом слыхала...

---

[1] Прошу **не путать (!!!)** с греческим комплексом монастырей Мэтэора в Каламбаке, Греция. *Мэтэора* **по-гречески** означает «висящие в воздухе», что полностью соответствует потрясающему виду монастырей, как розовые грибы выросших на высочайших верхушках необычных гор. Первый монастырь был построен примерно в 900 году. А между 12 и 16 столетиями их было уже 24. До наших дней «дожили» всего лишь шесть монастырей, которые до сих пор потрясают воображение туристов. Правда, туристам не известна одна весьма забавная деталь... В Мэтэоре существует **ещё один** монастырь, в который «любопытные» не допускаются... Он был построен (и дал начало остальным) одним одарённым фанатиком, учившимся когда-то в **настоящей** Мэтэоре и изгнанным из неё. Обозлившийся на весь мир, он решил построить «свою Мэтэору», чтобы собирать таких же «оскорблённых», как он, и вести свою уединённую жизнь. Как ему это удалось — неизвестно. Но с тех пор в **его Мэтэоре** начали собираться на тайные встречи масоны. Что происходит раз в году и по сей день. Монастыри: Гранд Мэтэорон (большой Мэтэорон); Руссано; Агиос Николас; Агиа Триос; Агиас Стефанос; Варлаам расположены на очень близком расстоянии друг от друга.

— Вы знаете их? Вы там бывали?!..

— Нет, там бывал мой отец, Ваше святейшество. Но он потом многому научил меня (позже я дико пожалела, что сообщила ему это...). Чему Вы хотите обучать там мою дочь, святейшество?! И зачем?.. Ведь для того, чтобы объявить её Ведьмой, у Вас уже сейчас достаточно доказательств. Всё равно ведь позже Вы попытаетесь сжечь её, как всех остальных, не так ли?!..

Караффа опять улыбнулся...

— Почему Вы уцепились за эту глупую мысль, мадонна? Я не собираюсь причинять никакого вреда Вашей милой дочери! Она ещё сможет великолепно послужить нам! Я очень долго искал Ведунью, которая ещё совсем дитя, чтобы научить её всему, что знают «монахи» в Мэтэоре. И чтобы она потом помогала мне в поисках колдунов и ведьм, таких, какой была когда-то она сама. Только тогда она уже будет ***ведьмой от Бога****.*

Караффа не казался сумасшедшим, он БЫЛ им... Иначе нельзя было принять то, что он говорил сейчас! Это не было нормальным, и поэтому ещё больше страшило меня.

— Простите, если я что-то не так поняла, Ваше святейшество... Но разве же могут быть ***Ведьмы от Бога?!.***

— Ну, конечно же, Изидора! — искренне поражаясь моему «невежеству», засмеялся Караффа. — Если она будет использовать своё знание и умение ***во имя церкви****, это будет приходить к ней уже от Бога, так как она будет* ***творить во имя Его****! Неужели Вам это не понятно?..*

Нет, мне ***не было*** *понятно!.. И говорил это человек с совершенно больным воображением, который, к тому же,* ***искренне верил*** *в то, о чём говорил!.. Он был невероятно опасным в своём сумасшествии и, к тому же, имел неограниченную власть. Его фанатизм переходил все границы, и* ***кто-то должен был его остановить****.*

— Если Вы ***знаете****, как заставить нас служить церкви, почему же тогда Вы сжигаете нас?!.. — рискнула спросить я. — Ведь то, чем мы обладаем, нельзя приобрести ни за какие деньги. Почему же Вы* ***не цените это****? Почему продолжаете уничтожать нас? Если Вы хотели научиться чему-то, почему не попросите научить Вас?..*

— Потому, что бесполезно пробовать изменить то, что уже ***мыслит****, мадонна. Я не могу изменить ни Вас, ни Вам подобных... Я могу лишь испугать Вас. Или убить. Но это не даст мне того, о чём я так долго мечтал. Анна же ещё совсем мала, и её можно* ***научить*** *любви к Господу, не отнимая при этом её удивительный Дар. Вам же это делать бесполезно, так как, даже если Вы поклянётесь мне вере в Него — я не поверю Вам.*

— И Вы будете совершенно правы, Ваше святейшество, — спокойно сказала я.

Караффа поднялся, собираясь уходить.

— Всего один вопрос, и я очень прошу Вас ответить на него... если можете. Ваша защита, она из этого же монастыря?

— Так же, как и Ваша ***молодость****, Изидора... — улыбнулся Караффа. — Я*

вернусь через час.

Значит, я была права — свою странную «непробиваемую» защиту он получил именно ***там, в Мэтэоре****!!! Но почему же тогда её не знал мой отец?! Или Караффа был там намного позже? И тут вдруг меня осенила ещё одна мысль!.. Молодость!!! Вот чего добивался, но не получил Караффа! Видимо он был наслышан о том, сколько живут и как уходят из «физической» жизни* ***настоящие*** *Ведьмы и Ведуны. И ему дико захотелось получить это для себя... чтобы успеть пережечь оставшуюся* ***«непослушную»*** *половину существующей Европы, а потом властвовать над оставшимися, изображая «святого праведника», милостиво сошедшего на «грешную» землю, чтобы спасать наши «пропащие души».*

Это было правдой — мы могли жить долго. Даже слишком долго... И «уходили», когда по-настоящему уставали жить, или считали, что не могли более никому помочь. Секрет долголетия передавался от родителей — к детям, потом — внукам, и так далее, пока оставался в семье хоть один ***исключительно одарённый*** *ребёнок, который мог его перенять... Но давалось бессмертие* ***не каждому*** *потомственному Ведуну или Ведьме. Оно требовало особых качеств, которых, к сожалению, удостаивались не все одарённые потомки. Это зависело от силы духа, чистоты сердца, «подвижности» тела, и самое главное — от высоты уровня их души ... ну и многого ещё другого. И я думаю, это было правильно. Потому что тем, кто жаждал научиться* ***всему****, что умели мы —* ***настоящие*** *Ведуны — простой человеческой жизни на это, к сожалению, не хватало. Ну, а тем, которые не хотели знать* ***так*** *много — длинная жизнь и не была нужна. Поэтому такой жёсткий отбор, думаю, являлся абсолютно правильным. И Караффа хотел того же. Он считал себя достойным...*

У меня зашевелились волосы, когда я только подумала о том, что бы мог натворить на Земле этот злой человек, если бы жил так же долго!.. Но все эти тревоги можно было оставить на потом. А пока — здесь находилась Анна!.. И всё остальное не имело никакого значения. Я обернулась — она стояла, не сводя с меня своих огромных лучистых глаз!.. И я в то же мгновение забыла и про Караффу, и про монастырь, да и обо всём остальном на свете!.. Кинувшись в мои раскрытые объятия, моя бедная малышка застыла, без конца повторяя только одно-единственное слово: «Мама, мамочка, мама…». Я гладила её длинные шелковистые волосы, вдыхая их новый, незнакомый мне аромат и прижимая к себе её хрупкое худенькое тельце, готова была умереть прямо сейчас, только бы не прерывалось это чудесное мгновение...

Анна судорожно жалась ко мне, крепко цепляясь за меня худыми ручонками, как бы желая раствориться, спрятаться во мне от ставшего вдруг таким чудовищным и незнакомым мира... который был для неё когда-то светлым и добрым, и таким родным!..

За что нам был дан этот ужас?!.. Что мы свершили такое, чтобы заслужить всю эту боль?.. Ответов на это не было... Да, наверное, и не могло было быть.

Я до потери сознания боялась за свою бедную малышку!.. Даже при её раннем возрасте, Анна была очень сильной и яркой личностью. Она никогда не шла на компромиссы и никогда не сдавалась, борясь до конца, несмотря на обстоятельства. И ничего не боялась...

*«**Бояться чего-то — значит принимать возможность поражения. Не допускай страх в своё сердце, родная**» — Анна хорошо усвоила уроки своего отца...*

*И теперь, видя её возможно в последний раз, я должна была успеть научить её обратному — «**не идти напролом**» тогда, когда от этого зависела её жизнь. Это **никогда не являлось** одним из моих жизненных «законов». Я научилась этому только сейчас, наблюдая, как в жутком подвале Караффы уходил из жизни её светлый и гордый отец... Анна была последней Ведуньей в нашей семье, и она **должна была выжить,** во что бы то ни стало, чтобы успеть родить сына или дочь, которые продолжили бы то, что так бережно хранила столетиями наша семья. Она **должна была выжить**. Любой ценой... Кроме предательства.*

*— Мамочка, пожалуйста, не оставляй меня с ним!.. Он очень плохой! Я **вижу** его. Он страшный!*

*— Ты... — что?!! Ты **можешь видеть** его?! — Анна испуганно кивнула. Видимо я была настолько ошарашенной, что своим видом напугала её. — А можешь ли ты пройти сквозь его защиту?..*

*Анна опять кивнула. Я стояла, совершенно потрясённая, не в состоянии понять — **КАК** она могла это сделать??? Но это сейчас не было важно. **Важно было лишь то, что хотя бы кто-то из нас мог «видеть» его. А это означало — возможно, и победить его.***

— Ты можешь посмотреть его будущее? Можешь?! Скажи мне, солнце моё, уничтожим ли мы его?!.. Скажи мне, Аннушка!

*Меня трясло от волнения — я жаждала слышать, что Караффа умрёт, мечтала видеть его поверженным!!! О, как же я мечтала об этом!.. Сколько дней и ночей я составляла фантастические планы, один сумасшедшее другого, чтобы только очистить землю от этой кровожадной гадюки!.. Но ничего не получалось, я не могла «читать» его чёрную душу. И вот теперь это произошло — моя малышка могла **видеть** Караффу! У меня появилась надежда. Мы могли уничтожить его вдвоём, объединив свои «ведьмины» силы! Но я обрадовалась слишком рано... Легко прочитав мои бушующие радостью мысли, Анна грустно покачала головкой:*

— Мы не победим его, мама... Это он уничтожит всех нас. Он уничтожит очень многих, как мы. От него не будет спасения. Прости меня, мама... — по худым щёчкам Анны катились горькие, горячие слёзы.

— Ну что ты, родная моя, что ты... Это ведь не твоя вина, если ты видишь не то, что нам хочется! Успокойся, солнце моё. Мы ведь не опускаем руки, правда, же?

Анна кивнула.

— Слушай меня, девочка... — легко встряхнув дочку за хрупкие плечики, как

можно ласковее прошептала я. — Ты ***должна*** *быть очень сильной, запомни! У нас нет другого выбора — мы всё равно будем бороться, только уже другими силами.* ***Ты пойдёшь*** *в этот монастырь. Если я не ошибаюсь, там живут чудесные люди. Они — такие, как мы. Только наверно ещё сильнее. Тебе будет хорошо с ними. А за это время я придумаю, как нам уйти от этого человека, от Папы... Я обязательно что-то придумаю. Ты ведь веришь мне, правда?*

Малышка опять кивнула. Её чудесные большие глаза утопали в озёрах слёз, выливая целые потоки... Но Анна плакала молча... горькими, тяжёлыми, взрослыми слезами. Ей было очень страшно. И очень одиноко. И я не могла быть рядом с ней, чтобы её успокоить...

Земля уходила у меня из под ног. Я упала на колени, обхватив руками свою милую девочку, ища в ней покоя. Она была глотком живой воды, по которому плакала моя измученная одиночеством и болью душа! Теперь уже Анна нежно гладила мою уставшую голову своей маленькой ладошкой, что-то тихо нашёптывая и успокаивая. Наверное, мы выглядели очень грустной парой, пытавшейся «облегчить» друг для друга хоть на мгновение, нашу исковерканную жизнь...

— Я видела отца... Я видела, как он умирал... Это было так больно, мама. Он уничтожит нас всех, этот страшный человек... Что мы сделали ему, мамочка? Что он хочет от нас?..

Анна была не по-детски серьёзной, и мне тут же захотелось её успокоить, сказать, что это «неправда» и, что «всё обязательно будет хорошо», сказать, что я спасу её! Но это было бы ложью, и мы обе знали это.

— Не знаю, родная моя... Думаю, мы просто случайно встали на его пути, а он из тех, кто сметает любые препятствия, когда они мешают ему... И ещё... Мне кажется, мы знаем и имеем то, за что Папа готов отдать очень многое, включая даже свою бессмертную душу, только бы получить.

— Что же такое он хочет, мамочка?! — удивлённо подняла на меня свои влажные от слёз глаза Анна.

— Бессмертие, милая... Всего лишь бессмертие. Но он, к сожалению, не понимает, что оно не даётся просто из-за того, что кто-то этого хочет. Оно даётся, когда ***человек этого стоит****, когда он* ***ВЕДАЕТ то, что не дано другим****, и* ***использует это во благо*** *остальным,* ***достойным*** *людям... Когда* ***Земля становится лучше*** *оттого, что* ***этот человек живёт на ней.***

— А зачем оно ***ему****, мама? Ведь бессмертие — когда человек должен жить очень долго? А это очень непросто, правда? Даже за свою короткую жизнь каждый делает много ошибок, которые потом пытается искупить или исправить, но не может... Почему же* ***он*** *думает, что* ***ему*** *должно быть дозволенно совершить их ещё больше?..*

Анна потрясала меня!.. Когда же это моя маленькая дочь научилась мыслить совершенно по-взрослому?.. Правда, жизнь не была с ней слишком милостивой или мягкой, но, тем не менее, взрослела Анна очень быстро, что меня радовало и настораживало одновременно... Я радовалась, что с каждым днём она становится всё сильней, и в то же время боялась, что очень скоро она

станет ***слишком*** *самостоятельной и независимой. И мне уже придётся весьма сложно, если понадобится её в чём-то переубедить. Она всегда очень серьёзно относилась к своим «обязанностям» Ведуньи, всем сердцем любя жизнь и людей, и чувствуя себя очень гордой тем, что когда-нибудь сможет помогать им стать счастливее, а их душам — чище и красивей.*

И вот теперь Анна впервые встретилась с настоящим Злом... Которое безжалостно ворвалось в её очень хрупкую ещё жизнь, уничтожая горячо любимого отца, забирая меня и грозя стать жутью для неё самой... И я не была уверена, хватит ли ей сил бороться со всем одной в случае, если от руки Караффы погибнет вся её семья?..

Отпущенный нам час пролетел слишком быстро. На пороге, улыбаясь, стоял Караффа... Я в последний раз прижала к груди мою любимую девочку, зная, что не увижу её теперь очень долго, а может даже и никогда... Анна уезжала в неизвестное, и я могла надеяться только лишь на то, что Караффа ***по-настоящему*** *хотел её учить для своих сумасшедших целей и в таком случае, хоть на какое-то время ей ничто не грозит. Пока она будет находиться в Мэтэоре.*

— Вы насладились общением, мадонна? — деланно искренне спросил Караффа.

— Благодарю Вас, Ваше святейшество. Да, конечно же. Хотя, я бы предпочитала ***сама*** *растить свою дочь, как это принято в нормальном мире, а не отдавать её в руки неизвестным, только потому, что Вы имеете на неё какой-то свой план. Не хватит ли боли для одной семьи, Вы не находите?*

— Ну, это смотря для какой, Изидора! — улыбнулся Караффа. — Опять же, есть «семья» и СЕМЬЯ... И Ваша, к сожалению, принадлежит ко второй категории... Вы слишком сильны и ценны, чтобы просто так жить, не платя за свои возможности. Запомните, моя «великая Ведьма», всё в этой жизни имеет свою цену, и за всё приходится платить, вне зависимости от того, нравится Вам это или нет... И уж Вам, к сожалению, придётся платить очень дорого. Но не будем говорить о плохом сегодня! Вы ведь провели чудесное время, не так ли? До встречи, мадонна. Я обещаю Вам, она будет очень скоро.

Я застыла... Как же знакомы были мне эти слова!.. Эта **горькая правда** так часто сопровождала меня в моей коротенькой ещё жизни, что я не могла поверить — слышу их от кого-то ещё!.. Наверное, это и впрямь было верно, что **платить приходилось всем**, только не все шли на это добровольно... И ещё иногда эта плата являлась слишком дорогой...

Стелла удивлённо вглядывалась в моё лицо, видимо, заметив моё странное замешательство. Но я тут же показала ей, что «всё в порядке, всё хорошо», и замолчавшая на мгновение Изидора продолжала свой прерванный рассказ.

Караффа удалился, уводя мою дорогую малышку. Окружающий мир померк, а моё опустошённое сердце, капля за каплей, медленно заполнялось чёрной, беспросветной тоской. Будущее казалось зловещим. В нём не было никакой надежды, не было привычной уверенности в том, что, как бы сейчас не было трудно, но в конце концов, всё как-нибудь образуется, и обязательно будет всё

хорошо.

Я прекрасно знала — хорошо ***не будет...*** *У нас никогда не будет «сказки со счастливым концом»...*

Даже не заметив, что уже вечерело, я всё ещё сидела у окна, наблюдая за суетившимися на крыше воробьями и думала свои печальные думы. Выхода не было. Караффа дирижировал этим «спектаклем», и именно ***ОН*** *решал, когда оборвётся чья-либо жизнь. Я не в силах была противостоять его козням, даже если и могла теперь с помощью Анны их предусмотреть. Настоящее меня пугало и заставляло ещё яростнее искать хотя бы малейший выход из положения, чтобы как-то разорвать этот жуткий «капкан», поймавший наши истерзанные жизни.*

Неожиданно прямо передо мной воздух засверкал зеленоватым светом. Я насторожилась, ожидая новый «сюрприз» Караффы... Но ничего плохого вроде бы не происходило. Зелёная энергия всё сгущалась, понемногу превращаясь в высокую человеческую фигуру. Через несколько секунд передо мной стоял очень приятный, молодой, незнакомый человек... Он был одет в странную снежно-белую «тунику», подпоясанную ярко-красным широким поясом. Серые глаза незнакомца светились добром и приглашали верить ему, даже ещё не зная его. И я поверила... Почувствовав это, человек заговорил.

*— Здравствуй, Изидора. Меня зовут С****е****вер. Я знаю, ты не помнишь меня.*

— Кто ты, Север?.. И почему я должна тебя помнить? Значит ли это, что я встречала тебя?

Ощущение было очень странным — будто пытаешься вспомнить то, чего никогда не было... но чувствуешь, что ты откуда-то всё это очень хорошо ***знаешь.***

— Ты была ещё слишком маленькой, чтобы помнить меня. Твой отец когда-то привёз тебя к нам. Я из Мэтэоры...

— Но я никогда не была там! Или ты хочешь сказать, что он просто мне никогда об этом не говорил?!. — удивлённо воскликнула я.

Незнакомец улыбался, и от его улыбки мне почему-то вдруг стало очень тепло и спокойно, как будто я вдруг нашла своего давно потерянного старого, доброго друга... Я ему верила. Во всём, что бы он ни говорил.

— Ты должна уходить, Изидора! Он уничтожит тебя. Ты не сможешь противостоять ему. Он сильнее. Вернее, сильнее то, что он получил. Это было давно.

— Ты имеешь в виду ***не только*** *защиту? Кто же мог ему дать такое?..*

Серые глаза погрустнели...

— Мы не давали. Дал наш Гость. Он был не отсюда. И, к сожалению, оказался «чёрным»...

— Но Вы ведь ***видите!!!*** *Как же вы могли допустить такое?! Как Вы могли принять его в свой «священный круг»?..*

— Он ***нашёл*** *нас. Так же, как нашёл нас Караффа. Мы не отказываем тем, кто способен нас найти. Но обычно это никогда не бывали «опасные»... Мы сделали ошибку.*

— А знаете ли Вы, какой страшной ценой платят за Вашу «ошибку» люди?!. Знаешь ли ты, сколько жизней ушло в небытие в изуверских муках, и сколько ещё уйдёт?.. Отвечай, Север!

*Меня взорвало — они называли это всего лишь **ошибкой**!!! Загадочный «подарок» Караффе был «ошибкой», сделавшей его почти неуязвимым! И беспомощным людям приходилось за это платить! Моему бедному мужу, и возможно, даже моей дорогой малышке, приходилось за это платить!.. А они считали это всего лишь **ОШИБКОЙ**???*

— Прошу тебя, не злись Изидора. Этим сейчас не поможешь... Такое иногда случалось. Мы ведь не боги, мы люди... И мы тоже имеем право ошибаться. Я понимаю твою боль и твою горечь... Моя семья так же погибла из-за чьей-то ошибки. Даже более простой, чем эта. Просто на этот раз чей-то «подарок» попал в очень опасные руки. Мы попробуем как-то это исправить. Но пока не можем. Ты должна уйти. Ты не имеешь права погибнуть.

— О нет, ошибаешься Север! Я имею любое право, если оно поможет мне избавить Землю от этой гадюки! — возмущённо крикнула я.

*— Не поможет. К сожалению, ничто тебе не поможет, Изидора. Уходи. Я помогу тебе вернуться домой... Ты уже прожила здесь свою Судьбу, ты **можешь вернуться Домой.***

— Где же есть мой Дом?.. — удивлённо спросила я.

— Это далеко... В созвездии Орион есть звезда, с чудесным именем Аста. Это и есть твой Дом, Изидора. Так же, как и мой.

*Я потрясённо смотрела на него, не в состоянии поверить. Ни даже **понять** такую странную новость. Это не укладывалось в моей воспалённой голове ни в какую настоящую **реальность** и казалось, что я, как Караффа, понемногу схожу с ума... Но Север **был реальным**, и уж никак не казалось, чтобы он шутил. Поэтому, как-то собравшись, я уже намного спокойнее спросила:*

— Как же получилось, что Караффа нашёл Вас? Разве же у него есть Дар?..

*— Нет, Дара у него нет. Но у него есть Ум, который ему великолепно служит. Вот он и использовал его, чтобы нас найти. Он о нас читал в очень старой летописи, которую неизвестно как и откуда достал. Но он знает много, верь мне. У него есть какой-то удивительный источник, из которого он черпает свои знания, но я **не ведаю**, откуда он, и где можно этот источник найти, чтобы обезопасить его.*

*— О, не беспокойся! Зато я об этом очень хорошо **ведаю**! Я знаю этот «источник»!.. Это его дивная библиотека, в которой старейшие рукописи хранятся в несметных количествах. Для них-то, думаю, и нужна Караффе его **длинная** Жизнь... — мне стало до смерти грустно и по-детски захотелось плакать... — Как же нам уничтожить его, Север?! Он не имеет права жить на земле! Он — чудовище, которое унесёт миллионы жизней, если его не остановить! Что же нам делать?*

— Тебе — ничего, Изидора. Ты просто должна уйти. Мы найдём способ избавиться от него. Нужно всего лишь время.

— А за это время будут гибнуть невинные люди! Нет, Север, я уйду только тогда, когда у меня не будет выбора. А пока он есть, я буду бороться. Даже если нет никакой надежды. К Вам привезут мою дочь, береги её. Я не смогу её сберечь...

Его светящаяся фигура стала совершенно прозрачной. И начала исчезать.

— Я ещё вернусь, Изидора. — прошелестел ласковый голос.

— Прощай, Север... — так же тихо ответила я.

— Но как же так?! — вдруг воскликнула Стелла. — Ты даже не спросила о планете, с которой пришла?!.. Неужели тебе было не интересно?! Как же так?..

Если честно, я тоже еле выдержала, чтобы не спросить Изидору о том же! Её сущность пришла извне, а она даже не поинтересовалась этим!.. Но в какой-то мере я наверное её понимала, так как это было слишком страшное для неё время, и она смертельно боялась за тех, кого очень сильно любила, и кого всё ещё пыталась спасти. Ну, а Дом — его можно было найти и позже, когда не останется другого выбора, кроме, как только — уйти...

*— Нет, милая, я не спросила не потому, что мне не было интересно. А потому, что тогда это было не столь важно, как то, что **гибли чудесные люди**. И гибли они в зверских муках, которые разрешал и поддерживал **один человек**. И он не имел права существовать на нашей земле. Это было самое важное. А всё остальное можно было оставить на потом.*

Стелла покраснела, устыдившись своего всплеска, и тихонечко прошептала:

— Ты прости, пожалуйста, Изидора...

А Изидора уже опять «ушла» в своё прошлое, продолжая свой удивительный рассказ...

Как только Север исчез, я тут же попыталась мысленно вызвать своего отца. Но он почему-то не отзывался. Это меня чуточку насторожило, но не ожидая ничего плохого, я попробовала снова — ответа всё так же не было... Решив пока что не давать волю своему воспалённому воображению и оставив на время отца в покое, я окунулась в сладкие и грустные воспоминания о недавнем визите Анны.

Я до сих пор помнила запах её хрупкого тела, мягкость её густых чёрных волос и необычайную смелость, с которой встречала свою злую судьбу моя чудесная двенадцатилетняя дочь. Я несказанно гордилась ей! Анна была борцом, и я верила, что, что бы ни случилось, она будет бороться до конца, до последнего своего вздоха. Я пока не знала, удастся ли мне её сберечь, но поклялась себе, что сделаю всё, что будет в моих силах, чтобы спасти её из цепких лап жестокого Папы.

Караффа вернулся через несколько дней, чем-то очень расстроенный и неразговорчивый. Он лишь показал мне рукой, что я должна следовать за ним. Я повиновалась. Пройдя несколько длинных коридоров, мы очутились в маленьком кабинете, который (как я узнала позже) являлся его частной приёмной, в которую он очень редко приглашал гостей. Караффа молча указал мне на стул и медленно уселся напротив. Его молчание казалось зловещим и, как я уже знала

из собственного печального опыта, никогда не предвещало ничего хорошего. Я же после встречи с Анной и неожиданного прихода Севера, непростительно расслабилась, «усыпив» в какой-то мере свою обычную бдительность, и пропустила следующий удар...

— У меня нет времени на любезности, Изидора. Вы будете отвечать на мои вопросы или от этого сильно пострадает кто-то другой. Так что, советую отвечать!

Караффа был злым и раздражённым, и перечить ему в такое время было бы настоящим сумасшествием.

— Я попытаюсь, Ваше святейшество. Что Вы хотите узнать?

— Ваша ***молодость****, Изидора? Как Вы получили её? Вам ведь тридцать восемь лет, а выглядите Вы на двадцать и не меняетесь. Кто Вам дал Вашу молодость? Отвечайте!*

Я не могла понять, что так взбесило Караффу?.. За время нашего, уже довольно-таки длительного знакомства, он никогда не кричал и очень редко терял над собой контроль. Теперь же со мной говорил взбешённый, вышедший из себя человек, от которого можно было ожидать чего угодно.

— Отвечайте, мадонна! Или Вас будет ждать другой, весьма неприятный сюрприз.

От такого заявления у меня зашевелились волосы... Я понимала, что пытаться увильнуть от вопроса не удастся. Что-то сильно обозлило Караффу, и он не старался это скрывать. Игру он не принимал, и шутки шутить не собирался. Оставалось только лишь отвечать, слепо надеясь, что он примет полуправду...

— Я потомственная Ведьма, святейшество, и на сегодняшний день — самая сильная из них. ***Молодость*** *пришла мне по наследству, я не просила её. Так же, как моя мать, моя бабушка, и вся остальная линия Ведьм в моём роду. Вы должны быть* ***одним из нас****, Ваше святейшество, чтобы получить это. К тому же, быть самым достойным.*

— Чушь, Изидора! Я знал людей, которые сами ***достигли*** *бессмертия! И они* ***не рождались с ним****. Значит, есть пути. И Вы мне их откроете. Уж поверьте мне.*

Он был абсолютно прав... Пути были. Но я не собиралась их ему открывать ***ни за что****. Ни за какие пытки.*

— Простите меня, Ваше святейшество, но я не могу Вам дать то, что не получала сама. Это невозможно — я ***не знаю, как****. Но Ваш Бог, думаю, подарил бы Вам «вечную жизнь» на нашей грешной земле, если бы считал, что Вы этого достойны, не правда ли?..*

Караффа побагровел и прошипел зло, как готовая к атаке ядовитая змея:

— Я думал Вы умнее, Изидора. Что ж, у меня не займёт много времени Вас сломать, когда Вы увидите, что я для Вас приготовил... — И резко схватив меня за руку, грубо потащил вниз, в свой ужасающий подвал. Я не успела даже хорошенько испугаться, как мы оказались у той же самой железной двери, за которой, совсем недавно так зверски погиб мой несчастный замученный муж,

мой бедный добрый Джироламо... И вдруг страшная, леденящая душу догадка, полоснула мозг — отец!!! Вот почему он не отвечал на мой неоднократный зов!.. Его наверняка схватил и мучил в этом же подвале, стоящий передо мною, дышащий бешенством изверг, чужой кровью и болью «очищавший» любую цель!..

«Нет, только не это! Пожалуйста, только не это!!!» — звериным криком кричала моя израненная душа. Но я уже ***знала****, что было именно так... «Помогите мне кто-нибудь!!! Кто-нибудь!»... Но никто меня почему-то не слышал... И не помогал...*

Тяжёлая дверь открылась... Прямо на меня, полные нечеловеческой боли, смотрели широко распахнутые серые глаза... Посередине знакомой, пахнущей смертью комнаты, на шипастом, железном кресле, сидел, истекая кровью, мой любимый отец...

Удар получился ужасным!.. Закричав диким криком «Нет!!!», я потеряла сознание...

37. Изидора-3. Мэтэора

Я очнулась в жутком, холодном подвале, густо пропитанном приторным запахом крови и смерти...

Онемевшее тело не слушалось и ныло, никак не желая «проснуться»... А Душа с лёгкостью птицы витала в светлом мире воспоминаний, возвращая из памяти любимые лица и полные счастья дни, когда ещё не заглядывала в нашу жизнь печаль, и когда не было места в ней горечи и боли... Там, в том прекрасном «ушедшем» мире всё ещё жил мой чудесный муж, Джироламо... там колокольчиком заливался весёлый смех маленькой Анны... там ласково улыбалась мне по утрам моя милая, нежная мама... там терпеливо учил меня мудрости Жизни мой добрый и светлый отец... Этот мир был счастливым и солнечным, и душа моя рвалась обратно, улетая всё дальше и дальше... чтобы никогда более не возвращаться назад... Но злая реальность почему-то меня не отпускала... Она безжалостно стучалась, насильно пробуждая воспалённый мозг, требуя возврата «домой». Родной и несовершенный Земной мир звал на помощь... Караффа жил... И пока он дышал — не могло быть в нашем мире радости и света.

Пора была возвращаться... Глубоко вздохнув, я наконец-то ***почувствовала*** *своё застывшее в одиночестве физическое тело — жизнь нехотя, по крупицам возвращалась в него... Оставалось только мужаться...*

В помещении, в котором я находилась, стояла плотная, оглушающая, густая тишина. Я сидела в грубом деревянном кресле, не шевелясь и не открывая глаз, стараясь не показать «присутствовавшим» (если таковые там находились), что очнулась. Всё прекрасно чувствуя и слыша, я напряжённо «осматривалась», стараясь определить, что происходило вокруг.

Потихонечку приходя в себя и начиная вспоминать происшедшее, я вдруг очень ярко увидела, ***ЧТО*** *оказалось настоящей причиной моего внезапного и*

глубокого обморока!.. Холодный ужас острыми тисками сжал помертвевшее сердце, даже не дав ему полностью очнуться!..

Отец!.. Мой бедный, добрый отец находился ***з д е с ь*** *!!! В этом страшном, кровавом подвале — жутком логове изощрённой смерти... Он был следующим за Джироламо... Он умирал. Зловещая ловушка Караффы захлопнулась, проглатывая его чистую Душу... Боясь увидеть самое страшное, я всё же собрала полностью ускользавшее мужество в кулак и подняла голову...*

Первое, что я увидела прямо перед собой, были горящие глубоким интересом чёрные глаза Караффы... Отца в комнате пыток не было. Караффа стоял, сосредоточившись, впившись изучающим взором в моё лицо, будто стараясь понять, что же по-настоящему творилось в моей искалеченной страданием душе... Его умное, тонкое лицо, к моему величайшему удивлению, выражало искреннее волнение (!), которое, тем не менее, показывать мне он явно не собирался... Видя, что я очнулась, Караффа мгновенно «надел» свою обычную безразличную маску и уже вовсю улыбаясь, «ласково» произнёс:

— Ну, что же Вы, Изидора! Зачем же всех пугать? Вот уж никогда не думал, что Вы можете быть столь слабонервной!.. — а потом, не выдержав, добавил: — Как же Вы красивы, мадонна!!! Даже когда находитесь в таком глубоком обмороке...

Я лишь смотрела на него, не в состоянии ничего ответить, а в моём раненом сердце скреблась когтями дикая тревога... Где был отец? Что Караффа успел сотворить с ним?! Был ли он всё ещё живым?.. Я не могла ***посмотреть*** *это сама, так как эмоции застилали реальность, и* ***видение*** *от меня ускользало. Но Караффу спрашивать не хотелось, так как я не желала доставлять ему даже малейшего лишнего удовольствия. Всё равно ведь, что бы ни случилось — изменить ничего было уже нельзя. Ну, а о том, что ещё* ***должно было*** *произойти, я была уверена, Караффа не откажет себе в удовольствии немедля мне об этом сообщить. Поэтому я предпочитала ждать.*

А он уже снова был самим собой — уверенным и «колючим»... От его недавней «восторженности» и «участия» не осталось даже следа. Думаю, он был самым странным, самым непредсказуемым человеком на свете. Его настроения кардинально менялись в течение нескольких секунд, и за самым приятным комплиментом мог последовать самый короткий путь в руки палача. Караффа был уникален в своей непредсказуемости и, опять же, прекрасно это знал...

— Мадонна Изидора, разве Вы разучились говорить? Помилуйте, Ведьмы ***Вашего «полёта»*** *обязаны быть посильнее! Во всяком случае, я всегда был в этом уверен. Насколько я понял, Вы среди них — Воин? Как же в таком случае, Вы могли так легко пойматься на простейшие «человеческие» эмоции?.. Ваше сердце владеет разумом, Изидора, а это недопустимо для столь сильной Ведьмы, как Вы!.. Разве не у Вас, одарённых, говорят: «Будь всегда одинок и холоден, если идёт война. Не пускай своё сердце на "поле боя" — оно погубит тебя». Разве это не Ваши заповеди, Изидора?*

— Вы совершенно правы, святейшество. Но это ещё не значит, что я полностью с ними согласна. Иногда любовь к человеку или человечеству может

сотворить чудеса на «поле боя», Вы не находите?.. Хотя, простите мою наивность, я совершенно выпустила из виду, что эти чувства вряд ли знакомы Вам... Но, как же хорошо Вы помните ***наши*** *заповеди, Ваше святейшество! Неужели Вы ещё надеетесь когда-нибудь вернуться в Мэтэору?.. Ведь того, кто дал Вам свой «подарок», давно уже нет там. Мэтэора выгнала его так же, как выгнала и Вас... Не так ли, святейшество?*

Караффа смертельно побледнел. Вся его обычная спесь куда-то вдруг слетела, и выглядел он сейчас внутренне беспомощным и «обнажённым». Казалось, он отчаянно искал слова и не мог найти. Время остановилось. Мгновение было опасным — что-то вот-вот должно было произойти... Каждой клеточкой своего тела, я чувствовала бушующую в нём бурю «чёрного» гнева, смешанного со страхом, коего от Караффы ожидать было вроде бы невозможно. Чего мог бояться этот всемогущий злой человек?..

— Откуда Вам это известно, Изидора? Кто мог Вам это рассказать?!

— О, есть «друзья» и ***ДРУЗЬЯ****, как Вы обычно любите говорить, Ваше святейшество!.. — умышленно его поддевая, ответила я. — Именно эти ДРУЗЬЯ и рассказали мне всё, что я хотела о Вас узнать. Только мы с Вами пользуемся* ***разными*** *методами для получения интересующих нас сведений, знаете ли — моих друзей не пришлось за это пытать, они сами мне всё с удовольствием рассказали... И уж поверьте мне, это всегда гораздо приятнее! Если только Вас не прельщают сами пытки, конечно же... Как мне показалось, Вы ведь любите запах крови, святейшество?..*

Я понемногу приходила в себя и всё больше и больше чувствовала, как возвращался в меня мой воинственный дух. Терять всё равно было нечего... И как бы я не старалась быть приятной — Караффу это не волновало. Он жаждал лишь одного — получить ответы на свои вопросы. Остальное было не важно. Кроме, может быть, одного — моего полного ему подчинения... Но он прекрасно знал, что этого не случится. Поэтому я не обязана была быть с ним ни вежливой, ни даже сносной. И если быть честной, это доставляло мне искреннее удовольствие...

— Вас не интересует, что стало с Вашим отцом, Изидора? Вы ведь так сильно любите его!

«Любите!!!»... Он не сказал — «любили»! Значит пока что отец был ещё жив! Я постаралась не показать своей радости, и как можно спокойнее сказала:

— Какая разница, святейшество, Вы ведь всё равно его убьёте! А случится это раньше или позже — значения уже не имеет...

— О, как же Вы ошибаетесь, дорогая Изидора!.. Для каждого, кто попадает в подвалы инквизиции, это имеет ***очень*** *большое значение! Вы даже не представляете,* ***какое*** *большое...*

*Караффа уже снова был «****Караффой****», то бишь — изощрённым мучителем, который ради достижения своей цели готов был с превеликим удовольствием наблюдать самые зверские человеческие пытки, самую страшную чужую боль... И вот теперь с интересом азартного игрока он старался найти хоть какую-то*

открытую брешь в моём истерзанном болью сознании, и будь то страх, злость или даже любовь — не имело для него никакого значения... Он просто желал нанести удар, а какое из моих чувств откроет ему для этого «дверь» — уже являлось делом второстепенным...

Но я не поддавалась... Видимо помогало моё знаменитое «долготерпение», которое забавляло всех вокруг ещё с тех пор, как я была ещё совсем малышкой. Отец мне когда-то рассказывал, что я была самым терпеливым ребёнком, которого они с мамой когда-либо видели, и которого невозможно было почти ничем вывести из себя. Когда у остальных насчёт чего-то уже полностью терялось терпение, я всё ещё говорила: «Ничего, всё будет хорошо, всё образуется, надо только чуточку подождать»... ***Я верила в положительное даже тогда, когда в это уже больше никто не верил.*** *А вот именно этой моей черты Караффа, даже при всей его великолепной осведомлённости, видимо всё-таки не знал. Поэтому его бесило моё непонятное спокойствие, которое, по-настоящему-то никаким спокойствием не являлось, а было лишь моим неиссякающим долготерпением. Просто я не могла допустить, чтобы делая нам такое нечеловеческое зло, он ещё и наслаждался нашей глубокой, искренней болью.*

Хотя, если быть полностью откровенной, некоторые поступки в поведении Караффы я всё ещё никак не могла себе объяснить... С одной стороны — его вроде бы искренне восторгали мои необычные «таланты», как если бы это и правда имело для него какое-то значение... А также его всегда искренне восхищала моя «знаменитая» природная красота, о чём говорил восторг в его глазах каждый раз, когда мы встречались. И в то же время Караффу почему-то сильно разочаровывал любой изъян или даже малейшая несовершенность, которую он случайно во мне обнаруживал, и искренне бесила любая моя слабость или даже малейшая моя ошибка, которую время от времени мне, как и любому человеку, случалось совершать... Иногда мне даже казалось, что я нехотя разрушала какой-то ***им самим для себя созданный несуществующий идеал...***

Если бы я его так хорошо не знала, я возможно была бы даже склонна поверить, что этот непонятный и злой человек меня по-своему и очень странно любил... Но, как только мой измученный мозг приходил к такому абсурдному выводу, я тут же напоминала себе, что ***речь*** *ведь* ***шла о Караффе!*** *И уж у него-то точно не существовало внутри никаких чистых или искренних чувств!.. А тем более таких, как Любовь. Скорее уж это походило на* ***чувство собственника****, нашедшего себе дорогую игрушку и желающего в ней видеть не более и не менее, как только свой* ***идеал****. И если в этой игрушке вдруг появлялся малейший изъян — он почти тут же готов был выбросить её прямиком в костёр...*

— Умеет ли Ваша душа покинуть Ваше тело при жизни, Изидора? — прервал мои грустные размышления очередным необычным вопросом Караффа.

— Ну, конечно же, Ваше святейшество! Это самое простое из того, что может делать любой Ведун. Почему это интересует Вас?

— Ваш отец пользуется этим, чтобы уйти от боли... — задумчиво произ-

нёс Караффа. — Поэтому, мучить его обычными пытками нет никакого смысла. Но я найду способ его разговорить, даже если это займёт намного больше времени, чем думалось. Он знает очень многое, Изидора. Думаю, даже намного больше, чем Вы можете себе представить. Он не открыл Вам и половины!... Неужели Вам не хотелось бы узнать остальное?!

— Зачем, Ваше святейшество?!. — пытаясь скрыть свою радость от услышанного, как можно спокойнее произнесла я. — Если он что-то и не открыл, значит, для меня было ещё ***не время*** *узнавать это.* ***Преждевременное знание очень опасно****, Ваше святейшество, —* ***оно может, как помочь, так и убить****. Поэтому иногда нужна большая осторожность, чтобы учить кого-то. Думаю, Вы должны были знать это, вы ведь какое-то время учились там, в Мэтэоре?*

— Чушь!!! Я — ко всему готов! О, я уже так давно готов, Изидора! Эти глупцы просто не видят, что мне нужны всего лишь Знания, и я смогу намного больше, чем другие! Может даже больше, чем они сами!..

*Караффа был страшен в своём «****ЖЕЛАНИИ желаемого****», и я поняла, что за то, чтобы получить эти знания, он сметёт ЛЮБЫЕ преграды, попадающиеся на его пути... И буду ли это я или мой отец, или даже малышка Анна, но он добьётся желаемого, он «выбьет» его из нас, несмотря ни на что, как видимо добивался и раньше всего, на что нацеливался его ненасытный мозг, включая свою сегодняшнюю власть и посещение Мэтэоры, и наверняка, многое, многое другое, о чём я предпочитала лучше не знать, чтобы окончательно не потерять надежду в победу над ним. Караффа был по-настоящему опасен для человечества!.. Его сверхсумасшедшая «вера» в свою «гениальность» превышала любые привычные нормы самого высокого существующего самомнения и пугала своей безапелляционностью, когда дело касалось им «желаемого»,* ***о котором он не имел ни малейшего представления,*** *а только лишь знал, что он этого* ***хотел****...*

Чтобы его чуточку охладить, я вдруг начала «таять» прямо перед его «святым» взором, и через мгновение совсем исчезла... Это был детский трюк самого простого «дуновения», как мы называли мгновенное перемещение из одного места в другое (думаю, так они называли ***телепортацию****), но на Караффу оно должно было подействовать «освежающе». И я не ошиблась... Когда я через минуту вернулась назад, его остолбеневшее лицо выражало полное замешательство, которое удалось видеть, я уверенна, очень немногим. Не выдержав дольше этой забавной картинки, я от души рассмеялась.*

— Мы знаем много трюков, Ваше святейшество, но это всего лишь ***трюки****.* ***ЗНАНИЕ*** *— оно совершенно другое. Это —* ***оружие****, и очень важно то, в какие руки оно попадёт...*

Но Караффа меня не слушал. Он был, как малое дитя потрясён тем, что только что увидел, и тут же захотел ***знать*** *это для себя!.. Это была новая, незнакомая игрушка, которую он должен был иметь прямо сейчас!!! Не медля ни минуты! Но с другой стороны, он был ещё и* ***очень умным*** *человеком, и, несмотря на жажду что-то иметь, он почти всегда умел мыслить. Поэтому*

буквально через какое-то мгновение, его взгляд понемножечку начал темнеть, и расширившиеся чёрные глаза уставились на меня с немым, но очень настойчивым вопросом, и я с удовлетворением увидела, что он наконец-то начал понимать ***настоящий*** *смысл показанного ему моего маленького «трюка»...*

— Значит, всё это время Вы ***могли просто «уйти»****?!. Почему же Вы не ушли, Изидора?!! — почти не дыша, прошептал Караффа.*

В его взгляде горела какая-то дикая, неисполнимая надежда, которая, видимо, должна была исходить от меня... Но по мере того, как я отвечала, он увидел, что ошибался. И «железный» Караффа, к величайшему моему удивлению, поник!!! На мгновение мне даже показалось, что внутри у него что-то оборвалось, будто он только что обрёл и тут же потерял что-то для него очень жизненно важное и возможно, в какой-то степени даже дорогое...

— Видите ли, жизнь не всегда так проста, как нам кажется... или как нам хотелось бы её видеть, Ваше святейшество. И самое простое нам иногда кажется самым правильным и самым реальным. Но это далеко не всегда, к сожалению, является правдой. ***Да, я давным-давно могла уйти.*** *Но что от этого изменилось бы?.. Вы нашли бы других «одарённых», наверняка, не столь сильных, как я, из которых также попытались бы «выбить» интересующие Вас знания. А у этих бедняг не было бы даже малейшей надежды на сопротивление Вам.*

— И Вы считаете, что она есть у Вас?.. — с каким-то болезненным напряжением спросил Караффа.

— Без надежды человек мёртв, Ваше святейшество, ну а я, как видите, ещё живая. И пока я буду жить — надежда до последней минуты будет теплиться во мне... Такой уж мы — ведьмы — странный народ, видите ли.

— Что ж, думаю, на сегодня разговоров достаточно! — неожиданно зло воскликнул Караффа. И не дав мне даже испугаться, добавил: — Вас отведут в ваши комнаты. До скорой встречи, мадонна!

— А как же мой отец, Ваше святейшество? Я хочу присутствовать при том, что будет происходить с ним. Каким бы ужасным это не являлось...

— Не беспокойтесь, дорогая Изидора, без Вас это даже не было бы таким «забавным»! Обещаю, Вы увидите всё, и я очень рад, что Вы изъявили такое желание.

И довольно улыбнувшись уже повернулся к двери, но вдруг что-то вспомнив, остановился:

— Скажите, Изидора, когда Вы «исчезаете», имеет ли для Вас значение, ***откуда*** *Вы это делаете?..*

— Нет, Ваше святейшество, не имеет. Я ведь не прохожу сквозь стены. Я просто «таю» в одном месте, чтобы тут же появиться в другом, если такое объяснение даст Вам хоть какую-то картинку, — и чтобы его добить, нарочно добавила, — Всё очень просто, ***когда знаешь, как это делать...*** *Святейшество.*

Караффа ещё мгновение пожирал меня своими чёрными глазами, а потом повернулся на каблуках и быстро вышел из комнаты, будто боясь, что я вдруг для чего-то его остановлю.

Я прекрасно понимала, почему он задал последний вопрос... С той же самой минуты, как он увидел, что я могу вдруг взять и так просто исчезнуть, он ломал свою гордую голову, как бы покрепче меня куда-то «привязать», или для надёжности посадить в какой-нибудь каменный мешок, из которого уж точно у меня не осталось бы надежды никуда «улететь»... Но своим ответом я лишила его покоя, и моя душа искренне радовалась этой маленькой победе, так как я знала наверняка, что с этого момента Караффа потеряет сон, стараясь придумать, куда бы понадёжнее меня упрятать.

Это, конечно же, были только лишь забавные, отвлекающие от страшной реальности моменты, но они помогали мне хотя бы уж при нём, при Караффе, на мгновение забыться и не показывать, как больно и глубоко ранило меня происходящее. Я дико хотела найти выход из нашего безнадёжного положения, желая этого всеми силами своей измученной души! Но только лишь моего желания победить Караффу было недостаточно. Я должна была понять, ***что*** *делало его таким сильным, и что же это был за «подарок», который он получил в Мэтэоре, и который я никак не могла* ***увидеть****, так как он был для нас совершенно* ***чужим****. Для этого мне нужен был отец. А он не отзывался. И я решила попробовать, не отзовётся ли Север...*

Но как я ни пыталась, он тоже почему-то не хотел выходить со мной на контакт. И я решила попробовать то, что только что показала Караффе — пойти «дуновением» в Мэтэору... Только на этот раз я понятия не имела, где находился желанный монастырь... Это был риск, так как, не зная своей «точки проявления», я могла не «собрать» себя нигде вообще. И это была бы смерть. Но пробовать стоило, если я надеялась получить в Мэтэоре хоть какой-то ответ. Поэтому, стараясь долго не думать о последствиях, я пошла...

Настроившись на Севера, я мысленно приказала себе проявиться там, где в данное мгновение мог находиться он. Я никогда не шла вслепую, и большой уверенности моей попытке это, естественно, не прибавляло... Но терять всё равно было нечего, кроме победы над Караффой. А из-за этого стоило рискнуть...

Я появилась на краю очень крутого каменного обрыва, который «парил» над землёй, будто огромный сказочный корабль... Вокруг были только горы, большие и малые, зеленеющие и просто каменные, где-то вдали переходящие в цветуще луга. Гора, на которой стояла я, была самой высокой и единственной, на верхушке которой местами держался снег... Она гордо высилась над остальными, как сверкающий белый айсберг, основание которого прятало в себе невидимую остальными загадочную тайну...

От свежести чистого, хрустящего воздуха захватывало дыхание! Искрясь и сверкая в лучах жгучего горного солнца, он лопался вспыхивающими снежинками, проникая в самые «глубинки» лёгких... Дышалось легко и свободно, будто в тело вливался не воздух, а удивительная ***животворная*** *сила. И хотелось вдыхать её бесконечно!.. Мир казался прекрасным и солнечным! Будто не было нигде зла и смерти, нигде не страдали люди, и будто не жил на земле страшный человек по имени Караффа... Я чувствовала себя птицей, готовой расправить*

свои лёгкие крылья и вознестись высоко-высоко в небо, где уже никакое Зло не смогло бы меня достать!..

Но жизнь безжалостно возвращала на землю, жестокой реальностью напоминая причину, по которой я сюда пришла. Я огляделась вокруг — прямо за моей спиной высилась слизанная ветрами, сверкающая на солнце пушистым инеем, серая каменная скала. А на ней... белой звёздной россыпью качались роскошные, крупные, невиданные цветы!.. Гордо выставив под солнечные лучи свои белые, словно восковые, остроконечные лепестки, они были похожи на чистые, холодные звёзды, по ошибке упавшие с небес на эту серую, одинокую скалу... Не в состоянии оторвать глаза от их холодной, дивной красоты, я опустилась на ближайший камень, восторженно любуясь завораживающей игрой светотеней на слепяще-белых, безупречных цветках... Моя душа блаженно отдыхала, жадно впитывая чудесный покой этого светлого, чарующего мгновения... Кругом витала волшебная, глубокая и ласковая тишина...

И вдруг я встрепенулась... Я вспомнила! Следы Богов!!! Вот, как назывались эти великолепные цветы! По старой-престарой легенде, которую давным-давно рассказывала мне моя любимая бабушка, Боги, приходя на Землю, жили высоко в горах, вдали от мирской суеты и людских пороков. Долгими часами размышляя о высоком и вечном, они закрывались от Человека завесой «мудрости» и отчуждения... Люди не знали, как их найти. И только нескольким посчастливилось узреть ИХ, но зато, позже этих «удачливых» никто никогда больше не видывал, и не у кого было спросить путь к гордым Богам... Но вот однажды умирающий воин забрался высоко в горы, не желая живым сдаваться врагу, победившему его.

Жизнь оставляла грустного воина, вытекая последними каплями остывающей крови... И никого не было рядом, чтобы проститься, чтобы омыть слезами его последний путь... Но вот, уже ускользая, его взгляд зацепился за дивную, невиданную, божественную красоту!.. Непорочные, снежно-белые, удивительнейшие цветы окружали его... Их чудесная белизна омывала душу, возвращая ушедшую силу. Призывала к жизни... Будучи не в силах шевельнуться, он внимал их холодный свет, открывая ласке одинокое сердце. И тут же, у него на глазах, закрывались его глубокие раны. Жизнь возвращалась к нему, ещё сильнее и яростнее, чем при рождении. Снова почувствовав себя героем, он поднялся... прямо перед его взором стоял высокий Старец...

— Ты вернул меня, Боже? — восторженно спросил воин.

— Кем ты есть, человече? И почему рекёшь меня Господом? — удивился старец.

— Кто же другой мог совершить подобное?— прошептал человек. — И живёшь ты почти, что в небе... Значит ты Бог.

*— Я не Бог, Я потомок его... Благо — истинный... Заходи, коль пришёл, в нашу обитель. С чистым сердцем и чистым помыслом ты пришёл жизнь пр**а**щать... Вот и возвратили тебя. Радуйся.*

— Кто возвратил меня, Старче?

*— Они, р**а**димые, «стопы господние»... — указав на дивные цветы, качнул*

головой Старец.

Вот с тех пор и пошла легенда о Цветах Господних. Говорят, они всегда растут у обителей Божьих, чтобы путь указать пришедшим... Задумавшись, я не заметила, что осматриваюсь вокруг... и буквально тут же очнулась!.. Мои удивительные чудо-цветы ***росли лишь вокруг узенькой, тёмной щели****, зиявшей в скале, как почти невидимый, «природный» вход!!! Обострившееся вдруг чутьё повело меня именно туда...*

Никого не было видно, никто не выходил. Чувствуя себя неуютно, приходя непрошенной, я всё же решила попробовать и подошла к щели. Опять же, ничего не происходило... Ни особой защиты, ни каких либо других неожиданностей не было. Всё оставалось величественным и спокойным, как от начала времён... Да и от кого было здесь защищаться? Только от таких же одарённых, какими были сами хозяева?.. Меня вдруг передёрнуло — но ведь мог появиться ещё один такой же «Караффа», который был бы в какой-то степени одарённым, и так же просто бы их «нашёл»?!..

Я осторожно вошла в пещеру. Но и здесь ничего необычного не произошло, разве что, воздух стал каким-то очень мягким и «радостным» — пахло весной и травами, будто я находилась на сочной лесной поляне, а не внутри голой каменной скалы... Пройдя несколько метров, я вдруг поняла, что становится всё ***светлее****, хотя, казалось бы, должно было быть наоборот. Свет струился откуда-то сверху, здесь внизу распыляясь в очень мягкое «закатное» освещение. В голове тихо и ненавязчиво зазвучала странная, успокаивающая мелодия — ничего подобного мне никогда раньше не приходилось слышать... Необычайное сочетание звуков делало мир вокруг лёгким и радостным. И безопасным...*

В странной пещере было очень тихо и очень уютно... Единственное, что чуточку настораживало — всё сильнее нарастало ощущение чужого наблюдения. Но оно не было неприятным. Просто — заботливый взгляд родителя за несмышлёным малышом...

Коридор, по которому я шла, начал расширяться, переходя в огромный высокий каменный зал, по краям которого располагались простые каменные сидения, похожие на длинные скамьи, выбитые кем-то прямо в скале. А посередине этого странного зала высился каменный постамент, на котором «горел» всеми цветами радуги огромный бриллиантовый кристалл... Он сверкал и переливался, ослепляя разноцветными вспышками, и был похож на маленькое солнце, почему-то вдруг кем-то запрятанное в каменную пещеру.

Я подошла поближе — кристалл засиял ярче. Это было очень красиво, но не более, и никакого восторга или приобщения к чему-то «великому» не вызывало. ***Кристалл был материальным,*** *просто невероятно большим и великолепным. Но и только. Он не был чем-то мистическим или значимым, а всего лишь необычайно красивым. Только вот я пока никак не могла понять, почему этот с виду совершенно вроде бы простой «камень» реагировал на приближение человека? Могло ли оказаться возможным, что его каким-то образом «включало» человеческое тепло?*

— Ты совершенно права, Изидора... — вдруг послышался чей-то ласковый

голос. — Недаром, тебя ценят Отцы!

Вздрогнув от неожиданности, я обернулась, тут же радостно воскликнув — рядом стоял Север! Он был по-прежнему приветливым и тёплым, только чуточку грустным. Как ласковое солнце, которое вдруг закрыла случайная туча...

— Здравствуй Север! Прости, что пришла непрошенной. Я звала тебя, но ты не явился... Тогда я решила сама попробовать найти тебя. Скажи, что означают твои слова? В чём моя правота?

Он подошёл к кристаллу — тот засиял ещё ярче. Свет буквально слепил, не давая на него смотреть.

— Ты права насчёт этого «дива»... Мы нашли его очень давно, много сотен лет тому назад. И теперь он служит хорошую службу — защитой против «слепых», тех, которые ***случайно*** *попали сюда. — Север улыбнулся. — Для* ***«желающих, но не могущих»****... — и добавил. — Как Караффа. Но это не твой зал, Изидора. Пойдём со мной. Я покажу тебе* ***твою*** *Мэтэору.*

Мы двинулись вглубь зала, проходя стоящие по краям какие-то огромные белые плиты с выбитыми на них письменами.

— Это не похоже на руны. Что это, Север? — не выдержала я.

Он опять дружески улыбнулся:

— Руны, только очень древние. Твой отец не успел тебя научить... Но если захочешь — я научу тебя. Только приходи к нам, Изидора. — Он повторял уже слышанное мною.

— Нет! — сразу же отрезала я. — Я не поэтому сюда пришла, ты знаешь, Север. Я пришла за помощью. ***Только вы*** *можете помочь мне уничтожить Караффу. Ведь в том, что он творит — и ваша вина. Помогите же мне!*

Север ещё больше погрустнел... Я заранее знала, ***что*** *он ответит, но не намеревалась сдаваться. На весы были поставлены миллионы хороших жизней, и я не могла так просто отказаться от борьбы за них.*

— Я уже объяснил тебе, Изидора...

— Так объясни ещё! — резко прервала его я. — Объясни мне, как можно спокойно сидеть, сложа руки, когда человеческие жизни гаснут одна за другой по твоей же вине?! Объясни, как такая мразь, как Караффа, может существовать, и ни у кого не возникает желание даже попробовать уничтожить его?! Объясни, как ты можешь жить, когда рядом с тобой происходит такое?..

Горькая обида клокотала во мне, пытаясь выплеснуться наружу. Я почти кричала, пытаясь достучаться до его души, но чувствовала, что теряю. Обратного пути не было. Я не знала, получится ли ещё когда-нибудь попасть туда, и должна была использовать любую возможность, прежде чем уйти.

— Оглянись, Север! По всей Европе пылают живыми факелами твои братья и сёстры! Неужели ты можешь спокойно спать, слыша их крики??? И как же тебе не снятся кровавые кошмары?!

Его спокойное лицо исказила гримаса боли:

— Не говори такого, Изидора! Я уже объяснял тебе — мы не должны

вмешиваться, нам не дано такое право... Мы — хранители. Мы лишь оберегаем ***ЗНАНИЯ****.*

— А тебе не кажется, что подожди Вы ещё, и Ваши знания уже не для кого будет сохранять?!. — горестно воскликнула я.

— Земля не готова, Изидора. Я уже говорил тебе это...

— Что ж, возможно она никогда готовой не будет... И когда-нибудь, через каких-нибудь тысячу лет, когда ты будешь смотреть на неё со своих «вершин», ты узришь лишь пустое поле, возможно даже поросшее красивыми цветами, потому что на Земле в это время уже ***не будет людей****, и некому будет срывать эти цветы... Подумай, Север, такое ли будущее ты желал Земле?!..*

Но Север был защищён глухой стеной веры в то, что говорил... Видимо, они все железно верили, что были правы. Или кто-то когда-то вселил эту веру в их души так крепко, что они проносили её чрез столетия, не открываясь и не допуская никого в свои сердца... И я не могла через неё пробиться, как бы ни старалась.

— Нас мало, Изидора. И если мы вмешаемся, не исключено, что мы тоже погибнем... А тогда проще простого будет даже для слабого человека, уже не говоря о таком, как Караффа, воспользоваться всем, что мы храним. И у кого-то в руках окажется власть над всеми живущими. Такое уже было когда-то... Очень давно. Мир чуть не погиб тогда. Поэтому — прости, но мы не будем вмешиваться, Изидора, у нас нет на это права... Наши Великие Предки завещали нам охранять древние ***ЗНАНИЯ.*** *И это то, для чего мы здесь. Для чего живём. Мы не спасли даже Христа когда-то... Хотя могли бы. А ведь мы все очень любили его.*

— Ты хочешь сказать, что кто-то из Вас знал Христа?!. Но это ведь было так давно!.. ***Даже вы*** *не можете жить так долго!*

— Почему — давно, Изидора? — искренне удивился Север. — Это было лишь несколько сотен назад! А мы ведь живём намного дольше, ты знаешь. Как могла бы жить и ты, если бы захотела...

— Несколько сотен?!!

Север кивнул.

— Но как же ***легенда****?!. Ведь по ней с момента его смерти прошло уже полторы тысячи лет?!..*

*— На то она «****легенда****» и есть... — пожал плечами Север, — Ведь если бы она была* ***Истиной,*** *она не нуждалась бы в заказных «фантазиях» Павла, Матфея, Петра и им подобных?.. При всём притом, что эти «святые» люди ведь даже и* ***не видели никогда живого Христа****! И он* ***никогда не учил их.*** *История повторяется, Изидора... Так было, и так будет всегда, пока люди не начнут, наконец,* ***самостоятельно думать****. А пока за них думают Тёмные умы — на Земле всегда будет властвовать лишь борьба...*

Север умолк, как бы решая, стоит ли продолжать. Но немного подумав, всё же заговорил снова...

— «Думающие Тёмные» время от времени ***дают человечеству нового Бога****, выбирая его всегда из* ***самых лучших, самых светлых и чистых****, но* ***именно***

***тех**, которых **обязательно уже нет в Круге Живых**. Так как на **мёртвого**, видишь ли, **намного легче «одеть» лживую «историю его Жизни»**, и пустить её в мир, чтобы несла она человечеству лишь то, что «**одобрялось**» «Думающими Тёмными», заставляя людей окунаться ещё глубже в **невежество Ума**, пеленая Души их всё сильнее в **страх неизбежной смерти**, и надевая этим же **оковы** на их **свободную и гордую Жизнь**...*

— Кто такие «Думающие Тёмные», Север? — не выдержала я.

— Это Тёмный Круг, в который входят «серые» Волхвы, «чёрные» маги, денежные гении (свои для каждого нового промежутка времени) и многое тому подобное. Проще — это Земное (да и не только) объединение «тёмных» сил.

— И Вы не боретесь с ними?!! Ты говоришь об этом так спокойно, как будто это тебя не касается!.. Но ты ведь тоже живёшь на Земле, Север!

В его глазах появилась смертельная тоска, будто я нечаянно затронула нечто глубоко печальное и невыносимо больное.

*— О, мы боролись, Изидора!.. Ещё как боролись! Давно это было... Я, как и ты сейчас, был слишком наивным и думал, что стоит людям лишь показать, где правда, а где ложь, и они тут же кинутся в атаку за «правое дело». Это всего лишь «мечты о будущем», Изидора... Человек, видишь ли, существо легко уязвимое... Слишком легко поддающееся на лесть и жадность. Да и другие разные «человеческие пороки»... Люди в первую очередь думают о **своих** потребностях и выгодах, и только потом — об «остальных» живущих.*

*Те, кто посильнее — жаждут Власти. Ну, а слабые ищут сильных защитников, совершенно не интересуясь их «чистоплотностью». И это продолжается столетиями. Вот почему в любой войне первыми гибнут самые светлые и самые лучшие. А остальные «оставшиеся» присоединяются к «победителю»... Так и идёт по кругу. **Земля не готова мыслить**, Изидора. Знаю, ты не согласна, ибо ты сама слишком чиста и светла. Но одному человеку не по силам свергнуть общее **ЗЛО**, даже такому сильному, как ты. Земное Зло слишком большое и вольное. Мы пытались когда-то... и потеряли лучших. Именно поэтому мы будем ждать, когда придёт **правильное** время. Нас слишком мало, Изидора.*

— Но почему тогда Вы не пытаетесь воевать по-другому? В войну, которая не требует Ваших жизней? У Вас ведь есть такое оружие! И почему разрешаете осквернять таких, как Иисус? Почему не расскажете людям правду?..

*— Потому, что никто не будет этого слушать, Изидора... **Люди предпочитают красивую и спокойную ложь, будоражащей душу правде...** И пока ещё не желают думать**.** Смотри, ведь даже истории о «жизни богов» и мессий, сотворённые «тёмными», слишком одна на другую похожи, вплоть до подробностей, начиная с их рождения и до самой смерти. Это **чтобы человека не беспокоило «новое»**, чтобы его **всегда окружало «привычное и знакомое»**.*

Когда-то, когда я был таким, как ты — убеждённым, истинным Воином — эти «истории» поражали меня открытой ложью и скупостью разнообразия мысли их «создающих». Я считал это великой ошибкой «тёмных»... Но теперь

давно уже понял, что ***именно такими*** *они создавались* ***умышленно****. И это по-настоящему было* ***гениальным****... Думающие Тёмные* ***слишком хорошо знают природу «ведомого» человека*** *и поэтому совершенно уверены в том, что* ***Человек всегда с готовностью пойдёт за тем, кто похож на уже известное ему****, но* ***будет сильно сопротивляться и тяжело примет того, кто окажется для него новым и заставит мыслить.***

Поэтому-то, наверное, люди всё ещё слепо идут за ***«похожими»*** *Богами, Изидора, не сомневаясь и не думая, не утруждая задать себе хотя бы один вопрос...*

*Я опустила голову — он был совершенно прав. У людей был всё ещё слишком сильным «****инстинкт толпы****», который легко управлял их податливыми душами...*

— А ведь у каждого из тех, которых люди ***называли*** *Богами, были очень яркие и очень разные* ***их собственные уникальные Жизни****, которые чудесно украсили бы Истинную Летопись Человечества, если бы люди знали о них, — печально продолжал Север. — Скажи мне, Изидора, читал ли кто-нибудь на Земле* ***записи самого Христа****?.. А ведь он был прекрасным Учителем, который к тому же ещё и чудесно писал! И оставил намного больше, чем могли бы даже представить «Думающие Тёмные», создавшие его липовую историю...*

Глаза Севера стали очень тёмными и глубокими, будто на мгновение вобрали в себя всю земную горечь и боль... И было видно, что говорить об этом ему совершенно не хочется, но с минуту помолчав, он всё же продолжил.

— Он жил здесь с тринадцати лет... И уже тогда писал ***весть*** *своей жизни, зная, как сильно её изолгут. Он уже тогда знал своё будущее. И уже тогда страдал. Мы многому научили его... — вдруг вспомнив что-то приятное, Север совершенно по-детски улыбнулся... — В нём всегда горела слепяще-яркая Сила Жизни, как солнце... И чудесный внутренний Свет. Он поражал нас своим безграничным желанием* ***ВЕДАТЬ****! Знать* ***ВСЁ****, что знали мы... Я никогда не зрел такой сумасшедшей жажды!.. Кроме, может быть, ещё у одной, такой же одержимой...*

Его улыбка стала удивительно тёплой и светлой.

— В то время у нас жила здесь девочка — Магдалина... Чистая и нежная, как утренний свет. И сказочно одарённая! Она была самой сильной из всех, кого я знал на Земле в то время, кроме наших лучших Волхвов и Христа. Ещё находясь у нас, она стала Ведуньей Иисуса... и его единственной Великой Любовью, а после — его женой и другом, делившим с ним каждое мгновение его жизни, пока он жил на этой Земле...

Ну, а он, учась и взрослея с нами, стал очень сильным Ведуном и настоящим Воином! Вот тогда и пришло его время с нами прощаться... Пришло время исполнить Долг, ради которого Отцы призвали его на Землю. И он покинул нас. А с ним вместе ушла Магдалина... Наш монастырь стал пустым и холодным без этих удивительных, теперь уже ставших совершенно взрослыми, детей. Нам очень не хватало их счастливых улыбок, их тёплого смеха... Их радости при виде друг друга, их неуёмной жажды знания, железной Силы их Духа, и Света их

чистых Душ... Эти дети были, как солнца, без которых меркла наша холодная размеренная жизнь. Мэтэора грустила и пустовала без них... Мы знали, что они уже никогда не вернутся, и что теперь уже никто из нас более никогда не увидит их...

Иисус стал непоколебимым воином. Он боролся со злом яростнее, чем ты, Изидора. Но у него не хватило сил. — Север поник... — Он звал на помощь своего Отца, он часами мысленно беседовал с ним. Но Отец был глух к его просьбам. Он не мог, ***не имел права предать то, чему служил****. И ему пришлось за это предать своего сына, которого он искренне и беззаветно любил, — в глазах Севера, к моему великому удивлению, блестели слёзы... — Получив отказ своего Отца, Иисус так же, как и ты, Изидора, попросил помощи у всех нас... Но мы тоже отказали ему...* ***Мы не имели права****. Мы предлагали ему уйти. Но он остался, хотя прекрасно знал, что его ждёт. Он боролся до последнего мгновения... Боролся за Добро, за Землю, и даже за казнивших его людей. Он боролся за Свет. За что люди, «в благодарность», после смерти оклеветали его, сделав ложным и беспомощным Богом... Хотя* ***именно беспомощным Иисус никогда и не был****... Он был воином до мозга костей, ещё тогда, когда совсем ребёнком пришёл к нам. Он призывал к борьбе, он крушил «чёрное», где бы оно ни попадалось, на его тернистом пути.*

Север замолк, и я подумала, что рассказ закончен. В его печальных серых глазах плескалась такая глубокая, обнажённая тоска, что я наконец-то поняла, как непросто должно было жить, отказывая в помощи любимым, светлым и прекрасным людям, провожая их, идущих на верную гибель, и зная, как легко было их спасти, всего лишь протянув руку... И как же ***неправильна*** *по-моему была их неписанная «правда» о невмешательстве в Земные дела, пока (наконец-то, когда-то!..) не придёт* ***«правильное» время****... которое могло так никогда и не придти...*

— Человек — всё ещё существо слабовольное, Изидора... — вдруг снова тихо заговорил Север. — И корысти, и зависти в нём, к сожалению, больше, чем он может осилить. Люди пока ещё не желают следовать за Чистым и Светлым — это ***ранит их «гордость» и сильно злит****, так как* ***слишком уж отличается от «привычного» им человека.*** *И Думающие Тёмные, прекрасно зная и пользуясь этим, всегда легко направляли людей* ***сперва свергать и уничтожать*** *«новых» Богов, утоляя «жажду» крушения прекрасного и светлого. А потом уже, достаточно посрамлённых, возвращали тех же новых «богов» толпе, как Великих Мучеников, уничтоженных «по ошибке»...*

Христос же, даже распятым, оставался для людей ***слишком*** *далёким... И* ***слишком*** *чистым... Поэтому уже после смерти люди с такой жестокостью пятнали его, не жалея и не смущаясь, делая подобным себе. Так от ярого Воина остался в людской памяти лишь трусливый Бог, призывавший подставлять левую щёку, если ударят по правой.... А из его великой Любви — осталось лишь жалкое посмешище, закиданное камнями... чудесная чистая девочка, превратившаяся в «прощённую» Христом, поднявшуюся из грязи, «падшую» женщину... Люди всё ещё глупы и злы Изидора... Не отдавай себя за них! Ведь даже*

распяв Христа, все эти годы они не могут успокоиться, уничтожая Имя Его. Не отдавай себя за них, Изидора!

— Но разве же по-твоему ***ВСЕ*** *люди глупы и злы?.. На Земле* ***очень много прекрасных людей****, Север! И* ***не всем*** *им нужен «повергнутый» Бог, поверь мне! Посмотри на меня — разве ты не видишь?* ***Мне*** *был бы нужен* ***живой*** *Христос, так же, как и его дивная Любовь — Магдалина...*

Север улыбнулся.

— Потому что ты — Из-и-до-ра... Ты молишься ***другим*** *богам. Да и вряд ли им нужно молиться! Они с тобою всегда, и они не могут тебя покинуть. Твои боги — Добро и Любовь, Свет и Знание, и Чистая первозданная Сила. Это Боги Мудрости, и это то, чему «молимся» мы. Люди же не признают их пока. Им пока нужно другое... Людям нужен кто-то, кому они могут пожаловаться, когда им плохо; кого они могут обвинить, когда не везёт; кого они могут просить, когда чего-то хочется; кто им может простить, когда они «грешат»... Вот, что пока лишь нужно человеку... И пройдёт ещё уйма времени, пока человек не перестанет нуждаться в таком Боге, который делал бы за него всё, и уж тем более — всё бы прощал... Это* ***слишком удобно, чтобы суметь отказаться****, Изидора... Человек ещё не готов ничего делать сам.*

— Покажи мне его, Север... — шёпотом попросила я. — Покажи мне, каким он был.

Воздух вокруг заколебался мягкими волнами, искрясь и сгущаясь, будто открывалась таинственная невидимая дверь. И тут я увидела их!..

В просторной каменной пещере, двое чудесных белокурых детей весело беседовали о чём-то, сидя у маленького природного каменного фонтана. Мир вокруг них казался счастливым и солнечным, впитывавшим струившуюся от их чудесных душ тихую радость... Мальчик был гордым, высоким и очень стройным для своих тринадцати лет. В нём бушевала огромная внутренняя сила, но в то же время, он был мягким и очень приятным. Он глядел на мир весело и... очень мудро, будто было ему внутри не менее сотни лет. Временами его лучистые синие глаза вспыхивали, пронизывая стальным серым цветом, но тут же опять искрились весельем, любуясь своей очаровательной смешливой собеседницей...

А девочка и правда была необычайно хороша. Она напоминала чистого ангела, только что спустившегося с небес. Прижавши к груди, она держала старую, толстую книгу. И видимо ни за что не собиралась её отпускать. Волнистые очень длинные золотые волосы были подвязаны голубой шёлковой лентой, удачно оттенявшей цвет её смеющихся, небесно-голубых глаз. Маленькие ямочки на розовых щеках делали её милой и весёлой, как чистое майское утро...

Дети были одеты в длинные, снежно белые одинаковые одежды, подпоясанные золотыми поясами и выглядели чудесной парой, вышедшей из красивой старой картины... Они чудесно подходили друг другу, чем-то дополняя и соединяя недостающее каждому, создавая ***одно целое****, которое порвать было невозможно... Это были Иисус и Магдалина, будущий Спаситель Человечества и его единственная и большая будущая Любовь.*

— Но ведь они ***совершенно другие!*** *— искренне удивляясь, воскликнула я. — Совсем не такие, какими их рисуют! Разве же они не иудеи?!*

— А они ими никогда и не были, — пожал плечами Север. — Это люди, ***которым нужна была власть****, очень «умно»* ***решили стать «детьми убитого Бога»****, этим же самым делая «ИЗБРАННЫМ» самый опасный на Земле народ.* ***Иисус же был сыном Белого Волхва и нашей ученицы, Ведуньи Марии. Они родили его, чтобы привести на Землю его удивительную Душу.***

Я остолбенело уставилась на Севера...

— А как же ***иудейка*** *Мария и Иосиф?! Как же тот же самый Назарет?..*

— ***Никогда не было иудейки Марии****, Изидора,* ***ни Иосифа рядом с Иисусом.*** *Была* ***Ведунья Мария****, которая прямо перед его рождением шла сюда, в Мэтэору, чтобы он родился здесь, среди Волхвов и Ведьм. Но она опоздала... Иисус родился неделей раньше,* ***НА ЗАРЕ****, в маленьком домике на берегу реки. А его рождение сопровождала Светлая Утренняя Звезда.*

Наши Волхвы спешили к нему, чтобы ***увидеть*** *его и защитить. А его Учитель и Отец пришёл поклониться чудесной душе своего новорождённого сына.*

Волхвы призвали его на Землю, чтобы остановить «чуму», которая, как паук, уже давно плела здесь свои чёрные сети. И именно Волхвы ***послали*** *Христа к иудеям. Но сам Иисус* ***никогда иудеем не был.***

Волхвы надеялись, что у него найдётся достаточно сил, чтобы остановить «чёрное» Зло, уже расползавшееся по Земле. Но Иисус проиграл, недооценив «великих слабостей» человека...

Земля не была готова к Его приходу, так же, как ***не готова*** *к приходу* ***ВЕДАЮЩИХ****, Изидора. А мы не готовы ей помочь. Когда придёт* ***правильное*** *время — мы откроем Двери. И возможно, на Земле восторжествует Свет. Но этого не будет ещё очень долго... Ты прости.*

Меня взорвало.

— Значит, что же — Вы просто будете спокойно наблюдать, как уничтожают лучших?!. Но ведь это также и ***Ваш мир****, Север! Как же Вы можете так просто оставлять его на погибель?* ***Легче всего*** *— взять и уйти. Или просто ЖДАТЬ. Но разве тебя не будет преследовать такое предательство всю твою оставшуюся длинную жизнь?.. Разве ты сможешь спокойно где-то обитать, не думая обо всех погибших?!.* ***Я не верю в красивое будущее, построенное на чужих смертях****, Север! Это страшно. Мир никогда не будет таким же, если мы не поможем ему сейчас! Прошу тебя, помоги мне, Север...*

Я готова была пасть на колени, если бы это могло чем-то помочь. Но я видела, что ничего от этого не изменится... Эти люди жили в ***своей Правде****, очень обособленной и чужой. Я не могла понять, как же им не было стыдно оставаться в стороне, когда самые лучшие и талантливые дети земли горели тысячами, проклиная свой дар и умирая в страшнейших муках?.. У меня опустились руки — я не могла воевать одна. Он был прав — у меня не было достаточно сил.*

— Как же можно принять такое, Север!.. Как же мы можем разрешать

«чёрному» захватить нашу прекрасную Землю?.. Разве твои Великие Учителя ***не видят*** *происходящего? Как же после всего верить во что-то светлое, Север?!.*

— Земля будет ещё очень долго и страшно страдать, Изидора... Пока не придёт к самому краю погибели. И всегда за неё будут гибнуть лишь ***самые лучшие****. А потом придёт время выбора... И только сами люди смогут решить, хватит ли у них сил, чтобы выстоять. Мы лишь укажем путь.*

— А ты уверен в том, что будет, кому указывать, Север? Возможно тем, кто останется, будет уже безразлично...

— О, нет, Изидора! Человек необычайно силён в своей выживаемости. Ты даже представить себе не можешь, ***как*** *он силён! И* ***настоящий*** *Человек никогда не сдаётся... Даже если он остаётся один. Так было всегда. И так всегда будет. На Земле очень сильна* ***сила Любви*** *и* ***сила Борьбы****, даже если люди* ***пока ещё этого не понимают****.*

И здесь всегда найдётся кто-то, кто поведёт остальных за собой. Главное лишь в том, чтобы этот Ведущий не оказался «чёрным»... С самого своего рождения человек ищет цель. И только от него зависит, найдёт он её сам или окажется тем, которому эта ***цель будет дана****. Люди должны* ***научиться думать****, Изидора. А пока, к сожалению, многих устраивает то, что за них думают другие. И пока это будет продолжаться, Земля всё так же будет терять своих лучших сынов и дочерей, которые будут платить за невежество всех «ведомых».*

Поэтому-то я и не буду тебе помогать, Изидора. И никто из нас не будет. Ещё не пришло время, чтобы на карту было поставлено всё. Если мы погибнем сейчас, борясь за ***горстку Просветлённых****, даже если им уже пришло время* ***ЗНАТЬ****, то после «знать» уже будет некому более...*

Вижу, не убедил тебя, — губы Севера тронула лёгкая улыбка. — Да ты и не была бы собой, если бы убедил... Но прошу тебя только об одном — уходи, Изидора! Это ***не твоё время****, и* ***не твой*** *это мир!*

Мне стало до дикости грустно... Я поняла, что и здесь проиграла. Теперь всё зависело только лишь от моей совести — соглашусь ли я уйти, или буду бороться, зная, что на победу нет никакой надежды...

— Что ж, Север, я останусь... Пусть я не столь мудра, как ты и твои Великие предки... но думаю, ***если бы они и вправду были бы такими «Великими» — вы бы помогли нам, а они простили бы вас.*** *Ну, а если нет, то,* ***возможно, не такие уж они и «великие»!..***

Горечь говорила моими устами, не позволяя мыслить трезво... Я не могла допустить мысли о том, что помощи ждать было не от кого... Что вот, прямо здесь были люди, которые в силах были помочь, всего лишь протянув руку. Но не захотели. Они ***«защищались» высокими целями****, отказываясь вмешиваться... Они были* ***МУДРЫЕ****... Ну, а я всего лишь слушала своё сердце. Я хотела сберечь любимых, хотела помочь остальным не терять дорогих им людей. Хотела уничтожить Зло... Возможно, в «мудром» понимании я была всего лишь «ребёнком». Возможно — не доросла. Но даже проживи я тысячу лет, я никогда*

бы не смогла наблюдать спокойно, как от чьей-то зверской руки гибнет невиновный, прекрасный человек!..

— Хочешь ли увидеть ***настоящую*** *Мэтэору, Изидора? Вероятнее всего, у тебя уже больше никогда не будет такой возможности, — грустно произнёс Север.*

— Могу ли я спросить, что означает слово — мэтэора?

— О, это было давно, когда назвали его... Теперь это уже не имеет значения. А когда-то оно звучало немного по-другому. Это значило — ***МЫ-ТЕ****-У-****РА****, что означало — близкие к свету и знаниям, хранящие их и живущие ими. Но потом слишком много «незнающих» стало искать нас. И имя изменилось. Многие* ***не слышали*** *его звучания, а многих это и не волновало вовсе. Они не понимали, что, даже ступая сюда, они уже соприкасались с* ***ВЕРОЙ****. Что она встречала их уже у самого порога, начиная с имени и* ***понимания*** *его...*

Знаю, это не твоя речь, и тебе, наверное, трудно её понять, Изидора. Хотя твоё имя тоже относится к таковым... Оно ***значимо.***

— Ты забыл, что для меня не важен язык, Север. Я ***чувствую*** *и* ***вижу*** *его — улыбнулась я.*

— Прости, ***ведающая****... Я запамятовал — кто ты. Желаешь ли узреть то, что дано только* ***знающим****, Изидора? У тебя не будет другой возможности, ты больше не вернёшься сюда.*

Я лишь кивнула, стараясь удержать готовые политься по щекам злые, горькие слёзы. Надежда быть с ними, получить их сильную дружескую поддержку умирала, даже не успев хорошенько проснуться. Я оставалась одна. Так и не узнав чего-то очень для меня важного... И почти беззащитная против сильного и страшного человека, с грозным именем — Караффа... Но решение было принято, и я не собиралась отступать. Иначе, чего же стоила наша Жизнь, если пришлось бы жить, ***предавая себя****? Неожиданно я совершенно успокоилась — всё наконец-то стало на свои места, надеяться больше было не на что. Я могла рассчитывать только на саму себя. И именно из этого стоило исходить. А какой уж будет конец — об этом я заставила себя больше не думать.*

Мы двинулись по высокому каменному коридору, который всё расширяясь, уходил вглубь. В пещере было так же светло и приятно, и лишь запах весенних трав становился намного сильнее, по мере того, как мы проходили дальше. Неожиданно прямо перед нами засияла светящаяся золотая «стена», на которой сверкала одна-единственная большая руна... Я тут же поняла — это была защита от «непосвящённых». Она была похожей на плотный мерцающий занавес, сотворённый из какой-то, невиданной мною, блистающей золотом материи, через который без посторонней помощи мне, вероятнее всего, не удалось бы пройти. Протянув руку, Север легко коснулся её ладонью, и золотая «стена» тут же исчезла, открывая проход в удивительное помещение....

У меня сразу же появилось яркое чувство чего-то «чужого», будто что-то говорило мне, что это был не совсем тот привычный мне мир, в котором я

всегда жила... Но через мгновение странная «чужеродность» куда-то исчезла, и опять всё стало привычно и хорошо. Прощупывающее ощущение чьего-то невидимого за нами наблюдения усилилось. Но оно, опять же, не было враждебным, а скорее похожим на тёплое прикосновение доброго старого друга, когда-то давно потерянного и теперь вдруг заново обретённого...

В дальнем углу помещения сверкал, переливаясь радужными брызгами, маленький природный фонтан. Вода в нём была столь прозрачной, что видна была лишь по радужным отблескам света, блестящим на дрожащих зеркальных каплях. Глядя на этот чудо-родник, неожиданно для себя я вдруг почувствовала жгучую жажду. И не успев спросить Севера, могу ли попить, тут же получила ответ:

— Конечно же, Изидора, попробуй! Это ***вода Жизни****, мы все пьём её, когда не хватает сил, когда ноша становится неподъёмной. Попробуй!*

Я нагнулась, чтобы зачерпнуть ладонями чудотворной воды, и почувствовала невероятное облегчение, даже ещё не успев коснуться её!.. Казалось, все мои беды, все горечи куда-то вдруг отступили, я чувствовала себя непривычно успокоенной и счастливой... Это было невероятно — я ведь не успела даже попробовать!.. Растерянно обернулась к Северу — он улыбался. Видимо, такие же ощущения испытывали все, кто прикасался к данному чуду впервые. Я зачерпнула воду ладонями — она сверкала маленькими бриллиантами, как утренняя роса на освещённой солнцем траве... Осторожно, стараясь не пролить драгоценные капли, я сделала малюсенький глоток — по всему телу разлилась неповторимая лёгкость!.. Будто взмахом волшебной палочки кто-то, сжалившись, сбросил мне целых пятнадцать лет! Я чувствовала себя лёгкой, точно птица, парящая высоко в небе... Голова стала чистой и ясной, будто я только что родилась на свет.

— Что это?!. — удивлённо прошептала я.

— Я же тебе сказал, — улыбнулся Север. — Живая Вода... Она помогает впитывать знания, снимает усталость, возвращает свет. Её пьют все, кто находится здесь. Она была здесь всегда, насколько я помню.

Он подтолкнул меня дальше. И тут я вдруг поняла, ***что*** *мне казалось таким странным... Комната* ***не кончалась****!.. С виду она казалась маленькой, но продолжала «удлиняться» по мере нашего по ней продвижения!.. Это было невероятно! Я опять взглянула на Севера, но он лишь кивнул, будто говоря: «Не удивляйся ничему, всё нормально». И я перестала удивляться...*

Прямо из стены помещения «вышел» человек... Вздрогнув от неожиданности, я тут же постаралась собраться, чтобы не показывать удивления, так как для всех остальных, здесь живущих, это видимо было совершенно привычно. Человек подошёл прямо к нам и низким звучным голосом произнёс:

— Здравой будь, Изидора! Я — Волхв Истень. Знаю, тяжко тебе... Но ты сама избрала путь. Пойдём со мной — я покажу тебе, что ты потеряла.

Мы двинулись дальше. Я следовала за дивным человеком, от которого исходила невероятная сила, и горестно думала, как же всё было бы легко и просто, если бы он захотел помочь! Но, к сожалению, он тоже не хотел...

Я шла, глубоко задумавшись, совершенно не заметив, как очутилась в удивительном пространстве, сплошь заполненном узкими полками, на которых покоилось невероятное количество необычных золотых пластин и очень старых «свёртков», похожих на старинные манускрипты, хранившиеся в доме моего отца, с разницей лишь в том, что, хранящиеся здесь, были сделаны на каком-то тончайшем незнакомом материале, которого ранее я никогда и нигде не видывала. Пластины и свитки были разными — маленькими и очень большими, короткими и длиннющими, в целый человеческий рост. И в этой странной комнате их было великое множество...

*— Это и есть **ЗНАНИЕ**, Изидора. Вернее, очень малая его часть. Можешь впитать, если желаешь. Оно не повредит, а может даже поможет тебе в твоём искании. Попробуй, милая...*

Истень ласково улыбался, и мне вдруг показалось, что я знала его всегда. От него исходило чудесное тепло и покой, которых мне так не хватало все эти жуткие дни, борясь с Караффой. Он видимо всё это прекрасно чувствовал, так как смотрел на меня с глубокой печалью, будто знал, какая злая судьба ждёт меня за стенами Мэтэоры. И он заранее оплакивал меня....

*Я подошла к одной из бесконечных полок, до верха «забитой» полукруглыми золотыми пластинами, чтобы **посмотреть**, как предложил Истень... Но не успела даже приблизить руку, как на меня буквально обрушился шквал ошеломляющих, дивных видений!!! Потрясающие картины, не похожие ни на что, когда-либо виденное, проносились в моём измученном мозге, с невероятной быстротой заменяя друг друга... Некоторые из них почему-то оставались, а некоторые исчезали, тут же принося за собой новые, которые я тоже почти не успевала рассмотреть. Что это было?!. Жизнь каких-то давно умерших людей? Наших Великих предков? Видения менялись, проносясь с сумасшедшей скоростью. Поток не кончался, унося меня в какие-то удивительные страны и миры, не давая очнуться. Вдруг одно из них вспыхнуло ярче остальных, и мне открылся потрясающий город... он был воздушным и прозрачным, будто созданным из Белого Света.*

— Что это??? — боясь спугнуть, тихо прошептала я. — Может ли такое быть настоящим?..

— Это Святой Град, милая. Город наших Богов. Его нет уже очень давно... — тихо проговорил Истень. — Это оттуда мы все когда-то пришли... Только на Земле его никто не помнит — потом вдруг спохватившись, добавил: — Осторожно, милая, тебе будет тяжело. Не надо больше смотреть.

*Но я желала большего!.. Какая-то палящая жажда сжигала мозг, умоляя не останавливаться! Незнакомый мир манил и завораживал своей первозданностью!.. Хотелось уйти в него с головой и, погружаясь всё глубже, черпать его без конца, не упуская ни одного мгновения, не теряя ни одной драгоценной минуты... которых, как я понимала, у меня оставалось здесь очень и очень мало... Каждая новая пластина раскрывалась передо мной тысячами потрясающих образов, которые были удивительно яркими и теперь уже почему-то **понятными**, будто я вдруг нашла к ним давно утерянный кем-то магический ключ.*

Время летело, но я его не замечала... Мне хотелось ещё и ещё. И было очень страшно, что прямо сейчас кто-то обязательно остановит, и пора будет покидать этот чудесный кладезь чьей-то невероятной памяти, которой уже никогда более мне не удастся постичь. Было очень грустно и больно, но пути назад у меня, к сожалению, не было. Я выбрала свою жизнь сама и не собиралась от неё отрекаться. Даже если это было невероятно тяжело...

— Ну вот и всё, милая. Я не могу тебе больше показывать. Ты — «отступница», которая ***не захотела*** *узнать... И тебе закрыт путь сюда. Но мне искренне жаль, Изидора... У тебя великий Дар! Ты могла бы легко всё это ВЕДАТЬ... Если бы захотела. Не всем давалось так просто... Твоя природа жаждет этого. Но ты выбрала другой путь, потому должна сейчас уйти. Мои мысли будут с тобой, дитя Света. Иди с ВЕРОЙ, пусть она поможет тебе. Прощай, Изидора...*

Комната исчезла... Мы очутились в каком-то другом каменном зале, также наполненном множеством свитков, но выглядели они уже другими, возможно, не столь древними, как предыдущие. Мне стало вдруг очень печально... До боли в душе, хотелось постичь эти чужие «тайны», увидеть скрытое в них богатство, но я уходила... чтобы уже никогда сюда не вернуться.

— Подумай, Изидора! — как бы почувствовав моё сомнение, тихо сказал Север. — Ты ещё не ушла, останься.

Я лишь отрицательно качнула головой... Вдруг моё внимание привлекло, уже знакомое, но всё так же непонятное явление — по мере того, как мы продвигались, комната ***и здесь*** *удлинялась, когда мы проходили дальше. Но если в предыдущем зале я не видела ни души, то здесь, как только оглядывалась по сторонам, я* ***видела*** *множество людей — молодых и старых, мужчин и женщин. Здесь были даже дети!.. Они все очень внимательно что-то изучали, полностью уйдя в себя, и отрешённо постигая какие-то «мудрые истины»... Не обращая никакого внимания на вошедших.*

— Кто все эти люди, Север? Они живут здесь? — шёпотом спросила я.

— Это Ведьмы и Ведуны, Изидора. Когда-то одним из них был твой отец... Мы обучаем их.

Сердце болело... Мне хотелось завыть волчьим голосом, жалея себя и свою короткую потерянную жизнь!.. Бросив всё, сесть вместе с ними, с этими счастливыми Ведунами и Ведьмами, чтобы познать умом и сердцем всю глубину чудесного, так щедро открытого им великого ЗНАНИЯ!

Жгучие слёзы готовы были хлынуть рекой, но я из последних сил пыталась их как-то удерживать. Делать это было никак нельзя, так как слёзы были очередной «запрещённой роскошью», на которую у меня не было никакого права, если я мнила себя настоящим Воином. Воины не рыдали. Они боролись и побеждали, а если гибли — то уж точно не со слезами на глазах...

Видимо, я просто очень устала. От одиночества и боли... От постоянного страха за родных... От бесконечной борьбы, в которой не имела ни малейшей надежды выйти победительницей. Мне был очень нужен глоток свежего воздуха, и этим воздухом для меня была моя дочь, Анна. Но почему-то её нигде не

было видно, хотя я знала, что Анна находится здесь, вместе с ними на этой чудесной и странной, «закрытой» земле.

Север стоял рядом со мной на краю ущелья, и в его серых глазах таилась глубокая печаль. Мне захотелось спросить у него — увижу ли я его когда-либо? Но не хватало сил. Я не хотела прощаться. Не хотела уходить. Жизнь здесь была такой мудрой и спокойной, и всё казалось так просто и хорошо!.. Но там, в ***моём*** *жестоком и несовершенном мире умирали хорошие люди, и пора было возвращаться, чтобы попытаться хоть кого-то спасти... Это по-настоящему был* ***мой мир****, каким бы страшным он не являлся. И мой оставшийся там отец, возможно, жестоко страдал, не в силах вырваться из лап Караффы, которого я железно решила, чего бы мне это не стоило, уничтожить, даже если за это придётся отдать свою короткую и такую дорогую для меня, жизнь...*

— Могу ли я увидеть Анну? — с надеждой в душе спросила я Севера.

— Прости меня, Изидора, Анна проходит «очищение» от мирской суеты... Перед тем, как она войдёт в тот же зал, где только что находилась ты. Она не сможет к тебе сейчас придти...

— Но почему же мне не понадобилось ничего «очищать»? — удивилась я. — Анна ведь ещё ребёнок, у неё нет слишком много мирской «грязи», не так ли?

— Ей предстоит слишком много в себя впитать, постичь целую бесконечность... А ты уже никогда туда не вернёшься. Тебе нет необходимости ничего «старого» забывать, Изидора... Мне очень жаль.

— Значит, я никогда больше не увижу мою дочь?.. — шёпотом спросила я.

— Увидишь. Я помогу тебе. А теперь хочешь ли ты проститься с Волхвами, Изидора? Это твоя единственная возможность, не пропусти её.

Ну, конечно же, я ***хотела*** *увидеть их, Владык всего этого Мудрого Мира! О них так много рассказывал мне отец, и так долго мечтала я сама! Только я не могла представить тогда, насколько наша встреча будет для меня печальной...*

Север поднял ладони и скала, замерцав, исчезла. Мы очутились в очень высоком, круглом зале, который одновременно казался то лесом, то лугом, то сказочным замком, а то и просто «ничем»... Как ни старалась, я не могла увидеть его стен, ни того, что происходило вокруг. Воздух мерцал и переливался тысячами блестящих «капель», похожих на человеческие слёзы... Пересилив волнение, я вдохнула... «Дождливый» воздух был удивительно свежим, чистым и лёгким! От него, разливаясь животворящей силой, по всему телу бежали тончайшие ***живые*** *нити «золотого» тепла. Ощущение было чудесным!..*

— Проходи, Изидора, Отцы ожидают тебя, — прошептал Север.

Я шагнула дальше — трепещущий воздух «раздвинулся»... Прямо передо мной стояли Волхвы...

— Я пришла проститься, вещие. Мир вам... — не ведая как должна приветствовать их, тихо сказала я.

Никогда в своей жизни не ощущала я такой полной, всеобъемлющей, Великой СИЛЫ!.. Они не двигались, но казалось, что весь этот зал колышется тёплыми волнами какой-то невиданной для меня мощи... Это была ***настоящая ЖИЗНЬ!!!*** *Я не знала, какими бы словами ещё можно было это назвать. Меня*

потрясло!.. Захотелось объять это собой!.. Вобрать в себя... Или просто упасть на колени!.. Чувства переполняли меня ошеломляющей лавиной, по щекам текли горячие слёзы...

— Здравой будь, Изидора. — тепло прозвучал голос одного из них. — Мы ***ЖАЛЕЕМ*** *тебя. Ты дочь Волхва, ты разделишь его путь... Сила не покинет тебя. Иди с ВЕРОЙ, р**а**дная...*

*Душа моя стремилась к ним криком умирающей птицы!.. Рвалось к ним, разбиваясь о злую судьбу, моё раненное сердце... Но я знала, что слишком поздно — они пр**а**щали меня... и* ***жалели****. Никогда раньше я не «слышала»,* ***как глубоко*** *значение этих чудесных слов. И теперь радость от их дивного* ***нового звучания*** *нахлынула, заполняя меня, не давая вздохнуть от переполнявших мою раненную душу чувств... В этих словах жила и тихая светлая грусть, и острая боль потери, красота жизни, которую я* ***должна была*** *прожить, и огромная волна Любви, приходящая откуда-то издалека и, сливаясь с Земной, затапливая мою душу и тело...*

Жизнь проносилась вихрем, зацепляя каждый «краешек» моего естества, не оставляя клетки, которой не коснулось бы тепло любви. Я побоялась, что не смогу уйти... И вероятно из-за той же боязни, сразу же очнулась от чудесного «прощания», видя рядом с собой потрясающих по внутренней силе и красоте людей. Вокруг меня стояли высокие старцы и молодые мужчины, одетые в ослепительно белые одежды, похожие на длинные туники. У некоторых из них они были подпоясаны красным, а у двоих это был узорчатый широкий «пояс», вышитый золотом и серебром.

Ой, смотри! — неожиданно прервала чудесный миг моя нетерпеливая подружка Стелла. — Они ведь очень похожие на твоих «звёздных друзей», как ты мне их показывала!.. Смотри, неужели это они, как ты думаешь?! Ну, скажи же!!!

Честно говоря, ещё тогда, когда мы увидели Священный Город, он показался мне очень знакомым. И меня также посетили схожие мысли, как только я увидела Волхвов. Но я их тут же отогнала, не желая питать напрасных «радужных надежд»... Это было слишком важно и слишком серьёзно, и я лишь махнула Стелле рукой, как бы говоря, что поговорим попозже, когда останемся вдвоём. Я понимала, что Стелла расстроится, так как ей, как всегда, хотелось **немедленно** получить ответ на свой вопрос. Но в данный момент, по-моему, это было далеко не столь важно, как рассказываемая Изидорой чудесная история, и я мысленно попросила Стеллу подождать.

Я виновато улыбнулась Изидоре, и она, ответив своей чудесной улыбкой, продолжала...

Мой взгляд приковал мощный высокий старец, имевший что-то неуловимо схожее с моим любимым, страдавшим в подвалах Караффы, отцом. Я почему-то сразу поняла — это и был Владыко... Великий Белый Волхв. Его удивительные, пронизывающие, властные серые глаза смотрели на меня с глубокой печалью и теплом, будто он говорил мне последнее «Прощай!»...

*— Подойди, Чадо Света, мы п**ра**стим тебя...*

От него пошёл вдруг дивный, радостный белый Свет, который, окутывая

всё вокруг мягким сиянием, заключил меня в ласковые объятия, проникая в самые потаённые уголки моей истерзанной болью Души... Свет пронизывал каждую клеточку, оставляя в ней лишь добро и покой, «вымывая» собою боль и печаль, и всю накопившуюся годами горечь. Я парила в волшебном сиянии, забыв всё «земное жестокое», всё «злое и ложное», ощущая лишь дивное касание Вечного Бытия... Чувство потрясало!!! И я мысленно умоляла — только бы оно не кончалось... Но по капризному желанию судьбы, всё прекрасное всегда заканчивается быстрее, чем нам этого хотелось бы...

*— Мы одарили тебя ВЕРОЙ, она поможет тебе, Дитя... Внемли ей... И п****ра****щай, Изидора...*

Я не успела даже ответить, а Волхвы «вспыхнули» дивным Светом и... оставив запах цветущих лугов, исчезли. Мы с Севером остались одни... Я печально огляделась вокруг — пещера осталась такой же загадочной и искристой, только не было в ней уже того чистого, тёплого света, проникавшего в самую душу...

— Это и был Отец Иисуса, не так ли? — осторожно спросила я.

*— Так же, как **дед и прадед его сына и внуков**, смерть которых тоже лежит виной на его душе...*

— ?!.

— Да, Изидора, Он тот, кто несёт горькую ношу боли... И ты никогда не сможешь себе представить, насколько она велика... — грустно ответил Север.

*— Быть может, она не была бы сегодня столь горькой, если бы Он **пожалел** в своё время гибнувших от чужого невежества и жестокости хороших людей?.. Если бы Он **отозвался** на зов своего чудесного и светлого Сына, вместо того, чтобы отдать его на истязание злых палачей? Если бы он и сейчас не продолжал бы лишь «наблюдать» со своей высоты, как «святые» пособники Караффы сжигают на площадях Ведунов и Ведьм?.. Чем же он лучше Караффы, если он не препятствует такому Злу, Север?! Ведь если он **в силах помочь, но не хочет**, весь этот земной ужас будет вечно лежать именно на нём! И не важна ни причина, ни объяснение, когда на карту поставлена прекрасная человеческая жизнь!.. Я никогда не смогу понять этого, Север. И я не «уйду», пока здесь будут уничтожаться хорошие люди, пока будет разрушаться мой земной Дом. Даже если я никогда не увижу свой **настоящий**... Это моя судьба. И потому — прощай...*

— Прощай, Изидора. Мир Душе твоей... Прости.

Я опять была в «своей» комнате, в своём опасном и безжалостном бытии... А всё только что происшедшее казалось просто чудесным сном, который уже никогда больше в этой жизни не будет мне сниться... Или красивой сказкой, в которой наверняка ждал кого-то «счастливый конец». Но не меня... Мне было жаль свою неудавшуюся жизнь, но я была очень горда за мою храбрую девочку, которой удастся постичь всё это великое Чудо... если Караффа не уничтожит её ещё до того, как она сможет сама защищаться.

Дверь с шумом открылась — на пороге стоял взбешённый Караффа.

— Ну и где же Вы «гуляли», мадонна Изидора? — наигранно милым голосом

спросил мой мучитель.

— Хотела навестить свою дочь, ваше святейшество. Но не смогла...

Мне было совершенно безразлично, что он думал, и сделала ли его моя «вылазка» злым. Душа моя витала далеко, в удивительном Белом Городе, который показывал мне Истень, а всё окружающее казалось далёким и убогим. Но Караффа надолго уходить в мечты, к сожалению, не давал... Тут же почувствовав моё изменившееся настроение, «святейшество» запаниковал.

— Впустили ли Вас в Мэтэору, мадонна Изидора? — как можно спокойнее спросил Караффа.

Я знала, что в душе он просто «горел», желая быстрее получить ответ, и решила его помучить, пока он мне не сообщит, где сейчас находится мой отец.

— Разве это имеет значение, Ваше святейшество? Ведь у Вас находится мой отец, у которого Вы можете спросить всё, на что естественно, не отвечу я. Или Вы ещё не успели его достаточно допросить?

— Я не советую Вам разговаривать со мной подобным тоном, Изидора. От того, как Вы намерены себя вести, будет во многом зависеть его судьба. Поэтому, постарайтесь быть повежливее.

— А как бы ***Вы*** *себя вели, если бы вместо моего, здесь оказался* ***Ваш*** *отец, святейшество?..— стараясь поменять, ставшую опасной тему, спросила я.*

— ***Если бы мой отец был ЕРЕТИКОМ, я сжёг бы его на костре!*** *— совершенно спокойно ответил Караффа.*

Что за душа была у этого «святого» человека?!. И была ли она у него вообще?.. Что же тогда было говорить про ***чужих****, если о своём* ***родном отце*** *он мог ответить такое?..*

— Да, я была в Мэтэоре, Ваше святейшество, и очень жалею, что никогда уже более туда не попаду... — искренне ответила я.

— Неужто Вас тоже оттуда выгнали, Изидора? — удивлённо засмеялся Караффа.

— Нет, святейшество, меня пригласили остаться. Я ушла сама...

— Такого не может быть! Не существует такого человека, который не захотел бы остаться там, Изидора!

— Ну почему же? А мой отец, святейшество?

— Я не верю, что ему было дозволено. Я думаю, он ***должен*** *был уйти. Просто его время, вероятно, закончилось. Или недостаточно сильным оказался Дар.*

Мне казалось, что он пытается, во что бы то ни стало, убедить себя в том, во что ему очень хотелось верить.

— Не все люди любят только себя, знаете ли... — грустно сказала я. — Есть что-то более важное, чем власть или сила. Есть ещё на свете Любовь...

Караффа отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, будто я только что произнесла какую-то полную чушь...

— Любовь ***не управляет****, миром, Изидора, ну, а я* ***желаю им управлять!***

— ***Человек может всё...*** *пока не начинает пробовать, Ваше святейшество — не удержавшись, «укусила» я. И вспомнив что-то, о чём обязательно хотела*

узнать, спросила:

— Скажите, Ваше святейшество, известна ли Вам правда об Иисусе и Магдалине?

— Вы имеете в виду то, что они жили в Мэтэоре? — я кивнула. — Ну, конечно же! Это было первое, о чём я у них спросил!

— Как же такое возможно?!. — ошеломлённно спросила я. — А о том, что они ***не иудеи****, Вы тоже знали? — Караффа опять кивнул. — Но Вы ведь не говорите нигде об этом?.. Никто ведь об этом не знает! А как же ИСТИНА, Ваше святейшество?!..*

— Не смешите меня, Изидора!.. — искренне рассмеялся Караффа. — Вы настоящий ребёнок! Кому нужна Ваша «истина»?.. Толпе, которая её никогда не искала?!. Нет, моя дорогая, ***Истина нужна лишь горстке мыслящих, а толпа должна просто «верить»****, ну, а во что — это уже не имеет большого значения. Главное, чтобы люди* ***подчинялись.*** *А что им при этом преподносится — это уже является второстепенным.* ***ИСТИНА — опасна****, Изидора. Там, где открывается Истина — появляются сомнения, ну, а там где возникают сомнения — начинается война... Я веду* ***СВОЮ*** *войну, Изидора, и пока она доставляет мне истинное удовольствие!* ***Мир всегда держался на лжи****, видите ли... Главное, чтобы эта ложь была достаточно* ***интересной****, чтобы смогла* ***за собой вести*** *«недалёкие» умы... И поверьте мне, Изидора, если при этом Вы начнёте доказывать толпе* ***настоящую Истину****, опровергающую их «веру» неизвестно во что, Вас же и разорвёт на части эта же самая толпа...*

— Неужели же столь умного человека, как Ваше святейшество, может устраивать такое ***самопредательство****?.. Вы ведь сжигаете* ***невинных****, прикрываясь именем этого же оболганного, и такого же* ***невинного*** *Бога? Как же Вы можете так бессовестно лгать, Ваше святейшество?!..*

— О, не волнуйтесь, милая Изидора!.. — улыбнулся Караффа. — Моя совесть совершенно спокойна! ***Не я возвёл этого Бога, не я и буду его свергать.*** *Но зато я буду тем, кто очистит Землю от ереси и блудодейства! И поверьте мне, Изидора, в день, когда я «уйду» — на этой греховной Земле* ***некого*** *будет больше сжигать!*

Мне стало плохо... Сердце выскакивало наружу, не в состоянии слушать подобный бред! Поэтому, поскорее собравшись, я попыталась уйти от понравившейся ему темы.

— Ну, а как же то, что Вы являетесь главою святейшей христианской церкви? Разве не кажется Вам, что ваша ***обязанность*** *была бы открыть людям правду об Иисусе Христе?..*

— ***Именно потому****, что я являюсь его «наместником на Земле», я и буду дальше молчать, Изидора! Именно потому...*

Я смотрела на него, широко распахнув глаза и не могла поверить, что по-настоящему всё это слышу... Опять же — Караффа был чрезвычайно опасен в своём безумии, и вряд ли где-то существовало лекарство, которое было в силах ему помочь.

— Хватит пустых разговоров! — вдруг, довольно потирая руки, воскликнул

«святой отец». — Пройдёмте со мной, моя дорогая, я думаю, на этот раз мне всё же удастся Вас ошеломить!..

Если бы он только знал, как хорошо это ему постоянно удавалось!.. Моё сердце заныло, предчувствуя недоброе. Но выбора не было — приходилось идти...

38. Изидора-4. Потеря

Довольно улыбаясь, Караффа буквально «тащил» меня за руку по длинному коридору, пока мы наконец-то не остановились у тяжёлой, украшенной узорчатой позолотой, двери. Он повернул ручку и... О, боги!!!.. Я оказалась в своей любимой венецианской комнате, в нашем родном фамильном палаццо...

Потрясённо озираясь вокруг, не в состоянии придти в себя от так неожиданно обрушившегося «сюрприза», я успокаивала своё выскакивающее сердце, будучи не в состоянии вздохнуть!.. Всё вокруг кружилось тысячами воспоминаний, безжалостно окуная меня в давно прожитые, и уже частично забытые, чудесные годы, тогда ещё не загубленные злостью жестокого человека... воссоздавшего для чего-то ***здесь (!)*** *сегодня мой родной, но давно утерянный, счастливый мир... В этой, чудом «воскресшей», комнате присутствовала каждая дорогая мне моя личная вещь, каждая любимая мною мелочь!.. Не в состоянии отвести глаз от всей этой милой и такой привычной для меня обстановки, я боялась пошевелиться, чтобы нечаянно не спугнуть дивное видение...*

— Нравится ли вам мой сюрприз, мадонна? — довольный произведённым эффектом, спросил Караффа.

Самое невероятное было то, что этот странный человек совершенно искренне ***не понимал****, какую глубокую душевную боль он причинил мне своим «сюрпризом»!.. Видя* ***ЗДЕСЬ*** *(!!!) то, что когда-то было настоящим «очагом» моего семейного счастья и покоя, мне хотелось лишь одного — кинуться на этого жуткого «святого» Папу и душить его в смертельном объятии, пока из него не улетит навсегда его ужасающая чёрная душа... Но вместо того, чтобы осуществить так сильно мною желаемое, я лишь попыталась собраться, чтобы Караффа не услышал, как дрожит мой голос, и как можно спокойнее произнесла:*

— Простите, Ваше святейшество, могу ли я на какое-то время остаться здесь одна?

— Ну, конечно же, Изидора! Это теперь ***Ваши покои****! Надеюсь, они Вам нравятся.*

Неужели же он и в правду не понимал, что творил?!.. Или наоборот — ***прекрасно знал****?.. И это всего лишь «веселилось» его неугомонное зверство, которое всё ещё не находило покоя, выдумывая для меня какие-то новые пытки?!.. Вдруг меня полоснула жгучая мысль — а что же, в таком случае, стало со всем остальным?.. Что стало с нашим чудесным домом, который мы все так сильно любили? Что стало со слугами и челядью, со всеми людьми, которые*

там жили?!.

— Могу ли я спросить Ваше святейшество, что стало с нашим родовым дворцом в Венеции? — севшим от волнения голосом прошептала я. — Что стало с теми, кто там жил?.. Вы ведь не выбросили людей на улицу, я надеюсь? У них ведь нет другого дома, святейшество!..

Караффа недовольно поморщился.

— Помилуйте, Изидора! ***О них ли*** *Вам стоит сейчас заботиться?.. Ваш дом, как Вы, конечно же, понимаете, теперь стал собственностью нашей святейшей церкви. И всё, что с ним было связано — более уже не является* ***Вашей*** *заботой!*

— Мой дом, как и всё то, что находится внутри него, Ваше святейшество, после смерти моего горячо любимого мужа, Джироламо, принадлежит моей дочери Анне, пока она жива! — возмущённо воскликнула я. — Или «святая» церковь уже не считает её жильцом на этом свете?!

Внутри у меня всё кипело, хотя я прекрасно понимала, что, злясь, я только усложняла своё и так уже безнадёжное, положение. Но бесцеремонность и наглость Караффы, я уверена, не могла бы оставить спокойным ни одного нормального человека! Даже тогда, когда речь шла всего лишь о поруганных, дорогих его сердцу воспоминаниях...

— Пока Анна будет жива, она будет находиться здесь, мадонна, и служить нашей любимой святейшей церкви! Ну, а если она, к своему несчастью, передумает — ей, так или иначе, уже не понадобится Ваш чудесный дом! — в бешенстве прошипел Караффа. — Не переусердствуйте в своём рвении найти справедливость, Изидора! Оно может лишь навредить Вам. Моё долготерпение тоже имеет границы... И я искренне не советую Вам их переступать!..

Резко повернувшись, он исчез за дверью, даже не попрощавшись и не известив, как долго я могу оставаться одна в своём, так нежданно воскресшем, прошлом... Время остановилось... безжалостно швырнув меня, с помощью больной фантазии Караффы, в мои счастливые, безоблачные дни, совсем не волнуясь о том, что от такой неожиданной «реальности» у меня просто могло остановиться сердце... Я грустно опустилась на стул у знакомого зеркала, в котором так часто когда-то отражались любимые лица моих родных... И у которого теперь, окружённая дорогими призраками, я сидела совсем одна... Воспоминания душили силой своей красоты и глубоко казнили горькой печалью нашего ушедшего счастья...

Когда-то (теперь казалось — очень давно!) у этого же огромного зеркала я каждое утро причёсывала чудесные, шёлковистые волосы моей маленькой Анны, шутливо давая ей первые детские уроки «ведьминой» школы... В этом же зеркале отражались горящие любовью глаза Джироламо, ласково обнимавшего меня за плечи... Это зеркало отражало в себе тысячи бережно хранимых, дивных мгновений, всколыхнувших теперь до самой глубины мою израненную, измученную душу.

Здесь же рядом, на маленьком ночном столике, стояла чудесная малахитовая шкатулка, в которой покоились мои великолепные украшения, так щедро

когда-то подаренные мне моим добрым мужем, и вызывавшие дикую зависть богатых и капризных венецианок в те далёкие, прошедшие дни... Только вот сегодня эта шкатулка пустовала... Чьи-то грязные, жадные руки успели «убрать» подальше все, хранившееся там «блестящие безделушки», оценив в них ***только лишь денежную стоимость*** *каждой отдельной вещи... Для меня же это была моя память, это были дни моего чистого счастья: вечер моей свадьбы... рождение Анны... какие-то мои, уже давно забытые победы или события нашей совместной жизни, каждое из которых отмечалось новым произведением искусства, право на которое имела лишь я одна... Это были не просто «камни», которые стоили дорого, это была забота моего Джироламо, его желание вызвать мою улыбку, и его восхищение моей красотой, которой он так искренне и глубоко гордился, и так честно и горячо любил... И вот теперь этих чистых воспоминаний касались чьи-то похотливые, жадные пальцы, на которых, съёжившись, горько плакала наша поруганная любовь...*

В этой странной «воскресшей» комнате повсюду лежали мои любимые книги, а у окна грустно ждал в одиночестве старый добрый рояль... На шёлковом покрывале широкой кровати весело улыбалась первая кукла Анны, которой было теперь почти столько же лет, как и её несчастной, гонимой хозяйке... Только вот кукла, в отличие от Анны, не знала печали, и её не в силах был ранить злой человек...

Я рычала от невыносимой боли, как умирающий зверь, готовый к своему последнему смертельному прыжку... Воспоминания выжигали душу, оставаясь такими дивно реальными и живыми, что казалось, вот прямо сейчас откроется дверь и улыбающийся Джироламо начнёт прямо «с порога» с увлечением рассказывать последние новости ушедшего дня... Или вихрем ворвётся весёлая Анна, высыпая мне на колени охапку роз, пропитанных запахом дивного, тёплого итальянского лета... Это был ***НАШ*** *счастливый мир, который* ***не мог, не должен*** *был находиться в стенах замка Караффы!.. Ему не могло быть места в этом логове лжи, насилия и смерти...*

Но, сколько бы я в душе не возмущалась, надо было как-то брать себя в руки, чтобы успокоить выскакивающее сердце, не поддаваясь тоске о прошлом. Ибо воспоминания, пусть даже самые прекрасные, могли легко оборвать мою, и так уже достаточно хрупкую жизнь, не позволяя покончить с Караффой... Потому, стараясь как-то «оградить» себя от дорогой, но в то же время глубоко ранящей душу памяти, я отвернулась, и вышла в коридор... Поблизости никого не оказалось. Видимо Караффа был настолько уверен в своей победе, что даже не охранял входную в мои «покои» дверь. Или же наоборот — он слишком хорошо понимал, что охранять меня не имело смысла, так как я могла «уйти» от него в любой, желаемый мною момент, несмотря ни на какие предпринимаемые им усилия и запреты... Так или иначе — никакого чужого присутствия, никакой охраны за дверью «моих» покоев не наблюдалось.

Тоска душила меня, и хотелось бежать без оглядки, только бы подальше от того чудесного призрачного мира, где каждое всплывшее воспоминание забирало капельку души, оставляя её пустой, холодной и одинокой...

Понемногу приходя в себя от так неожиданно свалившегося «сюрприза», я наконец-то осознала, что впервые иду ***одна*** *по чудесно расписанному коридору, почти не замечая невероятной роскоши и богатства караффского дворца. До этого, имея возможность спускаться только лишь в подвал, или сопровождать Караффу в какие-то, его одного интересующие встречи, теперь я удивлённо разглядывала, изумительные стены и потолки, сплошь покрытые росписями и позолотой, которым, казалось, не было конца. Это не был ни Ватикан, ни официальная Папская резиденция. Это был просто* ***личный дворец Караффы****, но он ничуть не уступал по красоте и роскоши самому Ватикану.*

Когда-то, помнится, когда Караффа ещё не был «святейшим» Папой и являл собою лишь ярого борца с «распространявшейся ересью», его дом был более похож на огромную крепость аскета, по-настоящему отдававшего жизнь за своё «правое дело», каким бы абсурдным или ужасным для остальных оно не являлось. Теперь же это был богатейший, «вкушающий» (с удовольствием гурмана!) свою безграничную силу и власть, человек... слишком быстро сменивший образ жизни истинного «монаха», на лёгкое золото Ватикана. Он всё так же свято верил в правоту Инквизиции и человеческих костров, только теперь уже к ним примешивалась жажда наслаждения жизнью и дикое желание бессмертия, ... которого никакое золото на свете (к всеобщему счастью!) не могло ему купить.

Караффа страдал... Его временно длившаяся, яркая «молодость», подаренная когда-то странным «гостем» Мэтэоры, стала вдруг очень быстро уходить, заставляя его тело стареть намного быстрее, чем это было бы, не попробуй он в своё время обманчивый «подарок»...

Ещё так недавно подтянутый, стройный и моложавый, кардинал стал превращаться вдруг в ссутулившегося, поникшего старого человека... Целая «куча» его личных врачей паниковала!.. Они честно ломали свои умные головы, пытаясь понять, какая же такая «страшная» болезнь пожирает их ненаглядное «святейшество»?.. Но ответа на это не было. И Караффа всё так же «ускоренно» на глазах старел... Это бесило его, заставляя делать глупейшие поступки, надеясь остановить убегавшее время, которое с каждым новым днём прозрачными крупинками безжалостно утекало сквозь его стареющие, но всё ещё очень красивые, тонкие пальцы...

Этот человек имел всё... Его сила и власть распространялись на все христианские королевства. Ему подчинялись владыки и короли. Ему целовали руку принцессы... И при всём при том, его единственная земная жизнь приближалась к закату. И мысль о том, что он беспомощен что-либо изменить, приводила его в отчаяние!

Караффа был на редкость сильным и волевым человеком. Но его воля не могла вернуть ему молодые годы... Он был прекрасно образованным и умным. Но его ум не позволял ему продлить, так дико желанную, но уже потихонечку уходящую от него, драгоценную жизнь... И при всём при том, желая и не получая желаемого, Караффа прекрасно понимал — я ***знала, КАК*** *можно было дать ему то, за что он готов был платить самую дорогую на свете цену...*

*Знала, **КАК** можно было продлить его ускользающую жизнь. И «святого» Папу до сумасшествия бесило то, что он также прекрасно знал — **он никогда от меня не добьётся желаемого.** Дикая жажда жить пересиливала любые его человеческие чувства, если таковые когда-либо у него и зарождались... Теперь же это был лишь «заболевший» одной-единственной идеей человек, устранявший любые препятствия, попадавшиеся на пути к его великой, но едва ли осуществимой цели... Караффа стал одержимым, который был готов на всё ради исполнения своего самого большого желания — жить **очень** долго, чего бы это ему ни стоило...*

И я боялась... Каждый день ожидая, что его неугомонная злость обрушится вместо меня на моего бедного отца, или ещё хуже — на малышку Анну. Отец всё ещё находился в подвалах Караффы, который держал его там, не выпуская, но и не пытая, будто чего-то ждал. И это было страшнее, чем самая страшная реальность, так как больная фантазия «святого» Папы (по моему печальному опыту!) не имела границ, и было совершенно невозможно предугадать, что нас ожидало дальше...

Анна же пока что была в относительной безопасности, среди покоя и тишины, окружённая знанием, и охраняемая чистыми добрыми людьми... И могла находиться там до тех пор, пока её не востребует к себе непредсказуемый Святейший Папа. Глубоко уйдя в свои невесёлые думы, я остановилась у открытого настежь окна...

Погода была на редкость приятной — мягкой, солнечной и тёплой. Пахло просыпающейся землёй и жасмином. Начиналась настоящая весна... Во внутреннем дворе замка, оживляя серость его хмурых высоких стен, пушистым ковром стлалась сочная молодая трава, на которой то тут, то там открывали голубые глаза робкие незабудки... По крышам носились «пьяные» от весеннего воздуха воробьи. Мир просыпался, широко раскрывая счастью свои тёплые, ласковые объятия... И только здесь, в заточении у страшного, жестокого человека, неизменно витала смерть... Мне не хотелось верить, что в такой светлый, радостный день в ужасающих Папских подвалах мучились и умирали люди! Жизнь была слишком ценной и прекрасной, чтобы по мановению чей-то «святой» руки можно было так просто её отнимать.

— Что Вы здесь делаете, мадонна Изидора? Или Вам не по душе ваши покои? — прервал мои грустные размышления неслышно появившийся Караффа. — Я ведь просил Вас не покидать Ваших комнат. Думаю, они достаточно просторны для одного человека?

Папа был недоволен. Он прекрасно понимал, что мне ничего не стоило сейчас же взять и «уйти», если бы только я этого захотела. И моё «условное» заточение бесило его, не позволяя иметь над моей душой полный контроль.

— Так что же Вы ищете, Изидора? — уже более мягким тоном произнёс Караффа.

— Ничего, Ваше святейшество. Просто здесь легче дышится. Воспоминания, знаете ли, не всегда оказываются приятными... Даже самые дорогие...

— Не согласитесь ли со мною отужинать, мадонна? В последнее время мне

очень не хватает приятного общества... — неожиданно поменяв тему, светским голосом произнёс Папа.

Я совершенно опешила, не находясь, что ответить!.. Конечно же, каждый лишний момент, проведённый с Караффой, мог принести мне тот долгожданный счастливый случай, который помог бы избавить мир от его ужасающего присутствия. Поэтому, не долго думая, я согласилась.

— Простите мой туалет, Ваше святейшество, но у меня с собой нет слишком большого выбора, — так же светски ответила я.

Караффа лишь улыбнулся.

*— Вы прекрасно знаете, Изидора, что **для Вас** это не имеет значения! Даже в платье пастушки Вы затмите любую разодетую королеву!*

Он протянул мне руку, на которую, опираясь, я проследовала с ним рядом по потрясающей красоты залам и коридорам, пока мы не оказались в, опять же, почти что золотой, сплошь расписанной чудесными фресками комнате, в которой стоял накрытый, ломящийся от тяжёлой золотой посуды, длиннющий стол...

— О, я не предполагала, что Вы ждёте гостей, Ваше святейшество! — удивлённо воскликнула я. — Мой наряд по-настоящему не подходящ для званого ужина. Это может вызвать ненужные толки. Не лучше ли будет мне удалиться?

— Бросьте Ваши формальности, Изидора! Я никого не жду. Это мой обычный, еженощный(!) стол, моя дорогая. Я люблю всегда и во всём иметь достаточный выбор, видите ли!

— Сколько же здесь всего блюд?.. — удивлённо разглядывая увиденное, не удержавшись, спросила я.

— Никогда не бывает менее двадцати пяти! — довольно ответил Папа.

О, Боги! Самому большому гурману на свете не понадобилось бы такое количество!.. Этот человек даже в еде не знал никаких границ!

— Располагайтесь, мадонна! Надеюсь, хотя бы одно из этих блюд удовлетворит Ваш утончённый вкус?..

Я чувствовала себя настолько жутко, что вдруг, неожиданно для себя, захотела расхохотаться... Разве могла я когда-то себе представить, что в один прекрасный день смогу сидеть за одним столом с человеком, которого больше всего на свете желала уничтожить?!. И почувствовав странную неловкость, постаралась тут же заговорить...

— Что побудило Вас пригласить меня сегодня, Ваше святейшество? — осторожно спросила я.

— Ваша приятная компания, — рассмеялся Караффа, и чуть подумав, добавил: — Я хотел побеседовать с Вами о некоторых, важных для меня вопросах, мадонна, и предпочёл делать это в более приятной для Вас обстановке.

Вошёл слуга, и низко поклонившись Караффе, начал пробовать первые блюда. Как же я в тот момент пожалела, что у меня не было с собою знаменитого Флорентийского травяного яда!.. Он был безболезненным и безвкусным, и определению не поддавался... Срабатывал этот яд только лишь через неделю.

Им убивали принцев и королей... И он уж точно успокоил бы навсегда сумасшедшего Папу!!!

Я ни за что и никогда не поверила бы, что смогу так легко размышлять об убийстве... Душа медленно каменела, оставляя внутри только лишь место для правосудия. Я жила, чтобы его уничтожить. И не имело значения, ***как*** *это сделать. В данном случае любые средства были хороши. Главное было Караффу убить. Чтобы не страдали больше невинные люди, чтобы не ходил по земле этот кровожадный, злой человек. И поэтому я сидела сейчас с ним рядом, с улыбкой принимая угощения, и светски беседуя на самые разные темы... в то же время напряжённо выискивая хоть какую-нибудь слабинку, которая дала бы мне возможность наконец-то избавиться от его «святого» присутствия...*

Ужин подходил к середине, а мы всё ещё светски «обсуждали» какие-то редкие книги, музыку и искусство, будто и не было у него на уме какой-то очень серьёзной цели, по причине которой он пригласил меня в свои покои в такой неподходящий, поздний час.

Казалось, Караффа искренне наслаждался общением, вроде-бы начисто позабыв о своём «особо-важном» разговоре. И надо отдать ему должное — собеседником он был, бесспорно, интереснейшим... если забыть о том, кем он являлся на самом деле... Чтобы заглушить в своей душе нарастающую тревогу, я как можно больше шутила. Караффа весело смеялся моим шуткам, в ответ рассказывая другие. Он был предупредительным и приятным. Но, несмотря на всю его светскую галантность, я чувствовала, что ему тоже надоело притворяться... И хотя выдержка Караффы была по-настоящему безупречной, по лихорадочному блеску его чёрных глаз я понимала — всё наконец-то подходило к развязке... Воздух вокруг нас буквально «трещал» от нарастающего ожидания. Беседа постепенно измельчала, переходя на обмен простыми светскими репликами. И наконец-то Караффа начал...

— Я нашёл книги Вашего деда, мадонна. Но там не оказалось интересующих меня знаний. Стоит ли снова задавать Вам тот же вопрос, Изидора? Вы ведь знаете, что меня интересует, не правда ли?

Именно это я и ожидала...

— Я не могу дать Вам бессмертие, Ваше святейшество, как не могу и научить этому Вас. У меня нет этого права... Я не вольна в своих желаниях...

Конечно же, то была чистейшая ложь. Но разве я могла поступать иначе?!. Караффа прекрасно всё это знал. И, конечно же, снова собирался меня ломать... Больше всего на свете ему нужен был древний секрет, который оставила мне, умирая, моя мать. И он ни за что не собирался отступать. Снова пришёл чей-то черёд жестоко платить за моё молчание...

— Подумай, Изидора! Я не хочу причинять тебе зла! — переходя на «ты», вкрадчивым голосом прошептал Караффа. — Почему ты не желаешь помочь мне?! Я ведь не прошу тебя предавать свою мать, или Мэтэору, я прошу тебя научить лишь тому, что знаешь об этом ты сама! Мы могли бы вместе править миром! Я сделал бы тебя королевой королев!.. Подумай, Изидора...

Я понимала, что прямо сейчас произойдёт что-то очень плохое, но лгать у

меня просто-напросто не оставалось больше сил...

*— Я **не помогу** Вам просто потому, что, живя дольше, чем Вам суждено, Вы истребите лучшую половину человечества... Именно тех, которые являются самыми умными и самыми одарёнными. Вы приносите слишком большое зло, святейшество... И не имеете права жить долго. Простите меня... — и, чуть помолчав, очень тихо добавила. — Да ведь и **жизнь наша не всегда измеряется лишь количеством прожитых лет,** Ваше святейшество, и Вы прекрасно знаете это...*

— Ну что ж, мадонна, на всё Ваша воля... Когда Вы закончите, Вас отведут в Ваши покои.

И к моему величайшему удивлению, не сказав больше ни слова, он, как ни в чём не бывало, спокойно поднялся и ушёл, бросив, свой неоконченный, поистине королевский, ужин... Опять же — выдержка этого человека поражала, заставляя невольно уважать его, в то же время, ненавидя за всё им содеянное...

В полном молчании прошёл день, приближалась ночь. Мои нервы были взвинчены до предела — я ждала беды. Всем своим существом чувствуя её приближение, я старалась из последних сил оставаться спокойной, но от дикого перевозбуждения дрожали руки, и леденящая душу паника охватывала всё моё естество. Что готовилось там, за тяжёлой железной дверью? Какое новое зверство на этот раз изобрёл Караффа?.. Долго ждать, к сожалению, не пришлось — за мной пришли ровно в полночь. Маленький, сухонький, пожилой священник повёл меня в уже знакомый, жуткий подвал...

А там... высоко подвешенный на железных цепях, с шипастым кольцом на шее, висел мой любимый отец... Караффа сидел в своём неизменном, огромном деревянном кресле и хмуро взирал на происходящее. Обернувшись ко мне, он взглянул на меня пустым, отсутствующим взором, и совершенно спокойно произнёс:

— Ну что ж, выбирайте, Изидора — или Вы дадите мне то, что я у Вас прошу, или Ваш отец утром пойдёт на костёр... Мучить его не имеет смысла. Поэтому — решайте. Всё зависит только от Вас.

Земля ушла у меня из-под ног!.. Пришлось прилагать все оставшиеся силы, чтобы не упасть прямо перед Караффой. Всё оказалось предельно просто — он решил, что мой отец не будет больше жить... И обжалованию это не подлежало... Некому было заступиться, не у кого было просить защиты. Некому было нам помочь... Слово этого человека являлось законом, противостоять которому не решался никто. Ну, а те, кто могли бы, они просто не захотели...

Никогда в жизни я не чувствовала себя столь беспомощной и никчемной!.. Я не могла спасти отца. Иначе предала бы то, для чего мы жили... И он никогда бы мне этого не простил. Оставалось самое страшное — просто наблюдать, ничего не предпринимая, как «святое» чудовище, называемое Римским Папой, холоднокровно отправляет моего доброго отца прямо на костёр...

Отец молчал... Смотря прямо в его добрые, тёплые глаза, я просила у него прощения... За то, что пока не сумела выполнить обещанное... За то, что он страдал... За то, что не смогла его уберечь... И за то, что сама всё ещё оста-

валась живой...

— Я уничтожу его, отец! Обещаю тебе! Иначе, мы все умрём напрасно. Я уничтожу его, чего бы мне это не стоило. Я верю в это. Даже если больше никто в это не верит... — мысленно клялась ему своей жизнью, что уничтожу чудовище.

Отец был несказанно грустным, но всё ещё стойким и гордым, и только в его ласковых серых глазах гнездилась глубокая, невысказанная тоска... Повязанный тяжёлыми цепями, он не в силах был даже обнять меня на прощание. Но просить об этом у Караффы не было смысла — он наверняка не позволил бы. Ему незнакомы были чувства родства и любви... Ни даже чистейшего человеколюбия. Он их просто не признавал.

— Уходи, доченька! Уходи, родная... Ты не убьёшь эту нелюдь. Только погибнешь напрасно. Уходи, сердце моё... Я буду ждать тебя там, в другой жизни. Север о тебе позаботится. Уходи доченька!..

— Я так люблю тебя, отец!.. Так сильно люблю тебя!..

Слёзы душили меня, но сердце молчало. Надо было держаться — и я держалась. Казалось, весь мир превратился в жернова боли. Но она почему-то не касалась меня, будто я уже и так была мертва...

— Прости, отец, но я останусь. Я буду пробовать, пока жива. И даже мёртвой я его не оставлю, пока не заберу с собой... Ты уж прости меня.

Караффа встал. Он не мог слышать нашего разговора, но прекрасно понимал, что между мною и отцом что-то происходит. Эта связь не подчинялась его контролю, и Папу бесило, что он невольно оставался в стороне...

*— На рассвете Ваш отец взойдёт на костёр, Изидора. Это **Вы** убиваете его. Так что — решайте!*

Моё сердце стукнуло и остановилось... Мир рушился... и я не могла ничего с этим поделать, ни что-либо изменить. Но надо было отвечать — и я отвечала...

— Мне нечего Вам сказать, святейшество, кроме того, что Вы самый страшный преступник, когда-либо живший на этой Земле.

Папа минуту смотрел на меня, не скрывая своего удивления, а потом кивнул, ждавшему там, старому священнику и удалился, не говоря больше ни слова. Как только он исчез за дверью, я кинулась к старому человеку, и судорожно схватив его за сухие, старческие руки, взмолилась:

— Пожалуйста, прошу Вас, святой отец, разрешите мне обнять его на прощание!.. Я не смогу этого сделать уже никогда более... Вы же слышали, что сказал Папа — завтра на рассвете мой отец умрёт... Сжальтесь, прошу Вас!.. Никто об этом никогда не узнает, клянусь Вам! Умоляю, помогите мне! Господь не забудет Вас!..

Старый священник внимательно посмотрел мне в глаза и, ничего не сказав, потянул за рычаг... Цепи со скрежетом опустились, достаточно лишь для того, чтобы мы могли сказать последнее «прощай»...

Я подошла вплотную и, зарывшись лицом в широкую грудь отца, дала волю наконец-то хлынувшим наружу горьким слезам... Даже сейчас, весь в крови,

скованный по рукам и ногам ржавым железом, отец излучал чудесное тепло и покой, и рядом с ним я чувствовала себя всё так же уютно и защищённо!.. Он был моим счастливым утерянным миром, который на рассвете должен был уйти от меня навсегда... Мысли проносились одна другой печальнее, принося яркие, дорогие образы нашей «прошедшей» жизни, которая с каждой минутой ускользала всё дальше и дальше, и я не могла её ни спасти, ни остановить...

— Крепись, родная моя. Ты должна быть сильной. Ты должна защитить от него Анну. И должна защитить себя. Я ухожу ***за вас****. Возможно, это даст тебе какое-то время... чтобы уничтожить Караффу, — тихо шептал отец.*

Я судорожно цеплялась за него руками, никак не желая отпускать. И снова, как когда-то очень давно, чувствовала себя маленькой девочкой, искавшей утешения на его широкой груди...

— Простите меня, мадонна, но я должен Вас отвести в Ваши покои, иначе меня могут казнить за непослушание. Вы уж простите меня... — хриплым голосом произнёс старый священник.

Я ещё раз крепко обняла отца, последний раз впитывая его чудесное тепло... И не оборачиваясь, ничего не видя вокруг от застилавших глаза слёз, выскочила из пыточной комнаты. Стены подвала «шатались», и мне приходилось останавливаться, хватаясь за каменные выступы, чтобы не упасть. Ослепшая от невыносимой боли, я потерянно брела, не понимая, где нахожусь, и не соображая, куда иду...

Стелла тихо плакала большими горючими слезами, совершенно их не стесняясь. Я посмотрела на Анну — она ласково обнимала Изидору, уйдя очень далеко от нас, видимо снова проживая с ней эти последние, страшные, земные дни... Мне стало вдруг очень одиноко и холодно, будто всё вокруг затянуло хмурая, чёрная, тяжёлая туча... Душа болезненно ныла и была совершенно опустошённой, как иссохший источник, который когда-то был заполнен чистой живой водой... Я обернулась на Старца — он светился!.. От него щедро струилась, обволакивая Изидору, сверкающая, тёплая, золотая волна... А в его печальных серых глазах стояли слёзы. Изидора же, уйдя очень далеко и не обращая ни на кого из нас внимания, тихо продолжала свою потрясающе-грустную историю...

Очутившись в «своей» комнате, я как подкошенная упала на кровать. Слёз больше не было. Была только лишь жуткая, голая пустота и слепящее душу отчаяние... Я не могла, не хотела верить происходящему!.. И хотя ждала этого изо дня в день, теперь же никак не могла ни осознать, ни принять эту страшную, бесчеловечную реальность. Я не желала, чтобы наступало утро... Оно должно было принести только ужас, и у меня уже не оставалось былой «твёрдой уверенности» в том, что смогу всё это перенести не сломавшись, не предав отца и саму себя... Чувство вины за его оборванную жизнь навалилось горой... Боль, наконец, оглушила, разрывая в клочья моё истерзанное сердце...

К своему огромнейшему удивлению (и дикому огорчению!!!) я вскочила от шума за дверью и поняла, что... спала! Как же могло, случится такое?!. Как я вообще могла уснуть??? Но видимо, наше несовершенное человеческое тело, в

какие-то самые тяжкие жизненные моменты, не подчиняясь нашим желаниям, защищалось само, чтобы выжить. Вот так и я, не в силах переносить более страдания, просто «ушла» в покой, чтобы спасти свою умирающую душу. А теперь уже было поздно — за мной пришли, чтобы проводить меня на казнь моего отца...

Утро было светлое и ясное. По чистому голубому небу высоко плыли кудрявые белые облака, солнце вставало победно, радостно и ярко. День обещал быть чудесным и солнечным, как сама наступающая весна! И среди всей этой свежей, пробуждавшейся жизни, только моя измученная душа корчилась и стонала, погрузившись в глубокую, холодную, беспросветную тьму... Посередине залитой солнцем небольшой площади, куда меня привёз крытый экипаж, высился заранее сложенный, «готовый к употреблению», огромный костёр... Внутренне содрогаясь, я смотрела на него, не в состоянии отвести глаза. Мужество покидало меня, заставляя бояться. Я не желала видеть происходящее. Оно обещало быть ужасным...

Площадь постепенно заполнялась хмурыми, заспанными людьми. Их, только проснувшихся, заставляли смотреть чужую смерть, и это не доставляло им слишком большого удовольствия... Рим давно перестал наслаждаться кострами инквизиции. Если в начале кого-то ещё интересовали чужие муки, то теперь, несколько лет спустя, люди боялись, что завтра на костре мог оказаться любой из них. И коренные римляне, пытаясь избежать неприятностей, покидали свой родной город... Покидали Рим. С начала правления Караффы в городе оставалось всего лишь около половины жителей. В нём, по возможности, не желал оставаться ни один более или менее нормальный человек. И это легко было понять — Караффа не считался ни с кем. Будь то простой человек или принц королевской крови (а иногда даже и кардинал его святейшей церкви!..) — Папу не останавливало ничто. Люди для него не имели ни ценности, ни значения. Они были всего лишь ***угодны*** *или* ***не угодны*** *его «святому» взору, ну, а остальное уже решалось предельно просто — «не угодный» человек шёл на костёр, а его богатство пополняло казну его любимой, святейшей церкви...*

Вдруг я почувствовала мягкое прикосновение — это был отец!.. Стоя, уже привязанным, у кошмарного столба, он ласково прощался со мной...

— Я ухожу, доченька... Будь сильной. Это всего лишь переход — я не почувствую боли. Он просто хочет сломать тебя, не позволяй ему, радость моя!.. Мы скоро встретимся, ты ведь знаешь. Там больше не будет боли. Там будет только свет...

Как бы мне не было больно, я смотрела на него, не опуская глаз. Он снова помогал мне выстоять. Как когда-то давно, когда я была совсем ещё малышкой и мысленно искала его поддержку... Мне хотелось кричать, но душа молчала. Будто в ней не было больше чувств, будто она была мертва.

Палач привычно подошёл к костру, поднося смертоносное пламя. Он делал это так же легко и просто, как если бы зажигал в тот момент у себя в доме уютный очаг... Сердце дико рванулось и застыло... зная, что именно сейчас отец будет уходить... Не выдержав более, я мысленно закричала ему:

— Отец, подумай!.. Ещё не поздно! Ты ведь можешь уйти «дуновением»! Он никогда не сможет найти тебя!.. Прошу тебя, отец!!!..

Но он лишь грустно покачал головой...

— Если я уйду — он возьмётся за Анну. А она не сможет «уйти». Прощай, доченька... Прощай родная... Помни — я буду всегда с тобой. Мне пора. Прощай, радость моя....

Вокруг отца засверкал яркий сияющий «столб», светившийся чистым, голубоватым светом. Этот чудесный свет объял его физическое тело, как бы прощаясь с ним. Появилась яркая, полупрозрачная, золотистая сущность, которая светло и ласково улыбалась мне... Я поняла — это и был конец. Отец уходил от меня навсегда... Его сущность начала медленно подниматься вверх... И сверкающий канал, вспыхнув голубоватыми искорками, закрылся. Всё было кончено... Моего чудесного, доброго отца, моего лучшего друга, с нами больше не было...

Его «пустое» физическое тело поникло, безвольно повиснув на верёвках... Достойная и Честная Земная Жизнь оборвалась, подчиняясь бессмысленному приказу сумасшедшего человека...

Почувствовав чьё-то знакомое присутствие, я тут же обернулась — рядом стоял Север.

— Мужайся, Изидора. Я пришёл помочь тебе. Знаю, тебе очень тяжко, я обещал твоему отцу, что помогу тебе...

— Поможешь — в чём? — горько спросила я. — Ты поможешь мне уничтожить Караффу?

Север отрицательно мотнул головой.

— А другая помощь мне не нужна. Уходи Север.

И отвернувшись от него, я стала смотреть, как горело то, что всего ещё минуту назад было моим ласковым, мудрым отцом... Я знала, что он ушёл, что он не чувствовал этой бесчеловечной боли... Что сейчас он был от нас далеко, уносясь в неизвестный, чудесный мир, где всё было спокойно и хорошо. Но для меня это всё ещё горело ***его тело****. Это горели* ***те же родные руки****, обнимавшие меня ребёнком, успокаивая и защищая от любых печалей и бед... Это горели* ***его глаза****, в которые я так любила смотреть, ища одобрения... Это всё ещё был для меня мой родной, добрый отец, которого я так хорошо знала, и так сильно и горячо любила... И именно* ***его тело*** *теперь с жадностью пожирало голодное, злое, бушующее пламя...*

Люди начали расходиться. На этот раз казнь для них была непонятной, так как никто не объявил, кем был казнимый человек, и за что он умирал. Никто не потрудился сказать ни слова. Да и сам приговорённый вёл себя довольно странно — обычно люди кричали дикими криками, пока от боли не останавливалось сердце. Этот же молчал даже тогда, когда пламя пожирало его... Ну, а любая толпа, как известно, не любит непонятное. Поэтому многие предпочитали уйти «от греха подальше», но Папские гвардейцы возвращали их, заставляя досматривать казнь до конца. Начиналось недовольное роптание... Люди Караффы подхватили меня под руки и насильно впихнули в другой экипаж,

в котором сидел сам «светлейший» Папа... Он был очень злым и раздражённым.

— Я так и знал, что он «уйдёт»! Поехали! Здесь нечего больше делать.

— Помилуйте! Я имею право хотя бы уж видеть это до конца! — возмутилась я.

— Не прикидывайтесь, Изидора! — зло отмахнулся Папа, — Вы прекрасно знаете, что его там нет! А здесь просто догорает кусок мёртвого мяса!.. Поехали!

И тяжёлая карета тронулась с площади, даже не разрешив мне досмотреть, как в одиночестве догорало земное тело безвинно казнённого, чудесного человека... моего отца... Для Караффы он был всего лишь «куском мёртвого мяса», как только что выразился сам «святейший отец»... У меня же от такого сравнения зашевелились волосы. Должен же был, даже для Караффы, существовать какой-то предел! Но, видимо, никакого предела и ни в чём, у этого изверга не было...

Страшный день подходил к концу. Я сидела у распахнутого окна, ничего не чувствуя и не слыша. Мир стал для меня застывшим и безрадостным. Казалось — он существовал отдельно, не пробиваясь в мой уставший мозг и никак не касаясь меня... На подоконнике, играясь, всё также верещали неугомонные «римские» воробьи. Внизу звучали человеческие голоса и обычный дневной шум бурлящего города. Но всё это доходило до меня через какую-то очень плотную «стену», которая почти что не пропускала звуков... Мой привычный внутренний мир опустел и оглох. Он стал совершенно чужим и тёмным... Милого, ласкового отца больше не существовало. Он ушёл следом за Джироламо...

Но у меня всё ещё оставалась Анна. И я знала, что должна жить, чтобы спасти хотя бы её от изощрённого убийцы, звавшего себя «наместником Бога», святейшим Папой... Трудно было даже представить, если Караффа был всего лишь его «наместником», то каким же зверем должен был оказаться этот его любимый Бог?!. Я попыталась выйти из своего «замороженного» состояния, но как оказалось — это было не так-то просто — тело совершенно не слушалось, не желая оживать, а уставшая Душа искала только покоя... Тогда, видя, что ничего путного не получается, я просто решила оставить себя в покое, отпустив всё на самотёк.

Ничего больше не думая, и ничего не решая, я просто «улетела» туда, куда стремилась моя израненная Душа, чтобы спастись... Чтобы хотя бы чуточку отдохнуть и забыться, уйдя далеко от злого «земного» мира туда, где царил только свет...

*Я знала, что Караффа не оставит меня надолго в покое, несмотря на то, **что** мне только что пришлось пережить, даже наоборот — он будет считать, что боль ослабила и обезоружила меня, и возможно именно в этот момент попробует заставить меня сдаться, нанеся какой-то очередной ужасающий удар... Дни шли. Но, к моему величайшему удивлению, Караффа не появлялся... Это было огромным облегчением, но расслабляться, к сожалению, не позволяло. Ибо каждое мгновение я ожидала, какую новую подлость придумает для меня его тёмная, злая душа...*

Боль с каждым днём потихонечку притуплялась, в основном, благодаря пару недель назад происшедшему и совершенно меня ошеломившему неожиданному и радостному происшествию — у меня появилась возможность слышать своего погибшего отца!.. Я не смогла увидеть его, но очень чётко слышала и понимала каждое слово, будто отец находился рядом со мной. Сперва я этому не поверила, думая, что просто брежу от полного изможденья. Но зов повторился... Это и, правда, был отец. От радости я никак не могла придти в себя и всё боялась, что вдруг, прямо сейчас, он просто возьмёт и исчезнет!.. Но отец не исчезал. И понемножку успокоившись, я наконец-то смогла ему отвечать...

— Неужели это и правда — ты!? Где же ты сейчас?.. Почему я не могу увидеть тебя?

— Доченька моя... Ты не видишь, потому, что совершенно измучена, милая. Вот Анна видит, я был у неё. И ты увидишь, родная. Только тебе нужно время, чтобы успокоиться.

Чистое, знакомое тепло разливалось по всему телу, окутывая меня радостью и светом...

— Как ты, отец!?. Скажи мне, как она выглядит, эта другая жизнь?.. Какая она?

— Она чудесна, милая!.. Только пока ещё непривычна. И так не похожа на нашу бывшую, земную!.. Здесь люди живут в ***своих*** *мирах. И они так красивы, эти «миры»!.. Только у меня не получается ещё. Видимо, пока ещё рано мне... — голос на секунду умолк, как бы решая, говорить ли дальше.*

— Меня встретил твой Джироламо, доченька... Он такой же живой и любящий, каким был на Земле... Он очень сильно скучает по тебе и тоскует. И просил передать тебе, что так же сильно любит тебя и там... И ждёт тебя, когда бы ты ни пришла... И твоя мама — она тоже с нами. Мы все любим и ждём тебя, родная. Нам очень не хватает тебя... Береги себя, доченька. Не давай Караффе радости издеваться над тобою.

— Ты ещё придёшь ко мне, отец? Я ещё услышу тебя? — боясь, что он вдруг исчезнет, молила я.

— Успокойся, доченька. Теперь это ***мой*** *мир. И власть Караффы не простирается на него. Я никогда не оставлю ни тебя, ни Анну. Я буду приходить к вам, когда только позовёшь. Успокойся, родная.*

— Что ты чувствуешь, отец? Чувствуешь ли ты что-либо?.. — чуть стесняясь своего наивного вопроса, всё же спросила я.

— Я чувствую всё то же, что чувствовал на Земле, только намного ярче. Представь рисунок карандашом, который вдруг заполняется красками — все мои чувства, все мысли намного сильнее и красочнее. И ещё... Чувство свободы потрясающе!.. Вроде бы я такой же, каким был всегда, но в то же время совершенно другой... Не знаю, как бы точнее объяснить тебе, милая... Будто я могу сразу объять весь мир, или просто улететь далеко, далеко, к звёздам... Всё кажется возможным, будто я могу сделать всё, что только пожелаю! Это очень сложно рассказать, передать словами... Но поверь мне, доченька — это

чудесно! И ещё... Я теперь помню все свои жизни! Помню всё, что когда-то было со мною... Всё это потрясает. Не так уж и плоха, как оказалось, эта «другая» жизнь... Поэтому, не бойся, доченька, если тебе придётся придти сюда — мы все будем ждать тебя.

— Скажи мне отец... Неужели таких людей, как Караффа, тоже ждёт там прекрасная жизнь?.. Но ведь, в таком случае, это опять страшная несправедливость!.. Неужели опять всё будет, как на Земле?!.. Неужели он никогда не получит возмездие?!!

— О нет, моя радость, Караффе здесь не найдётся места. Я слышал, такие, как он, уходят в ужасный мир, только я пока ещё там не был. Говорят — это то, что они заслужили!.. Я хотел посмотреть, но ещё не успел пока. Не волнуйся, доченька, он получит своё, попав сюда.

— Можешь ли ты помочь мне оттуда, отец? — с затаённой надеждой спросила я.

— Не знаю, родная... Я пока ещё не понял этот мир. Я как дитя, делающее первые шаги... Мне предстоит сперва «научиться ходить», прежде чем я смогу ответить тебе... А теперь я уже должен идти. Прости, милая. Сперва я должен научиться жить среди наших двух миров. А потом я буду приходить к тебе чаще. Мужайся, Изидора, и ни за что не сдавайся Караффе. Он обязательно получит, что заслужил, ты уж поверь мне.

*Голос отца становился всё тише, пока совсем истончился и исчез... Моя душа успокоилась. Это и правда был ОН!.. И он снова **жил**, только теперь уже в своём, ещё не знакомом мне, посмертном мире... Но он всё также думал и чувствовал, как он сам только что говорил — даже намного ярче, чем когда он жил на Земле. Я могла больше не бояться, что никогда не узнаю о нём... Что он ушёл от меня навсегда.*

Но моя женская душа, несмотря ни на что, всё так же скорбела о нём... О том, что я не могла просто по-человечески его обнять, когда мне становилось одиноко... Что не могла спрятать свою тоску и страх на его широкой груди, желая покоя... Что его сильная, ласковая ладонь не могла больше погладить мою уставшую голову, этим как бы говоря, что всё уладится и всё обязательно будет хорошо... Мне безумно не хватало этих маленьких и вроде бы незначительных, но таких дорогих, чисто «человеческих» радостей, и душа голодала по ним, не в состоянии найти успокоения. Да, я была воином... Но ещё я была и женщиной. Его единственной дочерью, которая раньше всегда знала, что случись даже самое страшное — отец всегда будет рядом, всегда будет со мной... И я болезненно по всему этому тосковала...

Кое-как стряхнув нахлынувшую печаль, я заставила себя думать о Караффе. Подобные мысли тут же отрезвляли и заставляли внутренне собираться, так как я прекрасно понимала, что данный «покой» являлся всего лишь временной передышкой... Но к моему величайшему удивлению — Караффа всё также не появлялся...

Проходили дни — тревога росла. Я пыталась придумать какие-то объяснения его отсутствию, но ничего серьёзного, к сожалению, в голову не прихо-

дило... Я чувствовала, что он что-то готовит, но никак не могла угадать — что. Измученные нервы сдавали. И чтобы окончательно не сойти с ума от ожидания, я начала каждодневно гулять по дворцу. Выходить мне не запрещалось, но и не одобрялось, поэтому, не желая далее сидеть взаперти, я для себя решила, что буду гулять... несмотря на то, что возможно это кому-то и не понравится.

Дворец оказался огромным и необычайно богатым. Красота комнат поражала воображение, но лично я в такой бьющей в глаза роскоши никогда не смогла бы жить... Позолота стен и потолков давила, ущемляя мастерство изумительных фресок, задыхавшихся в сверкающем окружении золотых тонов. Я с наслаждением отдавала дань таланту художников, расписывавших это чудо-жилище, часами любуясь их творениями и искренне восхищаясь тончайшим мастерством. Пока что никто меня не беспокоил, никто ни разу не остановил. Хотя постоянно встречались какие-то люди, которые, встретив, с уважением кланялись и уходили дальше, спеша каждый по своим делам. Несмотря на такую ложную «свободу», всё это настораживало, и каждый новый день приносил всё большую и большую тревогу. Это «спокойствие» не могло продолжаться вечно. И я была почти уверена, что оно обязательно «разродится» какой-то жуткой и болезненной для меня бедой...

Чтобы как можно меньше думать о плохом, я каждый день заставляла себя всё глубже и внимательнее исследовать потрясающий Папский дворец. Меня интересовал предел моих возможностей... Должно ведь было где-то находиться «запрещённое» место, куда «чужым» входить не дозволялось?.. Но, как ни странно, пока что никакой «реакции» у охраны вызвать не удавалось... Мне беспрепятственно разрешалось гулять везде, где желалось, конечно же, не покидая пределов самого дворца.

Так, совершенно свободно разгуливая по жилищу святейшего Папы, я ломала голову, не представляя, что означал этот необъяснимый, длительный «перерыв». Я точно знала, Караффа очень часто находился у себя в покоях. Что означало только одно — в длительные путешествия он пока что не отправлялся. Но и меня он почему-то всё также не беспокоил, будто искренне позабыл, что я находилась в его плену, и что всё ещё была жива...

Во время моих «прогулок» мне встречалось множество разных-преразных приезжих, являвшихся на визит к святейшему Папе. Это были и кардиналы, и какие-то мне незнакомые, очень высокопоставленные лица (о чём я судила по их одежде и по тому, как гордо и независимо они держались с остальными). Но после того, как покидали покои Папы, все эти люди уже не выглядели такими уверенными и независимыми, какими были до посещения приёмной... Ведь для Караффы, как я уже говорила, не имело значения, кем был стоящий перед ним человек, единственно важным для Папы была ЕГО ВОЛЯ. А всё остальное не имело значения. Поэтому, мне очень часто приходилось видеть весьма «потрёпанных» визитёров, суетливо старавшихся как можно быстрее покинуть «кусачие» Папские покои...

В один из таких же, совершенно одинаковых «сумрачных» дней, я вдруг

решилась осуществить то, что уже давно не давало мне покоя — навестить наконец-то зловещий Папский подвал... Я знала, что это наверняка было «чревато последствиями», но ожидание опасности было во сто раз хуже, чем сама опасность. И я решилась...

Спустившись вниз по узким каменным ступенькам и открыв тяжёлую, печально-знакомую дверь, я попала в длинный, сырой коридор, в котором пахло плесенью и смертью... Освещения не было, но продвигаться дальше большого труда не доставляло, так как я всегда неплохо ориентировалась в темноте. Множество маленьких, очень тяжёлых дверей грустно чередовались одна за другой, полностью теряясь в глубине мрачного коридора... Я помнила эти серые стены, помнила ужас и боль, сопровождавшие меня каждый раз, когда приходилось оттуда возвращаться... Но я приказала себе быть сильной и не думать о прошлом. Приказала просто идти.

Наконец-то жуткий коридор закончился... Хорошенько всмотревшись в темноту, в самом его конце я сразу же узнала узкую железную дверь, за которой так зверски погиб когда-то мой ни в чём не повинный муж... бедный мой Джироламо. И за которой обычно слышались жуткие человеческие стоны и крики... Но в тот день привычных звуков почему-то не было слышно. Более того — за ***всеми*** *дверьми стояла странная мёртвая тишина... Я чуть было не подумала — наконец-то Караффа опомнился! Но тут же себя одёрнула — Папа был не из тех, кто успокаивался или вдруг становился добрее. Просто, в начале зверски измучив, чтобы узнать желаемое, позже он видимо начисто забывал о своих жертвах, оставляя их (как отработанный материал!) на «милость» мучивших их палачей...*

Осторожно приблизившись к одной из дверей, я тихонько нажала на ручку — дверь не поддавалась. Тогда я стала слепо её ощупывать, надеясь найти обычный засов. Рука наткнулась на огромный ключ. Повернув его, тяжёлая дверь со скрежетом поползла внутрь... Осторожно войдя в комнату пыток, я нащупала погасший факел. Огнива, к моему большому сожалению, не было.

— Посмотрите чуть левее... — раздался вдруг слабый, измученный голос.

Я вздрогнула от неожиданности — в комнате кто-то находился!.. Пошарив рукой по левой стене, наконец-то нащупала, что искала... При свете зажжённого факела, прямо передо мной сияли большие, широко распахнутые, васильковые глаза... Прислонившись к холодной каменной стене, сидел измученный, прикованный широкими железными цепями, человек... Не в состоянии хорошенько рассмотреть его лица, я поднесла огонь поближе и удивлённо отшатнулась — на грязной соломе, весь измазанный собственной кровью, сидел... кардинал! И по его сану я тут же поняла — он был одним из самых высокопоставленных, самых приближённых к Святейшему Папе. Что же побудило «святого отца» так жестоко поступить со своим возможным преемником?!. Неужели даже к «своим» Караффа относился с той же жестокостью?..

— Вам очень плохо, Ваше преосвященство? Чем я могу помочь вам?— растерянно озираясь вокруг, спросила я.

Я искала хотя бы глоток воды, чтобы напоить несчастного, но воды нигде

не было.

— Посмотрите в стене... Там дверца... Они держат там для себя вино... — как бы угадав мои мысли, тихо прошептал человек.

Я нашла указанный шкафчик — там и правда хранилась бутыль, пахнувшая плесенью и дешёвым, кисловатым вином. Человек не двигался, я осторожно подняла его за подбородок, пытаясь напоить. Незнакомец был ещё довольно молодым, лет сорока — сорока пяти. И очень необычным. Он напоминал грустного ангела, замученного зверьми, звавшими себя «человеками»... Лицо было очень худым и тонким, но очень правильным и приятным. А на этом странном лице, как две звезды, внутренней силой горели яркие васильковые глаза... Почему-то он показался мне знакомым, только я никак не могла вспомнить, где и когда могла его встречать.

Незнакомец тихо застонал.

— Кто вы, Монсеньёр? Чем я могу помочь вам? — ещё раз спросила я.

— Меня зовут Джованни... более знать вам ни к чему, мадонна... — хрипло произнёс человек. — А кто же вы? Как вы попали сюда?

— О, это очень длинная и грустная история... — улыбнулась я. — Меня зовут Изидора, и более знать вам также ни к чему, Монсеньёр...

— Известно ли вам, как можно отсюда уйти, Изидора? — улыбнулся в ответ кардинал. — Каким-то образом вы ведь здесь оказались?

— К сожалению, отсюда так просто не уходят — грустно ответила я — Мой муж не сумел, во всяком случае... А отец дошёл только лишь до костра.

Джованни очень грустно посмотрел на меня и кивнул, показывая этим, что всё понимает. Я попыталась напоить его найденным вином, но ничего не получалось — он не в состоянии был сделать даже малейшего глотка. «Посмотрев» его по-своему, я поняла, что у бедняги была сильно повреждена грудь.

— У вас перебита грудная клетка, Монсеньёр, я могу помочь вам... если, конечно, вы не побоитесь принять мою «ведьмину» помощь... — как можно ласковее улыбнувшись, сказала я.

При тусклом свете дымившего факела, он внимательно всматривался в моё лицо, пока его взгляд, наконец, не зажёгся пониманием.

— Я знаю, кто вы... Я вас помню! Вы — знаменитая Венецианская Ведьма, с которой его святейшество ни за что не желает расставаться — тихо произнёс Джованни — О вас рассказывают легенды, мадонна! Многие в окружении Папы желают, чтобы вы были мертвы, но он никого не слушает. Зачем вы ему так нужны, Изидора?

Было видно, что разговор даётся ему очень непросто. На каждом вздохе кардинал хрипел и кашлял, не в состоянии нормально вздохнуть.

— Вам очень тяжело. Пожалуйста, позвольте мне помочь вам! — упорно не сдавалась я, зная, что после уже никто больше ему не поможет.

— Это не важно... Думаю, вам лучше будет отсюда побыстрее уйти, мадонна, пока не пришли мои новые тюремщики, или ещё лучше — сам Папа. Не думаю, что ему очень понравилось бы вас здесь застать... — тихо прошептал кардинал, и добавил — А вы и, правда, необыкновенно красивы, мадонна...

Слишком... даже для Папы.

Не слушая его более, я положила руку ему на грудь, и, чувствуя, как в перебитую кость вливается живительное тепло, отрешилась от окружающего, полностью сосредоточившись только на сидевшем передо мной человеке. Через несколько минут, он осторожно, но глубоко вздохнул, и не почувствовав боли, удивлённо улыбнулся.

— Не звали бы вы себя Ведьмой — вас тут же окрестили бы святой, Изидора! Это чудесно! Правда, жаль, что вы поработали напрасно... За мной ведь скоро придут, и, думаю, ***после*** *мне понадобится лечение посерьёзнее... Вы ведь знакомы с его методами, не так ли?*

— Неужели вас будут мучить, как всех остальных, Монсеньёр?.. Вы ведь служите его излюбленной церкви!.. И ваша семья — я уверена, она очень влиятельна! Сможет ли она помочь вам?

— О, думаю убивать меня так просто не собираются... — горько улыбнулся кардинал. — Но ведь ещё до смерти в подвалах Караффы заставляют о ней молить... Не так ли? Уходите, мадонна! Я постараюсь выжить. И буду с благодарностью вспоминать вас...

Я грустно оглядела каменную «келью», вдруг с содроганием вспомнив висевшего на стене, мёртвого Джироламо... Как же долго весь этот ужас будет продолжаться?!.. Неужели я не найду пути уничтожить Караффу, и невинные жизни будут всё также обрываться одна за другой, безнаказанно уничтожаемые им?..

В коридоре послышались чьи-то шаги. Через мгновение дверь со скрипом открылась — на пороге стоял Караффа... Его глаза сверкали молниями. Видимо, кто-то из старательных слуг немедля доложил, что я пошла в подвалы и теперь «святейшество» явно собиралось, вместо меня, выместить свою злость на несчастном кардинале, беспомощно сидевшем рядом со мной...

— Поздравляю, мадонна! Это место явно пришлось Вам по душе, если даже в одиночестве Вы возвращаетесь сюда! — Что ж, разрешите доставить Вам удовольствие — мы сейчас покажем Вам милое представление! — и довольно улыбаясь, уселся в своё обычное большое кресло, собираясь наслаждаться предстоящим «зрелищем»...

У меня от ненависти закружилась голова... Почему?!.. Ну почему этот изверг считал, что ему принадлежит любая человеческая жизнь, с полным правом отнять её, когда ему заблагорассудится?..

— Ваше святейшество, неужели и среди верных служителей Вашей любимой церкви попадаются еретики?.. — чуть сдерживая возмущение, с издевкой спросила я.

— О, в данном случае это всего лишь серьёзное непослушание, Изидора. Ересью здесь и не пахнет. Я просто не люблю, когда мои приказы не выполняются. И каждое непослушание нуждается в маленьком уроке на будущее, не так ли, мой дорогой Мороне?.. Думаю, в этом Вы со мной согласны?

Мороне!!! Ну, конечно же! Вот почему этот человек показался мне знакомым! Я видела его всего лишь раз на личном приёме Папы. Но кардинал вос-

хитил меня тогда своим истинно природным величием и свободой своего острого ума. И помнится мне, что Караффа тогда казался очень к нему благожелательным и им довольным. Чем же сейчас кардинал сумел так сильно провиниться, что злопамятный Папа смел посадить его в этот жуткий каменный мешок?..

— Ну что ж, мой друг, желаете ли Вы признать свою ошибку и вернуться обратно к Императору, чтобы её исправить, или будете гнить здесь, пока не дождётесь моей смерти... которая, как мне стало известно, произойдёт ещё очень нескоро...

Я застыла... Что это означало?! Что изменилось?! Караффа собирался жить ***долго****??? И заявлял об этом очень уверенно! Что же такое могло с ним произойти за время его отсутствия?..*

— Не старайтесь, Караффа... Это уже неинтересно. Вы не имеете права меня мучить, и держать меня в этом подвале. И Вам прекрасно это известно, — очень спокойно ответил Мороне.

В нём всё ещё присутствовало его неизменное достоинство, которое когда-то меня так искренне восхитило. И тут же в моей памяти очень ярко всплыла наша первая и единственная встреча...

Это происходило поздно вечером на одном из странных «ночных» приёмов Караффы. Ожидавших уже почти не оставалось, как вдруг, худой, как жердь, слуга объявил, что на приём пришёл его преосвященство кардинал Мороне, который, к тому же, «очень спешит». Караффа явно обрадовался. А тем временем в зал величественной поступью входил человек... Уж если кто и заслуживал звания высшего иерарха церкви, то это был именно он! Высокий, стройный и подтянутый, великолепный в своём ярком муаровом одеянии, он шёл лёгкой, пружинистой походкой по богатейшим коврам, как по осенним листьям, гордо неся свою красивую голову, будто мир принадлежал только ему. Породистый от корней волос до самых кончиков своих аристократических пальцев, он вызывал к себе невольное уважение, даже ещё не зная его.

— Готовы ли Вы, Мороне? — весело воскликнул Караффа. — Я надеюсь, что Вы порадуете Нас своими стараниями! Что ж, счастливой дороги Вам, кардинал, поприветствуйте от Нас Императора! — и встал, явно собираясь удалиться.

Я не выносила манеру Караффы говорить о себе «мы», но это была привилегия Пап и королей, и оспаривать её, естественно, никто никогда не пытался. Мне сильно перечила такая преувеличенная подчёркнутость своей значимости и исключительности. Но тех, кто такую привилегию имел, это, конечно же, полностью устраивало, не вызывая у них никаких отрицательных чувств. Не обращая внимания на слова Караффы, кардинал с лёгкостью преклонил колено, целуя «перстень грешников», и, уже поднимаясь, очень пристально посмотрел на меня своими яркими васильковыми глазами. В них отразился неожиданный восторг и явное внимание... что Караффе, естественно, совершенно не понравилось.

— Вы пришли сюда видеть меня, а не разбивать сердца прекрасных дам! —

недовольно прокаркал Папа. — Счастливого пути, Мороне!

— Я должен переговорить с Вами, перед тем, как начну действовать, Ваше святейшество, — со всей возможной учтивостью, ничуть не смутившись, произнёс Мороне. — Ошибка с моей стороны может стоить нам очень дорого. Поэтому прошу выделить мне чуточку Вашего драгоценного времени, перед тем, как я покину Вас.

Меня удивил оттенок колючей иронии, прозвучавший в словах «вашего драгоценного времени»... Он был почти, что неуловимым, но всё же — он явно был! И я тут же решила получше присмотреться к необычному кардиналу, удивляясь его смелости. Ведь обычно ни один человек не решался шутить и уж, тем более — иронизировать с Караффой. Что в данном случае показывало, что Мороне его ни чуточки не боялся... А вот, ***что*** *являлось причиной такого уверенного поведения — я сразу же решила выяснить, так как не пропускала ни малейшего случая узнать кого-то, кто мог бы когда-нибудь оказать мне хоть какую-то помощь в уничтожении «святейшества»... Но в данном случае мне, к сожалению, не повезло... Взяв кардинала под руку и приказав мне дожидаться в зале, Караффа увёл Мороне в свои покои, не разрешив мне даже проститься с ним. А у меня почему-то осталось чувство странного сожаления, как будто я упустила какой-то важный, пусть даже и очень маленький шанс получить чужую поддержку...*

Обычно Папа не разрешал мне находиться в его приёмной, когда там были люди. Но иногда, по той или иной причине, он вдруг «повелевал» следовать за ним, и отказать ему в этом, навлекая на себя ещё большие неприятности, было с моей стороны просто неразумно, да и не было на то никакого серьёзного повода. Потому я всегда шла, зная, что, как обычно, Папа будет с каким-то непонятным интересом наблюдать мою реакцию на тех или иных приглашённых. Мне было совершенно безразлично, зачем ему было нужно подобное «развлечение». Но такие «встречи» позволяли мне чуточку развеяться, и уже ради этого стоило не возражать против его странноватых приглашений.

Так и не встретившись никогда более с заинтересовавшим меня кардиналом Мороне, я очень скоро о нём забыла. И вот теперь он сидел на полу прямо передо мной, весь окровавленный, но всё такой же гордый, и опять заставлял точно также восхищаться его умением сохранять своё достоинство, оставаясь самим собой в любых, даже самых неприятных жизненных обстоятельствах.

— Вы правы, Мороне, у меня нет серьёзного повода Вас мучить... — и тут же улыбнулся. — Но разве он Нам нужен?.. Да и притом, не все мучения оставляют видимые следы, не так ли?

Я не желала оставаться!.. Не хотела смотреть, как это чудовищное «святейшество» будет практиковать свои «таланты» на совершенно невиновном человеке. Но я также прекрасно знала, что Караффа меня не отпустит, пока не насладится одновременно и моим мучением. Поэтому, собравшись, насколько позволяли мне мои расшатанные нервы, я приготовилась смотреть...

Могучий палач легко поднял кардинала, привязывая к его ступням тяжёлый камень. Вначале я не могла понять, что означала такая пытка, но продолжение, к сожалению, не заставило себя ждать... Палач потянул рычаг, и тело кардинала начало подниматься... Послышался хруст — это выходили из мест его суставы и позвонки. Мои волосы встали дыбом! Но кардинал молчал.

— Кричите, Мороне! Доставьте мне удовольствие! Возможно, тогда я отпущу вас раньше. Ну, что же вы?.. Я вам приказываю. Кричите!!!

Папа бесился... Он ненавидел, когда люди не ломались. Ненавидел, если его не боялись... И поэтому для «непослушных» пытки продолжались намного упорнее и злей.

Мороне стал белым, как смерть. По его тонкому лицу катились крупные капли пота и, срываясь, капали на землю. Его выдержка поражала, но я понимала, что долго так продолжаться не сможет — каждое живое тело имело предел... Хотелось помочь ему, попробовать как-то обезболить. И тут мне неожиданно пришла в голову забавная мысль, которую я сразу же попыталась осуществить — камень, висевший на ногах кардинала, стал невесомым!.. Караффа, к счастью, этого не заметил. А Мороне удивлённо поднял глаза, и тут же их поспешно закрыл, чтобы не выдать. Но я успела увидеть — он понял. И продолжала «колдовать» дальше, чтобы как можно больше облегчить его боль.

— Уйдите, мадонна! — недовольно воскликнул Папа. — Вы мешаете мне наслаждаться зрелищем. Я давно хотел увидеть, таким ли уж гордым будет наш милый друг, после «работы» моего палача? Вы мешаете мне, Изидора!

Это означало — он, всё же, понял...

Караффа не был видящим, но многое он как-то улавливал своим невероятно острым чутьём. Так и сейчас, почуяв, что что-то происходит, и не желая терять над ситуацией контроль, он приказывал мне удалиться.

Но теперь я уже сама не желала уходить. Несчастному кардиналу требовалась моя помощь, и я искренне хотела ему помочь. Ибо знала, что оставь я его наедине с Караффой — никто не знал, увидит ли Мороне наступающий день. Но Караффу мои желания явно не волновали... Не дав мне даже возмутиться, второй палач буквально вынес меня за дверь и подтолкнув в сторону коридора, вернулся в комнату, где наедине с Караффой остался, пусть очень храбрый, но совершенно беспомощный, хороший человек...

Я стояла в коридоре, растерянно соображая, как могла бы ему помочь. Но выхода из его печального положения, к сожалению, не было. Во всяком случае, я не могла его так быстро найти... Хотя, если честно, у меня самой положение было, наверное, ещё печальней... Да, пока Караффа ещё не мучил меня. Но ведь физическая боль являлась не столь ужасной, как ужасны были мучения и смерть любимых людей... Я не знала, что происходило с Анной, и, боясь как-то вмешиваться, беспомощно выжидала... Из своего грустного опыта, я слишком хорошо понимала — обозли я каким-то необдуманным действием Папу, и результат получится только хуже — Анне наверняка придётся страдать.

Дни шли, а я не знала, была ли моя девочка всё ещё в Мэтэоре? Не появлялся ли за ней Караффа?.. И всё ли было с ней хорошо.

Моя жизнь была пустой и странной, если не сказать — безысходной. Я не могла покинуть Караффу, так как знала — стоит мне только исчезнуть, и он тут же выместит свою злость на моей бедной Анне... Также, я всё ещё не в силах была его уничтожить, ибо не находила пути к защите, которую подарил ему когда-то «чужой» человек. Время безжалостно утекало, и я всё сильнее чувствовала свою беспомощность, которая в паре с бездействием, начинала медленно сводить меня с ума...

Прошёл почти уже месяц после моего первого визита в подвалы. Рядом не было никого, с кем я могла бы обмолвиться хотя бы словом. Одиночество угнетало всё глубже, поселяя в сердце пустоту, остро приправленную отчаяньем...

Я очень надеялась, что Мороне всё-таки выжил, несмотря на «таланты» Папы. Но возвращаться в подвалы побаивалась, так как не была уверена, находился ли там всё ещё несчастный кардинал. Мой повторный визит мог навлечь на него настоящую злобу Караффы, и платить за это Мороне пришлось бы по-настоящему дорого.

Оставаясь отгороженной от любого общения, я проводила дни в полнейшей «тишине одиночества». Пока, наконец, не выдержав более, снова спустилась в подвал...

Комната, в которой я месяц назад нашла Мороне, на этот раз пустовала. Оставалось только надеяться, что отважный кардинал всё ещё жил. И я искренне желала ему удачи, которой узникам Караффы, к сожалению, явно не доставало.

И так как я всё равно уже находилась в подвале, то, чуть подумав, решила посмотреть его дальше, и осторожно открыла следующую дверь....

А там, на каком-то жутком пыточном «инструменте» лежала совершенно голая, окровавленная молодая девушка, тело которой представляло собою настоящую смесь живого палёного мяса, порезов и крови, покрывавших её всю с головы до ног... Ни палача, ни, тем более — Караффы, на моё счастье, в комнате пыток не было.

Я тихонько подошла к несчастной и осторожно погладила её по опухшей, нежной щеке. Девушка застонала. Тогда, бережно взяв её хрупкие пальцы в свою ладонь, я медленно начала её «лечить»... Вскоре на меня удивлённо глядели чистые, серые глаза...

— Тихо, милая... Лежи тихо. Я попробую тебе помочь, насколько это возможно. Но я не знаю, достаточно ли у меня будет времени... Тебя очень сильно мучили, и я не уверена, смогу ли всё это быстро «залатать». Расслабься, моя хорошая, и попробуй вспомнить что-то доброе... если сможешь.

Девушка (она оказалась совсем ещё ребёнком) застонала, пытаясь что-то сказать, но слова почему-то не получались. Она мычала, не в состоянии произнести чётко даже самого краткого слова. И тут меня полоснуло жуткое понимание — у этой несчастной не было языка!!! Они его вырвали... чтобы не говорила лишнего! Чтобы не крикнула правду, когда будут сжигать на костре... Чтобы не могла сказать, что они с ней творили...

О боже!.. Неужели всё это вершили ЛЮДИ???

*Чуть успокоив своё омертвевшее сердце, я попыталась обратиться к ней мысленно — девочка услышала. Что означало — **она была одарённой**!.. Одной из тех, кого Папа так яростно ненавидел. И кого так зверски сжигал живьём на своих ужасающих человеческих кострах....*

— Что же они с тобой сделали, милая?!.. За что тебе отняли речь?!

Стараясь затянуть повыше упавшее с её тела грубое рубище непослушными, дрожащими руками, потрясённо шептала я.

— Не бойся ничего, моя хорошая, просто подумай, что ты хотела бы сказать, и я постараюсь услышать тебя. Как тебя зовут, девочка?

— Дамиана... — тихо прошелестел ответ.

— Держись, Дамиана, — как можно ласковее улыбнулась я. — Держись, не ускользай, я постараюсь помочь тебе!

Но девушка лишь медленно качнула головой, а по её избитой щеке скатилась чистая одинокая слезинка...

— Благодарю вас... за добро. Но я не жилец уже... — прошелестел в ответ её тихий «мысленный» голос. — Помогите мне... Помогите мне «уйти». Пожалуйста... Я не могу больше терпеть... Они скоро вернутся... Прошу вас! Они осквернили меня... Пожалуйста, помогите мне «уйти»... Вы ведь знаете — как. Помогите... Я буду и «там» благодарить, и помнить вас...

Она схватила своими тонкими, изуродованными пыткой пальцами моё запястье, вцепившись в него мёртвой хваткой, будто точно знала — я и вправду могла ей помочь... могла подарить желанный покой...

*Острая боль скрутила моё уставшее сердце... Эта милая, зверски замученная девочка, почти ребёнок, **как милости, просила у меня смерти**!!! Палачи не только изранили её хрупкое тело — они осквернили её чистую душу, вместе изнасиловав её!.. И теперь Дамиана готова была «уйти». Она просила смерти, как избавления, даже на мгновение, не думая о спасении. Она была замученной и осквернённой, и не желала жить... У меня перед глазами возникла Анна... Боже, неужели и её ждал такой же страшный конец?!! Смогу ли я её спасти от этого кошмара?!*

*Дамиана умоляюще смотрела на меня своими чистыми серыми глазами, в которых отражалась нечеловечески глубокая, дикая по своей силе, боль... Она не могла более бороться. У неё не хватало на это сил. И чтобы **не предавать себя**, она предпочитала уйти...*

Что же это были за «люди», творившие такую жестокость?!. Что за изверги топтали нашу чистую Землю, оскверняя её своей подлостью и «чёрной» душой?.. Я тихо плакала, гладя милое лицо этой мужественной, несчастной девчушки, так и не дожившей даже малой частью свою грустную, неудавшуюся жизнь... И мою душу сжигала ненависть! Ненависть к извергу, звавшему себя римским Папой... наместником Бога... и святейшим Отцом... наслаждавшимся своей прогнившей властью и богатством, в то время, как в его же жутком подвале из жизни уходила чудесная чистая душа. Уходила по собственному желанию... Так как не могла больше вынести запредельную боль, причиняемую

ей по приказу того же «святого» Папы...

О, как же я ненавидела его!!! Всем сердцем, всей душой ненавидела! И знала, что отомщу ему, чего бы мне это ни стоило. За всех, кто так зверски погиб по его приказу... За отца... за Джироламо... за эту добрую, чистую девочку... и за всех остальных, у кого он играючи отнимал возможность прожить их дорогую и единственную в этом теле, земную жизнь.

— Я помогу тебе, девочка... Помогу тебе, милая... — ласково баюкая её, тихо шептала я. — Успокойся, солнышко, там не будет больше боли. Мой отец ушёл туда... Я говорила с ним. Там только свет и покой... Расслабься, моя хорошая... Я исполню твоё желание. Сейчас ты будешь уходить — не бойся. Ты ничего не почувствуешь... Я помогу тебе, Дамиана. Я буду с тобой...

Из её изуродованного физического тела вышла удивительно красивая сущность. Она выглядела такой, какой Дамиана была, до того, как появилась в этом проклятом месте.

— Спасибо вам... — прошелестел её тихий голос. — Спасибо за добро... и за свободу. Я буду помнить вас.

Она начала плавно подниматься по светящемуся каналу.

— Прощай Дамиана... Пусть твоя новая жизнь будет счастливой и светлой! Ты ещё найдёшь своё счастье, девочка... И найдёшь хороших людей. Прощай...

Её сердце тихо остановилось... А исстрадавшаяся душа свободно улетала туда, где никто уже не мог причинять ей боли. Милая, добрая девочка ушла, так и не узнав, какой чудесной и радостной могла быть её оборванная, непрожитая жизнь... скольких хороших людей мог осчастливить её Дар... какой высокой и светлой могла быть её непознанная любовь... и как звонко и счастливо могли звучать голоса её неродившихся в этой жизни детей...

Успокоившееся в смерти лицо Дамианы разгладилось, и она казалась просто спящей, такой чистой и красивой была теперь... Горько рыдая, я опустилась на грубое сидение рядом с её опустевшим телом... Сердце стыло от горечи и обиды за её невинную, оборванную жизнь... А где-то очень глубоко в душе поднималась лютая ненависть, грозясь вырваться наружу, и смести с лица Земли весь этот преступный, ужасающий мир...

Наконец, как-то собравшись, я ещё раз взглянула на храбрую девочку-ребёнка, мысленно желая ей покоя и счастья в её новом мире, и тихо вышла за дверь... Увиденный ужас парализовал сознание, лишая желания исследовать папский подвал дальше... грозясь обрушить на меня чьё-то очередное страдание, которое могло оказаться ещё страшней. Собираясь уже уйти наверх, я вдруг неожиданно почувствовала слабый, но очень упорный зов. Удивлённо прислушиваясь, я, наконец, поняла, что меня зовут отсюда же, из этого же подвала. И тут же, забыв все прежние страхи, решила проверить.

Зов повторялся, пока я не подошла прямо к двери, из которой он шёл... Келья была пустой и влажной, без какого-либо освещения. А в самом её углу, на соломе сидел человек. Подойдя к нему ближе, я неожиданно вскрикнула — это был мой старый знакомый, кардинал Мороне... Его гордое лицо, на сей раз,

краснело ссадинами, и было видно, что кардинал страдал.

— О, я очень рада, что Вы живы!.. Здравствуйте, монсеньёр! Вы ли пытались звать меня?

Он чуть приподнялся, поморщившись от боли, и очень серьёзно произнёс:

— Да, мадонна. Я давно зову Вас, но Вы почему-то не слышали. Хотя находились совсем рядом.

— Я помогала хорошей девочке проститься с нашим жестоким миром... — печально ответила я. — Зачем я нужна Вам, Ваше преосвященство? Могу ли я помочь Вам?..

— Речь не обо мне, мадонна. Скажите, Вашу дочь зовут Анна, не так ли?

Стены комнаты закачались... Анна!!! Господи, только не Анна!.. Я схватилась за какой-то выступающий угол, чтобы не упасть.

— Говорите, монсеньёр... Вы правы, мою дочь зовут Анна.

Мой мир рушился, даже ещё не узнав причины случившегося... Достаточно было уже того, что Караффа упоминал о моей бедной девочке. Ожидать от этого чего-то доброго не было ни какой надежды.

— Когда прошлой ночью Папа «занимался» мною в этом же подвале, человек сообщил ему, что Ваша дочь покинула монастырь... И Караффа почему-то был этим очень доволен. Вот поэтому-то я и решил как-то Вам сообщить эту новость. Ведь его радость, как я понял, приносит всем только несчастья? Я не ошибся, мадонна?..

— Нет... Вы правы, Ваше преосвященство. Сказал ли он что-либо ещё? Даже какую-то мелочь, которая могла бы помочь мне? — В надежде получить хотя бы малейшее «дополнение», спросила я. Но Мороне лишь отрицательно покачал головой...

— Сожалею, мадонна. Он лишь сказал, что Вы сильно ошибались, и что любовь никому ещё не приносила добра. Если это о чём-то Вам говорит, Изидора.

Я лишь кивнула, стараясь собрать свои разлетающиеся в панике мысли. И пытаясь не показать Мороне, насколько потрясла меня сказанная им новость, как можно спокойнее произнесла:

— Разрешите ли подлечить Вас, монсеньёр? Мне кажется, Вам опять не помешает моя «ведьмина» помощь. И благодарю Вас за весть... Даже за плохую. Всегда ведь лучше заранее знать планы врага, даже самые худшие, не так ли?..

Мороне внимательно всматривался мне в глаза, мучительно стараясь найти в них ответ на какой-то важный для него вопрос. Но моя душа закрылась от мира, чтобы не заболеть... чтобы выстоять предстоящее испытание... И кардинала встречал теперь лишь заученный «светский» взгляд, не позволявший проникнуть в мою застывшую в ужасе душу...

— Неужели Вы боитесь, мадонна? — тихо спросил Мороне. — Вы ведь тысячу раз сильнее его! Почему Вы его боитесь?!..

— Он имеет что-то, с чем я пока не в силах бороться... И пока не в силах его убить. О, поверьте мне, Ваше преосвященство, если б я только нашла ключ к

этой ядовитой гадюке!.. — и, опомнившись, тут же опять предложила: — Позвольте мне всё же заняться Вами? Я облегчу Вашу боль.

Но кардинал, с улыбкой, отказался.

— Завтра я уже буду в другом, более спокойном месте. И надеюсь, Караффа обо мне на время забудет. Ну, а как же Вы, мадонна? Что же станет с Вами? Я не могу помочь Вам из заключения, но мои друзья достаточно влиятельны. Могу ли я быть полезным Вам?

— Благодарю Вас, монсеньёр, за Вашу заботу. Но я не питаю напрасных надежд, надеясь отсюда выйти... Он никогда не отпустит меня... Ни мою бедную дочь. Я живу, чтобы его уничтожить. Ему не должно быть места среди людей.

— Жаль, что я не узнал Вас раньше, Изидора. Возможно, мы бы стали добрыми друзьями. А теперь прощайте. Вам нельзя здесь оставаться. Папа обязательно явится пожелать мне «удачи». Вам ни к чему с ним здесь встречаться. Сберегите Вашу дочь, мадонна... И не сдавайтесь Караффе. Бог да пребудет с Вами!

— О каком Боге Вы говорите, монсеньёр? — грустно спросила я.

— Наверняка, уж не о том, которому молится Караффа!.. — улыбнулся на прощание Мороне.

Я ещё мгновение постояла, стараясь запомнить в своей душе образ этого чудесного человека, и махнув на прощание рукой, вышла в коридор. Небо развёрзлось шквалом тревоги, паники и страха!.. Где находилась сейчас моя храбрая, одинокая девочка?! Что побудило её покинуть Мэтэору?.. На мои настойчивые призывы Анна почему-то не отвечала, хотя я знала, что она меня слышит. Это вселяло ещё большую тревогу, и я лишь из последних сил держалась, чтобы не поддаваться сжигавшей душу панике, так как знала — Караффа непременно воспользуется любой моей слабостью. И тогда мне придётся проиграть, ещё даже не начав сопротивляться...

Уединившись в «своих» покоях, я «зализывала» старые раны, даже не надеясь, что они когда-либо заживут, а просто стараясь быть как можно сильней и спокойнее на случай любой возможности начать войну с Караффой... На чудо надеяться смысла не было, так как я прекрасно знала — в нашем случае чудес не предвиделось... Всё, что произойдёт, я должна буду сделать только сама.

Бездействие убивало, заставляя чувствовать себя всеми забытой, беспомощной и ненужной... И хотя я прекрасно знала, что не права, червь «чёрного сомнения» удачно грыз воспалённый мозг, оставляя там яркий след неуверенности и сожалений...

Я не жалела, что нахожусь у Караффы сама... Но панически боялась за Анну. А также всё ещё не могла простить себе гибель отца и Джироламо, моих любимых и самых лучших для меня на свете людей... Смогу ли я отомстить за них когда-либо?.. Не правы ли все, говоря, что Караффу не победить? Что я не уничтожу его, а всего лишь глупо погибну сама?.. Неужели прав был Север, приглашая уйти в Мэтэору? И неужели надежда уничтожить Папу всё это

*время жила **только во мне одной**?!.*

*И ещё... Я чувствовала, что очень устала... Нечеловечески, страшно устала... Иногда даже казалось — а не лучше ли было и правда уйти в Мэтэору?.. Ведь кто-то же туда уходил?.. И почему-то их не тревожило, что вокруг умирали люди. Для них было важно УЗНАТЬ, получить сокровенное ЗНАНИЕ, так как они считали себя **исключительно** одарёнными... Но, с другой стороны, если они по-настоящему **были** такими уж «исключительными», то как же в таком случае они забыли самую простую, но по-моему очень важную нашу заповедь — **не уходи на покой, пока в твоей помощи нуждаются остальные...** Как же они могли так просто закрыться, даже не оглядевшись вокруг, не попытавшись помочь другим?.. Как успокоили свои души?..*

*Конечно же, мои «возмущённые» мысли никак не касались детей, находящихся в Мэтэоре... Эта война была **не их войной**, она касалась **только лишь взрослых**... А малышам ещё предстояло долго и упорно идти по пути познания, чтобы после уметь защищать свой дом, своих родных и всех хороших людей, живущих на нашей странной, непостижимой Земле. Нет, я думала именно о взрослых... О тех, кто считал себя слишком «особенным», чтобы рисковать своей «драгоценной» жизнью. О тех, кто предпочитал отсиживаться в Мэтэоре, внутри её толстых стен, пока Земля истекала кровью и такие же одарённые, как они, толпами шли на смерть...*

*Я всегда любила свободу и ценила право свободного выбора каждого отдельного человека. Но бывали в жизни моменты, когда наша **личная свобода не стоила миллионов жизней других хороших людей...** Во всяком случае, именно так **я для себя решила**... И не собиралась ничего менять. Да, были минуты слабости, когда казалось, что жертва, на которую шла, будет совершенно бессмысленна и напрасна. Что она ничего не изменит в этом жестоком мире... Но потом снова возвращалось желание бороться... Тогда всё становилось на свои места, и я всем своим существом готова была возвращаться на «поле боя», несмотря даже на то, насколько неравной была война...*

Долгие, тяжёлые дни ползли вереницей «неизвестного», а меня всё также никто не беспокоил. Ничего не менялось, ничего не происходило. Анна молчала, не отвечая на мои позывы. И я понятия не имела, где она находилась, или где я могла её искать...

И вот однажды, смертельно устав от пустого, нескончаемого ожидания, я решила наконец-то осуществить свою давнюю, печальную мечту — зная, что наверняка никогда уже не удастся по-другому увидеть мою любимую Венецию, я решилась пойти туда «дуновением», чтобы проститься...

*На дворе был май, и Венеция наряжалась, как юная невеста, встречая свой самый красивый праздник — праздник Любви... Любовь витала повсюду — ею был пропитан сам воздух!.. Ею дышали мосты и каналы, она проникала в каждый уголок нарядного города... в каждую фибру **каждой** одинокой, в нём живущей души... На один этот день Венеция превращалась в волшебный цветок любви — жгучий, пьянящий и прекрасный! Улицы города буквально «тонули» в несметном количестве алых роз, пышными «хвостами» свисавших до самой*

воды, нежно лаская её хрупкими алыми лепестками... Вся Венеция благоухала, источая запахи счастья и лета. И на один этот день даже самые хмурые обитатели города покидали свои дома, и во всю улыбаясь, ожидали, что может быть в этот прекрасный день ***даже им****, грустным и одиноким, улыбнётся капризница Любовь...*

Праздник начинался с самого раннего утра, когда первые солнечные лучи ещё только-только начинали золотить городские каналы, осыпая их горячими поцелуями, от которых те, стеснительно вспыхивая, заливались красными стыдливыми бликами... Тут же, не давая даже хорошенько проснуться, под окнами городских красавиц уже нежно звучали первые любовные романсы... А пышно разодетые гондольеры, украсив свои начищенные гондолы в праздничный алый цвет, терпеливо ждали у пристани, каждый, надеясь усадить к себе самую яркую красавицу этого чудесного, волшебного дня.

*Во время этого праздника ни для кого не было запретов — молодые и старые высып**а**ли на улицы, вкушая предстоящее веселье, и старались заранее занять лучшие места на мостах, чтобы поближе увидеть проплывающие гондолы, везущие прекрасных, как сама весна, знаменитых Венецианских куртизанок. Этих единственных в своём роде женщин, умом и красотой которых, восхищались поэты, и которых художники воплощали на веки в своих великолепных холстах.*

Я всегда считала, что любовь может быть ***только чистой****, и никогда не понимала и не соглашалась с изменой. Но куртизанки Венеции были не просто женщинами, у которых покупалась любовь. Не считая того, что они всегда были необыкновенно красивы, они все были также великолепно образованы, несравнимо лучше, чем любая невеста из богатой и знатной Венецианской семьи... В отличие от очень образованных знатных флорентиек, женщинам Венеции в мои времена не разрешалось входить даже в публичные библиотеки и быть «начитанными», так как жёны знатных венецианцев считались всего лишь красивой вещью, любящим мужем закрытой дома «во благо» его семьи... И чем выше был статус дамы, тем меньше ей разрешалось знать. Куртизанки же — наоборот, обычно знали несколько языков, играли на музыкальных инструментах, читали (а иногда и писали!) стихи, прекрасно знали философов, разбирались в политике, великолепно пели и танцевали... Короче — знали всё то, что любая знатная женщина (по моему понятию)* ***обязана была*** *знать. И я всегда честно считала, что —* ***умей жёны вельмож хотя бы малейшую толику того, что знали куртизанки, в нашем чудесном городе навсегда воцарились бы верность и любовь...***

Я не одобряла измену, но так же никак не могла уважать и женщин, которые не знали (да и не желали знать!) дальше того, что находилось за стенами их родной Венеции. Наверняка, это говорила во мне моя флорентийская кровь, но я абсолютно не выносила невежество! И люди, которые имели неограниченные возможности, чтобы ЗНАТЬ, но не хотели, у меня вызывали только лишь неприязнь.

Но вернёмся в мою любимую Венецию, которая, как мне было известно,

должна была в этот вечер готовиться к своему обычному ежегодному празднеству...

Очень легко, без каких-либо особых усилий, я появилась на главной площади города. Всё вроде бы было как прежде, но на этот раз, хоть и украшенная по-старому, Венеция почти пустовала. Я шла вдоль одиноких каналов не в силах поверить своим глазам!.. Было ещё не поздно, и обычно в такое время город ещё шумел, как встревоженный улей, предвкушая любимый праздник. Но в тот вечер красавица Венеция пустовала... Я не могла понять, куда же подевались все счастливые лица?.. Что произошло с моим прекрасным городом за те короткие несколько лет???

*Медленно идя по пустынной набережной, я вдыхала такой знакомый, тёплый и мягкий, солоноватый воздух, не в силах удержать текущих по щекам одновременно счастливых и печальных слёз... Это был **мой дом**!.. Мой по-настоящему родной и любимый город. Венеция навсегда осталась **МОИМ** городом!.. Я любила её богатую красоту, её высокую культуру... Её мосты и гондолы... И даже просто её необычность, делая её единственным в своём роде городом, когда-то построенным на Земле. Вечер был очень приятным и тихим. Ласковые волны, что-то тихо нашёптывая, лениво плескались о каменные порталы... И плавно раскачивая нарядные гондолы, убегали обратно в море, унося с собою осыпавшиеся лепестки роз, которые, уплывая дальше, становились похожими на алые капли крови, кем-то щедро разбрызганные по зеркальной воде.*

Неожиданно, из моих печально-счастливых грёз меня вырвал очень знакомый голос:

— Не может такого быть!!! Изидора?! Неужели это и правда ты?!..

Наш добрый старый друг, Франческо Ринальди, стоял, остолбенело меня разглядывая, будто прямо перед ним неожиданно появился знакомый призрак... Видимо никак не решаясь поверить, что это по-настоящему была я.

— Бог мой, откуда же ты?! Мы думали, что ты давным-давно погибла! Как же тебе удалось спастись? Неужели тебя отпустили?!..

— Нет, меня не отпустили, мой дорогой Франческо, — грустно покачав головой, ответила я. — И мне, к сожалению, не удалось спастись... Я просто пришла проститься...

— Но, как же так? Ты ведь здесь? И совершенно свободна? А где же мой друг?! Где Джироламо? Я так давно его не видел и так по нему скучал!..

— Джироламо больше нет, дорогой Франческо... Так же как нет больше и отца...

*Было ли причиной то, что Франческо являлся другом из нашего счастливого «прошлого», или просто я дико устала от бесконечного одиночества, но, говоря **именно ему** о том ужасе, который сотворил с нами Папа, мне стало вдруг нечеловечески больно... И тут меня наконец-то прорвало!.. Слёзы хлынули водопадом горечи, сметая стеснения и гордость, и оставляя только лишь жажду защиты и боль потерь... Спрятавшись на его тёплой груди, я рыдала, словно потерянное дитя, искавшее дружескую поддержку...*

— Успокойся, мой милый друг... Ну что ты! Пожалуйста, успокойся...

Франческо гладил мою уставшую голову, как когда-то давно это делал отец, желая успокоить. Боль жгла, снова безжалостно швыряя в прошлое, которого нельзя было вернуть, и которое больше не существовало, так как не было больше на Земле людей, создававших это чудесное прошлое....

— Мой дом всегда был и твоим домом, Изидора. Тебя нужно куда-то спрятать! Пойдём к нам! Мы сделаем всё, что сможем. Пожалуйста, пойдём к нам!.. У нас ты будешь в безопасности!

Они были чудесными людьми — его семья... И я знала, что если только я соглашусь, они сделают всё, чтобы меня укрыть. Даже если за это им самим будет угрожать опасность. И на коротенькое мгновение мне так дико вдруг захотелось остаться!.. Но я прекрасно знала, что этого не случится, что я прямо сейчас уйду... И чтобы не давать себе напрасных надежд, тут же грустно сказала:

— Анна осталась в лапах «святейшего» Папы... Думаю, ты понимаешь, что это значит. А она теперь осталась у меня одна... Прости, Франческо.

И вспомнив уже о другом, спросила:

— Не скажешь ли, мой друг, что происходит в городе? Что стало с праздником? Или наша Венеция, как и всё остальное, тоже стала другой?..

— Инквизиция, Изидора... Будь она проклята! Это всё инквизиция...

— ?!..

— Да, милый друг, она подобралась даже сюда... И что самое страшное, многие люди на это попались. Видимо для злых и ничтожных нужно такое же «злобное и ничтожное», чтобы открылось всё то, что они скрывали множество лет. Инквизиция стала страшным ***инструментом человеческой мести****, зависти, лжи, жадности и злобы!.. Ты даже не представляешь, мой друг, как низко могут пасть вроде бы самые нормальные люди!.. Братья клевещут на неугодных братьев... дети на постаревших отцов, желая поскорее от них избавиться... завистливые соседи на соседей... Это ужасно! Никто не защищён сегодня от прихода «святых отцов»... Это так страшно, Изидора! Стоит лишь сказать на кого-либо, что он еретик, и ты уже никогда не увидишь более этого человека. Истинное сумасшествие... которое открывает в людях самое низкое и плохое... Как же с этим жить, Изидора?*

Франческо стоял, ссутулившись, будто самая тяжёлая ноша давила на него горой, не позволяя распрямиться. Я знала его очень давно, и знала, как непросто было сломить этого честного, отважного человека. Но тогдашняя жизнь горбила его, превращая в растерянного, не понимавшего такой людской подлости и низости человека, в разочарованного, стареющего Франческо... И вот теперь, глядя на своего доброго старого друга, я поняла, что ***была права, решив забыть свою личную жизнь, отдавая её за гибель «святого» чудовища****, топтавшего жизни других, хороших и чистых людей. Было лишь несказанно горько, что находились низкие и подлые «человеки», радовавшиеся (!!!) приходу Инквизиции. И чужая боль не задевала их чёрствые сердца, скорее наоборот — они сами, без зазрения совести, пользовались лапами Инквизиции, чтобы уни-*

чтожать ничем не повинных, добрых людей!

Как же далека ещё была наша Земля от того счастливого дня, когда Человек будет чистым и гордым!.. Когда его сердце не поддастся подлости и злу... Когда на Земле будет жить Свет, Искренность и Любовь. Да, прав был Север — Земля была ещё слишком злой, глупой и несовершенной. Но я верила всей душой, что когда-нибудь она станет мудрой и очень доброй... только пройдёт для этого ещё очень много лет. А пока тем, кто её любил, предстояло за неё бороться. Забывая себя, своих родных... И не жалея свою единственную и очень дорогую для каждого земную Жизнь. Забывшись, я даже не заметила, что Франческо очень внимательно наблюдал за мной, будто желал понять, удастся ли ему уговорить меня остаться. Но глубокая грусть в его печальных серых глазах говорила мне — он понял... И крепко обняв его в последний раз, я начала прощаться...

— Мы всегда будем тебя помнить, милая. И нам всегда будет тебя не хватать. И Джироламо... И твоего доброго отца. Они были чудесными, чистыми людьми. И надеюсь, другая жизнь окажется для них более безопасной и доброй. Береги себя, Изидора... Как бы смешно это ни звучало. Постарайтесь уйти от него, если сможете. Вместе с Анной...

Кивнув ему напоследок, я быстро пошла по набережной, чтобы не показать, как больно ранило меня это прощание, и как зверски болела моя израненная душа...

Сев на парапет, я погрузилась в печальные думы... Окружающий меня мир был совершенно другим — в нём не было того радостного, открытого счастья, которое освещало всю нашу прошедшую жизнь. Неужели же люди не понимали, что они сами своими руками уничтожали нашу чудесную планету, заполняя её ядом зависти, ненависти и злости?.. Что предавая других, они погружали в «чёрное» свою бессмертную душу, не оставляя ей пути в спасение!.. Правы были Волхвы, говоря, что Земля не готова... ***Но это не означало, что за неё не надо было бороться!*** *Что надо было просто сидеть, сложа руки, и ждать, пока она сама когда-нибудь «повзрослеет»!..* ***Мы ведь не оставляем дитя, чтобы оно само искало пути в свою зрелость?.. Как же можно было оставить нашу большую Землю, не указав пути, и надеясь, что ей самой почему-то посчастливится выжить?!.***

Совершенно не заметив, сколько времени прошло в раздумьях, я очень удивилась, видя, что на улице вечерело. Пора было возвращаться. Моя давняя мечта увидеть Венецию и свой родной дом, сейчас не казалась такой уж правильной... Это больше не доставляло счастья, скорее даже наоборот — видя свой родной город таким «другим», я чувствовала в душе только горечь разочарования, и ничего более. Ещё раз взглянув на такой знакомый и когда-то любимый пейзаж, я закрыла глаза и «ушла», прекрасно понимая, что не увижу всё это уже никогда...

Караффа сидел у окна в «моей» комнате, полностью углубившись в какие-то свои невесёлые мысли, ничего не слыша и не замечая вокруг... Я так неожиданно появилась прямо перед его «священным» взором, что Папа резко

вздрогнул, но тут же собрался и на удивление спокойно спросил:

— Ну и где же вы гуляли, мадонна?

Его голос и взгляд выражали странное безразличие, будто Папу более не волновало, чем я занимаюсь и куда хожу. Меня это тут же насторожило. Я довольно неплохо знала Караффу (полностью его не знал, думаю, никто) и такое странное его спокойствие, по моему понятию, ничего хорошего не предвещало.

— Я ходила в Венецию, Ваше святейшество, чтобы проститься... — так же спокойно ответила я.

— И это доставило Вам удовольствие?

— Нет, Ваше святейшество. Она уже не такая, какой была... какую я помню.

— Вот видите, Изидора, даже города меняются за такое короткое время, не только люди... Да и государства, наверное, если присмотреться. А разве же могу не меняться я?..

Он был в очень странном, не присущем ему настроении, поэтому я старалась отвечать очень осторожно, чтобы случайно не задеть какой-нибудь «колючий» угол и не попасть под грозу его святейшего гнева, который мог уничтожить и более сильного человека, чем была в то время я.

— Не Вы ли, помнится, говорили, святейшество, что теперь Вы будете жить очень долго? Изменилось ли что-либо с тех пор?.. — тихо спросила я.

— О, это была всего лишь надежда, дорогая моя Изидора!.. Глупая, пустая надежда, которая развеялась так же легко, как дым...

Я терпеливо ждала, что он продолжит, но Караффа молчал, снова погрузившись в какие-то свом невесёлые думы.

— Простите, Ваше святейшество, знаете ли Вы, что стало с Анной? Почему она покинула монастырь? — почти не надеясь на ответ, всё же спросила я.

Караффа кивнул.

— Она идёт сюда.

— Но почему?!. — моя душа застыла, чувствуя нехорошее.

— Она идёт, чтобы спасти Вас, — спокойно произнёс Караффа.

— ?!!

— Она нужна мне здесь, Изидора. Но для того, чтобы её отпустили из Мэтэоры, нужно было ***её*** *желание. Вот я и помог ей «решить».*

— Зачем Анна понадобилась Вам, Ваше святейшество?! Вы ведь хотели, чтобы она училась там, не так ли? Зачем же было тогда вообще увозить её в Мэтэору?..

— Жизнь уходит, мадонна... Ничто не стоит на месте. Особенно Жизнь... Анна не поможет мне в том, в чём я так сильно нуждаюсь... даже если она проучится там сотню лет. Мне нужны Вы, мадонна. Именно ***Ваша*** *помощь... И я знаю, что мне не удастся Вас просто так уговорить.*

Вот оно и пришло... Самое страшное. Мне не хватило времени, чтобы убить Караффу!.. И следующей в его страшном «списке» стала моя бедная дочь... Моя смелая, милая Анна... Всего на коротенькое мгновение мне вдруг

приоткрылась наша страдальческая судьба... и она казалась ужасной...

39. Изидора-5. Тьма

Посидев молча ещё какое-то время в «моих» покоях, Караффа поднялся, и, уже собравшись уходить, совершенно спокойно произнёс:

— Я сообщу Вам, когда Ваша дочь появится здесь, мадонна. Думаю, это будет очень скоро. — И светски поклонившись, удалился.

*А я, из последних сил стараясь не поддаваться нахлынувшей безысходности, дрожащей рукой скинула шаль и опустилась на ближайший диван. Что же оставалось мне — измученной и одинокой?.. Каким таким чудом я могла уберечь свою храбрую девочку, не побоявшуюся войны с Караффой?.. Что за ложь они сказали ей, чтобы заставить покинуть Мэтэору и вернуться в это проклятое Богом и людьми земное Пекло?.. Я не в силах была даже подумать, **что** приготовил для Анны Караффа... Она являлась его **последней** надеждой, **последним** оружием, которое — я знала — он постарается использовать как можно успешнее, чтобы заставить меня сдаться. Что означало — Анне придётся жестоко страдать. Не в силах более оставаться в одиночестве со своей бедой, я попыталась вызвать отца. Он появился тут же, будто только и ждал, что я его позову.*

— Отец, мне так страшно!.. Он забирает Анну! И я не знаю, смогу ли её уберечь... Помоги мне, отец! Помоги хотя бы советом...

*Не было на свете ничего, что я бы не согласилась отдать Караффе за Анну. Я была согласна на всё... кроме лишь одного — подарить ему бессмертие. А это, к сожалению, было **именно то единственное**, чего святейший Папа желал.*

— Я так боюсь за неё, отец!.. Я видела здесь девочку — она умирала. Я помогла ей уйти... Неужели подобное испытание достанется и Анне?! Неужели у нас не хватит сил, чтобы её спасти?..

*— **Не допускай страх в своё сердце**, доченька, как бы тебе не было больно. Разве ты не помнишь, чему учил свою дочь Джироламо?.. **Страх создаёт возможность воплощения в реальность того, чего ты боишься. Он открывает двери.** Не позволяй страху ослабить тебя ещё до того, как начнёшь бороться, родная. Не позволяй Караффе выиграть, даже не начав сопротивляться.*

— Что же мне делать, отец? Я не нашла его слабость. Не нашла, чего он боится... И у меня уже не осталось времени. Что же мне делать, скажи?..

Я понимала, что наши с Анной короткие жизни приближались к своему печальному завершению... А Караффа всё так же жил, и я всё так же не знала, с чего начать, чтобы его уничтожить...

— Пойди в Мэтэору, доченька. Только они могут помочь тебе. Пойди туда, сердце моё.

Голос отца звучал очень печально, видимо, он так же, как и я, не верил, что Мэтэора поможет нам.

— Но они отказали мне, отец, ты ведь знаешь. Они слишком сильно верят в

свою старую «правду», которую сами себе когда-то внушили. Они не помогут нам.

— Слушай меня, доченька... Вернись туда. Знаю, ты не веришь... Но они — единственные, кто ещё может помочь тебе. Больше тебе не к кому обратиться. Сейчас я должен уйти... Прости, родная. Но я очень скоро вернусь к тебе. Я не оставлю тебя, Изидора.

Сущность отца начала привычно «колыхаться» и таять, и через мгновение совсем исчезла. А я, всё ещё растерянно смотря туда, где только что сияло его прозрачное тело, понимала, что не знаю, с чего начать... Караффа слишком уверенно заявил, что Анна очень скоро будет в его преступных руках, поэтому времени на борьбу у меня почти не оставалось. Встав и встряхнувшись от своих тяжких дум, я решила всё же последовать совету отца и ещё раз пойти в Мэтэору. Хуже всё равно уже не могло было быть. Поэтому, настроившись на Севера, я пошла...

На этот раз не было ни гор, ни прекрасных цветов... Меня встретил лишь просторный, очень длинный каменный зал, в дальнем конце которого зелёным светом сверкало что-то невероятно яркое и притягивающее, как ослепительная изумрудная звезда. Воздух вокруг неё сиял и пульсировал, выплёскивая длинные языки горящего зелёного «пламени», которое, вспыхивая, освещало огромный зал до самого потолка. Рядом с этой невиданной красотой, задумавшись о чём-то печальном, стоял Север.

— Здравия тебе, Изидора. Я рад, что ты пришла, — обернувшись, ласково произнёс он.

— И ты здравствуй, Север. Я пришла ненадолго, — изо всех сил стараясь не расслабляться и не поддаваться обаянию Мэтэоры, ответила я. — Скажи мне, Север, как вы могли отпустить отсюда Анну? Вы ведь знали, ***на что*** *она шла! Как же вы могли отпустить её?! Я надеялась, Мэтэора будет её защитой, а она с такой легкостью её предала... Объясни, пожалуйста, если можешь...*

Он смотрел на меня своими грустными, мудрыми глазами, не говоря ни слова. Будто всё уже было сказано, и ничего нельзя было изменить... Потом, отрицательно покачав головой, мягко произнёс:

— Мэтэора не предавала Анну, Изидора. Анна ***сама*** *решила уйти. Она уже не ребёнок более, она мыслит и решает по-своему, и мы не вправе держать её здесь насильно. Даже если и не согласны с её решением. Ей сообщили, что Караффа будет мучить тебя, если она не согласится туда вернуться. Поэтому Анна и решила уйти. Наши правила очень жёстки и неизменны, Изидора. Стоит нам преступить их однажды, и в следующий раз найдётся причина, по который жизнь здесь быстро начнёт меняться. Это непозволимо, мы не вольны свернуть со своего пути.*

— Знаешь, Север, я думаю, ***именно ЭТО и есть самая главная ваша ошибка...*** *Вы слепо замкнулись в своих непогрешимых законах, которые, если внимательно к ним присмотреться, окажутся совершенно пустыми и, в какой-то степени, даже наивными. Вы имеете здесь дело с* ***удивительными*** *людьми, каждый из которых сам по себе уже является богатством. И их, та-*

ких необычайно ярких и сильных, невозможно скроить под один закон! Они ему просто не подчинятся. Вы должны быть более гибкими и понимающими, Север. Иногда жизнь становится слишком непредсказуемой, так же, как непредсказуемы бывают и обстоятельства. И вы ***не можете судить одинаково то, что ПРИВЫЧНО****, и то,* ***что уже не вмещается более в ваши давно установленные, устаревшие «рамки».*** *Неужели ты сам веришь в то, что ваши законы правильны? Скажи мне честно, Север!..*

Он смотрел изучающе в моё лицо, становясь всё растеряннее, будто никак не мог определиться, говорить ли мне правду или оставить всё так, как есть, не беспокоя сожалениями свою мудрую душу...

— То, что являет собою наши законы, Изидора, создавалось не в один день... Проходили столетия, а волхвы всё также платили за свои ошибки. Поэтому, даже если что-то и кажется нам иногда не совсем правильным, мы предпочитаем смотреть на жизнь в её всеобъемлющей картине, не отключаясь на отдельные личности. Как бы это ни было больно...

Я отдал бы многое, если бы ты согласилась остаться с нами! В один прекрасный день ты, возможно, изменила бы Землю, Изидора... У тебя очень редкий Дар, и ты умеешь ***по-настоящему МЫСЛИТЬ****... Но я знаю, что не останешься. Не предашь себя. И я ничем не могу помочь тебе. Знаю, ты никогда не простишь нам, пока будешь жива... Как никогда не простила нас Магдалина за смерть своего любимого мужа — Иисуса Радомира... А ведь мы просили её вернуться, предлагая защиту её детям, но она никогда более не вернулась к нам... Мы живём с этой ношей долгие годы, Изидора, и поверь мне — нет на свете ноши тяжелей! Но такова наша судьба, к сожалению, и изменить её невозможно, пока не наступит на Земле настоящий день «пробуждения»... Когда нам не нужно будет скрываться более, когда Земля, наконец, станет по-настоящему чистой и мудрой, станет светлей... Вот тогда мы и сможем думать раздельно, думать о* ***каждом*** *одарённом, не боясь, что Земля уничтожит нас. Не боясь, что после нас не останется Веры и Знания, не останется ВЕДАЮЩИХ людей...*

Север поник, будто внутри ***не соглашаясь*** *с тем, что сам только что мне говорил... Я чувствовала всем своим сердцем, всей душой, что он верил намного более в то, во что так убеждённо верила я. Но я также знала — он не откроется мне, не предавая этим Мэтэору и своих любимых великих Учителей. Поэтому я решила оставить его в покое, не мучить его более...*

— Скажи мне, Север, что стало с Марией Магдалиной? Живут ли ещё где-то на Земле её потомки?

— Конечно же, Изидора!.. — тут же ответил Север, и мне показалось, что его искренне обрадовала перемена темы...

— После смерти Христа Магдалина покинула ту жестокую, злую землю, отнявшую у неё самого дорогого на свете человека. Она ушла, уводя с собой вместе малышку-дочь, которой было в то время всего-навсего четыре года. А её восьмилетнего сына тайно увезли в Испанию рыцари Храма, чтобы он во что бы то ни стало остался в живых и смог продолжить великий Род своего отца.

Если желаешь, я расскажу тебе ***истинную*** *историю их жизни, ибо то, что преподносится людям* ***сегодня****, является просто историей для несведущих и слепцов...*

Я согласно кивнула Северу.

— Расскажи, пожалуйста, правду... Расскажи мне о них, Север...

Его мысли унеслись далеко-далеко, окунаясь в давние, покрытые пеплом веков, сокровенные воспоминания. И началась удивительная история...

— Как я тебе уже рассказывал ранее, Изидора, после смерти Иисуса и Магдалины всю их светлую и печальную жизнь оплели бессовестной ложью, перенося эту ложь также и на потомков этой удивительной, мужественной семьи... На них ***«одели» ЧУЖУЮ ВЕРУ****. Их чистые образы* ***окружили жизнями ЧУЖИХ ЛЮДЕЙ****, которые тогда уже давно не жили... В их уста* ***вложили СЛОВА****, которых они* ***НИКОГДА НЕ ПРОИЗНОСИЛИ...*** *Их сделали* ***ОТВЕТСТВЕННЫМИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,*** *которые* ***СОВЕРШАЛА И СОВЕРШАЕТ ЧУЖАЯ ВЕРА****, самая лживая и преступная, существовавшая когда-либо на Земле...*[2]

Я чувствовала, что весь этот рассказ давался Северу очень непросто. Видимо, его широкая душа всё ещё не соглашалась принять такую потерю и всё ещё сильно по ней болела. Но он честно продолжал рассказывать дальше, видимо понимая, что позже, возможно, я уже не смогу ни о чём более его спросить.

— Помнишь ли, Изидора, я говорил тебе, что Иисус Радомир ***никогда не имел ничего общего*** *с тем лживым учением, о котором кричит христианская церковь? Оно было* ***полностью противоположно*** *тому, чему учил сам Иисус, а после — и Магдалина. Они учили людей* ***настоящему ЗНАНИЮ,*** *учили тому, чему мы учили их* ***здесь, в Мэтэоре****... А Мария знала даже больше, так как могла свободно черпать своё знание из широких просторов Космоса, после того, как от нас ушла. Они жили, тесно окружённые Ведунами и одарёнными, которых люди позже переименовали в «апостолов»... в пресловутой «библии» оказавшихся старыми, недоверчивыми иудеями... которые, думаю,* ***если бы могли, по-настоящему тысячу раз предали бы Иисуса.***

«Апостолами» же его ***в реальности*** *были* ***Рыцари Храма****, только не построенного человеческими руками, а* ***созданного высокой мыслью самого Радомира — Духовного Храма Истины и Знания.*** *Этих рыцарей вначале было всего лишь* ***девять****, и собрались они вместе для того, чтобы в силу своих возможностей оберегать Радомира и Магдалину в той чужой и опасной для них стране, в которую так безжалостно швырнула их судьба. А ещё задача Рыца-*

---

[2] От автора: Прошло много-много лет после моей встречи с Изидорой... И уже сейчас, вспоминая и проживая бывшие далёкие годы, мне удалось найти (находясь во Франции) любопытнейшие материалы, во многом подтверждающие правдивость рассказа Севера о жизни Марии Магдалины и Иисуса-Радомира, которые, думаю, будут интересны для всех, читающих рассказ Изидоры, и, возможно, даже помогут пролить хоть какой-то свет на ложь «правящих мира сего». О найденных мною материалах прошу читать в «Дополнении» после глав Изидоры.

рей Храма состояла также и в том, чтобы (случись что-то непоправимое!) ***сберечь ИСТИНУ****, которую несли* ***«душой пропавшим» иудеям*** *эти двое чудесных, светлых людей, отдававших свой Дар и свои чистые Жизни за покой на их любимой, но всё ещё очень жестокой планете...*

— Значит ***и «апостолы»*** *тоже были* ***совершенно другими****?! Какими же они были? Можешь ли ты рассказать мне о них, Север?*

Мне было настолько интересно, что на какой-то короткий миг даже удалось «усыпить» свои мучения и страхи, удалось на мгновение забыть грядущую боль!.. Я обрушила на Севера настоящий шквал вопросов, даже точно не зная, существуют ли на них ответы. Так сильно мне хотелось узнать ***настоящую*** *историю этих мужественных людей, не опошлённую ложью долгих пяти сотен лет!!!*

— О, они были истинно чудесными людьми — рыцари Храма — Изидора!.. Вместе с Радомиром и Магдалиной они создали великолепный костяк МУЖЕСТВА, ЧЕСТИ и ВЕРЫ, на котором строилось светлое УЧЕНИЕ, оставленное когда-то нашими предками для спасения нашей родной Земли. ***Двое*** *из рыцарей Храма были нашими учениками, а также* ***потомственными воинами*** *из старейших европейских аристократических семей. Они стали у нас смелыми и одарёнными* ***Ведунами****, готовыми на всё, чтобы сохранить Иисуса и Магдалину.* ***Четверо*** *— были* ***потомками Русов-Меровингов****, также имевших большой Дар, как и все их далёкие предки — короли Фракии... Как и сама Магдалина, также рождённая от этой необыкновенной династии, и с гордостью нёсшая свой семейный Дар.* ***Двое же*** *были нашими Волхвами,* ***добровольно покинувшими*** *Мэтэору, чтобы защитить идущего на собственную погибель их любимого Ученика, Иисуса Радомира. Они* ***не смогли в своих душах предать Радомира****, и даже зная,* ***что*** *его ждёт, без сожалений последовали за ним. Ну, а последним,* ***девятым*** *из рыцарей-защитников, о котором до сих пор не знает и не пишет никто, был* ***родной брат самого Христа****, сын Белого Волхва —* ***Радан*** *(Ра — дан, данный Ра)... Он-то и сумел сохранить сына Радомира, после гибели оного. Но, защищая его, к сожалению, погиб сам...*

— Скажи, Север, не имеет ли это чего-либо общего с легендой о близнецах, где говорится, что у Христа был брат-близнец? Я об этом читала в нашей библиотеке и всегда хотела знать, было ли это правдой, или всего лишь очередной ложью «святых отцов»?

— Нет, Изидора, Радан не был близнецом Радомира. Это явилось бы нежелательной дополнительной опасностью к и так уже достаточно сложной жизни Христа и Магдалины. Тебе ведь известно, что близнецы связаны слишком тесно нитью своего рождения, и опасность для жизни одного может стать опасностью для другого? — Я кивнула. — Поэтому волхвы никак не могли допустить такой ошибки.

— Значит, всё же не все в Мэтэоре предали Иисуса?! — обрадовано воскликнула я. — Не все спокойно смотрели, как он шёл на смерть?..

— Ну, конечно же, нет, Изидора!.. Мы бы все ушли, чтобы защитить его. Да не все сумели перешагнуть через свой Долг... Знаю, что ты не веришь мне, но

мы все до единого очень любили его... и, конечно же, Магдалину. Просто не все могли забыть свои обязанности и бросить всё из-за одного человека, каким бы особенным он ни был. ***Ты*** *ведь* ***отдаёшь свою жизнь****, чтобы* ***спасти многих****? Вот и наши волхвы остались в Мэтэоре, чтобы охранять Священные Знания и учить других одарённых. Такова жизнь, Изидора... И каждый делает её лучше, по мере своих возможностей.*

— Скажи, Север, а почему ты называешь Франкских королей — Русами? Разве эти народы имели между собой что-либо общее? Насколько я помню, они всегда звались — Франками?.. А позже красавица Франкия стала Францией. Разве не так?

— Нет, Изидора. Знаешь ли ты, что означает слово «франки»? — Я отрицательно мотнула головой. — «Франки», просто означает — ***свободные.*** *А Меровинги были* ***северными Русами****, пришедшими учить свободных Франков военному искусству, правлению страной, политике и науке (как они шли во все остальные страны, будучи рождёнными для учения и блага остальных живущих людей). И назывались они правильно —* ***Меравингли*** (мы-Ра-в-Инглии*;* **мы, дети Ра, несущие Свет в родной Первозданной Инглии**). *Но, конечно же, потом это слово, как и многое другое, «****упростили****»... и оно стало звучать, как «Меровинги». Так создалась новая «история», в которой говорилось, что имя Меровинги произошло от имени короля Франков — Меровия. Хотя к королю Меровию это название* ***ни малейшего отношения не имело****. Тем более, что король Меровий был уже* ***тринадцатым*** *из королей Меровингов. И логичнее, естественно, было бы назвать всю династию именем* ***первого*** *из правящих королей, не так ли? Так же, как и к другой глупой легенде о «морском чудовище», якобы породившем на свет династию Меровингов, это название, естественно,* ***отношения не имело****.*

Видимо, Думающим Тёмным очень хотелось, чтобы люди не знали ***настоящего значения*** *ИМЕНИ правящей династии Франков. Поэтому они постарались быстренько их переименовать и превратить в «слабых, невезучих и жалких» королей, изолгав в очередной раз* ***настоящую*** *мировую историю. Меравингли же были яркой, умной и одарённой династией северных Русов, добровольно покинувших свою великую родину и смешавших свою кровь с высшими династиями тогдашней Европы, дабы родился из этого новый могущественный Род магов и воинов, который смог бы мудро править странами и народами, населявшими в то время полудикую Европу. Они были чудесными магами и воинами, могли лечить страдающих и учить достойных.*

Все без исключения Меравингли носили очень длинные волосы, которых ***ни при каких обстоятельствах не соглашались стричь****, так как черпали через них Живую Силу. Но, к сожалению, это было также известно и Думающим Тёмным. Именно поэтому самым страшным наказанием стал насильный «постриг» последней Меравинглььской королевской семьи. После предательства королевского казначея-еврея, ложью и хитростью натравившего в этой семье брата на брата, сына на отца, ну, а потом уже с лёгкостью сыгравшего на человеческой гордости и чести... Так впервые в королевской семье Меравинглей*

пошатнулась былая твердыня. И непоколебимая вера в единство Рода дала первую глубокую трещину... Многовековая война Меравинглей с противоборствующим родом стала подходить к своему печальному завершению... Последний ***настоящий*** *король этой чудесной династии — Дагобер II, оказался, опять же, по-предательски убитым — он погиб на охоте от руки подкупленного убийцы, ударившего его* ***в спину*** *отравленным копьём. На этом и закончилась (вернее — была истреблена) самая одарённая династия в Европе, нёсшая свет и силу непросвещённому европейскому народу.*

Как видишь, Изидора, трусы и предатели во все времена ***не осмеливались бороться открыто****, зная наверняка, что выиграть* ***честно*** *у них никогда не было и не будет никаких, даже малейших шансов. Но зато* ***ложью и низостью они побеждали даже самых сильнейших****, используя их честь и совесть в свою пользу... совершенно не беспокоясь о своей же «погибающей во лжи» душе. Таким образом, уничтожив «мешающих* ***просветлённых****», Думающие Тёмные после придумывали* ***угодную им*** *«историю». А люди, для которых такая «история» создавалась, тут же с лёгкостью принимали её, даже не попытавшись задуматься... Это, опять же, наша Земля, Изидора. И мне искренне грустно и больно, что не удаётся заставить её «проснуться»...*

Моё сердце вдруг горько и болезненно заныло... Значит, всё же, ***во все времена были*** *светлые и сильные люди, мужественно, но безнадёжно боровшиеся за счастье и будущее человечества! И они все, как правило, погибали... В чём же была причина столь жестокой несправедливости?.. С чем же всё-таки был связан такой повторяющийся смертельный исход?*

— Скажи мне, Север, почему всегда погибают самые чистые и самые сильные?.. Знаю, что уже задавала тебе этот вопрос... Но я всё ещё не могу понять, неужели же люди и вправду не видят, сколь прекрасна и радостна была бы жизнь, послушай бы они хоть одного из тех, кто так яро за них сражался?! Неужели ты всё же прав, и Земля настолько слепа, что за неё пока ещё рано болеть?!. Пока ещё рано бороться?..

Грустно покачав головой, Север ласково улыбнулся.

— Ты сама знаешь ответ на этот вопрос, Изидора... Но ты ведь не сдашься, даже если тебя и пугает столь жестокая правда? Ты — Воин, и ты таковой останешься. Иначе предала бы себя, и смысл жизни навсегда был бы для тебя потерян. ***Мы есть то, что мы ЕСТЬ.*** *И как бы мы не старались меняться, наш* ***стержень*** *(или наша* ***основа****) всё равно останется таким,* ***каковой по-настоящему является наша СУТЬ.*** *Ведь если человек пока ещё «слеп» — у него всё же* ***есть надежда*** *когда-то прозреть, не так ли? Или если мозг его всё ещё спит — он всё же* ***может*** *когда-нибудь проснуться. Но если человек* ***по сути своей «гнил»*** *— то, каким бы хорошим он быть ни старался, его гнилая душа всё равно в один прекрасный день выползает наружу... и убивает любую его попытку выглядеть лучше. А вот если Человек* ***истинно честен*** *и смел — его не сломает боязнь боли, ни самые злые угрозы, так как его душа, его СУТЬ* ***навсегда останется такой же*** *смелой и такой же чистой, как бы безжалостно и жестоко он ни страдал. Но вся беда и слабость его в том, что так как*

Человек этот поистине Чист, он не может узреть предательство и подлость ещё ***до того****, как оно становится явным, и когда ещё не слишком поздно что-либо предпринять... Он не может такое предусмотреть, так как эти низкие чувства в нём* ***полностью отсутствуют****. Поэтому на Земле всегда будут гибнуть самые светлые и самые смелые люди, Изидора. И продолжаться будет это до тех пор, пока* ***КАЖДЫЙ*** *земной человек не прозреет и не поймёт, что* ***жизнь не даётся даром****, что* ***за прекрасное надо бороться****, и что Земля не станет лучше, пока он* ***не наполнит её своим добром*** *и* ***не украсит своим трудом,*** *каким бы малым или незначительным он ни был. Но как я уже говорил тебе, Изидора, этого придётся ещё очень долго ждать, ибо пока что человек думает только о своём* ***личном благополучии,*** *даже не задумываясь, для чего он пришёл на Землю, для чего был на ней рождён... Ибо каждая ЖИЗНЬ, какой бы незначительной она ни казалась, приходит на Землю с какой-то определённой целью. В большинстве своём — чтобы сделать лучше и радостнее, могущественнее и мудрее наш общий ДОМ.*

— Ты думаешь, обычного человека когда-нибудь заинтересует ***общее*** *благо? Ведь у многих людей это понятие совершенно отсутствует. Как же их научить, Север?..*

— Этому нельзя научить, Изидора. У людей должна появиться ***потребность*** *к Свету,* ***потребность*** *к Добру. Они должны* ***сами желать изменения****. Ибо то, что даётся насильно, человек инстинктивно старается побыстрее отвергнуть, даже не пытаясь что-либо понять. Но мы отвлеклись, Изидора. Желаешь ли, чтобы я продолжил историю Радомира и Магдалины?*

Я утвердительно кивнула, в душе сильно сожалея, что не могу вот так просто и спокойно вести с ним беседу, не волнуясь об отпущенных мне судьбой последних минутах моей искалеченной жизни и не думая с ужасом о нависшей над Анной беде...

— В библии очень много пишется об Иоанне Крестителе. Был ли он по-настоящему с Радомиром и рыцарями Храма? Его образ так удивительно хорош, что иногда заставлял сомневаться, являлся ли Иоанн настоящей фигурой? Можешь ли ты ответить, Север?

Север тепло улыбнулся, видимо вспоминая что-то, очень для него приятное и дорогое...

— Иоанн был мудрым и добрым, как большое тёплое солнце... Он был отцом для всех идущих с ним, их учителем и другом... Его ценили, слушались и любили. Но он никогда не был тем молодым и удивительно красивым юношей, каким его обычно рисовали художники. Иоанн в то время был уже пожилым волхвом, но всё ещё очень сильным и стойким. Седой и высокий, он был скорее похож на могучего былинного воина, чем на удивительно красивого и нежного юношу. Он носил очень длинные волосы, как впрочем, и все остальные, находящиеся с Радомиром. ***Это был Радан****, он был и правда необычайно красивым. Он, как и Радомир, с малых лет жил в Мэтэоре, рядом со своей матерью, Ведуньей Марией. Вспомни, Изидора, как много картин существует, в которых Мария написана с двумя, почти одного возраста, младенцами. Их почему-то рисовали*

все знаменитые художники, возможно, даже не понимая, КОГО по-настоящему изображала их кисть... И что самое интересное — это то, что ***именно на Радана*** *Мария смотрит на всех этих картинах. Видимо уже тогда, будучи ещё младенцем, Радан уже был таким же весёлым и притягивающим, каким он оставался всю свою короткую жизнь...*

И ещё... если бы и рисовали художники ***именно Иоанна*** *на этих картинах, то как же тогда тот же самый Иоанн сумел бы так* ***чудовищно постареть ко времени своей казни, свершённой по желанию капризницы Саломе?..*** *Ведь по Библии это случилось ещё* ***до распятия*** *Христа, значит, Иоанну должно было быть в то время никак не более тридцати четырёх лет!* ***Каким же образом из по-девичьи красивого, златокудрого юноши он превратился в старого и совсем уж несимпатичного еврея****?!*

— Значит Волхв Иоанн не погиб, Север? — обрадовано спросила я. — Или он погиб по-другому?..

— К сожалению, ***настоящему*** *Иоанну и правда отрубили голову, Изидора, но это не произошло по злой воле капризной избалованной женщины.* ***Причиной его гибели было предательство*** *иудейского* ***«друга», которому он доверял, и у которого в доме жил несколько лет...***

— Но как же он не почувствовал? Как не увидел, ***что*** *это за «друг»?! — возмутилась я.*

— Наверное, невозможно подозревать каждого человека, Изидора... Думаю, им и так было достаточно сложно кому-то довериться, ведь им всем приходилось как-то приспосабливаться и жить в той чужой, незнакомой стране, не забывай этого. Потому, из большого и меньшего зла они, видимо, старались выбрать меньшее. Но предугадать всё невозможно, ты ведь сама прекрасно знаешь это, Изидора... Смерть Волхва Иоанна произошла уже ***после*** *распятия Радомира. Его отравил иудей, в доме у которого Иоанн в то время жил вместе с семьёй погибшего Иисуса. В один из вечеров, когда весь дом уже почивал, хозяин, беседуя с Иоанном, преподнёс ему его любимый чай с примесью сильнейшего травяного яда... На следующее утро никто даже не сумел понять, что же такое случилось. По словам хозяина, Иоанн просто мгновенно уснул, и уже никогда не проснулся более... Его тело нашли утром в его окровавленном ложе с... отрубленной головой... По словам того же хозяина, иудеи очень боялись Иоанна, так как считали его непревзойдённым магом. И* ***чтобы быть уверенными, что он никогда уже не воскреснет*** *— они обезглавили его. Голову же Иоанна позже выкупили (!!!) у них и забрали с собою рыцари Храма, сумев сохранить её и привезти в Долину Магов, чтобы таким образом дать Иоанну хотя бы такое малое, но достойное и заслуженное почтение, не разрешая иудеям просто глумиться над ним, выполняя какие-нибудь свои магические ритуалы. С тех пор голова Иоанна была с ними всегда, где бы они ни находились. И за эту же голову через две сотни лет рыцарей Храма обвинили в преступном поклонении Дьяволу... Ты ведь помнишь последнее «дело Тамплиеров» (Рыцарей Храма), не так ли, Изидора? Именно там их обвинили в поклонении «говорящей голове», которая бесила всё церковное духовенство.*

— Прости меня, Север, но почему Рыцари Храма не привезли голову Иоанна сюда, в Мэтэору? Ведь, насколько я понимаю, вы все очень любили его! И откуда тебе известны все эти подробности? Тебя ведь не было вместе с ними? Кто рассказал тебе всё это?

— Рассказала нам всю эту печальную историю Ведунья Мария, мать Радана и Радомира...

— А разве Мария вернулась к вам после казни Иисуса?!.. Ведь, насколько известно мне, она была с её сыном во время распятия. Когда же она вернулась к вам? Возможно ли, что она всё ещё жива?.. — затаив дыхание, спросила я.

Мне так хотелось увидеть хотя бы кого-то из тех достойных, мужественных людей!.. Так хотелось «зарядиться» их выдержкой и силой в моей предстоящей последней борьбе!..

— Нет, Изидора. К сожалению, Мария умерла столетия назад. Она не пожелала жить долго, хотя могла. Думаю, её боль была слишком глубокой... Ушедшая к своим сыновьям в незнакомую, далёкую страну (ещё за много лет до их смерти), но так и не сумевшая уберечь ни одного из них, Мария не вернулась в Мэтэору, уйдя вместе с Магдалиной. Уйдя, как мы тогда думали, навсегда... Устав от горечи и потерь, уже после гибели любимой внучки и Магдалины, Мария решила оставить свою жестокую и немилосердную жизнь... Но перед тем, как «уйти» навсегда, она всё же пришла в Мэтэору, чтобы проститься. Чтобы поведать нам истинную историю гибели тех, кого мы все сильно любили... А ещё, она вернулась для того, чтобы в последний раз увидеть Белого Волхва... Своего супруга и вернейшего друга, которого так и не смогла никогда забыть. В своём сердце она простила его. Но, к его великому сожалению, не смогла принести ему прощение Магдалины...

*Так что, как видишь, Изидора, великая христианская басня о «**всепрощении**» это просто детская ложь для наивных верующих, чтобы **разрешить им творить любое Зло**, зная, что, **чего бы они ни сделали, в конечном итоге их простят**. Но **прощать можно лишь то, что по-настоящему достойно прощения**. **Человек должен понимать**, что **за любое свершённое Зло ему приходится отвечать**... И не перед каким-то таинственным Богом, а **перед собой**, заставляя себя же жестоко страдать. Магдалина не простила Владыко, хотя глубоко уважала и искренне любила его. Так же, как она не сумела простить и всех нас за страшную смерть Радомира. Ведь **именно ОНА** лучше всех понимала — мы **могли** помочь ему, **могли** спасти его от жестокой смерти... Но не захотели. Считая вину Белого Волхва слишком жестокой, она оставила его жить с этой виной, ни на минуту не забывая её... Она не захотела даровать ему лёгкого прощения. Мы так больше никогда и не увидели её. Как никогда не увидели и их малышей. Через одного из рыцарей своего Храма — нашего волхва — Магдалина передала ответ Владыке на его просьбу вернуться к нам: «Солнце не восходит в один день дважды... Радость вашего мира (Радомир) уже никогда не вернётся к вам, как не вернусь к вам и я... Я нашла свою ВЕРУ и свою ПРАВДУ, они **ЖИВЫЕ**, ваша же — МЕРТВА... Оплакивайте своих сыновей — они вас любили. Я же никогда не прощу вам их смерти, пока жива. И*

пусть вина ваша остаётся с вами. Возможно, когда-нибудь она принесёт вам Свет и Прощение... Но не от меня». Голову же Волхва Иоанна не привезли в Мэтэору по той же самой причине — никто из рыцарей Храма не захотел возвращаться к нам... Мы потеряли их, как теряли не раз многих других, кто не хотел понять и принять наших жертв... Кто так же, как ты — ушли, осуждая нас.

У меня кружилась голова!.. Как жаждущий, утоляя свой вечный голод знания, я жадно впитывала поток удивительной информации, щедро даримой Севером... И мне хотелось намного больше!.. Хотелось знать всё до конца. Это было глотком свежей воды в выжженной болью и бедами пустыне! И я никак не могла вдоволь напиться...

— У меня тысячи вопросов! Но не осталось времени... Что же мне делать, Север?..

— Спрашивай, Изидора!.. Спрашивай, я постараюсь ответить тебе...

— Скажи, Север, почему мне кажется, что в этой истории как бы соединились ***две истории жизни****, оплетённые схожими событиями, и* ***преподносятся они, как жизнь одного лица****? Или я не права?*

— Ты абсолютно права, Изидора. Как я уже говорил тебе ранее, «сильные мира сего», кто создавал фальшивую историю человечества, ***«надели»*** *на* ***истинную жизнь Христа чужую жизнь иудейского пророка Джошуа (Joshua), жившего полторы тысячи лет тому назад*** (со времени рассказа Севера)*. И не только его самого, но и его семьи, его родных и близких, его друзей и последователей. Ведь именно* ***у жены пророка Джошуа — иудейки Марии —*** *была сестра Марта и брат Лазарь, сестра его матери Мария Якобе, и другие, которых* ***никогда не было рядом с Радомиром и Магдалиной.*** *Так же, как* ***не было рядом с ними*** *и чужих «апостолов» — Павла, Матфея, Петра, Луки и остальных...* ***Именно семья пророка Джошуа*** *перебралась полторы тысячи лет назад в Прованс* (который в те времена назывался Гаул (Transalpine Gaul))*, в греческий город Массалию* (теперешний Марсель)*, так как Массалия в то время была «воротами» между Европой и Азией, и это было самым лёгким путём для всех «гонимых» во избежание преследований и бед.* ***Настоящая же*** *Магдалина перебралась в Лангедок* ***через тысячу лет после рождения иудейки Марии****, и она-то шла именно* ***Домой****, а не убегала от иудеев к другим иудеям, как это сделала иудейка Мария, никогда не бывшая той светлой и чистой Звездой, которой была* ***настоящая Магдалина****. Иудейка Мария была доброй, но недалёкой женщиной, выданной замуж очень рано. И она никогда не звалась Магдалиной... Это имя «повесили» на неё, желая соединить в одно этих двух несовместимых женщин. И чтобы доказать подобную нелепую легенду, придумали фальшивую историю про город Магдалу, которого во время жизни иудейки Марии в Галилее ещё не существовало... Вся эта возмутительная «история»* ***двух Иисусов*** *была намеренно так перемешана и перепутана, чтобы простому человеку оказалось слишком сложно доискаться до истины. И только лишь те, которые по-настоящему умели мыслить, видели,* ***какую сплошную ложь несло христианство — самая жестокая и самая кровожадная из всех религий.*** *Но, как*

я уже говорил тебе ранее, в большинстве своём люди ***не любят*** *ДУМАТЬ самостоятельно. Поэтому они принимали и принимают на веру всё, чему учит римская церковь. Так было удобно, и так было всегда. Человек не был готов принимать* ***настоящее*** *УЧЕНИЕ Радомира и Магдалины, которое требовало труда и самостоятельного мышления. Но зато, людям всегда нравилось и ими одобрялось то, что было предельно просто — что говорило им,* ***во что надо верить****, что* ***можно принимать****, а что* ***должно отрицаться.***

На минуту мне стало очень страшно — слова Севера слишком напоминали изречения Караффы!.. Но в своей «бунтующей» душе я никак не желала согласиться, что кровожадный убийца — Папа — мог оказаться хоть в чём-то по-настоящему прав...

— Эта рабская «вера» нужна была всё тем же Думающим Тёмным, чтобы укрепить своё господство в нашем хрупком, ещё только ***зарождающемся*** *мире... чтобы* ***никогда уже не позволить ему родиться...*** *— спокойно продолжал Север. — Именно для того, чтобы успешнее поработить нашу Землю, Думающие Тёмные и нашли этот малый, но очень гибкий и тщеславный, им одним понятный еврейский народ. В силу его «гибкости» и подвижности, этот народ легко поддавался чужому влиянию и стал опасным орудием в руках Думающих Тёмных, которые и нашли жившего там когда-то пророка Джошуа, и хитро «переплели»* ***историю его жизни*** *с историей жизни Радомира, уничтожив* ***настоящие*** *жизнеописания и подложив фальшивые, дабы наивные людские умы поверили в такую «историю». Но даже и тот же иудейский Джошуа, так же* ***не имел ничего общего с религией, называемой Христианством...*** *Оно было создано по приказу императора Константина, которому требовалась* ***новая религия****, чтобы бросить уходящему из-под контроля народу* ***новую «кость».*** *И народ, даже не задумавшись, с удовольствием проглотил её... Такова пока ещё наша Земля, Изидора. И очень нескоро кому-то удастся изменить её. Очень нескоро люди захотят ДУМАТЬ, к сожалению...*

— Пусть они не готовы ещё, Север... Но ты же видишь, люди очень легко открываются «новому»! Так не показывает ли это именно то, что человечество (по-своему) ИЩЕТ пути к ***настоящему****, что люди стремятся к ИСТИНЕ, которую просто некому им показать?..*

— ***Можно тысячу раз показывать самую ценную на свете Книгу Знаний, но это ничего не даст, если человек не умеет читать****. Не правда ли, Изидора?..*

— Но ***своих*** *учеников вы ведь УЧИТЕ!.. — с тоской воскликнула я. — Они ведь тоже* ***не знали всего сразу****, перед тем, как попали к вам!* ***Так учите же человечество!!! Оно стоит того, чтобы не исчезнуть!..***

— Да, Изидора, ***мы учим наших учеников****. Но одарённые, которые попадают к нам, умеют главное — они умеют МЫСЛИТЬ... А остальные пока всего лишь «ведомые». И у нас нет на них ни времени, ни желания, пока не придёт* ***их время****, и они не окажутся достойны того, чтобы кто-то из нас их учил.*

Север был совершенно уверенным, что прав, и я знала, что никакие доводы не смогут его переубедить. Поэтому решила не настаивать более...

— Скажи, Север, что из жизни Иисуса является настоящим? Можешь ли ты рассказать мне, как он жил? И как же могло случиться, что с такой мощной и верной опорой он всё же проиграл?.. Что стало с его детьми и Магдалиной? Как долго после его смерти ей удалось прожить?

Он улыбнулся своей чудесной улыбкой...

— Ты напомнила мне сейчас юную Магдалину... Она была самой из всех любопытной и без конца задавала вопросы, на которые даже наши волхвы не всегда находили ответы!..

Север снова «ушёл» в свою грустную память, вновь встречаясь там с теми, по кому он всё ещё так глубоко и искренне тосковал.

— Она была и впрямь удивительной женщиной, Изидора! Никогда не сдававшейся и не жалеющей себя, совсем, как ты... Она готова была в любой момент отдать себя за тех, кого любила. За тех, кого считала достойнее. Да и просто — за ЖИЗНЬ... Судьба не пожалела её, обрушив на её хрупкие плечи тяжесть невозвратимых потерь, но она до последнего своего мгновения яростно боролась за своих друзей, за своих детей, и за всех, кто оставался жить на земле после гибели Радомира... Люди называли её ***Апостолом всех Апостолов****. И она истинно была им... Только не в том смысле, в котором показывает её в своих «священных писаниях» чуждый ей по своей сути еврейский язык. Магдалина была сильнейшей Ведуньей...* ***Золотой Марией****, как её называли люди, хоть однажды встретившие её. Она несла собою чистый свет Любви и Знания, и была сплошь пропитанной им, отдавая всё без остатка и не жалея себя. Её друзья очень любили её и, не задумываясь, готовы были отдать за неё свои жизни!.. За неё и за то учение, которое она продолжала нести после смерти своего любимого мужа, Иисуса Радомира.*

— Прости мою скудную осведомлённость, Север, но почему ты всё время называешь Христа — Радомиром?..

— Всё очень просто, Изидора, Радомиром нарекли его когда-то отец и мать, и оно являлось его ***настоящим, Родовым именем,*** *которое и впрямь отражало его истинную суть. Это имя имело двойное значение — Радость мира (Радо — мир) и Несущий миру Свет Знания, Свет Ра (Ра — до — мир). А Иисусом Христом его назвали уже Думающие Тёмные, когда полностью изменили историю его жизни. И как видишь, оно накрепко «прижилось» к нему на века. У иудеев всегда было много Иисусов. Это самое что ни на есть обычное и весьма распространённое еврейское имя. Хотя, как ни забавно, пришло оно к ним из Греции... Ну, а Христос (Xristos) — это вообще не имя, и значит оно по-гречески «мессия» или «просвещённый»... Спрашивается только, если в библии говорится, что Христос — христианин, то как же тогда объяснить эти* ***языческие*** *греческие имена, которые дали ему сами Думающие Тёмные?.. Не правда ли, интересно? И это лишь самая малая из тех многих ошибок, Изидора, которых не хочет (или не может!..) видеть человек.*

— Но как же он может их видеть, если слепо верит в то, что ему преподносят?.. Мы должны показать это людям! Они обязаны всё это знать, Север! — опять не выдержала я.

*— Мы **ничего людям не должны**, Изидора... — резко ответил Север. — Они вполне довольны тем, во что они верят. И не хотят ничего менять. Желаешь ли, чтобы я продолжил?*

Он снова наглухо отгородился от меня стеной «железной» уверенности в своей правоте, и мне не оставалось ничего более, как лишь кивнуть в ответ, не скрывая проступивших слёз разочарования... Бессмысленно было даже пытаться что-либо доказывать — он жил в своём «правильном» мире, не отвлекаясь на мелкие «земные неполадки»...

— После жестокой смерти Радомира, Магдалина решила вернуться туда, где был её настоящий Дом, где когда-то давно она родилась на свет. Наверное, всем нам присуща тяга к нашим «корням», особенно, когда по той или иной причине становится плохо... Вот и она, убитая своим глубоким горем, раненая и одинокая, решила наконец-то вернуться ДОМОЙ... Это место находилось в загадочной Окситании (сегодняшняя Франция, Лангедок) *и называлось оно **Долиной Магов*** (или также — **Долиной Богов**)*, славившейся своей суровой, мистической величавостью и красотой. И не было человека, который однажды побывав там, не полюбил бы Долину Магов на всю свою оставшуюся жизнь...*

— Прости, Север, что прерываю тебя, но имя Магдалины... не от Долины Магов ли пришло оно?.. — не в состоянии удержаться от потрясшего меня открытия, воскликнула я.

*— Ты совершенно права, Изидора. — улыбнулся Север. — Вот видишь — ты **мыслишь**!.. **Настоящая** Магдалина родилась около пятисот лет назад в Окситанской Долине Магов, и поэтому называли её Марией — Магом Долины (Маг-долины).*

— Что же это за долина — Долина Магов, Север?.. И почему я никогда не слышала о подобном? Отец никогда не упоминал такое название, и об этом не говорил ни один из моих учителей?

*— О, это очень древнее и очень мощное по своей силе место, Изидора! Земля там дарила когда-то необычайную силу... Её называли «Землёю Солнца», или «Чистой землёй». Она была создана **рукотворно**, много тысячелетий назад... И там когда-то жили двое из тех, кого люди называли Богами. Они берегли эту Чистую Землю от «чёрных сил», так как хранила она в себе Врата Междумирья, которых уже не существует сегодня. Но когда-то, очень давно, это было место прихода **иномирных** людей и **иномирных** вестей. Это был один **из семи** «мостов» Земли... Уничтоженный, к сожалению, глупой ошибкою Человека. Позже, много веков спустя, в этой долине начали рождаться одарённые дети. И для них, сильных, но несмышлёных, мы создали там новую «мэтэору»... Которую назвали — Раведой (Ра-ведать). Это была как бы младшая сестра нашей Мэтэоры, в которой так же учили Знанию, только намного более простому, чем учили этому мы, так как Раведа была открыта без исключения **для всех одарённых**. Там не давались Сокровенные Знания, а давалось лишь то, что могло помочь им жить со своей ношей, что могло научить их познать и контролировать свой удивительный Дар. Постепенно, в Раведу начали стекаться разные-преразные одарённые люди с самых дальних краёв Земли, жаждущие*

учиться. И потому, что Раведа была открытой именно ***для всех****, иногда туда приходили так же и* ***«серые» одарённые****, которых так же учили Знанию, надеясь, что в один прекрасный день к ним обязательно вернётся их затерявшаяся Светлая Душа. Так и назвали со временем эту Долину — Долиной Магов, как бы предупреждая непосвящённых о возможности встретить там неожиданные и удивительные чудеса... рождённые мыслью и сердцем одарённых... С Магдалиной и Ведуньей Марией пришли туда шесть рыцарей Храма, которые, с помощью живших там друзей, поселились в их необычных замках-крепостях, стоящих на живых «точках силы», дававших живущим в них природную мощь и защиту. Магдалина же на время удалилась со своей малолетней дочуркой в пещеры, желая быть вдали от любой суеты, всей своей наболевшей душой ища покоя...*

— Покажи мне её, Север!.. — не выдержав, попросила я. — Покажи мне, пожалуйста, Магдалину...

К моему величайшему удивлению, вместо суровых каменных пещер, я увидела ласковое, голубое море, на песчаном берегу которого стояла женщина. Я тут же узнала её — это была Мария Магдалина... Единственная любовь Радомира, его жена, мать его чудесных детей... и его вдова.

Она стояла прямая и гордая, несгибаемая и сильная... И только на её чистом тонком лице жила жгучая затаённая боль... Она была всё ещё очень похожа на ту дивную, светлую девочку, которую когда-то показал мне Север... только теперь её смешливое, милое лицо уже омрачала настоящая, «взрослая» печаль... Магдалина была красива той тёплой и нежной женственной красотой, которая одинаково поражала и молодых, и старых, заставляя почитать её, оставаться с ней, служить ей, и любить её, как можно любить только лишь мечту, вдруг воплотившуюся в человека...

Она стояла очень спокойно, сосредоточенно всматриваясь куда-то вдаль, будто чего-то ожидая. А рядом с ней, цепко обняв её колени, жалась крохотная девчушка — вторая маленькая Магдалина!.. Она была потрясающе похожа на свою мать — такие же длинные золотые волосы... такие же лучистые голубые глаза... и такие же забавные, весёлые ямочки на нежных улыбающихся щеках. Девочка была удивительно хороша и смешлива. Вот только мама казалась настолько грустной, что малышка не решалась её беспокоить, а лишь тихо стояла, тесно прижавшись, будто ждала, когда же уже пройдёт эта странная, непонятная мамина печаль... Ласковый ветерок лениво играл в золотых прядях длинных волос Магдалины, временами пробегая по её нежным щекам, осторожно касаясь их тёплым морским дуновением... Она стояла застывшая, точно статуя, и лишь в её грустных глазах явно читалось напряжённое ожидание... Вдруг очень далеко на горизонте показалась белая, пушистая точка, медленно превращавшаяся в далёкие паруса. Магдалина тут же преобразилась и ожила, крепко прижимая к себе дочурку, и как можно веселее сказала:

— Ну, вот мы и дождались, моё сокровище! Ты ведь хотела увидеть, откуда мама пришла в эту страну? Хотела ведь?.. Вот и поплывём мы с тобой далеко-далеко, пока не достигнем самого дальнего берега, где есть наш ДОМ...

Ты полюбишь его так же сильно, как любила я. Обещаю тебе.

Наклонившись, Магдалина обвила руками свою крохотную дочурку, как бы желая защитить её от тех бед, которые зрила в их будущем её утончённая, ласковая душа.

— Мамочка, скажи, папа ведь тоже поплывёт с нами? Мы ведь не можем его здесь оставить? Правда? — и вдруг спохватившись, удивлённо спросила, — А почему его так долго нет?.. Уже почти два месяца мы его не видели... Мама, а где папа?

Глаза Магдалины стали суровыми и отрешёнными... И я тут же поняла — её малышка дочь ещё не знала, что папа уже никогда больше никуда с ними не поплывёт, так как те же самые два месяца назад он закончил свою короткую жизнь на кресте... Ну, а несчастная Магдалина, видимо, никак не могла отважиться сказать этому маленькому, чистому человечку о такой страшной, бесчеловечной беде. Да и ***как*** *она могла сказать об этом ей, такой крошечной и беззащитной? Как объяснить ей, что были люди, которые ненавидели её доброго, светлого папу?.. Что они жаждали его смерти. И что никто из рыцарей Храма — его друзей — не смог его спасти?..*

И она отвечала всё так же ласково и уверенно, стараясь успокоить свою встревоженную малышку.

— Папа не поплывёт с нами, ангел мой. Так же, как и твой любимый братик, Светодар.... У них есть долг, который они должны исполнить. Ты ведь помнишь, я рассказывала тебе, что такое — долг? Помнишь ведь?.. Мы поплывём вместе с друзьями — ты и я... Я знаю, ты их любишь. Тебе с ними будет хорошо, моя милая. И я буду всегда с тобой. Обещаю тебе.

Девчушка успокоилась, и уже веселее спросила:

— Мама, скажи, а в твоей стране много маленьких девочек? У меня там будет подруга? А то я всё с большими и с большими... А с ними не интересно. И играть они не умеют.

— Ну что ты, милая, а как же твой дядя, Радан? — улыбнувшись, спросила Магдалина. — Тебе ведь всегда бывает с ним интересно? И сказки он тебе рассказывает забавные, правда ведь?

Малышка с минуту подумала, а потом очень серьёзно заявила:

— Ну, может не так уж с ними и плохо, с взрослыми. Только я всё равно скучаю по друзьям... Я ведь маленькая, правда? Ну вот и друзья мои должны быть маленькими. А взрослые должны быть только иногда.

Магдалина удивлённо на неё посмотрела, и неожиданно схватив дочку на руки, звонко расцеловала в обе щеки.

— Ты права, золотце! Взрослые должны играть с тобой только иногда. Я обещаю — мы найдём тебе там самую хорошую подругу! Тебе придётся только чуточку подождать. Но ты ведь умеешь это? Ты у нас самая терпеливая девочка на свете, правда ведь?...

Этот простой, тёплый диалог двух одиноких любящих существ, запал мне в самую душу!.. И так хотелось верить, что всё у них будет хорошо! Что злая судьба обойдёт их стороной и что жизнь их будет светлой и доброй!.. Но к

сожалению, так же, как и у меня, у них, я знала, не будет... За что платили мы такую цену?!.. За что наши судьбы были столь безжалостны и жестоки?

Не успела я обернуться к Северу, чтобы задать следующий вопрос, как тут же появилось новое видение, от которого у меня просто захватило дух...

В прохладной тени огромного старого платана на смешных низких скамеечках сидели четверо человек. Двое из них были совсем ещё молодыми и очень похожими друг на друга. Третий же был седовласый старец, высокий и сильный, как защитная скала. На коленях он держал мальчика, которому от силы было 8-9 лет. И конечно же, Северу не понадобилось объяснять мне, кто были эти люди...

Радомира я узнала сразу, так как в нём оставалось слишком много от того чудесного, светлого юноши, виданного мною в первое посещения Мэтэоры. Он лишь сильно возмужал, стал суровее и взрослее. Его синие, пронизывающие глаза теперь смотрели на мир внимательно и жёстко, как бы говоря:

*«Если не веришь мне — послушай меня ещё раз, ну, а если и тогда не поверишь — уходи. Жизнь слишком ценна, чтобы отдавать её нест**о**ящим».*

*Он уже не был тем «любвеобильным», наивным мальчиком, которому казалось, что он в силах **изменить любого человека**... что в силах **изменить весь мир**... Теперь Радомир был Воином. Об этом говорил весь его облик — внутренняя собранность, аскетически тонкое, но очень сильное тело, упорная складка в уголках ярких, сжатых губ, пронизывающий взгляд его синих, вспыхивающих стальным оттенком, глаз... Да и вся бушующая в нём, невероятная сила, заставлявшая друзей уважать его (а врагов считаться с ним!) явно показывала в нём настоящего Воина, и уж ни в коем случае не беспомощного и мягкосердечного Бога, коим так упорно пыталась показать его ненавидимая им христианская церковь. И ещё... У него была изумительная улыбка, которая, видимо, стала всё реже и реже появляться на усталом, измождённом тяжкими думами лице. Но когда она появлялась — весь окружающий мир становился добрее, согреваемый его чудесным, безграничным теплом. Это тепло заполняло счастьем все одинокие, обделённые души!.. И именно в нём раскрывалась настоящая суть Радомира! В нём открывалась его истинная, любящая Душа.*

*Радан же (а это явно был он) выглядел чуть моложе и веселее (хотя был на один год **старше** Радомира). Он глядел на мир радостно и бесстрашно, будто никакая беда просто **не могла, не имела права** его коснуться. Будто любое горе должно было обойти его стороной... Он, несомненно, всегда являлся душой любого собрания, освещая его своим радостным, светлым присутствием, где бы ни находился. Юноша будто искрился каким-то радостным внутренним светом, который обезоруживал молодых и старых, заставляя безоговорочно любить его и оберегать, как ценнейшее сокровище, приходящее порадовать Землю раз в тысячи лет. Он был улыбчивым и ярким, как летнее солнышко, с лицом, овитым мягкими золотыми кудрями, и хотелось смотреть на него, любоваться им, забывая о жестокости и злобе окружавшего мира...*

Третий участник маленького собрания сильно отличался от обоих брать-

ев... Во-первых, он был намного старше и мудрее. Казалось, он носил на своих плечах всю неподъёмную тяжесть Земли, как-то ухитряясь с этим жить и не ломаться, в то же время, сохраняя в своей широкой душе добро и любовь к окружающим его людям. Рядом с ним взрослые казались несмышлёными детьми, пришедшими к мудрому Отцу за советом...

Он был очень высоким и мощным, как большая несокрушимая крепость, проверенная годами тяжких войн и бед... Взгляд его внимательных серых глаз был колючим, но очень добрым, а сами глаза поражали цветом — они были невероятно светлыми и яркими, какими бывают только в ранней юности, пока их не омрачают чёрные тучи горечей и слёз. Этим могучим, тёплым человеком был, конечно же, Волхв Иоанн...

Мальчик же, преспокойно устроившись на могучих коленях старца, о чём-то очень сосредоточенно размышлял, не обращая внимания на окружающих. Несмотря на его юный возраст, он казался очень умным и спокойным, наполненным внутренней силой и светом. Его личико было сосредоточенным и серьёзным, будто малыш в тот момент решал для себя какую-то очень важную и сложную задачу. Так же, как и его отец, он был светловолосым и голубоглазым. Только черты его лица были на удивление мягкими и нежными, более похожими на мать — Светлую Марию Магдалину.

Полуденный воздух вокруг был сухим и жарким, как раскалённая печь. Утомлённые зноем мухи слетались к дереву, и лениво ползая по его необъятному стволу, надоедливо жужжали, беспокоя отдыхавших в широкой тени старого платана четверых собеседников. Под добрыми, гостеприимно раскинутыми ветвями веяло приятной зеленью и прохладой, причиной чему был резво бежавший прямо из-под корней могучего дерева игривый узенький ручеёк. Подпрыгивая на каждом камешке и кочке, он весело разбрызгивал блестящие прозрачные капли и бежал себе дальше, приятно освежая окружающее пространство. С ним рядом дышалось легко и чисто. И защищённые от полуденного зноя люди отдыхали, с наслаждением впитывая прохладную, драгоценную влагу... Пахло землёй и травами. Мир казался спокойным, добрым и безопасным.

— Я не понимаю их, Учитель... — задумчиво произнёс Радомир. — Днём они мягки, вечером — ласковы, ночью — хищны и коварны... Они изменчивы и непредсказуемы. Как мне понять их, подскажи! Я не могу спасти народ, его не поняв... Что же мне делать, Учитель?

Иоанн смотрел на него очень ласково, как смотрит отец на любимого сына, и наконец глубоким, низким голосом произнёс:

— Ты знаешь их речь — попытайся ***раскрыть*** *её, если сможешь. Ибо речь — это зеркало их души. Этот народ был когда-то* ***проклят нашими Богами,*** *так как пришёл он сюда на погибель Земли... Мы пытались помочь ему, посылая сюда тебя. И твой Долг — сделать всё, чтобы изменить их суть, иначе они уничтожат тебя... А потом и всех остальных живущих.* ***И не потому, что они сильны, а лишь потому, что лживы и хитры, и поражают нас, как чума.***

— Они далеки от меня, Учитель... Даже те, что являются друзьями. Я не могу почувствовать их, не могу открыть их холодные души.

— А зачем же тогда они нужны нам, папа? — вдруг включился в разговор взрослых, малый «участник» собрания.

— Мы пришли к ним, чтобы спасти их, Светодар... Чтобы вытащить занозу из их больного сердца.

— Но ты ведь сам говоришь, что они не хотят. А разве же можно лечить больного, если он сам отказывается от этого?

— Устами младенца глаголет Истина, Радомир! — воскликнул до сих пор слушавший Радан. — Подумай, ведь если они сами этого не хотят, можешь ли ты насильно заставить людей измениться?.. И уж тем более — целый народ! Они чужды нам в своей вере, в понятии Чести... которой, по-моему, у них даже и нет. Уходи, мой брат! Они уничтожат тебя. Они не стоят и дня твоей Жизни! Подумай о детях... о Магдалине! Подумай о тех, кто любит тебя!..

Радомир лишь печально покачал головой, ласково потрепав златовласую голову своего старшего брата.

— Не могу я уйти, Радан, не имею такого права... Даже если мне не удастся помочь им — я не могу уйти. Это будет похоже на бегство. Я не могу предавать Отца, не могу предавать себя...

*— Людей невозможно **заставить** меняться, если они сами этого не желают. Это будет всего лишь ложью. Им **не нужна** твоя помощь, Радомир. Они не примут твоё учение. Подумай, брат...*

*Иоанн печально наблюдал спор своих любимых учеников, зная, что оба они правы, и что ни один из них не отступится, защищая **свою** правду... Они оба были молоды и сильны, и им обоим хотелось жить, любить, наблюдать, как растут их дети, бороться за своё счастье, за покой и безопасность других, **достойных** людей. Но судьба распорядилась по-своему. Они оба шли на страдания и, возможно, даже на гибель, всё за тех же других, но в данном случае — **недостойных**, ненавидевших их и их Учение, бессовестно предававших их людей. Это смахивало на фарс, на абсурдное сновидение... И Иоанн никак не желал простить их отца, мудрого Белого Волхва, так легко отдавшего своих чудесных, сказочно одарённых детей на потеху глумливым иудеям, якобы для спасения их лживых, жестоких душ.*

— Старею... Уже слишком быстро старею... — забывшись, вслух произнёс Иоанн.

Все трое удивлённо на него уставились и тут же дружно расхохотались... уж кого невозможно было представить «старым», так это Иоанна, с его силой и мощью, завидной даже для них, молодых.

Видение исчезло. А мне так хотелось его удержать!.. В душе стало пусто и одиноко. Я не хотела расставаться с этими мужественными людьми, не хотела возвращаться в реальность...

— Покажи мне ещё, Север!!! — жадно взмолилась я. — Они помогут мне выстоять. Покажи мне ещё Магдалину...

— Что ты хочешь увидеть, Изидора?

Север был терпелив и мягок, как старший брат, провожавший свою любимую сестру. Разница была лишь в том, что провожал он меня навсегда...

— Скажи мне, Север, а как же случилось, что Магдалина имела двоих детей, а об этом нигде не упоминалось? Должно же было что-то где-то остаться?

— Ну конечно же, об этом упоминалось, Изидора! Да и не только упоминалось... Лучшие художники когда-то рисовали картины, изображая Магдалину, гордо ждущую своего наследника. Только мало что от этого осталось, к сожалению. Церковь не могла допустить такого «скандала», так как это никак не вписывалось в создаваемую ею «историю»... Но кое-что всё же осталось до сих пор, видимо, по недосмотру или невнимательности власть имущих Думающих Тёмных...

— Как же они могли допустить такое? Я всегда думала, что Думающие Тёмные достаточно умны и осторожны? Это ведь могло помочь людям увидеть ложь, преподносимую им «святыми» отцами церкви. Разве не так?

— ***Задумался ли кто-то,*** *Изидора?..*

— Я грустно покачала головой.

— Вот видишь... Люди не доставляют им слишком большого беспокойства...

— Можешь ли ты показать мне, как она ***учила****, Север?..*

Я, как дитя, спешила задавать вопросы, перескакивая с темы на тему, желая увидеть и узнать как можно больше за отпущенное мне, уже почти полностью истёкшее, время ...

И тут я снова увидела Магдалину... Вокруг неё сидели люди. Они были разного возраста — молодые и старые, все без исключения длинноволосые, одетые в простые тёмно-синие одежды. Магдалина же была в белом, с распущенными по плечам волосами, покрывавшими её чудесным золотым плащом. Помещение, в котором все они в тот момент находились, напоминало произведение сумасшедшего архитектора, воплотившего в застывшем камне свою самую потрясающую мечту... Это была пещера, похожая на величественный кафедральный собор... который, по странной прихоти, зачем-то построила там природа. Высота этого «собора» достигала невероятных размеров, уносясь прямо «в небо» удивительными, «плачущими» каменными сосульками, которые, где-то наверху слившись в чудотворный узор, снова падали вниз, зависая прямо над головами сидящих... Природного освещения в пещере, естественно, не было. Также не горели и свечи, и не просачивался, как обычно, в щели слабый дневной свет. Но несмотря на это, по всему необычному «залу» мягко разливалось приятное и равномерное золотистое сияние, приходившее неизвестно откуда и позволявшее свободно общаться и даже читать...

Сидящие вокруг Магдалины люди очень сосредоточенно и внимательно наблюдали за вытянутыми вперёд руками Магдалины. Вдруг между её ладонями начало появляться яркое золотое свечение, которое, всё уплотняясь, начало сгущаться в огромный голубоватый шар, который на глазах упрочнялся, пока не стал похожим на... планету!..

— Север, что это?.. — удивлённо прошептала я. — Это ведь наша Земля, не так ли?

Но он лишь дружески улыбнулся, не отвечая и ничего не объясняя. А я продолжала завороженно смотреть на удивительную женщину, в руках которой так просто и легко «рождались» планеты!.. Я никогда не видела Землю со стороны, лишь на рисунках, но почему-то была абсолютно уверена, что это была именно она. А в это время уже появилась вторая планета, потом ещё одна... и ещё... Они кружились вокруг Магдалины, будто волшебные, а она спокойно, с улыбкой что-то объясняла собравшимся, вроде бы совершенно не уставая и не обращая внимания на удивлённые лица, будто говорила о чём-то обычном и каждодневном. Я поняла — она учила их астрономии!.. За которую даже в моё время не «гладили» по голове, и за которую можно было ещё всё так же легко угодить прямиком в костёр... А Магдалина играючи учила этому уже тогда — долгих пятьсот лет тому назад!!!

Видение исчезло. А я, совершенно ошеломлённая, никак не могла очнуться, чтобы задать Северу свой следующий вопрос...

— Кто были эти люди, Север? Они выглядят одинаково и странно... Их как бы объединяет общая энергетическая волна. И одежда у них одинаковая, будто у монахов. Кто они?..

— О, это знаменитые Катары, Изидора, или как их ещё называют — ***чистые.*** *Люди дали им это название за строгость их нравов, чистоту их взглядов и честность их помыслов. Сами же катары называли себя «детьми» или «Рыцарями Магдалины»... коими в реальности они и являлись. Этот народ был по-настоящему СОЗДАН ею, чтобы после (когда её уже не будет) он нёс людям Свет и Знание, противопоставляя это ложному учению «святейшей» церкви. Они были самыми верными и самыми талантливыми учениками Магдалины. Удивительный и чистый народ — они несли миру ЕЁ учение, посвящая этому свои жизни. Они становились магами и алхимиками, волшебниками и учёными, врачами и философами... Им подчинялись тайны мироздания, они стали хранителями мудрости Радомира — сокровенных Знаний наших далёких предков, наших Богов...*

А ещё, все они несли в своём сердце негаснущую любовь к их «прекрасной Даме»... Золотой Марии... их Светлой и загадочной Магдалине... Катары свято хранили в своих сердцах ***истинную*** *историю прерванной жизни Радомира, и клялись сохранить его жену и детей, чего бы им это ни стоило... За что, позже, два столетия спустя, все до одного поплатились жизнью... Это по-настоящему великая и очень печальная история, Изидора. Я не уверен, нужно ли тебе её слушать.*

— Но я хочу узнать о них, Север!.. Скажи, откуда же они появились, ***все*** *одарённые? Не из долины ли Магов, случаем?*

— Ну, конечно же, Изидора, ведь это ***было их домом!*** *И* ***именно туда*** *вернулась Магдалина. Но было бы неправильно отдавать должное лишь одарённым. Ведь даже простые крестьяне учились у Катаров чтению и письменности. Многие из них наизусть знали поэтов, как бы дико сейчас для тебя это не звучало. Это была настоящая Страна Мечты. Страна Света, Знания и Веры, создаваемая Магдалиной. И эта Вера распространялась на удивление быстро,*

привлекая в свои ряды тысячи новых «катар», которые так же яро готовы были защищать даримое им Знание, как и дарившую его Золотую Марию... Учение Магдалины ураганом проносилось по странам, не оставляя в стороне ни одного думающего человека. В ряды Катар вступали аристократы и учёные, художники и пастухи, землепашцы и короли. Те, кто имели, легко отдавали катарской «церкви» свои богатства и земли, чтобы укрепилась её великая мощь, и чтобы по всей Земле разнёсся Свет её Души.

— Прости, что прерву, Север, но разве у Катар тоже была своя ***церковь****?.. Разве их учение также являлось религией?*

— Понятие «церковь» очень разнообразно, Изидора. Это не была та церковь, как понимаем её мы. Церковью катаров была сама Магдалина и её Духовный Храм. То бишь — Храм Света и Знания, как и Храм Радомира, рыцарями которого вначале были Тамплиеры (Тамплиерами Рыцарей Храма назвал король Иерусалима Болдуин II. *Temple* — по-французски — Храм.) *У них не было определённого* ***здания****, в которое люди приходили бы молиться.* ***Церковь катар находилась у них в душе****. Но в ней всё же имелись свои апостолы (или, как их называли —* ***Совершенные****), первым из которых, конечно же, была Магдалина.* ***Совершенными*** *же были люди, достигшие самых высших ступеней Знания, и посвятившие себя абсолютному служению ему. Они непрерывно совершенствовали свой Дух, почти отказываясь от физической пищи и физической любви.* ***Совершенные*** *служили людям, уча их своему знанию, леча нуждающихся и защищая своих подопечных от цепких и опасных лап католической церкви. Они были удивительными и самоотверженными людьми, готовыми до последнего защищать своё Знание и Веру, и давшую им это Магдалину. Жаль, что почти не осталось дневников катар. Всё, что у нас осталось — это записи Радомира и Магдалины, но они не дают нам точных событий последних трагичных дней мужественного и светлого катарского народа, так как происходили эти события уже спустя две сотни лет после гибели Иисуса и Магдалины.*

— Скажи, Север, как же погибла Золотая Мария? У кого хватило столь чёрного духу, чтобы поднять свою грязную руку на эту чудесную женщину?..

— Церковь, Изидора... К сожалению, всё та же церковь!.. Она взбесилась, видя в лице катар опаснейшего врага, постепенно и очень уверенно занимавшего её «святое» место. И осознавая своё скорое крушение, уже не успокаивалась более, пытаясь любым способом уничтожить Магдалину, справедливо считая её основным виновником «преступного» учения и надеясь, что без своей Путеводной Звезды катары исчезнут, не имея ни вождя, ни Веры. Церковь не понимала, насколько сильно и глубоко было Учение и Знание катар. Что это была не слепая «вера», а ***образ их жизни****,* ***суть*** *того,* ***ДЛЯ ЧЕГО они жили.*** *И поэтому, как бы ни старались «святые» отцы привлечь на свою сторону катар, в Чистой Стране Окситании не нашлось даже пяди земли для лживой и преступной христианской церкви...*

— Получается, подобное творил не только Караффа?!. Неужели же такое было всегда, Север?..

Меня объял настоящий ужас, когда я представила всю глобальную картину

предательств, лжи и убийств, которые свершала, пытаясь выжить, «святая» и «всепрощающая» христианская вера!..

— Как же такое возможно?! Как вы могли наблюдать и не вмешиваться? Как вы могли с этим жить, не сходя с ума, Север?!!

Он ничего не ответил, хорошо понимая, что это всего лишь «крик души» возмущённого человека. Да и я ведь прекрасно знала его ответ... Потому мы какое-то время молчали, как заблудшие в темноте, одинокие души...

— Так как же всё-таки погибла Золотая Мария? Можешь ли ты рассказать мне об этом? — не выдержав затянувшейся паузы, снова спросила я.

Север печально кивнул, показывая, что понял...

— После того, как учение Магдалины заняло большую половину тогдашней Европы, Папа Урбан II решил, что дальнейшее промедление будет смерти подобно для его любимой «святейшей» церкви. Хорошенько продумав свой дьявольский план, он, не откладывая, послал в Окситанию двух верных «выкормышей» Рима, которых, как «друзей» катар, знала Магдалина. И опять же, как это слишком часто бывало, чудесные, светлые люди стали жертвами своей чистоты и чести... Магдалина приняла их в свои дружеские объятия, щедро предоставляя им еду и крышу. И хотя горькая судьба научила её быть не слишком доверчивым человеком, подозревать ***любого*** *было невозможно, иначе её жизнь и её Учение потеряли бы всякий смысл. Она всё ещё верила в ДОБРО, несмотря ни на что...*

И тут я опять увидела их…

*У выхода из пещеры стояли Магдалина и её златовласая дочурка, которой в тот момент было уже лет 11-12. Они стояли, обнявшись, всё такие же друг на друга похожие и красивые, и наблюдали последнее захватывающее мгновение изумительного окситанского заката. Пещера, на входе в которую они стояли, находилась очень высоко в горах, открываясь прямо на крутой обрыв. А вдалеке, сколько охватывал взор, укутанные дымкой вечернего тумана, величаво синели горы. Гордо застывшие, как гигантские памятники вечности и природе, они помнили мудрость и мужество Человека... Только не того, что жил сейчас, убивая и предавая, властвуя и руша. А помнили они Человека сильного и творящего, любящего и гордого, что создал ч**у**дное царство Ума и Света на этом маленьком, но прекрасном клочке Земли...*

Прямо перед Магдалиной, на самой верхушке рукотворного холма возвышался её любимый замок — крепость Монсегюр... Уже более восьми долгих лет эта дружелюбная и неприступная крепость была её настоящим домом... Домом её любимой дочурки, пристанищем её друзей и Храмом её любви. В Монсегюре хранились её воспоминания — самые дорогие реликвии её жизни, её учения и её семьи. Туда собирались все её Совершенные, чтобы очистить свои Души, набраться Животворящей Силы. Там она проводила свои самые дорогие, самые спокойные от мирской суеты часы...

— Пойдём-ка, золотце моё, солнышко всё равно уже село. Теперь будем ***радоваться*** *ему завтра. А сейчас мы должны поприветить наших гостей. Ты ведь любишь общаться, правда ведь? Вот и займёшь их, пока я не освобожусь.*

— Не нравятся они мне, мама. Злые у них глаза... И руки всё время бегают, как будто не могут найти себе места. Нехорошие они люди, мамочка. Ты не могла бы попросить их уехать?

Магдалина звонко рассмеялась, нежно обнимая дочку.

— Ну вот ещё, моя подозрительница! Как же мы можем выгонять гостей? На то они и «гости», чтобы докучать нам своим присутствием! Ты ведь знаешь это, не правда ли? Вот и терпи, золотце, пока они не отбудут восвояси. А там, глядишь, и не вернутся никогда более. И не надо будет тебе занимать их.

Мать и дочь вернулись внутрь пещеры, которая теперь стала похожа на маленькую молельню, с забавным каменным «алтарём» в углу. Вдруг, в полной тишине, с правой стороны громко хрустнули камешки, и у входа в помещение показались два человека. Видимо, по какой-то своей причине они очень старались идти бесшумно, и теперь казались мне чем-то очень неприятными. Только я никак не могла определить — чем. Я почему-то сразу поняла, что это и есть непрошенные гости Магдалины... Она вздрогнула, но тут же приветливо улыбнулась и, обращаясь к старшему, спросила:

— Как вы нашли меня, Рамон? Кто показал вам вход в эту пещеру?

Человек, названный Рамоном, холодно улыбнулся и, стараясь казаться приятным, фальшиво-ласково ответил:

— О, не гневайтесь, светлая Мария! Вы ведь знаете — у меня здесь много друзей... Я просто искал вас, чтобы переговорить о чём-то важном.

— Это место для меня святое, Рамон. Оно не для мирских встреч и разговоров. И кроме моей дочери никто не мог привести вас сюда, а она, как видите, сейчас со мной. Вы следили за нами... Зачем?

Я вдруг резко почувствовала, как по спине потянуло ледяным холодом — что-то было не так, что-то должно было вот-вот случиться... Мне дико хотелось закричать!.. Как-то предупредить... Но я понимала, что не могу им помочь, не могу протянуть руку через века, не могу вмешаться... не имею такого права. События, развивающиеся передо мною, происходили очень давно, и даже если я смогла бы сейчас помочь — это уже явилось бы ***вмешательством в историю****. Так как, спаси я Магдалину — изменились бы многие судьбы, и возможно, вся последующая Земная история была бы совершенно другой... На это имели право лишь два человека на Земле, и я, к сожалению, не была одной из них...*

Далее всё происходило слишком быстро... Казалось, даже — не было реально... Холодно улыбаясь, человек по имени Рамон неожиданно схватил Магдалину сзади за волосы и молниеносно вонзил в её открытую шею узкий длинный кинжал... Послышался хруст. Даже не успев понять происходящего, Магдалина повисла у него на руке, не подавая никаких признаков жизни. По её снежно белому одеянию ручьём струилась алая кровь... Дочь пронзительно закричала, пытаясь вырваться из рук второго изверга, схватившего её за хрупкие плечи. Но её крик оборвали — просто, будто кролику, сломав тоненькую шею. Девочка упала рядом с телом своей несчастной матери, в сердце которой сумасшедший

человек всё ещё без конца втыкал свой окровавленный кинжал... Казалось, он потерял рассудок и не может остановиться... Или так сильна была его ненависть, которая управляла его преступной рукой?..

Наконец, всё закончилось. Даже не оглянувшись на содеянное, двое бессердечных убийц бесследно растворились в пещере. С их неожиданного появления прошло всего несколько коротких минут. Вечер всё ещё был таким же прекрасным и тихим, и только с вершин голубеющих гор на землю уже медленно сползала темнота. На каменном полу маленькой «кельи» мирно лежали женщина и девочка. Их длинные золотые волосы тяжёлыми прядями соприкасались, перемешавшись в сплошное золотое покрывало. Казалось, убитые спали... Только из страшных ран Магдалины всё ещё толчками выплёскивалась алая кровь. Крови было невероятно много... Она заливала пол, собираясь в огромную красную лужу.

У меня от ужаса и возмущения подкашивались ноги... Хотелось завыть волчьим голосом, не желая принимать случившееся!.. Я не могла поверить, что всё произошло так просто и незаметно. Так легко. Кто-то ведь ***должен*** *был это видеть! Кто-нибудь* ***должен*** *был их предупредить!.. Но никто не заметил. И не предупредил. Никого вокруг в тот момент просто не оказалось... И оборванные чьей-то грязной рукой две Светлые, Чистые Жизни улетели голубками в другой, незнакомый Мир, где никто больше не мог причинить им вреда.*

Золотой Марии больше не было на нашей злой и неблагодарной Земле... Она ушла к Радомиру... Вернее — к нему улетела её Душа. Мне было до дикости больно и грустно за них, за себя, и за всех, кто боролся, всё ещё веря, что могут что-либо изменить... Да могли ли?.. Если все, кто боролся, лишь погибали, имела ли смысл ***такая*** *война?..*

Вдруг прямо передо мной возникла другая картина...

В той же маленькой каменной «келье», где на полу всё ещё лежало окровавленное тело Магдалины, вокруг неё, преклонив колени, стояли Рыцари её Храма... Все они были непривычно одеты в белое — снежно белые длинные одежды. Они стояли вокруг Магдалины, опустивши свои гордые головы, а по суровым, окаменевшим лицам ручьями бежали слёзы... Первым поднялся Волхв, другом которого когда-то был Иоанн. Он осторожно, будто боясь повредить, опустил свои пальцы в рану, и окровавленной рукой начертал на груди что-то, похожее на кровавый крест... Второй сделал то же самое. Так они поочерёдно поднимались, и благоговейно погружая руки в святую кровь, рисовали красные кресты на своих снежно-белых одеждах... Я чувствовала, как у меня начали вставать дыбом волосы. Это напоминало какое-то жуткое священнодействие, которого я пока ещё не могла понять...

— Зачем они это делают, Север?.. — тихо, будто боясь, что меня услышат, шёпотом спросила я.

— Это клятва, Изидора. Клятва вечной мести... Они поклялись кровью Магдалины — самой святой для них кровью — отомстить за её смерть. Именно ***с тех пор и носили Рыцари Храма белые плащи с красными крестами.*** *Только почти никто из посторонних никогда не знал их истинного значения... И все*

почему-то очень быстро «позабыли», что рыцари Храма ***до гибели Магдалины*** *одевались в простые тёмно-коричневые балахоны, не «украшенные» никакими крестами. Рыцари Храма, как и катары,* ***ненавидели крест*** *в том смысле, в котором «почитает» его христианская церковь. Они считали его подлым и злым* ***орудием убийства, орудием смерти****. И то, что они рисовали у себя на груди кровью Магдалины, имело совершенно другое значение. Просто церковь* ***«перекроила» полностью значение Рыцарей Храма*** *под свои нужды****,*** *как и всё остальное, касающееся Радомира и Магдалины....*

Точно так же, уже после смерти, она ***во всеуслышание объявила погибшую Магдалину уличной женщиной****...*

— так же ***отрицала детей Христа*** *и* ***его женитьбу на Магдалине****...*

— так же уничтожила их обоих ***«во имя веры Христа»****, с которой они оба всю жизнь* ***яростно боролись****...*

— так же ***уничтожила Катар, пользуясь именем Христа****... именем человека,* ***Вере и Знанию которого они учили****...*

— так же ***уничтожила и Тамплиеров*** *(Рыцарей Храма),* ***объявив их приспешниками дьявола, оболгав и облив грязью их деяния****, и опошлив самого Магистра, являвшегося* ***прямым потомком Радомира и Магдалины...***

Избавившись от ***всех,*** *кто хоть как-то мог указать на низость и подлость «святейших» дьяволов Рима, христианская церковь создала легенду, которую надёжно подтвердила «неоспоримыми доказательствами», коих никто никогда почему-то не проверял, и никому не приходило в голову хотя бы подумать о происходящем.*

— Почему же нигде об этом не говорилось, Север? Почему вообще нигде ни о чём таком не говорится?!.

Он ничего мне не ответил, видимо считая, что всё и так было предельно ясно. Что здесь не о чём больше говорить. А у меня поднималась в душе горькая человеческая обида за тех, кто так незаслуженно ушёл... За тех, кто ещё уйдёт. И за него, за Севера, который жил и не понимал, что люди ***должны были всё это знать****! Знать для того, чтобы измениться. Для того, чтобы не убивать пришедшего на помощь. Чтобы понять, наконец, как дорога и прекрасна наша ЖИЗНЬ. И я точно знала, что ни за что не перестану бороться!.. Даже за таких, как Север.*

— Мне пора уходить, к сожалению... Но я благодарю тебя за твой рассказ. Думаю, ты помог мне выстоять, Север... Могу ли я задать тебе ещё один вопрос, уже не относящийся к религии? — Он кивнул. — Что это за такая красота стоит рядом с тобой? Она похожа, и в то же время совсем другая, чем та, которую я видела в первое посещение Мэтэоры.

*— Это Кристалл Жизни, Изидора. Один из семи, находящихся на Земле. Обычно его никто никогда не видит — он сам защищается от приходящих... Но, как ни странно, он показался тебе. Видимо, ты готова к б****о****льшему, Изидора... Потому я и просил тебя у нас остаться. Ты могла бы достичь очень многого, если бы захотела. Подумай, пока ещё не поздно. Я не смогу по-другому помочь тебе. Подумай, Изидора...*

— Благодарю тебя, Север. Но ты прекрасно знаешь мой ответ. Поэтому не будем всё начинать снова. Быть может, я ещё вернусь к тебе... А если нет — счастья тебе и твоим подопечным! Возможно, ***им*** *удастся изменить к лучшему нашу Землю... Удачи тебе, Север...*

— Да будет покой с тобой, Изидора... Я всё же надеюсь, что увижу тебя ещё в ***этой*** *жизни. Ну, а если же нет — прошу тебя, не держи на нас зла и там, в другом мире... Когда-нибудь ты, возможно, поймёшь* ***нашу*** *правду... Возможно, она не покажется тебе столь уж злой... Прощай, дитя Света. Да будет Мир в твоей Душе...*

Грустно напоследок ему улыбнувшись и закрыв глаза, я пошла обратно «домой»...

Вернувшись прямиком в «свою» венецианскую комнату, я потрясённо уставилась на открывшееся там зрелище!.. Ощетинившись, как попавший в капкан молодой зверёк, перед Караффой стояла взбешённая Анна. Её глаза метали молнии, и казалось, ещё чуть-чуть и моя воинственная дочь потеряет над собой контроль. Моё сердце почти что остановилось, не в состоянии поверить в происходящее!.. Казалось, вся моя долгими месяцами копившаяся тоска тут же вырвется наружу и затопит мою милую девочку с головой!.. Только сейчас, видя её перед собой, я наконец-то поняла, как же беспредельно и болезненно я по ней скучала!..

Анна была сильно повзрослевшей и выглядела ещё красивее, чем я могла её вспомнить. На её мягкие детские черты теперь наложилась суровая жизненная печать потерь, и от этого её милое лицо казалось ещё привлекательнее и утончённее. Но что меня больше всего поразило, это было то, что Анна совершенно не боялась Караффы!.. В чём же тут было дело? Неужели ей удалось найти что-то, что могло нас от него избавить?!..

— А! Мадонна Изидора! Очень кстати!.. Объясните, пожалуйста Вашей упёртой дочери, что в данный момент Вам ничего не грозит. Она стала по-настоящему невозможной!.. Думаю, Мэтэора только лишь испортила её мягкий характер. Но мы это исправим. Ей не придётся возвращаться туда более.

— Что Вы хотите этим сказать, Ваше святейшество? Вы ведь желали сделать из неё ведьму «от Бога», или Ваши планы изменились?

Меня трясло от возбуждения и боязни за Анну, но я знала, что ни в коем случае не должна показать это Караффе. Стоило ему понять, что его план оказался правильным, и тогда уж точно — Ад покажется нам с Анной отдыхом... по сравнению с подвалами Караффы. Поэтому, из последних сил стараясь выглядеть спокойной, я в то же время не спускала глаз с моей чудесной девочки. Анна держалась так уверенно, что мне оставалось лишь гадать — чему же они успели её научить там, в Мэтэоре?...

Анна кинулась мне в объятия, совершенно не обращая внимания на недовольство Караффы. Её огромные глаза сияли, словно две яркие звезды в ночном итальянском небе!

— Мама, милая, я так рада — они мне лгали!!! С тобой всё в порядке,

правда же? Они не пытали тебя? Не причинили тебе зла?..

Она хватала меня за руки, быстро ощупывала плечи, внимательно всматривалась в лицо, будто желая удостовериться, что со мной и правда было всё хорошо... Хотя бы пока...

— Мамочка, я так за тебя боялась!.. Так боялась, что не застану тебя живой!..

— Но я ведь звала тебя! Я хотела предупредить тебя, чтобы не шла. Почему ты не говорила со мной, милая?.. — обнимая мою храбрую девочку, тихо шептала я. — Он ведь обманул тебя, радость моя!..

Анна лишь счастливо улыбалась, сжимая меня в своих крепких объятиях, и мне не оставалось ничего другого, как только лишь делать то же самое — она явно не собиралась слушать меня, твёрдо веря, что была права...

— Что ж, думаю на сегодня хватит объятий! — недовольно каркнул Караффа. — Не кажется ли Вам, Изидора, что ***теперь*** *Вам придётся стать чуточку посговорчивее?... Анна стала чудесной девушкой, которой любая мать могла бы гордиться. Вам ведь должна быть очень дорога её жизнь, не так ли?.. — и сделав умышленную паузу, добавил: — Она теперь зависит только от Вас, моя дорогая Изидора... С этого момента* ***всё*** *зависит только от Вас.*

И довольно потирая руки, Караффа встал, чтобы удалиться.

— Я говорила с моим отцом, ваше святейшество... Он мне рассказывал про ту другую, далёкую жизнь. Думаю, Вы ужаснулись бы, если б услышали, что приготовлено там для таких, как Вы... Для преступников. Одумайтесь, Святейшество, возможно у Вас ещё осталось время, чтобы начать раскаиваться... Возможно, Вы ещё можете как-то сохранить Вашу скверную, никчемную жизнь!

Караффа, казалось, онемел... Он смотрел на меня настолько удивлённо, будто вместо меня вдруг увидел призрак моего отца...

— Вы хотите сказать, что ***говорили*** *со своим* ***умершим*** *отцом, Изидора?.. — шёпотом спросил он.*

— О да, Ваше Святейшество, он приходит ко мне почти ежедневно. Вы жестоко ошиблись, если думали, что удастся нас таким образом разъединить. Я ведь Ведьма, знаете ли, а он Ведун. Так что, убив его, Вы лишь оказали нам услугу — я могу теперь ***всюду*** *слышать его. Могу с ним говорить... И Вы не можете ранить его более. Он недосягаем для ваших козней.*

— Что он Вам рассказал, Изидора? — с каким-то болезненным интересом спросил Караффа.

— О, он говорил об очень многом, Святейшество. Я как-нибудь расскажу, если Вам будет интересно. А теперь, с Вашего позволения, я бы хотела пообщаться со своей дочерью. Если, конечно же, Вы не будете против... Она очень изменилась за эти два года... И я бы хотела её узнать...

— Успеется, Изидора! У Вас ещё будет на это время. И многое будет зависеть от того, как Вы себя поведёте, дорогая моя. А пока Ваша дочь пойдёт со мной. Я скоро вернусь к Вам, и очень надеюсь — вы будете говорить по-другому...

В мою уставшую Душу прокрался ледяной ужас смерти...

— Куда Вы ведёте Анну?! Что Вы от неё хотите, Ваше Святейшество?— боясь услышать ответ, всё же спросила я.

— О, успокойтесь, моя дорогая, Анна пока ещё не направляется в подвал, если это то, о чём Вы подумали. Перед тем, как что-то решать, я сперва, должен услышать Ваш ответ... Как я уже говорил — всё зависит от Вас, Изидора. Приятных Вам сновидений!

И пропустив Анну вперёд, сумасшедший Караффа удалился...

Подождав несколько очень долгих для меня минут, я попыталась мысленно выйти на Анну. Ничего не получалось — моя девочка не отвечала! Я пробовала ещё и ещё — результат был тем же... Анна не отзывалась. Этого просто не могло быть! Я знала, она ***точно захочет со мной говорить****. Мы должны были знать, что будем делать дальше. Но Анна не отвечала...*

В страшном волнении проходили часы. Я уже буквально падала с ног... всё ещё пробуя вызвать мою милую девочку. И тут появился Север...

— Ты напрасно пытаешься, Изидора. Он поставил на Анну свою защиту. Я не знаю, как тебе помочь — она мне неизвестна. Как я уже говорил тебе, её дал Караффе наш «гость», что приходил в Мэтэору. Прости, я не могу помочь тебе с этим...

— Что ж, спасибо тебе за предупреждение. И за то, что пришёл, Север.

Он мягко положил руку мне на голову...

— Отдыхай, Изидора. Сегодня ты ничего не изменишь. А завтра тебе может понадобиться много сил. Отдыхай, Дитя Света... мои мысли будут с тобой...

Последних слов Севера я почти уже не услышала, легко ускользая в призрачный мир сновидений... где всё было ласково и спокойно... где жил мой отец и Джироламо... и где ***почти*** *всегда всё было правильно и хорошо...* ***почти****...*

40. Изидора-6. Светодар

Мы со Стеллой ошеломлённо молчали, до глубины души потрясённые рассказом Изидоры... Конечно же, мы наверняка были ещё слишком малы, чтобы постичь всю глубину подлости, боли и лжи, окружавших тогда Изидору. И наверняка наши детские сердца были ещё слишком добры и наивны, чтобы понять весь ужас предстоящего ей и Анне испытания... Но кое-что уже даже нам, таким малым и неопытным, становилось ясно. Я уже понимала, что то, что преподносилось людям, как **правда**, ещё совершенно не означало, что это правдой и было, и могло на самом деле оказаться самой обычной ложью, за которую, как ни странно, никто не собирался наказывать придумавших её, и никто почему-то не должен был за неё отвечать. Всё принималось людьми, как само собой разумеющееся, все почему-то были этим совершенно довольны, и ничто в нашем мире не становилось «с ног на голову» от возмущения. Никто не собирался искать виновных, никому не хотелось доказывать правду, всё было спокойно и «безветренно», будто стоял в наших душах полный «штиль» довольства,

не беспокоимый сумасшедшими «искателями истины», и не тревожимый нашей уснувшей, забытой всеми, человеческой ***совестью***...

Искренний, глубоко-печальный рассказ Изидоры омертвил болью наши детские сердца, даже не давая времени очнуться... Казалось, не было предела бесчеловечным мукам, причиняемым чёрствыми душами уродливых палачей этой удивительной и мужественной женщине!.. Мне было искренне боязно и тревожно, только лишь думая о том, что же ждало нас по окончании её потрясающего рассказа!..

Я посмотрела на Стеллу — моя воинственная подружка испуганно жалась к Анне, не сводя с Изидоры потрясённо-округлившихся глаз... Видимо, даже её — такую храбрую и несдающуюся — ошеломила людская жестокость. Да, наверняка, мы со Стеллой видели больше, чем другие дети в свои 5-10 лет. Мы уже знали, что такое ***потеря***, знали, что означает ***боль***... Но нам ещё предстояло очень многое пережить, чтобы понять хоть малую часть того, **что** чувствовала сейчас Изидора!.. И я лишь надеялась, что мне никогда не придётся такого **на себе** по-настоящему испытать...

Я зачарованно смотрела на эту прекрасную, смелую, удивительно одарённую женщину, не в силах скрыть навернувшихся на глаза горестных слёз... Как же «люди» смели зваться ЛЮДЬМИ, творя с ней такое?!. Как Земля вообще терпела такую преступную мерзость, разрешая топтать себя, не разверзнув при этом своих глубин?!.

Изидора всё ещё находилась от нас далеко, в своих глубоко-ранящих воспоминаниях, и мне честно совсем **не хотелось**, чтобы она продолжала рассказывать дальше... Её история терзала мою детскую душу, заставляя сто раз умирать от возмущения и боли. Я **не была к этому готова.** Не знала, **как** защититься от такого зверства... И казалось, если сейчас же не прекратится вся эта раздирающая сердце повесть — я просто умру, не дождавшись её конца. Это было слишком жестоко и не поддавалось моему нормальному детскому пониманию... Но Изидора, как ни в чём ни бывало, продолжала рассказывать дальше, и нам ничего не оставалось, как только окунуться с ней снова в её исковерканную, но такую высокую и чистую, не дожитую земную ЖИЗНЬ...

Проснулась я на следующее утро очень поздно. Видимо, тот покой, что подарил мне своим прикосновением Север, согрел моё истерзанное сердце, позволяя чуточку расслабиться, чтобы новый день я могла встретить с гордо поднятой головой, что бы этот день мне ни принёс... Анна всё ещё не отвечала — видимо, Караффа твёрдо решил не позволять нам общаться, пока я не сломаюсь, или пока у него не появится в этом какая-то большая нужда.

Изолированная от моей милой девочки, но зная, что она находится рядом, я пыталась придумать разные-преразные способы общения с ней, хотя в душе прекрасно знала — ничего не удастся найти. Караффа имел свой надёжный план, который не собирался менять, согласуя с моим желанием. Скорее уж наоборот — чем больше мне хотелось увидеть Анну, тем дольше он собирался её держать взаперти, не разрешая встречу. Анна изменилась, став очень уверенной и сильной, что меня чуточку пугало, так как, зная её упёртый отцовский

характер, я могла только представить, как далеко она могла в своём упорстве пойти... Мне так хотелось, чтобы она жила!.. Чтобы палач Караффы не посягал на её хрупкую, не успевшую даже полностью распуститься, жизнь!.. Чтобы у моей девочки всё ещё было ***только впереди...***

Раздался стук в дверь — на пороге стоял Караффа...

— Как вам почивалось, дорогая Изидора? Надеюсь, близость Вашей дочери не доставила хлопот Вашему сну?

— Благодарю за заботу, Ваше Святейшество! Я спала на удивление великолепно! Видимо, именно близость Анны меня успокоила. Смогу ли я сегодня пообщаться со своей дочерью?

Он был сияющим и свежим, будто уже меня сломил, будто уже воплотилась в жизнь его самая большая мечта... Я ненавидела его уверенность в себе и своей победе! Даже если он имел для этого все основания... Даже если я знала, что очень скоро, по воле этого сумасшедшего Папы, уйду навсегда... Я не собиралась ему так просто сдаваться — я желала бороться. До последнего моего вздоха, до последней минуты, отпущенной мне на Земле...

— Так что же Вы решили, Изидора? — весело спросил Папа. — Как я уже говорил Вам ранее, именно от этого зависит, как скоро Вы увидите Анну. Я надеюсь, Вы не заставите меня принимать самые жестокие меры? Ваша дочь стоит того, чтобы её жизнь не оборвалась так рано, не правда ли? Она и впрямь очень талантлива, Изидора. И мне искренне не хотелось бы причинять ей зла.

— Я думала, Вы знаете меня достаточно давно, Ваше Святейшество, чтобы понять — угрозы не изменят моего решения... Даже самые страшные. Я могу умереть, не выдержав боли. Но я никогда не предам то, для чего живу. Простите меня, Святейшество.

Караффа смотрел на меня во все глаза, будто услышал что-то не совсем разумное, что очень его удивило.

— И Вы не пожалеете свою прекрасную дочь?!. Да вы более фанатичны, чем я, мадонна!..

Воскликнув это, Караффа резко встал и удалился. А я сидела, совершенно онемевшая. Не чувствуя своего сердца, и не в состоянии удержать разбегавшиеся мысли, будто все мои оставшиеся силы ушли на этот короткий отрицательный ответ.

Я знала, что это конец... Что теперь он возьмётся за Анну. И не была уверена, смогу ли выжить, чтобы всё это перенести. Не было сил думать о мести... Не было сил думать вообще ни о чём... Моё тело устало, и не желало более сопротивляться. Видимо, это и был предел, после которого уже наступала «другая» жизнь. Я безумно хотела увидеть Анну!.. Обнять её хотя бы раз на прощание!.. Почувствовать её бушующую силу, и сказать ей ещё раз, как сильно я её люблю... И тут, обернувшись на шум у двери, я её увидела! Моя девочка стояла прямая и гордая, как негнущаяся тростинка, которую старается сломать надвигающийся ураган.

— Что ж, побеседуйте с дочерью, Изидора. Может быть, она сможет

внести хоть какой-то здравый смысл в ваше заблудившееся сознание! Я даю Вам на встречу один час. И постарайтесь взяться за ум, Изидора. Иначе эта встреча будет для Вас последней...

Караффа не желал более играть. На весы была поставлена ***его*** *жизнь. Так же, как и жизнь моей милой Анны. И если вторая для него не имела никакого значение, то за первую (за свою) он был готов пойти на всё.*

— Мамочка!.. — Анна стояла у двери, не в состоянии пошевелиться. — Мама, милая, как же мы его уничтожим?.. Не сумеем ведь, мамочка!

Вскочив со стула, я подбежала к моему единственному сокровищу, моей девочке и, схватив в объятия, сжала что было сил...

— Ой, мамочка, ты меня так задушишь!.. — звонко засмеялась Анна.

А моя душа впитывала этот смех, как приговорённый к смерти впитывает тёплые прощальные лучи уже заходящего солнца...

— Ну что ты, мамочка, мы ведь ещё живы!.. Мы ещё можем бороться!.. Ты ведь мне сама говорила, что будешь бороться, пока жива... Вот и давай-ка думать, можем ли мы что-то сделать. Можем ли мы избавить мир от этого Зла.

Она снова меня поддерживала своей отвагой!.. Снова находила правильные слова... Эта милая храбрая девочка, почти ребёнок, не могла даже представить себе, каким пыткам мог подвергнуть её Караффа! В какой зверской боли могла утонуть её душа... Но я-то знала... Я знала всё, что её ждало, если я не пойду ему навстречу. Если не соглашусь дать Папе то единственное, что он желал.

— Хорошая моя, сердце моё... Я не смогу смотреть на твои мучения... Я тебя не отдам ему, моя девочка! Севера и ему подобных не волнует, ***кто*** *останется в этой ЖИЗНИ... Так почему же мы должны быть другими?.. Почему нас с тобой должна волновать чья-то другая, чужая судьба?!.*

Я сама испугалась своих слов... хотя в душе прекрасно понимала, что они вызваны всего лишь безысходностью нашего положения. И, конечно же, я не собиралась предавать то, ради чего жила... Ради чего погиб мой отец и бедный мой Джироламо. Просто, всего на мгновение захотелось поверить, что мы можем вот так взять и уйти из этого страшного, «чёрного» караффского мира, забыв обо всём... забыв о других, незнакомых нам людях. Забыв о зле...

Это была минутная слабость усталого человека, но я понимала, что не имела право допускать даже её. И тут, в довершение всего, видимо, не выдержав более насилия, жгучие злые слёзы ручьём полились по моему лицу... А ведь я так старалась этого не допускать!.. Старалась не показывать моей милой девочке, в какие глубины отчаяния затягивалась моя измученная, истерзанная болью душа...

Анна грустно смотрела на меня своими огромными серыми глазами, в которых жила глубокая, совсем не детская печаль... Она тихо гладила мои руки, будто желая успокоить. А моё сердце криком кричало, не желая смиряться... Не желая её терять. Она была единственным оставшимся смыслом моей неудавшейся жизни. И я не могла позволить нелюди, звавшимся римским Папой, её у меня отнять!

— Мамочка, не волнуйся за меня — как бы прочитав мои мысли, прошептала Анна. — Я не боюсь боли. Но даже если это будет очень больно, дедушка обещал меня забрать. Я говорила с ним вчера. Он будет ждать меня, если нам с тобой не удастся... И папа тоже. Они оба будут меня там ждать. Вот только тебя оставлять будет очень больно... Я так люблю тебя, мамочка!..

Анна спряталась в моих объятиях, будто ища защиты... А я не могла её защитить... Не могла спасти. Я не нашла «ключа» к Караффе...

— Прости меня, солнышко моё, я подвела тебя. Я подвела нас обеих... Я не нашла пути, чтобы уничтожить его. Прости меня, Аннушка...

Час прошёл незаметно. Мы говорили о разном, не возвращаясь более к убийству Папы, так как обе прекрасно знали — на сегодняшний день мы проиграли... И не имело значения, чего мы желали... ***Караффа жил****, и это было самое страшное и самое главное. Нам не удалось освободить от него наш мир. Не удалось спасти хороших людей. Он жил, несмотря ни на какие попытки, ни на какие желания. Несмотря ни на что...*

— Только не сдавайся ему, мамочка!.. Прошу тебя, только не сдавайся! Я знаю, как тебе тяжело. Но мы все будем с тобой. Он не имеет права жить долго! Он убийца! И даже если ты согласишься дать ему то, что он желает — он всё равно уничтожит нас. Не соглашайся, мама!!!

Дверь открылась, на пороге снова стоял Караффа. Но теперь он казался очень чем-то недовольным. И я примерно могла предположить — чем... Караффа более ***не был*** *уверен в своей победе. Это тревожило его, так как оставался у него только лишь этот, последний шанс.*

— Итак, что же Вы решили, мадонна?

Я собрала всё своё мужество, чтобы не показать, как дрожит мой голос, и совершенно спокойно произнесла:

— Я уже столько раз отвечала Вам на этот вопрос, святейшество! Что же могло измениться за такое короткое время?

Приходило ощущение обморока, но, посмотрев в сияющие гордостью глаза Анны, всё плохое вдруг куда-то исчезло... Как же светла и красива была в этот страшный момент моя дочь!..

— Вы сошли с ума, мадонна! Неужели Вы сможете так просто послать свою дочь в подвал?.. Вы ведь прекрасно знаете, что её там ждёт! Опомнитесь, Изидора!..

Вдруг, Анна вплотную подошла к Караффе и звонким ясным голосом произнесла:

— Ты не судья и не Бог!.. Ты всего лишь — грешник! Потому и жжёт Перстень Грешников твои грязные пальцы!.. Думаю, он одет на тебя неслучайно... Ибо ты самый подлый из них! Ты не испугаешь меня, Караффа. И моя мать никогда не подчинится тебе!

Анна выпрямилась и... плюнула Папе в лицо. Караффа смертельно побледнел. Я никогда не видела, чтобы кто-то бледнел так быстро! Его лицо буквально в долю секунды стало пепельно-серым... а в его жгучих тёмных глазах вспыхнула смерть. Всё ещё стоя в «столбняке» от неожиданного поведения

Анны, я вдруг всё поняла — она нарочно провоцировала Караффу, чтобы не тянуть!.. Чтобы скорее что-то решить и не мучить меня. Чтобы самой пойти на смерть... Мою душу скрутило болью — Анна напомнила мне девочку Дамиану... Она решала свою судьбу... а я ничем не могла помочь. Не могла вмешаться.

— Ну что ж, Изидора, думаю, Вы сильно пожалеете об этом. Вы плохая мать. И я был прав насчёт женщин — все они порождение дьявола! Включая мою несчастную матушку.

— Простите, Ваше святейшество, но если Ваша мать порождение Дьявола, то кем же тогда являетесь Вы?.. Ведь Вы — плоть от плоти её? — искренне удивившись его бредовым суждениям, спросила я.

— О, Изидора, я давно уже истребил в себе это!.. И только увидев Вас, я вновь ощутил чувство к женщине. Но теперь я вижу, что был не прав! Вы такая же, как все! Вы ужасны!.. Я ненавижу Вас и Вам подобных!

Караффа выглядел сумасшедшим... Я испугалась, что это может кончиться для нас чем-то намного худшим, чем то, что планировалось вначале. Вдруг, резко подскочив ко мне, Папа буквально заорал:

— «Да», или — «нет»?!.. Я спрашиваю Вас в последний раз, Изидора!..

Что я могла ответить этому невменяемому человеку?.. Всё уже было сказано, и мне оставалось лишь промолчать, игнорируя его вопрос.

— Я даю Вам одну неделю, мадонна. Надеюсь, что Вы всё же опомнитесь и пожалеете Анну. И себя... — и, схватив мою дочь под руку, Караффа выскочил из комнаты.

Я только сейчас вспомнила, что нужно дышать... Папа настолько ошарашил меня своим поведением, что я никак не могла опомниться и всё ждала, что вот-вот опять отворится дверь. Анна смертельно оскорбила его, и я была уверена, что, отойдя от приступа злости, он обязательно это вспомнит. Бедная моя девочка!.. Её хрупкая, чистая жизнь висела на волоске, который мог легко оборваться по капризной воле Караффы...

Какое-то время я старалась ни о чём не думать, давая своему воспалённому мозгу хоть какую-то передышку. Казалось, не только Караффа, но вместе с ним и весь знакомый мне мир сошёл с ума... включая мою отважную дочь. Что ж, наши жизни продлились ещё на неделю... Можно ли было что-либо изменить? Во всяком случае, в данный момент в моей уставшей, пустой голове не было ни одной более или менее нормальной мысли. Я перестала что-либо чувствовать, перестала даже бояться. Думаю, именно так чувствовали себя люди, шедшие на смерть...

Могла ли я что-либо изменить за какие-то короткие семь дней, если не сумела найти «ключ» к Караффе за долгие четыре года?.. В моей семье никто никогда не верил в случайность... Потому надеяться, что что-либо неожиданно принесёт спасение — было бы желанием ребёнка. ***Я знала****, что помощи ждать было неоткуда. Отец явно помочь не мог, если предлагал Анне забрать её сущность, в случае неудачи... Мэтэора тоже отказала...* ***Мы были с ней одни****, и помогать себе должны были только сами. Поэтому приходилось думать, стараясь до последнего не терять надежду, что в данной ситуации было почти*

что выше моих сил...

В комнате начал сгущаться воздух — появился Север. Я лишь улыбнулась ему, не испытывая при этом ни волнения, ни радости, так как знала — он не пришёл, чтобы помочь.

— Приветствую тебя, Север! Что привело тебя снова?.. — спокойно спросила я.

Он удивлённо на меня взглянул, будто не понимая моего спокойствия. Наверное, он не знал, что существует предел человеческого страдания, до которого очень трудно дойти... Но за ним даже самое страшное становится безразличным, так как даже бояться не остаётся сил...

— Мне жаль, что не могу помочь тебе, Изидора. Могу ли я что-то для тебя сделать?

— Нет, Север. Не можешь. Но я буду рада, если ты побудешь со мною рядом... Мне приятно видеть тебя, — грустно ответила я и, чуть помолчав, добавила: — Мы получили одну неделю... Потом Караффа, вероятнее всего, заберёт наши короткие жизни. Скажи, неужели они стоят так мало?.. Неужели и мы уйдём так же просто, как ушла Магдалина? Неужели не найдётся никого, кто очистил бы от этой нелюди наш мир, Север?..

*— Я не пришёл к тебе, чтобы отвечать на старые вопросы, друг мой... Но должен признаться — ты заставила меня передумать многое, Изидора... Заставила снова увидеть то, что я годами упорно старался забыть. И я согласен с тобою — **мы не правы**... Наша правда слишком «узка» и бесчеловечна. Она душит наши сердца... И мы становимся слишком холодны, чтобы правильно судить происходящее. Магдалина была права, говоря, что **наша Вера мертва**... Как права и ты, Изидора.*

Я стояла, остолбенело уставившись на него, не в силах поверить тому, что слышу!.. Был ли это тот самый, гордый и всегда правый Север, не допускавший какой-либо, даже малейшей критики в адрес его великих Учителей и его любимейшей Мэтэоры?!! Я не спускала с него глаз, пытаясь проникнуть в его чистую, но намертво закрытую от всех, душу... Что изменило его столетиями устоявшееся мнение?!. Что подтолкнуло посмотреть на мир более человечно?..

*— Знаю, я удивил тебя, — грустно улыбнулся Север. — Но даже то, что я открылся тебе, не изменит происходящего. Я **не знаю**, как уничтожить Караффу. Но это знает наш Белый Волхв. Хочешь ли пойти к нему ещё раз, Изидора?*

— Могу ли я спросить, что изменило тебя, Север? — осторожно спросила я, не обращая внимания на его последний вопрос.

Он на мгновение задумался, как бы стараясь ответить как можно более правдиво...

— Это произошло очень давно... С того самого дня, как умерла Магдалина. Я не простил себя и всех нас за её смерть. Но наши законы, видимо, слишком глубоко жили в нас, и я не находил в себе сил, чтобы признаться в этом. Когда пришла ты — ты живо напомнила мне всё произошедшее тогда... Ты такая же сильная и такая же отдающая себя за тех, кто нуждается в тебе. Ты вско-

лыхнула во мне память, которую я столетиями старался умертвить... Ты оживила во мне Золотую Марию... Благодарю тебя за это, Изидора.

Спрятавшись очень глубоко, в глазах Севера кричала боль. Её было так много, что она затопила меня с головой!.. И я никак не могла поверить, что наконец-то открыла его тёплую, чистую душу. Что наконец-то он снова был ***живым****!..*

— Север, что же мне делать? Разве тебе не страшно, что миром правят такие нелюди, как Караффа?..

— Я уже предложил тебе, Изидора, пойдём ещё раз в Мэтэору, чтобы увидеть Владыко... Только он может помочь тебе. Я, к сожалению, не могу...

Я впервые так ярко чувствовала его разочарование... Разочарование своей беспомощностью... Разочарование в том, как он жил... Разочарование в своей устаревшей ПРАВДЕ...

Видимо, сердце человека не всегда способно бороться с тем, к чему оно привыкло, во что оно верило всю свою сознательную жизнь... Так и Север — он не мог так просто и полностью измениться, даже сознавая, что не прав. Он прожил века, веря, что помогает людям... веря, что делает именно то, что когда-то должно будет спасти нашу несовершенную Землю, должно будет помочь ей, наконец, родиться... Верил в добро и в будущее, несмотря на потери и боль, которых мог избежать, если бы открыл своё сердце раньше... Но все мы, видимо, несовершенны — даже Север. И как бы ни было больно разочарование, с ним приходится жить, исправляя какие-то старые ошибки, и совершая новые, без которых была бы ненастоящей наша Земная жизнь...

— Найдётся ли у тебя чуточку времени для меня, Север? Мне хотелось бы узнать то, что ты не успел рассказать мне в нашу последнюю встречу. Не утомила ли я тебя своими вопросами? Если — да, скажи мне, и я постараюсь не докучать. Но если ты согласен поговорить со мной — ты сделаешь мне чудесный подарок, так как то, что знаешь ты, мне не расскажет уже никто, пока я ещё нахожусь здесь, на Земле…

— А как же Анна?.. Разве ты не предпочитаешь провести время с ней?

— Я звала её... Но моя девочка, наверное, спит, так как не отвечает... Она устала, думаю. Я не хочу тревожить её покой. Потому, поговори со мною, Север.

Он печально-понимающе посмотрел мне в глаза и тихо спросил:

— Что ты хочешь узнать, мой друг? Спрашивай — я постараюсь ответить тебе на всё, что тебя тревожит.

— Светодар, Север... Что стало с ним? Как прожил свою жизнь на Земле сын Радомира и Магдалины?..

Север задумался... Наконец, глубоко вздохнув, будто сбрасывая наваждение прошлого, начал свой очередной захватывающий рассказ...

— После распятия и смерти Радомира Светодара увезли в Испанию рыцари Храма, чтобы спасти его от кровавых лап «святейшей» церкви, которая, чего бы это ни стоило, пыталась найти и уничтожить его, так как мальчик являлся самым опасным ***живым*** *свидетелем, а также* ***прямым продолжате-***

***лем** радомирова Дерева Жизни, которое должно было когда-нибудь изменить наш мир. Светодар жил и познавал окружающее в семье испанского вельможи, являвшегося верным последователем учения Радомира и Магдалины. Своих детей, к их великой печали, у них не было, поэтому «новая семья» приняла мальчика очень сердечно, стараясь создать ему как можно более уютную и тёплую домашнюю обстановку. Назвали его там Ам**о**ри (что означало — милый, любимый), так как своим настоящим именем называться Светодару было опасно. Оно звучало слишком необычно для чужого слуха, и рисковать из-за этого жизнью Светодара было бы более чем неразумно. Так Светодар для всех остальных стал мальчиком Амори, а его настоящим именем звали его лишь друзья и его семья. И то, лишь тогда, когда рядом не было чужих людей... Очень хорошо помня гибель любимого отца, и всё ещё жестоко страдая, Светодар поклялся в своём детском сердечке «переделать» этот жестокий и неблагодарный мир. Поклялся посвятить свою будущую жизнь другим, чтобы показать, как горячо и самозабвенно любил Жизнь, и как яростно боролся за Добро и Свет и его погибший отец...*

Вместе со Светодаром в Испании остался его родной дядя — Радан, не покидавший мальчика ни ночью, ни днём, и без конца волновавшийся за его хрупкую, всё ещё несформировавшуюся жизнь. Радан души не чаял в своём чудесном племяннике! И его без конца пугало то, что однажды кто-то обязательно их выследит, и оборвёт ценную жизнь маленького Светодара, которому, уже тогда, с самых первых лет его существования, суровая судьба предназначала нести факел Света и Знания в наш безжалостный, но такой родной и знакомый, Земной мир.

Прошло восемь напряжённых лет. Светодар превратился в чудесного юношу, теперь уже намного более походившего на своего мужественного отца — Иисуса-Радомира. Он возмужал и окреп, а в его чистых голубых глазах всё чаще стал появляться знакомый стальной оттенок, так ярко вспыхивавший когда-то в глазах его отца. Светодар жил и очень старательно учился, всей душой надеясь когда-нибудь стать похожим на Радомира. Мудрости и Знанию его обучал пришедший туда Волхв Истень. Да, да, Изидора! — заметив моё удивление, улыбнулся Север, — тот же Истень, которого ты встретила в Мэтэоре. Истень, вместе с Раданом, старались всячески развивать живое мышление Светодара, пытаясь как можно шире открыть для него загадочный Мир Знаний, чтобы (в случае беды) мальчик не остался беспомощным и умел за себя постоять, встретившись лицом к лицу с врагом или потерями.

Простившись когда-то очень давно со своей чудесной сестрёнкой и Магдалиной, Светодар никогда уже больше не видел их живыми... И хотя почти каждый месяц кто-нибудь приносил ему от них свежую весточку, его одинокое сердце глубоко тосковало по матери и сестре — его единственной настоящей семье, не считая дяди Радана. Но, несмотря на свой ранний возраст, Светодар уже тогда научился не показывать своих чувств, которые считал непростительной слабостью для настоящего мужчины. Он стремился вырасти Воином, как его отец, и не желал показывать окружающим свою уязвимость. Так учил

его дядя Радан... и так просила в своих посланиях его мать... далёкая и любимая Золотая Мария.

После бессмысленной и страшной гибели Магдалины весь внутренний мир Светодара превратился в сплошную боль... Его раненая душа не желала смиряться с такой несправедливой потерей. И хотя дядя Радан готовил его к такой возможности давно, пришедшее несчастье обрушилось на юношу ураганом нестерпимой муки, от которой не было спасения... Его душа страдала, корчась в бессильном гневе, ибо ничего уже нельзя было изменить... ничего нельзя было вернуть назад. Его чудесная, нежная мать ушла в далёкий и незнакомый мир, забрав вместе с собой его милую маленькую сестрёнку... Он оставался теперь совсем один в этой жестокой, холодной реальности, даже не успев ещё стать настоящим взрослым мужчиной, и не сумев хорошенько понять, как же во всей этой ненависти и враждебности остаться живым... Но кровь Радомира и Магдалины, видимо, недаром текла в их единственном сыне — выстрадав свою боль и оставшись таким же стойким, Светодар удивил даже Радана, который (как никто другой!) знал, сколь глубоко ранимой может быть душа, и как тяжко иногда даётся возвращение назад, где уже нету тех, кого ты любил и по кому так искренне и глубоко тосковал...

Светодар не желал сдаваться на милость горя и боли... Чем безжалостнее «била» его жизнь, тем яростнее он старался бороться, познавая пути к Свету, к Добру, и к спасению заблудших во тьме человеческих душ... Люди шли к нему потоком, умоляя о помощи. Кто-то жаждал избавиться от болезни, кто-то жаждал вылечить своё сердце, ну, а кто-то и просто стремился к Свету, которым так щедро делился Светодар. Тревога Радана росла. Слава о «чудесах», творимых его неосторожным племянником, перевалила за Пиренейские горы... Всё больше и больше страждущих желали обратиться к новоявленному «чудотворцу». А он, будто не замечая назревавшей опасности, и дальше никому не отказывал, уверенно идя стопами погибшего Радомира...

Прошло ещё несколько тревожных лет. Светодар мужал, становясь всё сильнее и всё спокойнее. Вместе с Раданом они давно перебрались в Окситанию, где даже воздух, казалось, дышал учением его матери — безвременно погибшей Магдалины. Оставшиеся в живых Рыцари Храма с распростёртыми объятиями приняли её сына, поклявшись хранить его и помогать ему, насколько у них хватит на это сил. И вот однажды наступил день, когда Радан почувствовал настоящую, открыто грозящую опасность... Это была восьмая годовщина смерти Золотой Марии и Весты — любимых матери и сестры Светодара...

— Смотри, Изидора... — тихо произнёс Север. — Я покажу тебе, если желаешь.

Передо мной тут же появилась яркая, но тоскливая, ***живая*** *картина... Хмурые, туманные горы щедро окроплял назойливый, моросящий дождь, оставлявший в душе ощущение неуверенности и печали... Серая, непроглядная мгла кутала ближайшие замки в коконы тумана, превращая их в одиноких стражей, охранявших в долине вечный покой... Долина Магов хмуро взирала на пасмурную, безрадостную картину, вспоминая яркие, радостные дни, осве-*

щённые лучами жаркого летнего солнца... И от этого всё кругом становилось ещё тоскливее и ещё грустней. Высокий и стройный молодой человек стоял застывшим «изваянием» у входа знакомой пещеры, не шевелясь и не подавая никаких признаков жизни, будто горестная каменная статуя, незнакомым мастером выбитая прямо в той же холодной каменной скале...

Я поняла — это наверняка и был взрослый Светодар. Он выглядел возмужавшим и сильным. Властным, и в то же время — очень добрым... Гордая, высоко поднятая голова говорила о бесстрашии и чести. Очень длинные светлые волосы, повязанные на лбу красной лентою, ниспадали тяжёлыми волнами за плечи, делая его похожим на древнего короля... гордого потомка Меровинглей. Прислонившись к влажному камню, Светодар стоял, не чувствуя ни холода, ни влаги, вернее — не чувствуя ничего... Здесь, ровно восемь лет назад, скончалась его мать — Золотая Мария, и его маленькая сестра — смелая, ласковая Веста... Они умерли, зверски и подло убитые сумасшедшим, злым человеком... посланным «отцами» святейшей церкви. Магдалина так и не дожила, чтобы обнять своего возмужавшего сына, так же смело и преданно, как она, идущего по знакомой дороге Света и Знания... По жестокой земной дороге горечи и потерь...

— Светодар никогда так и не смог простить себе, что не оказался здесь, когда они нуждались в его защите, — снова тихо продолжил Север. — Вина и горечь грызли его чистое, горячее сердце, заставляя ещё яростнее бороться с нелюдью, называвшей себя «слугами бога», «спасителями» души человека... Он сжимал кулаки и тысячный раз клялся себе, что «перестроит» этот «неправильный» земной мир! Уничтожит в нём всё ложное, «чёрное» и злое... На широкой груди Светодара алел кровавый крест Рыцарей Храма... Крест памяти Магдалины. И никакая Земная сила не могла заставить его забыть клятву рыцарской мести. Сколь добрым и ласковым к светлым и честным людям было его молодое сердце, столь безжалостным и суровым был к предателям и «слугам» церкви его холодный мозг. Светодар был слишком решительным и строгим в отношении к себе, но удивительно терпеливым и добрым по отношению к другим. И только лишь люди ***без совести и чести*** *вызывали у него настоящую неприязнь. Он не прощал предательство и ложь в любой их проявлявшейся форме, и воевал с этим* ***позором человека*** *всеми возможными средствами, иногда даже зная, что может проиграть.*

Вдруг, через серую пелену дождя, по нависшей прямо над ним скале побежала странная, невиданная вода, тёмные брызги которой окропляли стены пещеры, оставляя на ней жутковатые бурые капли... Ушедший глубоко в себя Светодар вначале не обратил на это внимания, но потом, присмотревшись получше, вздрогнул — вода была тёмно-красной! Она текла с горы потоком тёмной «человеческой крови», будто сама Земля, не выдержав более подлости и жестокости человека, открылась ранами всех его прегрешений... После первого потока полился второй... третий... четвёртый... Пока вся гора не заструилась ручьями красной воды. Её было очень много... Казалось, святая кровь Магдалины взывала о мщении, напоминая живущим о её скорби!.. В низине бурлящие

красные ручьи сливались в один, заполняя широкую реку Од (Aude), которая, не обращая ни на что внимания, величаво себе плыла, омывая по пути стены старого Каркасона, унося свои потоки дальше в тёплое синее море...[3]

Вдруг Светодар настороженно прислушался... но тут же тепло улыбнулся.

— Ты снова меня бережёшь, дядя?.. Я ведь давно говорил тебе — не желаю скрываться!

Радан вышел из-за каменного уступа, грустно качая поседевшей головой. Годы не пожалели его, наложив на светлое лицо жёсткий отпечаток тревог и потерь... Он уже не казался тем счастливым юношей, тем вечно-смеющимся солнышком-Раданом, который мог растопить когда-то даже самое чёрствое сердце. Теперь это был закалённый невзгодами Воин, пытавшийся любыми путями сберечь самое дорогое своё сокровище — сына Радомира и Магдалины, единственное живое напоминание их трагических жизней... их мужества... их света и их любви.

— У тебя есть Долг, Светодарушка... Так же, как и у меня. Ты ***должен выжить****. Чего бы это ни стоило. Потому, что если не станет и тебя — это будет означать, что твои отец и мать погибли напрасно. Что подлецы и трусы выиграли нашу войну... Ты не имеешь на это права, мой мальчик!*

— Ошибаешься, дядя. Я имею на это ***своё*** *право, так как это* ***моя жизнь****! И я не позволю кому-либо заранее писать для неё законы. Мой отец прожил свою краткую жизнь, подчиняясь чужой воле... Так же, как и моя бедная мать. Только потому, что по чужому решению они спасали тех, кто их ненавидел. Я же не намерен подчиняться воле одного человека, даже если этот человек — мой родной дедушка. Это* ***моя жизнь,*** *и я проживу её так, как считаю нужным и честным!.. Прости, дядя Радан!*

Светодар горячился. Его молодой разум возмущался против чужого влияния на его собственную судьбу. По закону молодости он желал ***сам решать за себя****, не дозволяя кому-то со стороны влиять на его ценную жизнь. Радан лишь грустно улыбался, наблюдая за своим мужественным питомцем... В Светодаре было достаточно всего — силы, ума, выдержки и упорства. Он хотел прожить свою жизнь честно и открыто... только, к сожалению, ещё не понимал, что с теми, кто на него охотился, открытой войны быть не могло. Просто потому, что* ***именно у них-то и не было ни чести, ни совести, ни сердца...***

— Что ж, по-своему ты прав, мой мальчик... Это ***твоя*** *жизнь. И никто не может её прожить, кроме тебя... Я уверен, ты проживёшь её достойно. Только будь осторожен, Светодар — в тебе течёт кровь твоего отца, и наши враги никогда не отступятся, чтобы уничтожить тебя. Береги себя, родной мой. Потрепав племянника по плечу, Радан печально отошёл в сторону и скрылся за выступом каменной скалы. Через секунду послышался вскрик и тя-*

---

[3] Посетив эти священные места, мне удалось узнать, что вода в горах Окситании становится красной из-за красной глины. Но вид бегущей «кровавой» воды и вправду производил очень сильное впечатление...

жёлая возня. Что-то грузно упало на землю, и наступила тишина...

Светодар метнулся на звук, но было слишком поздно. На каменном полу пещеры сцепившись в последнем объятии лежали два тела, одним из которых был незнакомый ему человек, одетый в плащ с красным крестом, вторым же был... Радан. Пронзительно вскрикнув, Светодар кинулся к телу дяди, которое лежало совершенно неподвижно, будто жизнь уже покинула его, даже не разрешив с ним проститься. Но, как оказалось, Радан ещё дышал.

— Дядя, пожалуйста, не оставляй меня!.. Только не ты... Прошу тебя, не оставляй меня, дядя!

Светодар растерянно сжимал его в своих крепких мужских объятиях, осторожно качая, как маленького ребёнка. Точно так же, как столько раз когда-то качал его Радан... Было видно, что жизнь покидала Радана, капля за каплей вытекая из его ослабевшего тела золотым ручьём... И даже сейчас, зная, что умирает, он беспокоился только лишь об одном — как сохранить Светодара... Как объяснить ему в эти оставшиеся несколько секунд то, что так и не сумел донести за все его долгих двадцать пять лет?.. И как же он скажет Марии и Радомиру, там, в том другом, незнакомом мире, что не сумел сберечь себя, что их сын теперь оставался совсем один?..

— Послушай, сынок... Этот человек — он не Рыцарь Храма, — показывая на убитого, хрипло произнёс Радан. — Я знаю их всех — он чужой... Расскажи это Гундомеру... Он поможет... Найдите их... или они найдут тебя. А лучше всего — уходи, Светодарушка... Уходи к Богам. Они защитят тебя. Это место залито нашей кровью... её здесь слишком много... уходи, родной...

Медленно-медленно глаза Радана закрылись. Из разжавшейся бессильной руки со звоном выпал на землю рыцарский кинжал. Он был очень необычным... Светодар взглянул повнимательнее — этого просто не могло быть!.. Такое оружие принадлежало очень узкому кругу рыцарей, только лишь тем, которые когда-то лично знали Иоанна — на конце рукояти красовалась золочённая коронованная голова...

Светодар знал точно — этого клинка давно уже не было у Радана (он когда-то остался в теле его врага). Значит сегодня он, защищаясь, выхватил оружие убийцы?.. Но как же могло оно попасть в чьи-то ***чужие*** *руки?!. Мог ли кто-то из знакомых ему рыцарей Храма предать дело, ради которого все они жили?! Светодар в это не верил. Он знал этих людей, как знал самого себя. Никто из них не мог совершить такую низкую подлость. Их можно было только убить, но невозможно было заставить предать. В таком случае — кем же был человек, владевший этим особым кинжалом?!.*

Радан лежал недвижимый и спокойный. Все земные заботы и горечи покинули его навсегда... Ожесточившееся с годами, лицо разгладилось, снова напоминая того радостного молодого Радана, которого так любила Золотая Мария, и которого всей душой обожал его погибший брат, Радомир... Он вновь казался счастливым и светлым, будто и не было рядом страшной беды, будто снова в его душе всё было радостно и покойно...

Светодар стоял на коленях, не произнося ни слова. Его омертвевшее тело

лишь тихонько покачивалось из стороны в сторону, как бы помогая себе выстоять, пережить этот бессердечный, подлый удар... Здесь же, в этой же пещере восемь лет назад не стало Магдалины... А теперь он прощался с последним родным человеком, оставаясь по-настоящему совсем один. Радан был прав — это место впитало слишком много их семейной крови... Недаром же даже ручьи окрасились багровым... будто желая сказать, чтобы он уходил... И уже никогда не возвращался обратно.

Меня трясло в какой-то странной лихорадке... Это было страшно! Это было совершенно непозволительно и непонятно — мы ведь ***звались людьми****!!! И должен ведь где-то быть предел человеческой подлости и предательству?*

— Как же ты смог с этим жить так долго, Север? Все эти годы, зная об этом, как ты сумел оставаться таким спокойным?!

Он лишь печально улыбнулся, не отвечая на мой вопрос. А я, искренне удивляясь мужеству и стойкости этого дивного человека, открывала для себя совершенно новую сторону его самоотверженной и тяжёлой жизни... его несдающейся и чистой души...

— После убийства Радана прошло ещё несколько лет. Светодар отомстил за его смерть, найдя убийцу. Как он и предполагал, это не был кто-то из Рыцарей Храма. Но они так никогда и не узнали, кем по-настоящему был посланный к ним человек. Только одно всё же стало известно — перед тем, как убить Радана, он так же подло уничтожил великолепного, светлого Рыцаря, шедшего с ними с самого начала. Уничтожил только лишь для того, чтобы завладеть его плащом и оружием, и создать впечатление, что Радана убили свои...

Нагромождение этих горьких событий отравило потерями душу Светодара. У него оставалось лишь одно утешение — его чистая, истинная любовь... Его милая, нежная Маргарита... Это была чудесная катарская девушка, последовательница учения Золотой Марии. И она чем-то неуловимо напоминала Магдалину... То ли это были такие же длинные золотые волосы, то ли мягкость и неторопливость её движений, а может, просто нежность и женственность её лица, но Светодар очень часто ловил себя на том, что ищет в ней давно ушедшие в прошлое, дорогие сердцу воспоминания...

Ещё через год у них родилась девочка. Они назвали её Марией.

Как и было обещано Радану, маленькую Марию отвезли к милым мужественным людям — катарам — которых Светодар очень хорошо знал и которым полностью доверял. Они обязались вырастить Марию, как свою дочь, чего бы это им ни стоило, и чем бы им это ни грозило. С тех пор так и повелось — как только рождался в линии Радомира и Магдалины новый ребёнок, его отдавали на воспитание людям, которых не знала и о которых не подозревала «святая» церковь. И делалось это для того, чтобы сохранить их бесценные жизни, чтобы дать им возможность дожить их до конца. Каким бы счастливым или печальным он ни был...

— Как же они могли отдавать своих детей, Север? Неужели родители их никогда не видели более?.. — потрясённо спросила я.

— Ну почему же не видели? Видели. Просто каждая судьба складывалась

по-разному... Позже, некоторые из родителей вообще жили поблизости, особенно матери. А иногда были случаи, что они устраивались даже у тех же людей, которые растили их дитя. По-разному жили... Только лишь одно никогда не менялось — прислужники церкви не уставали идти по их следу, словно ищейки, не пропуская малейшей возможности уничтожить родителей и детей, которые несли в себе кровь Радомира и Магдалины, люто ненавидя за это даже самого малого, только родившегося ребёнка...

— Как часто они погибали — потомки? Оставался ли кто-нибудь живой и проживал свою жизнь до конца? Помогали ли вы им, Север? Помогала ли им Мэтэора?.. — я буквально засыпала его градом вопросов, не в состоянии остановить своё сгорающее любопытство.

Север на мгновение задумался, потом печально произнёс:

— Мы пытались помочь... но многие из них этого не желали. Думаю, весть об отце, отдавшем своего сына на погибель, веками жила в их сердцах, не прощая нас, и не забывая. Боль может оказаться жестокой, Изидора. Она не прощает ошибок. Особенно тех, которые невозможно исправить...

— Знал ли ты кого-то ещё из этих дивных потомков, Север?

*— Ну, конечно же, Изидора! Мы знали всех, только далеко не всех доводилось увидеть. Некоторых, думаю, знала и ты. Но разрешишь ли сперва закончить про Светодара? Его судьба оказалась сложной и странной. Тебе интересно будет о ней узнать? — Я лишь кивнула, и Север продолжил... — После рождения его ч**у**дной дочурки, Светодар решился, наконец, исполнить желание Радана... Помнишь, умирая, Радан просил его пойти к Богам?*

— Да, но разве это было серьёзно?!.. К каким «богам» он мог его посылать? На Земле ведь давно уже нет живущих Богов!..

— Ты не совсем права, мой друг... Может это и не совсем то, что люди подразумевают под Богами, но на Земле всегда находится кто-то из тех, кто временно занимает их место. Кто наблюдает, чтобы Земля не подошла к обрыву, и не пришёл бы жизни на ней страшный и преждевременный конец. Мир ещё не родился, Изидора, ты знаешь это. Земле ещё нужна постоянная помощь. Но люди не должны об этом ведать... Они должны выбираться сами. Иначе помощь принесёт только лишь вред. Поэтому Радан не был так уж неправ, посылая Светодара к тем, кто наблюдает. Он знал, что к нам Светодар никогда не пойдёт. Вот и пытался спасти его, оградить от несчастья. Светодар ведь был ***прямым*** *потомком Радомира, его первенцем-сыном. Он был самым опасным из всех, потому что был самым близким. И если б его убили, никогда уже не продолжился бы этот чудесный и светлый Род.*

Простившись со своей милой, ласковой Маргаритой, и покачав в последний раз маленькую Марию, Светодар отправился в очень далёкий и непростой путь... В незнакомую северную страну, туда, где жил тот, к кому посылал его Радан. И звали которого — Странником...

Пройдёт ещё очень много лет перед тем, как Светодар вернётся домой. Вернётся, чтобы погибнуть... Но он проживёт полную и яркую Жизнь... Обретёт Знание и Понимание мира. Найдёт то, за чем так долго и упорно шёл... Я

покажу тебе их, Изидора... Покажу то, что ещё никогда и никому не показывал.

Вокруг повеяло холодом и простором, будто я неожиданно окунулась в вечность... Ощущение было непривычным и странным — от него в то же время веяло радостью и тревогой... Я казалась себе маленькой и ничтожной, будто кто-то мудрый и огромный в тот момент наблюдал за мною, стараясь понять, кто же это посмел потревожить его покой. Но скоро это ощущение исчезло, и осталась лишь большая и глубокая, «тёплая» тишина...

На изумрудной, бескрайней поляне, скрестив ноги, друг против друга сидели два человека... Они сидели, закрыв глаза, не произнося ни слова. И всё же, было понятно — они говорили. Я поняла — говорили их мысли...

Сердце бешено колотилось, будто желая выскочить!.. Постаравшись как-то собраться и успокоится, чтобы никоим образом не помешать этим собранным, ушедшим в свой загадочный мир людям, я наблюдала за ними затаив дыхание, стараясь запомнить в душе их образы, ибо знала — такое не повторится. Кроме Севера, никто уже не покажет мне более то, что было так тесно связано с нашим прошлым, с нашей страдающей, но не сдающейся Землёй...

Один из сидящих выглядел очень знакомо, и, конечно же, хорошенько к нему присмотревшись, я тут же узнала Светодара... Он почти что не изменился, только волосы стали короче. Но лицо оставалось почти таким же молодым и свежим, как в тот день, когда он покидал Монсегюр...

Второй же был тоже относительно молодым и очень высоким (что было видно даже сидя). Его длинные, белые, запорошенные «инеем» волосы ниспадали на широкие плечи, светясь под лучами солнца чистым серебром. Цвет этот был очень для нас необычным — будто ненастоящим... Но больше всего поражали его глаза — глубокие, мудрые и очень большие, они сияли таким же чистым, серебристым светом... Будто кто-то щедрой рукой в них рассыпал мириады серебряных звёзд... Лицо незнакомца было жёстким и в то же время добрым, собранным и отрешённым, будто одновременно он проживал не только нашу, Земную, но и какую-то ещё другую, чужую жизнь...

Если я правильно понимала, это и был именно тот, которого Север называл Странником. Тот, кто наблюдал... Одеты оба были в бело-красные длинные одежды, подпоясанные толстым, витым, красным шнуром.

Мир вокруг этой необычной пары плавно колыхался, меняя свои очертания, будто сидели они в каком-то закрытом колеблющемся пространстве, доступном только лишь им двоим. Воздух кругом стоял благоухающий и прохладный, пахло лесными травами, елями и малиной... Лёгкий, изредка пробегавший ветерок нежно ласкал сочную высокую траву, оставляя в ней запахи далёкой сирени, свежего молока и кедровых шишек... Земля здесь была такой удивительно безопасной, чистой и доброй, словно её не касались мирские тревоги, не проникала в неё людская злоба, словно и не ступал туда лживый, изменчивый человек...

Двое беседующих поднялись и, улыбаясь друг другу, начали прощаться. Первым заговорил Светодар.

— Благодарю тебя, Странник... Низкий тебе поклон. Я уже не смогу вернуться, ты знаешь. Я ухожу домой. Но я запомнил твои уроки и передам другим. Ты всегда будешь жить в моей памяти, как и в моём сердце. Прощай.

— Иди с миром, сын светлых людей — Светодар. Я рад, что встретил тебя. И печален, что прощаюсь с тобой... Я даровал тебе всё, что ты в силах был постичь... И что ты в силах отдать другим. Но ***это не значит****, что* ***люди захотят принять то, что ты захочешь им поведать****. Запомни, знающий,* ***человек сам отвечает за свой выбор****. Не боги, не судьба — только* ***сам*** *человек! И пока он этого не поймёт — Земля не станет меняться, не станет лучше... Лёгкого тебе пути домой, посвящённый. Да хранит тебя твоя Вера. И да поможет тебе наш Род...*

Видение исчезло. А вокруг стало пусто и одиноко. Будто старое тёплое солнце тихо скрылось за чёрную тучу...

— Сколько же времени прошло с того дня, как Светодар ушёл из дома, Север? Я уж было подумала, что он уходил надолго, может даже на всю свою оставшуюся жизнь?..

— А он и пробыл там всю свою жизнь, Изидора. Целых шесть долгих десятков лет.

— Но он выглядит совсем молодым?! Значит, он также сумел жить долго, не старея? Он знал старый секрет? Или это научил его Странник?

— Этого я не могу сказать тебе, мой друг, ибо не ведаю. Но я знаю другое — Светодар не успел научить тому, чему годами учил его Странник — ему не позволили... Но он успел увидеть продолжение своего чудесного Рода — маленького праправнука. Успел наречь его настоящим именем. Это дало Светодару редкую возможность — умереть счастливым... Иногда даже такого хватает, чтобы жизнь не казалась напрасной, не правда ли, Изидора?

— И опять — судьба выбирает лучших!.. Зачем же надо было ему всю жизнь учиться? За что оставлял он свою жену и дитя, если всё оказалось напрасным? Или в этом имелся какой-то великий смысл, которого я до сих пор не могу постичь, Север?

— Не убивайся напрасно, Изидора. Ты всё прекрасно ***понимаешь*** *— всмотрись в себя, ибо ответ есть вся твоя жизнь... Ты ведь борешься, прекрасно зная, что не удастся выиграть — не сможешь победить. Но разве ты можешь поступить иначе?..* ***Человек не может, не имеет права сдаваться, допуская возможность проигрыша.*** *Даже если это будешь не ты, а кто-то другой, который после твоей смерти зажжётся твоим мужеством и отвагой — это уже* ***не напрасно****. Просто земной человек ещё не дорос, чтобы суметь такое осмыслить. Для большинства людей борьба интересна только лишь до тех пор, пока они остаются живыми, но никого из них не интересует, что будет после. Они пока ещё не умеют «жить для потомков», Изидора.*

— Это печально, если ты прав, друг мой... Но оно не изменится сегодня. Потому, возвращаясь к старому, можешь ли ты сказать, чем закончилась жизнь Светодара?

Север ласково улыбнулся.

— А ты ведь тоже сильно меняешься, Изидора. Ещё в прошлую нашу встречу, ты бы кинулась уверять меня, что я не прав!.. Ты начала многое понимать, мой друг. Жаль только, что уходишь напрасно... ты ведь можешь несравнимо больше!

Север на мгновение умолк, но почти тут же продолжил.

— После долгих и тяжких лет одиноких скитаний, Светодар наконец-то вернулся домой, в свою любимую Окситанию... где его ожидали горестные, невосполнимые потери. Давным-давно ушла из жизни его милая нежная жена — Маргарита, так и не дождавшаяся его, чтобы разделить с ним их непростую жизнь... Также не застал он и чудесную внучку Тару, которую подарила им дочь Мария... и правнучку Марию, умершую при рождении его праправнука, всего три года назад явившегося на свет. Слишком много родного было потеряно... Слишком тяжкая ноша давила его, не позволяя радоваться оставшейся жизнью... Посмотри на них, Изидора... Они стоят того, чтобы ты их узнала.

И снова я появилась там, где жили давно умершие, ставшие дорогими моему сердцу люди... Горечь кутала мою душу в саван молчания, не позволяя с ними общаться. Я не могла обратиться к ним, не могла даже сказать, какими мужественными и чудесными они были...

На самой верхушке высокой каменной горы стояло трое человек... Одним из них был Светодар, он выглядел очень печальным. Рядом, опёршись на его руку, стояла очень красивая молодая женщина, а за неё цеплялся маленький белокурый мальчик, прижимавший к груди огромную охапку ярких полевых цветов.

— Кому же ты нарвал так много, Белоярушка? — ласково спросил Светодар.

— Ну, как же?!. — удивился мальчонка, тут же разделяя букет на три равных части. — Это вот — мамочке... А это вот милой бабушке Таре, а это — бабушке Марии. Разве неправильно, дедушка?

Светодар не ответил, лишь крепко прижал мальчика к груди. Он был всем, что у него оставалось... этот чудесный ласковый малыш. После умершей при родах правнучки Марии, которой Светодар так никогда и не увидел, у малыша оставалась только тётя Марсилла (стоявшая рядом с ними) и отец, которого Белояр почти не помнил, так как тот всё время где-то воевал.

— А правда, что ты теперь никогда больше не уйдёшь, дедушка? Правда, что ты останешься со мной и будешь меня учить? Тётя Марсилла говорит, что ты теперь будешь всегда жить только с нами. Это правда, дедушка?

Глазёнки малыша сияли, как яркие звёздочки. Видимо, появление откуда-то такого молодого и сильного деда приводило малыша в восторг! Ну а «дед», печально его обнимая, думал в то время о тех, кого никогда уже не увидит, проживи он на Земле даже сто одиноких лет...

— Никуда не уйду, Белоярушка. Куда же мне идти, если ты находишься здесь?.. Мы ведь теперь с тобой всегда будем вместе, правда? Ты и я — это такая большая сила!.. Так ведь?

Малыш от удовольствия повизгивал и всё жался к своему новоявленному деду, будто тот мог вдруг взять и исчезнуть, так же внезапно, как и появился.

— Ты и правда никуда не собираешься, Светодар? — тихо спросила Марсилла.

Светодар лишь грустно мотнул головой. Да и куда ему было идти, куда податься?.. Это была его земля, его корни. Здесь жили и умерли все, кого он любил, кто был ему дорог. И именно сюда он шёл ДОМОЙ.

В Монсегюре ему были несказанно рады. Правда, там не осталось ни одного из тех, кто бы его помнил. Но были их дети и внуки. Были его КАТАРЫ, которых он всем своим сердцем любил и всей душой уважал. Вера Магдалины цвела в Окситании, как никогда прежде, давно перевалив за её пределы! Это был ***Золотой Век катаров****. Когда их учение мощной, непобедимой волной неслось по странам, сметая любые препятствия на своём чистом и правом пути. Всё больше и больше новых желающих присоединялось к ним. И несмотря на все «чёрные» попытки «святой» католической церкви их уничтожить, учение Магдалины и Радомира захватывало все истинно светлые и мужественные сердца, и все острые, открытые новому умы.*

В самых дальних уголках земли менестрели распевали дивные песни окситанских трубадуров, открывавшие глаза и умы просвещённым, ну, а «обычных» людей забавлявшие своим романтическим мастерством. Окситания цвела, как прекрасный яркий цветок, впитывающий жизненную мощь светлой Марии. Казалось, никакая сила не могла противостоять этому мощному потоку Знания и светлой, вселенской Любви. Люди всё ещё поклонялись здесь своей Магдалине, обожая её. Будто она до сих пор жила в каждом из них... Жила в каждом камушке, в каждом цветке, каждой крупинке этой удивительной, чистой земли...

Однажды, гуляя по знакомым пещерам, Светодар набрёл на новую, потрясшую его до самой глубины души... Там, в спокойном тихом уголке, стояла его чудесная мать — любимая Мария Магдалина!.. Казалось, природа не смогла забыть эту дивную, сильную женщину и, вопреки всему, создала её образ своей всемогучей, щедрой рукой.

Повернувшись, чуть поодаль Светодар увидел другое чудо — в другом углу пещеры стояла статуя его сестры! Она явно напоминала кудрявую девочку, стоявшую над чем-то лежащим... (Веста, стоявшая над телом своей матери?..) У Светодара зашевелились волосы!.. Ему показалось, что он начал сходить с ума. Быстро повернувшись, он выскочил из пещеры.

Позже, чуть отойдя от потрясения, Светодар спросил у Марсиллы, знает ли она о том, что он увидел. И когда услышал положительный ответ, его душа буквально «зарыдала» слезами счастья — в этой земле и вправду всё ещё жива была его мать — Золотая Мария! Сама земля Окситании воссоздала в себе эту прекрасную женщину — «оживила» в камне свою Магдалину... Это было настоящим творением любви... Только любящим зодчим была природа.

У меня на глазах блестели слёзы... И совершенно не было за это стыдно. Я очень многое бы отдала, чтобы встретить кого-то из них живыми!.. Особенно Магдалину. Какая же дивная, древняя Магия пылала в душе этой удивительной женщины, когда она создавала своё волшебное царство?! Царство, в котором правило Знание и Понимание, и костяком которого была Любовь. Только не та

любовь, о которой кричала «святая» церковь, износив это дивное слово до того, что не хотелось долее его слышать, а та ***прекрасная и чистая, настоящая и мужественная, единственная и удивительная ЛЮБОВЬ,*** *с именем которой рождались державы... и с именем которой древние воины бросались в бой... с именем которой рождалась новая жизнь... именем которой менялся и становился лучше наш мир... Вот эту Любовь несла Золотая Мария. И именно этой Марии мне хотелось бы поклониться... За всё, что она несла, за её чистую светлую ЖИЗНЬ, за её смелость и мужество, и за Любовь. Но, к сожалению, сделать это было невозможно... Она жила столетия назад. И я не могла быть той, кто её знал. Невероятно глубокая, светлая печаль вдруг захлестнула меня с головой, и горькие слёзы полились потоком...*

— Ну что ты, мой друг!.. Тебя ждут другие печали! — удивлённо воскликнул Север. — Прошу тебя, успокойся...

Он ласково коснулся моей руки, и постепенно печаль исчезла. Осталась только горечь, будто я потеряла что-то светлое и дорогое...

— Тебе нельзя расслабляться... Тебя ждёт война, Изидора.

— Скажи, Север, учение катаров называлось Учением Любви из-за Магдалины?

— Тут ты не совсем права, Изидора. Учением Любви его звали непосвящённые. Для тех же, кто понимал, оно несло совершенно иной смысл. Вслушайся в звучание слов, Изидора: любовь по-французски звучит — амор (amour) — не так ли? А теперь раздели это слово, отделив от него букву «а»... Получится а'мор (a'mort) — ***без смерти****... Вот и получается истинное значение учения Магдалины —* ***Учение Бессмертных****. Как я уже раньше тебе говорил — всё просто, Изидора, если только правильно смотреть и слушать... Ну, а для тех, кто не слышит — пусть остаётся Ученьем Любви... оно ведь тоже красиво. Да и истины толика в этом всё же остаётся.*

Я стояла совершенно остолбенев. Учение Бессмертных!.. Даария... Так вот, что являлось учением Радомира и Магдалины!.. Север удивлял меня множество раз, но никогда ещё я не чувствовала себя столь потрясённой!.. Учение катаров притягивало меня своей мощной, волшебной силой, и я не могла себе простить, что не говорила об этом с Севером раньше.

— Скажи, Север, осталось ли что-то от записей катар? Должно же было что-то сохраниться? Даже если не самих Совершенных, то хотя бы просто учеников? Я имею в виду что-то об их ***настоящей*** *жизни и учении?*

— К сожалению — нет, Изидора. Инквизиция уничтожила всё и везде. Её вассалы, по приказу Папы, посылались даже в другие страны, чтобы уничтожить каждую рукопись, каждый оставшийся кусочек бересты, какой только могли найти... Мы искали хоть что-нибудь, но ничего не смогли спасти.

— Ну, а сами люди? Не могло ли остаться что-то у людей, кто сохранял бы это через века?

— Не знаю, Изидора... Думаю, даже если кто-то и имел какую-то запись, то её изменили за время. Человеку ведь свойственно всё перекраивать по-своему... А уж особенно, не понимая. Так что вряд ли что-либо сохранилось,

как оно было. Жаль... Правда, у нас сохранились дневники Радомира и Магдалины, но это было до создания катар. Хотя, думаю, учение не изменилось.

— Прости, за мои сумбурные мысли и вопросы, Север. Вижу, что потеряла много, не придя к вам. Но всё же, я пока жива. А пока дышу, я ещё могу тебя спрашивать, не так ли? Расскажешь ли мне, как закончилась жизнь Светодара? Прости, за то, что прервала.

Север искренне улыбался. Ему нравилось моё нетерпение и жажда «успеть» узнать. И он с удовольствием продолжил.

— После своего возвращения, Светодар жил и учил в Окситании всего два года, Изидора. Но эти годы стали самыми дорогими и счастливыми годами его скитальческой жизни. Его дни, освещённые весёлым смехом Белояра, проходили в любимом Монсегюре, в окружении Совершенных, которым Светодар честно и искренне пытался передать то, чему долгие годы учил его далёкий Странник. Они собирались в Храме Солнца[4]*, который удесятерял собой нужную им Живую Силу. А также защищал их от нежелательных «гостей», когда кто-то собирался туда тайно проникнуть, не желая появляться открыто.*

В скором времени произошёл непредвиденный и довольно таки забавный случай, после которого ближайшие Совершенные (а потом и остальные катары) начали называть Светодара «огненным». А началось это после того, как во время одного из обычных занятий Светодар, забывшись, полностью раскрыл перед ними свою высокую энергетическую Сущность... Как известно, все без исключения Совершенные были ***видящими****. И появление пылающей огнём сущности Светодара вызвало настоящий шок у Совершенных... Посыпались тысячи вопросов, на многие из которых даже у самого Светодара не было ответов. Ответить мог, наверное, только Странник, но он был недосягаемым и далёким. Поэтому Светодар вынужден был как-то объясняться с друзьями сам... Удалось ему это или нет — неизвестно. Только с того самого дня все катары начали называть его Огненным Учителем*[5]*.*

Прошло два года. Мир и покой царили в уставшей душе Светодара. Дни бежали за днями, унося всё дальше старые печали... Малыш Белояр, казалось, рос не по дням, а по часам, становясь всё смышлёнее и умней, перегоняя в этом всех своих старших друзей, чем сильно радовал дедушку Светодара. Но вот в один из таких счастливых, спокойных дней, Светодар вдруг почувствовал странную, щемящую тревогу... Его Дар говорил ему — в его мирную дверь стучится беда... Ничего вроде бы не менялось, ничего не происходило. Но тре-

---

[4]Храмом Солнца называли специально построенную в Монсегюре башню, которая в определённое время суток пропускала в окно прямые солнечные лучи, что делало Храм в тот миг истинно волшебным. А ещё эта башня концентрировала и усиливала энергию, что для работающих там в тот момент катар облегчало напряжение и не требовало слишком большой отдачи сил.

[5] О существовании Огненного Учителя и правда упоминается в некоторых современных книгах про катар, только, к сожалению, не о том, который был настоящим... Видимо, прав был Север, говоря, что люди, не понимая, переделывают всё на свой лад... Как говорится: «слышали звон, но не знают, где он»... Например, я нашла воспоминания «последнего катара» Дэода Роше, который говорит, что Огненным Учителем был некий Штайнер(?!)... Опять же, к Чистому и Светлому насильно «приживляется» народ Израиля... которого никогда не было среди настоящих Катар.

вога Светодара росла, отравляя приятные мгновения полного покоя.

Однажды, Светодар гулял по окрестностям с маленьким Белояром (мирское имя которого было — Франк) недалеко от пещеры, в которой погибла почти что вся его семья. Погода была чудесной — день стоял солнечный и тёплый — и ноги сами понесли Светодара проведать печальную пещеру... Маленький Белояр, как всегда, нарвал близ растущих полевых цветов, и дедушка с праправнуком пришли поклониться месту умерших. Наверное, кто-то когда-то наложил проклятие на эту пещеру для его семьи, иначе невозможно было понять, как же они, такие необычайно одарённые, вдруг почему-то полностью теряли свою чувствительность, ***именно попадая только в эту пещеру****, и, как слепые котята, направлялись прямиком в кем-то расставленный капкан.*

Весело щебетавший свою любимую песенку Белояр вдруг замолк, как это всегда случалось, стоило ему войти в знакомую пещеру. Мальчик не понимал, что заставляло его вести себя именно так, но как только они входили внутрь — всё его весёлое настроение куда-то испарялось, и оставалась в сердечке только печаль...

— Скажи мне, дедушка, а почему здесь всегда убивали? Это место очень печальное, я это «слышу»... Давай уйдём отсюда дедушка! Мне оно очень не нравится... Здесь всегда пахнет бедой.

Малыш боязливо передёрнул плечиками, будто и, правда, почувствовав какую-то беду. Светодар печально улыбнулся и крепко обняв мальчика, хотел уже выйти наружу, как у входа в пещеру неожиданно появились четверо незнакомых ему человек.

— Вас не приглашали сюда, незваные. Это семейная печальня, и сюда запрещён вход посторонним. Уходите с миром, — тихо произнёс Светодар.

Он тут же горько пожалел, что взял с собой Белояра. Малыш испуганно жался к деду, видимо чувствуя нехорошее.

— Что ж, как раз это и есть подходящее место!.. — нагло захохотал один из незнакомцев. — Не придётся ничего искать...

Они начали окружать безоружную пару, явно стараясь пока не приближаться.

— Ну, прислужник Дьявола, покажи нам свою силёнку! — храбрились «святые воины». — Что, не помогает твой рогатый господин?

Незнакомцы нарочито себя злили, стараясь не поддаваться страху, так как про невероятную силу Огненного Учителя, видимо, были наслышаны достаточно.

Левой рукой Светодар легко задвинул малыша за спину, а правую протянул к пришедшим, как бы загораживая вход в пещеру.

— Я предупредил вас, остальное ваше дело... — сурово произнёс он. — Уходите, и с вами ничего плохого не случится.

Четверо вызывающе загоготали. Один из них, самый высокий, вытащив узкий нож, нагло им размахивая, пошёл на Светодара... И тут Белояр, испуганно пискнув, вывернулся из державших его дедушкиных рук, и, пулей метнувшись к человеку с ножом, начал больно колотить по его коленям подхва-

ченным на бегу увесистым камушком. Незнакомец взревел от боли и, как муху, отшвырнул мальчика от себя подальше. Но беда-то была в том, что «пришедшие» всё ещё стояли у самого входа в пещеру... И незнакомец швырнул Белояра именно в сторону входа... Тонко закричав, мальчик перевернулся через голову, и лёгким мячиком полетел в пропасть... Это заняло всего несколько коротких секунд, и Светодар не успел... Ослепший от боли, он протянул руку к ударившему Белояра человеку — тот, не издав ни звука, пролетел в воздухе пару шагов и, грохнувшись головой об стенку, грузным мешком съехал на каменный пол. Его «напарники», видя столь печальный конец своего вожака, кучей попятились внутрь пещеры. И тут Светодар сделал одну-единственную ошибку... Желая увидеть, жив ли Белояр, он слишком близко пододвинулся к обрыву и лишь на мгновение отвернулся от убийц. Тут же один из них, молнией подскочив сзади, нанёс ему в спину резкий удар ногой... Тело Светодара улетело в бездну следом за маленьким Белояром... Всё было кончено. Не на что было больше смотреть. Подлые «человечки», толкая друг друга, быстренько убрались из пещеры...

Какое-то время спустя, над обрывом у входа появилась белокурая маленькая головка. Ребёнок осторожно вылез на краешек уступа, и увидев, что внутри никого нет, горестно зарыдал... Видимо, весь дикий страх и обида, а может быть и ушибы, вылились водопадом слёз, смывая пережитое... Он плакал горько и долго, сам себе приговаривая, злясь и жалея, будто дедушка мог услышать... будто мог вернуться, чтобы его спасти...

— Я же говорил — эта пещера злая!.. Я говорил... говорил тебе! — судорожно всхлипывая, причитал малыш — Ну почему ты меня не послушал! И что мне теперь делать?.. Куда мне теперь идти?..

Слёзы лились по грязным щёчкам жгучим потоком, разрывая маленькое сердечко... Белояр не знал, жив ли ещё его любимый дедушка... Не знал, вернутся ли обратно злые люди? Ему просто было до дикости страшно. И не было никого, чтобы его успокоить... никого, чтобы защитить...

А Светодар неподвижно лежал на самом дне глубокой щели. Его широко распахнутые, чистые голубые глаза, ничего не видя, смотрели в небо. Он ушёл далеко-далеко, где ждала его Магдалина... и любимый отец с добрым Раданом... и сестрёнка Веста... и его нежная, ласковая Маргарита с дочкой Марией... и незнакомая внучка Тара... И все-все те, кто давно погиб, защищая свой родной и любимый мир от нелюди, называвшей себя ***человеками****...*

А здесь, на земле, в одинокой пустой пещере, на кругленьком камушке, сгорбившись, сидел человек... Он выглядел совсем ещё маленьким. И очень напуганным. Горько, надрывно плача, он яростно растирал кулачками злые слёзы и клялся в своей детской душе, что вот придёт такой день, когда он вырастет, и тогда уж он обязательно ***поправит*** *«неправильный» мир взрослых... Сделает его радостным и хорошим!*

Этим человечком был Белояр... великий потомок Радомира и Магдалины. Маленький, потерянный в мире больших людей, плачущий Человек…

41. Изидора-7. Катары

Всё услышанное из уст Севера затопило в очередной раз моё сердце печалью… Я снова и снова спрашивала себя — неужели все эти невосполнимые потери закономерны?.. Неужто не существует пути, чтобы избавить мир от нечисти и злобы?!. Вся эта страшная машина глобального убиения заставляла стыть в жилах кровь, не оставляя надежды на спасение. Но в то же время, мощный поток живительной силы втекал откуда-то в мою израненную душу, открывая в ней каждую клеточку, каждый вздох на борьбу с предателями, трусами и подлецами!.. С теми, кто убивал чистых и смелых, не стесняясь, любыми средствами, только бы уничтожить каждого, кто мог оказаться для них опасным…

— Расскажи мне ещё, Север! Расскажи мне, пожалуйста, про Катар… Сколько прожили они без своей Путеводной Звезды, без Магдалины?

Но Север вдруг почему-то заволновался и напряжённо ответил:

— Прости меня, Изидора, но, думаю, я расскажу тебе всё это позже… Я не могу здесь оставаться более. Прошу тебя, держись, мой друг. Что бы ни случилось — постарайся быть сильной…

И, мягко растаяв, ушёл «дуновением»... А на пороге уже снова стоял Караффа.

— Ну что ж, Изидора, надумали ли что-то порассудительнее? — не поздоровавшись, начал Караффа. — Я очень надеюсь, что эта неделя образумит Вас и мне не придётся прибегать к самым крайним мерам. Я ведь говорил Вам совершенно искренне — мне не хочется причинять вред Вашей прекрасной дочери, скорее наоборот. Я был бы рад, если бы Анна и дальше училась и познавала новое. Она пока ещё слишком вспыльчива в своих поступках и категорична в своих суждениях, но в ней живёт огромный потенциал. Можно только представить, на что она была бы способна, если позволить ему правильно раскрыться!.. Как Вы на это смотрите, Изидора? Ведь для этого мне нужно всего лишь Ваше согласие. И тогда снова у Вас будет всё хорошо.

— Не считая смерти моего мужа и отца, не так ли, Ваше святейшество? — горько спросила я.

— Ну, это было непредвиденным осложнением (!..). И ведь у Вас ещё остаётся Анна, не забывайте этого!

*— А почему у меня должен вообще кто-то «**оставаться**», Ваше святейшество?.. У меня ведь была чудесная семья, которую я очень любила, и которая являлась для меня всем на свете! Но Вы её уничтожили… всего лишь из-за «непредвиденного осложнения», как Вы только что выразились!.. Неужели живые люди и впрямь не имеют для Вас никакого значения?!*

Караффа расслабленно опустился в кресло и совершенно спокойно произнёс:

— Люди интересуют меня лишь настолько, сколь послушны они нашей святейшей церкви. Или сколь неординарны и необычны их умы. Но таковые попадаются, к сожалению, очень редко. Обычная же толпа не интересует меня

вообще! Это сборище маломыслящего мяса, которое не годится более ни на что, кроме как на выполнение чужой воли и чужих приказов, ибо их мозг не в состоянии постичь даже самую примитивную истину.

Даже зная Караффу, я чувствовала, как у меня от волнения закружилась голова... Как же возможно было жить, думая такое?!.

— Ну, а одарённые?.. Вы ведь боитесь их, Ваше святейшество, не так ли? Иначе Вы бы так зверски не убивали их. Скажите, если Вы всё равно в конце сжигаете их, то зачем же так бесчеловечно их мучить ещё до того, как взойдут на костёр? Неужели для Вас недостаточно того зверства, которое Вы творите, сжигая живьём этих несчастных?..

*— Они **должны** покаяться и признаться, Изидора! Иначе их душа не очистится, несмотря на то, что я предам их пламени святого костра. Они обязаны избавиться от зарождения в них дьявола — должны избавиться от своего грязного Дара! Иначе их душа, придя на Землю из тьмы, снова окунётся в такую же тьму... И я не смогу выполнить свой долг — присоединить их падшие души к Господу Богу. Понимаете ли Вы это, Изидора?!*

Нет, я не понимала... так как это был самый настоящий бред крайне сумасшедшего человека!.. Непостижимый мозг Караффы был для меня загадкой за семью самыми тяжёлыми замками... И постичь эту загадку, по-моему, не мог никто. Иногда святейший Папа казался мне умнейшим и образованнейшим человеком, знающим намного больше, чем любой ординарный начитанный и образованный человек. Как я уже говорила раньше, он был чудесным собеседником, блиставшим своим цепким и острым умом, который полностью подчинял себе окружавших. Но иногда... то, что он «изрекал», не было похоже на что-нибудь нормальное или понятное. Где же находился в такие минуты его редкий ум?..

*— Помилуйте, Ваше святейшество, Вы ведь говорите сейчас **со мной**! Зачем же притворяться?!. О каком «господе» здесь идёт речь? И к какому «господу» Вы желали бы присоединить души этих несчастных «грешников»? Да и вообще, не скажете ли, какому господу Вы сами верите? Если, конечно же, верите вообще...*

Вопреки моему ожиданию — он не взорвался в гневе... А всего лишь улыбнулся и учительским тоном произнёс:

*— Видите ли, Изидора, человеку не нужен Бог, чтобы во что-то верить, — видя моё ошарашенное лицо, Караффа весело рассмеялся. — Не правда ли, забавно слышать это именно от меня, Изидора?.. Но правда — она правда и есть, хотя я понимаю, что из уст Римского Папы это должно звучать более чем странно. Но повторяю — человеку истинно **не нужен Бог**... Ему для этого хватает и другого человека. Возьмите хотя бы Христа... Он ведь был просто очень **одарённым**, но всё же **ЧЕЛОВЕКОМ**! А достало ему всего лишь пройтись по воде, оживить полумёртвого, показать ещё несколько таких же «фокусов», ну, а нам — **правильно объявить**, что он является сыном Бога (а значит — почти что Богом), и всё пошло точно так, как было всегда — толпа, после его смерти, с радостью понеслась за своим искупителем... даже хорошенько не*

понимая, что же такое он по-настоящему для них искупил... Как я уже говорил Вам ранее, ***людей надо уметь направлять*** *и* ***правильно ими управлять****, Изидора. Только тогда возможно полностью держать над ними контроль.*

— Но Вы никогда не сможете контролировать целые народы!.. Для этого нужны армии, святейшество! И даже, допустив, что Вы эти народы как-то подчинили бы, я уверена, снова нашлись бы смелые люди, которые повели бы остальных отвоёвывать свою свободу.

— Вы совершенно правы, мадонна, — кивнул Караффа. — Народы не подчиняются добровольно — их надо подчинять! Но я не воин, и я не люблю воевать. Это создаёт большие и ненужные неудобства… Поэтому, чтобы ***подчинять мирно****, я использую очень простой и надёжный способ — я* ***уничтожаю их прошлое****... Ибо без прошлого человек уязвим... Он* ***теряет свои родовые корни****, если у него нет прошлого. И именно тогда, растерянный и незащищённый, он становится «чистым полотном», на котором я могу писать* ***любую историю!****.. И поверите ли, дорогая Изидора, люди этому только радуются... так как, повторяю,* ***они не могут жить без прошлого*** *(даже если сами себе не желают в этом признаваться). И когда таковаго не имеется, они принимают любое, только бы не «висеть» в неизвестности, которая для них намного страшнее, чем любая* ***чужая,*** *выдуманная «история».*

— И неужели Вы думаете, что никто не видит, что по-настоящему происходит?.. Ведь на Земле так много умных, одарённых людей! — возмущённо воскликнула я.

— Ну почему не видят? ***Избранные*** *— видят, и даже пытаются показать остальным. Но* ***их мы время от времени «подчищаем»****... И всё снова становится на свои места.*

— Так же, как Вы «подчищали» когда-то семью Христа с Магдалиной? Или сегодня — одарённых?.. Что же это за «бог», которому Вы молитесь, Ваше Святейшество? Что за изверг, которому надобны все эти жертвы?!

— Если уж мы говорим откровенно, ***я не молюсь богам****, Изидора...* ***Я живу РАЗУМОМ****. Ну, а Бог нужен всего лишь безпомощным и нищим духом.* ***Тем, кто привык просить*** *— о помощи... о выгоде... да обо всём на свете! Только бы не бороться самому!.. Это — людишки, Изидора! И они стоят того, чтобы ими управляли! А остальное уже дело времени. Вот поэтому я и прошу Вас помочь мне дожить до того дня, когда я обрету полную власть в этом ничтожном мире!.. Тогда Вы увидите, что я не шутил, и что Земля будет полностью мне подчиняться! Я сделаю из неё* ***свою*** *империю... О, мне нужно только время!.. И Вы его мне дадите, Изидора. Вы просто пока об этом не знаете.*

Я потрясённо смотрела на Караффу, очередной раз понимая, что на самом деле он намного опаснее, чем я ранее представляла. И я точно знала, что он ни за что не имеет права далее существовать. Караффа был ***Папой, не верящим в своего Бога****!!! Он был хуже, чем я могла это себе вообразить!.. Ведь* ***можно попытаться как-то понять****, когда человек вершит какое-то зло* ***во имя своих идеалов****. Такое нельзя было бы простить, но как-то можно было бы понять... Но Караффа и в этом лгал!.. Он лгал во всём. И от этого становилось страш-*

но...

— Знаете ли Вы что-либо про Катар, Ваше Святейшество?.. — не утерпев, спросила у него я. — Я почти уверена, что Вы об этом немало читали. Это была чудесная Вера, не правда ли? Намного правдивее, чем та, которой так лживо кичится Ваша церковь!.. Она была ***настоящей****, не то, что Ваш сегодняшний пустозвон…*

Думаю (как делала это часто!), я намеренно злила его, не обращая внимания на последствия. Караффа не собирался отпускать или жалеть нас. Поэтому я без угрызений совести разрешала себе это последнее безобидное удовольствие… Но, как оказалось, Караффа обижаться не собирался… Он терпеливо выслушал меня, не обращая внимания на мою колкость. Потом поднялся и спокойно произнёс:

— Если Вас интересует история этих еретиков — не откажите себе в удовольствии, сходите в библиотеку. Надеюсь, Вы всё ещё помните, где она находится? — Я кивнула. — Вы найдёте там много интересного… До встречи, мадонна.

У самой двери он вдруг остановился.

— Да, кстати… Сегодня Вы можете пообщаться с Анной. Вечер в Вашем полном распоряжении. — И, повернувшись на каблуках, вышел из комнаты.

У меня резко сжалось сердце. Я так страдала без моей милой девочки!.. Так хотела её обнять!.. Но радоваться особо не спешила. Я знала Караффу. Знала, что по малейшему изменению его настроения он мог всё очень просто отменить. Поэтому, мысленно собравшись и постаравшись не слишком надеяться на «светлое» обещание Папы, я решила сразу же воспользоваться разрешением и посетить когда-то сильно потрясшую меня папскую библиотеку…

Немного поплутав в знакомых коридорах, я всё же довольно быстро нашла нужную дверь и, нажав на небольшой изящный рычажок, попала в ту же огромную, до потолка забитую книгами и рукописными свитками, комнату. Всё здесь выглядело совершенно, как прежде — будто никто никогда не доставлял себе беспокойства, пользуясь столь дивным кладезем чужой мудрости… Хотя я точно знала, что Караффа тщательно изучал каждую, даже самую невзрачную книгу, каждую рукопись, попавшую в эту потрясающую книжную сокровищницу…

Не надеясь быстро найти в этом хаосе интересующий меня материал, я настроилась своим любимым способом «слепого смотрения» (думаю, так когда-то называли **сканирование**) *и сразу же увидела нужный уголок, в котором целыми стопками лежали рукописи… Толстые и однолистные, невзрачные и расшитые золотыми нитями, они лежали, как бы призывая заглянуть в них, окунуться в тот удивительный и незнакомый мне, мистический мир Катар, о котором я не знала почти ничего… но который безоговорочно притягивал меня даже сейчас, когда надо мной и Анной висела страшная беда, и не было малейшей надежды на спасение.*

Моё внимание привлекла невзрачная, зачитанная, перешитая грубыми нитками книжечка, выглядевшая выцветшей и одинокой среди множества

толстенных книг и золочёных свитков… Заглянув на обложку, я с удивлением увидела незнакомые мне буквы, хотя читать могла на очень многих, известных в то время языках. Это меня ещё более заинтересовало. Осторожно взяв книжечку в руки и осмотревшись вокруг, я уселась на свободный от книг подоконник и, настроившись на незнакомый почерк, начала «смотреть»…

Слова выстраивались непривычно, но от них шло такое удивительное тепло, будто книга по-настоящему со мною говорила… Я услышала мягкий, ласковый, очень уставший женский голос, который пытался поведать мне свою историю… Если я правильно понимала, это был чей-то коротенький дневник.

— Меня зовут Эсклармонд де Пэрэйль… Я — дитя Света, «дочь» Магдалины… Я — Катар. Я верю в Добро и в Знание. Как и моя мать, мой муж, и мои друзья, — печально звучал рассказ незнакомки. — Сегодня я проживаю мой последний день на этой земле… Не верится!.. Слуги Сатаны дали нам две недели. Завтра, с рассветом, наше время заканчивается…

У меня от волнения перехватило горло… Это было именно то, что я искала — настоящая повесть очевидца!!! Того, кто пережил весь ужас и боль уничтожения… Кто на себе прочувствовал гибель родных и друзей. Кто был истинным Катаром!..

Опять же, как и во всём остальном — ***католическая церковь бессовестно лгала****. И это, как я теперь поняла, делал не только Караффа... Обливая грязью чужую, ненавистную для них веру, церковники (скорее всего, по приказу тогдашнего Папы) в тайне от всех собирали любую найденную об этой вере информацию — самую короткую рукопись, самую зачитанную книгу... Всё, что (убивая) легко было найти, чтобы после тайком как можно глубже всё это изучить и, по возможности, воспользоваться любым, понятным для них, откровением. Для всех остальных же бессовестно объявлялось, что вся эта «ересь» сжигалась до самого последнего листка, так как несла в себе опаснейшее учение Дьявола…*

Вот где находились истинные записи Катар!!! Вместе с остальным «еретическим» богатством их бессовестно прятали в логове «святейших» Пап, в то же время безжалостно уничтожая хозяев, когда-то их писавших. Моя ненависть к Папе росла и крепла с каждым днём, хотя, казалось, невозможно было ненавидеть сильнее... Именно сейчас, видя всю бессовестную ложь и холодное, расчётливое насилие, моё сердце и ум были возмущены до последнего человеческого предела!.. Я не могла спокойно думать. Хотя когда-то (казалось, это было очень давно!), только-только попав в руки кардинала Караффы, я обещала себе ни за что на свете не поддаваться чувствам... чтобы выжить. Правда, я ещё не знала тогда, как страшна и беспощадна будет моя судьба... Поэтому и сейчас, несмотря на растерянность и возмущение, я насильно постаралась как-то собраться и снова вернулась к повести печального дневника…

Голос назвавшей себя Эсклармонд был очень тихим, мягким и бесконечно грустным! Но в то же время чувствовалась в нём невероятная решимость. Я не знала её, эту женщину (или девочку), но что-то сильно знакомое проскальзывало в её решимости, хрупкости и обречённости. И я поняла — она напомнила

мне мою дочь… мою милую, смелую Анну!..

И вдруг мне дико захотелось увидеть её! Эту сильную, грустную незнакомку. Я попыталась настроиться… Настоящая реальность привычно исчезла, уступая место невиданным образам, пришедшим ко мне сейчас из её далёкого прошлого… Прямо передо мной, в огромной, плохо освещённой старинной зале, на широкой деревянной кровати лежала совсем ещё юная, измученная беременная женщина. Почти девочка. Я поняла — это и была Эсклармонд. У высоких каменных стен залы толпились какие-то люди. Все они были очень худыми и измождёнными. Одни тихо о чём-то шептались, будто боясь громким разговором спугнуть счастливое разрешение. Другие нервно ходили из угла в угол, явно волнуясь то ли за ещё не родившегося ребёнка, то ли за саму юную роженицу…

У изголовья огромной кровати стояли мужчина и женщина. Видимо, родители или близкая родня Эсклармонд, так как были сильно на неё похожи… Женщина была лет сорока пяти, она выглядела очень худой и бледной, но держалась независимо и гордо. Мужчина же показывал своё состояние более открыто — он был напуганным, растерянным и нервным. Без конца вытирая выступавшую на лице испарину (хотя в помещении было сыро и холодно!), он не скрывал мелкого дрожания рук, будто окружающее на данный момент не имело для него никакого значения.

Рядом с кроватью, на каменном полу, стоял на коленях длинноволосый молодой мужчина, всё внимание которого было буквально пригвождено к юной роженице. Ничего вокруг не видя и не отрывая от неё глаз, он непрерывно что-то нашёптывал ей, безнадёжно стараясь успокоить.

Я заинтересованно пыталась рассмотреть будущую мать, как вдруг по всему телу полоснуло острейшей болью!.. И я тут же, всем своим существом почувствовала, как жестоко страдала Эсклармонд!.. Видимо, её дитя, которое должно было вот-вот родиться на свет, доставляло ей море незнакомой боли, к которой она пока ещё не была готова.

Судорожно схватив за руки молодого человека, Эсклармонд тихонько прошептала:

— Обещай мне… Прошу, обещай мне… ты сумеешь его сберечь… Что бы ни случилось… обещай мне…

Мужчина ничего не отвечал, только ласково гладил её худенькие руки, видимо никак не находя нужных в тот момент спасительных слов.

— Он ***должен*** *появиться на свет сегодня! Он должен!.. — вдруг отчаянно крикнула девушка. — Он не может погибнуть вместе со мной!.. Что же нам делать? Ну, скажи, что же нам делать?!!*

Её лицо было невероятно худым, измученным и бледным. Но ни худоба, ни страшная измождённость не могли испортить утончённую красоту этого удивительно нежного и светлого лица! На нём сейчас жили только глаза… Чистые и огромные, как два серо-голубых родника, они светились бесконечной нежностью и любовью, не отрываясь от встревоженного молодого человека… А в самой глубине этих чудесных глаз таилась дикая, чёрная безысходность…

Что это было?!.. Кто были все эти люди, пришедшие ко мне из чьего-то далёкого прошлого? Были ли это Катары?! И не потому ли у меня так скорбно сжималось по ним сердце, что висела над ними неизбежная, страшная беда?..

Мать юной Эсклармонд (а это наверняка была именно она) явно была взволнована до предела, но, как могла, старалась этого не показывать и так уже полностью измученной дочери, которая временами вообще «уходила» от них в небытиё, ничего не чувствуя и не отвечая... И лишь лежала печальным ангелом, покинувшим на время своё уставшее тело... На подушках, рассыпавшись золотисто-русыми волнами, блестели длинные, влажные, шелковистые волосы... Девушка, и правда, была очень необычна. В ней светилась какая-то странная, одухотворённо-обречённая, очень глубокая красота.

К Эсклармонд подошли две худые, суровые, но приятные женщины. Приблизившись к кровати, они попытались ласково убедить молодого человека выйти из комнаты. Но тот, ничего не отвечая, лишь отрицательно мотнул головой и снова повернулся к роженице.

Освещение в зале было скупым и тёмным — несколько дымящихся факелов висели на стенах с двух сторон, бросая длинные, колышущиеся тени. Когда-то эта зала наверняка была очень красивой... В ней всё ещё гордо висели на стенах чудесно вышитые гобелены... А высокие окна защищали весёлые разноцветные витражи, оживлявшие лившийся в помещение последний тусклый вечерний свет. Что-то очень плохое должно было случиться с хозяевами, чтобы столь богатое помещение выглядело сейчас таким заброшенным и неуютным...

Я не могла понять, почему эта странная история целиком и полностью захватила меня?!. И ***что*** *всё-таки являлось в ней самым важным: само событие? Кто-то из присутствовавших там? Или тот, не рождённый ещё маленький человек?.. Не в состоянии оторваться от видения, я жаждала поскорее узнать, чем же закончится эта странная, наверняка не очень счастливая, чужая история!*

Вдруг в папской библиотеке сгустился воздух — неожиданно появился Север.

— О!.. Я почувствовал что-то знакомое и решил вернуться к тебе. Но не думал, что ты будешь смотреть такое... Не нужно тебе читать эту печальную историю, Изидора. Она принесёт тебе всего лишь ещё больше боли.

— Ты её знаешь?.. Тогда скажи мне, кто эти люди, Север? И почему так болит за них моё сердце? — Удивлённая его советом, спросила я.

— Это — Катары, Изидора... Твои любимые Катары... в ночь перед сожжением, — грустно произнёс Север. — А место, которое ты видишь — их последняя и самая дорогая для них крепость, которая держалась дольше всех остальных. Это — Монсегюр, Изидора... Храм Солнца. Дом Магдалины и её потомков... один из которых как раз должен вот-вот родиться на свет.

— ?!..

— Не удивляйся. Отец того ребёнка — потомок Белояра, ну и, конечно же, Радомира. Его звали Светозаром. Или — Светом Зари, если тебе так больше нравится. Это (как было у них всегда) очень горестная и жестокая история...

Не советую тебе её смотреть, мой друг.

Север был сосредоточенным и глубоко печальным. И я понимала, что видение, которое я в тот момент смотрела, не доставляло ему удовольствия. Но, несмотря ни на что, он, как всегда, был терпеливым, тёплым и спокойным.

— Когда же это происходило, Север? Не хочешь ли ты сказать, что мы видим ***настоящий конец*** *Катар?*

Север долго смотрел на меня, словно жалея.... Словно не желая ранить ещё сильнее… Но я упорно продолжала ждать ответа, не давая ему возможности смолчать.

— К сожалению, это так, Изидора. Хотя мне очень хотелось бы ответить тебе что-нибудь более радостное… То, что ты сейчас наблюдаешь, произошло в 1244 году, в месяце марте. В ночь, когда пало последнее пристанище Катар… Монсегюр. Они держались очень долго, десять долгих месяцев, замерзая и голодая, приводя в бешенство армию святейшего Папы и его величества, короля Франции. Их было всего-навсего ***сто*** *настоящих рыцарей-воинов и четыреста остальных человек, среди которых находились женщины и дети, и более двухсот Совершенных. А нападавших было* ***несколько тысяч*** *профессиональных рыцарей-воинов, настоящих убийц, получивших добро на уничтожение непослушных «еретиков»... на безжалостное убийство всех невинных и безоружных… во имя Христа. И во имя «святой», «всепрощающей» церкви.*

И всё же — катары держались. Крепость была почти недоступной, и чтобы её захватить, необходимо было знать секретные подземные ходы, или же проходимые тропинки, известные только жителям крепости или им помогавшим жителям округи.

Но, как это обычно случалось с героями — «на сцену» явилось предательство... Вышедшая из терпения, сходившая с ума от пустого бездействия армия рыцарей-убийц попросила помощи у церкви. Ну и естественно, церковь тут же откликнулась, использовав для этого свой самый проверенный способ — дав одному из местных пастухов большую плату за показ тропинки, ведущей на «платформу» (так называли ближайшую площадку, на которой можно было устроить катапульту). Пастух продался, погубив свою бессмертную душу... и священную крепость последних оставшихся Катар.

У меня от возмущения бешено стучало сердце. Стараясь не поддаваться нахлынувшей безысходности, я продолжала спрашивать Севера, будто всё ещё не сдавалась, будто всё ещё оставались силы смотреть эту боль и дикость произошедшего когда-то зверства...

— Кто была Эсклармонд? Знаешь ли ты что-то о ней, Север?

— Она была третьей, и самой младшей, дочерью последних сеньоров Монсегюра, Раймонда и Корбы де Перейлей, — печально ответил Север. — Ты видела их у изголовья Эсклармонд в твоём видении. Сама же Эсклармонд была весёлой, ласковой и всеми любимой девочкой. Она была взрывной и подвижной, как фонтан. И очень доброй. Её имя в переводе означало — Свет Мира. Но знакомые ласково называли её «вспышкой», думаю, за её бурлящий и сверкающий характер. Только не путай её с другой Эсклармондой — была ещё у Катар

Великая Эскламонд*, Дама де Фуа.*

Великой *её прозвали сами люди, за стойкость и непоколебимую веру, за любовь и помощь другим, за защиту и Веру Катар. Но это уже другая, хотя очень красивая, но (опять же!) очень печальная история. Эскламонд же, которую ты «смотрела», в очень юном возрасте стала женой Светозара. И теперь рожала его дитя, которое отец, по договору с ней и со всеми Совершенными, должен был в ту же ночь как-нибудь унести из крепости, чтобы сберечь. Что означало — она увидит своего ребёнка всего на несколько коротких минут, пока его отец будет готовиться к побегу... Но, как ты уже успела увидеть — ребёнок всё не рождался. Эскламонд теряла силы, и от этого всё больше и больше паниковала. Целых две недели, которых, по общим подсчётам, должно было наверняка хватить для рождения сына, подошли к концу, а ребёнок почему-то никак не желал появляться на свет... Находясь в совершенном исступлении, измождённая попытками, Эскламонд уже почти не верила, что ей всё же удастся сохранить своё бедное дитя от страшной гибели в пламени костра. За что же ему, нерождённому малютке, было испытывать такое?!. Светозар, как мог, пытался её успокоить, но она уже ничего не слушала, полностью погрузившись в отчаяние и безнадёжность.*

Настроившись, я снова увидела ту же комнату. Вокруг кровати Эскламонд собралось около десяти человек. Они стояли по кругу, все одинаково одеты в тёмное, а от их протянутых рук прямо в роженицу мягко втекало золотое сияние. Поток становился всё гуще, будто окружавшие её люди вливали в неё всю свою оставшуюся Жизненную мощь...

— Это Катары, правда ведь? — тихо спросила я.

— Да, Изидора, это Совершенные. Они помогали ей выстоять, помогали её малышу родиться на свет.

Вдруг Эскламонд дико закричала... и в тот же миг, в унисон, послышался истошный крик младенца! На окружавших её измождённых лицах появилась светлая радость. Люди смеялись и плакали, словно им вдруг явилось долгожданное чудо! Хотя, наверное, так оно и было?.. Ведь на свет родился потомок Магдалины, их любимой и почитаемой путеводной Звезды!.. Светлый потомок Радомира! Казалось, наполнявшие залу люди начисто забыли, что на восходе солнца все они пойдут на костёр. Их радость была искренней и гордой, как поток свежего воздуха на просторах выжжённой кострами Окситании! По очереди приветствуя новорождённого, они, счастливо улыбаясь, уходили из залы, пока вокруг не остались только родители Эскламонд и её муж, самый любимый ею на свете человек.

Счастливыми, сверкающими глазами юная мать смотрела на мальчика, не в состоянии произнести ни слова. Она прекрасно понимала, что эти мгновения будут очень короткими, так как, желая уберечь новорождённого сына, его отец должен будет тут же его забрать, чтобы попытаться ещё до утра убежать из крепости. До того, как его несчастная мать взойдёт на костёр вместе с остальными....

— Благодарю тебя!.. Благодарю тебя за сына! — не скрывая катившихся по

уставшему лицу слёз, шептал Светозар. — Радость моя ясноглазая... пойдём со мной! Мы все поможем тебе! Я не могу тебя терять! Он ведь не знает ещё тебя!.. Твой сын не знает, как добра и прекрасна его мать! Пойдём со мной, Эсклармонд!..

Он умолял её, заранее зная, каков будет ответ. Он просто не мог оставить её на гибель. Ведь всё было рассчитано так великолепно!.. Монсегюр сдался, но попросил две недели, якобы для подготовки к смерти. По-настоящему же они ждали появления потомка Магдалины и Радомира. И рассчитали, что после его появления у Эсклармонд останется достаточно времени, чтобы окрепнуть. Но, видимо, правильно говорят: «мы предполагаем, а судьба располагает»... Вот она и распорядилась жестоко... разрешив новорождённому лишь в последнюю ночь появиться на свет. У Эсклармонд не оставалось сил, чтобы пойти вместе с ними. И теперь она собиралась закончить свою короткую, совсем ещё не житую жизнь на страшном костре «еретиков»... Перейлы, обнявшись, рыдали. Им так хотелось спасти их любимую, светлую девочку!.. Так хотелось, чтобы она жила!

У меня перехватило горло — как же эта история была знакома!.. Они должны были увидеть, как в пламени костра будет умирать их дочь. Так же, как мне, видимо, придётся наблюдать смерть моей любимой Анны...

В каменной зале вновь появились Совершенные — пришло время прощаться. Эсклармонд вскрикнула и попыталась встать с кровати. Ноги подкашивались, не желая её держать... Муж подхватил её, не давая упасть, крепко сжав в последнем объятии.

— Видишь, любимый, как же я могу идти с тобой?.. — тихо прошептала Эсклармонд. — Ты иди! Обещай, что спасёшь его. Обещай мне, пожалуйста! Я тебя буду любить и там... И сына.

Эсклармонд разрыдалась... Она так хотела выглядеть мужественной и сильной!.. Но хрупкое и ласковое женское сердце её подвело... Она не хотела, чтобы они уходили!.. Она даже не успела узнать своего маленького Видомира! Это было намного больнее, чем она наивно предполагала. Это была боль, от которой не находилось спасения. Ей было так нечеловечески больно!!! Наконец, в последний раз поцеловав своего маленького сынишку, она отпустила их в неизвестность... Они уходили, чтобы выжить. А она оставалась, чтобы умереть... Мир был холодным и несправедливым. И не оставалось в нём места даже для Любви...

Закутавшись в тёплые одеяла, четверо суровых мужчин вышли в ночь. Это были её друзья — Совершенные: Хюго (Hugo), Амьель (Amiel), Пуатеван (Poitevin) и Светозар (о котором не упоминается ни в одной ***оригинальной*** *рукописи, везде просто говорится, что имя четвёртого Совершенного осталось* ***неизвестным****). Эсклармонд порывалась выйти за ними... Мать не отпустила её. В этом не было больше смысла — ночь была тёмной, и дочь только помешала бы уходящим. Такова была их судьба, и встречать её надо было с высоко поднятой головой. Как бы это ни было трудно...*

Спуск, по которому ушли четверо Совершенных, был очень опасным. Скала

была скользкой и почти вертикальной. И спускались они на верёвках, привязанных за талию, чтобы, в случае беды, руки каждого оставались свободными. Только Светозар чувствовал себя беззащитно, так как он поддерживал привязанного к нему ребёнка, который, напоенный маковым отваром (чтобы не кричал) и устроенный на широкой папиной груди, сладко спал. Узнал ли когда-либо этот малыш, какой была его первая ночь в этом жестоком мире?.. Думаю, что узнал.

Он прожил долгую и сложную жизнь, этот маленький сын Эсклармонды и Светозара, которого мать, видевшая его лишь мгновение, нарекла Видомиром, зная, что её сын будет видеть будущее. Будет чудесным Видуном...

— Так же оклеветанный церковью, как остальные потомки Магдалины и Радомира, он закончит свою жизнь на костре. Но, в отличие от многих, рано ушедших, в момент его смерти ему будет уже ровно ***семьдесят лет и два дня****, и звать его на земле будут Жаком де Молэй (Jacques de Molay)... последним великим Магистром Ордена Тамплиеров. А также последним главою светлого Храма Радомира и Магдалины. Храма Любви и Знания, который так и не сумела уничтожить Римская церковь, ибо всегда оставались люди*[6]*, свято хранившие его в своих сердцах*[7]*.*

Я стояла совершенно потрясённая, как это было почти всегда после очередного рассказа Севера... Неужели тот малюсенький, только что родившийся мальчик был знаменитейшим Жаком де Молэй?!. Сколько разных-преразных легенд слышала я об этом загадочном человеке!.. Сколько чудес было связано с его жизнью в полюбившихся мне когда-то рассказах![8]

— Сможешь ли рассказать о нём чуть поподробнее, Север? Был ли он столь сильным ***пророком и чудотворцем****, как рассказывал мне когда-то отец?..*

Улыбнувшись моей нетерпеливости, Север утвердительно кивнул.

— Да, я расскажу тебе о нём, Изидора... Я знал его много лет. И множество раз говорил с ним. Я очень любил этого человека... И очень по нему тосковал.

Я не спросила, почему же он не помог ему во время казни? В этом не было смысла, так как я заранее знала его ответ.

---

[6] Тамплиеры умерли оклеветанными и замученными слугами короля и кровожадной католической церкви. Но самым абсурдным было то, что умерли они **напрасно**, так как **на момент своей казни были уже оправданы Папой Клементом**!.. Только вот документ этот каким-то образом «затерялся», и никто не видел его до 2002 года, когда он оказался «случайно» вдруг обнаруженным в Архивах Ватикана под номером 217, вместо «правильного» номера 218... И назывался этот документ — Пергамент Шинона ***(Parchement of Chinon)***, рукопись из города, в котором провёл последние годы своего заточения и пыток Жак де Молэй.

[7] Если кого-то интересуют подробности настоящей судьбы Радомира, Магдалины, Катаров и Тамплиеров, прошу смотреть Дополнения после глав Изидоры или отдельную (но ещё только готовящуюся) книгу «Дети Солнца», когда она будет выставлена на сайте www.levashov.info для свободного копирования.

[8] К сожалению, до наших дней не дошли чудесные легенды об этом загадочном человеке... Его, как и Радомира, выставили слабым, трусливым и бесхарактерным магистром, «не сумевшим» сберечь свой великий Орден...

— Ты — что?!! Ты ***говорил*** *с ним?!. Пожалуйста, ты ведь расскажешь мне об этом, Север?!. — воскликнула я.*

Знаю, своим восторгом я была похожа на дитя... Но это не имело значения. Север понимал, как важен был для меня его рассказ, и терпеливо помогал мне.

— Только я хотела бы сперва узнать, что стало с его матерью и Катарами. Знаю, что они погибли, но я хотела бы это увидеть своими глазами... Помоги мне, пожалуйста, Север.

И опять реальность исчезла, возвращая меня в Монсегюр, где проживали свои последние часы чудесные смелые люди — ученики и последователи Магдалины...

Эсклармонд тихо лежала на кровати. Её глаза были закрыты, казалось, она спала, измученная потерями... Но я чувствовала — это была всего лишь защита. Она просто хотела остаться одна со своей печалью... Её сердце бесконечно страдало. Тело отказывалось повиноваться... Всего лишь какие-то считанные мгновения назад её руки держали новорождённого сынишку... Обнимали мужа… Теперь же они ушли в неизвестность. И никто не мог с уверенностью сказать, удастся ли им уйти от ненависти «охотников», заполонивших подножье Монсегюра. Да и всю долину, сколько охватывал глаз... Крепость была последним оплотом Катар, после неё уже ничего не оставалось. Они потерпели полное поражение... Измученные голодом и зимними холодами, они были беспомощны против каменного «дождя» катапульт, с утра до ночи сыпавшихся на Монсегюр.

— Скажи, Север, почему Совершенные не защищались? Ведь, насколько мне известно, никто лучше них не владел «движением» (думаю, имеется в виду **телекинез**), *«дуновением» и ещё очень многим другим. Почему они сдались?!*

— На это есть свои причины, Изидора. В самые первые нападения крестоносцев Катары ещё не сдавались. Но после полного уничтожения городов Алби, Безье, Минервы и Лавура, в которых погибли тысячи мирных жителей, церковь придумала ход, который просто не мог не сработать. Перед тем, как напасть, они объявляли Совершенным, что ***если они сдадутся, то не будет тронут ни один человек****. И, конечно же, Катары сдавались... С того дня начали полыхать по всей Окситании костры Совершенных. Людей, посвятивших всю свою жизнь Знанию, Свету и Добру, сжигали, как мусор, превращая красавицу Окситанию в выжженную кострами пустыню. Смотри, Изидора... Смотри, если желаешь увидеть правду...*

Меня объял настоящий священный ужас!.. Ибо то, что показывал мне Север, не вмещалось в рамки нормального человеческого понимания!.. Это было Пекло, если оно когда-либо по-настоящему где-то существовало...

Тысячи облачённых в сверкающие доспехи рыцарей-убийц хладнокровно вырезали мечущихся в ужасе людей — женщин, стариков, детей... Всех, кто попадал под сильные удары верных прислужников «всепрощающей» католической церкви... Молодые мужчины, пытавшиеся сопротивляться, тут же падали замертво, зарубленные длинными рыцарскими мечами. Повсюду звучали душераздирающие крики... звон мечей оглушал. Стоял удушающий запах дыма,

человеческой крови и смерти. Рыцари беспощадно рубили всех: был ли то новорождённый младенец, которого, умоляя о пощаде, протягивала несчастная мать... или был немощный старик... Все они тут же нещадно зарубались насмерть... ***именем Христа****!!! Это было святотатством. Это было настолько дико, что у меня на голове по-настоящему шевелились волосы. Я дрожала всем телом, не в состоянии принять или просто осмыслить происходящее. Очень хотелось верить, что это сон! Что такого в реальности* ***быть не могло****! Но, к сожалению, это всё же была* ***реальность****...*

КАК *могли они объяснить совершающееся зверство?!!* ***КАК могла римская церковь ПРОЩАТЬ (???) совершающих такое страшное преступление?!.***

Ещё перед началом Альбигойского крестового похода, в 1199 году, Папа Инокентий III «милостиво» заявил: **«Любой, исповедующий веру в бога, не совпадающую с церковной догмой, должен быть сожжён без малейшего на то сожаления»**. Крестовый поход на Катар назывался **«За дело мира и веру»**! *(Negotium Pacis et Fidei)...*

Прямо у алтаря красивый молодой рыцарь пытался размозжить череп пожилому мужчине... Человек не умирал, его череп не поддавался. Молодой рыцарь спокойно и методично продолжал лупить, пока человек наконец-то последний раз не дёрнулся и не затих — его толстый череп, не выдержав, раскололся...

Объятая ужасом юная мать в мольбе протянула ребёнка — через секунду у неё в руках остались две ровные половинки... Маленькая кудрявая девчушка, плача с перепугу, отдавала рыцарю свою куклу — самое дорогое своё сокровище... Голова куклы легко слетела, а за ней мячиком покатилась по полу и голова хозяйки....

Не выдержав более, горько рыдая, я рухнула на колени... Были ли это ЛЮДИ?!. ***КАК*** *можно было назвать вершившего такое зло человека?!.*[9]

Я не хотела смотреть это дальше!.. У меня больше не оставалось сил... Но Север безжалостно продолжал показывать какие-то города, с полыхавшими в них церквями... Эти города были совершенно пустыми, не считая тысяч трупов, брошенных прямо на улицах, и разлившихся рек человеческой крови, утопая в которой, пировали волки... Ужас и боль сковали меня, не давая хоть на минуту вдохнуть. Не позволяя шевельнуться...

Что *же должны были чувствовать «люди», отдававшие подобные приказы??? Думаю, они не чувствовали ничего вообще, ибо черным-черны были их*

---

[9] Сожжение 7000 жителей города Безье в церкви Марии Магдалины 22 июля. **В день именин Золотой Марии**… Их сожгли вместе с 222 Совершенными. Всего же в городке Безье (Bezier) было истреблено более 20 000 человек, что в то время составляло **всё** население города... Это о Безье звучит знаменитая фраза Папского легата, когда растерянный крестоносец спросил его, как отличить христиан от неверных? Легат, без угрызений совести, ответил: «Режьте всех, бог отличит своих»...

уродливые, чёрствые души[10].

Вдруг я увидела очень красивый замок, стены которого были местами повреждены катапультами, но в основном замок оставался целым. Весь внутренний двор был валом завален трупами людей, утопавших в лужах собственной и чужой крови. У всех было перерезано горло...

— Это Лавур (Lavaur), Изидора... Очень красивый и богатый город. Его стены были самыми защищёнными. Но озверевший от безуспешных попыток главарь крестоносцев Симон де Монтфор позвал на помощь весь сброд, какой только смог найти, и... 15 000 явившихся на зов «солдат Христовых» атаковали крепость... Не выдержав натиска, Лавур пал. Все жители, в том числе **400 (!!!)** *Совершенных, 42 трубадура и 80 рыцарей-защитников зверски пали от рук «святых» палачей. Здесь, во дворе, ты видишь лишь рыцарей, защищавших город, и ещё тех, кто держал в руках оружие. Остальных же (кроме сожжённых Катар), зарезав, просто оставили гнить на улицах... В городском подвале убийцы нашли 500 спрятавшихся женщин и детей — их зверски убили прямо там... не выходя наружу...*

Во двор замка какие-то люди привели закованную цепями симпатичную, хорошо одетую молодую женщину. Вокруг началось пьяное гиканье и хохот. Женщину грубо схватили за плечи и бросили в колодец. Из глубины тут же послышались глухие, жалобные стоны и крики. Они продолжались, пока крестоносцы, по приказу главаря, не завалили колодец камнями...

— Это была Дама Джиральда... Владелица замка и этого города... Все без исключения подданные очень любили её. Она была мягкой и доброй... И носила под сердцем своего первого нерождённого младенца. — Жёстко закончил Север.

Тут он посмотрел на меня, и, видимо, сразу же понял — сил у меня просто больше не оставалось... Ужас тут же закончился.

Север участливо подошёл ко мне, и, видя, что я всё ещё сильно дрожу, ласково положил руку на голову. Он гладил мои длинные волосы, тихо шепча слова успокоения. И я постепенно начала оживать, приходя в себя после страшного, нечеловеческого потрясения... В уставшей голове назойливо кружился рой незаданных вопросов. Но все эти вопросы казались теперь пустыми и неуместными. Поэтому, я предпочитала ждать, что же скажет Север.

— Прости за боль, Изидора, но я хотел показать тебе правду... Чтобы ты поняла ношу Катар... Чтобы не считала, что они легко теряли Совершенных...

— Я всё равно не понимаю этого, Север! Так же, как я не могла понять ***вашу*** *правду...* ***Почему не боролись*** *за жизнь Совершенные?! Почему не использовали то, что знали? Ведь почти что каждый из них мог* ***одним лишь движением истребить целую армию****!.. Зачем же было сдаваться?*

— Наверное, это было то, о чём я так часто с тобой говорил, мой друг... Они просто не были готовы.

---

[10] Король Франции Филлип Август и Папа Инокентий III преспокойно наблюдают сожжение «неверных», то бишь, Катар... В переводе с английского языка имя Папы Инокентия ***(Innocent)*** означает **невиновен**, **безвреден**... Не правда ли, иронично?..

— Не готовы к чему?! — по старой привычке взорвалась я. — Не готовы сохранить свои жизни? Не готовы спасти других, страдавших людей?! Но ведь всё это так ошибочно!.. Это неверно!!!

*— **Они не были воинами**, каким являешься ты, Изидора. — Тихо произнёс Север. — Они **не убивали**, считая, что мир должен быть другим. Считая, что они могли научить людей измениться... Научить Пониманию и Любви, научить Добру. Они надеялись подарить людям Знание... но не всем, к сожалению, оно было нужно. Ты права, говоря, что Катары были сильными. Да, они были совершенными Магами и владели огромной силою. Но они **не желали бороться СИЛОЙ**, предпочитая силе борьбу **СЛОВОМ**. Именно это их и уничтожило, Изидора. Вот почему я говорю тебе, мой друг, они были не готовы. А если уж быть предельно точным, то это **мир не был готов к ним**. Земля, в то время, уважала именно **силу**. А Катары несли Любовь, Свет и Знание. И пришли они слишком рано. Люди **не были к ним готовы...***

— Ну, а как же те сотни тысяч, что по всей Европе несли Веру Катар? Что тянулись к Свету и Знаниям? Их ведь было очень много!

— Ты права, Изидора... Их было много. Но что с ними стало? Как я уже говорил тебе раннее, Знание может быть очень опасным, если придёт оно слишком рано. Люди должны быть готовы, чтобы его принять. Не сопротивляясь и не убивая. Иначе это Знание не поможет им. Или ещё страшнее — попав в чьи-то грязные руки, оно погубит Землю. Прости, если тебя расстроил...

*— И всё же, я не согласна с тобою, Север... Время, о котором ты говоришь, никогда не придёт на Землю. **Люди никогда не будут мыслить одинаково**. Это нормально. Посмотри на природу — каждое дерево, каждый цветок отличаются друг от друга... А ты желаешь, чтобы люди были похожи!.. Слишком много зла, слишком много насилия было показано человеку. И те, у кого тёмная душа, не хотят трудиться и ЗНАТЬ, когда возможно просто убить или солгать, чтобы завладеть тем, что им нужно. **За Свет и Знание нужно бороться!** И побеждать. Именно этого **должно не хватать нормальному** человеку. Земля может быть прекрасной, Север. Просто мы должны **показать ей, КАК** она может стать чистой и прекрасной...*

Север молчал, наблюдая за мной. А я, чтобы не доказывать ничего более, снова настроилась на Эсклармонд... Как же эта девочка, почти ещё дитя, могла вынести такое глубокое горе?.. Её мужество поражало, заставляя уважать и гордиться ею. Она была достойной рода Магдалины, хотя являлась всего лишь матерью её далёкого потомка.

И моё сердце снова болело за чудесных людей, чьи жизни обрывала всё та же церковь, лживо провозглашавшая «всепрощение»! И тут я вдруг вспомнила слова Караффы: «Бог простит всё, что творится во имя его»!.. Кровь стыла от такого Бога... И хотелось бежать куда глаза глядят, только бы не слышать и не видеть происходящее «во славу» сего чудовища!..

*Перед моим взором снова стояла юная, измученная Эсклармонд... Несчастная мать, потерявшая своего первого и последнего ребёнка... И никто не мог ей толком объяснить, **за что** с ними вершили такое... **За что** они, добрые*

и невинные, шли на смерть... Вдруг в залу вбежал запыхавшийся, худенький мальчик. Он явно прибежал прямиком с улицы, так как из его широкой улыбки валом валил пар.

— Мадам, Мадам! Они спаслись!!! Добрая Эсклармонд, на горе огонь!..

Эсклармонд вскочила, собираясь побежать, но её тело оказалось слабее, чем бедняжка могла предположить... Она рухнула прямиком в отцовские объятия. Раймонд де Перейль подхватил лёгкую, как пушинка, дочь на руки и выбежал за дверь... А там, собравшись на вершине Монсегюра, стояли все обитатели замка. И все глаза смотрели только в одном направлении — туда, где на снежной вершине горы Бидорты (Bidorta) горел огромный костёр!.. Что означало — четверо беглецов добрались до желанной точки!!! Её отважный муж и новорождённый сынишка спаслись от звериных лап инквизиции и могли счастливо продолжать свою жизнь.

Вот теперь всё было в порядке. Всё было хорошо. Она знала, что взойдёт на костёр спокойно, так как самые дорогие ей люди ***жили****. И она по-настоящему была довольна — судьба пожалела её, позволив это узнать.... Позволив* ***спокойно*** *идти на смерть.*

На восходе солнца все Совершенные и Верящие катары собрались в Храме Солнца, чтобы в последний раз насладиться его теплом перед уходом в вечность. Люди были измученные, замёрзшие и голодные, но все они улыбались... Самое главное было выполнено — потомок Золотой Марии и Радомира жил, и оставалась надежда, что в один прекрасный день кто-нибудь из его далёких правнуков перестроит этот чудовищно несправедливый мир, и никому не надо будет больше страдать. В узком окне зажёгся первый солнечный луч!.. Он слился со вторым, третьим... И по самому центру башни загорелся золотистый столб. Он всё больше и больше расширялся, охватывая каждого, стоящего в ней, пока всё окружающее пространство полностью не погрузилось в золотое свечение. Это было прощание... Монсегюр прощался с ними, ласково провожая в другую жизнь...

А в это время внизу, у подножья горы, складывался огромный страшный костёр. Вернее, целое строение в виде деревянной площадки, на которой «красовались» толстые столбы...

Более двухсот Совершенных начали торжественно и медленно спускаться по скользкой, и очень крутой каменной тропинке. Утро стояло ветреное и холодное. Солнце глянуло из-за туч лишь на коротенькое мгновение... чтобы обласкать напоследок своих любимых детей, своих Катар, идущих на смерть... И снова ползли по небу свинцовые тучи. Оно было серым и неприветливым. И чужим. Всё вокруг было промёрзлым. Моросящий воздух напитывал влагой тонкие одежды. Пятки идущих застывали, скользя по мокрым камням... На горе Монсегюр всё ещё красовался последний снег.

Внизу озверевший от холода маленький человек хрипло орал на крестоносцев, приказывая срубить побольше деревьев и тащить в костёр. Пламя почему-то не разгоралось, а человечку хотелось, чтобы оно полыхало до самих небес!.. Он заслужил его, он ждал этого десять долгих месяцев, и вот теперь оно

свершилось! Ещё вчера он мечтал побыстрее возвратиться домой. Но злость и ненависть к проклятым катарам брала верх, и теперь ему уже хотелось только одного — видеть, как наконец-то будут полыхать последние Совершенные. Эти последние Дети Дьявола!.. И только тогда, когда от них останется лишь куча горячего пепла, он спокойно пойдёт домой. Этим маленьким человечком был сенешаль города Каркасона. Его звали Хюг де Арси (Hugues des Arcis). Он действовал от имени его величества, короля Франции, Филиппа Августа.

Катары спускались уже намного ниже. Теперь они двигались между двух угрюмых, вооружённых колон. Крестоносцы молчали, хмуро наблюдая за процессией худых, измождённых людей, лица которых почему-то сияли неземным, непонятным восторгом. Это охрану пугало. И это было, по их понятию, ненормально. Эти люди шли на смерть. И ***не могли*** *улыбаться. Было что-то тревожное и непонятное в их поведении, от чего охранникам хотелось уйти отсюда побыстрей и подальше, но обязанности не разрешали — приходилось смиряться. Пронизывающий ветер развевал тонкие, влажные одежды Совершенных, заставляя их ёжиться и, естественно, жаться ближе друг к другу, что сразу же пресекалось охраной, толкавшей их двигаться в одиночку.*

Первой в этой жуткой похоронной процессии шла Эсклармонд. Её длинные волосы, на ветру развеваясь, закрывали худую фигурку шёлковым плащом... Платье на бедняжке висело, будучи невероятно широким. Но Эсклармонд шла, высоко подняв свою красивую головку и... улыбалась. Будто шла она к своему великому счастью, а не на страшную, бесчеловечную смерть. Мысли её блуждали далеко-далеко, за высокими снежными горами, где находились самые дорогие ей люди — её муж, и её маленький новорождённый сынишка... Она знала — Светозар будет наблюдать за Монсегюром, знала — он увидит пламя, когда оно будет безжалостно пожирать её тело, и ей очень хотелось выглядеть бесстрашной и сильной... Хотелось быть его достойной... Мать шла за нею, она тоже была спокойна. Лишь от боли за любимую девочку на её глаза время от времени наворачивались горькие слёзы. Но ветер подхватывал их и тут же сушил, не давая скатиться по худым щекам.

В полном молчании двигалась скорбная колонна. Вот они уже достигли площадки, на которой бушевал огромный костёр. Он горел пока лишь в середине, видимо, ожидая, пока к столбам привяжут живую плоть, которая будет гореть весело и быстро, несмотря на пасмурную, ветреную погоду. Несмотря на людскую боль...

Эсклармонд поскользнулась на кочке, но мать подхватила её, не давая упасть. Они представляли очень скорбную пару, мать и дочь... Худые и замёрзшие, они шли прямые, гордо неся свои обнажённые головы, несмотря на холод, несмотря на усталость, несмотря на страх.. Они хотели выглядеть уверенными и сильными перед палачами. Хотели быть мужественными и не сдающимися, так как на них смотрел муж и отец...

Раймон де Перейль оставался жить. Он не шёл на костёр с остальными. Он оставался, чтобы помочь оставшимся, кто не имел никого, чтобы их защитить. Он был владельцем замка, сеньором, который честью и словом от-

вечал за всех этих людей. Раймонд де Перейль не имел права так просто умереть. Но для того, чтобы жить, он должен был отречься от всего, во что столько лет искренне верил. Это было страшнее костра. Это было ложью. А ***Катары не лгали****... Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни за какую цену, сколь высокой она бы ни оказалась. Поэтому и для него жизнь кончалась* ***сейчас****, со всеми... Так как умирала его душа. А то, что останется на потом — это уже будет не он. Это будет просто живущее тело, но его сердце уйдёт с родными — с его отважной девочкой и с его любимой, верной женой...*

Перед Катарами остановился тот же маленький человечек, Хюг де Арси. Нетерпеливо топчась на месте, видимо, желая поскорее закончить, он хриплым, надтреснутым голосом начал отбор...

— Как тебя зовут?

— Эсклармонд де Перейль. — последовал ответ.

— Хюг де Арси, действую от имени короля Франции. Вы обвиняетесь в ереси Катар. Вам известно, в соответствии с нашим соглашением, которое вы приняли 15 дней назад, чтобы быть свободной и сохранить жизнь, вы должны отречься от своей веры и искренне поклясться в верности вере Римской католической церкви. Вы должны сказать: «отрекаюсь от своей религии и принимаю католическую религию!».

— Я верю в свою религию и никогда не отрекусь от неё... — твёрдо прозвучал ответ.

— Бросьте её в огонь! — довольно крикнул человечек.

Ну, вот и всё. Её хрупкая и короткая жизнь подошла к своему страшному завершению. Двое человек схватили её и швырнули на деревянную вышку, на которой ждал хмурый, бесчувственный «исполнитель», державший в руках толстые верёвки. Там же горел костёр... Эсклармонд сильно ушиблась, но тут же сама себе горько улыбнулась — очень скоро у неё будет гораздо больше боли...

— Как вас зовут? — продолжался опрос Арси.

— Корба де Перейль...

Через коротенькое мгновение её бедную мать так же грубо швырнули рядом с ней.

Так, один за другим Катары проходили «отбор», и количество приговорённых всё прибавлялось... Все они могли спасти свои жизни. Нужно было «всего лишь» солгать и отречься от того, во что ты верил. Но такую цену не согласился платить ни один...

Пламя костра трескалось и шипело — влажное дерево никак не желало гореть в полную мощь. Но ветер становился всё сильнее и время от времени доносил жгучие языки огня до кого-то из осуждённых. Одежда на несчастном вспыхивала, превращая человека в горящий факел... Раздавались крики — видимо, не каждый мог вытерпеть такую боль.

Эсклармонд дрожала от холода и страха... Как бы она ни храбрилась — вид горящих друзей вызывал у неё настоящий шок... Она была окончательно измученной и несчастной. Ей очень хотелось позвать кого-то на помощь... Но она

точно знала — никто не поможет и не придёт. Перед глазами встал маленький Видомир. Она никогда не увидит, как он растёт... никогда не узнает, будет ли его жизнь счастливой. Она была матерью, всего лишь раз, на мгновение обнявшей своего ребёнка... И она уже никогда не родит Светозару других детей, потому что жизнь её заканчивалась прямо сейчас, на этом костре... рядом с другими.

Эсклармонд глубоко вздохнула, не обращая внимания на леденящий холод. Как жаль, что не было солнца!.. Она так любила греться под его ласковыми лучами!.. Но в тот день небо было хмурым, серым и тяжёлым. Оно с ними прощалось... Кое-как сдерживая готовые политься горькие слёзы, Эсклармонд высоко подняла голову. Она ни за что не покажет, как по-настоящему ей было плохо!.. Ни за что!!! Она как-нибудь вытерпит. Ждать оставалось не так уж долго...

Мать находилась рядом. И вот-вот готова была вспыхнуть... Отец стоял каменным изваянием, смотря на них обеих, а в его застывшем лице не было ни кровинки... Казалось, жизнь ушла от него, уносясь туда, куда очень скоро уйдут и они. Рядом послышался истошный крик — это вспыхнула мама...

— Корба! Корба, прости меня!!! — это закричал отец.

Вдруг Эсклармонд почувствовала нежное, ласковое прикосновение... Она знала — это был Свет её Зари. Светозар... Это он протянул руку издалека, чтобы сказать последнее «прощай»... Чтобы сказать, что он — с ней, что он знает, как ей будет страшно и больно... Он просил её быть сильной...

Дикая, острая боль полоснула тело — вот оно! Пришло!!! Жгучее, ревущее пламя коснулось лица. Вспыхнули волосы... Через секунду тело вовсю полыхало... Милая, светлая девочка, почти ребёнок, приняла свою смерть ***молча****. Какое-то время она ещё слышала, как дико кричал отец, называя её имя. Потом исчезло всё... Её чистая душа ушла в добрый и правильный мир. Не сдаваясь и не ломаясь. Точно так, как она хотела.*

Вдруг, совершенно не к месту, послышалось пение... Это присутствовавшие на казни церковники начали петь, чтобы заглушить крики сгоравших «осуждённых». Хриплыми от холода голосами они пели псалмы о ***всепрощении*** *и* ***доброте*** *господа...*

Наконец, у стен Монсегюра наступил вечер. Страшный костёр догорал, иногда ещё вспыхивая на ветру гаснущими, красными углями. За день ветер усилился и теперь бушевал во всю, разнося по долине чёрные облака копоти и гари, приправленные сладковатым запахом горелой человеческой плоти...

У погребального костра, наталкиваясь на близстоявших, потерянно бродил странный, отрешённый человек... Время от времени вскрикивая чьё-то имя, он вдруг хватался за голову и начинал громко, душераздирающе рыдать. Окружающая его толпа расступалась, уважая чужое горе. А человек снова медленно брёл, ничего не видя и не замечая... Он был седым, сгорбленным и уставшим. Резкие порывы ветра развевали его длинные седые волосы, рвали с тела тонкую тёмную одежду... На мгновение человек обернулся и — о, боги!.. Он был совсем ещё молодым!!! Измождённое тонкое лицо дышало болью... А

широко распахнутые серые глаза смотрели удивлённо, казалось, не понимая, где и почему он находился. Вдруг человек дико закричал и... бросился прямо в костёр!.. Вернее, в то, что от него оставалось... Рядом стоявшие люди пытались схватить его за руку, но не успели. Человек рухнул ниц на догоравшие красные угли, прижимая к груди что-то цветное... И не дышал.

Наконец, кое-как оттащив его от костра подальше, окружающие увидели, ***что*** *он держал, намертво зажав в своём худом, застывшем кулаке... То была яркая лента для волос, какую до свадьбы носили юные окситанские невесты... Что означало — всего каких-то несколько часов назад он ещё был счастливым молодым женихом... Ветер всё так же тревожил его за день поседевшие длинные волосы, тихо играясь в обгоревших прядях... Но человек уже ничего не чувствовал и не слышал. Вновь обретя свою любимую, он шёл с ней рука об руку по сверкающей звёздной дороге Катар, встречая их новое звёздное будущее... Он снова был очень счастливым.*

Всё ещё блуждавшие вокруг угасающего костра люди с застывшими в горе лицами искали останки своих родных и близких... Так же, не чувствуя пронизывающего ветра и холода, они выкатывали из пепла догоравшие кости своих сыновей, дочерей, сестёр и братьев, жён и мужей... Или даже просто друзей... Время от времени кто-то с плачем поднимал почерневшее в огне колечко... полусгоревший ботинок... и даже головку куклы, которая, скатившись в сторону, не успела полностью сгореть...

Тот же маленький человечек, Хюг де Арси, был очень доволен. Всё наконец-то закончилось — катарские еретики были мертвы. Теперь он мог спокойно отправляться домой. Крикнув замёрзшему в карауле рыцарю, чтобы привели его коня, Арси повернул к сидящим у огня воинам, чтобы дать им последние распоряжения. Его настроение было радостным и приподнятым — затянувшаяся на долгие месяцы миссия наконец-то пришла к «счастливому» завершению... Его долг был исполнен. И он мог честно собой гордиться. Через короткое мгновение вдали уже слышалось быстрое цоканье конских копыт — сенешаль города Каркассона спешил домой, где его ждал обильный горячий ужин и тёплый камин, чтобы согреть его замёрзшее, уставшее с дороги тело.

На высокой горе Монсегюр слышался громкий и горестный плач орлов — они провожали в последний путь своих верных друзей и хозяев... Орлы плакали очень громко... В селении Монсегюр люди боязливо закрывали двери. Плач орлов разносился по всей долине. Они скорбели... Страшный конец чудесной империи Катар — империи Света и Любви, Добра и Знания — подошёл к своему завершению...

Где-то в глубине Окситанских гор ещё оставались беглые Катары. Они прятались семьями в пещерах Ломбрив и Орнолак, никак не в силах решить, что же делать дальше... Потерявшие последних Совершенных, они чувствовали себя детьми, не имевшими более опоры. Они были гонимы. Они были дичью, за поимку которой давались большие награды. И всё же, Катары пока не сдавались... Перебравшись в пещеры, они чувствовали себя там, как дома. Они знали там каждый поворот, каждую щель, поэтому выследить их было почти не-

возможно. Хотя прислужники короля и церкви старались вовсю, надеясь на обещанные вознаграждения. Они шныряли в пещерах, не зная точно, где должны искать. Они терялись и гибли... А некоторые потерянные сходили с ума, не находя пути назад в открытый и знакомый солнечный мир... Особенно преследователи боялись пещеру Сакани — она заканчивалась шестью отдельными ходами, зигзагами вёдшими прямиком вниз. Настоящую глубину этих ходов не знал никто. Ходили легенды, что один из тех ходов вёл прямиком в подземный город Богов, в который не смел спускаться ни один человек.

Подождав немного, Папа взбесился. Катары никак не хотели исчезнуть!.. Эта маленькая группка измученных и непонятных ему людей никак не сдавалась!.. Несмотря на потери, несмотря на лишения, несмотря ни на что — они всё ещё ЖИЛИ. И Папа их боялся... Он их не понимал. Что двигало этими странными, гордыми, неприступными людьми?!. Почему они не сдавались, видя, что у них не осталось никаких шансов на спасение?.. Папа хотел, чтобы они исчезли. Чтобы на земле не осталось ни одного проклятого Катара!.. Не в силах придумать ничего получше, он приказал послать в пещеры полчища собак...

Рыцари ожили. Вот теперь всё казалось простым и лёгким — им не надо было придумывать планы по поимке «неверных». Они шли в пещеры «вооружившись» десятками обученных охотничьих псов, которые должны были их привести в самое сердце убежища катарских беглецов. Всё было просто. Оставалось лишь чуточку подождать. По сравнению с осадой Монсегюра, это была мелочь...

Пещеры принимали Катар, раскрыв для них свои тёмные, влажные объятия... Жизнь беглецов становилась сложной и одинокой. Скорее уж, это было похоже на ***выживание****... Хотя желающих оказать беглецам помощь всё ещё оставалось очень и очень много. В маленьких городках Окситании, таких, как княжество де Фуа (de Foix), Кастеллум де Вердунум (Castellum de Verdunum) и других, под прикрытием местных сеньоров всё ещё жили Катары. Только теперь они уже не собирались открыто, стараясь быть более осторожными, ибо ищейки Папы никак не соглашались успокаиваться, желая во что бы то ни стало истребить эту скрывавшуюся по всей стране окситанскую «ересь»...*

«Будьте старательны в истреблении ереси любыми путями! Бог вдохновит вас!» *— звучал призыв Папы крестоносцам. И посланцы церкви действительно старались...*

— Скажи, Север, из тех, кто ушёл в пещеры, дожил ли кто либо до того дня, когда можно было, не боясь, выйти на поверхность? Сумел ли кто-то сохранить свою жизнь?

— К сожалению — нет, Изидора. Монсегюрские Катары не дожили... Хотя, как я тебе только что сказал, были другие Катары, которые существовали в Окситании ещё довольно долго. Лишь через столетие был уничтожен там последний Катар. Но и у них жизнь была уже совершенно другой, намного более скрытной и опасной. Перепуганные инквизицией люди предавали их, желая сохранить этим свои жизни. Поэтому кто-то из оставшихся Катар перебирался в пещеры. Кто-то устраивался в лесах. Но это уже было позже, и

они были намного более подготовлены к такой жизни. Те же, родные и друзья которых погибли в Монсегюре, не захотели жить долго со своей болью... Глубоко горюя по усопшим, уставшие от ненависти и гонений, они, наконец, решились воссоединиться с ними в той другой, намного более доброй и чистой жизни. Их было около пятисот человек, включая нескольких стариков и детей. И ещё с ними было четверо Совершенных, пришедших на помощь из соседнего городка.

В ночь их добровольно «ухода» из несправедливого и злого материального мира все Катары вышли наружу, чтобы в последний раз вдохнуть чудесный весенний воздух, чтобы ещё раз взглянуть на знакомое сияние так любимых ими далёких звёзд... куда очень скоро будет улетать их уставшая, измученная катарская душа. Ночь была ласковой, тихой и тёплой. Земля благоухала запахами акаций, распустившихся вишен и чабреца... Люди вдыхали опьяняющий аромат, испытывая самое настоящее детское наслаждение!.. Почти три долгих месяца они не видели чистого ночного неба, не дышали настоящим воздухом. Ведь, несмотря ни на что, что бы на ней ни случилось, это была ***их*** *земля!.. Их родная и любимая Окситания. Только теперь она была заполнена полчищами Дьявола, от которых не было спасения.*

Не сговариваясь, катары повернули к Монсегюру. Они хотели в последний раз взглянуть на свой ДОМ. На священный для каждого из них Храм Солнца. Странная, длинная процессия худых, измождённых людей неожиданно легко поднималась к высочайшему из катарских замков. Будто сама природа помогала им!.. А возможно, это были души тех, с кем они очень скоро собирались встречаться? У подножья Монсегюра расположилась маленькая часть армии крестоносцев. Видимо, святые отцы всё ещё боялись, что сумасшедшие Катары могут вернуться. И сторожили... Печальная колонна тихими призраками проходила рядом со спящей охраной — никто даже не шевельнулся...

— Они использовали «непрогляд», верно ведь? — удивлённо спросила я. — А разве это умели делать ***все*** *Катары?..*

— Нет, Изидора. Ты забыла, что с ними были Совершенные, — ответил Север и спокойно продолжил дальше.

— Дойдя до вершины, люди остановились. В свете луны руины Монсегюра выглядели зловеще и непривычно. Будто каждый камень, пропитанный кровью и болью погибших Катар, призывал к мести вновь пришедших... И хотя вокруг стояла мёртвая тишина, людям казалось, что они всё ещё слышат предсмертные крики своих родных и друзей, сгоравших в пламени ужасающего «очистительного» папского костра. Монсегюр возвышался над ними грозный и... никому ненужный, будто раненый зверь, брошенный умирать в одиночку... Стены замка всё ещё помнили Светодара и Магдалину, детский смех Белояра и златовласой Весты... Замок помнил чудесные годы Катар, заполненные радостью и любовью. Помнил добрых и светлых людей, приходивших сюда под его защиту.

Теперь этого больше не было. Стены стояли голыми и чужими, будто улетела вместе с душами сожжённых Катар и большая, добрая душа Мон-

сегюра... Катары смотрели на знакомые звёзды — отсюда они казались такими большими и близкими!.. И знали — очень скоро эти звёзды станут их новым Домом. А звёзды глядели сверху на своих потерянных детей и ласково улыбались, готовясь принять их одинокие души. Наутро все Катары собрались в огромной, низкой пещере, которая находилась прямо над их любимой — «кафедральной»... Там когда-то давно учила ЗНАНИЮ Золотая Мария... Там собирались новые Совершенные... Там рождался, рос и крепчал Светлый и Добрый Мир Катар. И теперь, когда они вернулись сюда лишь как «осколки» этого чудесного мира, им хотелось быть ближе к прошлому, которое вернуть было уже невозможно... Каждому из присутствовавших Совершенные тихо дарили Очищение (consolementum), ласково возлагая свои волшебные руки на их уставшие, поникшие головы. Пока все «уходящие» не были, наконец-то, готовы.

В полном молчании люди поочерёдно ложились прямо на каменный пол, скрещивая на груди худые руки, и совершенно спокойно закрывали глаза, будто всего лишь собирались ко сну... Матери прижимали к себе детей, не желая с ними расставаться. Ещё через мгновение вся огромная зала превратилась в тихую усыпальницу уснувших навеки пяти сотен хороших людей... Катар. Верных и Светлых последователей Радомира и Магдалины. Их души дружно улетели туда, где ждали их гордые, смелые «братья». Где мир был ласковым и добрым. Где не надо было больше бояться, что по чьей-то злой, кровожадной воле тебе перережут горло или попросту швырнут в «очистительный» папский костёр.

Сердце сжала острая боль... Слёзы горячими ручьями текли по щекам, но я их даже не замечала. Светлые, красивые и чистые люди ушли из жизни... по собственному желанию. Ушли, чтобы не сдаваться убийцам. Чтобы уйти так, как они сами этого хотели. Чтобы не влачить убогую, скитальческую жизнь в своей же гордой и родной земле — Окситании.

— Зачем они это сделали, Север? Почему не боролись?..

*— Боролись — с чем, Изидора? Их бой был полностью проигран. Они просто выбрали, **КАК** они хотели уйти.*

*— Но ведь они ушли **самоубийством**!.. А разве это не карается кармой? Разве это не заставило их и там, в том другом мире, так же страдать?*

— Нет, Изидора... Они ведь просто «ушли», выводя из физического тела свои души. А это ведь самый натуральный процесс. Они не применяли насилия. Они просто «ушли».

С глубокой грустью я смотрела на эту страшную усыпальницу, в холодной, совершенной тишине которой время от времени звенели падающие капли. Это природа начинала потихоньку создавать свой вечный саван — дань умершим... Так, через годы, капля за каплей, каждое тело постепенно превратится в каменную гробницу, не позволяя никому глумиться над усопшими...

— Нашла ли когда-либо эту усыпальницу церковь? — тихо спросила я.

*— Да, Изидора. Слуги Дьявола, с помощью собак, нашли эту пещеру. Но **даже они** не посмели трогать то, что так гостеприимно приняла в свои объятия природа. Они не посмели зажигать там свой «очистительный», «свя-*

щенный» огонь, так как, видимо, чувствовали, что эту работу уже давно сделал за них кто-то другой... С той поры зовётся это место — Пещера Мёртвых. Туда и намного позже, в разные годы приходили умирать Катары и Рыцари Храма, там прятались гонимые церковью их последователи. Даже сейчас ты ещё можешь увидеть старые надписи, оставленные там руками приютившихся когда-то людей... Самые разные имена дружно переплетаются там с загадочными знаками Совершенных... Там славный Домом Фуа, гонимые гордые Тренкавели... Там грусть и безнадёжность, соприкасаются с отчаянной надеждой... И ещё... Природа веками создаёт там свою каменную «память» печальным событиям и людям, глубоко затронувшим её большое любящее сердце... У самого входа в Пещеру Мёртвых стоит статуя мудрого филина, столетиями охраняющего покой усопших...

— Скажи, Север, Катары ведь верили в Христа, не так ли? — грустно спросила я.

Север искренне удивился.

*— Нет, Изидора, это неправда. Катары **не «верили»** в Христа, они **обращались** к нему, **говорили** с ним. Он был их **Учителем**. Но не Богом. Слепо верить можно только лишь в Бога. Хотя я так до сих пор и не понял, как может быть нужна человеку слепая вера? Это церковь в очередной раз переврала смысл чужого учения... **Катары верили в ЗНАНИЕ**. В честность и помощь другим, менее удачливым людям. Они верили в Добро и Любовь. Но никогда не верили **в одного человека**. Они любили и уважали Радомира. И обожали учившую их Золотую Марию. Но никогда не делали из них Бога или Богиню. Они были для них символами Ума и Чести, Знания и Любви. Но они всё же были ЛЮДЬМИ, правда, полностью дарившими себя другим.*

*Смотри, Изидора, как глупо церковники перевирали даже собственные свои теории... Они утверждали, что Катары **не верили в Христа-человека**. Что Катары, якобы, верили в его **космическую Божественную сущность**, которая **не была материальной**. И в то же время, говорит церковь, Катары признавали Марию Магдалину **супругою** Христа, и **принимали её детей**. Тогда, каким же образом у **нематериального существа** могли **рождаться дети**?.. Не принимая во внимание, конечно же, чушь про «непорочное» зачатие Марии?..*

*Нет, Изидора, ничего правдивого не осталось об учении Катар, к сожалению... Всё, что люди знают, полностью извращено «святейшей» церковью, чтобы показать это учение глупым и ничего не стоящим. А ведь Катары учили тому, **чему учили наши предки**. Чему учим мы. Но для церковников **именно это** и являлось самым опасным. Они не могли допустить, чтобы люди узнали правду. Церковь обязана была уничтожить даже малейшие воспоминания о Катарах, иначе, как могла бы она объяснить то, что с ними творила?.. После зверского и поголовного уничтожения целого народа, **КАК** бы она объяснила своим верующим, **зачем и кому** нужно было такое страшное преступление? Вот поэтому и не осталось ничего от учения Катар... А спустя столетия, думаю, будет и того хуже.*

— А как насчёт Иоанна? Я где-то прочла, что якобы Катары «верили» в

Иоанна? И даже, как святыню, хранили его рукописи... Является ли что-то из этого правдой?

— Только лишь то, что они, и правда, глубоко чтили Иоанна, несмотря на то, что никогда не встречали его. — Север улыбнулся. — Ну и ещё то, что, после смерти Радомира и Магдалины, у Катар действительно остались ***настоящие*** *«Откровения» Христа и дневники Иоанна, которые во что бы то ни стало пыталась найти и уничтожить Римская церковь. Слуги Папы вовсю старались доискаться, где же проклятые Катары прятали своё опаснейшее сокровище?!. Ибо, появись всё это открыто — и история католической церкви потерпела бы полное поражение. Но, как бы ни старались церковные ищейки, счастье так и не улыбнулось им... Ничего так и не удалось найти, кроме как нескольких рукописей очевидцев.*

Вот почему единственной возможностью для церкви как-то спасти свою репутацию в случае с Катарами и было лишь ***извратить их веру и учение так сильно, чтобы уже никто на свете не мог отличить правду от лжи****... Как они легко это сделали с жизнью Радомира и Магдалины. Ещё церковь утверждала, что Катары поклонялись Иоанну даже более, чем самому Иисусу Радомиру. Только вот под Иоанном они подразумевали* ***«своего» Иоанна****, с его* ***фальшивыми*** *христианскими евангелиями и такими же* ***фальшивыми*** *рукописями... Настоящего же Иоанна Катары, и правда, чтили, но он, как ты знаешь, не имел ничего общего с церковным Иоанном-«крестителем».*

— Ты знаешь, Север, у меня складывается впечатление, что церковь переврала и уничтожила ***ВСЮ*** *мировую историю. Зачем это было нужно?*

— Чтобы не разрешить человеку мыслить, Изидора. Чтобы ***сделать из людей послушных и ничтожных рабов****, которых по своему усмотрению «прощали» или наказывали «святейшие». Ибо, если человек узнал бы правду о своём прошлом, он был бы человеком* ***ГОРДЫМ*** *за себя и своих Предков и* ***никогда не*** *надел бы рабский ошейник.* ***Без ПРАВДЫ*** *же из свободных и сильных люди становились «****рабами божьими****», и уже не пытались вспомнить, кто они есть на самом деле. Таково настоящее, Изидора... И, честно говоря, оно не оставляет слишком светлых надежд на изменение.*

Север был очень тихим и печальным. Видимо, наблюдая людскую слабость и жестокость столько столетий, и видя, как гибнут сильнейшие, его сердце было отравлено горечью и неверием в скорую победу Знания и Света... А мне так хотелось крикнуть ему, что я всё же ***верю****, что люди скоро проснутся!.. Несмотря на злобу и боль, несмотря на предательства и слабость, я* ***верю****, что Земля, наконец, не выдержит того, что творят с её детьми. И очнётся... Но я понимала, что не смогу убедить его, так как сама должна буду скоро погибнуть, борясь за это же самое пробуждение.*

Но я не жалела... Моя жизнь была всего лишь песчинкой в бескрайнем море страданий. И я должна была лишь бороться до конца, каким бы страшным он ни был. Так как ***даже капли воды, падая постоянно, в силах продолбить когда-нибудь самый крепкий камень****. Так и ЗЛО: если бы люди дробили его даже по крупинке, оно когда-нибудь рухнуло бы, пусть даже не при этой их жизни. Но*

*они вернулись бы снова на свою Землю и увидели бы — это ведь **ОНИ** помогли ей выстоять!.. Это **ОНИ** помогли ей стать Светлой и Верной. Знаю, Север сказал бы, что человек ещё не умеет жить **для будущего**... И знаю — пока это было правдой. Но именно это по моему пониманию и останавливало многих от собственных решений. Так как люди слишком привыкли думать и действовать, «как все», не выделяясь и не встревая, только бы жить спокойно.*

— Прости, что заставил тебя пережить столько боли, мой друг. — Прервал мои мысли голос Севера. — Но думаю, это поможет тебе легче встретить свою судьбу. Поможет выстоять...

Мне не хотелось об этом думать... Ещё хотя бы чуточку!.. Ведь на мою печальную судьбу у меня оставалось ещё достаточно предостаточно времени. Поэтому, чтобы поменять наболевшую тему, я опять начала задавать вопросы.

— Скажи мне, Север, почему у Магдалины и Радомира, да и у многих Волхвов я видела знак королевской «лилии»? Означает ли это, что все они были Франками? Можешь ли объяснить мне?

*— Начнём с того, Изидора, что это неправильное понимание уже самого знака, — улыбнувшись, ответил Север. — Это была **не лилия**, когда его принесли во Франкию Меравингли.*

— ?!.

*— Разве ты не знала, что это **они** принесли знак «Трёхлистника» в тогдашнюю Европу?.. — искренне удивился Север.*

— Нет, я никогда об этом не слышала. И ты снова меня удивил!

*— Трёхлистник когда-то давным-давно, был **боевым знаком** Славяно-Ариев, Изидора. Это была магическая трава, которая чудесно помогала в бою — она давала воинам невероятную силу, она лечила раны и облегчала путь уходящим в другую жизнь. Эта чудесная трава росла далеко на Севере, и добывать её могли только волхвы и ведуны. Она всегда давалась воинам, уходившим защищать свою Родину. Идя на бой, каждый воин произносил привычное заклинание: «За **Честь**! За **Совесть**! За **Веру**!» Делая также при этом **магическое движение** — касался двумя пальцами левого и правого плеча и последним — середины лба. Вот что поистине означал Трёхлистник. И таким принесли его с собою Меравингли. Ну, а потом, после гибели династии Меравинглей, новые короли присвоили его, как и всё остальное, объявив символом королевского дома Франции. А ритуал движения (или кресчения) «позаимствовала» себе та же христианская церковь, добавив к нему четвёртую, **нижнюю** часть... часть дьявола. К сожалению, история повторяется, Изидора...*

*Да, история и правда повторялась... И становилось от этого горько и грустно. Было ли хоть **что-нибудь настоящим** из всего того, что мы знали?.. Вдруг я почувствовала, будто на меня требовательно смотрят сотни незнакомых мне людей. Я поняла — это были те, кто ЗНАЛИ... Те, которые погибали, защищая правду... Они будто завещали мне донести **ИСТИНУ** до **незнающих**. Но я не могла. Я уходила... Так же, как ушли когда-то они сами.*

Вдруг дверь с шумом распахнулась — в комнату ураганом ворвалась улы-

бающаяся, радостная Анна. Моё сердце высоко подскочило, а затем ухнуло в пропасть... Я не могла поверить, что вижу свою милую девочку!.. А она как ни в чём не бывало широко улыбалась, будто всё у неё было великолепно, и будто не висела над нашими жизнями страшная беда.

— Мамочка, милая, а я чуть ли тебя нашла! О, Север!.. Ты пришёл нам помочь?.. Скажи, ты ведь поможешь нам, правда? — Заглядывая ему в глаза, уверенно спросила Анна.

Север лишь ласково и очень грустно ей улыбался...

42. Изидора-8. Ключ Богов

Анна восторженно взирала на Севера, будто он в состоянии был подарить нам спасение... Но понемногу её взгляд стал угасать, так как по грустному выражению его лица она поняла: как бы он этого ни желал, помощи почему-то не будет.

— Ты ведь хочешь нам помочь, правда, ведь? Ну, скажи, ты ведь желаешь помочь, Север?..

Анна поочерёдно внимательно всматривалась в наши глаза, будто желая удостовериться, что мы её правильно понимаем. В её чистой и честной душе не укладывалось понимание, что кто-то ***мог****, но* ***не хотел*** *спасти нас от ужасающей смерти...*

— Прости меня, Анна... Я не могу помочь вам, — печально произнёс Север.

— Но, почему?!! Неужели ты не жалеешь, что мы погибнем?.. Почему, Север?!..

— Потому, что я НЕ ЗНАЮ, как помочь вам... Я не знаю, как погубить Караффу. У меня нет нужного «оружия», чтобы избавиться от него.

Всё ещё не желая верить, Анна очень настойчиво продолжала спрашивать.

— А кто же ***знает****, как побороть его? Кто-то ведь должен это знать! Он ведь не самый сильный! Вон даже дедушка Истень намного сильнее его! Ведь, правда, Север?*

Было забавно слышать, как она запросто называла такого человека дедушкой... Анна воспринимала их, как свою верную и добрую семью. Семью, в которой все друг о друге радеют... И где для каждого ценна в ней другая жизнь. Но, к сожалению, именно такой семьёй они и не являлись... У волхвов была другая, своя и обособленная жизнь. И Анна пока ещё этого никак не понимала.

— Это знает Владыко, милая. Только он может помочь вам.

— Но если это так, то как же он не помог до сих пор?! Мама ведь уже была там, правда? Почему же он не помог?

— Прости меня, Анна, я не могу тебе ответить. Я не ведаю...

Тут уже и я не смогла далее смолчать!

— Но ты ведь объяснял мне, Север! Что же с тех пор изменилось?..

— Наверное, я, мой друг. Думаю, это ты что-то во мне изменила. Иди к Владыко, Изидора. Он — ваша единственная надежда. Иди, пока ещё не поздно.

Я ничего ему не ответила. Да и что я могла сказать?.. Что я ***не верю*** *в помощь Белого Волхва?* ***Не верю****, что он сделает для нас исключение? А ведь именно это и было правдой! И именно потому я не хотела идти к нему на поклон. Возможно, поступать подобно было эгоистично, возможно — неразумно, но я ничего не могла с собой поделать. Я не хотела более просить помощи у отца, предавшего когда-то своего любимого сына... Я не понимала его, и была полностью с ним не согласна. Ведь он* ***МОГ спасти Радомира****. Но не захотел... Я бы многое на свете отдала за возможность спасти мою милую, храбрую девочку. Но у меня, к сожалению, такой возможности не было...*

Пусть даже храня самое дорогое (ЗНАНИЕ), Волхвы всё же не имели права очерствить свои сердца до такой степени, чтобы забыть простое человеколюбие! Чтобы уничтожить в себе сострадание. Они превратили себя в холодных, бездушных «библиотекарей», свято хранивших свою библиотеку. Только вот вопрос-то был уже в том, ***помнили ли*** *они, закрывшись в своём гордом молчании, ДЛЯ КОГО эта библиотека когда-то предназначалась?.. Помнили ли они, что наши Великие Предки оставили своё ЗНАНИЕ, чтобы оно помогло когда-нибудь их внукам спасти нашу прекрасную Землю?.. Кто же давал право Белому Волхву* ***единолично*** *решать,* ***когда именно*** *придёт тот час, что они наконец-то широко откроют двери? Мне почему-то всегда казалось, что те, кого наши предки звали Богами, не позволили бы гибнуть своим самым лучшим сыновьям и дочерям только лишь потому, что не стояло ещё на пороге «правильное» время! Ибо, если чёрные вырежут всех просветлённых, то уже некому более будет понимать даже самую лучшую библиотеку...*

Анна внимательно наблюдала за мной, видимо слыша мои печальные думы, а в её добрых лучистых глазах стояло взрослое, суровое понимание.

— Мы не пойдём к нему, мамочка. Мы попробуем сами. — Ласково улыбнувшись, произнесла моя смелая девочка. — У нас ведь осталось ещё какое-то время, правда?

Север удивлённо взглянул на Анну, но, увидев её решимость, не произнёс ни слова. А Анна уже восхищённо оглядывалась вокруг, только сейчас заметив, какое богатство окружало её в этой дивной сокровищнице Караффы.

— Ой, что это?!. Неужели это библиотека Папы?.. И ты могла здесь часто бывать, мамочка?

— Нет, родная моя. Всего лишь несколько раз. Я хотела узнать о чудесных людях, и Папа почему-то разрешил мне это.

— Ты имеешь в виду Катар? — спокойно спросила Анна. — Они ведь знали очень много, не правда ли? И всё же не сумели выжить. Земля всегда была очень жестокой... Почему так, мама?

— Это не Земля жестока, солнышко моё. Это — люди. И откуда тебе известно про Катар? Я ведь никогда не учила тебя о них, не правда ли?

На бледных щеках Анны тут же вспыхнуло «розовое» смущение...

— Ой, ты прости меня, пожалуйста! Я просто «слышала», о чём вы вели беседу, и мне стало очень интересно! Поэтому я слушала. Ты извини, ведь в ней не было ничего личного, вот я и решила, что вы не обидитесь...

— Ну, конечно же! Только зачем тебе нужна такая боль? Нам ведь хватает и того, что преподносит Папа, не так ли?

— Я хочу быть сильной, мама! Хочу не бояться его, как не боялись своих убийц Катары. Хочу, чтобы тебе не было за меня стыдно! — Гордо вскинув голову, произнесла Анна.

С каждым днём я всё больше и больше удивлялась силе духа моей юной дочери!.. Откуда у неё находилось столько мужества, чтобы противостоять самому Караффе?.. Что двигало её гордым, горячим сердцем?

— Хотите ли увидеть ещё что-либо? — Мягко спросил Север. — Не будет ли лучше вас оставить вдвоём на время?

— О, пожалуйста, Север, расскажи нам ещё про Магдалину!.. И расскажи, как погиб Радомир? — Восторженно попросила Анна. И тут же спохватившись, повернулась ко мне: — Ты ведь не возражаешь, мама?..

Конечно же, я не возражала!.. Наоборот, я была готова на всё, только бы отвлечь её от мыслей о нашем ближайшем будущем.

— Пожалуйста, расскажи нам, Север! Это поможет нам справиться и придаст нам сил. Расскажи, что знаешь, мой друг...

Север кивнул, и мы снова оказались в чьей-то чужой, незнакомой жизни... В чьём-то давным-давно прожитом и покинутом прошлом. Перед нами благоухал южными запахами тихий весенний вечер. Где-то вдалеке всё ещё полыхали последние блики угасающего заката, хотя уставшее за день солнце давно уже село, чтобы успеть отдохнуть до завтра, когда оно снова вернётся на своё каждодневное круговое путешествие. В быстро темнеющем, бархатном небе всё ярче разгорались непривычно огромные звёзды. Окружающий мир степенно готовил себя ко сну... Лишь иногда где-то вдруг слышался обиженный крик одинокой птицы, никак не находящей покоя. Или время от времени сонным лаем тревожил тишину переклик местных собак, этим показывавших своё неусыпное бдение. Но в остальном ночь казалась застывшей, ласковой и спокойной... И только в огороженном высокой глиняной стеной саду всё ещё сидели двое. Это были Иисус Радомир и его жена Мария Магдалина... Они провожали свою последнюю ночь... перед распятием.

Прильнувши к мужу, положив уставшую голову ему на грудь, Мария молчала. Она ещё столько хотела ему сказать!.. Сказать столько важного, пока ещё было время! Но не находила слов. Все слова уже были сказаны. И все они казались бессмысленными. Не стоящими этих последних драгоценных мгновений... Как бы она ни старалась уговорить Радомира покинуть чужую землю, он не согласился. И это было так нечеловечески больно!.. Мир оставался таким же спокойным и защищённым, но она знала — он не будет таким, когда уйдёт Радомир... Без него всё будет пустым и мёрзлым...

Она просила его подумать... Просила вернуться в свою далёкую Северную страну или хотя бы в Долину Магов, чтобы начать всё сначала. Она знала — в Долине Магов их ждали чудесные люди. Все они были одарёнными. Там они могли построить новый и светлый мир, как уверял её Волхв Иоанн. Но Радомир не захотел... Он не согласился. Он желал принести себя в жертву, ***дабы про-***

***зрели слепые**... Это было именно той задачей, что воздвиг на его сильные плечи Отец. Белый Волхв... И Радомир не желал отступать... Он хотел добиться понимания... у иудеев. Даже ценой своей собственной жизни.*

Ни один из девяти друзей, верных рыцарей его Духовного Храма, не поддержал его. Ни один не желал отдавать его в руки палачей. Они не хотели его терять. Они слишком сильно его любили...

*Но вот пришёл тот день, когда, **подчиняясь железной воле Радомира**, его друзья и его жена (против своей воли) поклялись не встревать в происходящее... Не пытаться его спасти, что бы ни происходило. Радомир горячо надеялся, что, видя явную возможность его гибели, люди наконец-то поймут, прозреют и захотят **спасти его сами**, несмотря на различия их веры, несмотря на нехватку понимания. Но Магдалина **знала** — этого не случится. Она **знала**, этот вечер станет для них последним. Сердце рвалось на части, слыша его ровное дыхание, чувствуя тепло его рук, видя его сосредоточенное лицо, не омрачённое ни малейшим сомнением. Он был уверен в своей правоте. И она ничего не могла поделать, как бы сильно его ни любила, как бы яростно ни пыталась его убедить, что те, за кого он шёл на верную смерть, были его недостойны.*

— Обещай мне, светлая моя, если они всё же меня уничтожат, ты пойдёшь Домой. — Вдруг очень настойчиво потребовал Радомир. — Там ты будешь в безопасности. Там ты сможешь учить. Рыцари Храма пойдут с тобой, они поклялись мне. Ты увезёшь с собою Весту, вы будете вместе. И я буду приходить к вам, ты знаешь это. Знаешь ведь?

*И тут Магдалину, наконец, прорвало... Она не могла выдержать более... Да, она была сильнейшим Магом. Но в этот страшный момент она являлась всего лишь хрупкой, любящей женщиной, теряющей самого дорогого на свете человека... Её верная, чистая душа не понимала, **КАК** могла Земля отдавать на растерзание самого одарённого своего сына?.. Был ли в этой жертве хоть какой-то смысл? Она думала — смысла не было. Привыкшая с малых лет к бесконечной (а иногда и безнадёжной!) борьбе, Магдалина не в состоянии была понять эту абсурдную, дикую жертву!.. Ни умом, ни сердцем **не принимала она слепое повиновение судьбе**, ни пустую надежду на чьё-то возможное «прозрение»! Эти люди (иудеи) жили в своём обособленном и наглухо закрытом для остальных мире. Их не волновала судьба «чужака». И Мария знала наверняка — они не помогут. Так же, как знала — Радомир погибнет бессмысленно и напрасно. И никто не сможет вернуть его обратно. Даже если захочет. Менять что-либо будет поздно...*

*— Как ты не можешь понять меня?.. — вдруг, подслушав её печальные мысли, заговорил Радомир. — Если я не попробую разбудить их, они уничтожат грядущее. Помнишь, Отец говорил нам? Я **должен** помочь им! Или хотя бы уж обязан попытаться.*

*— Скажи, ты ведь так и не понял их, правда ведь? — Ласково гладя его руку, тихо прошептала Магдалина. — Так же, как и они не поняли тебя. **Как же ты можешь помочь народу, если сам не понимаешь его?!.** Они **мыслят другими рунами**... Да и рунами ли?.. Это **другой** народ, Радомир! Нам не знакомы*

их ум и сердце. Как бы ты ни пытался — они ***не услышат*** *тебя!* ***Им не нужна твоя Вера, так же, как не нужен и ты сам.*** *Оглянись вокруг, Радость моя, — это* ***чужой дом****! Твоя земля зовёт тебя! Уходи, Радомир!*

Но он не хотел мириться с поражением. Он желал доказать себе и другим, что сделал всё, что было в его земных силах. И как бы она ни старалась — Радомира ей было не спасти. И она, к сожалению, это знала...

Ночь уже подошла к середине... Старый сад, утонувший в мире запахов и сновидений, уютно молчал, наслаждаясь свежестью и прохладой. Окружающий Радомира и Магдалину мир сладко спал беззаботным сном, не предчувствуя ничего опасного и плохого. И только Магдалине почему-то казалось, что рядом с ней, прямо за её спиной, злорадно посмеиваясь, пребывал кто-то безжалостный и равнодушный... Пребывал Рок... Неумолимый и грозный, Рок мрачно смотрел на хрупкую, нежную, женщину, которую ему всё ещё почему-то никак не удавалось сломить... Никакими бедами, никакой болью.

А Магдалина, чтобы от всего этого защититься, изо всех сил цеплялась за свои старые, добрые воспоминания, будто знала, что только они в данный момент могли удержать её воспалённый мозг от полного и невозвратимого «затмения»... В её цепкой памяти всё ещё жили так дорогие ей годы, проведённые с Радомиром... Годы, казалось бы, прожитые так давно!.. Или может быть только вчера?.. Это уже не имело большого значения — ведь завтра его не станет. И вся их светлая жизнь тогда уже по-настоящему станет ***только*** *воспоминанием...* ***КАК*** *могла она с этим смириться?!* ***КАК*** *могла она смотреть, опустив руки, когда шёл на гибель единственный для неё на Земле человек?!!*

— Я хочу показать тебе что-то, Мария, — тихо прошептал Радомир.

И засунув руку за пазуху, вынул оттуда... чудо!

Его тонкие длинные пальцы насквозь просвечивались ярким пульсирующим изумрудным светом!.. Свет лился всё сильнее, будто живой, заполняя тёмное ночное пространство... Радомир раскрыл ладонь — на ней покоился изумительной красоты зелёный кристалл...

— Что это??? — как бы боясь спугнуть, также тихо прошептала Магдалина.

— Ключ Богов — спокойно ответил Радомир. — Смотри, я покажу тебе...[11]

Кристалл был материальным. И в то же время истинно волшебным. Он был вырезан из очень красивого камня, похожего на удивительно прозрачный изумруд. Но Магдалина чувствовала — это было что-то намного сложнее, чем простой драгоценный камень, пусть даже самый чистый. Он был ромбовидным и удлинённым, величиной с ладонь Радомира. Каждый срез кристалла был полностью покрыт незнакомыми рунами, видимо, даже более древними, чем те, которые знала Магдалина...

— О чём он «говорит», радость моя?.. И почему мне не знакомы эти руны?

---

[11] О Ключе Богов я рассказываю с разрешения Странников, с которыми мне посчастливилось дважды встретиться в июне и августе 2009 года в Долине Магов. До этого о Ключе Богов не говорилось открыто нигде и никогда.

Они чуточку другие, чем те, которым нас учили Волхвы. Да и откуда он у тебя?!

*— Его принесли на Землю когда-то наши мудрые Предки, наши Боги, чтобы сотворить здесь **Храм Вечного Знания.** — Задумчиво смотря на кристалл, начал Радомир. — Дабы помогал он обретать Свет и Истину достойным Детям Земли. **Это ОН родил на земле касту Волхвов, Ведунов, Ведуний, Даринь и остальных просветлённых.** И это из него они черпали свои ЗНАНИЯ и ПОНИМАНИЕ, и по нему когда-то создали Мэтэору. Позже, уходя навсегда, Боги оставили этот Храм людям, завещая хранить и беречь его, как берегли бы они саму Землю. А Ключ от Храма отдали Волхвам, дабы не попал он случайно к «тёмномыслящим» и не погибла бы Земля от их злой руки. Так с тех пор, и хранится это чудо веками у Волхвов, а они передают его время от времени достойному, чтобы не предал случайный «хранитель» наказ и веру, оставленную нашими Богами.*

— Неужели это и есть Грааль, Север?.. — не удержавшись, просила я.

*— Нет, Изидора. Грааль никогда не был тем, чем есть этот удивительный Умный Кристалл. Просто люди «приписали» своё желаемое Радомиру... как и всё остальное, «чужое». **Радомир же, всю свою сознательную жизнь был Хранителем Ключа Богов.** Но люди, естественно, этого знать не могли, и поэтому не успокаивались. Сперва они искали якобы «принадлежавшую» Радомиру Чашу. А иногда Граалем называли его детей или саму Магдалину. И всё это происходило лишь потому, что «истинно верующим» очень хотелось иметь какое-то **доказательство правдивости того, во что они верят**... Что-то материальное, что-то «святое», что возможно было бы **потрогать**...* **(что, к великому сожалению, происходит даже сейчас, через долгие сотни лет)**. *Вот «тёмные» и придумали для них красивую в то время историю, чтобы зажечь ею чувствительные «верующие» сердца...*

*К сожалению, людям **всегда были нужны реликвии**, Изидора, и если их не было, кто-то их просто придумывал. Радомир же никогда **не имел** подобной чаши, ибо **не было у него и самой «тайной вечери»**... на которой он якобы из неё пил. Чаша же «тайной вечери» была у пророка Джошуа, но не у Радомира. И Иосиф Аримафейский вправду когда-то собрал туда несколько капель крови пророка. Но эта знаменитая «Граальская Чаша» по-настоящему была всего лишь **самой простой глиняной чашечкой**, из какой обычно пили в то время все евреи, и которую не так-то просто было после найти. Золотой же, или серебряной чаши, сплошь усыпанной драгоценными камнями (как любят изображать её священники) **никогда в реальности не существовало** ни во времена иудейского пророка Джошуа, ни уж тем более во времена Радомира. Но это уже другая, хоть и интереснейшая история.*

*У тебя не так уж много времени, Изидора. И я думаю, ты захочешь узнать совершенно другое, что близко тебе по сердцу, и что, возможно, поможет тебе найти в себе побольше сил, чтобы выстоять. Ну, а этот, слишком тесно «тёмными» силами запутанный **клубок двух чужих друг другу жизней** (Радомира и Джошуа), в любом случае так скоро не расплести. Как я уже сказал, у*

тебя просто не хватит на это времени, мой друг. Ты уж прости...

Я лишь кивнула ему в ответ, стараясь не показать, как сильно меня занимала вся эта настоящая ***правдивая История****!.. И как же хотелось мне узнать, пусть даже умирая, всё невероятное количество лжи, обрушенной церковью на наши доверчивые земные головы... Но я оставляла Северу решать,* ***что именно*** *ему хотелось мне поведать. Это была его свободная воля — говорить или не говорить мне то или иное. Я и так была ему несказанно благодарна за его драгоценное время, и за его искреннее желание скрасить наши печальные оставшиеся дни. Мы снова оказались в тёмном ночном саду, «подслушивая» последние часы Радомира и Магдалины...*

— Где же находится этот Великий Храм, Радомир? — удивлённо спросила Магдалина.

— В дивной, далёкой стране... На самой «вершине» мира... (имеется в виду Северный Полюс, бывшая страна Гиперборея — Даария)*, — тихо, будто уйдя в бесконечно далёкое прошлое, прошептал Радомир. — Там стоит святая гора* ***рукотворная,*** *которую не в силах разрушить ни природа, ни время, ни люди. Ибо гора эта — вечна... Это и есть* ***Храм Вечного Знания.*** *Храм наших старых Богов, Мария...*

Когда-то, давным-давно, сверкал на вершине святой горы их Ключ — этот зелёный кристалл, дававший Земле защиту, открывавший души, и учивший достойных. Только вот ушли наши Боги. И с тех пор Земля погрузилась во мрак, который пока что не в силах разрушить сам человек. Слишком много в нём пока ещё зависти и злобы. Да и лени тоже...

— Люди ***должны прозреть****, Мария. — Немного помолчав, произнёс Радомир. — И именно* ***ТЫ*** *поможешь им! — И будто не заметив её протестующего жеста, спокойно продолжил. —* ***ТЫ*** *научишь их ЗНАНИЮ и ПОНИМАНИЮ. И дашь им настоящую ВЕРУ. Ты станешь их Путеводной Звездой, что бы со мной ни случилось. Обещай мне!.. Мне некому больше доверить то, что должен был выполнить я сам. Обещай мне, светлая моя.*

Радомир бережно взял её лицо в ладони, внимательно всматриваясь в лучистые голубые глаза и... неожиданно улыбнулся... Сколько бесконечной любви светилось в этих дивных, знакомых глазах!.. И сколько же было в них глубочайшей боли... Он знал, как ей было страшно и одиноко. Знал, как сильно она хотела его спасти! И несмотря на всё это, Радомир не мог удержаться от улыбки — даже в такое страшное для неё время, Магдалина каким-то образом оставалась всё такой же удивительно светлой и ещё более красивой!.. Будто чистый родник с животворной прозрачной водой... Встряхнувшись, он как можно спокойнее продолжил.

— Смотри, я покажу тебе, как открывается этот древний Ключ...

На раскрытой ладони Радомира полыхнуло изумрудное пламя... Каждая малейшая руна начала раскрываться в целый пласт незнакомых пространств, расширяясь и открываясь миллионами образов, плавно протекавших друг через друга. Дивное прозрачное «строение» росло и кружилось, открывая всё новые и новые этажи Знаний, никогда не виданных сегодняшним человеком. Оно было

ошеломляющим и бескрайним!.. И Магдалина, будучи не в силах отвести от всего этого волшебства глаз, погружалась с головой в глубину неизведанного, каждой фиброй своей души испытывая жгучую, испепеляющую жажду!.. Она вбирала в себя мудрость веков, чувствуя, как мощной волной, заполняя каждую её клеточку, течёт по ней незнакомая Древняя Магия! Знание Предков затопляло, оно было по-настоящему необъятным — с жизни малейшей букашки оно переносилось в жизнь вселенных, перетекало миллионами лет в жизни чужих планет, и снова, мощной лавиной возвращалось на Землю...

Широко распахнув глаза, Магдалина внимала дивному Знанию Древнего мира... Её лёгкое тело, свободное от земных «оков», песчинкой купалась в океане далёких звёзд, наслаждаясь величием и тишиной вселенского покоя...

Вдруг прямо перед ней развернулся сказочный Звёздный Мост. Протянувшись, казалось, в самую бесконечность, он сверкал и искрился нескончаемыми скоплениями больших и маленьких звёзд, расстилаясь у её ног в серебряную дорогу. Вдали, на самой середине той же дороги, весь окутанный золотым сиянием, Магдалину ждал Человек... Он был очень высоким и выглядел очень сильным. Подойдя ближе, Магдалина узрела, что не всё в этом невиданном существе было таким уж «человеческим»... Больше всего поражали его глаза — огромные и искристые, будто вырезаны из драгоценного камня, они сверкали холодными гранями, как настоящий бриллиант. Но так же, как бриллиант, были бесчувственными и отчуждёнными...

Мужественные черты лица незнакомца удивляли резкостью и неподвижностью, будто перед Магдалиной стояла статуя... Очень длинные, пышные волосы искрились и переливались серебром, словно на них кто-то нечаянно рассыпал звёзды... «Человек» и, правда, был очень необычным... Но даже при всей его «ледяной» холодности, Магдалина явно чувствовала, как шёл от странного незнакомца чудесный, обволакивающий душу покой и тёплое, искреннее добро. Только она почему-то знала наверняка — не всегда и не ко всем это добро было одинаковым. «Человек» приветственно поднял развёрнутую к ней ладонь и ласково произнёс:

— Остановись, Звёздная... Твой Путь не закончен ещё. Ты не можешь идти Домой. Возвращайся в Мидгард, Мария... И береги Ключ Богов. Да сохранит тебя Вечность.

И тут, мощная фигура незнакомца начала вдруг медленно колебаться, становясь совершенно прозрачной, будто собираясь исчезнуть.

— Кто ты?.. Прошу, скажи мне, кто ты?!. — умоляюще крикнула Магдалина.

— Странник... Ты ещё встретишь меня. Прощай, Звёздная...

Вдруг дивный кристалл резко захлопнулся... Чудо оборвалось также неожиданно, как и начиналось. Вокруг тут же стало зябко и пусто... Будто на дворе стояла зима.

— Что это было, Радомир?!. Это ведь намного больше, чем нас учили!..— не спуская с зелёного «камня» глаз, потрясённо спросила Магдалина.

— Я просто чуть приоткрыл его. Чтобы ты могла увидеть. Но это всего

лишь песчинка из того, что он может. Поэтому ты должна сохранить его, что бы со мной ни случилось. Любой ценой... включая твою жизнь, и даже жизнь Весты и Светодара. — Впившись в неё своими пронзительно-голубыми глазами, Радомир настойчиво ждал ответа. Магдалина медленно кивнула.

— Он это же наказал... Странник...

Радомир лишь кивнул, явно понимая, о ком она говорила.

— Тысячелетиями люди пытаются найти Ключ Богов. Только никто не ведает, как он по-настоящему выглядит. Да и смысла его не знают, — уже намного мягче продолжил Радомир. — О нём ходят самые невероятные легенды, одни — очень красивы, другие — почти сумасшедшие.[12]

— Просто сработала, видимо, у кого-то когда-то родовая память, и человек вспомнил — было когда-то что-то несказанно великое, Богами подаренное. А вот ЧТО — не в силах понять... Так и ходят столетиями «искатели» неизвестно зачем и кружат кругами. Будто наказал кто-то: «пойди туда — не знаю куда, принеси то — не ведомо что»... Знают только, что сила в нём скрыта дюжая, знание невиданное. Умные за знанием гоняются, ну а «тёмные» как всегда пытаются найти его, чтобы править остальными... Думаю, это самая загадочная и самая (каждому по-своему) желанная реликвия, существовавшая когда-либо на Земле. Теперь всё только от тебя будет зависеть, светлая моя. Если меня не станет, ни за что не теряй его! Обещай мне это, Мария...

Магдалина опять кивнула. Она поняла — то была жертва, которую просил у неё Радомир. И она ему обещала... Обещала хранить удивительный Ключ Богов ценой своей собственной жизни... да и жизни детей, если понадобится.

Радомир осторожно вложил зелёное чудо ей в ладонь — кристалл был живым и тёплым...

Ночь пробегала слишком быстро. На востоке уже светало... Магдалина глубоко вздохнула. Она знала, скоро за ним придут, чтобы отдать Радомира в руки ревнивых и лживых судей... всей своей чёрствой душой ненавидевших этого, как они называли, «чужого посланника»... Свернувшись в комок меж сильных рук Радомира, Магдалина молчала. Она хотела просто чувствовать его тепло... насколько это ещё было возможно...

Казалось, жизнь капля за каплей покидала её, превращая разбитое сердце в холодный камень. Она не могла дышать без него... Этого, такого родного человека!.. Он был её половиной, частью её существа, без которого жизнь была невозможна. Она не знала, ***как*** *она будет без него существовать?.. Не знала,*

---

[12] О Ключе Богов, и правда, ходят разные-преразные легенды. На каких только языках веками ни пытались расписывать самые большие изумруды!.. На арабском, иудейском, индусском и даже на латыни... Только никто почему-то не хочет понять, что от этого камни не станут волшебными, как бы сильно кому-то этого ни хотелось... На предлагаемых фотографиях видны: иранский псевдо Мани, и Великий Могул, и католический «талисман» Бога, и Изумрудная «дощечка» Гермеса (Emeral tablet) и даже знаменитая индийская Пещера Аполлона из Тианы, которую, как утверждают сами индусы, однажды посетил Иисус Христос. Подробнее об этом можно прочитать в пишущейся сейчас книге «Святая страна Даария». Часть 1. О чём ведали Боги?

***как** ей суметь быть столь сильной?.. Но Радомир верил в неё, доверял ей. Он оставлял ей ДОЛГ, который не позволял сдаваться. И она честно пыталась выжить...*

Несмотря на всю нечеловеческую собранность, дальнейшего Магдалина почти не помнила...

Были чужие люди, объятые непонятной злобой...

Были боль и ужас, наблюдая страдания Радомира...

Была крошечная надежда, улетучившаяся в мгновение...

И был КРЕСТ... Бесчеловечное и страшное орудие смерти.

Она стояла на коленях прямо под крестом и смотрела Радомиру в глаза до самого последнего мгновения... До того, как его чистая и сильная душа покинула своё ненужное уже, умершее тело.

На скорбное лицо Магдалины упала горячая капля крови, и слившись со слезой, скатилась на землю. Потом упала вторая... Так она стояла, не двигаясь, застывшая в глубочайшем горе... оплакивая свою боль кровавыми слезами... Вдруг, дикий, страшнее звериного, крик сотряс окружающее пространство... Крик был пронзительным и протяжным. От него стыла душа, ледяными тисками сжимая сердце. Это кричала Магдалина... Земля ответила ей, содрогнувшись всем своим старым могучим телом. После наступила тьма...

Люди в ужасе разбегались, не разбирая дороги, не понимая, куда несут их непослушные ноги. Будто слепые, они натыкались друг на друга, шарахаясь в разные стороны, и снова спотыкались и падали, не обращая внимания на окружающее... Всюду звенели крики. Плачь и растерянность объяли Лысую Гору и наблюдавших там казнь людей, будто только лишь теперь позволив прозреть — истинно увидеть ими содеянное...

*Магдалина встала. И снова дикий, нечеловеческий крик пронзил усталую Землю. Утонув в рокоте грома, крик змеился вокруг злыми молниями, пугая собою стылые души... **Освободив Древнюю Магию, Магдалина призывала на помощь старых Богов...** Призывала Великих Предков. Ветер трепал в темноте её дивные золотые волосы, окружая хрупкое тело ореолом Света. Страшные кровавые слёзы, всё ещё алея на бледных щеках, делали её совершенно неузнаваемой... Чем-то похожей на грозную Жрицу...*

Магдалина звала... Заломив руки за голову, она снова и снова звала своих Богов. Звала Отцов, только что потерявших чудесного Сына... Она не могла так просто сдаться... Она хотела вернуть Радомира любой ценой. Даже, если не суждено будет с ним общаться. Она хотела, чтобы он жил... несмотря ни на что. Но Боги не откликались... Магдалина не могла этому поверить! Она не хотела, чтобы он умирал. Не хотела его терять... Боль была ослепляющей... Она была просто бесчеловечной.

*Подошли друзья — Рыцари Храма... Не в силах оторвать Магдалину от мёртвого тела, они почтительно ждали. Скорбь её была столь глубокой и безнадёжной, что задевала даже самых суровых и закалённых... Потом пришло омертвение. Она не почувствовала, как её отвели в сторону и усадили. Не увидела, кто омыл в последний раз Радомира... Она знала лишь одно — ОН **должен***

был воскреснуть!.. И она должна была ему в этом помочь...

Но вот прошла ночь, и ничего не менялось. Его сущность говорила с ней, но она стояла, омертвев, ничего не слыша, лишь без конца призывая Отцов... Она всё ещё не сдавалась. Наконец, когда на дворе светало, в помещении вдруг появилось яркое золотое свечение — будто тысяча солнц засветила в нём одновременно! А в этом свечении у самого входа возникла высокая, выше обычной, человеческая фигура... Магдалина сразу же поняла — это пришёл тот, кого она так яро и упорно всю ночь призывала...

— Вставай Радостный!.. — глубоким голосом произнёс пришедший. — Это уже не твой мир. Ты отжил свою жизнь в нём. Я покажу тебе твой новый путь. Вставай, Радомир!..

— Благодарю тебя, Отец... — тихо прошептала стоявшая рядом с ним Магдалина. — Благодарю, что услышал меня!

Старец долго и внимательно всматривался в стоящую перед ним хрупкую женщину. Потом неожиданно светло улыбнулся и очень ласково произнёс:

— Тяжко тебе, горестная!.. Боязно... Прости меня, доченька, заберу я твоего Радомира. Не судьба ему находиться здесь более. Его судьба другой будет теперь. Ты сама этого пожелала...

Магдалина лишь кивнула ему, показывая, что понимает. Говорить она не могла, силы почти покидали её. Надо было как-то выдержать эти последние, самые тяжкие для неё мгновения... А потом у неё ещё будет достаточно времени, чтобы скорбеть об утерянном. Главное было то, что ОН жил. А всё остальное было не столь уж важным.

Послышалось удивлённое восклицание — Радомир стоял, оглядываясь, не понимая происходящего. Он не знал ещё, что у него уже другая судьба, НЕ ЗЕМНАЯ... И не понимал, почему всё ещё жил, хотя точно помнил, что палачи великолепно выполнили свою работу...

— Прощай, Радость моя... — тихо прошептала Магдалина. — Прощай, ласковый мой. Я выполню твою волю. Ты только живи... А я всегда буду с тобой.

Снова ярко вспыхнул золотистый свет, но теперь он уже почему-то находился снаружи. Следуя ему, Радомир медленно вышел за дверь... Всё вокруг было таким знакомым!.. Но, даже чувствуя себя вновь абсолютно живым, Радомир почему-то знал — это был уже не его мир... И лишь одно в этом старом мире всё ещё оставалось для него настоящим — это была его жена... Его любимая Магдалина....

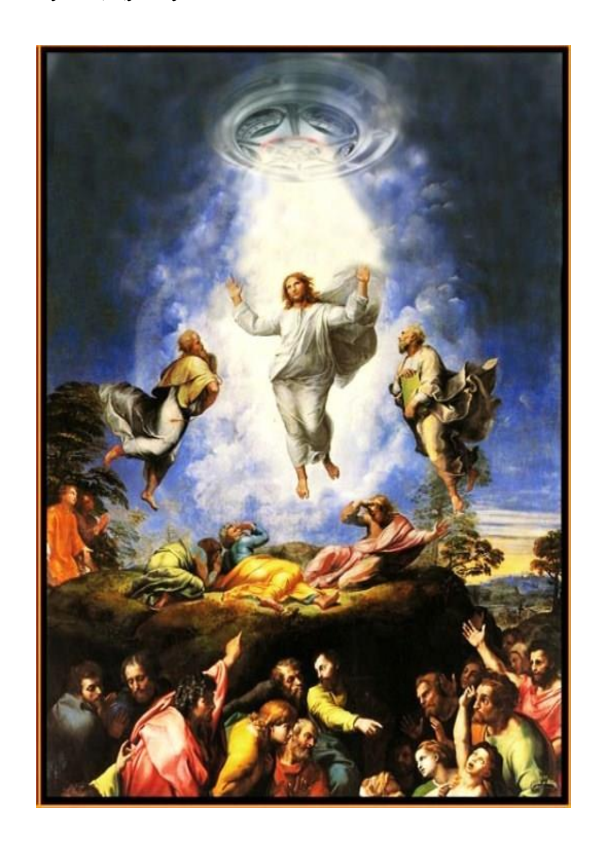
— Я вернусь к тебе... я обязательно вернусь к тебе... — очень тихо сам себе прошептал Радомир. Над головой, огромным «зонтом» висела вайтмана...

Купаясь в лучах золотого сияния, Радомир медленно, но уверенно двинулся за сверкающим Старцем. Перед самым уходом он вдруг обернулся, чтобы в последний раз увидеть её... Чтобы забрать с собою её удивительный образ. Магдалина почувствовала головокружительное тепло. Казалось, в этом последнем взгляде Радомир посылал ей всю накопленную за их долгие годы любовь!.. Посылал ей, чтобы она также его запомнила.

Она закрыла глаза, желая выстоять... Желая казаться ему спокойной. А

когда открыла — всё было кончено... Радомир ушёл... Земля потеряла его, оказавшись его недостойной. Он ступил в свою новую, незнакомую ещё жизнь, оставляя Марии Долг и детей... Оставляя её душу раненой и одинокой, но всё такой же любящей и такой же стойкой.

Судорожно вздохнув, Магдалина встала. Скорбеть у неё пока что просто не оставалось времени. Она знала, Рыцари Храма скоро придут за Радомиром, чтобы предать его умершее тело Святому Огню, провожая этим самым его чистую Душу в Вечность.



* * *

Перед вами две почти одинаковые картины, автор которых — великий итальянский художник **Рафаэль Санчо** *(Raphael Sanzio/Santi)*... Складывается впечатление, что кто-то намеренно «передвинул» вторую картину вниз, чтобы обрезать верх с «опасным» обьектом — великолепно изображенённой «летающей тарелкой»... Что в реальности и было абсолютной правдой. Рафаэль был весьма необычным человеком, часто идущим наперекор святейшей церкви. Как его назвал в своих трудах знаменитый Вассари — он был **«атеистом с богатым воображением»**... Первая картина (слева) была написана в последний год жизни художника (1520) и называлась **«Уход»**. Вызвав настоящую бурю негодования со стороны святейшей церкви, великолепное произведение получило приговор на уничтожение. Тогда, решив безобидно пошутить над Папой, художник нарисовал **вторую** картину, как бы передвинув всю композицию вниз, и обрезав верхнюю (главную) часть картины, на которой изображался Христос, что по строгим канонам живописи того времени никак не разрешалось. Назвал он вторую картину **«Преображение»** *(Transfiguration)*... К сожалению, художник

умер так и не закончив до конца вторую картину — её закончили его лучшие ученики и (по желанию учителя) подарили Ватикану. Папа был в восторге от произведения и назвал его «одной из лучших» картин Рафаэля...

* * *

Первым, конечно же, как всегда появился Иоанн... Его лицо было спокойным и радостным. Но в глубоких серых глазах Магдалина прочла искреннее участие.

— Велика благодарность тебе, Мария... Знаю, как тяжело было тебе отпускать его. Прости нас всех, милая...

— Нет... не знаешь, Отец... И никто этого не знает... — давясь слезами, тихо прошептала Магдалина. — Но спасибо тебе за участие... Прошу, скажи Матери Марии, что ОН ушёл... Что живой... Я приду к ней, как только боль чуточку утихнет. Скажи всем, что ЖИВЁТ ОН... — Больше Магдалина выдержать не могла. У неё не было больше человеческих сил. Рухнув прямо на землю, она громко, по-детски разрыдалась...

Я посмотрела на Анну — она стояла окаменев. А по суровому юному лицу ручейками бежали слёзы.

— Как же они могли допустить такое?! Почему они все вместе не переубедили его? Это же так неправильно, мама!.. — возмущённо глядя на нас с Севером, воскликнула Анна. — Она всё ещё по-детски бескомпромиссно требовала на всё ответов. Хотя, если честно, я точно так же считала, что они должны были не допустить гибели Радомира… Его друзья... Рыцари Храма... Магдалина. Но разве могли мы судить издалека, что ***тогда*** *было для каждого правильным?.. Мне просто по-человечески очень хотелось увидеть ЕГО! Так же, как хотелось увидеть живой Магдалину...*

Наверно именно поэтому, я никогда не любила погружаться в прошлое. Так как прошлое нельзя было изменить (во всяком случае, я этого сделать не могла), и никого нельзя было предупредить о назревавшей беде или опасности. Прошлое — оно и было просто ПРОШЛЫМ, когда всё хорошее или плохое давно уже с кем-то ***случилось****, и мне оставалось лишь наблюдать чью-то прожитую хорошую или плохую, жизнь. И тут я снова увидела Магдалину, теперь уже одиноко сидевшую на ночном берегу спокойного южного моря. Мелкие лёгкие волны ласково омывали её босые ноги, тихо нашёптывая что-то о прошлом... Магдалина сосредоточенно смотрела на огромный зелёный камень, покойно лежавший на её ладони, и о чём-то очень серьёзно размышляла. Сзади неслышно подошёл человек. Резко повернувшись, Магдалина тут же улыбнулась:*

— Когда же ты перестанешь пугать меня, Раданушка? И ты всё такой же печальный! Ты ведь обещал мне!.. Чему же грустить, если ОН живой?..

— Не верю я тебе, сестра! — ласково улыбаясь, грустно произнёс Радан.

Это был именно он, всё такой же красивый и сильный. Только в потухших синих глазах теперь жили уже не былые радость и счастье, а гнездилась в них чёрная, неискоренимая тоска...

— Не верю, что ты с этим смирилась, Мария! Мы ***должны были*** *спасти его, несмотря на его желание! Позже и сам понял бы, как сильно ошибался!.. Не*

могу я простить себе! — В сердцах воскликнул Радан.

Видимо, боль от потери брата накрепко засела в его добром, любящем сердце, отравляя приходящие дни невосполнимой печалью.

— Перестань, Раданушка, не береди рану... — тихо прошептала Магдалина. — Вот, посмотри лучше, что оставил мне твой брат... Что наказал хранить нам всем Радомир.

Протянув руку, Мария раскрыла Ключ Богов... Он вновь начал медленно, величественно открываться, поражая воображение Радана, который, будто малое дитя, остолбенело наблюдал, не в состоянии оторваться от разворачивающейся красоты, не в силах произнести ни слова.

— Радомир наказал беречь его ценой наших жизней... Даже ценой его детей. Это Ключ наших Богов, Раданушка. Сокровище Разума... Нет ему равных на Земле. Да, думаю, и далеко за Землёй... — грустно молвила Магдалина. — Поедем мы все в Долину Магов. Там учить будем... Новый мир будем строить, Раданушка. Светлый и Добрый Мир... — и чуть помолчав, добавила. — Думаешь, справимся?

— Не знаю, сестра. Не пробовал. — Покачал головой Радан. — Мне другой наказ дан. Светодара бы сохранить. А там посмотрим... Может и получится твой Добрый Мир...

Присев рядом с Магдалиной, и забыв на мгновение свою печаль, Радан восторженно наблюдал, как сверкает и «строится» дивными этажами чудесное сокровище. Время остановилось, как бы жалея этих двух, потерявшихся в собственной грусти людей... А они, тесно прижавшись друг к другу, одиноко сидели на берегу, заворожено наблюдая, как всё шире сверкало изумрудом море... И как дивно горел на руке Магдалины Ключ Богов — оставленный Радомиром, изумительный «умный» кристалл...

С того печального вечера прошло несколько долгих месяцев, принёсших Рыцарям Храма и Магдалине ещё одну тяжкую потерю — неожиданно и жестоко погиб Волхв Иоанн, бывший для них незаменимым другом, Учителем, верной и могучей опорой... Рыцари Храма искренне и глубоко скорбели о нём. Если смерть Радомира оставила их сердца раненными и возмущёнными, то с потерей Иоанна их мир стал холодным и невероятно чужим... Друзьям не разрешили даже похоронить (по своему обычаю — сжигая) исковерканное тело Иоанна. Иудеи его просто зарыли в землю, чем привели в ужас всех Рыцарей Храма. Но Магдалине удалось хотя бы выкупить(!) его отрубленную голову, которую, ни за что не желали отдавать иудеи, так как считали её ***слишком опасной —*** *они считали Иоанна великим Магом и Колдуном... Так, с печальным грузом тяжелейших потерь, Магдалина и её маленькая дочурка Веста, охраняемые шестью Храмовиками, наконец-то решились пуститься в далёкое и нелёгкое путешествие — в дивную страну Окситанию, пока что знакомую только лишь одной Магдалине...*

Дальше — был корабль... Была длинная, тяжкая дорога... Несмотря на своё глубокое горе, Магдалина, во время всего нескончаемо-длинного путешествия была с Рыцарями неизменно приветливой, собранной и спокойной. Храмовики

тянулись к ней, видя её светлую, печальную улыбку, и обожали её за покой, который испытывали, находясь с рядом с ней... А она с радостью отдавала им своё сердце, зная, какая жестокая боль жгла их уставшие души, и как сильно казнила их происшедшая с Радомиром и Иоанном беда... Когда они наконец-то достигли желанной Долины Магов, все без исключения мечтали только лишь об одном — отдохнуть от бед и боли, насколько для каждого это было возможно. Слишком много было утрачено дорогого... Слишком высокой была цена.

Сама же Магдалина, покинувшая Долину Магов, будучи малой десятилетней девочкой, теперь с трепетом заново «узнавала» свою гордую и любимую Окситанию, в которой всё — каждый цветок, каждый камень, каждое дерево, казались ей родными!.. Истосковавшись по прошлому, она жадно вдыхала бушующий «доброй магией» окситанский воздух и не могла поверить, что вот она наконец-то пришла Домой... Это была её родная земля. Её будущий Светлый Мир, построить который она обещала Радомиру. И это ***к ней*** *принесла она теперь своё горе и скорбь, будто потерянное дитя, ищущее у Матери защиты, сочувствия и покоя...*

Магдалина знала — чтобы исполнить наказ Радомира, она должна была чувствовать себя уверенной, собранной и сильной. Но пока она лишь жила, замкнувшись в своей глубочайшей скорби, и была до сумасшествия одинокой... Без Радомира её жизнь стала пустой, никчемной и горькой... Он обитал теперь где-то далеко, в незнакомом и дивном Мире, куда не могла дотянуться её душа... А ей так безумно по-человечески, по-женски его не хватало!.. И никто, к сожалению, не мог ей ничем в этом помочь.

Тут мы снова её увидели... На высоком, сплошь заросшем полевыми цветами обрыве, прижав колени к груди, одиноко сидела Магдалина... Она, как уже стало привычным, провожала закат — ещё один очередной день, прожитый без Радомира... Она знала — таких дней будет ещё очень и очень много. И знала, ей придётся к этому привыкнуть. Несмотря на всю горечь и пустоту, Магдалина хорошо понимала — впереди её ждала долгая, непростая жизнь, и прожить её придётся ей ***одной****... Без Радомира. Что представить пока что ей никак не удавалось, ибо он жил везде — в каждой её клеточке, в её снах и бодрствовании, в каждом предмете, которого он когда-то касался. Казалось, всё окружающее пространство было пропитано присутствием Радомира... И даже если бы она пожелала, от этого не было никакого спасения.*

Вечер был тихим, спокойным и тёплым. Оживающая после дневной жары природа бушевала запахами разогретых цветущих лугов и хвои... Магдалина прислушивалась к монотонным звукам обычного лесного мира — он был на удивление таким простым, и таким спокойным!.. Разморенные летней жарой, в соседних кустах громко жужжали пчёлы. Даже они, трудолюбивые, предпочитали убраться подальше от жгучих дневных лучей, и теперь радостно впитывали живительную вечернюю прохладу. Чувствуя человеческое добро, крошечная цветная птичка безбоязненно села на тёплое плечо Магдалины и в благодарность залилась звонкими серебристыми трелями...

Но Магдалина этого не замечала. Она вновь унеслась в привычный мир

своих грёз, в котором всё ещё жил Радомир... И она снова его вспоминала... Его невероятную доброту... Его буйную жажду Жизни... Его светлую ласковую улыбку и пронзительный взгляд его синих глаз... И его твёрдую уверенность в правоте избранного им пути. Вспоминала чудесного, сильного человека, который, будучи совсем ещё ребёнком, уже подчинял себе целые толпы!.. Вспоминала его ласку... Тепло и верность его большого сердца... Всё это жило теперь только лишь в её памяти, не поддаваясь времени, не уходя в забвение. Всё оно жило и... болело. Иногда ей даже казалось — ещё чуть-чуть, и она перестанет дышать... Но дни бежали. И жизнь всё также продолжалась. Её обязывал оставленный Радомиром ДОЛГ. Поэтому, со своими чувствами и желаниями она, насколько могла, не считалась.

Сын, Светодар, по которому она безумно скучала, находился в далёкой Испании вместе с Раданом. Магдалина знала — ему тяжелей... Он был ещё слишком молод, чтобы смириться с такой потерей. Но ещё она также знала, что даже при самом глубоком горе, он никогда не покажет свою слабость чужим. Он был сыном Радомира... И это обязывало его быть сильным.

Снова прошло несколько месяцев. И вот, понемногу, как это бывает даже с самой страшной потерей, Магдалина стала оживать. Видимо, приходило правильное время возвращаться к живущим... Облюбовав крошечный Монсегюр, который был ***самым магическим*** *в Долине замком (так как стоял на «точке перехода» в другие миры), Магдалина с дочуркой вскоре начали потихоньку туда перебираться. Начали обживать их новый, незнакомый ещё, Дом... И, наконец, помня настойчивое желание Радомира, Магдалина понемногу стала набирать себе первых учеников...*

Это была наверняка одна из самых лёгких задач, так как каждый человек на этом дивном клочке земли был более или менее одарённым. И почти каждый жаждал знания. Поэтому очень скоро у Магдалины уже было несколько сотен очень старательных учеников. Потом эта цифра переросла в тысячу... И уже очень скоро вся Долина Магов была охвачена её учением. А она брала как можно больше желающих, чтобы отвлечься от своих горьких дум, и была несказанно рада тому, как жадно тянулись к Знанию окситанцы! Она знала — Радомир бы от души этому порадовался... и набирала ещё больше желающих.

— Прости, Север, но как же Волхвы согласились с этим?!. Ведь они так тщательно охраняют от всех свои Знания? Как же Владыко допустил такое? Магдалина ведь учила всех, не выбирая лишь посвящённых?

— Владыко никогда не соглашался с этим, Изидора... Магдалина и Радомир шли против его воли, открывая эти знания людям. И я до сих пор не знаю, кто из них был по-настоящему прав...

— Но ты же видел, как жадно внимали этому Знанию окситанцы! Да и вся остальная Европа также! — удивлённо воскликнула я.

— Да... Но я видел и другое — как просто они были уничтожены... А это значит — они были к этому не готовы.

— Но когда же, по твоему, люди ***будут*** *«готовы»?.. — возмутилась я. — Или это не случится никогда?!.*

*— Случится, мой друг... думаю. Но лишь тогда, когда, люди наконец-то поймут, что они **в состоянии защитить** это же самое Знание... — тут Север неожиданно по-детски улыбнулся. — Магдалина и Радомир жили Будущим, видишь ли... Они мечтали о чудесном **Едином** Мире... Мире, в котором была бы одна общая Вера, один правитель, единая речь... И несмотря ни на что, учили... Сопротивляясь Волхвам... Не подчиняясь Владыко... И при всём при том, хорошо понимая — даже их далёкие правнуки наверняка ещё не узрят этого чудесного «единого» мира. Они просто боролись... За свет. За знания. За Землю. Такой была их Жизнь... И они прожили её, не предавая.*

Я снова окунулась в прошлое, в котором всё ещё жила эта удивительная и единственная история...

Было только одно грустное облачко, бросавшее тень на светлеющее настроение Магдалины — Веста глубоко страдала от потери Радомира, и никакими «радостями» не удавалось её от этого отвлечь. Узнав, наконец, о случившемся, она полностью захлопнула своё маленькое сердечко от окружающего мира и переживала свою потерю одна, не допуская к себе даже любимую маму, светлую Магдалину. Так она бродила целыми днями неприкаянной, не зная, что с этой страшной бедой поделать. Рядом не было также и брата, с которым Веста привыкла делиться радостью и печалями. Ну, а сама она была слишком ещё мала, чтобы суметь осилить столь тяжкое горе, непомерным грузом обрушившееся на её хрупкие детские плечи. Она дико скучала по своему любимому, самому лучшему на свете папе и никак не могла понять, откуда же взялись те жестокие люди, которые его ненавидели и которые его убили?..

Не слышно было больше его весёлого смеха, не было их чудесных прогулок... Не оставалось больше вообще ничего, что было связанно с их тёплым и всегда радостным общением. И Веста глубоко, по-взрослому страдала... У неё оставалась только память. А ей хотелось вернуть его живого!.. Она была ещё слишком малой, чтобы довольствоваться воспоминаниями!.. Да, она очень хорошо помнила, как, свернувшись калачиком на его сильных руках, затаив дыхание слушала удивительнейшие истории, ловя каждое слово, боясь пропустить самое важное... И теперь её раненое сердечко требовало всё это обратно! Папа был её сказочным кумиром... Её, закрытым от остальных, удивительным миром, в котором жили только они вдвоём... А теперь этого мира не стало. Злые люди забрали его, оставив лишь глубокую рану, которую ей самой никак не удавалось заживить.

Все окружавшие Весту взрослые друзья старались, как могли, развеять её удручённое состояние, но малышка, никому не хотела открывать своё скорбящее сердце. Единственный, кто наверняка смог бы помочь, был Радан. Но и он находился далеко, вместе со Светодаром. Впрочем, был с Вестой один человек, который старался изо всех сил заменить её дядю Радана. И звали этого человека Рыжий Симон — весёлый Рыцарь с яркими рыжими волосами. Друзья безобидно так прозвали его из-за необычного цвета его волос, и Симон ничуточки не обижался. Он был смешливым и весёлым, всегда готовым придти на помощь, этим, и правда, напоминая отсутствующего Радана. И друзья за это

искренне его любили. Он был «отдушинкой» от бед, которых в жизни Храмовиков в то время было очень и очень немало...

Рыжий Рыцарь терпеливо являлся к Весте, ежедневно уводя её на захватывающие длинные прогулки, постепенно становясь малышке настоящим доверенным другом. И даже в маленьком Монсегюре очень скоро к нему привыкли. Он стал там привычным желанным гостем, которому каждый был рад, ценя его неназойливый, мягкий характер и всегда прекрасное настроение. И только одна Магдалина вела себя с Симоном настороженно, хотя сама наверняка не смогла бы объяснить причину... Она больше всех остальных радовалась, видя Весту всё более и более счастливой, но в то же время, никак не могла избавиться от непонятного ощущения опасности, приходящей со стороны Рыцаря Симона. Она знала, что должна была чувствовать ему только лишь благодарность, но ощущение тревоги не проходило. Магдалина искренне пыталась не обращать на свои чувства внимания и лишь радоваться настроению Весты, сильно надеясь, что со временем боль дочурки понемногу утихнет, так же, как стала утихать она в ней самой... И останется тогда в её измученном сердечке лишь глубокая светлая грусть по ушедшему, доброму папе... И ещё останутся воспоминания... Чистые и горькие, как бывает иногда горькой самая чистая и самая светлая ЖИЗНЬ...

Светодар часто писал матери послания, и один из рыцарей Храма, охранявший его вместе с Раданом в далёкой Испании, отвозил эти послания в Долину Магов, откуда тут же присылалась весточка с последними новостями. Так они жили, не видя друг друга, и могли лишь надеяться, что придёт когда-нибудь тот счастливый день, когда они хоть на мгновение встретятся все вместе... Но, к великому сожалению, тогда они ещё не ведали, что этот счастливый день так никогда для них и не наступит...

Все эти годы после потери Радомира, Магдалина вынашивала в своём сердце заветную мечту — отправиться когда-нибудь в далёкую Северную страну, чтобы увидеть землю своих предков и поклониться там дому Радомира... Поклониться земле, вырастившей самого дорогого ей человека. А ещё она хотела отнести туда Ключ Богов. Ибо знала — так будет правильно... Родная земля сбережёт ЕГО для людей куда надёжнее, чем это пытается сделать она сама.

Но жизнь бежала, как всегда, слишком быстро, и у Магдалины всё никак не оставалось времени, дабы осуществить задуманное. А спустя восемь лет после гибели Радомира, пришла беда... Остро чувствуя её приближение, Магдалина страдала, не в состоянии понять причину. Даже являясь сильнейшей Ведуньей, она не могла увидеть свою Судьбу, как бы этого ни хотела. Её Судьба была от неё скрыта, так как она обязана была прожить свою жизнь полностью, какой бы сложной или жестокой она ни являлась...

— Как же так, мама, всем Ведунам и Ведуньям закрыта их Судьба? Но почему?.. — возмутилась Анна.

— Думаю, это так потому, чтобы мы не пытались менять то, что нам предначертано, милая — не слишком уверенно ответила я. — Насколько я могла

себя помнить, с ранних лет меня возмущала данная несправедливость! Зачем было нужно нам, Ведающим, такое испытание? Почему мы не могли от него уйти, если умели?.. Но отвечать на это нам, видимо, никто не собирался. Такой была наша Жизнь, и прожить её приходилось такой, какой она была кем-то для нас начертана. А ведь мы могли так просто сделать её счастливой, разреши нам те, что «сверху», видеть свою Судьбу!.. Но такой возможности, к сожалению, у меня (и даже у Магдалины!) не было.

— Ещё, Магдалину всё больше и больше тревожили разносившиеся непривычные слухи... — продолжил Север. — Среди её учеников вдруг начали появляться странные «катары», тихо призывающие остальных к «бескровному» и «доброму» учению. Что означало — призывали жить без борьбы и сопротивления. Это было странным, и уж никак ***не отражало*** *учения Магдалины и Радомира. Она чувствовала в этом подвох, чувствовала опасность, но встретить хотя бы одного из «новых» Катар ей почему-то никак не удавалось... В душе Магдалины росла тревога… Кто-то очень хотел сделать Катар беспомощными!.. Посеять в их смелых сердцах сомнение. Но кому это было нужно? Церкви?.. Она знала и помнила, как быстро гибли даже самые сильные и самые прекрасные державы, стоило им всего на мгновение отказаться от борьбы, понадеявшись на чужое дружелюбие!.. Мир пока ещё был слишком несовершенным... И в нём надо было уметь бороться за свой дом, за свои убеждения, за своих детей и даже за любовь. Вот почему Катары Магдалины с самого начала были* ***воинами****, и это полностью соответствовало её учению. Ведь она* ***никогда не создавала сборище смиренных и беспомощных «агнцев»****, наоборот — Магдалина* ***создавала могучее общество Боевых Магов****, предназначение которых было* ***ЗНАТЬ****, а также —* ***охранять*** *свою землю и на ней живущих. Поэтому-то* ***настоящие****,* ***её Катары****, Рыцари Храма, были мужественными и сильными людьми, гордо нёсшими Великое Знание Бессмертных.*

Увидев мой протестующий жест, Север улыбнулся.

— Не удивляйся, мой друг, как ты знаешь, всё на Земле по-старому закономерно — всё так же переписывается со временем ***истинная*** *История, всё так же перекраиваются светлейшие люди... Так было, и, думаю, так будет всегда... Именно поэтому так же, как и от Радомира, от воинственных и гордых* ***первых*** *(и настоящих!) Катар сегодня осталось, к сожалению, лишь беспомощное Учение Любви, построенное на самоотречении.*

— Но они ведь, и правда, не сопротивлялись, Север! Они не имели права на убийство! Я читала об этом в дневнике Эсклармонд!.. Да и ты сам говорил мне об этом.

— Нет, мой друг, Эсклармонд была уже из «новых» катар. Я объясню тебе... Прости, я не открыл тебе ***истинную*** *причину гибели этого чудесного народа. Но я никогда и никому не открывал её. Опять же — видимо, сказывается «правда» старой Метеоры... Слишком глубоко она поселилась во мне...*

Да, Изидора, Магдалина учила Вере в Добро, учила Любви и Свету. Но ещё она учила ***БОРЬБЕ*** *за это же самое добро и свет! Как Радомир, она учила стойкости и смелости. Ведь именно к ней после смерти Радомира стремились*

рыцари со всей тогдашней Европы, так как ***именно в ней*** *они чувствовали смелое сердце Радомира. Помнишь, Изидора, ведь ещё с самого начала его жизни, будучи совсем молодым, Радомир призывал к борьбе? Призывал бороться за будущее, за детей, за Жизнь? Именно поэтому,* ***первые*** *Рыцари Храма, подчиняясь воле Магдалины, за эти годы набрали себе верную и надёжную подмогу — окситанских рыцарей-воинов, а те, в свою очередь, помогали им обучать простых поселян военному искусству на случай особой необходимости или неожиданно обрушившейся беды.*

Ряды Тамплиеров быстро росли, принимая в свою семью желающих и достойных. Вскоре почти все мужчины из аристократических окситанских семей принадлежали Храму Радомира. Уехавшие в дальние страны, по наказу семьи возвращались, чтобы пополнить братство Храмовиков. Несмотря на их большую занятость, первые шесть Рыцарей Храма, приехавших с Магдалиной, так и остались самыми любимыми и самыми верными её учениками. То ли потому, что они знали Радомира, то ли по той простой причине, что столько лет они все прожили вместе и как бы срослись в дружную могучую силу, но именно эти Храмовики были самыми близкими сердцу Магдалины. Она делилась с ними тем Знанием, которое не доверяла никому другому. Они были ***настоящими Воинами Радомира****... И они стали когда-то* ***первыми Совершенными*** *Мага Долины...*

Совершенные были прекрасными воинами и сильнейшими магами, Изидора, что делало их намного сильнее всех остальных живущих (кроме некоторых Волхвов, конечно же). Мария доверяла им жизни своих детей, доверяла себя. И вот однажды, чувствуя неладное, во избежание какой-либо беды, она решила доверить им тайну Ключа Богов... Что, как оказалось позднее, было жестокой и непоправимой ошибкой, уничтожившей через столетие Великую Империю Знания и Света... Чистую и чудесную Империю Катар.

Страшное предательство (с помощью церкви) одного из близких друзей, уже после жестокой гибели Магдалины, постепенно преобразило Катар, превратив сильных и гордых воинов в беззащитных и беспомощных... Сделав Империю Солнца и Света легко ранимой и доступной. Ну, а церковь, как это обычно происходило в то время, тихо, спокойно продолжала свою чёрную работу, подсылая в Окситанию десятки «новых» катар, «доверительно» нашёптывавших остальным, как прекрасна будет их жизнь без убийств, как чисты без пролития крови будут их светлые души. И катары слушали красиво звучавшие слова, начисто забывая, чему учила их когда-то Золотая Мария...

Ведь для спокойного, любвеобильного народа, какими были окситанцы, намного приятнее было учение без кровопролития. Поэтому, по прошествии какого-то времени, им уже и казалось, что ***именно этому*** *учила Магдалина. Что так будет намного правильнее. Только вот почему-то никому из них хотя бы на минуту не приходило в голову задуматься:* ***ПОЧЕМУ*** *этому начали открыто учить именно лишь* ***после жестокой смерти Золотой Марии?..***

Так с годами превратилось учение Радомира и Магдалины в ***беспомощное*** *Великое Знание, сохранить и защитить которое, уже было некому... И «новые»*

Катары сдавались, отдавая себя, своих детей, своих жён, на милость огня и церкви... И горели Дети Магдалины тысячами, не сопротивляясь, не проклиная своих палачей. Горели, мечтая о высоком и звёздном мире, где они встретят свою Марию...

— Как же такое произошло, Север?!.. Расскажи мне, если я имею на это право...

Печально покачав головой, Север продолжил.

— О, это произошло до невероятности глупо и обидно, Изидора, так глупо, что иногда не хочется этому верить... Помнишь, я говорил тебе, что однажды Магдалина посвятила самых близких Рыцарей Храма в тайну Ключа Богов? — Я кивнула. — Но тогда ещё, к сожалению, никто из Рыцарей Храма не знал, что один из них с самого начала являлся ставленником «тёмных»... правда сам об этом даже не подозревая.

— Но как же такое возможно, Север?!. — искренне возмутилась я. — Разве может ***не чувствовать человек, делая плохое?***

— Ты ведь не можешь воевать с тем, чего ты не видишь или не понимаешь, не так ли, Изидора? — Не обращая внимания на моё возмущение, спокойно продолжил Север. — Вот так и он — ***он не видел и не чувствовал*** *того, что внедрили когда-то в его мозг «тёмные», выбрав именно его своей беспомощной «жертвой». И вот, когда нужное для «тёмных» время пришло, «заказ» чётко сработал, несмотря на чувства или убеждения захваченного человека.*

— Но ведь они были такими сильными, Рыцари Храма! Как же кто-то смог внедрить в них что-либо?!..

— Видишь ли, Изидора, сильным и умным быть не всегда достаточно. Иногда «тёмные» находят что-то такое, чего у намеченной жертвы просто не существует. И она, эта жертва, честно живёт до поры до времени, пока не срабатывает внедрённая в неё гадость, и пока человек не становится послушной куклой в руках «Думающих Тёмных». И даже тогда, когда внедрение срабатывает, бедная «жертва» не имеет о случившемся ни малейшего понимания... Это ужасный конец, Изидора. И я даже врагам такого не пожелал бы...

— Значит, что же — этот рыцарь ***не знал****, какое страшное зло он сотворил с остальными?*

Север отрицательно покачал головой.

— Нет, мой друг, он не знал до самой последней своей минуты. Он так и умер, веря, что прожил хорошую и добрую жизнь. И никогда не сумел понять, за что его друзья отвернулись от него, и за что он был изгнан ими из Окситании. Как бы они ни старались ему это объяснить... Желаешь ли услышать, как произошло это предательство, мой друг?

Я лишь кивнула. И Север терпеливо продолжил свою потрясающую историю...

— Когда церковь через того же рыцаря узнала, что Магдалина так же является ещё и Хранителем Умного Кристалла, у «святых отцов» возникло непреодолимое желание получить в свои руки эту удивительную силу. Ну и, естественно, желание уничтожить Золотую Марию умножилось в тысячи

раз. По великолепно рассчитанному «святыми отцами» плану, в день, кода ***должна была*** *погибнуть Магдалина, предавшему её рыцарю в руки было вручено от посланника церкви письмо, якобы написанное самой Магдалиной. В этом злосчастном «послании» Магдалина «заклинала»* ***первых*** *Рыцарей Храма (своих самых близких друзей)* ***никогда не пользоваться более оружием*** *(даже при защите!)****, так же как и никаким другим, известным им способом, который мог бы отнять чью-то чужую жизнь. Иначе****, — говорилось в письме, —* ***при непослушании, Рыцари Храма потеряют Ключ Богов... так как окажутся его недостойными.***

Это был абсурд!!! Это было самое лживое послание, которое им когда-либо приходилось слышать! Но Магдалины с ними уже не было... И никто не мог её более ни о чём спросить.

— Но разве они не могли после смерти с нею общаться, Север? — удивилась я. — Ведь насколько я знаю, многие Маги могут общаться с умершими?

— Не многие, Изидора... Многие могут ***видеть*** *сущности после смерти, но не многие могут их* ***точно*** *слышать. Только один из друзей Магдалины мог с ней свободно общаться. Но именно он погиб всего через несколько дней после её смерти. Она приходила к ним сущностью, надеясь, что они увидят её и поймут... Она приносила им меч, стараясь показать, что должны бороться.*

Какое-то время мнения Совершенных перевешивали то в одну, то в другую сторону. Их было теперь намного больше, и хотя остальные (ново пришедшие) никогда не слышали о Ключе Богов, «письмо Магдалины», по справедливости, было оглашено и им, пропуская не предназначавшиеся их уху строки. Некоторые новые Совершенные, хотевшие жить поспокойнее, предпочитали верить «письму» Марии. Те же, которые сердцем и душой были преданы ей и Радомиру, не могли поверить в такую дикую ложь... Но и они так же боялись, что, ошибись в своём решении, и Ключ Богов, о котором они знали очень мало, мог просто исчезнуть. Тяжесть доверенного им Долга давила на их умы и сердца, рождая в них на какое-то время шаткую неуверенность и сомнения…

Рыцари Храма, скрепя сердца, искренне пытались как-то принять это странное «послание». Тем более, что оно якобы являлось ***последним*** *посланием,* ***последней*** *просьбой их Золотой Марии. И какой бы странной эта просьба ни казалась, они обязаны были ей подчиняться. Хотя бы самые ей близкие Храмовники... Как подчинились они когда-то последней просьбе Радомира. Ключ Богов теперь оставался с ними. И они отвечали за его сохранность своими жизнями...*

Но именно им, ***первым*** *Рыцарям Храма, и было всего трудней — они слишком хорошо знали и помнили — Радомир был Воином, так же, как была воином и Мария. И ничто на свете не могло заставить их отвернуться от их изначальной Веры. Ничто не могло заставить забыть заповеди* ***настоящих*** *Катар. И первые Рыцари Храма, со многими ново пришедшими Храмовиками, решили не сдаваться...*

Даже понимая, что, возможно, они идут против ***последней*** *воли Золотой Марии, они всё же не могли так просто сдать оружие, когда каких-то пят-*

надцать лет спустя после смерти Магдалины, армия церкви послала своих верных слуг навсегда «усмирить» Катар... Стереть их с лица Окситании, чтобы никогда не прорастали более новые побеги их светлой Веры, чтобы не помнили более на Земле их Древнего и Чистого Знания...

Но число Рыцарей Храма было слишком малым по сравнению с заказной «армией дьявола», и Тамплиеры гибли сотнями, идя против десятков тысяч... Они искренне верили в своих преданных сердцах, что ***не предают Марию.*** *Они верили, что правы, несмотря на наказы друзей, несмотря на давление со стороны «новых» катар. Но вскоре Рыцарей Храма почти не осталось. Как не осталось более в Окситании и* ***настоящих*** *Катар... Ну, а позже, почти никто уже и не помнил, что когда-то, пока жила Золотая Мария, это Учение было совершенно другим... Было сильным, воинственным и гордым.*

У меня на душе было муторно и зябко. Неужели кто-то, бывший с Марией столько лет, смог под конец так страшно предать её?..

— Скажи, Север, можешь ли ты мне подробнее рассказать момент предательства? Я не могу ни сердцем, ни душой понять этого. И даже мой мозг этого не принимает...

— Думаю, будет лучше, если я опять же покажу тебе, Изидора, — задумчиво ответил Север.

Посредине небольшого каменного зала одиноко стоял огромный, круглый, очень старый каменный стол. Он занимал почти всё помещение. По внешнему кругу стол был сильно стёрт частым прикосновениям рук человека. Видимо, много судеб решалось за этим столом, много человеческих дум он «слышал» за свою долгую жизнь...

Вокруг стола сидели семеро человек. Это были старые друзья Магдалины и Радомира, ***первые*** *Рыцари Храма. Седьмым среди них был Радан... Услышав через гонца, как жестоко и бесчеловечно умерла Магдалина и его юная племянница — Веста, Радан не выдержал. Оставив Светодара (рвавшегося поехать вместе) на полное попечение своих испанских друзей, он примчался в Монсегюр, загнав по дороге нескольких лошадей, но хоронить Марию уже было поздно. Друзья сложили ей и Весте погребальный костёр, и свободные души Золотой Марии и её любимой дочери улетели туда, где находился теперь их новый Дом...*

Только лишь в 2009 году, находясь в Окситании, я узнала, что Сущность Магдалины всё ещё не ушла с нашей Мидгард-Земли. Что все эти долгие сотни лет она охраняла здесь кое-что, очень для нас ценное и дорогое — охраняла для людей Ключ Богов... И сколько бы ни старались всевозможные «искатели» до него добраться, Магдалина помнила наказ Радомира — она хранила его своей жизнью, даже после того, как из неё ушла.

Рыцари угрюмо молчали. Да и что можно было сказать, дабы унять их печаль? Их Золотой Марии не стало... Они готовы были за неё умереть, отдать за неё свои жизни. Но ***умерла ОНА****... И уже ничего нельзя было изменить, ничего более поделать. Это был 1094 год по летоисчислению от жизни никому не известного еврейского пророка... Которого, по воле святейшей церкви, сделали*

велико-страдавшим «сыном Бога»... Магдалине во время смерти было всего-навсего лишь двадцать девять лет... Наконец, как-то собравшись, Радан произнёс:

*— Скажи нам, Симон, как же так получилось, что **именно ты** оказался дважды за один и тот же день рядом с Магдалиной? И именно **тебе** она передала своё послание? А ведь она **никогда не писала посланий.** Кроме как мне и Светодару. Ты ведь прекрасно знаешь это — Магдалина всегда предпочитала с нами **говорить.** И она **никогда не решала важное в одиночку**! Она уважала и любила нас и никогда не согласилась бы на такое.*

Один из рыцарей был очень нервным и недовольным. К моему величайшему ужасу, это оказался тот самый, всегда весёлый и приятный «друг» Весты — Рыжий Симон... Магдалина была права — он принёс беду... сам этого не осознавая. Симон ершисто поглядывал на остальных, видимо, не зная, как выдержать эту словесную атаку. Что сказать, дабы они его поняли?

— Так как же ты можешь объяснить это «письмо», Симон? — Настойчиво повторил Радан.

— Я говорил уже вам, не знаю! — Обиженно воскликнул Рыцарь. — Я, глупец, старался найти вас как можно скорее. А в благодарность получил недоверие! Ревность застилает вам глаза, думаю. Иначе вы не оскорбляли бы меня столь незаслуженно!

Возмущённый Симон теребил в руках крошечный белый листок, весь сплошь исписанный аккуратными крупными рунами — предполагаемое «письмо» Магдалины... Все остальные были явно растеряны — они знали друг друга столь давно, что поверить в предательство одного из своих было воистину невозможно... Но тогда, почему случилось такое?!. Ведь Мария ещё ни разу не выделяла кого-то из них, обсуждая что-то по-настоящему важное! Они всегда и во всём действовали вместе. А данное «сообщение» ставило с ног на голову всё учение Катар, и резко меняло смысл того, чему так долго учила Магдалина. Разве не являлось это поистине непонятным и уж, по меньшей мере, странным?..

*— Прости нас, Симон, мы не хотим обвинять тебя. Но обстоятельства очень уж непонятны. — Сдержано произнёс один из рыцарей Храма. — **Каким образом** ты очутился рядом с Марией именно в тот момент, когда она писала это злосчастное послание? И каким образом ты оказался в святой пещере именно тогда, когда их убили?!. — и чуть успокоившись, добавил: — Говорила ли она что-либо?*

— Нет, не говорила... Лишь попросила прочитать это вам всем. — Возмущённо произнёс Симон. — Если бы она не погибла, разве, казалось бы это странным!? И разве это моя вина, что я оказался рядом? Если бы я ИХ не нашёл, возможно, ещё сейчас вы бы не знали, что с ними такое случилось!..

Очень тяжело было осуждать его, не зная правды. Все они были Рыцарями Радомира. Самыми близкими боевыми друзьями, прошедшими вместе опасный и долгий путь... Но как бы ни старались Храмовики думать положительно, произошедшее настораживало — очень уж необычно всё совпадало...

*Я стояла потрясённая, не желая верить, что самая чудесная на Земле Империя была разрушена так предельно просто!.. Опять же, это было другое время. И мне трудно было судить, насколько сильны тогда были люди. Но ведь Катары обладали чистейшими, никогда не сдававшимися, гордыми сердцами, позволявшими им идти, не ломаясь, на страшные человеческие костры. Как же могли они поверить, что такое позволила бы Золотая Мария?.. Задумка церкви была, и правда, дьявольски гениальной... На первый взгляд даже казалось, что она несла «новым» Катарам лишь добро и любовь, не позволяя отнимать чью-то жизнь. Но это только на первый взгляд... По-настоящему же, сие «бескровное» учение полностью обезоруживало Катар, делая их беспомощными против жестокой и кровожадной армии Папы. Ведь, насколько я понимала, церковь не нападала, пока Катары оставались воинами. Но после смерти Золотой Марии и гениального плана «святейших» отцов, церковникам требовалось лишь чуточку подождать, пока Катары по **своему** желанию станут беспомощными. И вот тогда — напасть... Когда уже некому будет сопротивляться. Когда Рыцарей Храма останется малая горсточка. И когда победить Катар будет очень просто. Даже не замарав в их крови своих нежных, холёных рук.*

От этих мыслей меня замутило... Всё было слишком легко и просто. И очень страшно. Поэтому, чтобы хоть на минуту отвлечься от грустных мыслей, я спросила:

— Видел ли ты когда-то Ключ Богов, Север?

*— Нет, мой друг, я видел его лишь через Магдалину, как сейчас видела ты. Но могу сказать тебе, Изидора, он **не может** попасть в «тёмные» руки, скольких бы человеческих жертв это бы ни стоило. Иначе не будет более нигде такого названия — Мидгард... Это слишком большая сила. И попади она в руки к Думающим Тёмным, ничто уже не остановит их победного шествия по оставшимся Землям... Знаю, как тяжело понять это сердцем, Изидора. Но иногда мы обязаны мыслить объятно. Обязаны думать за всех приходящих... и проследить за тем, чтобы им наверняка было бы куда приходить...*

— Где сейчас Ключ Богов? Знает ли это кто-нибудь, Север? — неожиданно серьёзно спросила до сих пор молчавшая, Анна.

*— Да, Аннушка, частично — знаю я. Но не могу об этом тебе сказать, к сожалению... В одном я уверен, что придёт тот день, когда люди, наконец, окажутся **достойными**, и Ключ Богов засверкает вновь на вершине Северной Страны. Только пройдёт до этого ещё не одна долгая сотня лет...*

— Но мы ведь скоро погибнем, чего же тебе бояться, Север? — сурово спросила Анна. — Расскажи нам, пожалуйста!

Он посмотрел на неё с удивлением и, чуть подождав, медленно ответил.

— Ты права, милая. Думаю, вы достойны это узнать... После жестокой смерти Золотой Марии, Радан увёз Ключ Богов в Испанию, чтобы передать его в руки Светодару. Он считал, что, даже будучи столь молодым, Светодар сохранит доверенное ему сокровище. Если понадобится, даже ценой своей драгоценной жизни. Намного позже, будучи уже взрослым человеком, уходя на

поиски Странника, Светодар забрал с собою дивное сокровище. А после, через шесть десятков долгих и сложных прожитых лет, уже уходя домой, он решил, что надёжнее и правильнее всего будет оставить Ключ Богов там, в Северной Стране, во избежание возможной беды в его родной Окситании. Он не ведал, какие новости ждут его дома. И рисковать Ключом Богов не желал.

— Значит, Ключ Богов всё это время находился в Северной стране? — как бы утверждая услышанное, серьёзно спросила Анна.

— Этого я, к сожалению, не знаю, милая. С тех пор у меня не было более новостей.

— Скажи, разве ты не хотел бы увидеть новое будущее, Север?.. Не хотел бы своими глазами увидеть новую Землю?.. — не утерпела я.

— Не в моём это праве, Изидора. Я уже своё здесь отжил и должен идти Домой. Да и пора уже. Слишком много я видел здесь горя, слишком много было потерь. Но я подожду тебя, мой друг. Как я уже говорил тебе, мой далёкий мир так же является и твоим. Я помогу тебе вернуться домой...

Я стояла потерянной, не понимая происходящего... Не в состоянии понять мою любимую Землю, ни живущих на ней людей. Им дарилось чудесное ЗНАНИЕ, а они вместо того, чтобы его познать, боролись за власть, уничтожали друг друга, и гибли... Гибли тысячами, не успевая прожить свои драгоценные жизни... И отнимая жизни других хороших людей.

— Скажи, Север, ведь Рыцари Храма все не погибли, не правда ли? Иначе, как бы разросся так широко позже их Орден?

— Нет, мой друг, некоторые из них обязаны были остаться живыми, дабы сохранить Орден Храмовиков Радомира. Когда на Окситанию напала церковь, они ушли к друзьям в соседние замки, забрав с собою голову Иоанна и сокровище Тамплиеров, на которое собирались создать настоящую армию, думающую и действующую самостоятельно, независимо от желаний королей и Пап. Они снова надеялись воссоздать мир, о котором мечтал Радомир. Но создать его на этот раз свободным, могущественным и сильным[13]*.*

— Значит, после смерти Золотой Марии Катары как бы разделились? На «новых» Катар и старых воинов Магдалины?

— Ты права, Изидора. Только «новые», к сожалению, все погибли на страшных Папских кострах... Чего и добивалась «святейшая» церковь.

— Почему же не вернулись Храмовики? Почему не отвоевали Окситанию? — Горько воскликнула я.

— Потому, что некого было отвоёвывать, Изидора, — тихо прошептал Север. — Ушедших Храмовников было очень мало. Остальные погибли, защищая «новых» Катар. Помнишь, я говорил тебе — каждый замок и городок защищали около сотни Рыцарей. Против десятков тысяч Крестоносцев Папы. Этого

[13] Об оставшихся окситанских Воинах-Катарах (Тамплиерах) можно будет прочитать в книге «Дети Солнца», где будут прилагаться отрывки из оригиналов писем Графа Миропуа *(Miropoix)*, Воина-Совершенного, защищавшего крепость Монсегюр в 1244 году, оставшегося в живых свидетеля гибели монсегюрских Катар. А также отрывки из настоящих записей Каркасонской Инквизиции и секретных архивов Ватикана.

было слишком много даже для самых сильных... Новые же «Совершенные» не защищались, отдавая себя и других на истребление. Хотя, если бы помогли, наверное, до сих пор цвела бы империя Света, и до сих пор ты могла бы встречать живущих Катар... Ведь Совершенные горели сотнями (только в Безье их сгорело 400!) — вместе они разбили бы любую армию!.. Но не захотели. И за них гибли Храмовники. Которые, даже понимая, что проиграют, не могли спокойно смотреть, как гибнут старики, женщины и дети... Как сгорают лучшие... Сгорают из-за глупейшей лжи.

— Скажи, Север, попала ли всё же когда-то в Северную страну Золотая Мария?— Снова желая поменять русло разговора, спросила я.

Север долго внимательно всматривался в моё лицо, будто желая проникнуть в самую душу. Потом грустно улыбнулся и тихо произнёс:

— Ты очень догадлива, Изидора... Но я не могу тебе этого рассказать. Могу лишь ответить — да. Она посетила священную Землю своих предков... Землю Радомира. Это удалось ей с помощью Странника. Но больше я не вправе говорить даже тебе... Ты прости.

Это было неожиданно и странно. Рассказывая мне о событиях, которые, в моём понимании, были намного серьёзнее и важнее, Север вдруг категорически отказывался рассказать нам такую «мелочь»!.. Конечно же, это ещё сильнее заинтересовало меня, заставляя надеяться, что как-то, до того как погибну, я всё же ещё успею это узнать. Как-нибудь ещё успею....

Неожиданно дверь в комнату резко распахнулась — на пороге возник Караффа. Он выглядел на удивление свежим и довольным.

— Так-так-так... У мадонны Изидоры гости!.. Очень забавно. Из самой Мэтэоры, если не ошибаюсь? Великий Север собственной персоной!.. Не познакомите ли меня, Изидора? Думаю, всем нам это будет весьма полезно!

И, довольно рассмеявшись, Караффа спокойно уселся в кресло.

43. Изидора-9. Потеря Анны. Женщина-Воин.

Караффа бесцеремонно разглядывал Севера, будто тот представлял собою редкое, диковинное животное. Лицо Папы по непонятной причине светилось уверенностью, что меня пугало больше, чем если бы он метал в нас «молнии» своего жуткого недовольства...

*— Ну что ж, достопочтимый Север, вот мы с Вами наконец-то и встретились! Я ведь обещал когда-то, что Вы придёте **ко мне** — я своих обещаний не меняю, обычно.*

— Не обольщайся, Караффа. — спокойно произнёс Север. — Я бы никогда не доставил тебе такого удовольствия. И ты прекрасно это знаешь. Это мадонна Изидора интересует меня... Она слишком ценна, чтобы находиться в твоих руках. Но ты, конечно же, не сможешь этого понять, к сожалению...

— Человеческая ценность зависит от того, насколько он может быть полезен Богу... Ну, а мадонна Изидора, как Вам известно, — ведьма. И очень могущественная. Поэтому её отношение к господу не оставляет никаких

надежд измениться к лучшему. И, таким образом, её «ценность» для меня и нашей святейшей церкви сводится к нулю, дорогой Север.

— Почему же, в таком случае, ты держишь её взаперти, методично убивая всех её близких, Караффа? — сдержанно просил Север.

— Помилуйте, дражайший Север, мадонна Изидора совершенно свободна в своих поступках и решениях! — И, язвительно улыбнувшись, добавил: — Как только она соизволит дать мне то, что я у неё прошу, она свободна идти, куда ей пожелается. Даже если это идёт против моей воли.

Комната «искрилась» напряжением... Малоприятная для нас с Севером беседа ничего хорошего не предвещала. Но Караффа, видимо, имел какую-то свою (как всегда, неизвестную остальным) цель, которую открывать пока явно не собирался.

— Скажите, Север, если мадонна Изидора Вам так ценна, почему же Мэтэора не пытается сохранить её, упрятав в толще своих «волшебных» стен?

— Потому, что к нам приходят лишь по своему желанию. Мы предлагали ей, но Изидора не пожелала остаться.

Караффа резко повернулся в мою сторону. На его лице было написано величайшее удивление...

— Значит, это правда?!.. Вы ***сами*** *не пожелали остаться?*

— Я уже говорила Вам это, но Вы мне не поверили, — как можно равнодушнее пожала плечами я.

Папа явно был ошарашен. Он не в состоянии был понять, как это я, со всей грозящей мне с его стороны опасностью, не захотела защититься?!. Не говоря уже о возможности изучать скрытые в Мэтэоре Знания...

— Скажите Север, сколько Вам на сегодняшний день лет? — повернувшись к Северу, прямо, как говорится, «в лоб» спросил Караффа.

— Девятьсот шестьдесят три от рождения вашего липового господа, — спокойно ответил Север. — Другого летоисчисления ты не знаешь, я думаю...

— А выглядите Вы на тридцать... — не обращая внимания на колкость, тихо произнёс Папа. — Вот как раз это-то я и прошу у мадонны Изидоры!..

— И она совершенно права, не давая то, о чём ты просишь. Преступники не имеют права жить долго, Караффа. Особенно, такие, как ты… Ты ведь не будешь раскаиваться о содеянном, проживи ты хоть тысячу лет, не правда ли? Да и смысла в этом нет никакого. Ведь твой Бог находится в твоей душе, Караффа... А чернее души, чем твоя, на свете не существует. Поэтому, сколько бы ты ни жил — ты до конца будешь творить чёрное и злое.

— Ну, это мы ещё посмотрим!.. — задумчиво произнёс Караффа. — Это мы ещё посмотрим... Как бы мадонна Изидора ни была сильна, она очень любит свою дочь, не правда ли? Ну, а материнская любовь иногда делает чудеса, знаете ли!

Тут до сих пор молчавшая Анна вышла вперёд и как можно спокойнее произнесла:

— Пока что у тебя одни разговоры, Караффа. Делай своё дело, или не говори того, чего делать не собираешься! Не очень это подходит самому Римскому Папе...

— Анна!!!

Крик у меня вырвался непроизвольно... Так как я точно знала — если моя дочь попадёт в подвал, оттуда она живой не выйдет. Всё будет кончено... И для неё... и для меня.

— Ну, что ж, Изидора, решайте! Анна сама напросилась на это. Хотите ли быть свободной и спокойно растить свою прекрасную дочь, или же её жизнь закончится прямо сейчас... В подвале.

Я в надежде обернулась к Северу — он напряжённо что-то решал...

— Скажи, Караффа, неужели тебе не страшно? Ведь после смерти ты будешь жить снова... Ты знаешь. С той лишь разницей, что жизнь твоя не будет больше столь приятной. Неужели это не заставляет тебя хотя бы подумать?

— О, дражайший Север, по сравнению с попыткой достичь бессмертия ***сейчас*** *— это всего лишь мелочь. Я поставил на карту всё! И я добьюсь желаемого любым путём. Включая преступление...*

Я стояла, не в состоянии думать... Не в состоянии принять никакого решения. В голове оставалась одна-единственная мысль — ***вот и всё...*** *Я никогда более не увижу мою дивную, смелую девочку! Караффа потерял своё железное терпение, и события будут происходить прямо сейчас... Не откладывая на будущее.*

Анна смотрела мне прямо в глаза и... улыбалась. Я знала — она пыталась меня успокоить!.. Хотя в душе её в то время, дико визжа, бился о стены животный страх. Я это чувствовала и не могла помочь... Ибо считала, что не могу предать ни её, ни себя. Ни умерших. Не могу предать остальных одарённых, изо дня в день живших в ужасе, в ожидании чудовищной смерти!..

Я должна была уничтожить Караффу... До того, пока он полностью не уничтожил Землю. Мы были всего лишь пылинками, я и моя дочь, по сравнению со всеми, кто был им уничтожен. Души одарённых, ушедших в мучениях, каждую ночь звали меня, требуя мщения... Наши с Анной жизни не имели значения. Но при всём при том, я не могла позволить Анне так просто умереть. Не могла смириться с её уничтожением...

— Попытайся удержать его, Изидора, — услышала я прямо в своём мозге. — Я пойду к Владыко.

И Север исчез, резко растаяв... Видимо, его последние слова слышала только я, так как Караффа несколько секунд оторопело смотрел на место, где только что стоял Север. Но, как обычно, очень быстро очнувшись, он удивлённо произнёс:

— Он что же, Вас так просто бросил?.. А как же дружба с Вами? Или в Мэтэоре не знают, что это такое?

— Нет, ваше святейшество, знают. И как раз это-то он пытается сейчас доказать.

Караффа стоял какое-то мгновение в глубоком раздумье, как бы пытаясь для себя решить, что с нами делать дальше. И вдруг, резко повернувшись, крикнул:

— Стража!

В комнату ввалились двое крупных стражников.

— Отвести её в подвал!

Стражники резко схватили Анну под руки и потащили к двери.

Ну, вот и всё... Холодея, подумала я. Но до конца ещё было далеко. Анна резко выпрямилась, и... оба огромных стражника, пушинками пролетев к двери, тяжёлыми мешками грохнулись на пол.

— Так, так, так... — пронзительно глядя на Анну, прошептал Караффа, — Она воистину Ваша дочь, мадонна. Ну, что ж, попробуем по-другому. — И, хлопнув руками, подозвал новых стражников. — — Отведите девушку в мои апартаменты и не спускайте с неё глаз! — резко приказал Караффа.

Что он собирался делать на этот раз, я пока что не понимала. Надо было что-то предпринимать, как-то бороться... Но как я могла бороться, не понимая, с чем? Караффа что-то задумал, чтобы избежать воздействия Анны. Но что?.. К сожалению, это было известно лишь его изощрённому мозгу. Я же стояла в ступоре, не в состоянии решить дальнейшее. И лишь надеялась, что, возможно, скоро появится Север...

Но Север не появлялся. Подошла ночь. Я не находила покоя, воображая самое худшее. И лишь одна единственная надежда, что Анна ещё жива, билась в моём воспалённом ужасом мозге — Караффа собирался мучить её, чтобы сломать ***меня****. Поэтому для него не было никакого смысла мучить Анну тайно. Он хотел доставить боль* ***именно мне****, и это давало крошечную надежду увидеть её ещё хотя бы раз...*

Наступило утро. Не сомкнув за ночь глаз, я чувствовала себя разбитой и опустошённой... Неизвестность сводила с ума, не давая возможности расслабиться, не позволяя думать. На мои призывы Анна не отвечала — видимо, Караффа снова использовал свою защиту. Но в душе я точно знала — моя девочка всё ещё была жива... Караффа появился поздним утром. К моему удивлению, он выглядел напряжённым, будто готовая к спуску стрела. Его властные глаза смотрели внимательно и колюче, будто он прямо сейчас решал мою печальную участь.

— Пойдёмте со мной, мадонна! Вам придётся смотреть весьма неприятное представление. И в этом полностью Ваша вина, знаете ли!.. Я предлагал Вам подумать — Вы думали слишком долго. У меня нет больше времени. Сожалею...

Караффа был почему-то сильно раздражённым. Что-то беспокоило его острый ум, но это не было страхом неполучения желаемого. Это было что-то другое, чего я никак не могла уловить... Но он явно злился и нервничал, не давая мне время сообразить. Мы спустились в знакомый подвал, в котором всё было точно по-прежнему. Так же кричали люди... Так же пахло смертью… И точно так же стыла от ужаса в жилах кровь.

— Перед тем, как мы туда войдём, я хочу спросить ещё раз, Изидора, не изменили ли Вы своё решение? — Впившись в меня своими чёрными глазами, прошептал Караффа. — Я не хотел бы мучить Анну. Её жизнь ценна, неужели Вам её не жаль?

Собрав в кулак всё, что оставалось от моего побитого мужества, я постаралась успокоить дрожащий голос, собираясь отвечать. Приходило состояние обморока. Тело не слушалось. Бессилие убивало... Я панически боялась увидеть то, что пряталось за тяжёлой дверью... Ибо не была уверена, что перенесу то, что уготовил мне «святейший» Папа.

— Да, Святейшество, конечно, мне жаль Анну... — В ответ прошептала я, — Так же жаль, как и те загубленные чудесные жизни, которые уже ушли. И которые ещё уйдут... Я не в состоянии понять Вас, Караффа. Да и никто, думаю, не понял бы... Но Вы можете мне поверить — за всё содеянное Вам придётся очень горько платить.

— О, милая Изидора! Это ведь будет не сегодня! — Рассмеялся Караффа. — Ну, а что будет после — об этом я буду думать тогда, когда оно придёт. — И, повернув заржавевший ключ, Караффа медленно толкнул тяжёлую дверь...

Моему глазу открылась леденящая душу картина — посередине небольшой каменной комнатки, на странном железном кресле, прикованная цепью сидела Анна... Сердце стукнуло... и застыло. Как же я могла допустить такое?!. Но воспалённый мозг твёрдо ответил — могла!!! У меня нет другого выбора. Анна смотрела мне в глаза, не пугаясь и не умоляя. Эта девочка проявляла намного больше мужества, чем его имела в тот момент я сама.

— Не сдавайся! Только не сдавайся, мама! — услышала я.

Анна говорила со мною мысленно, стараясь меня поддержать. Она боялась (зная, насколько я её люблю), что я не выдержу. Боялась, что Караффа получит то, чего так сильно желает. И тогда всё пережитое нами окажется напрасным.

— Ваша дочь так же воинственна, как Вы, мадонна. Мне пришлось заменять восьмерых палачей, чтобы связать её! Пришлось напоить её маковым отваром, чтобы усыпить... Пожалейте её, Изидора!

Грузный палач в кожаном нагруднике готовил какие-то страшные инструменты. Видимо, для пыток моей любимой дочери... Моей милой и светлой девочки. Сердце стыло... Казалось, мир стал сплошной единой болью. Ничего больше не чувствуя, я просто перестала дышать...

— Очнитесь, мадонна! Да что с Вами такое? Очнитесь!..

Взволнованный Караффа держал передо мною пахучую соль, время от времени поднося её к ноздрям, заставляя меня поневоле вдыхать спёртый подвальный воздух. Я чувствовала, что похожа на восковую куклу. Это было плохо — Караффа прекрасно понял, что это было именно то, чем он, возможно, мог меня сломить. И платить за это, естественно, приходилось Анне....

— Неужели Вы надеетесь, что, живя долго, Вам когда-то удастся выкосить всех одарённых? — Достаточно очнувшись, тихо прошептала я. — Это ведь просто желаемый бред, святейшество! Люди рождаются... И так же рождаются одарённые. Вам никогда не удастся их уничтожить! Одумайтесь, пока ещё не поздно. У Вас ведь дивный ум, почему Вы направляете его на уничтожение?

Караффа задумчиво теребил тяжёлый золотой крест, висящий на его папской груди. Казалось, он ушёл далеко из привычного мира в какие-то незнакомые дали... К сожалению только, он никуда не уходил надолго...

— Как я уже Вам говорил ранее, Изидора, в большинстве своём люди глупы. Посмотрите вокруг — множество трусов и лентяев, которые отдадут всё, лишь бы остаться в стороне, чувствуя себя безопасно и защищённо.!.. Они верят, что живут в вере и правде, целыми днями живя в безделье, наслаждаясь счастьем своего мизерного личного мирка. Они прячутся за спины мужественных и сильных, которых, использовав полностью, тут же сами и уничтожают. Чтобы делать подлость, ум не требуется, Изидора... — криво усмехнулся «святейшество» и, чуть помолчав, добавил:

— Но, к сожалению, есть ещё другие... Те, кто всегда стоят впереди, жизнь которых ложится светом, указывая путь остальным... Те — невероятно опасны! Они не думают так, как желают другие. Они несут свой проклятый свет, невзирая на опасность, не жалея жизни... Вы именно из них, Изидора. Так же, как и Ваша милая дочь, Анна. Потому, если уж быть до конца откровенным, я никогда не смогу отпустить Вас, даже если Вы дадите мне то, что я у Вас прошу... Вы останетесь здесь и будете королевой... если подчинитесь мне. Или узницей, если не согласитесь. Я не могу дать Вам свободу... Несмотря на то, что Вас люблю.

Я смотрела на него онемев, полностью утонув в сумасшествии его рассуждений. Хотя в чём-то Караффа был, к сожалению, прав... На земле слишком много жило трусов и подлецов. Потребительство процветало, поглощая брошенные им «кости» личного довольства. И как раз-то это Караффу устраивало... Это была толпа, которая была неопасной. Ну, а Анна и я относились ко второй, именно ***опасной*** *категории.*

— Ваше святейшество, если Вы понимаете, что таких, как я не сломить, почему же Вы всё же пытаетесь? Анна ведь очень талантлива. Почему же Вы не хотите её сберечь? Она могла бы Вам во многом помочь. Зачем же Вы её убиваете?

— Потому, что ***Вы*** *являетесь моей единственной надеждой при достижении желаемого, Изидора. И, в таком случае, Анна — мой единственный ко-*

зырь, который (Вы уж поверьте!) я без смущения пущу в оборот. Желаете ли подумать, мадонна?

У меня сильно закружилась голова — сколько раз я намеренно представляла себе это мгновение, чтобы как-то к нему приспособиться и выжить!.. Сколько раз я пыталась просто «привыкнуть» к этой мысли, чтобы (когда это случится) не сойти полностью с ума!.. Но, как бы я не старалась — реальность оказалась намного страшнее... Кое-как собравшись, мёртвыми губами я произнесла слова, которые преследовали меня всю мою короткую оставшуюся жизнь... И которые я никогда после не смогла забыть даже там, в моём далёком новом мире...

— Я уже дала Вам свой ответ, Ваше святейшество... Анна не стоит миллионов других хороших жизней, которые Вы уничтожите, останься Вы жить долго... Я не могу предпочесть её миллионам... несмотря на то, что она моя дочь.

— Вы сумасшедшая, Изидора!.. — Резко произнёс Караффа и, повернувшись к палачу, добавил: — Начинай!

В глазах Анны кричал оголённый ужас. Я знала, как ей было страшно... Но, несмотря ни на что, моя девочка не сдавалась. И я не могла её предать, уступив Караффе... Человек подошёл к пыточному креслу и занёс над руками Анны, раскалённый докрасна тяжеленный прут. Послышался запах палёного мяса. Анна дико закричала. Тут же мучитель схватился за сердце и медленно сполз на пол.

— Прекратите, Изидора! Или я буду вынужден выставить Вас за дверь! — заорал Караффа.

— Но это не я, святейшество! — Измученно улыбнулась я. — Анна сильнейшая Ведунья. Неужели же Вы предполагали, что она будет сидеть спокойно, пока Вы будете её пытать?

Я гордилась своей отважной дочерью, даже зная притом, как она страдала. В Анне жило отцовское мужество, и она не собиралась отдавать свою жизнь легко — она старалась забрать с собою как можно больше нелюди, причинявшей боль другим одарённым.

— Значит, это снова Анна? Но она не должна была?.. Мы напоили её травами, которые закрывают выход её силы? Как же это могло случиться?!

Караффа проговорился... Он бесился! А я рассмеялась ему в лицо, сразу поняв, что здесь по-настоящему случилось.

— Ваше святейшество, Вы послушали кого-то из «сломавшихся» одарённых, не так ли? Но ведь они не знали, как по-настоящему сильна Анна. Это знали Вы. Так что не стоит возмущаться напрасно!

Караффа остановился прямо передо мной и взбешённым голосом прокричал:

— Может ли Анна выходит сущностью из тела? Отвечайте, мадонна!

— Ну, конечно же, Ваше святейшество! Это самое простое из того, что она может.

Это было ложью... Но если такая ложь могла спасти мою девочку от страданий — я готова была повторить это снова, хоть тысячу раз!

Караффа минуту напряжённо о чём-то размышлял.

— Ну, что ж, мадонна Изидора, вот всё и решилось. Мучить Анну бесполезно. Она перебьёт всех моих палачей, а это, извините, меня не устраивает. Она будет повторять штучки своего Деда, а у меня просто нет на это времени. Вы проведёте эту ночь вместе с дочерью, но это будет последняя ваша ночь вместе, так как утром Анна умрёт. Она пойдёт на костёр... У Вас остаётся одна ночь, чтобы изменить своё решение, мадонна.

Резко повернувшись, Караффа вышел из комнаты...

Нас забрали из пыточной кельи и отвели в какую-то тёмную, грязную «клетку», в которой не было ничего, кроме постеленной на полу соломы, рухнув на которую, мы намертво вцепились друг в друга, будто это могло помочь нам выжить... Надежды не было. Оставалось лишь отчаяние и безысходность.

Я держала в объятьях своё сокровище, свою единственную, дивно одарённую девочку, и горевала... Если бы только Анна осталась в Мэтэоре!.. Никакая сила Караффы не могла бы её там достать!.. Но она не осталась... Боясь за меня, она пришла, предлагая свою жизнь... взамен моей. Зная, что таким образом даст мне какое-то время, чтобы попытаться убить Караффу...

Перед моим взором вспышками проносились образы нашей короткой жизни, проведённой в доме её отца и деда, где я так настойчиво и упорно учила Анну быть сильной!.. Где столько раз повторяла, как прекрасна жизнь, и какой она будет у неё счастливой... Но я ошиблась... Жизнь Анны кончалась прямо сейчас. Не дав ей почувствовать того же самого счастья...

Мы сидели в углу, на соломе, обнимая друг друга немеющими руками. Я гладила её спутанные, слипшиеся в крови, длинные волосы, зная, что делаю это в последний раз. Глаза были сухими, хотя сердце рвали рыдания. Думаю, боль была слишком сильной, чтобы омывать её слезами...

Крепко прижимая к себе Анну, я чувствовала, как быстро и безжалостно в «никуда» утекало время, унося последние часы её удивительно-отважной жизни. Ночь подходила к концу. И так же, как в ночь перед убийством отца, я каким-то образом задремала! Встрепенувшись, в ужасе вскочила, чтобы разбудить свою девочку. Но Анна не спала. Нежно гладя моё лицо своими изуродованными тонкими руками, Анна тихо шептала:

— Ты такая красивая, мама... Я тебя так сильно люблю!.. Прошу тебя, ты только держись, не сдавайся! Мне теперь всё равно... Это избавление. Там не будет больше боли. Так папа говорил мне. Я знаю, они ждут меня. А потом мы все будем ждать тебя. Держись, мамочка! Держись, родная!...

Её голос был надтреснутым и таким печальным!.. Я бы сто раз отдала себя, только бы она жила!.. Но, к сожалению, не мы распоряжались своей судьбой — ей распоряжались лживые и злые...

— Мама, ты простишь меня, что не смогла помочь тебе?.. Я так старалась... но у меня не получилось, — прошептала Анна. — Я так виновата перед тобой!..

Чья-то злая невидимая рука сдавила горло — я не смогла ответить. Моя душа кричала, но никто не слышал... Как могла я пережить такое?!! Как могла наблюдать, как уйдёт из жизни то единственное, что у меня оставалось — моя дивная девочка? Моя кровинка, давшая людям столько счастья, сколько другие не успевают дать за всю их длинную жизнь? Какое ***ЗЛО*** *причинила она Земле, чтобы быть так зверски убитой? Мой светлый, чистый ребёнок, не успевший даже понять, что такое* ***ЖИЗНЬ****?*

— Мама, смотри — солнце!..

Огромные глаза Анны сияли... Я поняла — она пересилила ужас и боль. Перешла тот рубеж, после которого не остаётся более страха. Она старалась уйти достойно. Как просил её Дед, как он сам уходил...

— Уничтожь его, мамочка! Ты теперь осталась одна. Возможно, тебе поможет Север. Караффа не имеет права жить. Уничтожь его, мама.

В дверях появилась стража. Анна встала, гордо тряхнув своей длинной гривой, и впилась на мгновение в моё лицо своими горящими глазами.

— Всё хорошо, мамочка. Я не боюсь... Не боюсь совсем! Они трусы. Они ненавидят нас и потому сжигают. Я люблю тебя, мама... Очень сильно люблю тебя!..

На пороге стоял Караффа...

О, как же сильно я его ненавидела!!! Если бы ненависть могла убивать, его давно не было бы в живых!.. Но он жил... А я умирала.

— Я так полагаю, Вы остаётесь при своём мнении?! — Посмотрев мне в глаза, спросил «святейший» Папа и, чуть подумав, добавил: — Встряхнитесь, Изидора, это ведь ***Ваша дочь*** *идёт на костёр! Да что с Вами, мадонна?!..*

Я снова лежала на чьих-то руках, не понимая, что происходит. Моё бедное сердце грозилось остановиться совсем, не в состоянии выдержать такую боль... Анна печально смотрела мне в глаза, стараясь поддержать... ***Она*** *меня успокаивала!!!*

— Где же Ваше сердце, мадонна? — Плохо скрывая горечь, спросил Караффа. — Неужели Вы столь плохая мать?

— Оставь её в покое, Караффа, свою судьбу решаю я сама! — гневно крикнула Анна. — Она никогда не исполнит твою просьбу, как бы ты этого не желал! Убирайся!

Лицо Караффы исказила гримаса бешенства. Резко повернувшись к выходу, он шипящим голосом произнёс:

— Что ж, я не должен быть лучше, чем Вы! Это Вы — мать, отдающая на смерть своего ребёнка... Вы ужасны, мадонна!..

Это было именно то, что я в данный момент так горестно ощущала! Ведь, спаси я Анну, она никогда не простила бы. Но, отдавая её на костёр, я, как мать, предавала её. Был ли какой-то выход из этого заколдованного круга?.. Выхода не было. Просто мне искренне начинало казаться, что все, кто боролся, кто верил, в ком так ярко горела истина, почему-то гибли сотнями, будто некому было их спасти... Я вспомнила Магдалину... Радомира... Весту... Как же сильно мешали они Думающим Тёмным!.. И какой ненавистью горели сердца убийц, уничтожавших их Светлые Жизни.

— Мама! Очнись же, мама!.. — прозвучал взволнованный голос Анны — Ты в порядке, мамочка?

Я лишь кивнула, поняв, что должна идти. Экипаж, в котором везли меня, был комфортным и мягким. Тот же, в котором везли бедную Анну, был сбит из грубых досок и чуть обтёсанных брёвен. Грубыми верёвками привязанные к шершавым доскам, её руки каждую секунду тёрлись о них, и я видела, как шипы то и дело вонзались в её искалеченную кожу, причиняя сильную боль. Но Анна лишь улыбалась... Её сознание было давно за пределом реальности, далеко-далеко, где боль уже не имела значения, так как не могла её достать...

Наконец мы подъехали к маленькой площади, на которой несколько месяцев назад погиб мой отец... Память об этом дне всё ещё ярко жила в моей душе, не желая стираться... И сегодня к этим скорбным воспоминаниям присоединялась Анна! Я не могла поверить такому!.. Не могла принять ни умом, ни сердцем!.. Но происходящее жило. Оно было реальным в лице Караффы.

— Что ж, Изидора, я полностью Вами разочарован. Вы не то, что я себе представлял. И Вы не стоите того, чтобы Вас любили...

Обжёгши меня ненавидящим взглядом, Караффа взмахнул рукой, приказывая начинать.

Я смотрела на страшное «представление», ничего не чувствуя и не соображая... Казалось, кто-то «выключил» все мои чувства, пожалев умиравшую душу... Кто-то хотел, чтобы я всё ещё была жива.

— Прости меня, Изидора, я проиграл... Я не могу помочь вам, Владыко мне отказал, — тихо произнёс ласковый голос.

За моей спиной стоял Север. Я лишь кивнула, не в состоянии ничего сказать. Последняя надежда исчезла. Анне оставалось достойно умереть...

Я смотрела на неё, желая запомнить каждую чёрточку её чудесного лица. Окаменев и оглохнув, я впитывала её свет, который лился золотым потоком, заполняя всех окружавших... Неожиданно, будто почувствовав его, люди затихли. И через коротенькое мгновение площадь взорвалась бурными криками:

— Пожалеть её!!! Спасти её молодость!.. Отпустить девочку!!! Убийцы! Пожалейте ребёнка!..

Во мне уже было возродилась хрупкая надежда на спасение, но Караффа тут же безжалостно её обрубил. Сердито махнув рукой, он дал приказ начинать казнь. Анна стояла у столба светлая и чистая, будто её не касалась угрожающая реальность. Не спуская с меня сверкающих глаз, она улыбалась...

— Держись, мамочка! Ни за что не сдавайся ему!.. — Анна мысленно обращалась ко мне. — Я всегда буду любить тебя... Даже там. Не забывай меня, мамочка!..

Сердце билось в железных тисках, воздуха не хватало... Казалось, я собиралась уходить вместе с Анной, не в состоянии выдержать далее такую боль. Но я даже не подозревала ещё, какой эта боль будет бесчеловечной...

— Прости меня, мама, но ты должна будешь помочь мне. Я не смогу уйти сама... Ты поможешь мне, мамочка?

Вдруг всё окружающее куда-то исчезло — осталась только моя любимая девочка, которая, к моему ужасу, просила у меня помощи, чтобы уйти... Что означало — просила, чтобы ***я убила её, остановив бьющееся сердце.*** *Земля ушла у меня из-под ног — физическое тело отказывало в повиновении... Я испугалась, что умру, не исполнив дочернюю просьбу! Анна не могла помочь себе сама. Оставалась я, чтобы избавить её от мук, от которых не было другого спасения...*

Палач подошёл к костру, поджёг сухую солому... Пламя вспыхнуло легко и победно, весело перебегая всё выше и выше, грозясь охватить беспомощное тело...

— Прощай, мамочка!.. — крикнула Анна. — Прощай, милая!

Я попыталась ей помочь — почему-то не получалось! Обругав себя за малодушие, я попыталась снова. Анна смотрела на меня, объятая пламенем и мысленно умоляла:

— Мама, помоги мне! Мама!!!

Я ещё раз собрала все свои последние силы — в то же мгновение её хрупкое тело беспомощно повисло на верёвках...

Моя дивная дочь, моя светлая девочка была мертва. Я убила её, открывая ей путь в желанную вечность... Больше я ничего не помнила.

Дни сменялись днями... Я болела...

Сознание постоянно проваливалось в небытие, то на мгновенье возвращаясь, то угасая на долгие часы, будто спасая меня этим от полного безумия. Часы покоя сменялись часами бреда... В коем знакомые образы сменялись образами чужими, заставляя мою душу кричать и корчиться, ища убежища... Иногда казалось, что я наконец-то ушла... Появлялись милые лица — отца, Джироламо, Анны... Они улыбались мне, будто помогая выжить. Иногда вставал перед взором образ Караффы. Он почему-то всегда был сильно взволнован... Его чёрные глаза пожирали меня, будто ища ответа.

Наконец, через какое-то время, жар стал отступать. Дни казались более ясными, состояние бреда исчезло. Самое страшное вроде бы было позади. Но так думали остальные... Для меня же самым страшным было пробуждение — воспоминание того, что так безжалостно швырнуло мой воспалённый мозг в одинокий остров затмения. Я вспомнила смерть Анны — безграничная боль тут же хлынула водопадом в иссохшую душу!.. К моему удивлению, боль ***ОЖИВЛЯЛА****!.. Видимо, все остальные чувства в моей душе просто давно были мертвы.*

Однажды я услышала самый желанный для меня на свете голос:

— Мама!.. Ох, мамочка, как же я за тебя боялась!..

Это был мой милый ребёнок... Моя Анна!

К своему сильнейшему удивлению, я хотела увидеть Караффу!.. Видимо, замученное бедами и страданием, моё сердце желало ожесточиться. И, как обычно, мне не пришлось ожидать слишком долго... Было тёплое, светлое утро. Через открытое окно пахло жасмином. Солнце светило ласково и гордо, будто говоря, что пришло время возвращаться к ***ЖИЗНИ****. Я лежала, пока что беспомощная, но быстро набирая силы, чего и требовала моя последняя и, теперь уже единственная, цель... Совершенно бесшумно открылась дверь — в комнату тихо вошёл Караффа... Но что такое страшное могло с ним за это время случиться?!. Лицо Папы было измождённым, старым и осунувшимся, глаза казались воспалёнными... Караффа выглядел постаревшим на целых двадцать лет!!! Что стряслось, чтобы так его уничтожить?..*

— Наконец-то Вы очнулись, мадонна?! Хвала господу! Я уж не надеялся увидеть Вас в живых!.. Мои врачи отчаялись! Все говорили, что Ваш мозг ушёл в темноту... Что Вы никогда более не вернётесь. О, я так рад! Здравствуйте, мадонна!..

Ошарашенная таким потоком бурного восторга со стороны Караффы, я не могла произнести ни слова. Неожиданно Папа сильно засуетился и, буркнув, что появится позже, выскочил из комнаты... Что это означало? Было ли это доказательством того, что он искренне волновался за моё здоровье?.. Или он просто боялся, что, умри я сейчас, и его мечта никогда не осуществится?.. Думаю, только он сам был в состоянии понять себя. И, решив не ломать голову по поводу его персоны, я снова погрузилась в спасительный сон.

Сколько дней продолжался мой уход в «междумирье», я не знала… Были ли это дни, или недели?... Да и какое это имело значение?.. Самое важное было то, что это помогло мне пережить потерю моей девочки и не сломаться. Всё остальное было неважно. Теперь я была совершенно одна, и волноваться за кого-то из родных причины не было. Они все ушли в лучший мир, убитые Караффой... Я могла полностью отдаться мести, не боясь последствий, так как убить он мог теперь только меня.

Неожиданно произошло ужасное!.. Стелла, Изидора, Анна и всё, меня окружавшее, куда-то исчезло!!! С ощущением, что меня втягивает большой

пылесос, я оказалась в своём привычном физическом мире, где взволнованно ждала возмущённая бабушка... Я по привычке прыгнула в своё брошенное физическое тело... то есть — попробовала впрыгнуть... Ощущение было пренеприятнейшее! Будто моя несчастная сущность с размаху врезалась в холодный, железный барьер... Я с перепугу крикнула и тут же уставилась на бабушку.

— Почему-то я не могу войти! Что-то меня не пускает!..

Это, правда, было очень страшно. Я видела своё застывшее физическое тело, которое просто-напросто **не хотело меня принимать**!.. Я знала, что **не была мёртвой,** но почему-то никак не могла вернуться.

— Бабушка! Ну, помоги же!!! — Уже испугавшись не на шутку, закричала я. Вернее, закричала моя сущность — кроме бабушки, никто этого не услышал.

Понемногу «дверь» в физическое тело начала открываться, и я наконец-то плавно вскользнула в то, что на Земле называлось **МНОЮ**...

— Ну, что — уходить собралась? Надоело бремя нести? Не получится, милая. Твоя жизнь ещё очень долгой будет. Так что — живи!

Я видела, что бабушка сильно обеспокоена, что случалось очень нечасто. И никак не могла понять, что вызвало её тревогу. По этажам я ходила чуть ли не каждый день, и это никогда не доставляло никаких неприятностей. Что же должно было произойти, что заставило её так сильно волноваться?..

— Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? — чуть сдерживая возмущение, спросила бабушка.

Я отрицательно мотнула головой. Когда бабушка поднесла прямо к моему носу часы, я ужаснулась — мои путешествия заняли целых **ПЯТЬ ЧАСОВ**!!! Никогда я не гуляла так долго!.. Правда, я ещё не понимала, почему это было плохо, но по ощущениям в физическом теле было ясно, что я очень близко подошла к какой-то черте, за которой, для меня всё могло закончиться очень и очень плохо... Тело было необыкновенно холодным, будто меня сунули в холодильник. Оно не хотело слушаться, не хотело согреваться. Бабушка потащила меня в нагретую чуть ли не до кипения ванну (у нас в то время ещё не было центрального отопления, и вода нагревалась на плите), видимо, приготовив её ещё до того, как я пришла. Я стучала зубами от странного внутреннего холода, не в состоянии произнести ни слова. Странный холод становился всё сильнее, хотя, казалось, всё должно было быть наоборот. Видя мои напрасные попытки ей что-то сказать, бабушка наконец-то тепло улыбнулась:

— Ладно, молчи, путешественница... Только знай — когда будешь одна, никогда не ходи так надолго. Ведь, если бы я тебя не поддержала, ты бы уже была мертва...

У меня пробежали по телу ледяные мурашки! Как же так — значит, я не могла ходить на этажах, сколько пожелаю?!. Значит, моё тело имело ограничения, и было определённое время, что я могла находиться вне его? Но бабушка раньше никогда мне об этом не говорила!..

Подержав меня в горяченной ванне около десяти минут и насухо вытерев, бабушка уложила меня в постель, накрыв всеми одеялами, что находились в доме. Мне всё равно было холодно...

Очень скоро всплеском поднялась температура. Видимо, она была очень высокой, так как вызвала сильный бред. Я сама этого уже не помнила, всё намного позже рассказала моя верная бабушка. Жар и бред продолжались два дня. Мама думала, что я сильно простыла. Ну, а бабушка, естественно — молчала...

Через два дня жар наконец-то спал. Очень хорошо выспавшись, я проснулась свежей, как огурчик, полностью готовой на новые подвиги... И вот тут-то я вспомнила всё, что происходило на этажах во время моего неожиданного из них «ухода», и всё, что услышать я уже не смогла!..

— Бабушка!!! Бабуля, родная, мне надо обратно!!! — Не своим голосом заорала я.

Мне было до ужаса обидно и горько, что всё произошло так глупо! Как же так, ведь Изидора наверняка уже ушла, и теперь я никогда не услышу её рассказ! Никогда не узнаю, что же произошло с ней, с Караффой!.. Как же я могла пропустить **ТАКОЕ**!!!

— Бабушка! Родненькая, миленькая, помоги! Бабулечка!!!

Голос от волнения срывался. Я готова была расшибиться в лепёшку, обещать что угодно, только бы она мне помогла!.. Правда, я даже не знала — в чём, но я чувствовала, что она что-то знает. А значит — сможет как-то помочь.

Но бабушка не отзывалась, видимо, была где-то на дворе. Я попыталась встать сама, но комната сразу же закружилась, и я с размаху грохнулась на пол, не успев схватиться за кровать. Дела были плохи, я чувствовала себя очень слабой и понимала, что о путешествиях не могло быть и речи. Но горькая детская обида брала верх, и я наконец-то разрыдалась, забыв про своё «мужество и силу», которые постоянно пыталась себе внушать...

Вернувшись примерно через полчаса, бабушка нашла меня всю расстроенную и зарёванную в моей кровати. Она точно знала, что просто так я никогда не буду плакать. Поэтому, серьёзно посмотрев мне в глаза, она уселась на краешек кровати, и как всегда тихонечко произнесла:

— Ну, что там у нас, рассказывай.

Я постаралась как можно подробнее рассказать ей историю Изидоры. Она внимательно слушала, не прерывая и не поправляя, а когда я закончила, сочувственно произнесла:

— И теперь ты горюешь, что не узнала конца?

Я кивнула.

— Запомни, моя девочка — всё, что в жизни происходит, никогда не происходит напрасно. Видимо, для чего-то ей было нужно, чтобы ты её выслушала.

— Но я ведь ещё маленькая, что я могу? — Честно удивилась я.

— Но ты ведь вырастешь, и кто знает — может, это ты поможешь людям услышать об Изидоре?..

— Как же я помогу, если не знаю, что с ней дальше случилось? — Возмутилась я.

— Я помогу, милая. Только окрепни чуточку, и я тебе помогу, — очень спокойно ответила бабушка. — Только ты должна мне обещать, что не будешь там очень долго!

— Ой, а как же ты мне поможешь, если Изидора там уже всё рассказала? Я ведь опоздала уже! — огорчилась я.

— Не опоздала, милая. Я тебе помогу вернуться туда же, в то время, когда ты ушла, — преспокойно сказала бабушка.

Тут у меня, как обычно, посыпались вопросы!.. Но бабушка, не обращая на них никакого внимания, совершенно спокойно ответила, что можно ещё и не такое, но что мне ещё рано это знать... И, как бы усердно я её ни донимала, добиться мне так ничего и не удалось.

Через несколько дней утром, как только мама ушла на работу, бабушка хитро на меня посмотрела и серьёзно произнесла:

— Ну что, готова, путешественница?

У меня перехватило дух!.. Я не очень верила, что чудо могло случиться, но бабушка была моей единственной надеждой, и не попробовать я просто не могла...

Вдруг, бабушка со всей моей комнатой исчезли, и я оказалась **точно в том же месте и времени**, будто только сейчас из него ушла!.. Тут же ко мне кинулась пищащая Стелла:

— Ой, ну что же ты!.. Я думала, ты исчезла! А ты здесь!! Как хорошо! Пожалуйста, продолжай, Изидора!..

Стелла всегда оставалась собой... Даже когда происходило печальное и непонятное. И именно за это я её искренне любила.

Изидора лишь улыбнулась, тихо продолжая свою историю...

Всё ещё не в состоянии выйти из комнаты, я проводила свои дни в полном покое. Караффа почему-то больше не появлялся, и я решила, что он просто пока не решил, что ему делать дальше. Меня это полностью устраивало, так как давало возможность восстановить утерянные силы, которые были мне так нужны на борьбу с ним.

В основном я чувствовала себя очень странно... Боли не было. Вернее — не было ничего. Будто кто-то, меня пожалев, наглухо захлопнул все чувства в тёмную непроглядную комнату, которую открыть я сама не могла. Это было правильно — так было легче... У меня появилась надежда выстоять и отомстить.

Я очень хотела увидеть Севера, но и он почему-то не появлялся. Я скучала по его чудесным историям, грустила без его тёплой поддержки... Он стал мне

настоящим другом, а друзей у меня за это время почти уже не оставалось... Окружение было пугающим и холодным, без какого-либо намёка на человечность...

И вот, наконец-то, в один из чудесных солнечных дней Север явился. Он почему-то казался мне другим, только я никак не могла уловить, в чём. Жёсткий, и в то же время печальный, он долго и внимательно всматривался в моё лицо, как бы ища подтверждения, что я жива... Что буду ***ЖИТЬ****. Пока...*

— Я очень рада тебе. Здравствуй, Север!

— Покой твоей Душе, Изидора. Удалось ли тебе выстоять, мой друг? Прости за всю боль. Я не смог помочь тебе.

— Думаю, мне удалось выстоять, Север... Караффа больше не может испугать меня. У него не осталось ничего, чтобы сломать меня более. И потому я его сильнее. Теперь я буду бороться с ним, пока не уничтожу.

— Уверена ли ты, мой друг, что сердце не подведёт тебя? Ты стала такой спокойной и отчуждённой! — Север всё всматривался в меня, будто стараясь понять, жива ли ещё у меня душа.

— Успокойся, Север... У меня достаточно сил, чтобы жить до тех пор, пока живёт Караффа. Но я не хочу сегодня говорить о нём! Скажи, мой друг, можешь ли ты подарить мне сегодня очередной подарок — можешь ли рассказать мне о Видомире? Помнишь, ты обещал мне?

Он снова внимательно посмотрел на меня, но, увидев лишь искреннюю просьбу, облегчённо кивнул. Я знала, что его удивляет моё спокойствие. Но оно удивляло и меня... Будто я стала камнем, на котором писала теперь свою историю.

— Что ты хотела бы знать о нём, Изидора? — ласково спросил Север.

— Всё с того дня, когда он сумел избежать костра... — улыбнулась я — С самого рождения.

Север кивнул, и по его желанию «дверь» в прошлое снова для меня приоткрылась, начиная очередную, неповторимую историю...

— После того, как четверо беглецов сложили на горе Бидорте огромный костёр — знак для ожидавших в Монсегюре, — они, чуточку согревшись, продолжили нелёгкий путь, который должен был привести их к друзьям, в уединённый замок Уссон. Замок стоял, скрытый от любопытных глаз окружающими горами, и казался в то время самым подходящим, чтобы спрятать на время бесценного гостя.

Это было удивительное место, Изидора. И владельцы (сеньоры) замка были людьми столь же удивительными, как и сам замок. Особенно его сеньора, дама Эсклармонд (Esclarmonde de Usson). Да, да! Не удивляйся, мой друг, у катар в то нелёгкое время было целых ***пять*** *дам Эсклармонд! Говорили, что это имя приносит счастье его владелице. Правда, мне почему-то казалось наоборот... Но имя, и правда, очень красиво. Я расскажу тебе немного об Эсклармонд де Уссон... Она достойна того, чтобы о ней узнали. Именно правду, а не то, что*

о ней говорила церковь... — и, поймав мой вопросительный взгляд, Север печально ответил: — Да, мой друг... Это ещё одна печально-лживая история об удивительном человеке, женщине-воине, жизнь которой была необычайно отважной и светлой, и из которой «тёмные» позже создали отвратительный образ... Как и Магдалину, её сделали женщиной «лёгкого поведения», «сумасшедшей ведьмой», блуждавшей потерянно по окситанским горам... Нашёлся даже некий «брат Роберт», письменно подтверждавший инквизиции о встрече в лесу с обнажённой Эсклармонд, окружённой стаей белых волков... У которых были человеческие лица...[14]

Она была внебрачным ребёнком Раймонда Роже (Raimonde Roger), графа де Фуа (comte de Foix) и Аббатисы Эрмингарды. Имя ей дали — Эсклармонд де Алион (Esclarmonde d'Alion).

В те времена считалось совершенно нормальным для богатого сеньора иметь столько внебрачных детей, скольких он в состоянии был содержать. Разница между ними была лишь в том, была ли богатой и благородной мать ребёнка. Если она являлась благородной дамой, дитя усыновлялось или удочерялось отцом без каких-либо проблем. Как и случилось в данной истории...

Однажды, если не ошибаюсь, в ночь охоты на волков в лесах Арьежа, граф Раймонд заблудился, слишком увлёкшись погоней... После длительных поисков дороги домой, совершенно измотанный, он вдруг почувствовал, будто кто-то его тихо зовёт, и увидел прямо перед собой очень высокую, белую каменную стену... Это оказался всем известный Арьежский женский монастырь.

Потребовав привести к нему Аббатису, граф рассчитывал получить приют на ночь. К нему вышла высокая, обворожительная молодая женщина, это и была Аббатиса монастыря — Эмергарда...

Граф Раймонд всю свою жизнь слыл большим поклонником женской красоты. Одним из его прозвищ даже было — Раймонд Любимый («Raimond the Beloved»)... Ну и, конечно же, милая Аббатиса не осталась им незамеченной... На следующее утро у Аббатисы Эмергарды осталось о нём лишь приятное воспоминание, и голова убитого им огромного волка, висящая на дверях монастыря...

Так как Эмергарда, была благородных кровей, очень скоро ей пришлось покинуть монастырь и уехать в свои родовые земли в Телхо, чтобы переждать там компрометирующие её подступающие роды. А ещё через несколько месяцев у неё родилась двойня — очаровательные девочка и мальчик. Бедная Эмергарда, так и не увидев своих малышей, во время родов скончалась. Узнав о детях, Граф Раймонд, конечно же, не заставил себя долго ждать, взяв новорождённых полностью под свою опёку. Он поселил их вместе с нанятой няней и кормилицей в одном из своих многочисленных замков. К несчастью, ровно через год, при осаде замка Миропуа (Miropoix), тяжело раненный граф Раймонд скончался.

[14] Подробно об удивительной жизни Эсклармонд де Уссон можно будет прочесть в книге «Дети солнца».

Дети росли очень сильными, смышлёными и красивыми, чем вызывали восторг со стороны одних родственников и некоторую зависть со стороны других, так как огромное семейство де Фуа-Миропуа-Перейлей, роднёй которых дети теперь являлись, не очень-то жаловало прибавление слишком красивых и слишком умных незаконнорождённых родственников. Поэтому, дабы убрать детей на время с глаз подальше, мальчик был отправлен учиться в монастырь (чтобы позже соответствовать своему положению в обществе), а девочка была поселена в поместье Белпеш (Belpech), под присмотр верного вассала графа Раймонда, уже стареющего Раякса (Raiax)...

Так звучит ***официальная версия*** *жизни Эсклармонд де Уссон, которую рассказывает святейшая церковь... и местные нотариусы по просьбе интересующихся, если таковые находятся…*

Настоящая *же жизнь этой необыкновенной девушки, потом — удивительной женщины, была (как ты уже поняла!) чуточку иной... Только об этом, к сожалению, сегодня не пишут в «официальных» письмах и документах... А всё то, что когда-то писалось, давным-давно уничтожено слугами церкви, ибо боялись они, что поверят люди старым легендам и пойдут искать* ***правду*** *об удивительной женщине-воине, всё ещё прочно живущую среди её родных окситанцев...*

Легенды называли её ***живым Храмом Древних Богов...***

Друзья — ***Аватаром Древних.***

Ну, а для церкви она являлась ***воплощённым Антихристом, голубоглазым Дьяволом*** *или просто — Ведьмой... За неё обещалась церковью большая награда, только бы не видеть более её живой...*

Ну, а катары, особенно «старые», восхищались её отвагой, гордились удивительной смелостью и любили её большое, чистое сердце, что дарило каждому свет и покой...

— Откуда у тебя такие подробности, Север? Ты говоришь так подробно, будто знал её? — не выдержав, спросила я.

— Только несколько человек знали правду её рождения, Изидора. Среди этих нескольких был и я, пришедший когда-то в момент её рождения, «порадоваться» за её Жизнь... Она была ***Боевым*** *Магом... Не наученным, а* ***родившимся с таким редким даром.*** *Я нарёк её — Рада (радостная, дарящая Ра). Тогда никто ещё не знал, какой непредсказуемой и сложной будет её Судьба.*

С самого начала своей жизни девочка была умной и цепкой. Будучи ещё совсем малюткой, Эсклармонд уже могла общаться с давно погибшими воинами. Могла, не касаясь, передвигать тяжелейшие предметы, говорить мыслями... Она была очень талантлива, и сама искренне этим гордилась. Я навещал её изредка, чтобы направить её учение в нужное русло. И каждый раз искренне удивлялся, насколько быстро и правильно работал мозг маленькой Эсклармонд!.. Она всегда тянулась к новым, незнакомым ей Знаниям. Она хотела знать ***ВСЁ*** *и* ***СЕЙЧАС****, вне зависимости от того, как тяжело или сложно это*

познание ей давалось!.. Старый Волхв Раякс, приставленный к девочке почти с самого её рождения, не успевал отвечать на вечные «почему?». Даже при всём старании, она всегда его опережала...

Шли годы... Эскламонд взрослела. Из забавной кудрявой девчушки она превратилась в красавицу девушку, силой и мудростью удивлявшую даже самых древних. Она стала бесстрашным воином, «дикой охотницей», как её называли чужие... Солнечным воином, как называли её свои...

То было время страшных человеческих пожарищ, изнуряющих осад и долгой, кровавой войны со «слугами Бога». И Эскламонд рьяно боролась за свою Окситанию. Отчаянно, всеми силами, любым оружием, которое находилось в её распоряжении. Граф Миропуа, очень её любивший и искренне боявшийся за свою неугомонную родственницу, пытался как-то успокоить воинственную Эскламонд. Но, слыша его слова, Эскламонд становилась только ещё сильнее и ещё яростнее боролась за своих катар... Она боролась магией и простым оружием. Великолепно владея мечом (чем обязана была дяде, графу Миропуа), она ночами вела за собой воинов, каждый из которых готов был отдать за неё жизнь. Достаточно хорошо зная свои любимые горы, она устраивала ночные набеги, резко уменьшая этим количество церковной армии, окружавшей Монсегюр. Днём, зная места их стоянок, Эскламонд магией обрушивала на них целые скалы, зажигала палатки, пугала лошадей. Она воевала... А за ней продолжалась охота... Крестоносцы боялись её, эту дивную, светловолосую, голубоглазую Ведьму, что без страха нападала на них с самых невероятных и неожиданных сторон, истребляя их, как стаю налетевших воронов, бесправно лакомившихся её Окситанией... Эскламонд боролась.

Но она была почти одна... Все защитники Монсегюра были внутри осаждённого замка. Но Эскламонд туда не пускали. Дядя, являвшийся главою защитников осады, приказывал ей бороться снаружи, видимо, стараясь оградить девушку от их общей горько-трагической судьбы.

Будучи Совершенным, граф Миропуа, как и его воинственная племянница, хорошо знал разные науки, алхимию, ну и, конечно же, сказы славяно-ариев о воинском искусстве. И перед тем, как начинался бой, он расписывал лица своих воинов защитными знаками воинов-ариев, которые приводили в ужас ничего не понимавших крестоносцев. Когда крестоносцы видели разрисованных странными знаками рыцарей на стенах Монсегюра, и такими же знаками украшенное прекрасное лицо длинноволосой женщины, нападавшей с тыла, у них начиналась паника. Как известно, крестоносцы считали себя бесстрашными воинами, не боявшимися «ни бога, ни дьявола». Но как только появлялось что-то мистическое и непонятное, вся их бравада куда-то вдруг бесследно исчезала... И они становились всего лишь нормальными напуганными людьми, по возможности избегавшими непонятного[15]*.*

---

[15] Про «раскрашенных» старыми символами рыцарей-воинов совершенного катара, графа Миропуа можно прочесть в официальных записях Каркасонской инквизиции.

Не ограничиваясь только лишь боевыми набегами, Эсклармонд доставляла ночами в Монсегюр еду. Что было ещё опаснее, чем сражение. Сенешаль Каркассона, Арсис, под страхом смерти приказывал своим воинам следить за каждой тропинкой, каждой щелью, которая могла бы служить проходом в замок. Но Эсклармонд, знавшая тайну подземных тоннелей, приходила по ним прямо во «внутреннюю» (как её звали) подземную комнату замка. И, конечно же, её очень ждали! Эти приходы помогали изголодавшимся, измученным долгой осадой людям вернуть хоть немного сил... чтобы выстоять. А она лишь радовалась, видя светлеющие лица. Не думая о себе, не вспоминая о страхе. Она была истинно ***старой*** *Совершенной, юная Эсклармонд, одной из тех, кто всё ещё боролся...*

Желая как-то защитить свою любимую, но совершенно непослушную племянницу, дядя решился принять серьёзные меры — нашёл ей чудесного человека, за которого через короткое время и выдали Эсклармонд замуж. Звали его Бернард де Уссон, ему шёл тогда тридцать восьмой год, он был старше Эсклармонд на целых двадцать лет. Несмотря на такую разницу в возрасте, Эсклармонд искренне полюбила своего мужа, который был верным и добрым катаром, всячески помогавшим своим братьям по Вере пережить страшные дни.

Шёл тогда 1243 год. Монсегюр — солнечная святыня Катар — пока что держался. Но Эсклармонд знала — это не будет продолжаться долго. Она знала, через год Монсегюр падёт.

Господа де Уссон усиленно укрепляли замок, готовясь принимать беженцев из Монсегюра, если кому-то удастся уцелеть. Муж Эсклармонд, Бернар, заключив договор с испанскими наёмниками Карбарио, перевёл в их казну 150 мелгорских ливр, что в то время считалось довольно-таки большими деньгами. Эта сумма была выплачена наёмникам за помощь в освобождении Монсегюра, которая, к сожалению, так никогда в Монсегюр и не поспела.

Разочарованные предательством испанцев, господа де Уссон всё же не отчаивались. Осознавая опасность, грозящую Монсегюру, они решили предложить свою помощь Светозару и Эсклармонд для сохранении младенца — потомка Радомира и Магдалины, вот-вот готового прийти в этот опасный белый Свет. Замок Уссон был самым защищённым из всех оставшихся, и находился очень близко от Монсегюра. Поэтому являлся самым удобным убежищем для измученных голодом и непрерывной бессонницей беглецов. Помощь с благодарностью приняли. Встречались они у горы Бидорты, откуда Светозар должен был дать знак своей Эсклармонд, что у них всё хорошо, что её сын остался живой...

Ночь была слякотной и туманной. Большие капли висели в воздухе, мокро прилипая к одежде... Закоченевшие беглецы дрожали от пронизывавшего холода, но не останавливались, желая уйти как можно дальше. Маленький Видомир мирно посапывал на руках незнакомой тёти, даже не подозревая, что его родная мать очень скоро пойдёт на смерть... Ну, а Эсклармонд, впервые при-

жав к груди новорождённого ребёнка, с каждой минутой всё больше врастала сердцем в его маленький мир, зная, что ни за что не сможет с ним расстаться... Хотя бы на время... Пока не вырастет из него юноша Видомир...

Она ещё не знала тогда, насколько крепко и надолго свяжет их жизни капризная Судьба...

44. Изидора-10. Видомир. Спящие короли

Ночь всё так же была зябкой и беспроглядной... Но Эсклармонд, знавшая в округе каждую впадинку, каждый неожиданный поворот, уверенно вела беглецов в свой гостеприимный замок Уссон, где их ждал её изволновавшийся муж Бернард. Новорождённый Видомир за всё их нелёгкое путешествие так ни разу и не проснулся. Видимо, маковый отвар, коим его напоили перед уходом, действовал безотказно, и малыш преспокойно видел свои первые детские земные сны, не беспокоясь об окружающем мире. Эсклармонд двигалась мягко, стараясь его не беспокоить. А душа её трепетала, зная, что в руках её покоится частичка Магдалины и Радомира... Ей казалось, они одобрительно улыбались ей со своих вершин, как бы благодаря и поддерживая...

Неожиданно захрустели ветки — дорогу им преградили незнакомые люди. Эсклармонд сосчитала — их было семеро... Наглых и жестоких. Вооруженых до зубов крестоносцев.

Она поняла — им не выжить, беглецы были до предела уставшими и вряд ли смогли бы держать оружие. Крепко прижав одной рукой к груди малыша и закрыв глаза, Эсклармонд протянула руку в сторону незнакомцев...

— Ведьма, бегите! Ведьма!!! — заорал один из нападавших.

Но бежать было поздно... Рухнув на землю, они мирно затихли. Убила ли Эсклармонд нападавших, или лишь усыпила, так и осталось неизвестным. Но сил это, видимо, отняло немало. Тяжело опустившись на землю, она улыбнулась ожидавшим, как бы давая понять, что с ней всё в порядке.

— Надо идти, уважаемая... — тихо прошептал Светозар. — Если это засада, значит, они узнали. Надо идти, Дама Эсклармонд.

Она удивлённо вскинула на него глаза, услышав, как горько прозвучало её имя. И тут же поняла! Как же тяжко, наверное, было Светозару произносить это имя, зная, что ***его*** *Эсклармонд всё ещё там была жива!..*

*— Зовите меня Р**а**дой, — тихо прошептала она. — Это моё* ***настоящее*** *имя.*

Светозар благодарно кивнул. Он, и правда, старался по возможности не обращаться к ней, чтобы не приходилось произносить её имя вслух. Видимо, боль от потери жены застилала реальность, и произносить её имя, обращаясь к другой, было выше его сил. Эсклармонд это понимала.

Откуда-то начали появляться силы. Не Магдалина ли помогала ей?.. Эсклармонд часто наяву чувствовала эту дивную женщину, будто та помогала ей... Учила её, как выжить.

— Как же о ней никто не слышал, Север?! Как же люди о ней ничего не знают?!.. — в сердцах воскликнула я.

Север лишь грустно улыбнулся.

— Ну, почему не знают? Знают... ***Только не то, кем она была по-настоящему.*** *Ты повторяешь те же вопросы, мой друг. Это просто — Земля... И законы на ней остаются всё те же…*

Наконец-то добравшись до желанного замка, люди присели... Измождённые до предела, трое из них благодарно уснули прямо там, где сидели. И только Светозар смотрел в пустоту невидящими глазами, наверняка пытаясь говорить со своей Эсклармонд, пока ещё оставалось время... Он не мог простить себя за то, что ушёл, за то, что она умирала одна... Он пытался отдать ей хотя бы свои оставшиеся силы.

Хозяин замка старался не беспокоить Светозара, уважая боль и безвыходность его положения. Он помогал, как мог, но ***это*** *уже не было в его власти...*

Наконец, наступило страшное утро... Собравшись в зале, люди молчали. Каждый имел кого-то, кто находился в Монсегюре... И вот теперь оставалось только прощание. И даже прощание было возможно лишь издалека...

Эсклармонд смотрела вдаль, стараясь думать о тех, кто не разрешил ей разделить злую судьбу, не разрешил остаться с ними... Её любимый дядя... Тётя Корба... двоюродные братья и сёстры... Её друзья. Она столько раз приходила к ним, подбадривая их добрыми словами!.. А теперь они все шли на смерть... Без неё...

Вдруг, встрепенувшись, Эсклармонд резко выскочила за дверь. Никто не остановил её. Никто даже не попытался... У каждого из присутствовавших была в тот момент в душе своя личная боль...

Эсклармонд же не смогла просто наблюдать... Она желала бороться! Она не в силах была просто стоять, провожая друзей на гибель! Девушка бежала, давясь влажным, холодным воздухом, не чувствуя от усталости ног. Её верная душа Воина кричала, исторгая боль... Она отомстит!!! Она заберёт их столько, сколько сможет! И она бежала... бежала... бежала... Через какое-то время на высокой горе прямо перед Монсегюром, на уровне костра осуждённых стояла Женщина-Воин....

Выглянувшее на минуту солнце зажгло её густые светлые волосы, окутывая фигурку сверкающим ореолом... Женщина стояла не двигаясь, будто чего-то ожидая. И вот закричали от боли люди... Одновременно зазвучало пение... Монахи пели!.. В тот же миг с дальних краёв осаждающей армии послышался вой... Да, да! Именно вой!.. Это мстила им Эсклармонд... Не имея права на гибель (отвечая за жизнь Видомира), она не могла так просто сми-

риться с потерей. Она истребляла крестоносцев магией... Своей настоящей силою, данной ей старыми, добрыми Богами... Крестоносцы так никогда и не поняли, каким же таким таинственным образом более тысячи из их армии в страшных муках в тот день «ушли на покой»...

А Эсклармонд, застывшая в горе, смотрела на страшные людские факелы, клянясь в душе, что отомстит за каждого... Что не успокоится, пока хоть один из виновных будет жив...

А в то же самое время в замке Уссон, окружённый незнакомыми людьми просыпался Видомир... Так начиналась по воле судьбы его непростая и долгая жизнь... Кто-то всегда беспокоился за него, кто-то охранял... Будто суждено ему было во что бы то ни стало уцелеть... Во что бы то ни стало выполнить то, что так упорно и настойчиво ему предназначалось...

Север умолк, уйдя куда-то очень далеко, в закрытые и недоступные моему сердцу дали... Что видел он в своих воспоминаниях? О чём так глубоко грустила его измученная потерями Душа?.. Задумавшись каждый о своём, мы молча ждали, пока, глубоко вздохнув, Север наконец-то вернулся не в своё обычное мягкое «присутствие». Окружающий нас мир был таким же безрадостным и холодным... И лишь светлое лицо Изидоры, шедшей через боль страшных потерь, грело нас, будто тёплое чистое солнце...

— Скажи, Север, — не выдержав, с надеждой спросила Изидора, — остались ли господа Уссон живыми, смогли ли они спастись от лап «святой» Инквизиции хотя бы на несколько лет?

— Господин Уссон не смог... Его сожгли за помощь катарам на центральной площади города Перпиньян через несколько лет после падения Монсегюра... Он так и не смог увидеть никогда более свою Эсклармонд... а она осталась жить ещё на множество лет. Она жива и сейчас...

— Жива... сейчас??? Но сколько же лет она живёт?! Она — что, как Север? — не выдержала такого шока Стелла.

Были мы тогда совсем ещё детьми, но даже детям, услышавшим такое, становилось жутко...

— Пусть это вас не пугает! — улыбнулся Север. — Не так это страшно, как кажется на первый взгляд. В то время много ЗНАЮЩИХ уходило в будущее. Их называли «Спящими Королями», и многие из них не просыпаются даже сейчас.

Я никогда не видела Спящих Королей или Королев, но, во всяком случае, с одним из них не так давно удалось общаться ментально, когда мой муж, Николай Левашов, восстанавливал его тело после долголетней «спячки».

Семнадцать из этих чудесных людей знаю уже сейчас. Некоторые из них пересекали рубеж времени одни, а некоторые приходили всей своей семьёй, включая даже детей... И через каких-то несколько десятков тысяч лет, и они, кем-то, случайно их нашедшим, выбрасывались в мусор, как отработанный материал, правда, не всем из них удалось счастливо продержаться до того момента,

когда такой же Знающий смог его или её разбудить... Люди жестоки и безжалостны... И Земля ещё всё так же беспощадна. Кому захочется услышать, что какой-то другой человек проспал несколько десятков тысяч лет только для того, чтобы в один день проснуться для помощи другому?.. Кто захочет узнать, что такое возможно? И какие невероятные деньги будут платить богачи, дабы проспать несколько тысяч лет?..

Эскпармонд и была одной из таких удивительных «спящих». Вот только нашли её не те, кому было нужно... В поисках чего-то совершенно другого, на неё совершенно случайно наткнулась церковь. Объявив пещеру Мисабелль и город Лурд «святыми», до сих пор церковь пытается понять, что же такое им удалось найти?

— Скажи, Север, можем ли мы как-то помочь этим людям?! — печально спросила Изидора.

— Нет, Изидора. Это их выбор...

Это последние строки, которые написала Светлана 7 ноября 2010 года, за несколько дней до своего убийства...

Послесловие

Печаль в моих глазах
Останется навеки.
Душа моя в слезах,
И скорби полны реки.

Эта удивительная **КНИГА** Светланы так никогда и не будет закончена. И не потому, что Светлане нечего было написать, чтобы завершить эту книгу. Просто потому, что Светланы больше нет с нами. Последние две главы ей оставалось только перенести на бумагу, но у неё не было возможности сделать это.

Ни я, ни она не спешили обнародовать всё то, через что нам приходилось проходить в последние годы. Наша травля началась ещё в 1993 году и не прекращалась с тех пор. Особенно травля усилилась после моего возвращения в Россию. Практически не было недели, чтобы нам не преподнесли какую-нибудь очередную пакость. Особенно сильную травлю организовали нам во Франции, особенно после того, как в 2003 году в нашем владении был установлен мною генератор пси-поля, и стали происходить «чудеса в решете», о которых желающий может узнать из статей «Источник жизни». Французские власти делали всё возможное и невозможное, чтобы отобрать у нас наш Замок вместе со всеми нашими чудесами, творя без(с)предел в пределах закона, ловко манипулируя законами.

Если бы только люди знали, в каких условиях Светлана писала свою **КНИГУ**! Осенью 2008 и зимой 2009 года она печатала главы своей книги, сидя за компьютером в самой тёплой одежде, которую она только имела, и в перчатках. Из под шарфа выглядывали только её изумительные зелёные глаза, которые меняли свой цвет от цвета морской волны до изумрудного. При её дыхании изо рта валил пар, так как температура внутри Замка была ниже нуля, когда за стенами стояли морозы. Но, несмотря на всё это, Светлана продолжала писать, смещаясь в прошлое к тем событиям, о которых она писала. А потом переворачивала горы книг и искала через Сеть всё, что могло подтвердить её **ПРАВДУ**!

И что самое интересное — практически всегда находила подтверждение тому, что она слышала и видела во время своих смещений в прошлое к тем событиям, которые с ней происходили в детстве. Она раскопала в архивах и упоминание о венецианской ведьме по имени Изидора, и о кровавом папе Караффе и многое, многое другое. Она собрала тысячи уникальных фотографий для своих будущих книг и мечтала о том, когда сможет написать эти книги: «Даария», «Дети Солнца» и продолжить свою автобиографическую книгу «Откровение», в которой она успела осветить только свои детские годы. Но в силу того, что происходило с ней в эти детские годы, эта книга стала не столько о ней самой, сколько о тех удивительных людях, о которых она узнала, благодаря своим удивительным дарованиям. Эта книга стала гимном удивительным героям прошлого, имена которых или просто предали забвению (таких, как Изидора), или дела и память о которых извратили полностью, как это сотворили с Радомиром и Магдалиной.

Она успела только вернуть им их доброе имя, поведав людям об их делах и подвигах. А скольким настоящим героям она так и не успела вернуть доброе имя?! Её новые книги так и останутся **НЕ НАПИСАННЫМИ**! А ведь её книга служила тем светом, который так нужен сейчас людям, чтобы окончательно не потерять человеческий облик. В ней показаны примеры борьбы настоящих людей, которые погибали не ради своей собственной выгоды, а ради **ПРАВДЫ** и ради того, чтобы приблизить хоть чуть-чуть светлое будущее для других. Светлана своей жизнью, которую многие другие назовут героической, доказала, что она вправе встать рядом с теми, о ком писала в своей книге. Сама она никогда не считала, что делает что-то героическое, она просто делала то, что подсказывали ей совесть и сердце. После каждой написанной главы её книги её били нещадно. Конечно, у неё была моя защита, но, даже если на человеке надет бронежилет, ударившая его пуля отбрасывает человека на метры, оставляя на теле ушибы и кровоподтёки.

А если в бронежилет попадают пули не переставая, день за днём, год за годом, то не нужно объяснять, что испытывает при этом человек. А если учесть, что «пули» все разные и разного калибра, и что враги выжидают любой момент, чтобы нанести удар по незащищённому месту, которое появляется всякий раз, как только возникнет хоть какая-нибудь эмоция, открывающая защиту. Каждый раз исполнители, наносившие удары, и заказчики получали от меня по заслугам,

но от этого их не становилось меньше. Полное незнание того, что случилось с их предшественниками, самоуверенность и, конечно же, алчность, толкали их на грязное дело. Били Светлану так, чтобы она не могла смещаться в прошлое и передавать людям правду о событиях тех веков.

Очень сильным был удар этой весной, но мне тогда удалось спасти Светлану. Врагам удалось тогда сильно повредить её память. Почти два месяца из её жизни были стёрты полностью, и, если бы мне не удалось этот процесс остановить, её память была бы уничтожена целиком. Тогда мне удалось не только прекратить стирание её памяти, но и восстановить почти всё стёртое. И это не остановило Светлану! Как только к ней вернулась способность работать, она вновь уселась за компьютер и стала писать новые главы. Постоянные стрессы и удары сильно посадили её глаза, она практически ослепла.

Как только мне удавалось хоть немного восстановить ей зрение, она немедленно садилась за компьютер и писала, писала... Так появились на свет последние главы, она так боялась не успеть закончить последние две главы своей первой, ставшей последней, книги. После событий лета этого года и других наших действий, направленных на то, чтобы не позволить чёрным хлопнуть дверью так, чтобы погиб и весь остальной Мир, бить стали практически не переставая. Последний раз серьёзную работу мы провели в конце октября 2010 года, тогда Светлана собрала все свои силы, чтобы провести эту работу до конца. Нам удалось уничтожить опасную систему, которую напоследок приготовили паразиты.

После этого вся эта нечисть била, практически не прекращая, особенно по ночам. Если и удавалось немного отдохнуть, то только утром. И ей, и мне не получалось даже просто выспаться. И, как и полагается нечисти, только с рассветом сила её ударов ослабевала. И так повторялось изо дня в день, особенно весь последний год. Ей было очень тяжело, на её глазах порой можно было увидеть слёзы, но потом Светлана говорила мне: *«Ты не думай, что я сдалась, просто больно от предательств и подлости людей, которым ты открываешь своё сердце и получаешь взамен от них “нож в спину”»*. Светлана смотрела на мир с чистыми глазами ребёнка. Её смех, который не очень часто звучал последнее время, был всегда наполнен чистотой и светом, от которых на душе становилось как-то по особенному легко и радостно.

Буквально за несколько дней до её убийства, она говорила о своих планах, о своих новых книгах, она сожалела, что не может печатать, что даже с сильной лупой она ничего не видит на экране монитора. И каждый раз спрашивала меня о том, когда же я, наконец, восстановлю ей зрение, чтобы она смогла закончить хотя бы последние две главы первого тома её «Откровения». Она так боялась не успеть завершить эту книгу! Не говоря уже о будущих книгах!

Я ей говорил о том, что она слишком рано бросается к компьютеру, стоит ей только начать видеть чуть-чуть лучше, и о том, что чёрные не дают мне времени восстановить ей зрение хотя бы до среднего уровня, нанося удары вновь и вновь по зрительным зонам, по её прекрасным глазам. Она понимала это и в то же

время не принимала. Она последнее время очень часто говорила, что всё будет хорошо, но её уже не будет. Она очень боялась, что с ней что-нибудь произойдёт, и никого не будет рядом, что не будет рядом меня. Она этого боялась и... именно это и случилось.

11 ноября 2010 года был нанесён очень мощный удар по её уже сильно истрёпанному сердечку, но... тогда чёрным не удалось достичь своей цели. Мне удалось довольно быстро восстановить повреждения её сердца. Уже несколько дней я настаивал на необходимости проведения новой перестройки, после которой чёрным не останется ничего другого, как в неуемной злобе кусать свои собственные локти от без(с)силия. Именно благодаря таким вот новым качественным изменениям в прошлом, мне довольно легко и быстро удавалось не только останавливать удары чёрных, но и разобраться с теми системами, частью которых были наносившие удары. Каждый раз такая вот перестройка приводила к серьёзным качественным изменениям, а порой даже невероятным! Невероятным для меня, а меня и Светлану весьма сложно удивить по той простой причине, что за время нашей совместной жизни и борьбе с чёрными всех мастей и уровней, с каждым разом нас было всё сложнее и сложнее удивить. На этот раз перестройка должна была стать очередной поворотной точкой нашего развития.

У меня «чесались» руки поскорей провести эту работу. Но разница во времени в два часа и тот факт, что мне практически каждый день приходилось проводить на телефоне не менее 9-10 часов, помогая людям, не считая встреч и всего остального, приводили к тому, что возможность спокойно поработать появлялась не ранее часа ночи по московскому времени. К этому времени, и я бывал довольно сильно уставшим, да и Светлана тоже. К тому же, такая работа затягивалась на полтора-два часа времени, как минимум, и после неё было весьма сложно заснуть как мне, так и Светлане.

Светлана жалела в первую очередь меня, так как она знала, что с девяти часов утра до двенадцати, начинался мой утренний телефонный марафон, а вечерний начинался после шести часов вечера и к десяти часам вечера переходил в шквал звонков до начала первого ночи. Светлана знала, что я не могу спокойно говорить или работать с ней по Скайпу или телефону, когда мой рабочий телефон разрывается от звонков людей, которые ждут моей помощи, а я занят чем-то другим, пускай и очень важным. В таких ситуациях я сразу напрягался, Светлана это чувствовала и немного обижалась на мои слова о том, что люди ждут моей помощи, и часто мне говорила: «А я что, не человек»?! Конечно, я говорил ей, что она самый главный человек в моей жизни, но у нас для разговора и работы будет ещё время, а вот у многих людей такого привилегированного положения нет, и они не смогут получить мою помощь позже.

Так что чаще всего у нас было достаточно времени для наших собственных нужд, только в выходные и то, если у меня или у неё не было каких-либо встреч.

Когда из-за удара по сердцу в четверг 11 ноября не получилось поработать над задуманным, потому что в свободное время пришлось ремонтировать сердце Светланы после очередного удара, а поздно вечером Светлана просто выруби-

лась от усталости после удара и той нагрузки, которую мне пришлось ей дать, чтобы привести её сердце хотя бы в относительный порядок. Она буквально засыпала перед камерой Скайпа после каждого своего слова и начинала клевать носом. Мы оба посмеялись над этим, и она пошла спать, отключившись от Скайпа в 23.38. Как обычно, она мне позвонила из своей спальни, я поставил ей защиту на сон и мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Чтобы дать ей возможность хоть немного отдохнуть после таких перегрузок от ночных ударов тёмных, я сам не ложился спать всю ночь, защищая её от новых ударов. Конечно, я ей не говорил о том, что я всю ночь охранял её сон. Если бы она узнала бы об этом, то её возмущению не было бы предела. Она постоянно говорила о том, что это с другими может что-нибудь случиться, включая и её саму, а вот я... должен быть всегда в форме, готовый сразиться с чёрными и победить... Она даже в таких критических для себя ситуациях в первую очередь думала не о себе, а о том, ради чего мы не улетели вместе, когда друзья приходили специально, чтобы забрать нас с собой. Поэтому, зная это, я немного лукавил, отвечая на вопрос о том, когда я пошёл спать сам. Я говорил, что пошёл спать раньше, чем вчера, хотя вчера я сам пошёл «спать» около семи часов утра, а сегодня около шести! Я говорил правду, не уточняя деталей.

Ко всему прочему, довольно часто я не шёл спать, отражая удары, которые наносили по мне самому, изучая при этом самих нападающих и вырабатывая противодействие против ударов; и новый опыт использовал потом, чтобы защитить и Светлану. Ночь с четверга на пятницу она спала очень крепко, просто провалившись в глубокий сон. Но в пятницу, 12 ноября мощные удары начали наноситься по Светлане с утра, что было весьма необычно. Мы с ней поговорили по Скайпу в 12.30 по московскому времени без малого двадцать одну минуту, потом чуть больше минуты мы с ней поговорили в 13.34 и последний звонок по Скайпу, когда я видел её живой, состоялся в 14.51 и продолжался он 10.11 минут!

Как я жалею о том, что не поговорил с ней больше и не настоял на начале запланированной работы. Светлана сказала, что она пойдёт ещё немного полежит, а потом мы обязательно поработаем. Глубокого сна ночью ей было явно мало после всего перенесённого. Она проспала до своего вечера и позвонила мне со своего мобильного, сказав, что она проспала всё и спешит выгулять собак, пока ещё не очень темно. Она мне несколько раз звонила во время этой прогулки и просила мне помочь ей, так как удары начались снова...

В последний вечер перед её убийством, не было обычной видеосвязи по Скайпу. Она позвонила мне по телефону, я ей перезвонил и... мы поговорили несколько минут, последних минут, когда я слышал её необыкновенный голос. Мало кто знает, что Светлана ещё и профессиональная певица и не просто певица, а звезда! Кроме того, что она обладает удивительно красивым и нежным голосом, она ещё закончила консерваторию в Вильнюсе. Её голос был (рука не поднимается писать это слово) не только красивым и нежным, но и очень сильным. Она пела популярную музыку и со своей группой объездила весь Со-

ветский Союз. Куда только её не заносила судьба — от Дальнего Востока до Западных границ, от Крайнего Севера до гор Памира и Алтая. Она мне рассказывала, что когда они были на Памире, был организован для их группы поход в горы. И вот, проводник их группы, вывел их к удивительно красивому месту, где скала выступом нависала над пропастью. Пока экскурсовод-проводник расписывал достопримечательности этого места, Светлана подошла к краю скалы, села на этот край и свесила ноги вниз!

Когда экскурсовод-проводник увидел её там, лицо его приняло пепельный оттенок, и он ползком пополз к ней, умоляя её не шевелиться и не двигаться. Удивившись такой его реакции, она спокойно забралась с ногами на скалу, встала и присоединилась к остальным, а проводник ползком последовал за ней... Когда она мне об этом рассказывала, она улыбаясь так, как этого никто не мог делать, сказала мне, что сейчас, навряд ли бы решилась на такое! Но я уверен, что если бы возникла такая необходимость, Светлана сделала бы это, не задумываясь.

Всё время, когда мы были вместе, она своими делами доказывала свою смелость неоднократно! Людей, которые не боятся, в принципе не существует. Герои боятся, так же, как и все остальные. Отличаются герои от остальных тем, что они (герои) в состоянии подавить в себе страх, порождаемый инстинктом самосохранения, и сделать то, что необходимо. И при этом, не бравировать этим и считать, что любой другой поступил бы точно также! Но одно дело собраться с духом на героический поступок один раз в жизни, а потом купаться в лучах славы всю оставшуюся жизнь, а совсем другое дело совершать подвиг каждый день и не считать это чем-то особенным и не кичиться при этом своим геройством перед другими. Именно такой и была Светлана!

Все те изумительные годы, которые мы были вместе, мы были вместе даже тогда, когда враги разделяли нас огромными расстояниями. Её большое и такое тёплое сердечко большого и прекрасного ребёнка, в лучшем смысле этого слова, сжималось от страха, но... она, несмотря ни на что, шла и делала то, что было нужно, и нужно не ей лично, а для дела, и дела ради других людей, которые так никогда и не узнают, через какие испытания ей пришлось пройти ради них самих. Но об этом позже...

Кто-то может сказать — мало ли таких концертных бригад колесило по Союзу? Нет, не мало, а очень много. Светлана пела на нескольких языках — на русском, литовском и английском. Пела замечательно и была настоящей звездой. К сожалению, её слышали очень немногие, её не показывали по союзному телевидению, но это не значит, что у неё было недостаточно таланта. Увы, в современном мире далеко не всегда талант, дарования имеют значение. Очень часто имеет значение, чей ты сынок или дочка, или сколько денег в твоих карманах, или какой «крутой дяденька» или «тётенька» стоит за твоей спиной, так было и в советское время, так осталось и сейчас... Мои слова о её таланте — это не просто желание идеализировать Светлану, отнюдь нет! И то, что это так, говорит тот факт, что, когда в Литве выбирали десять лучших песен двадцатого

века, две её песни попали в этот список, а одна песня в её исполнении была признана лучшей! И за эту песню голосовали люди, души которых так сильно затронули песни в исполнении Светланы.

Из-за предательства её бывшего мужа, который писал музыку для её песен и аккомпанировал ей на гитаре, она ушла со сцены на пике своей популярности, на такое способен только очень сильный человек! Иногда смотришь, как многие звёзды всё уходят со сцены и уходят, а воз… и поныне там, хотя от того, что у них было на вершине творческого расцвета мало уже что осталось, если когда-нибудь что-то было вообще! Я просил Светлану много раз спеть что-нибудь для меня, но… она всегда говорила о том, что она споёт мне как-нибудь потом… И вот теперь это «потом» уже не наступит никогда… Я всё же услышал её голос, правда, только с пластинки с песнями в её исполнении. Это произошло 1997 году. У меня была пластинка, но её не на чем было прослушать. Поэтому я отправился на поиски хорошего проигрывателя… и нашёл то, что мне было нужно! Радостно поставил пластинку на круг… игла медленно опустилась на чёрный диск пластинки… но я ничего не услышал. Только наклонившись очень близко к проигрывателю, точнее, только когда я лёг на пол и приблизил своё ухо к проигрывателю, услышал её пение очень тихо. Осмотрев проигрыватель, я понял, что у него нет усилителя звука, и что я купил только «колёса».

Её голос журчал очень тихо, как чистый ручеёк и мне хотелось как можно скорее услышать этот ручеёк во всей его красе. Я немедленно отправился за всем остальным и вернулся с очень хорошей музыкальной системой компании «Sony» с усилителем и мощными колонками. Довольно долго провозившись с его сборкой, подключив к нему купленный ранее проигрыватель, я устроился слушать пение Светланы. Игла проигрывателя была новая и высокой чувствительности и когда она коснулась пластинки, я погрузился в пение Светланы. Некоторые повреждения пластинки создавали шум, но, несмотря на это, из колонок полился очень нежный, светлый голос. Моё сердце сразу защемило, стало очень тепло и очень грустно. Я не понимал слов песни, которую Светлана пела на литовском языке, но нежная грусть песни затронула самые потаённые уголки моей души. Позже я выяснил у Светланы смысл слов песни, и мне стала понятна причина моей грусти. Потом я перенёс всё на CD, отдав пластинку в студию звукозаписи. Я попросил ещё и очистить запись от шумов и… через некоторое время я мог слушать голос Светланы в полной его красе. Любопытно то, что пела Светлана тихим голосом, но не потому, что у неё был слабый голос, отнюдь нет! А потому, что она пела колыбельную песню… У неё очень сильный, оперный голос, но… именно тихое, нежное её пение вливалось в меня, как свет, как невероятная нежность. Когда Светлана была далеко от меня, я прослушивал её песни, особенно колыбельную снова и снова, и, слушая её пение, у меня всегда начинало щемить сердце и всего меня наполняла без(с)крайняя грусть… Конечно, на «вкус и цвет товарищей нет», но, думаю, что в данном случае дело не только во мне…

Так уж получилось, что многие профессионалы считали, что у меня от природы очень сильный и красивый голос, и для меня не составляло труда даже без микрофона заставить всё дрожать в довольно-таки большом актовом зале харьковского университета и не только. Так вот, могу сказать, что петь в полный голос очень легко, конечно, если он есть, а вот спеть что-нибудь тем же голосом тихо, да так, чтобы все услышали, очень и очень сложно. Так что дело тут не только, точнее не столько в моём необъективном походе, а в той самой простой **ПРАВДЕ**… Самое любопытное во всём этом то, что Светлана очень долго не говорила мне, что она закончила консерваторию по классу вокала и фортепиано, и что она была звездой в Литве…

После того, как она ушла со сцены на пике своей популярности, она навсегда и без(с)поворотно рассталась со своим бывшим мужем, несмотря на то, что тот на коленях просил его простить, что это было недоразумение, которое больше никогда не повторится… Но она так и не смогла простить ему предательства... Она ушла, оставив ему свою квартиру, которую заработала своим трудом. Короче, поступила так, как должен был поступить мужчина…

Светлана, в одночасье оборвав свою карьеру певицы на самом пике популярности, не впала в панику или депрессию, отнюдь нет! Она освоила новую профессию дизайнера одежды, получив ещё и второе высшее образование. И при этом, даже в советские времена достигла на этом поприще не меньших успехов, чем на сцене. В силу того, что в те времена практически было невозможно найти качественных материалов нужной ей цветовой гаммы, Светлана стала сама варить батик. Как я понял из её объяснений, это означает, что она во время варки батика добавляла в процесс такие красители, которые были ей нужны, чтобы получить нужную ей цветовую гамму, разные цветовые переливы и переходы на материале и делала это своими собственными руками у себя на кухне.

А потом сама шила красочные наряды по своим собственным скетчам. И при этом все её работы практически мгновенно раскупались за валюту японцами и западноевропейцами и, скорее всего, за малую стоимость того, чего её работы стоили на самом деле. Вообще-то Светлана очень мало рассказывала о себе, из неё приходилось всё буквально «вытаскивать» клещами. Её дизайнерские работы по батику получали самые высокие оценки и награды на многих выставках, куда они попадали из Японии и Западной Европы. Я не знаю, как долго она этим занималась. Она мне об этом рассказала только вскользь, посетовав на то, что в СССР практически было невозможно найти материалы и цвета, которые ей нужны были для воплощения её замыслов, так как, освоив возможности батика по максимуму, она стала искать себя в другой деятельности, но её мечта создать красоту никуда не исчезла. Она реализовалась несколько позже, уже в Америке, но это я подробно буду описывать в своей автобиографии… И я думаю, что я выставлю на сайте диск с записью показа её первой коллекции в 2000 году, который стал и последним показом её творения, которое она подготовила практически всё сама! Так вот, критики назвали её лучшим дизайнером двадцатого столетия, причём такие слова написал критик, которого все дизайнеры безумно

боялись, так как его оценка могла означать крах их карьеры. Одно дело, когда высокую оценку даёт проплаченный журналист, в этой ситуации всё понятно! Но публикация этого журналиста была полной неожиданностью даже для Светланы…

Обо всём этом я буду подробно писать в своей книге «Зеркало моей души», шаг за шагом показывая всё, через что нам пришлось пройти вместе.

Сейчас, мне хотелось бы осветить немного те моменты биографии Светланы, о которых она мне рассказывала из жизни до встречи со мной… Ту травлю, которую организовал Светлане мир «высокой моды», трудно себе представить, но об этом я тоже буду подробно писать в своей автобиографии. Сейчас, я бы хотел поведать читателю о том, что происходило в Светланиной жизни до нашего знакомства почти двадцать лет тому назад. О том, о чём она мне рассказывала и о чём уже не сможет рассказать сама своим прекрасным образным языком, не только писателя, но и многогранного Человека во всех отношениях…

Когда Светлана была девушкой, она получила менингит в очень тяжёлой форме. Головные боли были настолько сильные, что даже уколы морфия не снимали боль. Вскоре врачи сказали Светлане, что они не могут дальше ей прописывать морфий как обезболивающее — иначе она станет наркоманкой, и, что теперь, ей придётся жить с нестерпимой болью всё время без какой-либо помощи со стороны медицины. Другой бы на её месте нашёл нужное не у медиков, а у наркодельцов, чтобы адская боль отступала хотя бы на время наркотического забвения! Светлана на это не пошла, она, ко всему прочему, продолжала работать с полной нагрузкой, да так, что никто даже не догадывался о том, что у неё нестерпимые постоянные головные боли…

Ещё Светлана мне рассказывала, что они с отцом были «сумасшедшими» библиофилами. Чтобы купить или обменять интересную для них книгу, они были готовы ехать хоть на край света и отдать месячную зарплату за книгу. И не только могли, но ехали и отдавали! Во время одной из таких поездок Светланы в литовский город Каунас, если мне не изменяет память, со Светланой произошли интересные события…

После завершения своей охоты за интересной книгой, Светлана присела на лавочке в тенистой аллее и задумалась. Когда она вынырнула из своих печальных дум (у которых были весьма реальные причины, но они были сугубо личными, и я не буду о них писать), то обнаружила, что рядом ней на лавочке сидит средних лет мужчина и внимательно на неё смотрит. Он спросил у неё, что у неё такое случилось, чтобы такое прекрасное лицо погрузилось в такую сильную грусть…

Светлане был как воздух нужен внимательный слушатель, чтобы как-то облегчить свою душу. Случайный отзывчивый человек показался ей просто подарком судьбы! Но как-то очень быстро разговор сместился на темы, которые были очень близки Светлане и постепенно разговор плавно перешёл на разговор о смысле жизни и многом, многом другом, что волновало Светлану с самого

детства и не давало ей спать спокойно и толкало её вновь и вновь искать ответы на вопросы в мудрости Востока и других книгах, которые обещали открыть читателю все тайны бытия! Но кроме разочарования эти книги ничего не давали! Сначала поманят обещаниями прозрения, а в итоге, всё сведётся вновь к словам о том, что только «великие посвящённые» могут получить эти откровения, а для всех остальных знания не только преждевременны, но и опасны и не только для них самих! Очень впечатляет такая стратегия, более известная, как «стратегия Ходжи Насреддина»! А тем, кто не знал или уже успел подзабыть, напоминаю, что когда упрямый осёл Ходжи Насреддина не хотел двигаться в нужном для него направлении, он вешал на удочку перед его носом морковку и поворачивал удочку куда ему было нужно, а упрямый осёл всё тянулся и тянулся за такой близкой, сочной, сладкой морковкой и… вёз своего хозяина.

Светлана и её отец, Василий Васильевич, искали книги по оккультизму, по восточным учениям, надеясь в них найти ответы на свои вопросы… Обещания были, а ответов на вопросы не было! Точнее — они были, но все лежали в категории ответов типа: «…сон есть пересон, а пересон есть не сон, а так как сон не есть пересон, то пересон не есть сон…»! И так продолжать можно практически до без(с)конечности!.. Так вот, вернусь к событиям, о которых мне рассказывала Светлана…

Во время одной из своих «разведок боем» за интересными книгами в город Каунас, она присела на скамейку и задумалась… когда она вышла из своего задумчиво-печального образа, то увидела, что рядом с ней сидит человек и внимательно на неё смотрит. У них, как я уже писал, завязалась задушевная беседа, и они об очень многом поговорили, и Светлана с удивлением для себя открыла в этом случайном собеседнике умного и хорошо эрудированного человека во многих вопросах, которые интересовали и её саму. Светлана не заметила, как промелькнуло время, и с удивлением обнаружила, что уже начинает темнеть. Она спохватилась, поблагодарила своего собеседника за такую целебную для души беседу и заспешила домой, так как ей ещё нужно было успеть на автобус в её родной Алитус.

На прощанье её собеседник сказал ей, что она всегда может найти его на этой скамейке, если он ей понадобится. Это её немного удивило, но она не придала этому значения. Когда через некоторое время она вновь оказалась в этом городе, она вспомнила о словах этого человека с грустными глазами и присела на ту же самую скамейку и вновь погрузилась в свои думы. И неожиданно она снова увидела своего знакомого. Вновь между ними завязался разговор, и вновь Светлана не заметила, как пронеслось время…

Только когда ситуация повторилась в третий раз, Светлана набралась смелости и спросила, кто он такой и каким образом он всякий раз оказывается рядом с ней, когда она приезжает в этот город. Мужчина ей печально улыбнулся и сказал, что он очень любил сидеть на этой скамейке, что он физик-ядерщик и на своей работе получил смертельную дозу радиации и что он сейчас медленно умирает и его тело находится в коме…

Светлану не удивил такой ответ, так как она ещё в детстве неоднократно помогала умершим пройти через переход, но… такое с ней случилось впервые… В детстве ей нужно было выйти сущностью из своего тела, а в этот раз она видела сущность умирающего человека рядом с собой и при этом сама не покидала своего тела, со всеми вытекающими из этого последствиями. Находясь в своём физическом теле, Светлана прекрасно видела и слышала сущность умирающего человека и слышала и видела его так же, как и живых людей…

Её это сильно удивило, так как с ней подобное случилось в первый раз. Ещё несколько раз она встречалась с сущностью этого человека и в один из её приездов в Каунас, в который она стремилась попасть уже для того, чтобы вновь побеседовать с этим человеком, он появился вновь и… он уже не был таким как она его видела раньше. Таинственный незнакомец сказал ей, что он специально ждал её, чтобы попрощаться с ней, так как его физическое тело уже умерло, и ему уже пора идти, о чём она и сама прекрасно знает…

Ей было грустно терять этого человека, который уже успел стать для неё хорошим другом. Но… жизнь есть жизнь, смерть есть смерть, и у них свои законы…

В ночь с пятницы 12-го на субботу 13-го я вновь не спал до самого утра и пошёл спать уже в восьмом часу утра, благо, что в субботу у меня не было звонков и мне не надо было начинать свой утренний рабочий марафон! Поэтому я мог позволить себе повалятся. Я знал, что ночь у Светланы прошла нормально, а утром и днём атаки чёрных сходили практически на нет.

Чтобы сразу прояснить картину, хочу сказать, что когда я не спал ночью, охраняя сон Светланы от ударов, это не значит, что я всю ночь сидел и смотрел в потолок и бубнил себе что-нибудь под нос типа: «чёрные разбегайтесь, чёрные разлетайтесь — я иду». Конечно же, нет, просто, если я засыпал, то моя сущность уходила делать свою основную работу, а вместо себя оставляла для защиты Светланы (и не только) свои дубли. Дубли дело, конечно, хорошее, но… дубли есть дубли, и они не я сам! Поэтому, чтобы невольно не начать «продолжительно моргать», как в том анекдоте, я или смотрел телевизор или писал что-нибудь или играл, чтобы держать себя в активном состоянии. И уже утром или ещё ранним утром, когда просто глаза начинали закрываться сами собой, и я начинал вырубаться прямо за компьютером, я шёл спать. Несмотря на отсутствие звонков утром по субботам и воскресеньям, я просыпался в обычное для себя время, но сообразив, что за день стоит на дворе, продолжал себе валяться, сколько душе будет угодно, периодически проваливаясь в глубокий сон.

Суббота, 13 ноября, ничем особенным от других суббот и воскресений не отличалась. Когда я для себя окончательно решил, что хватит «валять дурака» и пора окончательно и бесповоротно просыпаться, была уже середина дня. Одевшись, умывшись и побрившись, я стал ждать звонков от Светланы. Около трёх часов дня я позвонил ей в первый раз по Скайпу и по домашнему телефону, но никто мне не ответил. Я встал с ноющей болью в сердце и мне подумалось, а

как там у Светланы? Но сам себя успокоил, так как у нас с ней была договорённость о том, что при малейшей опасности она звонит мне.

Так как несколько раз я звонил на её мобильный телефон, когда она только-только засыпала, и ей после этого было трудно заснуть вновь, то у нас с ней был такой договор. Если кто-нибудь из нас не спит, то я ей звоню или по Скайпу или по домашнему телефону, которые у неё находились на нижнем, нулевом этаже, как это принято называть у французов, и она мне сразу ответит или по Скайпу или по телефону. Последний раз в ночь с пятницы на субботы я звонил ей по Скайпу около 6-ти часов утра. Светлана, видно, увидев мой звонок в такое время, решила меня не тревожить, пожалела меня, зная, что уже многие ночи я очень мало спал, а днём у меня почти не получалось «поморгать продолжительно» хотя бы часик.

Лучше бы она меня в этот день не жалела! Тогда она могла бы остаться бы в живых. Я бы провёл очередную перестройку и… даже это звуковое оружие на сверхнизких частотах, с романтичным названием «Музыка в камне», не смогло бы её достать. Но тогда я даже не знал, что такое оружие существует. Но не буду забегать вперёд, хотя этот трагический день складывался вообще как-то нелепо… Нелепо и странно, чего ранее никогда не случалось…

Этот человек, точнее его сущность, стал для Светланы новой отправной точкой её поисков понимания самой себя и… стал отправной точкой к тому, что с ней случилось в нашем Замке 13 ноября 2010 года — подлому убийству. Случайно или нет, но её убийство произошло именно 13-го числа и в субботу!..

Встречи с сущностью умирающего физика-ядерщика показали Светлане новую грань её способностей, которые засверкали всеми цветами радуги чистейшего бриллианта. Светлана уже была уверена, что её болезнь навсегда поставила точку над тем, что было у неё в детстве. Её собеседник во время их бесед говорил ей о том, какими же он и все остальные учёные были слепыми, что не увидели истины, которая лежала на виду, у всех на глазах.

Конечно, найдутся «доброжелатели», которые с ухмылкой скажут, что от непрерывной сильнейшей головной боли ещё и не то померещится! Но… в очередной раз «пролетят, как фанера над Парижем»! Светлана потом выяснила, что действительно в тот день умер этот человек, и что он был тем, кем ей представился во время бесед, когда он встречался на уровне сущности. Но самое главное в этом то, что стресс, вызванный сильнейшими головными болями, вывел Светлану на принципиально другой уровень взаимодействия с иными уровнями реальности, когда ей уже не нужно было покидать своё физическое тело, как это было у неё в детстве, и о чём она красочно и полно писала в своей автобиографии, которая навсегда останется незаконченной.

Многие даже не представляют себе, насколько стеснительная и скромная Светлана (я сознательно пишу о ней в настоящем времени, так как погибла только часть её — её физическое тело, которое для меня, тем не менее, было безмерно дорогим). Мне стоило больших усилий убедить её сесть за написание

её автобиографии, которую она назвала «Откровение». Она неоднократно меня спрашивала о том, а будет ли это кому-нибудь интересным?

Потом, как маленький ребёнок, она радовалась каждому отзыву читателей на написанные ею главы. Во всём этом без(с)пределе, происходящем вокруг нас, тёплые слова читателей согревали её душу, и как живое пламя свечи разгоняли сгустившийся мрак и освещали маленький островок, где она могла дышать свободно, и у Светланы вновь возникало желание писать, несмотря ни на что...

Встреча с сущностью этого человека наяву послужила для Светланы новым толчком к познанию самой себя и своих возможностей. Она очень хотела понять и разобраться, что с ней происходит и научиться управлять всеми своими способностями. И она… отправилась в Москву на поиски ответов на все эти вопросы. Она приехала в Москву, как тележурналист европейского телеканала «Антенна», его польского отделения. И приехала она в Москву практически одновременно со мной — в конце весны 1988 года. Нас отделяло друг от друга ещё долгих три года! Вполне возможно, мы бывали в одних местах, у нас, как выяснилось позже, были общие знакомые, но… только во второй половине апреля 1991 года наши пути сошлись, чтобы уже никогда не разойтись… И неважно, что враги создавали ситуации, в результате которых мы оказывались разделёнными многими границами, морями-океанами, эти препятствия не могли нас разлучить.

С каждым днём, с каждым месяцем, наши чувства и привязанность друг к другу становились сильнее и сильнее. Врагам не дано понять, почему никакие расстояния, никакие проблемы, которые они создавали, не могли не только разлучить наши души, а наоборот, все наши чувства друг к другу становились от этого только сильнее и крепче. Они всё мерили со своей колокольни. У них самих всё существовало на животном уровне. Если у самца нет рядом самки — он начинает искать ей замену, а порой и не одну. Или, если у самки нет самца, то она обязательно найдёт ему замену. Они даже не понимали, что мужчина и женщина — это не самец и самка, они не понимали, что даже у животных, есть чувства, а не только инстинкты! Своим сознанием животного (даже не разумного животного) они не понимали того, что мы давным-давно прошли фазу разумного животного и давно уже идём по эволюционной лестнице собственно человека и что у собственно человека, как я называю эту фазу развития, животное начало играет далеко не первую роль…

Как много я теперь не узнаю о Светлане того, что было с ней до встречи со мной. Конечно, можно многое просканировать, но… сканируется только то, что ты хочешь просканировать… Сканирование можно сравнить с реакцией человека на неожиданный звук сзади. Услышав звук, человек поворачивает голову в сторону источника и своими глазами видит, что или кто издал звук… А то, что всё-таки можно вытащить — всё равно уже будет моё восприятие тех или иных событий, а её удивительное восприятие мира навсегда ушло вместе с ней… По крайней мере, Светлана не сможет поведать обо всём своим мелодичным и нежным голосом, не напишет строки, которые, в буквальном смысле этого слова,

оживают перед глазами читающего… и многое, многое другое уже не случится из-за подлого убийства из-за угла. Её убили, даже не показав своего лица, так убивают не воины, так убивают выродки, в которых нет ничего человеческого…

В субботу 13 ноября я звонил Светлане шесть-семь раз по домашнему телефону, и, каждый раз оставлял ей сообщение, которое с каждым разом становилось всё более и более взволнованным. Звонил и по Скайпу, а после 6-ти вечера по московскому времени стал звонить и по её мобильному — от Светланы не было никакого ответа. Меня это волновало всё больше и больше. Я уже настроился на сканирование и получил успокаивающий результат. Светлана крепко спала. Это меня успокоило. Я подождал ещё некоторое время и вновь просканировал, Светлана продолжала спать, и, когда я на неё настроился, она попросила меня: «Помоги мне проснуться!»… Я сделал, что просила Светлана, и стал ждать, когда она придёт в своё нормальное состояние после сна.

Обычно ей требовалось полчаса, чтобы окончательно проснуться. Сразу после пробуждения она ещё всегда находилась в полусне, делала всё что нужно, даже отвечала на вопросы, но… потом ничего не помнила из всего этого. Только полностью проснувшись, она была готова к взаимодействию с окружающим миром. Я подождал ещё некоторое время и начал звонить по всем телефонам и Скайпу. И стал ожидать ответного звонка. У меня было чувство беспокойства, но сканирование говорило, что Светлана жива, и это меня немного успокаивало. В девять часов вечера по Московскому времени, я даже начал смотреть фильм «Золото дураков», чтобы хоть немного снять волнение. Где-то в 9:35-9:40 у меня в голове как будто что-то взорвалось. Я тут же настроился на Светлану, и получил шокирующую для себя информацию: «Светлана мертва». Раньше мне подсовывали подобную информацию, но я всегда сканировал снова, более глубоко и основательно и всегда находил Светлану живой. Такое пытались проделать со мной многократно, но… не имели успеха. В этот раз я не увидел подвоха, что меня очень сильно расстроило. Я уже начал волноваться всерьёз. Вновь стал звонить по всем телефонам и… снова ничего.

Моё волнение начало возрастать. Относительно недавно, я на всякий случай взял у Светланы номер мобильного телефона нашей горничной — Фредерик. И, несмотря на праздничные дни, решился ей позвонить. Она не взяла телефон, и я оставил ей сообщение о том, что я был бы признателен ей, если бы она поехала в наш Замок и проверила, как там Светлана. В 22 часа 11 минут по московскому времени я услышал звонок по Скайпу. Я в волнении вскочил в свой рабочий кабинет и с радостью увидел, что мне звонит по Скайпу Светлана. Я чертыхнулся про себя, пеняя себе за то, что поддался панике, и нажал кнопку «Видеозвонок»…

В Москве Светлана развернула активную деятельность, как тележурналист. Примером этому служит то, что она смогла добиться того, что считалось невозможным. Ей было поручено снять материал о русской православной церкви (правильнее — русской ортодоксальной церкви). Она добилась встречи с Алексием II, и патриарх, увидев её первый раз, сказал ей: « …непростая ты

женщина, Светлая-ясная». Они очень быстро подружились, и он дал ей все прямые телефоны и сказал ей, что она может звонить ему в любое время дня и ночи. Они очень часто встречались и много беседовали на разные темы. Когда убили Александра Меня, Алексий II позвонил ей первой с этой печальной новостью. Он знакомил Светлану со старцем Сергием, который, по мнению Светланы, скорей всего был волхвом и носителем старых знаний…

Именно благодаря таким тёплым и хорошим отношениям, Алексий II разрешил съёмочной группе, с которой работала Светлана, снять на камеру патриаршие покои и алтарь в Сергиевом Посаде. До этого никому и никогда это не позволялось делать. На европейские экраны вскоре вышел документальный фильм, который получил многие награды, но… имени Светланы даже не было в списке его создателей. Хотя фильм снимался под режиссурой именно Светланы, а её начальница в это время находилась в Варшаве. Но в Польше, видно, посчитали, что ей достаточно и того, что платили зарплату, а славу решили полностью оставить себе…

Светлана была творцом, но она никогда не выпячивала сделанное ею, никогда не вырывала «кусок из глотки» другого, даже если этот кусок был её. Она не была хищницей, она была воином, но никогда не добивалась чего-нибудь для себя. Ей было обидно, но… она никому не хотела создавать проблемы, всегда надеялась на то, что человек поступит по чести и совести. Только, к великому сожалению, очень мало кто поступал по чести и совести.

Снимала Светлана в Москве и, так называемых, «чудиков» для польского телевидения. Ею были созданы материалы о Павле Глоба, Тарасове, Кашпировском и многих, многих других. Особенно много ей пришлось работать с Анатолием Кашпировским. Сначала, Светлана была уверена, что этот человек несёт людям добро. Он и ей обещал помочь избавиться от постоянных головных болей, которые никуда не исчезли. И вскоре наступило разочарование в этом человеке, который людей не любил и для которого люди были только инструментом, посредством которого он сможет достичь желаемого. Она мне с разочарованием рассказывала о том, что Анатолий Кашпировский приказывал выбрасывать в мусор все письма с отрицательными результатами, а таких писем было очень много, и эти письма выбрасывались мешками. Последней каплей для неё послужил случай, который случился во время его выступления. Одному пожилому человеку во время сеанса стало очень плохо с сердцем, Анатолий Кашпировский ничего не сделал, чтобы помочь ему. А после выступления он ещё и прокомментировал, что, мол, хорошо, что старый дурак не загнулся во время его выступления… Думаю, комментарии излишни…

После этого случая, Светлана отказалась что-либо делать для этого человека. Но он ещё долго не оставлял её, звонил ей, угрожал и ей, и её сыну о котором он знал… Короче, вёл себя, как истинный «джентльмен», правда из категории тех джентльменов, которые настаивают, чтобы дама вышла на ЭТОЙ остановке, когда ей нужно выходить на следующей… Он несколько раз звонил и уже когда мы были вместе, угрожал ей ещё и тем, что она очень пожалеет о том,

что отказывается работать с ним, и говорил, что он сделает её головную боль невыносимой, если она не подчинится ему… говорил и делал, и мне приходилось убирать ещё и его «благодарность» Светлане за всё то хорошее, что она для него сделала…

Попала Светлана и в поле зрения чёрных масонов СССР. Некто Лев Орлов, в 80-90 гг. имел большое влияние в СССР. У него дома постоянно крутились министры и другие крупные чиновники, которые перед ним пресмыкались. Он часто говорил Светлане, что он и такие, как он, на самом деле правят страной, а все эти чиновники — просто холуи. Светлана мне часто рассказывала о том, что Лев Орлов часто приглашал её на выступления артистов оригинального жанра, которые демонстрировали публике свои телепатические и другие паранормальные возможности, и просил её мешать им. И многим мессингам приходилось весьма туго, так как Светлана создавала им серьёзные проблемы во время выступления. Это всё очень радовало Льва Орлова и растаивало Светлану. Конечно, ей было приятно и интересно проверить свои силы и возможности, но… ей вскоре становилось жалко выступающих, которые пыхтели и краснели на сцене, не понимая в чём собственно дело, и она переставала мешать. Лев Орлов знакомил её со многими людьми и, видно, имел большие планы на неё, но наша встреча с ней разрушила все его коварные замыслы. И когда он понял, что Светлана полностью потеряна для его целей, начал ей пакостить по мелочам. Он уничтожил её заграничный паспорт, который хранился в МИДе. Когда Светлана пришла туда забрать его, ей сказали, что её паспорт аннулирован. Светлана очень беспокоилась о том, чтобы он не навредил чем-то ей и мне, так как она отказалась познакомить его со мной, хотя он очень был заинтересован и спрашивал её несколько раз об этом. У меня не возникло желания встречаться с этим человеком, и она только поддержала меня в этом…

Я радостно нажал кнопку «Видеозвонок» на Скайпе, но вместо голоса Светланы услышал взволнованный голос Фредерик. Она никак не могла включить от волнения видео и сразу забыла многие английские слова. Я с замиранием в сердце спросил её — нашла ли она Светлану, на что она ответила утвердительно и сказала мне, что Светлана лежит лицом вниз в офисе, рядом с компьютером. Фредерик была в шоке. Я выключил Скайп и перезвонил по нему сам. На этот раз я увидел лицо Фредерик, оно было испуганным и растерянным. Я ещё раз спросил её, где Светлана, и она вновь ответила мне, что она нашла Светлану, лежащей на ковре в офисе лицом вниз и направила камеру Скайпа на неё. От растерянности Фредерик не сообразила включить большой свет, и всё вокруг освещалось весьма слабо одной настольной лампой. В тусклом свете этой лампы я увидел лежащую лицом вниз на ковре Светлану. Глаза не хотели верить в реальность происходящего, но камера не иллюзионист и не может создать иллюзию…

Я попросил Фредерик немедленно перевернуть Светлану лицом вверх и попросил проверить, тёплая ли её рука: левая рука Светланы была расслабленой и ещё тёплой. Правая рука Светланы была сжата в кулачёк. Я попросил Фреде-

рик проверить, есть ли у Светланы пульс и дыхание. Я ещё надеялся, что Светлана находится без сознания, такое уже не раз бывало раньше. Когда её били раньше, бывало, что она находилась без сознания по несколько часов, пульс почти не прощупывался, и дыхание было очень слабым. Несколько минут Фредерик не могла от волнения понять, что я от неё хочу. Наконец, она поняла и ответила отрицательно. Исчезла последняя надежда на то, что я ошибся, и что Светлана жива. Фредерик развернула камеру, и я увидел Светлану, её лицо, как она лежит, сжавшись от боли, как маленькая девочка, сжимая кулачки, даже в последний момент своей жизни она продолжала бороться. Я понял, что Светлана действительно мертва, и что её смерть наступила, когда я услышал в своей голове «Светлана мертва»… Я начал с ней сразу работать, понимая, что её сердце просто взорвано изнутри… Я пытался вырастить новые ткани, но кровь уже не двигалась по её сосудам…

Когда взорвалось от удара оружия сердце, её кровь под давлением из левого желудочка сердца хлынула в перикардную сумку и быстро её заполнила, намертво сжимая сердце Светланы. И даже если бы мне и удалось бы полностью зарастить разрыв сердечной мышцы, давление вытекшей крови не позволило бы сердцу запуститься вновь. Враги учли даже такие нюансы, зная, что ранее я спасал её от гибели многократно, и они не хотели, чтобы я смог сделать это и в этот раз. В такой ситуации необходимо было немедленно откачать кровь, сдавливающую сердце. Я, продолжая работать со Светланой, попросил Фредерик позвонить в скорую, надеясь, что они смогут освободить её сердце от давления крови. Фредерик ушла встречать у ворот скорую помощь, а я продолжал работать со Светланой…

Скорая приехала минут через пятнадцать… они проверили пульс, дыхание и… ничего не делали, несмотря на то, что тело было тёплым и не было даже признаков окоченения, которые уже должны были наблюдаться. С медицинской точки зрения они были правы… дело в том, что освободить сердце от давления крови в такой ситуации первая необходимость, но… это надо делать в первые несколько минут после случившегося… Но врачи скорой ничего не делали, через камеру Скайпа я наблюдал за происходящим и продолжал работать, уже не рассчитывая на помощь врачей… Я смотрел на лежащее ничком тело Светланы, оно было так близко, казалось, протяни руку и ты его коснёшься, но… между нами были тысячи километров… я всё смотрел… и смотрел на Светлану, и продолжал работать несмотря ни на что. Я всё ещё надеялся, что мне удастся что-нибудь придумать. Но для того, чтобы сделать что-нибудь радикальное, мне нужна была помощь Светланы, а Светлана в данной ситуации мне помочь не могла… Радикальные меры требуют ювелирной работы, малейший упущенный нюанс грозит катастрофическими последствиями в планетарном масштабе… В этот момент со мною рядом не было никого, кто бы смог заменить Светлану даже временно…

Один из врачей скорой помощи заметил включённую камеру и повернул её в сторону от Светланы. Перед тем, как это произошло, я наблюдал, как они,

где-то минут через сорок после своего приезда, сделали Светлане кардиограмму, которая показала прямую линию. Мне было немного странно, что они это сделали не сразу, но… прямая линия, скорее всего, им была нужна для отчёта… Когда камера стала показывать мне тёмный угол комнаты, я выключил Скайп и продолжал работать и работать со Светланой… уже не видя её. Я обращался телепатически к нашим общим друзьям, как на Мидгард-Земле, так и за её пределами с просьбой сделать что-нибудь, ведь Светлана дорога и важна не только мне, если я не имею права вернуть её, то они на это право имеют!.. Я предлагал себя вместо неё, если нужно, чтобы кто-то из нас умер… но слышал в ответ только одно: «ты должен пройти через это…»

Ну почему я должен пройти через это? Разве мало испытаний мы прошли вместе со Светланой, пройдя через немыслимое для большинства людей? Ведь мы служили и служим людям, истине, несмотря на то, что за все наши хорошие дела мы ничего кроме проблем и попыток нашего физического устранения не получали! Мы всё делали не ради славы или наград, об очень многом сделанном нами ради других люди никогда так и не узнают! Мы всё делали ради справедливости, потому что не могли иначе, не могли пройти мимо лжи и клеветы, прекрасно понимая, что после того, как мы сорвём очередной план чёрных, на нас обрушится шквал ударов, как с других уровней, так и на физическом.

Мы отказались от личного счастья ради того, чтобы сделать счастливыми других, других, которые даже и не подозревали и не подозревают, что мы со Светланой делали, и будем продолжать делать, чтобы рождались на земле здоровые и счастливые дети. Конечно, ещё многое предстоит сделать, но… теперь Светлана уже не сможет быть рядом со мной на физическом уровне, я не смогу обнять её за плечи, заглянуть в её чистые, лучистые глаза, она не сможет залезть мне подмышку, как часто шутила Светлана, особенно последнее время «…хочу к тебе подмышку…». Она, как птенец, хотела хоть на время спрятаться от всех подлостей и пакостей под моей подмышкой, почувствовать себя защищённой…

Светлана мне рассказывала, что когда на летние каникулы она взяла своего сына Роберта в Москву, он, услышав её рассказы о разных её чудесах, попросил её ему что-нибудь продемонстрировать. Они в тот момент ехали в метро и Роберт спросил её: «…мама, а ты можешь остановить поезд метро?» Светлана, с задором маленького, немного шкодливого ребёнка ответила: «…давай попробуем!..», и через минуту поезд остановился, всё погрузилось в темноту. Светлана сама испугалась такой реакции. Поезд простоял на месте довольно долго, пока не восстановили подачу электричества. Это был первый и последний раз, когда Светлана применила свои способности, не подумав о последствиях…

У неё ещё несколько раз были спонтанные проявления способностей, которые проявлялись сами по себе. Особенно многое стало происходить с ней после нашего с ней знакомства в апреле 1991 года. Когда я провёл её перестройку мозга и стал работать с её хроническим менингитом, постепенно исчезали не только боли, но и мозг, освобождаемый от долгого плена окружающего

гноя, начал, как сжатая пружина, «разворачиваться» и выдавать на гора всякие неожиданности.

Конечно, Светлана всё это описала бы со свойственной ей красочностью очевидца, но я пытаюсь передать всё, как я могу и как я помню, и моё описание никогда не сможет приблизиться к её восприятию хотя бы потому, что мы видели и видим мир по-разному. Но, к сожалению, она сама уже не сможет написать о том, что и как она чувствовала, как это она сделала в первом томе под названием «Детство» своей книги «Откровение»…

После того, как её мозг стал очищаться от гноя и от огромной гематомы в зоне так называемого родничка, она однажды пришла ко мне на встречу и обратилась за помощью. Когда она шла по своей любимой улице Москвы — по Старому Арбату, в её голове неожиданно заговорили все люди, которые шли по этой улице. Началась самая настоящая какофония чужих мыслей, которые, не спрашивая разрешения, врывались в её сознание… Она постаралась побыстрее выбраться из этой толпы и, созвонившись со мной, приехала ко мне. Я поработал с ней и добился того, что она могла уже по своему собственному желанию принимать телепатическую информацию.

Позже, мы довольно часто смотрели американский фильм «Сканеры» и для Светланы был особенно понятен и близок сюжет этого фильма, в котором главный герой на вокзале неожиданно начинает слышать голоса людей в своей голове, и как этих голосов становилось всё больше и больше, пока они не начинали сводить человека с ума. Светлана всё это испытала на себе, и для неё было особенно удивительно, что в этом фильме режиссёр смог передать практически всё правильно. Это могло быть только в одном случае — если у него был источник достоверной информации обо всём этом. Большинство людей, смотревших этот фильм, даже и не подозревали о том, что события, переданные в этом фильме, не являются чьей-то фантазией, а самая что ни на есть правда.

Конечно, в реальности от действий сканера у человека не взрывается голова, как кочан капусты, в который выстрелили зарядом дроби, конечно же нет! От действия сканера-убийцы у человека взрываются и лопаются сосуды мозга, что приводит к инсульту и быстрой смерти. Только при этом череп человека остаётся целым и невредимым. В этом фильме режиссёр нашёл весьма выразительный способ показать гибель человека от разрыва сосудов мозга, не изменив в принципе суть происходящего. Просто взрывающаяся голова более наглядна, чем если показать, как человек, дёрнувшись на месте, падает замертво. Ведь камера не может показать, что же на самом деле происходит внутри черепной коробки, только и всего…

По мере того, как я работал со Светланой, её мозг, долгое время угнетённый последствиями менингита в тяжёлой форме, освобождался от блоков, которые сдерживали природные способности Светланы и не давали им развернуться в полную силу. Именно такое быстрое освобождение от блоков и привело к лавинному восприятию телепатической информации. Её мозг пытался самостоятельно прорваться сквозь пелену последствия болезни и, когда получил неожи-

данную помощь, рванул вперёд со всем накопленным потенциалом. Как жаль, что Светлана не сможет сама обо всём этом рассказать…

Вообще, Светлана с самого первого дня нашего знакомства, как губка, впитывала информацию, которую я ей давал. Мы засиживались до глубокой ночи за чаем, а она всё спрашивала, спрашивала, спрашивала… Она была в этот момент похожа на странника в пустыне, который долгое время провёл без воды и… вот, наконец, вышел к оазису с чистой и холодной водой… и, кинувшись к воде, был не в состоянии оторваться. Только в случае со Светланой, она не могла напиться от источника знаний, каким для неё оказался я. Она ещё очень удивлялась вначале, почему об этом нигде не говорят и не пишут… и ей было непонятно, почему ответы на вопросы, которые её волновали с детства, существуют, а найти их нигде нельзя, только в личной беседе со мной?!

Она рассказывала мне о том, сколько разных книг она прочитала, со сколькими людьми ей пришлось столкнуться на своём жизненном пути в поисках ответов на вопросы, и вот, только благодаря случайной встрече в гостинице «Киевская» с журналисткой из Донецка по имени Валентина, она встретилась со мной… А потом, поздно ночью, когда уже не ходили электрички, я садился за руль своего Мерседеса и отвозил Светлану к её гостинице по практически пустой Москве. В то время я жил на квартире своей тёти по материнской линии в Бутово и, вырулив на Варшавское шоссе, на большой скорости, с ветерком доставлял Светлану…

И так повторялось почти каждый день, до моей первой поездки в Архангельск, в конце июня, начале июля 1991 года… Светлана очень хотела поехать со мной в Архангельск, но не решилась меня попросить об этом, а мне было неловко ей предложить, так как я не хотел, чтобы она меня неправильно поняла… Это было первое наше расставание после нашей встречи. О том, что она хотела бы со мной поехать, я узнал, когда, вернувшись, стал ей рассказывать о том, что и как у меня было на моих первых гастролях в городе Архангельске…

Я рассказывал Светлане о том, как мне от выступления к выступлению пришлось создать оптимальный вариант взаимодействия со всеми категориями моих зрителей — от простых зевак, до людей, которые пришли на мои выступления, чтобы узнать что-нибудь новое, понять происходящее…

К сожалению, мои просьбы остались без ответа. Фразу «ты должен пройти через это» воспринимал разум, но сердце принимать не хотело. Когда подобная ситуация случалась с другими, я сам принимал решение о восстановлении человека, и то не каждого, а только тех, кто имел ключевое значение для Мидгард-земли и не только. Других погибших соратников, как бы мне и ни было больно, восстанавливать было нельзя, так как нельзя по своему усмотрению и желанию возвращать людей к жизни. Ведь тогда практически каждый человек, кто потерял близкого и дорогого человека, имел бы полное моральное право требовать, чтобы вернули к жизни любимого мужа, жену, ребёнка, мать, отца, брата, сестру, друга. И были бы абсолютно правы — ведь они любили ушедших по-своему не меньше, чем я или кто-нибудь другой. И я не имел бы никакого

права отказать им в этом! Думаю, не нужно объяснять, к каким последствиям это бы привело! Именно поэтому, когда мне не удалось вернуть Светлану к жизни сразу после убийства, я обратился к своим друзьям, чтобы они приняли решение, ведь я не мог быть уверенным в своём непредвзятом отношении к случившемуся в такой ситуации. И это как раз-то понятно!

Я всё же в глубине души надеялся, что мои друзья примут положительное решение, которое наполнило бы меня безмерной радостью, но… я услышал в ответ только одно: «…ты должен пройти через это…»! Всё моё существо бунтовало против такого, я не мог и не могу понять причины такого решения, ведь то, что делала и, самое главное, что ещё не сделала Светлана, нужно не только мне! Всё это нужно людям, чтобы они встали с колен и почувствовали себя людьми, а не быдлом, как их за глаза, а порой и в глаза называют паразиты!

Ведь то, что Светлана делала и ещё не успела сделать, нужно было России, которую она любила безмерно! Она нужна для того, чтобы восстановить правду о Великом прошлом, правду о народе, который дал многим столь много, что не хватит времени и места перечислить даже наиболее важные деяния. О народе, который последнюю тысячу лет усиленно пытаются уничтожить физически, уничтожить Великое Прошлое, Великую Культуру, Великий Язык и его Великую Душу, которую не могут до сих пор понять остальные! Это не значит, что я пишу эти строки в полном заблуждении, создаю иллюзию того, чего никогда не было, и нет, как скажут некоторые, которые почему-то все оказываются из стана паразитов!

Я прекрасно знаю, что и среди русского народа достаточно и предателей, и негодяев, и подонков! Но таких людей относительное меньшинство. И их было бы гораздо меньше, если бы ещё молодые, незрелые души не разлагало бы мировоззрение паразитов в течение последней тысячи лет. В своей первой и… ставшей последней книге Светлана уже много показала людям правды, правды, которую тщательно скрывали от людей паразиты, чтобы сохранить свою власть, которую они захватили незаконно, путём обмана, предательств, лжесвидетельств и т.д. и т.п. Благодаря своему дару, который многие пытались угробить (но у них так ничего и не вышло), Светлана показала людям **РЕАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ РАДОМИРА И МАГДОЛИНЫ**! Имена-то у них какие?!

Для русского человека они несут столько информации, только надо немного задуматься и постараться вникнуть в смысл слов. Но русскому прошлому, культуре, русскому языку нас учат все, кому не лень, только не мы сами — немцы, иудеи, грузины… а мы, коренной народ своей страны, своей земли, которая густо полита кровью наших предков, как рабы, всё это смиренно принимаем. Нам уже ставят в укор то, что мы смеем называть себя русскими, русами! Нам уже так извратили язык «правилами», что мы стали не понимать смысл слов родного языка! К нам наши же слова возвращаются в искажённом виде, и мы не понимаем их смысла. Иисус Христос из Назарета — под таким именем все знают

Радомира, не подозревая даже того, что ни одно, ни другое не имеют к нему никакого отношения.

Христос на новогреческом означает «мессия». Это даже не имя! А сам он не из Назарета, а был рождён **НА ЗАРЕ**! Для любого другого языка — слово На-заре-(т) ничего не скажет, только русу эти два слова, слившиеся в одно, предельно понятны, приобретают вполне конкретное значение. Надо только вслушаться в родной язык, попытаться осмыслить произносимые бездумно слова. Но миллионы русов не задумались, не обратили внимание, а сделала это Светлана! Она же обратила! Светлана же открыла и настоящее имя этого человека — Радомир — Радость Мира! Русское, славянское имя, именно поэтому его так старательно «забыли»! С Марией Магдалиной поступили иначе, её саму превратили в проститутку, хотя она никогда ею не была, а была верной женой и сподвижником Радомира.

А её имя, точнее прозвище, они не тронули, скорей всего не понимая, что за ним стоит, или посчитав, что люди сами никогда ничего не поймут! И действительно, для людей других национальностей слово Магдалина ничего не говорит. Мало ли какие имена, фамилии, прозвища бывают у людей! Только для руса это слово может ожить, и то, только тогда, когда рус начнёт задумываться над смыслом и значением родных слов. Большинство русов слово Магдалина не воспринимали, как родное, оказавшись в плену псевдорелигии, которую нам навязали тысячу лет тому назад. А зря! Хотя бы иногда неплохо было бы сбрасывать со своих глаз чужеродный дурман, и тогда… чужое слово Магдалина превратится в понятные даже малому дитяте слова **МАГ-ДОЛИНЫ(А)**!

Маг из долины, другими словами, Мария Магдалина была родом из Долины Магов, которая и сейчас находится на юге Франции, куда Светлана ездила два последних лета, лазила среди скал по развалинам крепостей катар или альбигойцев, спускалась в карстовые пещеры, в которых спасались последние последователи реального учения Радомира, которое сохранила и донесла до людей его любимая жена и соратник Мария Магдолина. Светлана проходила в темноте по этим пещерам, освещая себе дорогу фонариком, рискуя провалиться в трещины километровой глубины, которые то и дело разрывали узкую тропинку.

Она была на месте, где похоронена и сама Мария Магдолина, и их младшая с Радомиром дочь, которую убил вместе с матерью без(с)жалостный убийца, у которого не дрогнула рука, чтобы убить без(с)защитного ребёнка, на глазах которого, он сначала убил её мать. Обо всём этом и написала Светлана в своей удивительной книге, а сколько она ещё не успела поведать людям?! И всё это и многое-многое другое сотворила Светлана…

Когда ещё в субботу 13-го я сообщил некоторым друзьям о случившемся, мне в воскресенье потом перезванивали и говорили, что Светлана в порядке, что она жива и не стоит нервничать… Я, конечно, понимаю, что люди, говорившие всё это, искренне желали помочь, что у них были самые лучшие побуждения, но у меня была и горькая досада на то, что они, будучи уверенными в своей правоте, на самом деле были от неё далеки. Я делал всё, что мог, но по указанным выше

причинам не мог обратно запустить её сердце из-за сдавливания оного кровью, заполнившей перикардную сумку. Мне не хватило малого, чтобы кто-то высвободил её сердце от давления крови… но этого никто не сделал. Невозможность сделать простейшую процедуру — механически откачать кровь из перикарда — привела к непоправимому — мне не удалось вернуть Светлану!

Именно точность и объективность информации, которую получала Светлана, отличали её практически ото всех остальных ясновидящих, экстрасенсов, которые в лучшем случае видят и слышат то, что им хочется видеть и слышать! Как бы я хотел, чтобы эти люди оказались правы! Что Светлана действительно жива, но… даже когда я уже не мог её видеть, я видел, что её тело лишено жизни… и мне от этого было невыносимо больно, но это была **ПРАВДА**, а не сладкая ложь!..

Неужели, причина, по которой наши друзья не восстановили Светлану, заключалась в том, чтобы провести меня через самый тяжёлый для меня тест: откажусь я или не откажусь от дела своей жизни, от дела, которому и Светлана посвятила свою жизнь — борьбе с паразитами разных мастей и уровней, как на Мидгард-Земле, так и далеко за её пределами?!

Если бы мне сейчас чёрные предложили вернуть к жизни Светлану в обмен на отказ от того, чему мы посвятили свои жизни, я бы, несмотря на то, что больше всего на свете хотел бы её видеть живой, слышать её удивительный голос, любоваться её бездонными глазами и улыбкой, от которой сразу становилось теплее и светлее на душе, как если бы из-за тучи выглянуло бы Солнышко, несмотря на всё это, я бы отказался, хотя бы в этот момент моё сердце обливалось бы кровью… Даже ради того, чтобы вновь увидеть её рядом со мной, я не смог бы и никогда не смогу предать то, чему посвятил свою жизнь и за что Светлана отдала свою жизнь, вернее, у неё подло её отобрали. И это не красивые слова — это моя жизненная позиция. И мне всё равно, что кто-нибудь об этом скажет, и мне всё равно, какие аргументы мне будут приводить по этому поводу…

В ночь с субботы на воскресенье я не мог спать. Душа болела невыносимо, и я сел за свой компьютер и стал писать строки, посвящённые Светлане. И когда я закончил последнюю строчку, душа продолжала болеть всё так же. О сне не могло быть и речи, и я начал писать послесловие к книге Светланы, чтобы люди больше узнали о том, какой была и есть Светлана, и только уже утром впал на короткое время в забытье, чтобы вскоре вновь из него вынырнуть в свою боль…

В воскресенье я обратился к друзьям, чтобы найти возможность быстро получить визу во Францию. И, несмотря на выходной, люди откликнулись… Вообще, для нанесения последнего удара враги выбрали самое удобное для этого время. Со среды до самого своего убийства Светлана находилась в Замке совершенно одна. Дело в том, что 11-14 ноября во Франции были какие-то праздники, и наша горничная Фредерик со своей семьёй навещала своих родных, и со второй половины вторника Светлана оставалась совсем одна с нашими со-

баками — Рамзесом и Кори. Так что эти подонки выбрали время, когда с ней никого рядом не будет.

Несколько раньше, в конце сентября, её «лучшая подруга» Эмма её предала, оставив Светлану без возможности свободно перемещаться и держать связь с окружающим миром, так как Эмма работала для Светланы как секретарь-переводчик. Светлана мне рассказывала, что в субботу они расстались совершенно нормально, я даже прослушал сообщение Эммы на автоответчике, в котором она совершенно нормальным голосом желала ей приятных выходных и подтверждала Светлане, что она будет в Замке, как они и договаривались. А в понедельник утром она уже приехала «заведённой», и на простой вопрос Светланы о том, почему она не включила свой мобильный телефон в воскресенье, как она просила её сделать на случай крайней необходимости, Эмма ей ответила резко и в грубой форме, повернулась и ушла. Напоследок Светлана сказала ей о том, чтобы она подумала о своём поведении и потом позвонила ей…

Светлана так и никогда не дождалась от «подруги» звонка, зато через некоторое время получила от неё официальное письмо, в котором Эмма обвиняла Светлану в создании стресса, в результате чего у неё возникла депрессия, и письмо с уведомлением о том, что она вызывает её в суд, который уже назначен на 19 ноября! И при этом всё было оформлено в наихудшем для Светланы виде. Эмма хотела обвинить Светлану в доведении работника до состояния депрессии… Но, когда я прослушал на автоответчике последнее сообщение Эммы для Светланы, в её голосе и интонациях не было не только депрессивных ноток, а скорее наоборот, её голос звучал радостно и довольно. Что же такое могло произойти за одно воскресенье, если учесть, что Светлана с ней не обмолвилась даже словечком?!

А если Светлана не обмолвилась со своей «лучшей подругой», то кто же тогда «обмолвился» с ней словечком и что такое сказал, а вполне возможно и предложил, что утром в понедельник Эмма как с цепи сорвалась и стала творить невообразимое? Для Светланы это был сильный удар, такого предательства она от неё не ожидала! Светлана в эти дни говорила мне, что два года назад один из наших садовников начал грязную игру, обвинив Светлану в том, что она создала ему стресс, и он заработал депрессию и хотел, чтобы Светлана пожизненно платила ему пособие, соизмеримое с зарплатой, а если он умрёт, чтобы продолжала платить его жене и детям! Абсурд полнейший, но во Франции весьма странные, с моей точки зрения, законы. Он даже предоставил справку от врача.

Только по настоянию своего хорошего знакомого Жерара Шартье, Светлана наняла адвоката, и он пригласил Терри на проверку его диагноза экспертом, который быстро установил, что этот человек всё симулирует! Так вот, даже после такого разрешения ситуации Светлана не стала подавать на этого человека в суд за клевету и попытку провернуть афёру. Ей просто было жалко его детей, потому что она бы стопроцентно выиграла это дело о мошенничестве, и тогда Терри, вместо того, чтобы получить обманом себе безбедную жизнь, потерял бы всё, и его семья оказалась бы на улице. Светлана не смогла пойти на такое, а он

спокойно пошёл на заведомый обман. Вопрос только в том, сам ли он сообразил такое или кто-то ему посоветовал такое сделать, а может быть ещё и денег дал!

Потом был ещё один аналогичный случай, только ещё с более тяжёлыми последствиями, который «почему-то» нарисовался практически сразу, как только провалился план с Терри. Тогда удалось разоблачить нового проходимца по имени Джордж, который, ко всему прочему, принадлежал к старинной аристократической польской фамилии, но в котором аристократизма оказалось меньше, чем у дворника.

Так вот, Эмма возмущалась непорядочностью этих людей, говорила Светлане о том, как такое вообще человек может делать в ответ на всё хорошее, что для них сделала Светлана…

И вот, когда Джордж пролетел со своей афёрой «как фанера над Парижем», вышла в аналогичное «плавание» возмущённая таким непорядочным поведением Эмма! Я не буду детально расписывать афёру Джорджа, но в ней было всё — от подделки подписи Светланы и неоднократно, до финансовых махинаций.

Эмма, которую Светлана считала своей близкой подругой, ей нанесла самый предательский удар, и произошло это в начале октября этого года, когда с афёрой Джорджа уже было полностью покончено. Сразу напрашивается вывод: было ли случайностью то, что каждая новая подлость появлялась только после того, как предыдущая терпела фиаско?! И ответ напрашивается сам собой — кто-то стоял за спиной этих людей!

Конечно, кукловоды использовали слабости этих людей, их жадность, трусость, фальшивость. Но они действовали из года в год, непрерывно создавая нам со Светланой проблемы, с которыми нам волей-неволей приходилось разбираться. Травля нас на всех уровнях началась не вчера и даже не год назад. Она началась ещё в Советском Союзе в 1989 году, сначала только против меня, а потом и против нас вместе. И особенно эта травля усилилась после моего возвращения в Россию, когда мне удалось, несмотря на все препоны, вернуться на Родину. Перед этим нам не давали увидеться в течение **ТРЁХ ЛЕТ**! Светлана жила во Франции, а я продолжал жить в Сан-Франциско. До этого Светлана получала в иммиграционной службе США разрешение на въезд в США, так как она имела право находиться на территории этой страны до тех пор, пока я имел право работать в США. И когда она была в США последний раз в 2003 году, и пошла получать новое разрешение на въезд в США взамен уже закончившегося, ей отказали, сославшись на то, что мой статус уже аннулирован, хотя это было не так. Я об этом ещё буду писать в своей автобиографии, когда дойду до этого времени, и если мне не помешают дописать её, как это произошло со Светланой.

Светлана не могла ждать неизвестно чего и вылетела во Францию, не имея на руках документа, позволяющего ей вернуться в эту страну. Она была очень расстроена всем этим и боялась, что нам не дадут увидеться друг с другом. Прилетев во Францию, Светлана пошла в американское посольство, чтобы получить визу. Сначала всё шло вроде бы хорошо, она даже оплатила многократную визу на три года, но… на этом её радость и закончилась. Когда она подошла

к окошку за получением визы, ей сказали, что, к сожалению, ей не могут выдать визу, так как она имеет статус по моим рабочим делам и… поэтому ей визу выдать не могут. Нам сразу вспомнились советские времена, когда человек, для того чтобы прописаться в другом месте, должен был предоставить справку с работы, а для того чтобы устроиться на работу, требовалась справка с места жительства! Так и в этой ситуации — в Америке иммиграционные власти написали в своём отказе в выдаче нового разрешения на въезд в страну, потому что мой статус аннулирован, а в посольстве США в Париже Светлане сказали, что ей не могут выдать визу, так как у меня, а значит и у неё есть статус!

И начались долгие три года, когда мы общались со Светланой по телефону. Мы и раньше часто общались с ней по телефону, когда она по своим дизайнерским делам находилась сначала в Беверли Хиллс *(Beverly Hills)* в Калифорнии, а потом в Париже, а потом и в нашем Замке. Но при телефоном общении мы, тем не менее, очень часто виделись, особенно когда Светлана начинала свою дизайнерскую деятельность в Лос-Анджелесе.

С осени 2003 года у нас со Светланой осталось **ТОЛЬКО** телефонное общение. Светлана очень волновалась, что нам никогда не дадут увидеться, мы оба прекрасно понимали, что нас пытаются разлучить. Но, несмотря на разлуку, мы не только стали ближе друг другу, но и продолжали вместе работать наперекор паразитам. Наша встреча состоялась только через три долгих года, когда я, наконец-то, получил новый паспорт и возвратился в Россию. Благодаря помощи друзей, Светлана быстро получила российскую визу, и я, улетая из Сан-Франциско, взял билет через Париж, а для Светланы взял билет из Парижа до Москвы рядом с собой. И вот, когда я прилетел в Париж и перебрался из сектора, в который прилетел самолёт из Сан-Франциско, в сектор, из которого вылетал самолёт на Москву, увидел взволнованную Светлану. Она, увидев меня издалека, замерла на мгновение, и потом, раскинув руки в стороны, как маленькая девочка, побежала мне навстречу…

В понедельник утром 15-го ноября выяснилось, что для экстренного получения визы необходимо свидетельство о смерти. Я связался с Фредерик и попросил её взять такое свидетельство, но, как она мне сообщила, согласно французским законам, свидетельство о смерти выдают только после вскрытия, которое назначено на вторник, 16 ноября. Я сообщил об этом друзьям, которые мне помогали с визой, и мне сказали, чтобы я предоставил хотя бы телеграмму. Я вновь позвонил Фредерик, и она поехала на почту. На почте ей вновь сказали, что заверенную телеграмму о смерти без свидетельства о смерти они отправить на могут… Короче, только во второй половине понедельника Фредерик прислала телеграмму от себя самой с сообщением о том, что Светлана мертва… И с этой телеграммой во французском посольстве мне согласились выдать визу для меня и моего друга Александра Фадеева, который предложил поехать со мной, чтобы помочь мне в такое тяжёлое для меня время, за что я ему премного благодарен. Вопрос с визой был принципиально решён, только получить её можно

было уже во вторник 16-го ноября. Александр утром отправился во французское посольство и получил многократные визы, которые нам выдали на полгода.

Когда наступила ясность с визами, ещё в понедельник Александр спросил меня о том, на какое время и день брать билеты. Он был постоянно на связи со своими знакомыми из туристического агентства, и мне нужно было принимать решение. Вылетать на ночь глядя во вторник я не видел смысла, и поэтому было принято решение вылететь рано утром в среду, 17-го ноября. Выезжать из дому нужно было в полчетвёртого утра, так что и во вторник я тоже не спал, хотя и пытался прилечь. И вот мы уже едем в аэропорт… Регистрацию и границу мы с Александром прошли очень быстро и стали ожидать посадку на самолёт. Самолёт вылетел вовремя, но в полёте нам с Александром не получилось раз(с)слабиться даже на минуту. Мы оба с ним под два метра ростом, а у меня ещё и мои габариты «дюймовочки», и, оказавшись в очень узких даже для людей среднего роста креслах экономического класса, нам с ним совершенно некуда было девать свои ноги. Так что четыре часа полёта были для нас своеобразной пыткой — мы почти не могли шевелиться в этих креслах. Но это было не столь важным, я был рад, если можно так сказать в подобной ситуации, что лечу во Францию и смогу увидеть свою Светлану…

Каждый раз, стоит мне вспомнить нашу встречу через три года в парижском аэропорту Де Голя, я вижу сияющую Светлану с распростёртыми в стороны руками, которая побежала ко мне навстречу… Такие моменты навсегда врезаются в память и оживают каждый раз, когда о них подумаешь… Эта встреча в аэропорту волею судьбы и врагов, стала **ПОСЛЕДНЕЙ** нашей встречей, **ПОСЛЕДНЕЙ** радостью, потому что было и **ПОСЛЕДНЕЕ** расставание! Расставание, когда я последний раз видел Светлану, как и любое другое наше расставание, всегда было для меня грустным, всегда моё сердце охватывала глубокая печаль, так как при условиях, которые нас окружали, нельзя было быть уверенным в том, что будет новая встреча… Но я никогда не мог даже предположить, что последний раз вижу Светлану своими собственными глазами, последний раз её обнимаю и что я уже никогда не смогу увидеть Светлану живой.

Я всегда думал, что, скорее всего, погибну от рук врагов именно я, так как почти всегда серьёзно враги земные били сначала меня, а потом только Светлану. А враги «тамошние» практически всегда били нас одновременно, и мне приходилось находить ключ к очередной пакости на своём собственном опыте, а потом я освобождал и Светлану. Это бывало довольно-таки часто, особенно в последние четыре года, после моего возвращения в Россию. Раньше нас тоже били, и били сильно, но… только после моего возвращения в Россию паразиты просто взбесились. Я в своей автобиографии ещё буду писать о том, на какие уловки шли власти США, чтобы не выпустить меня из страны, но об этом в другое время… И били они нас так, что без решения очередной проблемы и восстановления повреждений, о совместной работе не могло было быть и речи, в первую очередь из-за того, что я не хотел, чтобы Светлана работала на износ, что происходит неизбежно, если работать при серьёзных повреждениях.

Били не только с других уровней, организовывали и покушения на чисто земном уровне, в прошлом году, когда Светлана первый раз поехала в Окситанию для своих исследований, связанных с Марией Магдалиной и катарами, друзья меня прямо предупреждали, что и на неё и на меня идёт активная охота. Я усилил защиту Светланы, и тогда всё обошлось, хотя организовать «несчастный» случай в пещерах, в которых полно глубоких трещин и пропастей, было несложно. Практически каждый раз, когда Светлана покидала Замок, я ставил защиту, чтобы «случайно» какой-нибудь грузовик не выехал на встречное движение и т.п. И хочу сразу предупредить, что о готовящихся покушениях спецслужб разных стран мне сообщали и предупреждали соратники именно из этих самых спецслужб. Так что у провокаторов не будет возможности заверещать о том, что я сам придумываю мифические покушения на себя и свою жену, а потом же сам их «героически» преодолеваю!

Вообще-то, весьма странная логика у этих провокаторов и «правдоискателей»! Когда я говорил и описывал многочисленные попытки устранения сначала меня, а потом и Светланы, они с пеной у рта кричали о том, что это я себе набиваю цену, что устраиваю себе пиар, создаю себе облик героя и т.д. А когда врагам всё-таки удалось подло дотянуться своими грязными лапами до Светланы, тут же завопили о том, что он **ДАЖЕ** свою жену защитить не может?! Эти паразиты из любой ситуации вывернутся! И кричат об этом, несмотря на то, что я писал и многократно говорил, что для того, чтобы мне создать защиту — мне необходимо знать, от какого оружия его создавать!

Я не мастер придумывать средства уничтожения, мой мозг не работает в этом ключе, но… если я столкнулся с чем-то, то уж найти вариант противостояния оружию мне удавалось всегда, как удалось создать анти-оружие и против инфразвукового оружия, которое считалось абсолютным оружием и против которого не было защиты, оно проникало везде, сквозь воздух, землю, воду, толстые свинцовые плиты. Единственное место, где от него можно было бы спрятаться — в космическом пространстве, и то, если отключить все средства связи! Теперь защита против этого оружия есть, и эта защита уже спасла жизнь нескольким людям, но Светлана заплатила своей жизнью за то, чтобы подобное стало возможным. Она, даже погибнув, продолжает спасать жизни другим!

Кстати, по поводу защиты! Я для многих участников Движения создал защиту на простых носителях, типа колец, кулонов, брелков для ключей. Одним единственным условием действия этой защиты является наличие оных предметов у человека в моменты опасности. За это время люди мне не один раз сообщали о том, что, попав в серьёзные аварии, они сами и все находящиеся рядом с ними не получали даже царапин, даже при лобовом столкновении автомобилей! К сожалению, моя защита не распространялась на людей в других машинах, которые становились участниками этих аварий, и люди в этих машинах погибали… Один человек сообщил мне о том, что в одном из таких случаев лобового столкновения машин за рулём машины сидел не он сам, имеющий мою защиту, а его сын, и что в машине был ещё один человек и собака, и… ни у кого, даже у

собаки, не было даже царапины! А сколько других случаев, когда моя защита работает, но нет такого визуального подтверждения. Несколько раз мне пришлось даже создавать для людей новый защитный прибор, так как даже камни, принимая на себя удар, раскалывались на части, хотя никто и ничем по ним не бил, и что самое интересное, так это то, что раскол камней был идеально ровный, и сам полированный камень оставался неповреждённым, только расколотым на две части…

Многие читатели уже успели познакомиться со Светланой, прочитав главы её книги, но она не успела описать ещё очень многого из своей жизни. Она не очень много говорила о себе, всегда была очень скромной, я бы даже сказал чересчур скромной. Она никогда не считала чем-то особенным и важным всё то, что делала сама. А на самом деле, всё обстояло с точностью до наоборот. Иногда мы затрагивали в беседе ту или иную тему, и она, увлекаясь, начинала рассказывать некоторые очень интересные факты из своей собственной жизни… Как жаль, что она это делала не так уж часто. Многие события из её жизни я сам узнал, когда читал главы её книги, она не видела смысла мне рассказывать обо всём этом. Одной из причин этому, конечно, была и наша занятость всеми делами, когда свободного времени практически не оставалось. И Светлана не видела смысла говорить о каких-то своих детских впечатлениях, когда решаются дела масштаба планеты и более, ей казалось, что её собственные дела не стоят внимания. Но, тем не менее, некоторые свои воспоминания всё-таки она мне рассказала.

Одной из тем нашего разговора однажды был вопрос о языках, откуда пошли те или иные языки, когда они появились и т.д. И вот Светлана, увлёкшись, рассказала мне один случай из своего детства. Как уже многие знают, она родилась в Литве, в небольшом городке под названием Алитус. Она, когда пришло время, пошла в школу и в ней изучала, как и все школьники Литвы, литовский язык. Учитель литовского языка начал свои уроки с того, что стал говорить детям о том, какой великий и могучий литовский язык, о его древности и т.д. Светлана, послушав его, подняла руку, и когда учитель спросил её о том, что она хочет спросить, она задала ему вопрос, который просто поставил его в тупик! Она спросила своего учителя о том, что если литовский язык такой древний и великий, то почему тогда нет ни одной книги или документа раньше пятнадцатого века (если мне не изменяет память)?! И учителю было просто нечего ответить на её вопрос, и он её за это сильно невзлюбил, хотя, несмотря на это, Светлана всё равно и по его предмету имела отличные отметки…

Вопрос Светланы не является таким уж и странным для девочки, если учесть тот факт, что она читала много ещё с дошкольного возраста и, конечно же, была гораздо развитей и образованнее, чем её одноклассники. Но… во всём этом есть ещё и некоторые аспекты, которые или не знал, или не хотел затрагивать её учитель литовского языка. Во-первых, литовцы принадлежат к родам Свято Русов, т.е. они сами русы и славяне. Во-вторых, литовцы — это остатки некогда мощного племени западных русов — лютичей, основная масса которых

была уничтожена немцами в VII-IX веках н.э. Напомню, что путём обмана и предательства немцами были почти полностью уничтожены два мощных племенных союза западных русов — венедов и лютичей! Земли которых потом были захвачены этими же самыми немцами.

Любопытно и то, что в современной из(с)ТОРии даже упоминается версия происхождения названия Литвы от слова **ЛЮТЫЙ**, но не даётся привязка к тому, что существовал мощный племенной союз западных русов — лютичей! Кто-то очень старательно скрывает следы об этой печальной трагедии геноцида западных русов. Кроме этого, в той же «версии» событий прошлого приводится информация о том, что после «монголо-татарского» нашествия литовскими князьями были объединены многие русские земли Киевской Руси, и в этой версии говорится о том, что «дикие» литовцы переняли у русов Киевской Руси культуру и язык. Другими словами, во времена создания Великого Литовского княжества литовцы говорили на русском языке или, как минимум, на его диалекте! И это ещё не всё!

Литовцы, а точнее — лютичи — дольше всех сохранили ведические традиции и только в XIII-XIV веках были христианизированы и стали исповедовать католицизм! И именно с этого времени языки стали всё больше и больше отдаляться друг от друга. Аналогичное случилось и со шведами, и не только с ними, а со всеми племенами, которые были германизированы. И если учесть всё вышеизложенное, становится предельно ясно, почему учитель литовского языка не смог ответить на простой, казалось бы, вопрос своей любознательной ученицы…

* * *

Мы с Александром без проблем прошли границу, впрочем, как и все остальные. Мы вылетали во Францию без предварительного арендования машины, так как за сутки до отлёта забронировать машину не было никакой возможности. Поэтому, прилетев в Париж, мы пошли в прокат машин, надеясь, что у нас получится взять машину на месте. Простояв в очереди в одну из компаний по прокату машин, мы выяснили, что машину можно получить только по предварительному заказу. Это немного расстроило нас, но я спросил у клерка компании о том, не подскажет ли он, в какой из прокатных компаний можно получить машину без предварительного заказа? Девушка посоветовала обратиться в компанию *«Hertz»*, что мы и сделали. Нам повезло в том, что у этой компании можно было не только получить машину без предварительного заказа, но и в том, что у них оказались машины больших габаритов. Я выбрал «Мерседес-Бенс», который оказался серебристого цвета и практически новый. Оформив все документы, мы готовы были двигаться, но... возникла одна проблема. Навигатор был на французском языке, и у нас не получилось сразу ввести новые данные. За руль сел Александр, и мы двинулись в путь, рассчитывая на то, что увидим указатели на трассе, но... указатели, которые могли бы нам помочь сориентироваться, нам не попадались. Покружив минут 30-40 в поисках нужного выезда в направлении города Тура, решили остановиться и немного разобраться. Благо, что у нас был свой навигатор на русском языке. Потребовалось

несколько минут на то, чтобы наш навигатор подключился к французской навигационной системе, и, наконец, Александр, введя адрес нашего Замка, получил желаемое — навигатор заработал! С этого момента всё пошло в нужном русле. И потянулись километры дороги. Я, устроившись поудобнее в своём сиденье, периодически выключался, чему в немалой степени способствовали монотонность дороги и отсутствие нормального сна у меня в течение продолжительного времени. Примерно через час у нас возникла ситуация. Александр выключился на несколько секунд тоже, ведь он тоже не спал нормально уже несколько ночей.

И несколько секунд мы оба в машине были в отключке. Когда выключился и Александр, сработала моя защита. Я мгновенно проснулся и голосом разбудил Александра. И это произошло в самый последний момент, когда машина на скорости 130 км/ч уже неслась на бетонное ограждение трассы. Александр проснулся мгновенно и среагировал мгновенно тоже — машина только коснулась колёсами бетонного ограждения. Через некоторое время Александр остановил машину и осмотрел её — на удивление, всё обошлось, даже не было царапин, не говоря уже о чём-то более серьёзном. Если бы этого не произошло, машина, ударившись о бетонное ограждение трассы, скорее всего, перевернулась бы, со всеми вытекающими последствиями при скорости в 130км/ч на довольно-таки оживлённой трассе.

Но моя защита и Александр сработали хорошо, так что паразитам не получилось порадоваться и похоронить и Светлану, и меня одновременно. На этом наши дорожные приключения закончились. Во Франции многие дороги платные, въезжаешь на трассу — получаешь билетик. Съезжаешь с трассы — по этому билетику платишь! Плата относительно небольшая, но, тем не менее... Благодаря навигатору, мы приехали прямо к воротам Замка. Я позвонил Фредерик, и через десять минут она появилась и сообщила о том, что Замок полностью опечатан жандармерией, и что нет возможности пройти даже на кухню, которая ранее не была опечатана. Уже вечерело, и на предложение Фредерик осмотреть свои владения почти в полной темноте я отказался. Я взял у неё адрес гостиницы, в которой она забронировала для нас с Александром номера. Александр ввёл этот адрес в навигатор, и мы отправились в гостиницу. Наша гостиница оказалась в небольшом городке Шинон (Chinon), что в одиннадцати километрах от нашего Замка. Мы быстро нашли место нахождения гостиницы, но саму гостиницу нашли не сразу, хотя пару раз проходили мимо неё. Так или иначе, поблуждав немного, мы её нашли, и каждый занял свой номер. Мы нашли ресторанчик, который был ещё открыт, перекусили и отправились отдыхать. Фредерик сообщила мне, что завтра, 18 ноября, следователь из жандармерии ждёт меня в 10 часов утра. Где находится жандармерия, мы с Александром уже успели выяснить, когда искали свою гостиницу. Перекусив в ресторане, который ещё был открыт, мы отправились в свою гостиницу, чтобы **«протянуть свои ноги»**, пока ещё, в самом прямом смысле этого слова. После такого путешествия ноги судорогами сводило и у меня, и у Александра, как это выяснилось сле-

дующим утром. Всё-таки сидение, не имея практически возможности пошевелиться в течение нескольких часов в самолёте, а потом в машине ещё несколько часов, дало о себе знать. Как оказалось, на людей двухметрового роста и выше никто не рассчитывает. А авиаперевозчиков вообще не интересует, куда люди такого роста будут девать свои ноги, втиснувшись в узкие кресла авиасалона, но это так, небольшое лирическое отступление…

В 10 часов утра в четверг, 18 ноября, мы пришли в жандармерию. Я назвал имя и сообщил о том, что мне назначено прийти к этому времени. Конечно, я говорил по-английски. Французы очень не любят англичан и стараются не говорить по-английски без крайней на то необходимости, даже если и свободно владеют этим языком. К десяти часам явилась переводчица с русского на французский, и началась беседа-допрос. Следователь-жандарм сразу заявил, что это дело находится на прямом контроле прокурора республики, после чего попросил Александра подождать меня снаружи. Александр вернулся в отель и попросил меня позвонить, когда допрос закончится. Первое, что меня спросил следователь, каким образом я узнал, что моя жена мертва? Для него было удивительно, что я позвонил нашей горничной и попросил её проверить, всё ли в порядке со Светланой. Когда Фредерик нашла Светлану, её тело было ещё тёплым. Тёплым тело было и когда в Замок приехали жандармы, а это было не ранее чем через два часа после её смерти. Об этом сказал мне сам следователь. То, что я пытался вернуть Светлану к жизни, к сожалению, безуспешно по написанным выше причинам, привело к тому, что жизнь в клетках её тела продолжала ещё теплиться довольно долго, но… давление крови на сердце Светланы не давало мне возможности его запустить. Я не стал ему рассказывать всё, а сказал только, что я почувствовал что-то неладное и поэтому позвонил Фредерик…

После чего началась беседа-допрос, которая продолжалась в общей сложности семь с половиной часов! Конечно, беседу удлинил тот факт, что общаться приходилось через переводчика, но, тем не менее, семь с половиной часов остаются семью с половиной часами. Много вопросов было о том времени, когда Светлана работала дизайнером высокой моды.

Мало кто знал о том, что Светлана была принята в так называемый Синдикат высокой моды, в котором она была единственной представительницей из стран бывшего Советского Союза! Её номинировали на звание лучшего дизайнера двадцатого века, что создало ей много врагов в мире высокой моды, и в первую очередь потому, что она была независима, а это многим не нравилось. Об этом я ещё буду писать в своей автобиографии. И это стало причиной того, что ей организовали дружный бойкот, и в первую очередь, хозяева Домов высокой моды, так как её творчество грозило им огромными убытками, потому что большинство дизайнеров «высокой» моды не могут создать ничего нового, а только копируют то, что люди уже успели позабыть, называя это «творчеством», созданием коллекции под «вдохновением», взять хотя бы того же Кристиана Диора, которому, кстати, свои эскизы продавал дизайнер, известный под именем

Эрте, хотя у него была и настоящая фамилия. Эрте — псевдоним русского художника Тыртова Романа Петровича, дворянского происхождения. Но это отдельная повесть. Кстати, Светлана хотела написать книгу о «высокой моде», свою книгу, своё видение этого мира, который далёк от глянцевого образа, который ему создали.

Я говорил следователю и о том, что Светлана работала над книгами о катарах и настоящих тамплиерах, о Великом прошлом, в том числе и Франции, и что её смерть сделала всё это невозможным… В конце допроса-беседы он спросил меня о том, что я сам думаю о причинах смерти Светланы. Я ему ответил, что я знаю, кто и как убил Светлану, только у меня нет доказательств этого. Следователь, тем не менее, предложил мне изложить мою версию событий, что я и сделал. Я рассказал ему об инфразвуковом оружии и принципах его действия. Как ни странно, он не посчитал мои слова вымыслом или бредом, наоборот, он очень внимательно меня выслушал и вскоре после этого пошёл докладывать прокурору республики о результатах нашей беседы-допроса.

Следователь отсутствовал примерно полчаса и, вернувшись, сообщил мне следующее: что он сейчас отдаст мне паспорт Светланы, её телефон, а завтра утром, несмотря на выходной в мэрии, он оформит свидетельство о смерти Светланы, без которого невозможно было даже начинать подготовку к её похоронам. Завтра же с Замка будут сняты все печати, и я смогу войти в него. После чего он сказал ещё и следующее, что, несмотря на всё сказанное, и несмотря на то, что в Замке не было обнаружено никаких посторонних следов, расследование смерти Светланы не прекращается. А это могло означать только одно — её смерть не была естественной, и тем самым следователь подтвердил мою версию событий. После чего следователь вернул мне паспорт Светланы, её телефон и проводил до выхода. На выходе он мне сказал по-английски, что интересен тот факт, что после того, как я пересёк границу Франции, доступ на мой сайт стал невозможен! Не правда ли, любопытный факт?! Следователь, во-первых, дал мне понять о том, что он знаком с содержанием моего сайта и имеет некоторое представление о том, кто я такой. А во-вторых, что он свободно читает по-английски, так как у меня ещё нет версии сайта на французском языке. А в-третьих, что кто-то заблокировал для французов доступ на мой сайт…

Я вернулся в гостиницу, где меня ожидал Александр, и позвонил Фредерик сообщить о том, что к 6 часам вечера я смогу подъехать на встречу с Жераром Шартье, который ожидал меня с двух часов дня. Опять-таки, когда мы подъехали, уже было темно, я ещё раз извинился перед Жераром за такую задержку, но он прекрасно понимал, что продолжительность беседы-допроса не зависит от меня. Жерар совсем не говорит по-английски, поэтому Фредерик выступила в роли переводчицы с английского на французский и обратно. Мы познакомились друг с другом, хотя и он, и я знали друг о друге достаточно. Светлана много рассказывала мне о нём. Он сказал, что мне нужно переоформить и подписать очень много бумаг в силу того, что Светланы уже нет…

Светланы уже нет… Всё моё существо не хотело этого принимать. И это несмотря на то, что я сам видел по Скайпу её тело, лежащее на полу в комнате нашего Замка. Несмотря на то, что я сам видел, как врачи скорой помощи через минут тридцать-сорок после своего приезда сделали ей кардиограмму, которая показывала долгую прямую линию… несмотря на всё это, моя душа не хотела принимать тот факт, что её физическое тело уже мертво, что я уже не услышу её мелодичный голос, не увижу её удивительную улыбку, не услышу её смеха и не смогу заглянуть в её прекрасные глаза… Всё это мне казалось каким-то дурным сном, и что стоит мне только открыть глаза, всё это исчезнет и я услышу звонок по Скайпу или по телефону, и моя суженная скажет мне своим удивительным голосом: «Просыпайся, соня! Сколько можно дрыхнуть!!!» Но мои глаза открыты, и всё происходящее не из дурного сна. Особенно тяжело по утрам, когда только-только откроешь глаза и ещё не успеваешь сообразить, где ты, какой сегодня день, и какова реальность… Но когда просыпаешься полностью, к сожалению, понимаешь, что это не дурной сон, а самая что ни на есть реальность.

Тем не менее, в глубине души всё ещё теплилась надежда, что всё происходящее — не самый удачный розыгрыш. Так и казалось, что неожиданно появится Светлана и скажет: привет, а вот и я! Сознание не хотело принимать тот факт, что у кого-то могла подняться на неё рука. Но рука поднялась…

В памяти всплывает множество событий и фактов о том, какая Светлана, какая у неё душа… Как-то раз Светлана позвонила мне и сказала, чтобы я связался с нашими общими знакомыми по Сан-Франциско и передал им, что в такой-то день их дочь Вероника утонет. Самое интересное в этом было то, что наши друзья именно в это время в июне 2004 или 2005 гг. со своими детьми отдыхали на Гавайях. Я, конечно, передал её предупреждение и кроме этого, по просьбе её родителей, ещё и поставил свою защиту на девочку. Ей, конечно, никто ничего не объяснял, но самое интересное было в том, что в тот день Веронику невозможно было затащить даже в бассейн, хотя ей никто ничего не говорил о том, что в этот день она должна была утонуть. Если бы Светлана не сообщила об опасности, девчушка, скорей всего, утонула бы. Но Светлана спасала не только своим даром предвидения, благодаря которому осталась жива Вероника и многие другие. Множество раз во время работы с разными проблемами и задачами удавалось предотвратить многие катастрофы и катаклизмы, как планетарного масштаба, так и гораздо большего. Но и это ещё не всё…

Летом 2005 года произошло одно маленькое событие в масштабах вселенной, которое показало и характер Светланы, и её самоотверженность. Светлана долго не могла дозваться нашего сенбернара Зиту, и, волнуясь за свою любимицу, она отправилась на её поиски. Через некоторое время Светлана обнаружила её в нашем большом летнем бассейне, в который она свалилась и никак не могла выбраться наверх. Уровень воды в бассейне сантиметров на семьдесят был ниже бетонной кромки и… Зита просто не имела возможности оттуда выбраться самостоятельно. Силы Зиты были уже на исходе, и она уже начинала

тонуть. Светлана, не задумываясь, прыгнула в воду, чтобы спасти свою любимицу.

Зита уже начинала захлёбываться и, видя это, Светлана предприняла отчаянную попытку вытолкнуть её наверх. Светлана и сама в том месте бассейна не могла достать ногами до дна, а Зита была взрослой самкой сенбернара и весила прилично. Несколько попыток Светланы вытолкнуть Зиту на берег не увенчались успехом. При этих попытках Светлана сама с головой уходила под воду, но она не оставила Зиту тонуть и предприняла ещё попытки вытолкнуть её на берег, одна из которых увенчалась успехом! Как Светлане удалось это сделать — мне непонятно до сих пор! И только после того, как Светлана спасла Зиту, она, уставшая, сама еле выбралась на берег из бассейна. И при этом была безмерно счастлива, что ей вовремя удалось обнаружить и спасти Зиту! Ещё каких-нибудь десять-пятнадцать минут и Зита бы утонула!!!

Это событие наглядно демонстрирует характер Светланы, её самоотверженность. Она очень любила жизнь, всё живое, каждую травинку-хворостинку, каждый кустик, каждое деревце, каждую пичужку и любую животину. И, несмотря на предательства, любила людей, была открыта к людям всей душой, не ожесточалась сердцем, хотя её такое маленькое и одновременно огромное сердце истекало кровью не только от ударов тёмных, но и от предательства тех людей, которым она открывала своё сердечко. Она всегда верила и верит, несмотря ни на что, в хорошее в людях, в том, что у каждого человека живая душа. Она просто не могла по-другому, зато многие (но не все), кому она открывала своё сердце и душу, предавали её из страха за свою собственную шкуру, или ради корысти, или из зависти, что сами не могли быть такими же даже на один процент! Светлана никогда не прятала своё лицо и не пряталась за чужой спиной, она знала, за что борется, ради чего рискует своей жизнью практически каждый день, а часто и по несколько раз в день! Она была и есть Светлый Воин в полном смысле этого слова, была Валькирией и Дарой в одном лице!..

* * *

В пятницу утром, 19 ноября, мы с Александром покинули гостиницу, в которой пришлось переночевать два дня. Фредерик сообщила мне утром о том, что жандармы сняли печати с Замка, и теперь можно было спокойно войти в свой собственный дом. Рассчитавшись за гостиницу, мы погрузили свои вещи в машину и… отправились в Замок. Фредерик открыла ворота, и я в первый раз с конца 1999 года, когда был приобретён этот Замок, вступил, точнее въехал, в своё собственное владение… Не так я представлял себе этот момент. Я мечтал приехать во Францию инкогнито, чтобы сделать Светлане сюрприз. Приехать к Замку, попросить Фредерик тайком открыть ворота и… подъехав к дверям Замка тихонечко войти внутрь и сказать: «А вот и я…»! И вот я в Замке, но не бежит мне навстречу радостная Светлана, не сияет на её лице солнечная улыбка, не слышно её мелодичного голоса… Стоит её обувь, на вешалках висит её одежда, везде, куда не брось взгляд, следы Светланиного присутствия, кажется, вот сейчас из комнаты выйдет Светлана, но проходит мгновение, другое… а Свет-

лана так и не появляется! Нет не так, совсем не так я представлял своё появление в нашем Замке после стольких лет невозможности в него попасть…

Судьба преподнесла мне печальный «подарок» — вступить в свой Замок, когда самое дорогое для моей души существо уже не в мире живых. Порой в голове мелькает мысль — а может быть, надо было уйти тогда, когда за нами приходили друзья, а не оставаться на этой Земле?! Тогда Светлана была бы жива, и мы бы вместе продолжали наше общее дело?! Ведь большинству людей ничего не надо, кроме как набить едой свой желудок, получить свои «удовольствия», как они это понимают, и ради этого они готовы быть рабами, предавать, убивать, лгать… Но тут же сам прогоняю эту мысль. Мы со Светланой остались на Мидгард-Земле не по чьему-то приказу или требованию, а по своей собственной воле, потому что это и наш дом, наша планета. И всё, что мы делали — делали не ради славы и наград, а потому что это наш долг, наша обязанность сделать всё, что в наших силах, чтобы освободить эту прекрасную планету от власти паразитов.

Светлана уже отдала свою жизнь ради этой цели, и я буду продолжать это дело до тех пор, пока бьётся моё сердце! Как долго оно будет биться, я не знаю — на войне, как на войне! Но пока оно будет биться, я не сверну с выбранной дороги, чего бы мне это ни стоило! Как сказал ещё маленькой Светлане её дедушка — **честь и человеческое достоинство никто не в силах отобрать у человека, человек может только сам их уронить**! И это действительно так! Рабская философия социального оружия паразитов очень сильно исказила сознание русов и других коренных народов Светлой Руси. И пришло время снимать дурманящую пелену этого оружия с сознания людей. Каждый проснувшийся человек, прочитавший мои и Светланины книги, наносит социальным паразитам сильный удар. С каждым проснувшимся их власть и сила слабеет, всё сильнее и сильнее страх и паника среди паразитов, которые уже чувствуют, что земля зашаталась у них под ногами, что сладкому для них и кровавому для всех остальных паразитированию приходит конец. Спящие просыпаются, и это стало уже неизбежным, как бы ни кричали паразиты с пеной у рта, что они несут людям добро и свет! Правда, не уточняют, что их «свет» — это мрак и хаос для всех остальных, что все остальные или будут уничтожены, или должны смириться с рабской участью!..

Во второй половине дня пятницы я получил свидетельство о смерти Светланы и адрес госпиталя, где находилось её тело. Всё происходящее было как в плохом сне, только от этого сна нельзя было проснуться… В детстве иногда у меня были «плохие сны», только позже я понял, что эти сны были реальными. В этих снах какой-нибудь монстр гнался за мной с одним только желанием — получить свой завтрак, обед или ужин, у меня как-то не было времени уточнять, к какой категории пиршества я предназначался. Итак, тот или иной монстр выходил на охоту, дичью в которой я был сам. До сих пор возникают ощущения опасности и ощущение загоняемой в ловушку дичи. И вот, когда монстр уже открывал в предвкушении пиршества свою пасть, под моими ногами разверза-

лась пропасть, я с криком падал в неё и… неожиданно оказывался в своей кровати в холодном поту…

В детстве я не понимал, откуда вдруг появлялась эта пропасть и почему, падая в неё, я оказывался в своей кровати, в своём теле, как бы я сказал сейчас. Мне всё это казалось тогда странным: и монстры, охотящиеся на меня, и неизвестно откуда появляющаяся пропасть. Тогда я был рад, что не стал чьим-то завтраком или обедом, и всё… Тогда всё заканчивалось благополучно, но в этот раз дурной сон не проходил. Я открывал глаза, и ничего не исчезало, всё происходило в реальности… Как бы мне хотелось, чтобы всё это было просто дурным сном, но, к сожалению, от моего желания ничего не менялось…

И завтра, в субботу 20 ноября у меня не останется никакой иллюзии по поводу гибели Светланы. Мне предстояло увидеть её тело, тело самого дорогого человека, которого я не видел долгих четыре года. И вот теперь мне предстояло первое свидание со Светланой через четыре года. Не о таком свидании я мечтал, но я был рад и этому, я очень боялся, что мне не дадут визу, и что Светлану похоронят без меня, и я даже не увижу её в последний раз перед этим. И вот утром следующего дня Александр вводит в навигатор адрес госпиталя города Тура, что в тридцати с лишним километрах от Замка, и мы отправляемся в путь...

Многие дороги во Франции платные, и, чтобы по ним проехать, на въезде получаешь билет с информацией о месте въезда, а при съезде оплачиваешь этот билет. Доехать до Тура стоит около четырёх евро. Заплатив за дорогу, мы, наконец, довольно-таки быстро, благодаря всё тому же навигатору, оказались у нужного госпиталя. Но столкнулись с небольшой проблемой. Все надписи, как и следовало ожидать, были на французском языке, и где находится морг госпиталя, мы не смогли определить. Тогда я зашёл в приёмную, показал медсестре свидетельство о смерти Светланы, и когда она мне начала объяснять что-то на французском языке, я сообщил медсестре, что говорю по-английски, но по-английски не говорила она. Через минут пятнадцать-двадцать появилась медсестра, которая более-менее сносно говорила по-английски и объяснила, как можно найти морг. И вот мы спускаемся вниз к моргу, звоним, я показываю вновь свидетельство о смерти и жестами показываю, что хотел бы увидеть тело моей жены. После нескольких минут возникает понимание, чего я хочу, и вот, меня приглашают в специальную комнату, куда уже привезли тело Светланы. Невероятно больно было увидеть тело дорогого тебе человека, лежащее на каталке морга.

Прошла уже неделя с момента убийства Светланы. Её тело было холодным, были видны грубые следы швов вскрытия, в моей душе возникло возмущение всем этим, зачем надо было так кромсать тело?! Я сел рядом с телом Светланы и стал гладить её лоб, её волосы, она так любила, когда я это делал. Я гладил её волосы и разговаривал с ней. Я знал, что её сущность рядом со мной, и что она слышит каждое моё слово. Я говорил и говорил с ней, продолжая гладить её волосы…

Вот каким оказалось наше первое свидание после четырёх лет разлуки…

Её кожа была совершенно нормального цвета, блестела и постепенно под моей рукой становилась тёплой. Казалось, что Светлана просто спит, и если бы не полнейшая неподвижность, столь несвойственная живому, можно было бы подумать, что она погрузилась в летаргический сон, но… швы вскрытия не оставляли сомнения в том, что это даже не летаргический сон, несмотря на здоровый цвет кожи. Даже смерть не могла убить в ней жизнь полностью. Я бы с радостью умер сам вместо неё. Я видел лицо смерти тысячи раз, но как невыносимо больно видеть безжизненное тело человека, который был тебе дороже всего, дороже твоей собственной жизни… Умирать не страшно, по крайней мере, мне. Самое страшное — видеть смерть близких тебе людей. Сразу начинаешь думать о том, что мало уделял времени, мало говорил тёплых слов, которые могли бы дать дополнительные силы, что зря не настаивал на том, чтобы провести важные работы, новые перестройки. Когда я видел бесконечно усталые глаза Светланы, становилось её жалко, и когда она просила о том, что можно поработать завтра или в выходные, когда не будет такой загруженности днём у меня… Вспоминая всё это, начинаешь винить себя в том, что не настоял, не убедил провести перестройку, несмотря на такую усталость, ведь тогда, скорее всего, Светлана осталась бы жива даже после такого удара. Так получилось, что реализация моего принципиально нового решения откладывалась уже третью неделю. Тревога во мне росла, и именно в пятницу 12 ноября, после того как начались новые мощные атаки, я сказал Светлане, что завтра, несмотря ни на что, я буду проводить свою новую перестройку, которая выведет нас на совершенно другой уровень, с которым уже точно тёмненькие ничего не смогут поделать… Но я так и не успел провести эту перестройку, и вот теперь… я смотрю на лишённое жизни тело Светланы, и от этого душа разрывается от боли…

Один человек мне написал, что он в прошлом сам был тёмным и ему приходилось самому убивать дорогих ему людей, и что тёмные тем и сильны, что они совершенно лишены эмоций… И чтобы их победить, нужно научиться у них быть безразличными ко всему… Может быть, у тёмных всё так и есть, но… я не собираюсь этому у них учиться. И никто не смог и не сможет питаться моей болью, хотя бы потому, что уже довольно-таки давно я сделал так, что все мои эмоции смертельно опасны для тёмных. Желающих отведать моих эмоций ждёт очень неприятный для них сюрприз — попав в тёмного, мои эмоции начинают его преобразовывать, так что получается почти как в той старой советской комедии «Джентльмены удачи»: «***Кушать подано, идите жрать, господа паразиты, только смотрите, не подавитесь***!!!» И кроме этого, я давно уже создал себе и Светлане систему «поплавка», когда изменение уровня эмоций автоматически приводит к изменению всего остального, так что даже при очень сильных эмоциях никакого нарушения гармонии и баланса не происходит. Правда, несмотря на это, практически никто и никогда не видит бурь моих эмоций, во-первых, потому, что очень сложно у меня вызвать такую бурю, а во-вторых, потому, что если такое и случается — это мало проявляется внешне. Я всё держу внутри себя. И одна из причин этому такова, что если я выплесну свои эмоции наружу, это может привести к весьма плачевным результатам, о чём

я напишу не сейчас и не здесь. Способность управлять своими эмоциями не означает их отсутствия! Я не был никогда и не буду без(с)чувственным болваном, которому всё «до лампочки» — живая душа не может быть безразличной к страданиям и боли других. Только реакция живого человека должна быть не в причитаниях и утешении, а в активном действии! В действии, которое невозможно без живого, горячего сердца, только тогда ты можешь считать себя собственно человеком!.. Конечно, нелегко улыбаться, смеяться, когда у тебя на душе «скребут кошки», и душа страдает. Вот это надо уметь, этим надо овладеть, несмотря ни на что, чтобы паразиты не могли порадоваться твоему горю, а ещё надо в этом состоянии продолжать с ними сражаться с упорством в тысячу раз большим, чем раньше. Вот это действительно надо уметь делать! И это нужно для того, чтобы враги никогда и ничем не могли сломить твою волю, сломать тебя, заставить отречься от дела всей твоей жизни…

Как-то незаметно, как одно мгновение, промелькнули два часа, и хотя меня никто не без(с)покоил всё это время, я понимал, что я не могу просидеть рядом со Светланой всё время…

Как ни печально, но нужно было уходить. Я поцеловал её прекрасные глаза, губы и попрощался до следующего свидания. Выйдя из комнаты с телом Светланы, я на пальцах выяснил у санитара время посещения, точнее — на пальцах я ему показал, чтобы он написал мне время работы морга. Оказалось, что они работают семь дней недели, и посещения возможны с 9 часов утра до 19 часов вечера. Это было единственной хорошей новостью, если можно так сказать. Дело в том, что в пятницу 19 ноября я беседовал с человеком из похоронного бюро о времени кремации тела Светланы, и был определён день — 24 ноября 2010 года, в 14 часов дня. Работник похоронного бюро сообщил мне, что 24 числа в 10 часов утра он со своим помощником приедет в морг, перенесёт тело в гроб, после чего гроб с телом закрывается крышкой намертво, и комиссар полиции своей печатью опечатывает гроб. И что опечатанный гроб и будет в дальнейшем кремирован…

Таким образом, у меня оставалось четыре дня, когда я могу посетить Светлану. Четыре дня… четыре свидания подарила мне судьба за четыре года разлуки — по одному дню за каждый год!!! Вот уж точно, никак иначе как иронией судьбы всё это не назовёшь… только эта ирония судьбы была без «лёгкого пара» и без счастливого конца… Счётчик был запущен, с каждым днём приближался день, когда тело Светланы будет кремировано… Каждый день мы с Александром приезжали к Светлане (не хочется писать «в морг»), и я проводил рядом с ней не менее двух часов… И каждый раз, я удивлялся тому, что цвет её лица, состояние её кожи были совершенно нормальными, не было никаких признаков смерти… И возникала мысль, что может быть не стоит кремировать или хоронить её тело, а попробовать всё-таки что-нибудь сделать, чтобы вернуть Светлану к жизни. Но следы вскрытия каждый раз гасили эту мою последнюю надежду вернуть к жизни **ЭТО ТЕЛО**.

После работы патологоанатома в её теле не осталось ни одного органа, который был бы не повреждён скальпелем. Вскрывали даже череп и вынимали мозг. Я не сомневаюсь, что вскрытие тела Светланы не было обычным, особенно если учесть, какое внимание власти уделяли всему этому. Власти прекрасно знали (правда, далеко не всё), кем была при жизни Светлана, и, пользуясь полной своей безнаказанностью и без(с)контрольностью, вне всякого сомнения, взяли для изучения образцы тканей, а может быть, и весь мозг… Очень уж интересует паразитов, каким образом человеческий мозг может делать невероятное, с их точки зрения. Никак не могут понять паразиты своим скудным умом, что все возможности формируются на тех уровнях, которые недоступны для скальпеля патологоанатома, и всё продолжают искать… чёрную кошку, в чёрной комнате, когда её там нет…

В один из дней посещения Светланы я обратил внимание на то, что из швов после вскрытия продолжает сочиться сукровица, даже на десятый день после смерти… И этот факт, как мне объяснила Надежда Яковлевна Аншукова — врач, всю свою жизнь проработавшая в медицине, — говорит о том, что смерть была насильственной. Так как, если человек умирает естественной смертью, в его организме вырабатывается много адреналина, и кровь быстро сворачивается. Если же смерть насильственная и очень быстрая, то надпочечники не успевают выработать адреналин, со всеми вытекающими последствиями… Так что и это подтверждает факт убийства Светланы…

Каждый день кожа Светланы становилась на вид здоровее, возвращался её цвет, эластичность. Конечно, это было связано и с тем, что каждый день я проводил по два часа рядом с телом Светланы и гладил её лоб и волосы. Моя жизненная сила наполняла её, и клетки тела понемногу оживали, но… но, после вскрытия, не могло быть и речи о том, чтобы ожила и сама Светлана. Если бы я был рядом с ней, когда всё это случилось, то я бы смог всё-таки вернуть её к жизни… Скорее всего, если бы я был рядом с ней, ничего не произошло бы вообще или мы погибли бы одновременно. Светлана всегда говорила мне, что она ни за что не останется одна, без меня, и что её мечта, что когда придёт время, мы ушли бы вместе… но исполнилась только первая часть её желания — один остался я… уйти вместе у нас уже не получится никогда…

С каждым днём приближался момент, когда тело Светланы исчезнет в пламени навсегда, исчезнет тот сосуд, в котором была её прекрасная и храбрая сущность. Всё в моей душе противилось этому, её тело — это всё, что у меня оставалось от неё в этом мире, и хотя я мог беседовать с её сущностью, мне этого было мало. Я часто вспоминал и вспоминаю слова Светланы о том, что она хочет увидеть победу света именно этими глазами, именно в этом теле, каким бы несовершенным оно бы и ни было, ибо мы прошли всё именно в этом теле, и именно в этих далёких от совершенства телах мы совершили и совершаем то, что ранее нашим сущностям не удавалось никогда, и не только нашим сущностям…

И вот наступила среда, 24 ноября — день, когда я в последний раз увижу свою Светлану своими собственными глазами. Мы с Александром подъехали к

моргу к девяти часам утра, чуть позже подъехала машина из похоронного бюро, и начались последние приготовления к похоронам. Я привёз одежду Светланы и передал работникам морга. Через минут десять-пятнадцать мне разрешили последнее свидание. Светлана уже лежала в гробу, и это выглядело совершенно неестественно для меня… Но реальность оставалась реальностью… Ещё пару дней назад я отрезал часть волос Светланы и, не зная, будет ли такая у меня возможность, попросил работника похоронного бюро сделать то же. Перед тем, как закрыть крышкой гроб навсегда, он начал отрезать ножницами волосы, и я попросил отрезать её хвостик полностью, что он и сделал. После чего я сам расправил её волосы так, чтобы даже после такой «стрижки» лицо Светланы красиво обрамляли её прекрасные волосы… Волосы Светланы…

Несколько лет назад ей сделали очень плохо причёску, и сделал именно французский парикмахер, который, видно, позавидовал её прекрасным волосам. После чего ей пришлось сделать ещё одну стрижку, чтобы исправить причёску, после чего волосы стали довольно-таки короткими. И тогда Светлана обратилась ко мне с вопросом, смогу ли я ей вырастить волосы вновь, как это сделал Ричард своей суженой Келен, в книге Терри Гудкайнда «Правила волшебника»? Я сказал, почему бы и не попробовать… и стал работать с этим. Несмотря на непрерывные стрессы, которые не способствуют хорошему росту волос, а совсем наоборот — стрессы часто становятся причиной, почему человек теряет свои волосы, мне удалось это сделать. Правда, смерть Светланы не позволила мне вырастить волосы такие, какие хотела Светлана, но, тем не менее, удалось уже сделать в этом направлении довольно много. Буквально дней за десять до убийства Светланы она села перед камерой с распущенными волосами. Её прекрасные волнистые волосы, переливаясь в тусклом свете настольной лампы, каскадами падали на плечи, на грудь… Светлана мне сказала, что её волосы уже ниже пояса и продолжают расти, что само по себе было невероятным даже для неё. Светлана ещё говорила о том, что теперь она может окончательно придать своим волосам ту форму, которую она хочет, и тогда я могу продолжить выращивание её волос… И вот теперь её прекрасные волосы в очередной раз обрезаны неумелой рукой, но на этот раз — не по злому умыслу…

Когда тело Светланы переложили в гроб, её руки оказались открыты, и я взял её правую руку, и она легко поддалась, я поцеловал её руку, потом взял её пальцы и скрестил со своими и прижал к своему лицу. При этом в пальцах не было никакого окоченения, они были только прохладными и... никакого окоченения... Её пальцы оставались гибкими, как у живого человека. Наверное, позже церковь объявила бы её мощи нетленными, но никто и никогда не сможет использовать в своих целях тело Светланы. Она, по традициям наших предков, хотела, чтобы её тело после смерти было сожжено…

Минут через десять появилась комиссар полиции, и когда крышка гроба была намертво закреплена на её глазах шурупами, она опечатала воском гроб… и в таком состоянии его увезли в здание крематория. Мы на своей машине проследовали за машиной похоронного бюро и внесли в наш навигатор место-

положение крематория. До прощальной церемонии оставалось ещё три часа, и мы решили вернуться в Замок. В Замке меня уже ждала Фредерик с цветами, которые я попросил её заказать. Первого декабря 2010 года исполнялось 19 лет со дня нашей свадьбы, и я попросил Фредерик заказать 19 орхидей лимонного и зелёного цвета. Светлана очень любила орхидеи, особенно такие, с огромными прекрасными цветами. А 15 декабря у Светланы должен был быть День Рождения, и я попросил заказать ещё и огромный букет жёлтых роз…

На прощальную церемонию приехало немного людей — те, кто уже знал о её гибели. Я не стал сообщать нашим друзьям о похоронах, и в 14 часов дня в траурном зале собралось всего несколько человек. На гроб с телом Светланы я положил все цветы, так же, как и цветы всех остальных, кто пришёл проводить её в последний путь. Всё было в прекрасных цветах. Она сама была прекрасным цветком жизни и уходила в окружении прекрасного. Служащий похоронного бюро сказал обычную в таких случаях речь на французском языке, даже не понимая, какого необычного человека — женщину-воина — он провожает своими стандартными словами, но это было неважно, важно было то, что каждый из присутствовавших чувствовал в своей душе… в силу своего понимания того, кем была Светлана. Все пришедшие люди искренне скорбели о ней. Вся церемония продлилась минут двадцать, после чего гроб с телом Светланы плавно опустился в зал крематория, правда, пришлось сначала снять часть цветов. Я хотел, чтобы все цветы ушли в пламя вместе с телом Светланы, но орхидеи были такие огромные, что мешали работе автоматики печи. Поэтому на гробе с телом Светланы остались россыпью только жёлтые розы — розы, которые были для её Дня Рождения. Когда всё было подготовлено… раскрылось зево печи крематория, и гроб с телом Светланы медленно ушёл в пламя, окружённый жёлтыми розами… Прекрасный цветок жизни, каким была и есть Светлана, точнее — её физическое тело — уходил, окружённый прекрасными цветами… Через минуту заслонки печи сомкнулись, навсегда отрезав от окружающего мира то, что ещё совсем недавно было телом самого дорогого для меня человека…

Конечно, это было только физическое тело. Всё, кем и чем была Светлана, не сгорело в пламени, но… но… вместе с этим телом сгорело что-то неуловимо особенное, что-то уникальное, что-то неповторимое… Всякий, внимательно прочитавший её так и не законченную книгу, поймёт, что я имею в виду. И хотя повествование её книги было оборвано убийцами на её воспоминаниях детских лет, и она так и не успела поведать людям летопись своей жизни, но, но… даже в свои детские годы Светлана проявила такие качества души, характера, самоотверженности и чистоты, такой характер воина, которые мало кому удавалось выработать и за всю свою жизнь. А ведь это было только начало жизни Светланы… Как много мы не узнаем удивительного о её жизни, так как враги не дали ей такой возможности, но даже то, что Светлана успела написать в своей первой и незаконченной книге, не только удивительно своей глубиной и содержанием, но и прекрасно передано ею на изумительно красивом и богатом русском языке…

После похорон все приехали в Замок и почтили память Светланы. Любимые её орхидеи и остальные цветы окружили фотографию Светланы в одном из залов Замка. Её фотография, на которой Светлана полна жизни и радости в окружении прекрасных цветов, не могла оставить равнодушным любого, кто видел это сочетание. Обычно после смерти человека его фотографии становятся «пустыми». Фотография всегда связана с человеком, и после его смерти и выхода сущности из тела исчезает связь сущности с фотографией, так же, как и с физическим телом. Умеющие это видеть и чувствовать могут это определять. Это как по фотографии или какой-нибудь личной вещи можно сказать о том, жив ли этот человек или нет, и даже точно определить его местонахождение. Так вот, все фотографии Светланы и после её гибели остались живыми… Вполне возможно, это связано с тем, что я «привязал» её сущность к себе, как она просила, а вполне возможно и потому, что её тело было восстановлено и находится в Лунной долине, где обитают все восстановленные наши друзья, после того, как они погибли в этой невидимой войне с паразитами. И она не только живая на своих фотографиях, но её присутствие в фотографиях не уменьшается, а наоборот, увеличивается…

Светлана… Светлана, сколько невероятных способностей и талантов соединила в себе она. В один из приездов Светланы на Мальту ей разрешили посетить мальтийскую президентскую библиотеку, которая раньше была библиотекой магистров Мальтийского ордена, и в которой было собрано огромное число уникальных манускриптов. Так вот, Светлане принесли несколько таких манускриптов, и где-то через полчаса она попросила принести ей ещё. На неё посмотрели с удивлением и спросили Светлану о причине изменения её желания ознакомиться именно с этими манускриптами. Разве ей принесли не то, что она заказывала? Светлана ответила, что она очень признательна и ей принесли то, что ей было нужно, но она уже всё прочитала… Её слова ещё больше удивили служителей библиотеки, и, видя на их лицах удивление и недоумение, Светлана предложила им открыть любую из этих книг на любой странице и сказать ей, с какого абзаца они хотят, чтобы она продиктовала написанное в книге. И когда ей назвали страницу и абзац, Светлана по памяти воспроизвела написанное там! Удивлению и недоумению служителей библиотеки не было предела, и когда Светлана через другие тридцать-сорок минут попросила их принести ей ещё книг, уже никто не спрашивал её о причинах такого странного желания…

Я тоже могу передать суть изложенного в книге или письме, не раскрывая их, но я никогда не мог воспроизвести всё дословно из прочитанной таким образом книги или документа. Что получалось и получается у меня, так это в течение нескольких минут просмотреть сотни страниц и остановить своё внимание именно в том месте книги, которое я ищу, или которое мне нужно, но я никогда не воспроизводил содержания пропущенных моим вниманием страниц. Это тоже позволяло мне работать с книгами очень быстро, но то, что могла Светлана — было чем-то невероятным. Она по своему желанию могла возвратиться мысленно к тому времени, когда она быстро просматривала страницы, остано-

виться на нужной странице, и уже в нормальной скорости прочитать написанное в книге, в то время когда книги не было в её руках.

Это примерно так же, как она смещалась в своё собственное прошлое и переживала вновь то, что случалось с ней в детстве, а не вспоминала свои детские годы, как это обычно делают все остальные. Именно благодаря этой её способности она смогла передать дословно не только то, что случилось с ней самой, но и то, чему она стала свидетелем. Именно благодаря этому ей удалось воспроизвести с присущим ей уникальным писательским даром повести всех её героев детских лет, включая Радомира и Магдалину…

Когда мы были вместе со Светланой на Мальте по приглашению на Президентский бал в конце июля, в начале августа 1997 года, там произошло необычное событие. Тёмные силы нашли вариант блокировки сущностей высокого уровня. Сначала носителям альфа-генетики или, как написано о таких людях в Ветхом Завете — сильным людям народов — навязали идею безбрачия и служения чуждому Богу в военных орденах, в основном для младших сыновей аристократических фамилий. При этом у большинства из них не только не было своих детей, но и ещё их сущности высокого уровня обрекались на вечный плен в результате вечного привязывания этих сущностей к уже мёртвым телам. Погибших в боях, умерших от ран и от болезней, и вообще, умерших по естественным причинам мальтийских рыцарей, в частности, хоронили в каменных склепах или каменных мешках, в которых без доступа воздуха их мёртвые тела не разлагались, и сущности не могли освободиться от уже мёртвого тела и становились вечными пленниками этих каменных мешков.

Результатом этого было то, что многие и многие тысячи сущностей достаточно высоких уровней развития выпадали из круговорота сущностей, и вместо них в альфа-генетику внедрялись сущности значительно более низкого уровня развития, со всеми вытекающими из этого последствиями. И это приводило к довольно-таки быстрому вырождению альфа-генетики у многих народов и племён. Кроме этого, у наиболее выдающихся людей после смерти вырезали сердце и другие органы, и хоронили отдельно от тела… При этом мало кто знал, что вырезалось сердце и другие органы в соответствии с обрядами чёрной магии — Вуду! Но это преподносилось людям, как «священный» церковный обряд оказания высших почестей столь значительным людям! В результате этого у всех носителей этой генетики и их потомков оказывались слабые сердца и ослабленность, повышенная уязвимость именно тех органов, которые удалялись у далёкого предка…

Так вот, когда мы со Светланой были на Мальте, где в церквях и соборах люди ходили по могилам рыцарей мальтийского ордена, а у наиболее знатных из них там же были именные склепы, пленённые сущности обратились ко мне через Светлану с просьбой освободить их из самого страшного плена, который можно только придумать — плена, который для многих растянулся на многие столетия. В один из вечеров мы выделили для этого время, и я начал работать, чтобы освободить эти несчастные сущности из плена тёмных… Жаль, что мало кто мог

видеть это потрясающее зрелище, когда в вечернем небе над всеми островами Мальты в воздухе поднялись тысячи и тысячи светящихся сущностей, которые медленно, медленно поднялись над сушей и, удаляясь, растворились в небе. При этом можно было почувствовать даже физически небывалое облегчение, которое исходило от этих освобождённых сущностей…

После похорон Светланы 24-го ноября я решил проверить автоответчик домашнего телефона, потому что именно на него поступил убивший Светлану звонок… Я не стал это делать раньше, так как не был уверен, что я не среагирую на воздействие инфразвукового оружия без последствий, хотя уже и имел некоторый опыт «общения» с этим оружием, в прямом и переносном смысле этого слова. Мне нужно было быть уверенным, что я могу проводить Светлану в последний путь, а после того можно и рискнуть. Когда я остался один, чтобы случайно, в случае чего, никто другой не пострадал, я стал прослушивать запись сообщений… В нём были сообщения, которые специально сохранила Светлана ранее. Мои сообщения, которые я оставлял Светлане ночью с 12-го на 13-е ноября, были Светланой стёрты. Было два или три моих субботних сообщения до 6 часов вечера по московскому времени или до 4-х часов дня по французскому, а всех моих последующих сообщений, вплоть до 21.30 по московскому, просто не было… Их не было, и всё, хотя именно после 18 вечера по московскому времени я звонил ей по всем телефонам по несколько раз в час!!! Кто-то стёр все эти мои сообщения! Возникает вопрос: кто и зачем стёр мои сообщения? Ведь Замок был опечатан жандармерией, и никто в него не мог проникнуть, кроме жандармов и полицейских, которые обследовали Замок в поисках следов преступления… Значит, кто-то из них очень хорошо знал, как и чем убили Светлану, и в его задачу входило уничтожить единственную осязаемую улику убийства — запись убившего Светлану звонка. Но этот человек не знал точно, какое именно из сообщений было смертоносным, так как оно затерялось среди моих сообщений, которых было довольно-таки много. Искать среди них то сообщение, которое убило Светлану, означало прослушивание всех сообщений, которые были записаны на автоответчике, а это означало, что прослушивающий их ляжет ещё одним трупом, как только начнётся воспроизведение именно **ТОГО СООБЩЕНИЯ**! Этому человеку очень не хотелось перейти в состояние трупа, поэтому он стёр, не слушая, не только убившее Светлану сообщение, но и с десяток моих! Для меня это послужило ещё одним доказательством, которое подтвердило мне ещё и с этой стороны факт убийства Светланы…

После похорон я решил ознакомиться с содержимым компьютера Светланы. Я надеялся найти материалы, над которыми она работала и просто не успела завершить. Светлана делилась со мной своими планами на ближайшее будущее и радостно говорила мне о том, что ей удалось раскопать такие материалы, такие материалы и доказательства, что паразитам мало не покажется. Она просила меня сделать обложки для её будущих книг — **«Дети Солнца»**, **«Тамплиеры»** и **«Даария»**. Мы довольно-таки долго, незадолго до её убийства, говорили об этом, и я ей предложил подумать над тем, какими бы она хотела видеть обложки

этих своих книг. Светлана радовалась этому, как ребёнок, её глаза загорелись, в них появился задор, на какое-то время она забыла о гнетущих проблемах, которые тяжёлым бременем давили на неё, забыла о предательствах людей, которым она доверяла и которым открыла свою душу… Как редко в последнее время можно было видеть Светлану именно такой… Только когда мы работали вместе над той или иной проблемой, несмотря на усталость от огромной нагрузки, Светлана оживала и была самой собой. Работа и книги всегда делали её счастливой, несмотря на окружавшую нас черноту, которая особенно сгустилась после моего возвращения в Россию в 2006 году… Обо всём этом я ещё буду писать более подробно в своей автобиографии, если успею, но для Светланы начался почти сплошной ад именно после того, как я вернулся на Родину. Паразиты, чёрненькие всех мастей и видов просто взбесились после этого. Нам и раньше они устраивали «весёлую жизнь», но… после моего возвращения всё приняло вид непрерывных атак со всех возможных и невозможных уровней.

Почти не было дня за последние четыре года, чтобы не происходили нападения, как с других уровней, так и чисто земного. А часто эти нападения происходили одновременно на всех уровнях! И мне приходилось со всем этим разбираться вновь и вновь, и вновь… Разбираться и восстанавливать повреждения от нападений и Светлане, и самому себе. Но не успевали зажить «старые раны», как наносились новые удары, и потом опять, и т.д.

Светлана, несмотря на то, что ей было очень тяжело, несмотря на то, что это достало «до самых печёнок», не сдавалась, её не могли сломать, чтобы ни пытались делать. Да, у неё можно было увидеть слёзы на глазах, когда её предавали те, кому она верила, когда пытались обмануть, обхитрить… но всегда она вытирала эти слёзы досады, а не слёзы слабости и сражалась с врагами, как **ВОИН**… Светлана была и есть удивительный человек, удивительная женщина. Может быть, когда-нибудь я расскажу, кем на самом деле являлась и является Светлана там, в Большом Космосе, и что нам в этих земных телах удалось сделать…

Но сейчас не время, да и не поймут люди правильно, так как будет всё это лежать за гранью понимания людей, а всё, что лежит за гранью понимания, пугает не только маленьких детей, о чём писала в своей книге Светлана, но и детей больших… Только большие дети, уже полностью зашоренные паразитами, часто ведут себя ещё хуже, чем дети маленькие. Поэтому всему своё время…

Мне было очень грустно осматривать компьютер Светланы, грустно потому, что она уже не сможет сделать это сама. Как бы она исчезает из жизни каждую минуту, с каждым днём. Закрывается её счёт в банке, все официальные бумаги платежей за электричество, за воду, налоги и т.д. переоформляются на меня, так как без этого во Франции невозможно ничего сделать, даже если ты и хочешь… Её имя исчезает из счетов, которые приходят на адрес Замка, и, видя всё это, становилось очень грустно — был человек, и вот ничего уже не напоминает о человеке… И так происходит почти всегда, но… Светлана — это особый случай, после неё осталась её книга, пускай и не законченная, пускай о

наиболее интересных событиях Светлана так и не успела поведать людям, которые сердцем, самыми затаёнными уголками своей души почувствовали истину в том, что она писала и о ком она писала! И это врагам уже никогда не уничтожить, это уже им никогда не исказить и не извратить. Я искал в компьютере Светланы её новые материалы, о которых она мне говорила, но которые я ещё не видел, так как она обычно просила меня быть первым читателем глав её книги…

И вот… первой радостью было то, что я обнаружил в компьютере Светланы часть новой главы «Откровения»! Последние строки Светлана написала 7 ноября 2010 года, за неделю до своего убийства. Я соединил эту часть главы с той, что Светлана мне присылала раньше, и получилась довольно-таки хорошая часть главы, и, хотя глава так и осталась незавершённой, но даже то немногое, что Светлана всё-таки успела написать, завораживает, и безумно больно становится от того, что за этим уже больше ничего не последует…

Второй радостью было то, что я обнаружил довольно-таки большую часть новой книги Светланы **«Тамплиеры»**, и, хотя и эту книгу Светлана не успела завершить, но, даже незавершённая, эта книга станет следующей «бомбой», которая сорвёт ещё один покров лжи паразитов и восстановит добрые имена уничтоженных и оболганных, в лучших традициях этих самых паразитов, светлых воинов. Светлане удалось найти такие неопровержимые доказательства, что перед ними тускнеет и вянет всё то словоблудие, которое разлилось широченной рекой на десятках тысяч страниц сотен и тысяч книг на эту тему.

Паразиты, уничтожив реальных тамплиеров, извратили и исказили суть того, чем и кем была эта организация. Тамплиеры первыми поняли стратегию и тактику социальных паразитов и стали создавать в противовес им свою финансовую систему, и добились в этом направлении огромных успехов. Созданная тамплиерами финансовая система стала гораздо мощнее, чем та, которую создавали социальные паразиты. Поэтому, поняв, откуда веет для них ветер угрозы, они нанесли удар первыми, используя как свой инструмент своего послушного раба — Папу Римского и алчного, амбициозного и нищего Филиппа Красивого, французского короля. Именно тамплиеры первыми создали банки! После уничтожения тамплиеров социальные паразиты воспользовались этим изобретением тамплиеров, внеся в них паразитическую суть. И с тех пор контроружие тамплиеров стало верным слугой социальных паразитов. Очень много неожиданного и, прямо скажем, сенсационного удалось найти Светлане для этой книги. И хотя она так и останется незавершённой, но даже то, что Светлана успела написать — её очередной подвиг!!!

Светлана, Светлана — сколько всего ты ещё могла дать людям, сколько правды могла ещё донести людям, пропуская через себя всю боль и страдания тех, чьи имена очистились от грязи, благодаря тебе, сколько имён, незаслуженно забытых или специально замалчиваемых паразитами, ты открыла людям, и сколько ещё открыла бы, если бы не твоё убийство исподтишка!!! Мало кто знает, что в конце мая 2010 года был очень мощный удар по твоему мозгу, когда была практически полностью уничтожена твоя кратковременная память и стёрто

несколько месяцев долговременной памяти, и, если бы мне не удалось тогда остановить этот процесс, кто знает, к чему это бы привело! Мало кто знает, что в то время, как я восстанавливал повреждения мозга, удары со всех сторон не прекращались, и, несмотря на это, как только твоя память была восстановлена более-менее приемлемо, ты ринулась писать предпоследнюю главу «Откровения»!

Тебе ещё было очень тяжело, очень трудно после таких повреждений смещаться в прошлое, чтобы детально воспроизвести события далёкого прошлого, события, которые помогали и помогают людям проснуться, вновь почувствовать себя **ЧЕЛОВЕКАМИ**, а не безликой массой или быдлом, как за глаза называют людей паразиты. Ты спешила донести до людей правду, правду, которая страшнее атомных бомб и другого оружия, потому что правда раскрывает людям глаза, и людей уже нельзя после этой правды водить «за нос», потому что эта правда резонирует с людьми на уровне генетики, кроме, конечно, генетики социальных паразитов, которые от этой правды приходят в состояние бешенства, так как начинают понимать, что под их ногами начинает качаться земля, в то время, как они думали, что они уже победили полностью и без(с)поворотно…

Ты боялась только одного — что не успеешь завершить хотя бы повесть о подвиге Изидоры, которая стала и повестью о Радомире и Магдалине и их детях! Ты столько не успела сделать, столько великолепных идей, которые родились в твоей голове, так и остались мечтой, сражённой подлой рукой. Сколько планов, которые мы с тобой обсуждали, уже никогда не свершатся, потому что кроме тебя никто другой не сможет их осуществить! Часть из них я доведу до завершения, но… многое, многое, так и останется подло убитой мечтой…

А сколько всего замечательного так и останется никогда даже не произнесённым твоим замечательным голосом… А сколько людей ты могла бы ещё спасти той правдой, которую ты так и не успела донести до людей. Всё это ты делала ради других, взамен получая ненависть врагов и благодарность друзей, которых становилось всё больше и больше, по мере того, как люди читали твою ещё не завершённую, а теперь так и оставшуюся незавершённой книгу!!! Мало кто знает, что в июле, ещё не совсем оправившись от того удара и многих последующих, ты, собрав все силы, помогала мне уничтожать климатическое и геофизическое оружие 20 и 22 июля 2010 года, когда социальные паразиты хотели поджарить, в самом прямом смысле этого слова, центральную Россию и уничтожить несколько миллионов человек. А потом холуи социальных паразитов во все глотки кричали о том, что всё происходило само собой! И вообще, оказывается, что летом 2010 года было очень «активное» Солнце, что и послужило причиной того, что была такая аномалия жары в центральной России!

И что самое интересное во всём этом, так это то, что разбушевавшееся Солнце «почему-то» выжигало только центральную Россию, а весь остальной мир даже не догадывался о том, что наше светило разбушевалось! И как было приятно, когда буквально через пару часов после работы по уничтожению этого античеловеческого оружия на иссохшую землю пролились крупные капли

сильных летних гроз, когда с неба льются сплошные струи воды! Конечно, эти ливни пролили свою воду не везде, но... процесс пошёл, как говорил в своё время последний генеральный секретарь коммунистической партии СССР — Михаил Сергеевич Горбачёв! И действительно, процесс пошёл, с каждым днём всё больше и больше ливневых летних гроз проливали свои воды на покрытую трещинами землю. А после уничтожения геофизического оружия 22 июля антициклон пришёл в движение, а не продолжал неподвижно стоять до декабря, как обещали «специалисты»...

Даже после твоей гибели, даже фактом своей гибели ты продолжаешь бороться с паразитами, ты страшна для них и после смерти, когда они увидели, что люди только ещё больше прониклись той правдой, которую ты несла и продолжаешь нести… И неслучайно паразиты, испугавшись реакции на твоё убийство, стали публиковать интервью с псевдо-Светланами, которых оказалось даже несколько, и неслучайно паразиты, через своих холуев-провокаторов, типа Малышева и Ко, пытались облить тебя грязью, нагло фальсифицируя всё и вся! Но не знали все они, что и после смерти ты продолжаешь сражаться с ними, не знали они, что ты оставила после себя такую бомбу, что все их потуги облить тебя грязью испарятся мгновенно, в то время как всем станет ясно, кто же такие на самом деле господа малышевы, и кому они служат…

Моё послесловие не может быть без(с)конечным, но это не значит, что повествование о тебе прекратится, когда я поставлю последнюю точку в этом тексте. Отнюдь нет! Я продолжу повесть о тебе в своей автобиографии, так как наши с тобой биографии переплелись настолько тесно, что стали одним целым и продолжают им быть…

Николай Левашов,
13 января 2011 года

P.S. Мы со Светланой говорили и о последней главе её первого тома «Откровения», в которой она завершала повесть об Изидоре. К сожалению, Светлана так и не успела записать эту главу, но я передам всем читателям этой книги завершающие штрихи судьбы этой удивительной женщины своими словами. Так что прошу не судить строго, я не могу писать за Светлану:

...Вот и наступил день казни Изидоры. Караффа не приказывал пытать её, так как боялся, что останется без своих послушных палачей. Да и нужно ему было получить от Изидоры секрет физического без(с)смертия, а переломанные кости и изуродованное тело в этом деле были плохими помощниками, особенно, учитывая характер мадонны. Караффа понимал, что если он не смог сломать её пытками и гибелью близких ей людей, пытать Изидору не имело никакого смысла. Он не был глупцом и поэтому рассчитывал, что только угроза умереть самой может заставить её согласиться с его требованием. Он, как и многие другие, мерил всех и вся по своей собственной мерке — одно дело наблюдать за смертью в огне других, а другое дело — самому гореть в костре инквизиции...

День казни Изидоры выдался солнечным, лучи Солнца ласково касались лица Изидоры, нашёптывая ей: «...ты нас не бойся...». Щебетали птицы, передавая друг другу печальную весть о предстоящей казни, травинки и былинки шёпотом сообщали всем о всё той же казни Изидоры. Лёгкое дуновение ветерка касалось чудесных волос Изидоры, развевая их, и создавалось впечатление, что они ожили и светятся изнутри в лучах Солнца. Изидора была прекрасна в лучах Солнца и как бы была сама наполнена светом.

Её везли в открытой повозке к месту предстоящей казни. На площади, где должна была состояться её казнь, собралось много зевак, но среди тех, кто пришёл посмотреть на то, как будет «гуманная» церковь сжигать заживо человека во имя Бога, не нашлось ни одного, который бы бросил в Изидору камень, гнилой овощ или фрукт. Её прекрасное лицо, весь её светоносный облик у любого любителя подобных «развлечений» сразу гасил желание покуражиться над приговорённой к сожжению заживо женщиной.

Караффа тоже наблюдал за приготовлениями к казни. В его дьявольском мозге ещё теплилась надежда на то, что в самый последний момент мадонна Изидора не выдержит и согласится открыть ему секрет вечной жизни. И вот Изидора привязана к столбу, и всё готово к сожжению, палачи ждали только его сигнала к началу казни. Толпа зевак вела себя очень странно. Не было никаких криков, насмешек, столь часто сопровождающих подобные зрелища. На площади, где должна была произойти казнь, стояла полнейшая тишина. Изидора и привязанная к столбу оставалась величественной и прекрасной. В её глазах не было страха, а только вселенская грусть.

Весь её облик, гордо поднятая голова не могли оставить равнодушным ни одного человека, пришедшего на эту площадь. Среди толпы раздались сначала робкие крики: «...Помиловать её! В чём её вина?!» И вскоре уже вся толпа взорвалась криками, требующими отмены казни. Именно этого момента и дожидался Караффа, чтобы предпринять свою последнюю попытку заполучить желаемое — секрет без(с)смертия. Он подошёл к привязанной к столбу Изидоре и тихо сказал ей:

— Мадонна, видите, даже толпа не желает видеть Вас объятой пламенем костра... Давайте сделаем всех счастливыми, Мадонна. Толпа будет счастлива тем, что спасла Вас от костра инквизиции, и будет ликовать от осознания преодоления своего страха перед святой инквизицией и победой. Я получу без(с)смертие и тоже буду счастлив! Вы, Мадонна, останетесь живой, и никто не посмеет упрекнуть Вас в предательстве или трусости. Ведь все будут думать, что Вас освободила толпа... Так что решайте, Мадонна, я не могу ждать целую вечность Вашего ответа, факелы палачей уже зажжены, и Вам стоит поспешить с Вашим ответом, я и так проявил терпение и уже слишком долго ждал Вашего решения...

Изидора посмотрела ему в глаза и улыбнулась, и эта улыбка сказала Караффе всё... он понял, что Изидора никогда не даст ему секрет без(с)смертия.

Он разочарованно взмахнул рукой и отошёл от приготовленной к казни Изидоры...

— Приговорённая к сожжению не желает покаяться в своих прегрешениях, и я вынужден отдать приказ начать казнь, как бы мне и не было жаль это делать, — сказал Караффа, обращаясь к толпе, и после этого он взмахнул рукой...

Послушные его воле палачи поднесли пылающие факелы к соломе, и вскоре появились первые языки пламени... Сухие дрова разгорались очень быстро, и лёгкий порывистый ветер, который ещё совсем недавно ласкал волосы Изидоры, сейчас раздувал смертоносное пламя... Как любила Изидора смотреть на живой огонь камина, когда весёлые языки пламени радостно кидались на очередное полено, брошенное в камин ... А теперь такие же языки пламени медленно, но верно подбирались к ней самой и с такой же радостью готовы были превратить в пепел её тело...

Изидора не боялась смерти, она была готова к ней уже давно, точнее, она умирала уже не первый раз: когда умер её отец, её любимый муж и её чудесная девочка... Она умирала каждый раз, когда этот дьявол в папских одеждах уничтожал одарённых людей сотнями и тысячами. И поэтому её собственная жизнь для Изидоры была важна до тех пор, пока она могла бороться с этим монстром, и единственное, что ей удалось — выстоять самое страшное: наблюдать за казнью близких ей людей и не сломаться.

Единственное, о чём жалела в этот момент Изидора, так это о том, что так и не смогла уничтожить этого монстра в человеческом обличии... Его защита осталась непробиваемой, несмотря на многочисленные её попытки. Тем временем пламя уже подобралось к её ногам, начала тлеть одежда, ещё совсем немного — и она превратится в пылающий факел... Изидора не стала дожидаться этого момента... Она сосредоточилась на своём сердце и силой своей мысли заставила его сокращаться всё реже и реже, и вот... её сердце дёрнулось последний раз… и остановилось навсегда...

Изидора быстро и легко покинула своё тело и уже со стороны наблюдала, как жадные языки пламени стали пожирать тот сосуд жизни, который она только что покинула... Изидора не стала дожидаться того, как сгорит в пламени её тело. Она обратила взор на своего врага... Караффа с досадой наблюдал за тем, как в пламени костра сгорает его надежда стать без(с)смертным. Он так и не смог сломать эту женщину... Его лицо как-то сразу осунулось и постарело... Именно таким его увидела Изидора, покинув своё тело... и увидев, поняла, как устроена защита Караффы...

Его защита была построена на магии мёртвых, и только покинув своё тело, Изидора смогла увидеть это... Как же она не могла этого понять раньше! Всё-таки Тёмные мыслят совсем по-другому... Но теперь она знала, и она не стала медлить! Пока ещё она была полна силы, пока ещё её горевшее в пламени костра тело выбрасывало жизненную силу, она была полна силы... Изидора стала быстро расплетать узоры непробиваемой ранее защиты Караффы, и

вскоре эта защита полностью исчезла... И вот наступил момент истины и справедливости... Изидора никогда не думала, что это случится после её смерти, но... важно было то, что она наконец-то получила шанс остановить этого папу-монстра. Она собрала всю свою боль, всю свою скорбь по уничтоженным Караффой одарённым и нанесла по нему удар... В этот удар Изидора вложила всю ту нерастраченную любовь матери, жены, дочери, всю нерастраченную веру в светлое, и выплеснула всё это на Караффу. Караффа неожиданно для всех сначала схватился за свою голову и, свалившись на мостовую, стал извиваться на мостовой, как змея, продолжая держаться своими руками за голову, как будто кто-то её у него пытался оторвать... При этом он издавал какой-то нечеловеческий вой, который постепенно затихал и вскоре совсем затих, так же, как затих и сам Караффа.

На площади, где ещё продолжало догорать тело Изидоры, воцарилась мёртвая тишина... сначала никто ничего не понял, не все ещё видели, что ненавистный всем Папа мёртв — мертвее не бывает. А когда всё-таки поняли, что же всё-таки произошло, толпа просто взорвалась криками и проклятьями в адрес Папы. Мёртвым его уже никто не боялся... В толпе раздались призывы к погрому Папского дворца, и вся толпа хлынула в резиденцию Папы. Толпа была похожа на селевый поток, который на своём пути всё превращал в хаос. Изидора наблюдала, как толпа смела охрану дворца и кинулась громить не только бюсты Пап, но и непревзойдённые произведения искусства...

Изидора с грустью смотрела на то, как ценнейшая и уникальная библиотека, собранная Караффой, была уничтожена толпой в мгновения ока. Ценнейшие рукописи и книги с какой-то звериной радостью бросались людьми в огонь, разрывались на части, топтались ногами, она наблюдала, как накопленный страх перед Папой-деспотом выливался на уникальные полотна мастеров, как многие стали совать в свои карманы всё более-менее ценное по их понятиям, не понимая, что они уничтожают именно самое ценное из того, что было в папском дворце — рукописи, книги, картины...

Наблюдая за всем этим, Изидора понимала, почему Север ей говорил о том, что люди ещё не готовы, что ещё не пришло время, и в то же самое время она понимала, в чём Север и все остальные были не правы! Если ждать, когда люди будут готовы, то это никогда не произойдёт! И именно в этом была основная ошибка Светлых, и ей стало грустно от понимания этого... Тёмные выигрывали уже тем, что не ждали нужного времени, они действовали в любых обстоятельствах... и пока Светлые Силы не поймут этой простой истины, Тёмные Силы всегда будут побеждать...